И. Сулакш

СОЦИАЛЬНАЯ
МЫСЛЬ РОССИИ

Питирим
Александрович
СОРОКИН

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И КАРА, ПОДВИГ И НАГРАДА

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЭТЮД ОБ ОСНОВНЫХ ФОРМАХ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ И МОРАЛИ

Астрель
МОСКВА
2006

УДК 316.3
ББК 60.5
С65

Серия «СОЦИАЛЬНАЯ МЫСЛЬ РОССИИ» издается по решению Ученого Совета социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Редакционный совет :
В.И. Добреньков (председатель),
Г.В. Осипов (зам. председателя), В.В. Сапов (зам. председателя),
Ю.Н. Давыдов, А.И. Кравченко, К.А. Радовицкий

Отв. секретарь серии — Б.Л. Рубанов

Сорокин, П.А.

С65 Преступление и кара, подвиг и награда : социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали / Питирим Александрович Сорокин; вступ. статья, сост. и примеч. В.В. Сапова. — М.: Астрель, 2006. — 618, [6] с.

ISBN 5-271-13279-X (Социальная мысль России)
ISBN 5-271-13280-3

Книга П.А. Сорокина (1889—1968) «Преступление и кара, подвиг и награда» — первое крупное произведение 24-летнего ученого. Сразу же после своего выхода в свет (1913, на титуле — 1914) оно было высоко оценено русской научной общественностью как выдающийся вклад в отечественную и мировую социологию. Автор предисловия к этой книге, крупнейший русский ученый того времени, учитель П.А. Сорокина — М.М. Ковалевский — выражал уверенность, что в будущей русской социологической библиотеке не один том будет принадлежать перу его ученика. Пророчество учителя оправдалось, и даже с избытком: его ученик написал несколько десятков солидных монографий и несколько сот статей, но, к сожалению, не для «русской социологической библиотеки», а для американской. В 1922 г. П.А. Сорокин был выслан из советской России и с 1923 г. до самой смерти жил в США, где стал одним из выдающихся социологов того времени. Сейчас его труды — а значит, и он сам — возвращаются на родину, и с каждой его книгой становится все ясней, что, несмотря на английский язык, Сорокин и по своему духу, и по ментальности, и даже по кругу интересов — типично русский ученый начала XX века. Первая его книга, хотя и написана почти сто лет назад, во многом и по сей день не утратила своей актуальности. «Несовпадение шаблонов поведения» (основная причина преступности, по Сорокину) может помочь и в наше время разобраться в причинах многочисленных межэтнических и религиозных конфликтов.

Книга адресована тем, кто интересуется социологией, философией, правом, социальной мыслью России начала XX века, научным творчеством П.А. Сорокина.

© В.В. Сапов, составление, вступительная статья, комментарии, 2006
© ООО «Издательство Астрель», 2006
© МГУ им. М.В. Ломоносова, социологический факультет, 2006

ISBN 985-13-7426-1 (Харвест)

В НАЧАЛЕ «ДЛИННОГО ПУТИ»
(Первая книга Питирима Сорокина)

Книга, которую открыл читатель, еще один подарок из «старого, доброго, мирного времени», из 1913 года, того самого, «по сравнению с которым...». И это по-своему символично. По сути дела, 1913 год был последним годом XIX века, а в более широком смысле последним годом целой творческой эпохи, интеллектуальные завоевания которой еще как следует не осмыслены, не измерены (да и вряд ли могут быть измерены), не усвоены. А в 1914 году началась мировая война, начался XX век, который с какой-то поистине сатанинской яростью принялся за уничтожение всего накопленного и достигнутого в век предыдущий и почти весь был потрачен на разрушение. Для России этот начавшийся «сатанинский век» означал крушение тысячелетней истории, физическое истребление лучших представителей нации, умственную и нравственную деградацию и одичание уцелевших. В результате этой чудовищной, невиданной в истории самоистребительной бойни мы оказались к исходу XX века в буквальном смысле слова «голыми людьми на голой земле». Какое же «преступление» мы совершили? За что нам такая «кара»? По-видимому, весь начавшийся XXI век, по крайней мере, значительная его часть, уйдет на то, чтобы ответить на этот один-единственный «простой» вопрос. Но для этого нам потребуется собрать по кирпичикам, по крупицам, по мельчайшим частицам все, что разрушили в порыве слепой и безумной ярости зараженные «трихинами» отцы и деды. Собрать и восстановить. В каком-то непонятном еще смысле нам придется вернуться в тот счастливый и страшный по своим апокалип-

сическим предчувствиям 1913 год, которым все счастливое закончилось и после которого все страшное началось...

Для путешествия по тем кругам ада, которые начались для российской истории с 1917 года, лучшего Вергилия, чем Питирим Сорокин, пожалуй, не найти. Он свидетель и участник всех «трех» русских революций, причем в качестве участника он занимал по отношению к событиям именно ту дистанцию, которая обеспечивает наиболее отчетливое их видение: он был почти в эпицентре, лично знал почти всех главных действующих лиц этой мировой трагедии, не будучи сам одним из них, но не будучи в то же время и посторонним. А «социологизм», присущий его мышлению, позволял ему давать моментальную научную оценку происходившего и строить прогнозы на будущее, которые почти все, увы, и оправдались в скором времени.

Он был достаточно молод в 1917 году (28 лет), что придает его суждениям и оценкам удивительную свежесть, которой не находим у многих, кому впоследствии довелось писать мемуары, но и достаточно зрел, что позволило ему избежать и послефевральского «опьянения свободой», и послеоктябрьского отчаяния. А сама его личность, в которой находим своеобразное, хотя не такое уж и редкое для России, сочетание черт Джека Лондона и Достоевского, делает его весьма обаятельным рассказчиком и внушает доверие.

Наконец, и социальное происхождение Питирима Сорокина не может, по-видимому, не импонировать современному читателю. Он сын русского ремесленника и зырянской крестьянки, рано осиротевший, рано начавший самостоятельную трудовую жизнь; к нему вполне приложимо некрасовское «По своей и Божьей воле стал разумен и велик».

Рассказывать биографию П.А. Сорокина — трудное и неблагодарное занятие (хотя по-своему и привлекательное). Ф.М. Достоевский высказал как-то замечательную мысль: «Жить — значит сделать художественное произведение из самого себя». Питирим Сорокин такое произведение из себя сделал. И сам рассказал об этом. В 1963 году в Америке (на английском языке) вышла его автобиография «A Long Journey» («Длинный путь»). Книга эта читается как увлекательнейший приключенческий роман — «залпом», на одном дыхании, поэтому перелистаем ее хотя бы по диагонали...

Большое искушение начать так: «Питирим Александрович Сорокин родился 23 января 1889 года в далеком северо-западном углу России в бедной крестьянской семье». «Звериная уездная глушь...» А дальше к нашим услугам биографическое (точнее бы сказать, «мифологическое») клише, созданное «буревестником революции»: «детство» — «в людях» — «мои университеты». Говоря по совести, эта биографическая схема не приложима и к самому ее создателю, и уж тем более — к Питириму Сорокину, который родился хотя и в простой, но вполне обеспеченной семье: его отец имел патент «золотых, серебряных и чеканных дел мастера». Мать его, зырянка по происхождению, умерла, когда Питириму было три года, и это горестное событие во многом предопределило его дальнейшую судьбу. После смерти матери, рассказывает П.А. Сорокин, отец начал пить и в периоды запоя напивался до белой горячки: один раз ему показалось, что из печки вылезают черти, в другой раз он схватил молоток и набросился на сыновей: старшему, Василию, досталось по руке, а Питириму он рассек верхнюю губу (от чего остался шрам на всю жизнь). Братья убежали из дому, и с тех пор для Питирима (ему было в ту пору одиннадцать лет) началась самостоятельная трудовая и кочевая жизнь. Братья Сорокины унаследовали от отца профессию: как и он, они стали кочевыми ремесленниками, реставраторами церквей и церковной утвари. Тем не менее, об отце Питирим на всю жизнь сохранил очень теплые воспоминания.

В советское время бытовала апокрифическая легенда о том, как Питирим Сорокин обучился первоначальной грамоте. Якобы какой-то купец на ярмарке за рубль (!) показал Питириму буквы, и он тотчас же начал писать, а через совсем ничтожное время, чуть ли не через пару лет, стал профессором, редактором эсеровской газеты и т. д. и т. д. Все это выдумка от начала и до конца. В своей автобиографии «A Long Journey» П.А. Сорокин пишет, что он не помнит, когда он выучился искусству three R's, т. е. читать, писать и считать. Он предполагает, что этому его научил отец. В одном только отношении легенда, пожалуй, права: путь Сорокина от «простого деревенского парня»* до вершин отечественной и ми-

* В одном из своих писем из Америки, адресованных тетке Анисье (в детстве заменившей ему мать), П.А. Сорокин писал: «Я из простого деревенского парня стал ведущим ученым не только Европы, но и Америки...» Цит. по: *Липский А.В., Кротов П.П.* Зырянский след в биографии Питирима Сорокина // Социологические исследования. 1990, № 2, с. 133. Здесь же уточняется место рож-

ровой науки был сказочно, неправдоподобно стремителен. Но, зная о том, что в конце прошлого века зыряне по уровню грамотности населения стояли в России на третьем (!) месте после немцев и евреев*, не будем удивляться, что П. Сорокин получил вполне приличное начальное образование. В 1901 году он окончил церковно-приходскую школу, в 1904-м — Гамскую второклассную школу (где на пятерых выпускников приходилось пять учителей: факт, уже сам по себе говорящий о многом) и поступил в церковно-учительскую школу в деревне Хреново Костромской губернии. Здесь он впервые встретился со своим лучшим другом Н.Д. Кондратьевым, с которым они до самой высылки Сорокина из России шли по жизни почти что рядом. Здесь же, в Хренове, в 1905 году Сорокин вступил в партию социалистов-революционеров. К тому времени он был уже весьма начитан в области социально-политической литературы и выбор им партии эсеров был вовсе не случаен. «В противоположность марксистам», — вспоминал впоследствии Сорокин, — философия и социология эсеровской партии были гораздо более идеалистическими и интегральными. Они подчеркивают в первую очередь роль творческих идей, волевых усилий, борьбу за индивидуальность в противоположность борьбе за существование и важность неэкономических факторов, обусловливающих социальные процессы и человеческое поведение. Эти философские и социологические взгляды объясняют мою приверженность партии эсеров и иммунитет против идеологии марксистов»**.

Наверное, и Гамскую школу Сорокин окончил бы так же успешно, как и две предыдущие, но в 1906 году за участие в революционном движении он был арестован полицией и четыре месяца провел в тюрьме в г. Кинешма. Тюрьма оказалась легкой. Пити-

---

дения П.А. Сорокина: село Турья Яренского уезда Вологодской губернии (приблизительно в 120 км на северо-запад от Усть-Сысольска, ныне Сыктывкара Республики Коми).

* Как тут не вспомнить надменно-хрестоматийное «К зырянам Тютчев не придет»! По-видимому, существует какой-то всемирный нравственный закон, в силу которого никогда и никому не прощается такого рода презрительно-уничижительные слова в адрес другого народа. Написал как-то П.Я. Чаадаев, что японцы — всего лишь курьезное отклонение от прямой линии всемирного прогресса. Чуть больше века прошло с того времени, как были написаны эти слова, и японцы с полным основанием могут их переадресовать нам. Не говоря уже о «разных прочих шведах»...

** *Sorokin P.* A Long Journey. New Haven, Conn., p. 39.

рим Сорокин много общался здесь с другими политзаключенными, много читал, наблюдал и уголовников (эти наблюдения пригодились ему потом при работе над книгой «Преступление и кара»). Тюрьма имела лишь одно неприятное последствие: как неблагонадежный Сорокин был отчислен из Гамской школы и отдан под надзор полиции по месту жительства. Из-под надзора полиции Сорокин бежал в Иваново-Вознесенск, где под псевдонимом «товарищ Иван» вел революционную агитацию среди рабочих и крестьян.

Осенью 1907 года он отправился в Петербург и, прибыв в столицу («зайцем» и с полтинником в кармане), устроился с помощью первого профессора-зырянина К.Ф. Жакова на вечерние Чернявские курсы, окончив которые через два года, сдал экстерном экзамены за восемь классов гимназии. Получив аттестат зрелости, Сорокин некоторое время колебался относительно выбора своей будущей специальности: химия или социология? И относительно учебного заведения: Университет или Психоневрологический институт? Решение первой дилеммы в пользу социологии автоматически решило и вторую в пользу Психоневрологического института*. В то время это самое молодое и самое демократическое из высших учебных заведений России было единственным, в стенах которого был самостоятельный курс социологии (в университете социология была растворена в ряде смежных научных дисциплин), который читали крупнейшие ученые с мировым именем: М.М. Ковалевский и Е.В. Де-Роберти. Обстоятельства, однако, сложились так, что в Психоневрологическом институте Сорокин проучился лишь один год, после чего перевелся на юридический факультет Петербургского университета. Как всегда, Сорокин очень быстро выдвинулся в число лучших студентов. С 1910 года начинают регулярно появляться его научные публикации. Круг его научных контактов необычайно широк и включает таких светил

---

* Не думаю, однако, что это предопределило и его дальнейшую судьбу. Даже если бы молодой П.А. Сорокин выбрал химию, едва ли это отвратило бы его от политики, а следовательно, и от всего дальнейшего: борьбы с большевизмом, смертного приговора, высылки и т. д. Известно к тому же, что «химия и контрреволюция не исключают друг друга» (резолюция В.И. Ленина на ходатайстве в защиту проф. М.М. Тихвинского, расстрелянного по делу Петроградской боевой организации. См.: *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд., т. 53, с. 169).

Конечно, выбор социологии предопределил жизнь и судьбу П.А. Сорокина, но в другом — высшем смысле слова.

мировой науки, как И.П. Павлов и В.М. Бехтерев. Еще будучи студентом университета, он с благословения своих учителей начинает читать студентам младших курсов собственные лекции по социологии, одновременно с этим работая секретарем у М.М. Ковалевского.

Последний, надо сказать, почти сразу заметил необычайное научное дарование Сорокина и сыграл по отношению к нему ту же роль, что «старик Державин» по отношению к юному Александру Пушкину, т. е. «заметил и в гроб сходя благословил».

Годы общения с М.М. Ковалевским дали Сорокину чрезвычайно много, и дело даже не в том, что Ковалевский — крупнейший ученый (с 1914 г. академик), видный политический деятель, публицист и журналист. Этот человек был своего рода «окном» в европейскую и мировую науку, куда его выдающийся ученик устремился со всем пылом молодости. Со всеми крупнейшими, крупными и даже малоизвестными учеными-социологами Европы и Америки М.М. Ковалевский был знаком лично. «Стоило в наших беседах заговорить о том или другом авторе, — вспоминал Сорокин вскоре после смерти учителя, — и в большинстве случаев М.М. тут же приводил какое-либо воспоминание о нем, вынесенное из личного знакомства... Недаром один из его слушателей шутил: "Только Спиноза да Платон не приходились друзьями Максиму Максимовичу"»*.

Летние «вакации» учитель и ученик, как правило, проводили вместе: или отправлялись в этнографическую экспедицию, или уединялись в харьковском имении М.М. Ковалевского, чтобы здесь, вдали от мирской суеты, предаваться научным «штудиям». В одном из писем П.А. Сорокина сохранился интересный рассказ о такой поездке. «После длинных скитаний — из Москвы в Рыбинск, из Р[ыбинска] по Волге в Саратов, оттуда — в Харьков, 1-го июня мы прибыли к летней стоянке, т. е. в имение М.М., и вот уже пятый день живем в нем... Живем хорошо, тихо и мирно втроем — М.М., Юрий и я, не считая штата прислуги, рабочих и работниц, быстро приводящих в порядок кой-какие запущения. Имение — удивительно. Представь себе громадный сад (больше Летнего сада) с нежными серебристыми тополями, оливами, с громадными и старыми прудами и живой нестареющей речкой. На высоком месте, с оврагами и спусками. В середине сада — старый дворец Аба-

* Биржевые ведомости (утренний выпуск). 1916, № 15529, 30 апреля/13 мая, с. 2.

за, т. е. наш дом, большое дворянское гнездо с запущенным верхним этажом и с жилым — нижним, состоящим из целой анфилады громадных комнат, обставленных еще старинной мебелью, вычурной и сложной. Тени бывших владельцев еще чувствуются здесь, как чувствуется и вся былая жизнь крепостного периода. Немало, поди, событий совершилось в той комнате, где теперь я живу. А надо мной когда-то обитали крепостные балерины и певчие, в зале давались знаменитые балы, а в конюшнях и флигелях, поди, не раз пороли бывших рабов. Есть своя прелесть в такой обстановке. Она дает настроение. И теперь много баб и мужиков работает тут, приводя в порядок сад, аллеи, службы, флигеля. Бабы днем поют, и поют хорошо. Соловьи день и ночь им вторят. И как-то не у места чувствуешь себя — ученого, с книгами, озабоченного. Мы втроем диссонируем тут с обстановкой. Если снять нас, то можно еще довольно живо воскресить былой быт и создать иллюзию минувшего — тяжелого, но не лишенного красоты крепостного царства [...]. Если же нужна "цивилизация", то стоит выйти за пределы каменных (тоже старинных) ворот имения — и открывается станция*, железная дорога и пр. В первые дни шел дождь, и я чувствовал себя грустно. Теперь принялся за занятия, погода прекрасная — и доволен. Живем хорошо. Немного занимаемся вместе с М.М. Ведем легкомысленные разговоры, но пока что никого "жантильных" ["кокеток", т. е. вообще женщин. — *В.С.*] не видим, ибо в имении мы — как в крепости. Ради разнообразия завтра, быть может, поедем и в театр в Харьков. Одно время я хотел ехать на север [...] Кажется, однако, не поеду. М.М., конечно, не задержит меня, однако говорит, что ему грустно расставаться со мной, как с хорошим другом. Да и мне начинает нравиться здешний ритм жизни. Вот и теперь чувствую себя хорошо. В открытые окна несется аромат сада, небо темно-голубое, с висящими звездами, через узоры деревьев видны луга и белая колокольня церкви, принадлежащей к тому же имению. Стоит дойти до забора сада, и открывается море полей с высокой, уже колосящейся рожью. Вчера гулял тут и почему-то в голову пришли сами собой стихи:

Луна спокойно с высоты
Над белой церковью сияет

---

* Станция Пересечная в 25 км от Харькова; до 1991 г. в имении М.М. Ковалевского располагался санаторий «Березовские минеральные воды».

И пышных гетманов сады
И старый замок озаряет*.

Подходит, стоит только выбросить «гетманов». Утром же, просыпаясь, вижу лазурь неба, яркое солнце и зелень сада, через окна несется концерт соловьев. Быстро встаю, иду через сад, дохожу до речки — и купаюсь... Вообще есть простор для настроений [...] Встаю рано, часов в 6-7. И М.М. — тоже. За кофе на террасе болтаем, затем — каждый садится за занятия, кому где вздумается. В час обедаем, в 7 ужинаем, до 8-9 болтаем или гуляем — а там на покой [...] Хорошо вообще жить. Чем дольше я живу, тем больше от удивления хлопаю глазами. Куда еще жизнь закинет и что еще она преподнесет? Будем жить — увидим»**.

Ждать оставалось недолго, но прежде, чем перевернем следующую страницу жизни П.А. Сорокина, следует, пожалуй, сказать еще об одной стороне деятельности М.М. Ковалевского, о которой его ученик умалчивает, но которая тем не менее бросает некоторую тень и на него самого. Дело в том, что М.М. Ковалевский был одним из виднейших русских масонов начала XX века. Своим возрождением в России масонство (изгнанное и запрещенное еще Александром I) обязано именно М.М. Ковалевскому. В 1887 году он вместе с П.Н. Яблочковым (изобретателем электрической лампочки) открыл в Париже масонскую ложу «Космос», а в начале 1906 года получил разрешение от «Совета Великого Востока Франции» открыть масонскую ложу в России, которая и была открыта в ноябре 1906 года. Видным масоном был и другой учитель П.А. Сорокина — Е.В. Де-Роберти. По-видимому, через своих учителей вовлеченным в масонство оказался и Сорокин, что обеспечило ему (помимо всего прочего) не только стремительное продвижение в науке, но впоследствии и довольно видный (с учетом его молодости, разумеется, а пожалуй, и происхождения) пост во Временном правительстве (напомним, что масоном был и «премьер» А.Ф. Керенский)***.

---

* Цитата из поэмы А.С. Пушкина «Полтава».

** ГАРФ. ф. 602, оп. 1, ед. хр. 32, л. 8-8 об.: Письмо к Елене Ивановне Михайловой (которой Сорокин был в то время увлечен) от 5 июня 1915 г. См.: *Дойков Ю.* Елена Михайлова — Архангельский адресат Питирима Сорокина // Важская область. 1993, № 7-12, с. 6-12.

*** Сведения о масонской деятельности М.М. Ковалевского я заимствую из книги «За кулисами видимой власти» (М., 1984, с. 88-92, 99-101), там же указаны первоисточники. О масонстве П.А. Сорокина упоминается лишь в одном ис-

В 1914 году Сорокин окончил университет с дипломом I степени и был оставлен при кафедре уголовного права для подготовки к профессорскому званию (вместе с ним готовились Н. Тимашев, Г. Гурвич, Т. Райнов, Н. Кондратьев, Г. Пятаков, Д. Карахан и др.). В 1916 году он сдал магистерский экзамен (на два года раньше, чем это предусматривалось), и на март 1917 года была назначена защита его магистерской диссертации, в основу которой была положена книга «Преступление и кара». К тому времени он был уже приват-доцентом университета. И тут разразилась революция...

Февральскую революцию П.А. Сорокин встретил с воодушевлением. «Давно желанное совершилось, — писал он в статье "Политическая программа временного правительства". — Старая власть и старый порядок, сковывавшие жизнь великого народа по рукам и ногам, — пали. На их смену приходит новый порядок и новая власть». Проанализировав правительственную программу, он заключает свою статью словами: «Правительство заслуживает полной поддержки в осуществлении начертанной программы... Само собой разумеется, однако, что эту поддержку оно заслуживает лишь в том случае, если прямо и искренно будет идти объявленной декларируемой дорогой...»*

Конкретная политическая деятельность Сорокина в 1917 году хорошо известна благодаря его «Страницам из русского дневника»**. Меньше известна его деятельность как публициста, о которой следует поэтому рассказать чуть подробнее. Сразу же после революции Сорокин начал сотрудничать в эсеровской газете «Дело народа». Но здесь он опубликовал лишь две ста-

---

точнике: *Станкевич В.Б.* Воспоминания. 1914-1919. Берлин, 1920 (переиздано с купюрами в Ленинграде в 1926 г.). Воспоминания Станкевича (1884-1969), бывшего приват-доцента кафедры уголовного права Петербургского университета, народного социалиста и тоже масона, заслуживают доверия, но нуждаются, конечно, в дальнейшей проверке. Со ссылкой на В.Б. Станкевича зачисляет П.А. Сорокина в масоны и Н. Берберова в своем исследовании «Люди и ложи. Русские масоны XX столетия» (Нью-Йорк, 1986; Москва-Харьков, 1997). Должен подчеркнуть, что масонство П.А. Сорокина интересует меня исключительно с точки зрения идейного влияния учения «вольных каменщиков» на его социологические построения.

* Ежемесячный журнал. 1917, № 2-4, с. 333, 344-345.

** *Sorokin P.A.* Leaves from a Russian Diary. New York-Boston, 1950; перевод фрагментов: «Страницы из русского дневника» // Рубеж. Альманах социальных исследований. 1991, № 1-2. См. также: *Голосенко И.А.* Питирим Сорокин: судьба и труды. Сыктывкар, 1991, с. 91-149.

тьи*, а затем последовало его письмо в редакцию, в котором он заявлял о прекращении своей деятельности в газете из-за возникших среди эсеров политических разногласий**. Группа «правых эсеров», куда вошел и Сорокин, откололась от партии, организовав самостоятельную фракцию и наладив издание собственной газеты «Воля народа». С этой газетой (начавшей выходить 29 апреля 1917 г.) и связал свою судьбу П.А. Сорокин. Здесь он опубликовал свыше 80 статей, которые в собранном виде составляют солидный том — своего рода публицистическую (и социологическую) летопись русской революции. По публицистической страстности эту летопись можно поставить вровень разве что с «Окаянными днями» И.А. Бунина, по глубине же анализа революционная публицистика Сорокина намного превосходит «Несвоевременные мысли» М. Горького да, пожалуй, и «Письма к Луначарскому» В.Г. Короленко***. Из наиболее активных сотрудников «Воли народа» следует назвать еще В. Шишкова, М.М. Пришвина, Ф. Витязева-Седенко, Н. Кондратьева, А. Звоницкую...

П.А. Сорокин очень скоро заметил опасности, угрожающие русской революции. Наиболее существенными из них были три: 1) понимание народом революции как вседозволенности, 2) разлагающая деятельность большевиков и 3) нерешительность и даже бездеятельность Временного правительства. Трудно, пожалуй, назвать другого публициста, который так много и так убедительно писал об опасностях, которыми угрожает стране большевизм, как П.А. Сорокин с самого начала появления большевизма на арене русской революции. Выразительны в этом смысле сами названия его статей, опубликованных в «Воле народа». Вот только некоторые из них: «Позорное явление» (№ 8, 7 мая), «Прямой путь... но к чему?» (№ 30, 5 июня), «Клеветники» (№ 31, 6 июня), «Нельзя запаздывать» (№ 44, 20 июня), «Пора вводить трудовую повинность» (№ 48, 24 июня), «Революция и насилие, демократия и охлократия» (№ 49, 25 июня), «Чьи руки?» (№ 58, 6 июля), «Трагедия революции» (№ 64, 13 июля), «Непростительная слепота» (№ 70, 20 июля), «Есть ли надежда?» (№ 75, 26 июля), «Неисправимые», «Ничему не научившиеся» (№ 77, 28 июля), «Взрывание России» (№

* Будущая вселенская федерация; Великое освобождение // Дело народа. 1917, № 2, 16 марта; № 7, 22 марта.

** Дело народа. 1917, № 19, 8 апреля, с. 4.

*** См.: *Сорокин П.А.* Заметки социолога. Социологическая публицистика. СПб., 2000.

96, 19 августа), «Больная Россия» (№ 99, 23 августа), «Соучастники и вдохновители заговора» (№ 105, 30 августа), «Славянофильство наизнанку» (№ 116, 12 сентября), «Гибель нации» (№ 121, 17 сентября), «Мене, текел, фарес» (№ 134, 3 октября), «Словесный фетишизм революции» (№ 136, 5 октября), «Банкротство революции» (№ 147, 18 октября), «К борьбе!»* (№ 155, 27 октября), «Победителям», «Что делать?»* (№ 156, 28 октября), «Во власти преторианцев», «Правительство из "Сатирикона"»* (№ 157, 29 октября), «Единство демократии и большевики»* (№ 158, 30 октября), «Недоноски большевизма»* (№ 159, 31 октября), «Что дала России победа большевиков»* (№ 162, 3 ноября), «Существует ли единая Россия?» (№ 165, 7 ноября), «Плагиаторы и подражатели мракобесья» (№ 168, 10 ноября), «Решительный разгром России» (№ 172, 14 ноября), «Трагический фарс» (№ 175, 17 ноября), «Граждане! Нарушены права Учредительного собрания» (№ 179, 24 ноября), «И Россия, и революция погибли, если...» (№ 186, 6 декабря).

Для борьбы с наступавшим и с каждым днем все более наглевшим большевизмом П.А. Сорокин предлагал решительные (сегодня сказали бы «непопулярные») и даже крайние меры. «Эти люди, — писал он, — я уверен, предвещают ужасные вещи. Если бы я был правительством, я бы арестовал их без колебаний. Если необходимо — я бы казнил их, чтобы предотвратить ужасную катастрофу, в которую они планируют окунуть страну»**. Выразительны его характеристики, которые он дает в своем дневнике некоторым большевистским лидерам.

Ленин: «Хоть он и слабый оратор и отталкивающая личность, мне кажется, он далеко пойдет. Почему? Он полон решимости дать волю всему насильственному, преступному, непристойному, что в сегодняшних деморализующих обстоятельствах пока еще сдерживается в толпе».

Зиновьев: «Какое это отвратительное создание! В его бабьем голосе, его лице, фигуре — что-то отталкивающее и непристойное. Экстраординарный моральный и интеллектуальный дегенерат! Ленин нашел в нем примерного ученика».

---

* Статьи, отмеченные звездочкой, подписаны П. Сорокиным псевдонимом «В. Вьюгов».

** *Сорокин П.* Страницы из русского дневника // Рубеж. № 1, с. 65.

Троцкий: «Этот театральный бандит — настоящий авантюрист... Большевики, вероятно, даруют ему все, о чем он тоскует».

Коллонтай: «Что касается этой женщины, то очевидно, что ее революционный энтузиазм — не что иное, как опосредованное удовлетворение ее нимфомании. Несмотря на ее многочисленных "мужей", Коллонтай — вначале жена генерала, затем любовница дюжины мужчин — все еще не пресыщена. Она ищет новые формы сексуального садизма. Я хотел бы, чтоб ее понаблюдали Фрейд и другие психиатры. Это был бы для них редкий объект»*.

Известно, что Сорокин (вместе с Ф.Ф. Кокошкиным) настаивал на том, чтобы А.Ф. Керенский принял так называемую *Записку Корнилова* в качестве правительственной программы. В этой записке «по отношению к армии предлагались не столько определенные меры, сколько определенные тенденции к установлению законных рамок деятельности комитетов; говорилось о введении снова института отдания чести и дисциплинарных взысканий. Для тыла требовалось введение смертной казни за ряд преступлений и милитаризация железных дорог и всех отраслей промышленности, связанных с войной»**.

После подавления так называемого корниловского мятежа П.А. Сорокин понял: «теперь триумф большевизма был просто вопросом времени»***. А на Демократическом совещании, проходившем в Петрограде с 14 по 22 сентября 1917 года, он говорил: «Страна вступила на путь анархии, которую ничто не может удержать. Сведения с мест говорят, что крестьяне устали, перестали бывать на выборах, жаждут порядка, от кого бы он ни происходил... Наша революция занималась вместо дела словами... Если случится, что власть перейдет в руки Советов, то погибнет Россия, погибнет революция... Я не уверен, что есть шанс на спасение России, но если он есть, то он заключается в объединении всех живых сил страны на программе совещания»****.

Но было уже поздно: «всеуговаривающему» премьеру не хватило решимости к действиям, а в октябре не хватило и «пустяка»: «трех батарей — рассеять эту сволочь...»

---

* Там же, с. 65, 67. Цит. с незначительными изменениями, внесенными мною.

** *Станкевич В.Б.* Воспоминания. 1914-1919. Л., 1926, с. 110.

*** Рубеж, с. 71.

**** «Я могу только просить, умолять товарищей...» Выступление Питирима Сорокина накануне Октябрьской революции 1917 года. Публикация Г. Иоффе // Московские новости. 1990, № 46, 18 ноября, с. 14.

Через день после большевистского переворота Сорокин опубликовал в «Воле народа» статью «Победителям». «Прежде всего, вы, господа большевики, — писал здесь Сорокин, — лгуны, жалкие лгуны... Ваша свобода — это рабство... Вы — пьяные илоты... Вы — просто негодяи... Вы — убийцы... Вы предатели революции... Час вашего падения близок. Он наступает. Он неизбежен. Страна пошлет вам проклятие. Проклятие пошлют вам и обманутые вами. И это проклятие заслужено вами»*. Не менее резко написаны и остальные «антибольшевистские» статьи, которые Сорокин публиковал до конца года почти каждый день. Все это привело к закрытию газеты и аресту ведущих сотрудников редакции. 2 января 1918 года П. Сорокин и А. Аргунов были арестованы чекистами, устроившими засаду в редакции «Воли народа». В тот же день на подходе к редакции был арестован М.М. Пришвин**.

57 дней провел Сорокин в Петропавловской крепости вместе с бывшими министрами Временного правительства. Отсюда он еще сумел отправить приветственное послание в Комитет по чествованию 25-летнего юбилея «Русского богатства», в котором, в частности, есть такие слова: «Как ни темна ночь, все же видны огни. Не умрет трудовая Россия. Не умрут и великие идеалы свободы и социализма»***.

Тотчас после освобождения из Петропавловской крепости он прибыл в Москву, где встретился со скрывавшимся там А.Ф. Керенским. В конце мая Сорокин как член Учредительного собрания и Комитета спасения родины и революции отправился (вместе с Н.В. Чайковским) с антибольшевистской акцией в Архангельск, где ожидалась высадка английского экспедиционного корпуса. Есть сведения, что его прочили на пост министра в будущем Северном правительстве****. Вся эта операция, однако, не увенчалась успехом: англичане «не оправдали» надежд (вместо де-

---

* Воля народа. 1917, № 156, 28 октября.

** См.: *Пришвин М.М.* Дневники. 1918-1919. Книга вторая. М., 1994, с. 5-7. После большевистского переворота Пришвин опубликовал в «Воле народа» фельетон о Ленине с весьма «выразительным» названием «Убивец!» (№ 159, 31 октября). Всю оставшуюся жизнь он — крупнейший русский мыслитель — вынужден был писать о «кладовой солнца», о ежиках, о клюкве... «Черт догодал меня родиться в России!..»

*** Минувшее. Исторический альманах. 1. М., 1990, с. 306.

**** См.: Красная книга ВЧК. М., 1990, т. 2, с. 109.

мократического правления они намеревались восстановить в России монархию), а что касается Сорокина, то он не добрался даже до Архангельска, а вынужден был два месяца (до поздней осени) скрываться в северодвинских лесах. Его объявили «врагом народа № 1» и назначили за его голову награду. «На лоне природы», вдали от цивилизации П.А. Сорокин много размышлял о революции, политике и о самом себе и в результате — избавился от многих «соблазнительных иллюзий»*. Именно тогда, вероятно, им и было написано его знаменитое «отречение». Вот полный текст этого документа:

«Сим довожу до сведения граждан-избирателей Вологодской и Северо-Двинской губ. и членов партии с.-р., что я: 1) *отказываюсь от звания члена Учредительного собрания и всех прав и обязанностей, связанных с этим званием,* 2) *выхожу из состава партии соц.-революционеров.* Основные мотивы, побуждающие меня к этому шагу, таковы: 1) ввиду резко изменившихся со времени выборов в Учред. собрание политических и социальных условий страны, а равно и политического настроения народа я не могу считать себя правильным выразителем воли народа, 2) ввиду того же обстоятельства и чрезвычайной сложности современного внутригосударственного положения я затрудняюсь не только другим, но и самому себе указывать спасительные политические рецепты и брать на себя ответственное дело политического руководства и представительства народных масс.

При таких условиях каждый честный общественный деятель обязан сделать для себя надлежащий вывод, а именно: *обязан отказаться от политики и прав и обязанностей политического работника.* Этот вывод настоящим письмом я и делаю.

Сказанное объясняет и мой выход из партии соц.-рев.: раз я отказываюсь от всякой политической деятельности, то, естественно, я не могу состоять ни в какой политической партии, не желая, с одной стороны, числиться в партии мертвой единицей, с другой — нести ответственность за ее политику. К этим общественно-политическим мотивам должен присоединиться еще мотив личного характера. Он состоит в моем горячем желании вернуться к прерванной чисто научной работе и к работе по культурному просве-

* О своем «кружении» в северодвинских лесах П.А. Сорокин рассказал впоследствии в статье «На лоне природы» // Современные записки. Париж, 1923, № XV (II), с. 262—280 и в соответствующих главах «A Long Journey» и «Leaves from a Russian Diary».

щению народа. Истекший год революции научил меня одной простой истине — политики могут ошибаться, политика может быть общественно полезной, но может быть и общественно вредной, работа же в области науки и народного просвещения — всегда полезна и всегда нужна народу, в особенности же в эпохи коренного переустройства всей государственной и общественной жизни. Этой работе, от которой на год с лишним я был оторван событиями и которую всегда считал делом моей жизни, я и отдаю отныне все свои слабые силы.

Прив.-доц. Петроградского университета и Психоневрологического института, бывший член Учредительного собрания и бывший член партии с.-р. *Питирим Сорокин*»*.

Составив это письмо, Сорокин, не желая подвергать смертельному риску укрывавших его людей, добровольно сдался но-

---

* Крестьянские и рабочие Думы. Великий Устюг. 1918, № 75, 29 октября, с. 4. Письмо в сокращенном виде было перепечатано в «Правде» (1918, № 252, 20 ноября) под названием «Отречение Питирима Сорокина». По поводу этого «отречения» В.И. Ленин написал статью «Ценные признания Питирима Сорокина» (Правда. 1918, 21 ноября; Полное собрание сочинений, т. 37, с. 188-197). Характерно при этом, что В.И. Ленин в сущности повторил аргументы редакционной заметки, которой «Крестьянские и рабочие Думы» сопроводили «Письмо» Сорокина. «Редакция, — говорилось в этой заметке, — помещая письмо гр. Сорокина, обращает внимание товарищей на целый ряд соглашательских перлов, щедро рассыпанных в этом письме. 1) Гр. Сорокин не считает себя "правильным выразителем воли народа в силу изменившихся условий страны". Очевидно, гр. Сорокин все же считает, что он был выразителем воли народа, что Учредительное собрание было органом выявления народных стремлений. Ясно, что гр. Сорокин не отказывается от идеи Учредительного собрания и по-прежнему лучшей формой политической жизни считает право буржуазии создавать органы вроде Учредительного собрания. 2) Моменты жесточайшей схватки трудовых масс с капиталом гр. Сорокин определяет лишь как чрезвычайно сложное внутреннее и международное положение страны. Но раскаявшийся соглашатель не хочет видеть в диктатуре пролетариата смертельный приговор его партии. Соглашатель хочет скрыться за бюст непартийной науки, в храм народного просвещения. Гр. Сорокин заявляет, что не может состоять ни в какой политической партии. Мы говорим гражданину Сорокину: Вы хотите укрыться, не сознавшись в ваших ошибках. Двери науки закрыты для тех, кто жалким лепетом о своей непартийности не хочет помочь революционному пролетариату. Наука не нуждается в таких "тружениках"». После В.И. Ленина прочитал нравоучение Сорокину и некто А. Сосновский в статье «Питирим Сорокин и Евгений Трупп (Из настроений народнической интеллигенции)». «Всякий честный, не продавшийся англичанам человек, — учил Л. Сосновский, — должен был на месте Сорокина прийти к мысли, что союзники нисколько не лучше Вильгельма "освобождают" русский народ и что политика партии, построенная всецело на союзниках, ведет к закабалению народа все теми же империалистами, только под другой маркой» (Правда. 1918, 28 ноября). Задним числом оказывалось все-таки в статье, что именно к этой мысли и пришел П.А. Сорокин.

вым властям... В тюрьме великоустюжской ЧК, приговоренный к расстрелу, он пробыл до середины декабря 1918 года, каждый день ожидая смерти. 12 декабря его вызвали на допрос и ознакомили со статьей Ленина «Ценные признания Питирима Сорокина». По личному распоряжению Ленина Сорокин был доставлен в тюрьму московской ЧК и здесь освобожден. Своим «чудесным» избавлением от смерти Сорокин обязан отчасти и случайным обстоятельствам. В великоустюжской тюрьме его узнал один большевистский комиссар, бывший его студент. Он отправился в Москву и сообщил Г. Пятакову и Д. Карахану, бывшим университетским друзьям Сорокина о вынесенном ему приговоре. Те немедленно отправились к В.И. Ленину и, ознакомив его, видимо, с «отречением» Сорокина, добились освобождения своего товарища. Большую роль во всем этом деле сыграла, по-видимому, и жена П.А. Сорокина — Елена Петровна (урожденная Баратынская; 1894-1975), которая все это время неотлучно была в Великом Устюге, выполняя роль «связной» между узником и внешним миром. Их свадьба состоялась 26 мая 1917 года. Елена Петровна оказалась достойной спутницей своего вечно деятельного мужа; супружеская жизнь их была долгой и счастливой. Среди бумаг П.А. Сорокина сохранилось несколько писем к нему его будущей жены, написанных в 1916 году. Письма эти носят сугубо личный характер и не предназначены для печати; поэтому здесь придется ограничиться лишь незначительными выдержками из них, которые, тем не менее, дают вполне ясное представление о характере этой необыкновенной женщины.

«15 мая. Старая Зиновьевка.

...Пишу тебе уже после того, как устроилась на новом месте. Поселились на самом краю села, рядом с усадьбой, от лугов близко и помещение удобное. Работу начали, и, как всегда бывает, в самом начале встречается масса затруднений и сложностей. Приходится определять и кое-что, за невозможностью определения, угадывать. Ошибки, конечно, будут, впрочем, думаю, не особенно существенные*. Места хорошие, красивые. Река Барыш [в Сим-

* В 1916 году Е.П. Баратынская была выпускницей биологического факультета Петроградского университета, чем и объясняется характер ее работы, о которой она рассказывает. Впоследствии, в Америке, она стала крупным биологом, специалистом в области цитологии, профессором Американского института биологических наук. См.: New York Times. 1975, 5 September, p. 32.

бирской губернии, приток р. Суры. — *В.С.*] небольшая, быстрая и, собственно, на реку-то непохожа. Пойма тоже небольшая; после Волги-то и этих бесконечных пространств здесь все покажется маленьким и мизерным. Зато село наше большое, собственно, оно не так уж велико, как центрально. Здесь есть и почта, и волость, и базар, и большая усадьба, которая разбросила свои владения по всему уезду. Мы с сотрудницей устроились независимо от кого [бы] то ни было и даже сами себе обед делаем. Правда, это не особенно весело и удобно, тем более что приходится целый день проводить в лугах; зато и обеды наши примитивны. Сейчас уже начнем очередную работу и будет спешка...

У нас здесь очень холодно, и мы, как французы в Москве, накутываем на себя все, что есть теплого, и все-таки зябнем. Я начинаю думать, что это свойство данной местности, и вера в то, что тепло будет, во мне никак не может ужиться. Правда, люди здесь теплые, а это, пожалуй, лучше. Числах в первых июня приедет Шенников, и мы уже все свои сомнения выписываем, приготовляемся к встрече не столь уж дорогого, как нужного гостя. Ведь начальство наше. Здесь все удивлены, что у нас нет начальства. И, чтобы не уронить свою честь, Шенникова мы произвели в начальство. Вот чем занимаемся!»

«9 июня.

[...] Вчера только вернулась из странствий. Пришлось поехать на три дня в маршрутное обследование других лугов по Барышу (река, пойму которой изучаем). Путешествовала с Шенниковым. Конечно, маршрутное исследование интереснее стационарного, но слишком с большими неудобствами сопряжено оно; особенно плохо приходится в смысле еды и помещения. В одном селе клопы довели меня до того, что среди ночи пришлось перетаскиваться на улицу, лечь в телегу и спать, хотя было очень холодно, под шумом жующих коров и лошадей. В другом месте из-за дождя не удалось лечь на дворе и пришлось спать в одной комнате с Шенниковым. Правда, мы не раздевались и, кроме того, устроили перегородку из простыни, но все-таки неудобно. Конечно, все странствия сопровождались красноречивыми толпами, и с особым сожалением смотрели на меня бабы, когда узнавали, что я девка и путешествую с "чужой мущиной". Зато знаний прибавляется масса, куда яснее становятся все лугообразующие процессы и каждое

явление, каждая новая формация заставляет внимательно присматриваться к ней и искать причин ее образования. Стационарные занятия по-прежнему много отнимают времени, особенно заметно теперь, так как [за] три дня моего отъезда моя сотрудница, хотя и была здесь, не смогла, конечно, выполнить работу за двоих. Теперь идет спешка. Немного посвободнее будет, и проеду еще в другую сторону верст за 40. Возможно, что в начале июля придется ехать с Шенниковым опять в маршрутное уже на большее время на р. Уссу. Это случится, если приедет к нам помощница. Я бы хотела и променяла бы даже своих не очень свирепых клопов на очень свирепых чужих»*.

Вот такая женщина оказалась рядом с Питиримом Сорокиным в критический момент его жизни**. Если учесть неизбывный оптимизм, присущий натуре самого Питирима, и «госпожу Фортуну», которая в общем-то никогда его не покидала, то, пожалуй, не таким уж удивительным становится тот факт, что он благополучно избежал самой страшной опасности, которая когда-либо грозила ему. Тем не менее, когда в Москве он пришел на квартиру к своему другу Н.Д. Кондратьеву, тот нашел его постаревшим на двадцать лет.

На этом политическая деятельность Сорокина закончилась. Через несколько дней после освобождения он вернулся в Петроград и приступил к чтению лекций в университете...

Годы 1919-1922, последние годы, проведенные Сорокиным в России, он сам в своих воспоминаниях называет Life in Death: жизнь в смерти. Список научных трудов Сорокина за эти годы внушителен: четыре книги (в том числе двухтомная «Система социологии» и уничтоженное властями фундаментальное исследование «Голод как фактор»), около 20 статей и приблизительно столько же рецензий. Если учесть, что все это писалось в совершенно невыносимых бытовых условиях, что много раз за эти годы Сорокин вступал в конфликт с большевистскими властями и временами буквально висел на волоске, что, помимо книг и статей, он читал лекции в университете, много выступал, наконец в 1920 году защитил «Систему социологии» как диссертацию и получил

* ГАРФ, ф. 602, оп. 1, ед. хр. 21, л. 7-10.

** Подробнее об участии Е.П. Сорокиной в деле освобождения мужа и вообще обо всех перипетиях этого дела см. в статье А.В. Липского «Житие неистового Питирима» // *Сорокин П.А.* Система социологии. М., 1993, т. 1, с. 31-34.

звание профессора социологии, если все это учесть, то я не знаю, как иначе охарактеризовать деятельность Сорокина, если это — не подвиг.

Научная деятельность Сорокина явно пришлась не по нутру большевикам, особенно его статьи, которые он регулярно публиковал в журнале «Экономист». Журнал по неосторожности главного редактора Д.А. Лутохина привлек внимание В.И. Ленина. В письме к Дзержинскому от 19 мая 1922 года Ленин писал по поводу журнала «Экономист»: «Это, по-моему, явный центр белогвардейцев. В № 3 (только третьем!!! это nota bene!) напечатан на обложке список сотрудников. Это, я думаю, почти все — законнейшие кандидаты на высылку за границу»*. Поскольку «список сотрудников» журнала, на который Ленин советует обратить внимание Дзержинскому, в комментариях к ПСС не приводится, у читателя, как правило, складывается впечатление, что Ильич имеет в виду какую-нибудь незначительную кучку «белогвардейцев», насчитывающую пять-шесть, максимум десять-двенадцать человек. Это заблуждение: список лиц, привлеченных к участию в «Экономисте», насчитывает 53 (пятьдесят три!) человека. Вот он полностью: Н.А. Бердяев, А.Д. Брейтерман, Б.Д. Бруцкус, А.И. Буковицкий, С.Н. Булгаков, Я.М. Букшпан, А.Н. Вентцель, Б.Б. Веселовский, П.П. Гензель, В.Э. Ден, В.Я. Железнов, К.Я. Загорский, А.К. Зайцев, С.И. Зверев, Д.С. Зернов, Е.Л. Зубашев, А.С. Изгоев, Я.А. Канторович, Л.Б. Кафенгауз, И.А. Кириллов, В.И. Ковалевский, Н.Д. Кондратьев, Н.А. Крюков, И.М. Кулишер, С.М. Левин, В.В. Леонтьев, Я.Б. Лившиц, Л.Н. Лимошенко, Д.А. Лутохин, А.А. Мануилов, Л.Н. Маррес, Н.В. Монахов, И.Х. Озеров, К.А. Пажитнов, П.А. Пальчинский, С.А. Первушин, М.Я. Пергамент, А.С. Посников, А.Н. Потресов, Д.Д. Протопопов, Л.М. Пумпянский, Н.Г. Петухов, А.Л. Рафалович, М.Н. Соболев, С.И. Солнцев, П.А. Сорокин, Е.В. Тарле, В.Н. Твердохлебов, М.П. Федотов, А.Н. Фролов, Г.Ф. Чиркин, Н.Н. Шапошников, В.М. Штейн.

Справедливости ради, следует заметить, что не столько (во всяком случае — не только) это письмо Ленина предопределило судьбу П.А. Сорокина. По-видимому, он вступил еще и в личный конфликт со всемогущим диктатором Петроградской коммуны — Зиновьевым («Гришкой третьим», как того величали), опубликовав

---

* *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений, т. 54, с. 265-266.

отрицательную — и с учетом «обстоятельств» дерзкую — рецензию на книгу З.И. Лилиной, жены Г.Е. Зиновьева*.

Что касается общих причин «высылки» 1922 года, то они уже достаточно подробно освещены в нашей литературе**. Совсем недавно найдены и опубликованы документы из архива КГБ, касающиеся высылки П.А. Сорокина. Ниже приводится (полностью и дословно) «Заключение» по его «делу»:

«Заключение

По делу № 15962 о гр. Сорокине Питириме Александровиче. Арестован 19/9 августа 1922 года, находится на свободе. По наведенным справкам о прежней судимости, в Уч. Р. О. ГПУ не проходит.

1922 года Августа дня сотрудник для поручений IV отделения СО ГПУ — ШЕШКЕН, рассмотрев дело за 15962, НАШЕЛ, что гр. Сорокин Питирим Александрович с момента Октябрьского переворота и до настоящего времени не только не примирился с существующей в России в течение 5 лет Рабоче-крестьянской властью, но ни на один момент не прекращал своей антисоветской деятельности, причем в моменты внешних для РСФСР затруднений свою контрреволюционную деятельность усиливал. А посему на основании п. 2 лит. е. Положения ГПУ от 6/11 — с. г.: в целях пресечения дальнейшей антисоветской деятельности Сорокина полагаю выслать его из пределов РСФСР за ГРАНИЦУ БЕССРОЧНО.

Принимая во внимание заявление, поданное гр-ном Сорокиным в Коллегию ГПУ с просьбой разрешить ему выезд за границу

---

* См.: Социологос. Социология. Антропология. Метафизика. М., 1991, вып. 1, с. 465-466.

** См.: *Геллер М.С.* Первое предостережение — удар хлыстом (К истории высылки из Советского Союза деятелей культуры в 1922 г.) // Вопросы философии. 1990, № 9 (перепечатка из Вестника РХД. 1978, № 127; обращаем внимание на неточность, допущенную в подзаголовке статьи: Советский Союз был образован после высылки; деятели науки и культуры официально изгонялись из РСФСР; это, впрочем, ничуть не снижает высокой научной ценности статьи); *Хоружий С.С.* Философский пароход // Литературная газета. 1990, 9 мая; *Костиков В.* Изгнание из рая // Огонек. 1990, № 24; *Сапов В.В.* Высылка 1922 года: попытка осмысления // Социологические исследования. 1990, № 3 (здесь же опубликованы воспоминания двух «участников» высылки: *Харитон Б.* К истории нашей высылки; *Осоргин М.* Как нас уехали. См. также: *Бердяев Н.А.* Самопознание (опыт философской автобиографии). М., 1991, с. 226-244: гл. IX. Русская революция и мир коммунистический; *Sorokin P.A.* A long Journey. New Haven, Conn., 1963, p. 191-197: Banishment; Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1922-1923. Сост. В.Г. Макарова и В.С. Христофорова. М., 2005.

за свой счет, — для устройства личных и служебных дел дать 7 дней, с обязательством явки в ГПУ по истечении указанного срока и после явки немедленно выехать за границу.

20/9. 22 г. Пом. Нач. IV отделения СО ГПУ:

согласен: (подпись неразборчива).

Шешкен
Зарайский
Апорина 21/9. 22
Утверждаю: Г. Ягода».

В деле содержится также «Подписка» П.А. Сорокина, полностью написанная его рукой:

«Дана сия мною, гр. Сорокиным Питиримом Александровичем, IV отд. СО ГПУ в том, что обязуюсь согласно постановлению Г.П.У. в 10-дневный срок ликвидировать свои служебные и личные дела и выехать на свой счет за границу. По истечении срока перед отъездом обязуюсь с полученными документами явиться в IV отделение к нач. отд. тов. Зарайскому для сообщения времени отъезда.

13/9. 22 г. Питирим Александрович Сорокин»*.

23 сентября 1922 года П.А. Сорокин навсегда простился с Россией. С собой он увозил воспоминания о «детстве в Зырянии», солидный багаж знаний, приобретенных в Петроградском университете, и два чемодана рукописей. На нем были: ботинки, подаренные ему одним чешским ученым, костюм, которым его снабдила АРА (Американская администрация помощи голодающим Поволжья), и 40 рублей денег в кармане. Omnia mea mecum porto [Все мое ношу с собой] — мог применить он к себе древнейшую поговорку. С ним в изгнание уезжала и его верная спутница Елена Петровна.

Уже через неделю он читал в Берлине свою первую лекцию о современном состоянии России, а еще через несколько дней прибыл в Чехословакию по личному приглашению президента Т.Г. Масарика (с которым познакомился еще в России). В «дру-

---

* Сорокин П.А. Документальные штрихи к судьбе и творческой деятельности (публикация А.И. Зимина) // Социологические исследования. 1991, № 10, с. 122-123.

жественной Чехословакии» Сорокин пробыл около года: как всегда, он много писал (четыре книги, масса статей), редактировал журнал «Крестьянская Россия», много выступал. И все же душа его рвалась в Америку. Дело даже не столько в том, что Соединенные Штаты в то время были крупнейшим мировым центром социологической мысли. В характере и натуре самого П.А. Сорокина было нечто «американское», что, пожалуй, делало его «американистей самых что ни на есть американцев». Недаром еще в России коллеги называли его в шутку «русским американцем». Теперь шутка обернулась пророчеством...

«Солнечным октябрьским днем 1923 года я ступил на берег Американского мегаполиса», — вспоминал впоследствии Сорокин. С этого дня берет отсчет «другая жизнь» Питирима Сорокина. Географически «a long journey» — закончился. Но впереди было еще 45 лет (т. е. большая часть) жизни и творческой деятельности. Это были, разумеется, годы относительного спокойствия и благополучия. В США Сорокин в полном смысле слова обрел вторую родину. В 1930 году они с женой получили права американского гражданства. Очень быстро Сорокин выдвинулся в число ведущих социологов Америки, несколько плодотворных лет он провел в университете Миннесоты, а в 1930 году его пригласил самый знаменитый университет Соединенных Штатов — Гарвард. Отделение социологии, которое создал здесь П.А. Сорокин и которое он возглавлял в течение 12 лет (при «норме» три года, редко — шесть лет), стало ведущим центром социологического развития в Америке.

«Профессорская жизнь» — это, как известно, монотонный каждодневный труд, лекции, статьи и книги (von buch zu buch) и — ученики. Лекции, прочитанные Сорокиным, не сосчитать, «список научных трудов» требует особого библиографического издания (все написанное им займет приблизительно томов сорок: прикидываю, разумеется, «на глазок»), из учеников (правда, не в европейском понимании этого слова, а в американском, когда ученик отнюдь не всегда является и последователем) стоит назвать хотя бы двух, чьи имена говорят сами за себя: Р. Мертон и Э. Тириакьян.

Особенностью научной карьеры П.А. Сорокина следует, пожалуй, считать тот факт, что эта «карьера» (в широком или — если угодно — подлинном смысле слова) никогда не достигла абсолютной вершины, т. е. той точки, после которой неизбежно наступа-

ет спад. Жизнь его была в буквальном смысле слова беспрестанным восхождением, прерванным только естественно наступившей смертью.

В 1959 году, по достижении 70 лет, П.А. Сорокин вышел в отставку и сосредоточил всю свою энергию (по его собственному признанию, он и в возрасте 74 лет с легкостью взбирался на дерево) на работе в созданном им Гарвардском центре по изучению творческого альтруизма. А в 1965 году по инициативе американских социологов он был избран президентом Американской социологической ассоциации.

...Рассказывают, что на очередном Социологическом конгрессе, проходившем в Америке, П.А. Сорокина как президента АСА посетила советская делегация. Глава делегации обратился к нему с такими словами:

— Глубокоуважаемый Питирим Александрович, мы в России помним и знаем вас как крупного современного социолога...

На что Питирим Александрович с присущей ему «скромностью» (нужно признать, что он никогда не пренебрегал советом Козьмы Пруткова: «Козыряй!») возразил коллеге и соотечественнику:

— Ошибаетесь, милостивый государь, я — не «крупный» социолог, а — крупнейший; таких в мире всего двое: я и Тойнби...

К сказанному, пожалуй, нечего добавить. Умер П.А. Сорокин 10 февраля 1968 году в своем доме в Винчестере. Перед смертью он мечтал побывать на родине, но этой его мечте не суждено было осуществиться. Он, по-видимому, много размышлял перед смертью о судьбах России, не случайно одна из последних его статей посвящена «Основным чертам русской нации в двадцатом столетии», где он высказал предположение (до сих пор, увы, не оправдавшееся), что «Советский Союз, по-прежнему ведомый русской нацией, может с надеждой смотреть в будущее... и, вероятно, будет продолжать свою ведущую роль в течение будущих десятилетий, а возможно, и столетий»*.

До конца жизни сохранил он в душе и юношескую веру в конечное торжество Истины, Добра и Красоты, что нашло свое отражение в том своеобразном девизе П.А. Сорокина, который он,

---

* *Сорокин П.А.* Основные черты русской нации в двадцатом столетии // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990, с. 489; в другом переводе эта статья опубликована в журнале «Молодая гвардия» (1990, № 10, с. 178-198).

по крайней мере, трижды цитирует в разных своих книгах: «Что бы ни случилось со мной в будущем, три вещи навсегда останутся убеждениями моего сердца и ума. Жизнь, как бы ни тяжела она была, — это самая высшая, самая чудесная ценность в этом мире. Превратить ее в служение долгу — вот еще одно чудо, способное сделать жизнь счастливой. В этом я также убежден. И наконец, я убежден, что ненависть, жестокость и несправедливость не могут и никогда не смогут построить на земле Царство Божие. К нему ведет лишь один путь: путь самоотверженной творческой любви, которая заключается не в молитве только, а прежде всего — в действии»*.

Теперь вернемся еще раз ненадолго в 1913 год — когда была написана и опубликована книга «Преступление и кара, подвиг и награда». Хотя на титуле и на обложке книги указан 1914 год, она вышла годом раньше, и уже в конце 1913 года появились первые рецензии на нее**. В конце марта 1913 года Сорокин в очередной раз угодил в тюрьму. Поводом для его ареста послужили сведения о том, что он якобы написал антимонархический памфлет (в 1913 году отмечалось 300-летие династии Романовых), но, по-видимому, веских улик против него не было. В «предвариловке» он провел около трех недель, откуда отправил письмо своему учителю М.М. Ковалевскому, в котором аргументировал (явно для полиции) свою непричастность к написанию памфлета абсолютной нехваткой времени для этого, так как «написал за зиму книгу о карах и наградах»***. Благодаря поручительству М.М. Ковалевского и отсутствию улик, Сорокин был освобожден. Сохранившееся письмо позволяет установить более или менее точную дату окончания работы Сорокина над книгой: конец февраля — начало марта 1913 года. Одним из первых ее читателей (еще в рукописи) был Е.В. Де-Роберти, который писал автору:

«Уважаемый Питирим Александрович!

Вашу книгу “О преступлении и наказании, подвиге и награде” я прочел с большим интересом. Поздравляю Вас от души. Это —

---

* *Sorokin P.A.* The Ways and Power of Love. Chicago, 1967, p. V; *Sorokin P.A.* A Long Journey, p. 197, 327; *Sorokin P.A.* Leaves from a Russian Diary (заключительные строки книги).

** В «Приложениях» к настоящему изданию помещены все опубликованные (и выявленные на сегодня) рецензии на «Преступление и кару».

*** Социологические исследования. 1989, № 3, с. 105.

превосходная вещь, очень и очень ценный вклад в нашу и мировую науку, труд, которым может гордиться европейская социологическая литература, не говоря уже о русской.

Искренно преданный Вам

Е. Де-Роберти.
Март 1913»*.

В печати сведения о книге и о предстоящем ее выходе появились уже летом 1913 г. В августе П.А. Сорокин приехал в Великий Устюг с тем, чтобы прочитать лекцию о войне как общественном явлении. Приезд его совпал с гастролями популярной в то время певицы Т.М. Дарьяни. Далее предоставляем слово корреспонденту вологодской газеты «Эхо» некоему Александрову, который в своей заметке «Лекция П.А. Сорокина» писал:

«Среди многочисленных реклам, возвещающих о концерте Дарьяни, скромно приютилась маленькая афишка — о предстоящей лекции П.А. Сорокина, сотрудника "Вестника психологии и криминальной антропологии", "Вестника знания", "Всеобщего журнала", "Заветов", "Запросов жизни", "Новых идей в социологии", словарей Брокгауза и Граната, "Русской молвы" и других периодических и не периодических изданий.

Как и всегда, так и в данном случае наш устюжский обыватель с улыбкой читал о "Дарьяни" и с недоумением посматривал на текст: "Война как общественное явление (философия и социология войны)".

Не вдаваясь в подробности о концерте "любимицы" и не затрагивая провинциальную жизнь устюжанина, я скажу несколько слов о лекции, а также вкратце сообщу и о молодом лекторе. Имя П.А. Сорокина как лектора на страницах северных газет появляется впервые, между тем лектор является автором многих популярных брошюр: "Самоубийство", "Социальный символизм", "Брак в старину", "Преступность и ее причины" (изд[ательство] "Наука и жизнь"), "Л.Н. Толстой как философ" и др.

Кроме того, в сентябре текущего года выйдет из печати довольно интересный труд молодого социолога.

— Книга П.А. Сорокина "Преступление и кара, подвиг и награда" является первою ласточкою, будущей русской социологии, — так говорит в своем предисловии наш известный профессор

* ГАРФ, ф. 602, оп. 1, ед. хр. 47, л. 5-6.

М.М. Ковалевский и то же самое подтверждает профессор Е.В. Де-Роберти (второе предисловие книги*).

И вот все это уже ясно указывает на то, что наш северянин П.А. Сорокин, среди многих ученых мелькает не впервые. Отмечая столь яркие стороны лектора, я скажу без прикрас, что лекция П.А. Сорокина невольно встревожила однообразную жизнь обывателя, что трудно достигнуть в провинции, ибо устюжская "антилигенция" есть жалкий остаток просыпающегося севера.

— А что мне-ка лекция, коли я сам бывал на войне, мыслили многие "ученые" люди славного Устюга. Но студенты и курсистки, политические ссыльные и некоторые другие из молодежи гордо заявили: мы ищем знаний, прислушиваемся к новым словам и в далекой провинции, лекция пробуждает в нас силу для дальнейшего творчества жизни...

Будем ожидать в будущем, что молодой лектор П.А. Сорокин не позабудет наш далекий, заброшенный север и вновь прочтет нам еще несколько лекций на жгучие темы из окружающей жизни»**.

В октябре книга вышла в свет. Первым откликнулся на нее Н.Н. Кареев (в письме от 13 октября 1913 г.):

«Уважаемый Питирим Александрович!

Если только сегодня я Вас благодарю за присылку Вашей интересной книги, то только по причине незнания адреса, по которому я мог бы Вам написать. Лишь сегодня мне сообщил его г. Гвоздин, и вот я немедленно же этим пользуюсь, чтобы послать Вам благодарность за Вашу любезность.

Душевно преданный Н. Кареев»***.

Затем тепло откликнулся М. Кобылинский (27 ноября 1913 г.):

«Многоуважаемый г. Сорокин!

Большое спасибо за присылку Вашего прекрасного труда. С огромным удовольствием я читал его и позволяю себе повторить те слова, которыми дорогой Максим Максимович оканчивает предисловие к Вашей книге:

---

* Книга вышла без этого «второго предисловия».

** Эхо. Вологда, 1913, № 32, 18 августа, воскресенье, с. 4.

*** ГАРФ, ф. 602, оп. 1, ед. хр. 40.

"Выскажем уверенность, что в будущей русской социологической библиотеке не один том будет принадлежать перу автора *Преступлений и кар, подвигов и наград*". Крепко жму Вашу руку. С глубоким уважением М. Кобылинский»*.

Появившиеся критические отзывы также были сплошь положительны. Критики хотя и отмечали ряд недостатков книги, в целом оценивали труд начинающего ученого очень высоко. Для молодого 24-летнего автора это был полный триумф.

Когда в середине декабря он приехал в Вологду, чтобы прочитать там две лекции, местная газета с гордостью писала о нем:

«*В Обществе изучения Северного края.* Вчера в помещении городской управы П.А. Сорокиным сделан доклад собранию членов Общества изучения Северного края на тему: "Пережитки религиозных верований в современной жизни зырян". В собрании принимало участие 18 членов общества и несколько посторонних лиц.

К лекции П.А. Сорокина. Устраиваемую сегодня Вологодским обществом изучения Северного края лекцию будет читать молодой ученый, уроженец Вологодской губернии, П.А. Сорокин. Несмотря на то что П.А. еще не окончил Петербургского университета, он успел уже приобрести известность своими научными трудами. О книге его "Преступление и кара, подвиг и награда" в журнале "Право" и в газетах "День" и "Речь" имеются очень лестные отзывы. Несомненно, что П.А. Сорокин впоследствии займет видное место среди ученых. Нелишним считаем отметить, что П.А. Сорокин читал уже в Вологде одну лекцию 14 октября с. г. на тему "Гамсун и Верхарн как выразители двух сторон современной культуры" и имел большой успех. Сегодня П.А. Сорокин читает лекцию на тему: "Происхождение семьи и история человеческого брака..."»**.

«*Лекция П.А. Сорокина.* В воскресенье, 15 декабря, в помещении страхового общества П.А. Сорокиным была прочитана лекция на тему "Происхождение семьи и история человеческого брака". Лекция привлекла много публики и была прослушана с боль-

* ГАРФ, ф. 602, оп. 1, ед. хр. 41.
** Вологодский листок. 1913, 15 декабря.

шим интересом. Публика награждала лектора дружными аплодисментами»*.

На воскресной лекции 15 декабря произошла важная встреча, сыгравшая впоследствии большую роль в жизни П.А. Сорокина: он познакомился с Ф.И. Седенко (писавшим под псевдонимом «П. Витязев»), которому подарил свою книгу с дарственной надписью:

«Глубокоуважаемому Ферапонту Ивановичу Седенко на добрую память о нашей встрече от автора. Вологда. 15 декабря. 1913 г.»**.

В 20-х годах. Ф.И. Витязев-Седенко возглавлял кооперативное издательство «Колос». Именно он предложил Сорокину в начале 1919 году писать «Систему социологии», и именно он взялся в 1922 году за издание последней из написанных в России книг Сорокина «Голод как фактор». Тираж книги был уничтожен по приказанию советских властей, но самоотверженный издатель спас часть ее. В фондах РГБ имеются два экземпляра этой книги, на одном из которых имеется подпись: «В Библиотеку Румянцевского музея. Уничтоженная книга. Уцелели 17 листов (272 с.) в количестве 10 экземпляров. От Витязева. *Ф.И. Витязев-Седенко*»***.

Здесь уместно будет, несколько нарушая хронологию, привести еще один газетный анонс лекции П.А. Сорокина, который летом 1916 г. снова побывал в родных краях (уже в качестве приват-доцента Психоневрологического института) и 19 июня в Вологде,

---

* Там же, 17 декабря.

** Книга хранится в фондах РГБ, шифр: $0^{8}/_{508}$.

*** Шифры: 11971; $W^{0}/_{344}$. Ф.И. Витязев (Седенко) (1886-1938) — историк, библиограф, издатель; бывший член партии эсеров, в 1918-1926 гг. возглавлял кооперативное издательство «Колос», в апреле 1930 г. был арестован и заключен в Слаг (Мурманская обл.); хлопотами В.Н. Фигнер заключение в лагере было заменено ему трехлетней ссылкой в Нижний Новгород; помогал И.Ф. Масанову в работе над «Словарем псевдонимов», в частности сообщил ему псевдонимы П.А. Сорокина: «Вадим», «В.В.», «В. Вьюгов», «П.С.», «Римус». (Под псевдонимом «Римус» Сорокин публиковался в журналах «Северный гусляр» в 1914-1915 гг. и «Народная мысль» в 1915-м, под псевдонимом «Вадим», «В.В.», «В. Вьюгов» в газете «Воля народа» в 1917-м; кроме того, псевдонимом «В. Вьюгов» подписан рассказ П.А. Сорокина «В новую жизнь» // Малыши. Сб. рассказов и стихотворений. Книжка III. М.-Пг., 1923). В 1938 г. Ф.И. Витязев-Седенко сгинул в застенках НКВД. Подробнее о нем см.: *Везирова Л.А.* Ф.И. Витязев // Книга: Исследования и материалы. 1986, сб. 53, с. 79-96; *Ратнер А.В.* Под псевдонимом «Петр Витязев» // Советская библиография. 1986, № 3, с. 55-56; «Поздно мы с вами познакомились...» Из переписки И.Ф. Масанова и Ф.И. Витязева // Советская библиография. 1991, № 1, с. 125-132, № 2, с. 115-126 (предисл., публ., примеч. Е.Н. Никитина).

в помещении Вологодского общества взаимного страхования от огня прочитал лекцию на тему «Война и нравственный прогресс человечества»* . Заметка эта, подписанная Z, интересна тем, что помимо биографических подробностей (сообщаемых явно со слов самого Сорокина, так что все ее вопиющие неточности следует, по-видимому, отнести на его счет) в ней сообщается о том, что отзывы на первую книгу начинающего ученого появились не только в российской, но и зарубежной прессе. Вот текст этого анонса полностью:

«Выступающий сегодня с лекцией Питирим Сорокин — уроженец севера, полузырянин. Отец его бывший ремесленник-маляр, мать — зырянка. Детство свое, до 15 лет, он провел среди зырян, кочуя из села в село. С 10 лет остался совершенно один и исключительно своими усилиями пробил себе дорогу. Окончив двухклассное училище, он поступил в учительскую семинарию. Исключенный из нее, он через несколько лет выдержал экзамен на аттестат зрелости и поступил в Психоневрол[огический] институт. Здесь он быстро выдвинулся своими работами и по окончании института ему предложено было профессорами Петражицким, Ковалевским и Розиным остаться на любой из трех кафедр. Оставшись по уголовному праву и процессу, он за эти полтора года выдержал экзамен на звание магистра уголовного права.

Несмотря на молодость нашего земляка, перу Питирима Александровича принадлежит уже ряд серьезных работ: книга "Преступление и кара" обратила на себя внимание как русской, так и иностранной печати (американской и итальянской); брошюры "Л.Н. Толстой как философ", "Самоубийство", "Социальные символы", "Брак в старину", "Преступление и его причины"; ряд статей в "Новых идеях социологии" ("Предмет социологии", "Прогресс", "Что такое религия" и др.), в "Заветах", "Ежемесячном Журнале", "Юридическом Вестнике" и др.

Как книги, так и статьи молодого ученого запечатлены оригинальностью мысли и обширной эрудицией. Любимый ученик и секретарь М.М. Ковалевского, он в этом отношении напоминает своего учителя.

Аудитория лектора в Психоневрологическом институте одна из самых многочисленных.

---

* Вологодский листок. 1916, № 1024.

Надеемся, что публика воспользуется случаем послушать молодого ученого и услышать действительно научную лекцию на волнующие темы»*.

Такова вкратце внешняя история создания книги «Преступление и кара».

Что касается ее содержания, то следует сразу же сказать, что это нечто гораздо большее, чем «социологический этюд», как сказано в подзаголовке. В некотором смысле это и нечто гораздо большее, чем «система социологии» (хотя по некоторым «параметрам» «Преступление и кара» явно не дотягивает до «системы социологии»), по сути дела — перед нами целостная система мировоззрения, своего рода profession de foi. Прежде чем коснемся существа этого profession de foi, отметим, что те социологические закономерности, которые Сорокину удалось установить совершенно независимым от него, чисто «социологическим» образом, носят вполне научный и вполне актуальный характер. Таких закономерностей, открытых Сорокиным, много. Укажем лишь некоторые из них. Например: чтобы одно и то же деяние (преступление или подвиг) выглядели в глазах общественного мнения именно как преступление или как подвиг и вызвали с его стороны соответствующую и адекватную реакцию (т. е. чтобы подвиг был вознагражден, а за преступлением последовало наказание), необходима гомогенность морального сознания членов этого общества. При гетерогенности морального сознания общество, по существу, находится в состоянии неявной (до поры до времени) гражданской войны. В таком общем виде это положение, безусловно, истинно и вполне приемлемо. Правда, лишь до тех пор, пока мы не зададимся вопросом, на чьей же стороне Правда и Справедливость, на чьей стороне Добро или Зло? Иначе ведь, по Сорокину, получается, что в конечном итоге побеждает не Правда, а Сила (с помощью «дрессирующего воздействия» кар и наград). Предчувствуя этот неприятный вопрос, Сорокин делает оговорку: «Извергов» в мире нет, а есть только люди, не понимающие друг друга, представления которых о “должном”, подвиге и награде различны». Пока — согласимся, но и запомним.

«Если бы действительно акты кары стали падать, — пишет он в другом месте, а акты награды расти — то, по существу дела, ни-

* Эхо. 1916, № 469, 19 июня, воскресенье, с. 2.

какого значительного изменения не произошло бы: рост наград означал бы тот же рост кар, но выраженный не прямо, а косвенно». Сорокин пишет в сослагательном наклонении, подчеркивая тем самым нереальность ситуации. Мы в такой «нереальной» ситуации жили совсем в общем-то недавно, только понять не могли, какой социальный смысл имеет эта безудержная страсть к наградам и орденам. Теперь понятно: когда один провозглашается трижды, четырежды, пятижды (!) героем, то тем самым трижды, четырежды и пятижды подчеркивается ничтожество всех остальных.

Трудно не согласиться с Сорокиным, когда он декларирует и «общечеловеческие» истины вроде следующей: «Человечеству... было сказано: "ты наделено всеми животными инстинктами... Совершенствуйся — если можешь. Процветай и прогрессируй, если ты это сделать в состоянии, если же не в состоянии — то погибай!"» И т. д. и т. д.

Да и в целом: собственно концепция кар и наград построена Сорокиным почти безукоризненно с полным знанием предмета, с аргументацией, местами отточенной до логической виртуозности.

Но вот мы дошли до последней страницы — и: «Сверхчеловек, стоящий выше современного добра и зла, права и нравственности, не знающий извне навязываемого "долга" и полный действенной любви к сочеловекам (так и написано! не к "людям", не к "человечеству" даже, а к этим... как их? "сочеловекам!"), — вот предел, к которому ведет история человечества.

Таков итог данной работы и таковы перспективы, открывающиеся перед нами с точки зрения выше развитых положений».

Пройдет совсем немного времени — около четырех лет, — и в Россию явится такой «сверхчеловек, стоящий выше современного добра и зла» (который, как известно, еще «на заре туманной юности» объявил свободу воли и совести «вздорной побасенкой», который не знал никакого «извне навязанного долга» и которому поэтому ничего не стоило провозгласить лозунг «поражения в войне собственного правительства» или обратиться к одичавшим и жаждущим крови массам со словами: «Грабьте награбленное», — а еще через год автор выше процитированного вывода будет прятаться среди двинских болот от других «сверхчеловеков» (калибром, правда, помельче), полных — по-своему — действенной любви к «сочеловекам».

Нетрудно было бы уже сейчас показать истоки этой ошибки Питирима Сорокина*, но мне хочется несколько усложнить свою задачу и показать еще одну его ошибку, имеющую существенное значение для понимания его мировоззрения, а в какой-то степени и личности, — с тем, чтобы потом, связав их воедино, найти их общий исток. Что касается другого заблуждения Сорокина — его вывода о «ведущей роли» Советского Союза из цитированной выше статьи «О характере русской нации...», то это, в сущности, тоже ошибочное умозаключение имеет под собой, пожалуй, не столько мировоззренческую, сколько психологическую основу и вызвано ностальгической любовью к России. Здесь ситуация, когда «меня обманывать не трудно, я сам обманываться рад...».

Начавшаяся мировая война ничуть не поколебала уверенности Сорокина в истинности его «конечного вывода». Война, неизбежно повлекшая за собой резкий «всплеск» кар и наград, в общем-то укладывалась в рамки установленного им закона «колебания кар и наград». Воевали же не Гитлер со Сталиным, а кайзер Вильгельм с императором Николаем, т. е. — как бы их ни оценивать, но во всяком случае — не «изверги». Революция, в сущности, тоже не поколебала этой уверенности, тем более что «измерял» ее Сорокин критериями и рамками Французской революции. Понимал: и он сам, и все правые эсеры, и вообще все небольшевики — это «жирондисты» и потому обречены, а большевики — это «якобинцы», и они на какое-то время победят, но потом, на «третьей стадии» развития революции, когда начнется частичная реставрация, сметут и их, и затем развитие общества войдет в более спокойное русло, кары и награды будут равномерно снижаться, и вот тогда уже опять явится «сверхчеловек, стоящий выше современного добра и зла...»

Конкретным проявлением этой ошибки было, например, то, что Сорокин после высылки считал свое возвращение в Россию делом ближайшего будущего. А в статье «Россия после нэпа», представляющей собой сокращенный вариант его книги «Современное состояние России» (где он, между прочим, обнаружил и обосновал «парадоксальную закономерность» исторического развития большевизма: большевики, писал здесь Сорокин, вынужде-

* Утопические элементы, содержащиеся в первой книге П.А. Сорокина, подробно проанализированы в монографии И.А. Исаева «Политико-правовая утопия в России. Конец XIX - начало XX вв.» (М., 1991, с. 102-110).

ны будут собственными руками строить тот капитализм, который они сами же и разрушили; закономерность эта блестяще подтвердилась на наших глазах с той лишь разницей, что разрушения оказались столь капитальны, столь «до основанья», что теперь, пожалуй, из оставшихся материалов ничего, кроме феодализма, не построишь и даже «варягов» не призовешь: не пойдут), Сорокин набросал три варианта будущего развития России, причем два из них в конце концов должны были привести к падению большевизма, а третий сценарий сам Сорокин считал, по-видимому, лишь теоретической моделью и на практике неосуществимым.

Вот эти сценарии.

1) Власть «еще несколько лет просуществует, но при условии дальнейшей эволюции в сторону капитализма и правового строя. Иначе — она будет сброшена насильственно».

2) «Если эта эволюция будет — в конце ее власть ожидает тоже падение, но более мягкое».

3) Третий вариант вытекал из обнаруженной Сорокиным внутренней антиномичности новой экономической политики, колеблющейся между «всерьез и надолго» и «временной передышкой».

«Введя нэп, — писал П.А. Сорокин, — гг. коммунисты продолжали упираться и стали бормотать о "передышке". "Нэп" — "капитализм" — это передышка, она нужна для восстановления хозяйства. "Когда оно будет восстановлено — мы снова перейдем к коммунизму", — так говорили они. Поистине архистранная логика и политика! На обычном языке она гласит: "для восстановления хозяйства нужен капитализм, и мы его вводим. Когда хозяйство возродится — мы введением коммунизма снова разрушим его. По достижении полного развала для восстановления снова введем капитализм как передышку. По восстановлении снова заменим его коммунизмом, т. е. разрушением; потом опять будет капитализм, за ним — опять коммунизм" и т. д. Почему такой ход истории благодетелен и почему коммунизм как разрушительная система выше капитализма и должен быть непременно введен, как только хозяйство наладится, — простому смертному не понять».

Именно этот вариант развития, который П.А. Сорокин не без основания называет «сказкой про белого бычка», реализовался в истории, и «сказка» эта продолжалась без малого 80 лет!

Теперь пора подвести обе эти ошибки Питирима Сорокина под общий знаменатель и вместе с тем подвести итог нашему

краткому анализу. В основе исповедуемого Сорокиным социально-политического идеала лежит масонско-просветительская концепция Добра и Зла, согласно которой Зло рассматривается как своего рода математический минус, или, если воспользоваться формулой В.С. Соловьева, «естественный недостаток, несовершенство, само собою исчезающее с ростом добра». Само Зло в таком случае начинает функционировать по законам функционирования Добра, превращается в тень Добра, что с классической ясностью выразил Гете: «Часть силы той, что без числа творит добро, всему желая зла». Если зададимся вопросом, что, по Питириму Сорокину, является причиной — движущей силой общественного развития, то ответом неизбежно будет: Зло. «Самопроизвольный динамизм социальной среды», о котором он пишет, — без поддержки Зла — приведет к росту социальной энтропийности, своего рода "тепловой смерти" социума, и, чтобы этого не случилось, нужны дерзкие разведчики будущего, апостолы новой морали: *преступники*, стоящие над обществом, по ту сторону добра и зла». Наша прошедшая история показала, что от такого «идеологического» преступления до обычной уголовщины всего один шаг, если не меньше. Сверху бросается клич: «Грабьте награбленное!» («научно» это обосновывается тем, что «пробил час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют»), и тотчас же снизу это находит горячий отклик в сердцах у многих. «Заступник и расплатчик» сказал: можно!

Но-жи-чком на месте чик лю-то-го по-ме-щика,
Гос-по-дин по-ме-щичек, со-би-райте вещи-ка!

А потом уже «чик» и любого встречного.

Между тем законы функционирования Зла принципиально отличны от законов функционирования Добра. Кажется, впервые на это фундаментальное различие указал декабрист Н.И. Тургенев, который в одном из писем к П.Я. Чаадаеву писал: «Зло, чтоб не погибнуть, должно, так сказать, быть осуществлено, в одной мысли оно жить не может; добро же, напротив того, живет не умирая, даже и в свободной идее, независимо от власти человеческой»*. Отсюда же проистекает и другое фундаментальное различие: Добро распространяется в мире в количественном

* *Чаадаев П.Я.* Полное собрание сочинений и избранные письма. М., 1991, т. 2, с. 414.

отношении, с точки зрения качественной оно статично и постоянно: то, что было Добром тысячу лет назад, то и сейчас Добро и останется таковым, пока стоит мир. Зло, напротив, должно постоянно разнообразиться, постоянно наращивать свою мощь в количественном и качественном отношении. В противном случае его перестанут бояться. Зло же, которого не боятся, — не есть Зло.

Согласно масонско-просветительской концепции Зла как Тени Добра, эта «тень» должна была уменьшаться по мере того, как все выше восходит на небосклоне Солнце Просвещения. Реальная же история зла оказалась прямо противоположной: Тень все росла — росла до тех пор, пока не стала явной опасность, что она поглотит весь мир.

Характерно, что свое жизненное кредо, которое я цитировал в конце своего рассказа о жизни П.А. Сорокина, он сформулировал в застенках В. Устюжской ЧК в ожидании смерти от пули «сверхчеловеков». Это кредо не сразу, правда, обрело надлежащие теоретические одежды. Словно бы желая отделаться от проблемы, он еще в 1920 году категорично заявлял: «Истина должна быть разъединена от Добра, Справедливости и т. п. принципов. Они несоизмеримы и гетерогенны»*.

Лишь на склоне лет он пришел к убеждению, что, «подобно христианской троице — Отец, Сын и Святой Дух, — Любовь, Истина и Красота являются величайшими ценностями или энергиями, неразделимыми, но отличными друг от друга»**.

Не рискуя сейчас даже в самом сжатом виде излагать дальнейшую мировоззренческую эволюцию Сорокина, замечу лишь, что это развитие сопровождалось все более глубоким его проникновением в проблематику Ф.М. Достоевского.

Автор «Преступления и кары», несмотря на весь свой внешний «решпект» к русскому мыслителю, овладел «Заветами Достоевского» пока лишь чисто внешне и поверхностно. Для многих читателей, уловивших явную перекличку названия сорокинского «этюда» с названием романа Ф.М. Достоевского, по-видимому, немалым разочарованием будет обнаружить, что перекличка эта во многом носит фиктивный характер. Даже и в статье «Заветы До-

---

* *Сорокин П.А.* Система социологии. Пг., 1920, т. 1, с. X.

** *Сорокин П.А.* Таинственная энергия любви // Социологические исследования. 1991, № 8, с. 123.

стоевского»*, написанной в 1921 году, несмотря на гораздо более проникновенный характер трактовки идей русского писателя, который здесь находим, — Сорокин все же недотягивает до самых сокровенных глубин. Ф.М. Достоевский понимается здесь à la Л. Толстой: учитель и моралист, апостол христианской Любви. Но и только. Социальная проблематика Достоевского с его грозным предупреждением: «Зло коренится гораздо глубже в природе человека, чем полагают лекаря-социалисты», с его экзистенциальным проникновением в иррациональные глубины человеческой психики, с ее подпольем, раздвоенностью, мечтательностью и т. д. — все это пока остается вне сферы интересов и внимания Сорокина.

Нравственный переворот, пережитый Сорокиным в 1918 году, по сути дела — тот же самый, который пережили авторы «Вех» (разумеется, с учетом как личных особенностей первоначального мировоззрения и индивидуального темперамента, так и обстоятельств времени и места)**.

Но все это — впереди. Читая же сегодня «Преступление и кару», будем помнить, что перед нами труд еще совсем молодого, 24-летнего человека, студента (!), одержимого поисками вечной Истины, которым он посвятит всю свою дальнейшую жизнь. Какие бы ошибки и заблуждения ни находили мы у него сегодня, в одном он несомненно и абсолютно прав: Добро временами оказывается слабее Зла, Истина — никогда.

В.В. Сапов

---

* Артельное дело. 1921, № 17.

** Подробнее см.: *Сапов В.В.* Зырянский проповедник // Социологические исследования. 1991, № 8, с. 118-120.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И КАРА, ПОДВИГ И НАГРАДА

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЭТЮД ОБ ОСНОВНЫХ ФОРМАХ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ И МОРАЛИ

Царствие небесное нудится.

От Матфея, гл. 11, ст. 12

ПРЕДИСЛОВИЕ ПРОФ. М.М. КОВАЛЕВСКОГО

Кары и награды — таков, по-видимому, далеко не новый вопрос, составляющий тему настоящего сочинения. Им занимался еще Бентам, и у многих читателей, прежде чем взять в руки эту книгу, может зародиться мысль о новом возбуждении дорогой утилитаристам темы с повторением старых доказательств или с попыткой опровергнуть вызванные Бентамом возражения. Но тот, кто прочтет эту книгу, увидит, что старая тема рассматривается в ней с совершенно новой точки зрения и с привлечением таких данных и соображений, о которых, разумеется, и не думал Бентам. Она изучается автором с точки зрения психологии и социологии. И на этот раз вполне оправдывается известное положение Конта, что ни один социальный вопрос не может быть представлен в правильном освещении иначе, как в соотношении со всей массою явлений, обнимаемых социальной статикой и динамикой.

Автор вполне проникся этой мыслью: если в первой части своей книги он задается по преимуществу выяснением психической природы тех явлений, к регулированию которых направлены кары и награды, указывая с этой целью на возможность подвести все правила поведения под три группы: дозволенных, запрещенных и рекомендуемых действий, то во второй части перед читателем развертывается процесс самого зарождения «общественного сознания», и определенно ставится вопрос о том, в какой мере оно может быть рассматриваемо как продукт коллективной психики. В связи с выработкой этого сознания, под влиянием сопутствующих ему изменений в самих условиях жизни и быта первобытных племен упрочивается в представлениях людей необходимость кар и наград как неизбежных условий сохранения общественного един-

ства. Дальнейшие сопутствующие изменения, укрепляя общественные инстинкты или, наоборот, разрушая одни и заменяя их другими, в создании которых является уже элемент сознательности, ведут постепенно к тому последствию, что интенсивность санкций постепенно слабеет по мере того, как укореняется в людях понятие общественной солидарности.

При развитии своей основной темы автор не только не уклоняется от решения смежных с нею вопросов, но, можно сказать, ищет их. Его молодость сказывается в нежелании экономизировать свои силы. Он не идет в своем исследовании по линии «наименьшего сопротивления». Он не желает оставить без ответа ни одного из возможных возражений; ищет добраться до корней. А благодаря этому его книга из специальной монографии переходит в общий трактат по психологии, столько же индивидуальной, сколько и коллективной, и по самой теории эволюции и прогресса. Скажу более, в книге ставится и самый вопрос теории происхождения сознания и освещается с точки зрения коллективной психологии, той самой, на которой стоят Дюркгейм, Де-Роберти и целый ряд итальянских психологов и социологов.

Во всем своем сочинении автор не довольствуется простыми утверждениями, так называемой чистой дедукцией, а прилагает тот индуктивно-дедуктивный прием или метод обратной дедукции, необходимость которого в области социальных наук, на мой взгляд, вполне установлена Миллем. Нельзя не отдать должного разносторонней подготовленности еще молодого писателя, которому не только известна литература по психологии и социологии на четырех наиболее распространенных языках Европы, но и материал законодательных и религиозных книг, в которых, очевидно, необходимо искать выражения в разное время господствовавших воззрений и на кары, и на награды.

Один недавний французский писатель Гастон Боне-Мари, корреспондент Французского Института, поставил себе задачей указать на моральное единство религий. Это моральное единство объясняется автором не одним заимствованием и воздействием, например, платонизма и еврейства на христианство, еврейства и христианства на магометанское учение. Боне-Мари указывает и на то, что мораль семитов, арийцев и китайцев, помимо всякого воздействия браманизма и «Авесты» на религиозные системы, с одной стороны — греков и римлян, с другой — Китая, если не

говорить о буддизме, в основных началах тождественна, и что то же до некоторой степени может быть сказано и по отношению к религии Древнего Египта. Но где искать корень самих этих сходств, не порождаемых подражанием? На этот вопрос читатель скорее найдет ответ в книге г. Сорокина, нежели в сочинении Боне-Мари. Он увидит, что разнообразнейшие по расе и религии общества нуждаются в одинаковых общественных устоях и в одинаковых средствах сохранения этих устоев. Таким образом, интерес самозащиты заставляет их вырабатывать близкие друг к другу нравственные принципы и, так сказать, морализировать своих богов в одном и том же направлении, — в направлении, необходимом для сохранения и развития общежития.

Далеко не последней заслугой автора я считаю строгое разграничение им при изложении первоначальных нравственных понятий, с одной стороны — отношений той замиренной среды, которой является сперва материнский клан, постепенно переходящий в агнатический род и затем в более широкие союзы, в состав которых входит несколько родов, начиная от племени, переходя к совокупности нескольких племен в городе-государстве и заканчивая государством-нацией и даже союзом некоторых таких политически объединившихся народов, с другой — межгрупповых отношений. Благодаря этому вопрос о карах и наградах осложняется вопросом о войне и мире. Солидарность сказывается впервые лишь в тесных кругах, она постепенно переходит ко все более и более широким, и не отнята надежда, что в будущем не только будет положен конец ненужным жестокостям на войне, но и посредничеству суждено будет предупреждать кровавые столкновения между нациями.

Выражение этих взглядов человеком, старающимся отрешиться от всяких личных пристрастий и строить свои выводы на прочном фундаменте положительных данных, мне кажется более желательным, чем самая горячая проповедь пацифизма.

Вообще, читатель не найдет в книге г. Сорокина преследования каких-либо определенных этических, социальных или политических тенденций. Он постоянно орудует данными психологии, этнографии, истории с тем научным беспристрастием, какое так естественно у физика, химика или биолога и которое, к сожалению, так редко встречается в сочинениях по обществоведению. Это обстоятельство, может быть, ограничит круг его читателей;

но оно же, в моих глазах, является залогом того, что книга эта несомненно послужит той высшей задаче, с которой, по мнению Монтескье, издаются серьезные сочинения: она возбудит мысль самого читающего и заставит его, в свою очередь, сделать усилие в направлении к установлению необходимых отношений между явлениями, т. е. эмпирических обобщений или социологических законов.

В нашей возникающей социологической литературе книга г. Сорокина является одной из первых ласточек. Выскажем пожелание, чтобы за нею появился и ряд других, и вместе с тем уверенность, что в этой будущей русской социологической библиотеке не один том будет принадлежать перу автора «Преступлений и кар, подвигов и наград».

Максим Ковалевский
С.-Петербург,
25 июня 1913 года

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предмет данной книги — *поведение* людей, поскольку оно является фактом, принадлежащим к *социальной категории.* В силу последнего условия поведение людей представляет всегда реализацию и выявление тех или иных *психических* переживаний и, в частности, моральных навыков, взглядов и убеждений. Это обстоятельство делает невозможным игнорирование моральных явлений при изучении поведения человека, а поэтому этюд о поведении людей неизбежно становится и трактатом по «физике нравов».

Этим заданием определяется характер и содержание книги.

Раз мы изучаем поведение людей в качестве явления социальной категории, то, очевидно, прежде всего необходимо было дать определение того, что мы понимаем под социальным явлением как явлением, образующим категорию sui generis[1]. Этой проблеме посвящена 1-я глава.

Далее, чтобы иметь возможность хоть сколько-нибудь ориентироваться в бесконечном разнообразии конкретных актов, из которых составляется поведение человека, необходимо было так или иначе систематизировать их и подвести под определенные, немногочисленные рубрики, которые обнимали бы собой если не все, то, по крайней мере, большинство актов социального поведения. Разрешение этой проблемы составляет содержание 2-й главы.

3-я и 4-я главы посвящены более детальному анализу двух основных форм поведения: преступно-карательных и услужно-наградных. Так как услужно-наградные отношения играют в социальной жизни роль нисколько не меньшую, чем преступно-карательные, и так как научная мысль до сих пор почему-то игно-

рировала их, сосредоточив все свое внимание на изучении преступно-карательных отношений, то мы позволили себе в этих главах более подробно остановиться на этой форме социальных отношений, чтобы обратить внимание исследователей на эту сторону социальной жизни.

Этими главами кончается первая *систематическая* часть книги, посвященная анализу архитектоники основных форм поведения. Может быть, многим покажется странным то обстоятельство, что мы в этой части имеем дело лишь с индивидом и как будто совершенно игнорируем зависимость поведения и психики индивида от группы. На это ответим, что подобное «упрощение» сделано нами сознательно, в силу того методологического правила, что при анализе любого явления следует брать возможно более простые условия, дающие возможность более легко уловить его основные черты.

А игнорируем ли мы указанную зависимость — это видно из третьей части книги — части *генетической.*

Раз основные формы поведения выделены — мы можем уже ставить вопрос и об *их функциях и их социальной роли.* Изучением этих проблем занята *вторая* часть этюда, состоящая из 5-й и 6-й глав. Первая посвящена изучению мотивационно-дрессирующего влияния санкций в связи с рикошетным действием акта на психику, вторая — исследованию социальной роли карательно-наградных актов.

Указанные две части книги делают возможным переход и к *генетической* стороне дела, которая изучается в 3-й части этюда. 7-я глава трактует о возникновении основных форм поведения и механике смены конкретного содержания этих форм. Положения, установленные здесь, дают основание для некоторых дедуктивных выводов относительно постоянных исторических тенденций, которые должны обнаруживаться в эволюции исследуемых форм поведения. Сформулировав эти тенденции, в 8-й главе мы переходим к их проверке на конкретном историческом материале, эта проверка в то же время является и краткой историей каждой из указанных форм поведения.

Так как исторические тенденции, несмотря на свое постоянство, идут не прямолинейно, а дают временные повышения и понижения, то мы не могли игнорировать эти колебания и должны

были объяснить и их. Исследованию условий, вызывающих эти эпизодические колебания, посвящена 9-я глава.

10-я, заключительная, глава посвящена исследованию прогресса в поведении человека.

На протяжении всей работы мы старались держаться *объективной,* или *теоретической* точки зрения, изучающей *сущее как оно есть.* Не будем скрывать, что такое изучение имеет свою трагическую сторону: исследователь принужден стать «по ту сторону добра и зла» и часто подводит под одну рубрику самые разнородные с обычной точки зрения акты: акты величайшей подлости и высочайшего подвига. Но, вполне сознавая это, мы, тем не менее, думаем, что научное исследование морали и чего угодно может быть только теоретическим. Иное исследование невозможно. Так как подобная точка зрения все еще оспаривается в сфере моральных явлений, то к книге мы присоединяем «Введение», обосновывающее только что изложенное положение.

Что касается самого способа обработки материала, то автор здесь держался средней линии между чисто дедуктивным построением целой «системы» и простым собиранием плохо анализированного эмпирического материала. Чисто дедуктивные системы могут быть очень красивыми и стройными, но они предполагают такую высоту развития соответственной научной дисциплины, которая социальными науками далеко еще не достигнута. В силу этого можно соткать прекрасную сеть дедуктивных рассуждений, но она может здесь не дать никакого улова «из моря эмпирических фактов». И наоборот, можно собрать множество фактов из мира конкретности, но если нет никакой «сети», то нам нечем будет ловить эту «рыбу». Поэтому мы и принуждены были держаться средней линии между указанными крайностями.

Что касается, наконец, самого «моря», из которого автор ловил конкретный материал, то здесь, в особенности в области преступлений, автор следовал изречению Бэкона, гласящему: ut homines eam non opinionem sed opus esse cogitent[2]. Этим автор хочет сказать, что преступно-карательные явления, изучаемые догматикой уголовного права, не охватывают всего класса однородных явлений и имеют дело лишь с маленькой частью целого класса. А в силу этого социолог может и должен не ограничиваться сферой официально-позитивных преступлений и кар (подвигов и наград), изучаемых уголовным правом (или имеющим равное основание на существо-

вание наградным правом), а может ловить свою «рыбу» и вне этой области, в более обширных морях социальной реальности.

В заключение автор приносит свою глубокую благодарность за ряд весьма важных и ценных указаний Е.В. Де-Роберти, М.М. Ковалевскому и Л.И. Петражицкому, а также руководителям и членам кружков: «Философии права» Л.И. Петражицкого, «Социологии» Е.В. Де-Роберти, «Экономического кружка» М.И. Туган-Барановского, «Философии государства» М.А. Рейснера и «Уголовных кружков» М.М. Исаева и П.И. Люблинского. Не может он не поблагодарить также Я.Г. Долбышева, давшего средства на издание книги, и Т.И. Райнова, любезно разделившего с автором труд корректирования данного этюда.

Автор
С.-Петербург,
20 сентября, 1913 г.

ВВЕДЕНИЕ[1]

Не плакать, не смеяться, а понимать.

Спиноза[2]

§ 1

О нормативной физике, нормативной химии, нормативной биологии и т. д. — мы теперь уже не говорим. Вообще, любая наука, достигшая известной высоты (каковыми являются естественные науки), не говорит, что «так должно или не должно быть», ничего не приказывает и ничего не запрещает, а говорит «так есть», или «при наличии таких-то и таких-то условий происходит то-то», например, «при наличии двух соприкасающихся проводников теплоты, имеющих различную температуру, происходит переход теплоты от тела с высшей температурой к телу с низшей температурой».

Конечно, некогда и эти науки были нормативными, но мало-помалу они вышли из этого состояния и стали чисто теоретическими. Теперь биолог уже не будет говорить, что «птица имеет крылья, потому что она должна летать», а скажет, что «птица имеет крылья и потому она может летать или летает»...

Иначе обстоит дело с гуманитарными науками и, в частности, с этикой — наукой о нравственности. Загляните в большинство главнейших трудов по этике, и вы увидите, что большинство теоретиков нравственности определяет ее как нормативную дисциплину, предписывающую должное поведение и запрещающую недолжное. В этом видят ее сущность и ее коренное отличие от так называемых теоретических наук.

Наряду с теоретическим познанием (изучающим сущее как оно есть. — *П.С.*), говорит один из лидеров неокантианской марбургской школы Наторп, «существует практическое познание, т. е. познание не того, что есть, а того, что должно быть».

Теория этого долженствования или нравственности, по его мнению, и есть этика. «Под нравственностью мы понимаем ту закономерность волевых поступков, с точки зрения которой мы судим, что то, чего мы хотим, является безусловно хорошим, т. е. безусловно должно быть, или же наоборот — безусловно не должно быть»*. Подобным же образом обстоит дело и с лидерами фрейбургской неокантианской школы Риккертом и Виндельбандом.

Для Риккерта не только этика нормативна, но вообще нормы совести лежат, по его мнению, и в основе всего познания. «Логическая совесть, — говорит он, — есть лишь особая форма этической совести вообще». Риккерт само знание и бытие обосновывает на трансцендентном долженствовании (Sollen); отсюда понятно, что этика для Риккерта есть «учение о нормах воли», «этическое хотение должно быть отождествлено с хотением, сознающим долг, т. е. нравственная воля есть лишь воля, определяющая самое себя ради долженствования»**.

Так же на дело смотрит Штаммлер*** и другие кантианцы. Но не только кантианцы так смотрят на этику, но так же смотрят и другие крупные мыслители. Так, например, В. Вундт**** этику считает основной и начальной нормативной наукой. «Die Ethik, — говорит он, — ist die ursprüngliche Normwissenschaft»[3].

То же говорит и Геффдинг, когда рядом с теоретической этикой выделяет философскую, нормативно-оценочную этику, отчасти Фулье, у нас князь Е. Трубецкой и т. д. и т. д.*****

Уже этот краткий перечень имен, настолько видных и известных, к которым можно прибавить немало еще других имен плюс

---

* *Наторп П.* Философская пропедевтика. М., 1911, с. 13, 54-55. См.: *Его же.* Социальная педагогика. СПб., 1911, с. 1-197, passim.

** *Риккерт Г.* Введение в трансцендентную философию. Киев, 1904, с. 242-247 и passim; *Его же.* Границы естественнонаучного образования понятий. СПб., 1904, с. 590-593.

*** См.: *Штаммлер Р.* Хозяйство и право. СПб., 1907, т. I (введение) и т. II (Причинность и телос), с. 248-254; *Его же.* Theorie der Rechtswissenschaft. Halle, 1911. См. его определение Zweckwissenschaft[4].

**** *Вундт В.* Ethik. Stuttgart, 1903, Bd. I, S. 8-10.

***** *Геффдинг Г.* Этика. СПб., 1898, с. 15-18; *Фулье А.* Les éléments sociologiques de la morale. Paris: Alcan, 1905, p. 44.

почти все предыдущие системы нравственности, — способен сам по себе убедить, что так и должно быть, что этика, очевидно, по существу своему должна быть наукой нормативной, предписывающей должное и запрещающей недолжное.

Однако, несмотря на это, мы попытаемся не согласиться с этим мнением и попытаемся утверждать, что 1) если этика как наука возможна, то она может быть только теоретической, и что 2) нормативных наук, как противоположных теоретическим наукам, нет и не может быть.

§ 2

Прежде всего, необходимо точно определить, что, собственно, означает термин нормативная наука или нормативное суждение?

В. Вундт, как кратко я уже указал, нормативной наукой считает науку, рассматривающую предметы по их отношению к определенным правилам — нормам. А эти правила, т. е. нормы, есть прежде всего правила для воли — предписания для будущих действий, а затем уже предписания для оценки фактов*.

Существенными элементами нормы оказываются, следовательно, три признака: воля, предписание (долженствование) и оценка. «Объясняющие» (или теоретические) науки изучают явления с точки зрения сущего как они есть, нормативные — с точки зрения нормы, долженствования, каковыми явления должны быть.

Сходным же является понятие нормативных наук у неокантианцев, как кратко я указал выше. И для них в понятии нормативности важны те же три элемента: воля, долженствование и оценка.

Так же смотрят на нормативность Виндельбанд, Б. Кроче и другие, с той только разницей, что одни, как, например, Риккерт, точку зрения нормативности называют точкой зрения ценности, другие, как, например, Штаммлер, — точкой зрения цели, телоса**.

---

* См.: *Вундт В.* Ethik, Bd. I, S. 1-10.

** См., напр[имер], два основных способа упорядочения содержания сознания у Штаммлера: Wahrnehmen und Wollen[5], откуда он производит Werden und Bewirken[6], а отсюда, в свою очередь, упорядочение сознания по принципу: причина — следствие и цель — средство, что и дает ему основание для деления наук на Naturwissenschaft и Zweckwissenschaft[7]. См: Theorie der Rechtswissenschaft, S. 43 и сл.

Близок к указанному пониманию и взгляд Гуссерля, однако элемент воли в нормативных науках и суждениях он не считает обязательным элементом. Ввиду того, что Гуссерль дает нам великолепный анализ нормативных наук и суждений, я и начну с него развитие своей аргументации.

§ 3

Вместо того чтобы спорить о том, имеются или не имеются нормативные науки, я возьму более простую задачу. Всякая наука, как известно, представляет собой совокупность отдельных суждений. Поэтому суть дела нисколько не изменится оттого, что я вместо анализа, что такое нормативная наука, заменю его анализом: что такое нормативное суждение. Все выводы, полученные относительно суждений, имеют значение и для всей науки как суммы суждений.

Итак, что же такое нормативное суждение? Иначе говоря, можно ли согласиться с только что приведенным выше мнением Вундта, Наторпа, Риккерта и др.?

«Законы (нормативные дисциплины) говорят... о том, что должно быть, хотя может и не быть, а при известных условиях даже не может быть», — говорит виднейший из современных логиков Гуссерль. Спрашивается, продолжает он, «что разумеется под этим «должно быть» по сравнению с простым бытием? Очевидно, что первоначальный смысл долженствования, связанный с известным желанием или хотением, с требованием или приказанием, например, "ты должен слушаться меня", "пусть придет ко мне X" — слишком узок. Подобно тому, как иногда мы говорим о требовании в более широком смысле, причем нет никого, кто бы требовал, а иногда и никого, от кого бы требовалось, так мы часто говорим и о долженствовании независимо от чьего-либо желания или хотения. Когда мы говорим: "Воин должен быть храбрым", то это не значит, что мы или кто-либо другой желаем или хотим, повелеваем или требуем это». Итак, по Гуссерлю, воля не необходимый элемент нормативного суждения (и науки). Что же означает в таком случае приведенное нормативное суждение о воине? — «Воин должен быть храбрым», означает только, что храбрый воин есть «хороший воин», и при этом — так как предикаты «хороший

и дурной» распределяют между собой объем понятия воин — подразумевается, что не храбрый воин есть «дурной воин»*.

Так же обстоит дело и в других нормативных суждениях, какую бы форму они ни имели («должен», «имеет право», «обязан» и т. д.). Вообще мы можем считать тождественными формы: «А должно быть В» и «А, которое не есть В, есть дурное А» или «только А, которое есть В, есть хорошее А».

Выходит, следовательно, что «каждое нормативное суждение предполагает известного рода оценку (одобрение, признание), из которой вытекает понятие «хорошего» (ценного) в известном смысле или же «дурного» (лишенного ценности) в отношении известного класса объектов; сообразно с этим такие объекты распадаются на хорошие и дурные». Итак, в основе всякого долженствования лежит оценка; значит: «Воин должен быть храбрым» равняется — «Только храбрый воин есть хороший воин», где мы оцениваем.

В чем же заключается закономерность этой оценки?

В том, что она должна согласоваться с одной основной нормой, с одной основной ценностью. Так, например, если мы вместе с утилитаристами примем за такую основную норму положение «maximum счастья для maximum'а людей»[8], то закономерность всякой оценки будет заключаться в согласовании ее с этой основной ценностью.

Наука, исследующая совокупность нормативных суждений в связи с такой общей основной мерой, и будет нормативной наукой.

Но спрашивается, как мы получаем и создаем самое понятие хорошего или дурного? Нормативным или теоретическим путем?

Из приведенного ясно, что «каждая нормативная, а тем более практическая дисциплина, предполагает в качестве основ одну или несколько теоретических дисциплин». «Каждая нормативная дисциплина требует познания известных не нормативных истин, которые она заимствует у известных теоретических наук»**.

Таков вывод Гуссерля.

Итак, каждое нормативное суждение, всякое должен (а отсюда и долг) имеет в своей основе оценку, которая как таковая уже не есть достояние или содержание нормативного суждения, а есть содержание теоретического (т. е. изучающего сущее как оно есть)

---

* *Гуссерль Э.* Логические исследования. СПб., 1909, с. 33-34.

** *Гуссерль Э.* Ibid., S. 36-40.

суждения. Сообразно с этим и всякая нормативная наука есть функция теоретических дисциплин и только как таковая может быть. Поэтому и этика должного, если она вообще возможна, то возможна только на основе этики, изучающей сущее, т. е. существовавшую и существующую мораль независимо от желательного и должного. А до тех пор так называемая нормативная этика будет лишь собранием произвольно установленных «норм», ни для кого не обязательных, а тем самым не научных.

Таков наш первый выигрыш, где мы воспользовались великолепным анализом Гуссерля. Итак, обосновывать этику, исходя из должного и спускаясь к сущему, как делают Наторп, Риккерт и др. — нельзя. Можно только идти наоборот: исходя из функциональных связей, данных нам в сущем, восходить постепенно в мир должного.

§ 4

Однако для того, чтобы отвергнуть вообще «нормативную» этику, хотящую законодательствовать и обращающуюся к человеку с приказом: «ты должен», или же с запрещением: «ты не должен», но не хотящую объективно (т. е. безотносительно к нашим желаниям и долженствованию) изучать область моральных явлений — кроме сказанного необходимо решить два основных вопроса: 1) что такое оценка, которая, по Гуссерлю, лежит в основе нормативных суждений и 2) что такое высшая или основная ценность (основная норма), которая обусловливает собою закономерность (истинность) оценивающих суждений и какое отношение она имеет к познанию сущего — теоретическому познанию?

Первый пункт — оценку, а соответственно и оценочные суждения — необходимо проанализировать потому, что сторонники нормативной этики могут вполне согласиться с Гуссерлем в том, что в основе суждений долженствования лежит оценка, но тем сильнее будут настаивать на полной независимости «оценочных суждений» от теоретических суждений, а тем самым и нормативных суждений и наук — от теоретических.

Все сторонники нормативизма вместе с Кантом и Лотце утверждают примат долженствования перед бытием. «Я все еще убежден, — говорит Лотце, — что я иду правильным путем, когда

я ищу в том, что должно быть, основание того, что есть», и под этим заявлением подписываются все нормативисты. Переводя это положение на иной язык, мы получаем утверждение: суждения ценности нисколько не обусловлены суждениями теоретическими, а, наоборот, обусловливают их. Это утверждают Наторп, Риккерт, Виндельбанд, Штаммлер и др.

Следовательно, перед нами стоят вопросы: 1) что такое суждения ценности, представляют ли они теоретические суждения или же нечто совершенно отличное от них, 2) обусловливают ли они теоретические суждения или же сами обусловливаются последними.

«Если рассматривать суждения ценности как суждения и утверждения истины (т. е. чисто теоретические суждения), то они сразу приобретают нелепый вид», — говорит Б. Кроче.

В самом деле, суждение — «А таково, каким оно не должно быть» — логический абсурд, потому что отрицание существования у того, что существует, отрицание одновременно с его утверждением — логическая нелепость. Точно так же и положительное суждение: «А таково, каким оно должно быть» — сводится к тавтологии, потому что если А существует, то существует так, как оно должно существовать.

Поэтому Кроче приходит к выводу, что суждения ценности есть вообще суждения, дополненные выражением чувства, они «нисколько не способствуют познанию объектов и содержания их относятся не к логической, а к эмоциональной и практической деятельности»*.

Таким образом, для Кроче суждения ценности и суждения теоретические — нечто совершенно отличное и друг от друга независимое, суждения ценности относятся не к логической, а к эмоциональной деятельности.

Виндельбанд и Риккерт идут еще дальше и сами теоретические суждения считают не чем иным, как частным видом оценки. Так как суждение есть или отрицание или утверждение, то отрицание, по их мнению, есть частный вид неодобрения, а утверждение — одобрения; таким образом, сама истина делается у них чем-то производным, целиком основанным на оценке. Значит, на поставленную нами проблему они отвечают так: теоретическое суждение обусловлено суждением ценности и представляет частный случай оценки вообще; противоположность истинного и ложно-

* *Кроче Б.* О так называемых суждениях ценности (Логос, кн. 2, с. 22-25).

го, по их мнению, такая же, как противоположность красивого и некрасивого, приятного и неприятного, доброго и злого и т. д.*

Рассмотрим сначала первое из приведенных мнений, мнение Кроче.

Если не играть понятием суждения, то достаточно небольшого размышления, чтобы признать мнение Кроче в корне неверным. Уже из самого понятия суждения вытекает, что оно должно иметь отношение к истине, т. е. к логическому бытию. И только постольку, поскольку какое-нибудь утверждение или отрицание определенной зависимости между субъектом или предикатом претендует быть истинным (фактически оно может быть и истинным и ложным), лишь постольку мы можем принимать его за суждение. Там же, где мы имеем выражение, «не относящееся к логической деятельности», т. е. выражение, которое не может быть ни истинным, ни ложным, там мы не имеем никакого суждения. Эта необходимость отношения какого угодно утверждения или отрицания той или иной связи субъекта и предиката к истине есть conditio sine qua non[9] суждения.

Выражения: «Снег — бел», «Сократ — человек» и т. д. являются суждениями лишь потому, что утверждаемая связь между субъектом и предикатом претендует быть истинной (хотя фактически она может быть и ложной, но это здесь не важно, а важно лишь то, что эта связь имеет в виду истинность или ложность).

Не иначе обстоит дело и с «практически-оценивающими» суждениями. Суждение: «я люблю синее небо» несомненно заключает в себе оценку, ибо оно говорит: «я ценю (мне нравится, приятно и т. д.) синее небо»; значит ли, однако, что оно не относится к «логической», т. е. к чисто теоретической деятельности?

И это выражение является суждением лишь потому, что оно утверждает определенную связь субъекта и предиката, имея в виду истину, т. е. что эта связь действительно такова, а не иная.

Это суждение совершенно тождественно с суждением «снег — бел», отличается оно от него лишь тем, что субъектом суждения здесь является «я» (мои переживания, эмоциональная деятельность), а предикатом утверждается определенное свойство этого «я». Это выражение как суждение относится к логическому и только к логическому бытию. Формулируя ясно мое возражение, я ут-

---

* См.: *Виндельбанд В.* Прелюдии; *Риккерт Г.* — указанные выше работы — passim и «Zwei Wege der Erkenntnisteorie» (Kantstudien, Bd. XIV).

верждаю, что Б. Кроче и другие сторонники этого течения перепутали два совершенно различных явления: переживания и суждения. Разумеется, я могу переживать, как может переживать и амеба, те или иные эмоции: приятные и неприятные, ценные и не ценные, но эти переживания, как, например, переживания болей в желудке, от этого не делаются суждениями; а поэтому же из этих переживаний нельзя образовать и науку. Все эти переживания как переживания относятся к эмоциональной или к какой угодно деятельности, но только не к логической.

Когда же я высказываю или мыслю суждение: «я испытываю боли в желудке» или «амеба переживает эмоции» — это уже относится к логической и только к логической деятельности, имеющей в виду истину, а тем самым к теоретической области.

В первом случае были переживания, и они естественно не относились к логической области. Но ведь наука состоит не из переживаний, а из системы общеобязательных суждений. Суждения же, как видно из сказанного, могут быть только теоретическими, т. е. утверждающими или отрицающими ту или иную функциональную (т. е. реально существующую) связь субъекта и предиката.

Само выражение: «суждение ценности» в смысле чего-то противоположного логическому бытию — теоретическому суждению — есть contradictio in adjecto[10].

И этика, как бы она ни называлась — нормативной или еще как-нибудь иначе, раз она называется наукой, то она тем самым представляет совокупность суждений. А так как суждение всегда может быть только теоретическим, т. е. утверждающим или отрицающим ту или иную функциональную (логическую или причинную) связь субъекта и предиката, то тем самым и этика как наука может быть только теоретической, т. е. основанной на изучении того, что есть, на констатировании тех функциональных связей и отношений, которые даны нам в области моральных явлений.

Отсюда вытекает и вполне ясное отношение к суждению «долженствования» и тем самым к нормативным наукам.

Это отношение гласит: всякое суждение долженствования, если оно только суждение (т. е. имеет в виду истину), может быть только теоретическим, т. е. утверждающим как истинное или отрицающим как ложное то или иное функциональное отношение субъекта и предиката; если же оно не теоретическое и не относится к логической деятельности — оно вовсе не есть суждение, а пережива-

ние (или все, что угодно) и тем самым не имеет никакого отношения к науке как совокупности суждений.

Выражения: «ты должен», «тащить и не пущать», «помогай ближним», «если ударят тебя в правую щеку, то подставь и левую» и т. д. и т. д. — все эти «суждения» долженствования не суть суждения. Они не имеют никакого отношения к истине, не хотят быть ни истинными, ни ложными, а представляют просто волеизъявление или ту или иную реакцию на те или иные раздражения. Здесь, как и в выражении «моему ндраву не препятствуй»[11], по вполне справедливому замечанию Зигварта, «не требуется вера в истинность поведения, а требуется повиновение»*. Наука же имеет дело только с истинностью, и поэтому эти выражения, как совершенно не относящиеся к истине и не имеющие ее в виду, составить науку не могут. Они могут быть объектом науки, но самой наукой, ее составными элементами, быть они не могут. О них нельзя совершенно сказать, истинны они или ложны. А наука и суждения имеются лишь там, где можно поставить вопрос об истинности или ложности утверждения или отрицания.

Возьмем еще пример. Допустим, что существует закон, гласящий: «на основании такой-то статьи, такого-то параграфа, такого-то уложения гражданин должен снимать перед губернатором шапку».

Это выражение можно рассматривать двояко: 1) как приказание государства или судьи. В этом случае оно вовсе не является суждением, ибо нельзя поставить вопрос об его истинности или ложности; о нем нельзя сказать, истинно оно или ложно; оно стоит вне этих категорий, а поэтому оно вовсе не суждение. «Должен» и больше никаких... Так же обстоит дело и со всякими другими выражениями с «должен», «обязан», «не должен» и т. д.

2) Но можно его рассматривать и как суждение. В этом случае оно непременно приобретает вид теоретического суждения и гласит: «существует статья, которая приказывает гражданину снимать перед губернатором шапку». В этом случае можно поставить вопрос об истинности или ложности суждения и дело сводится к тому, чтобы проверить, верна ли утверждаемая связь субъекта и предиката, т. е. действительно ли существует такой закон, действительно ли он гласит то-то... и т. д. «Так есть» — вот основа этого суждения. В первом случае перед нами не суждение, а просто прика-

* *Зигварт Х.* Логика. СПб., 1908, т. I, с. 425.

зание, во втором суждение — и потому-то оно и теоретично, а не нормативно...

Отсюда понятно, что выражения: «Помни день субботний», «Чти отца твоего и матерь твою», «Поступай так, чтобы максима твоего поведения могла служить примером для всех», «Человек не должен обижать слабых», «На суде должно говорить правду» и вообще суждение: «А должно быть В, или А не должно быть В» — все это или простые переживания: волеизъявления, приказания, запрещения и т. д., о которых нельзя сказать ни то, что они истинны, ни то, что они ложны, а потому они не суждения и к науке отношения не имеют; или же, если они могут быть суждениями, то обязательно принимают теоретический вид. Точно так же и пример Гуссерля: «Воин должен быть храбрым» или вовсе не суждение, или же, если оно суждение, оно принимает чисто теоретический характер: «Храбрый воин есть хороший воин». В этом случае можно поставить вопрос о его истинности и спросить: истинна ли связь, утверждаемая между субъектом и предикатом, т. е. действительно ли храбрый воин есть хороший воин.

В последнем случае оно неизбежно относится к логической деятельности и неизбежно является теоретическим.

Из сказанного вытекает: 1) Всякое суждение, т. е. утверждение или отрицание связи субъекта и предиката, относительно которого можно поставить вопрос об его истинности или ложности, есть и может быть только теоретическим. Нормативное суждение или, что то же, «суждение ценности» есть contradictio in adjecto. Подобное суждение или вовсе не является суждением, или если является таковым, то представляет замаскированное теоретическое суждение.

2) Раз нет нормативных суждений, нет и нормативных наук. Поэтому и этика не может быть нормативной наукой; она может быть наукой о нормах, о запретах и приказаниях и т. д., но нормативной наукой она быть не может. Как наука — она не приказывает и не запрещает, не говорит: «ты должен» или «ты обязан», а только «показывает» функциональную связь явлений, сформулированных в виде суждений: «при наличии таких-то и таких-то условий происходит то-то и то-то». Например, «при оскорблении тобой другого, другой оскорбит тебя» — а уж нужно ли оскорблять или нет — это она предоставляет решать каждому, как ему угодно, подобно гигиене, которая говорит: «при неправильном

образе жизни наступает расстройство и истощение организма», а дело каждого уже решать — хочет ли он расстраивать организм или нет.

Все сказанное относительно Б. Кроче вполне приложимо и к Риккерту с Виндельбандом, основывающим истинность на долженствовании и оценке. Но помимо этого им свойственны еще особые, добавочные промахи.

Риккерт, как известно, основывает саму истину на трансцендентном долженствовании (Sollen) и это же трансцендентное Sollen считает критерием истинности.

Не входя в критику гносеологии Риккерта по существу, я замечу лишь то, что его конструкция истины ведет к неизбежному логическому кругу, как это ясно видно по его статье «Zwei Wege der Erkenntnistheorie». Трансцендентное Sollen нам само по себе недоступно, и поэтому должен быть критерий истинности суждения имманентный. И Риккерт указывает на такой критерий: очевидность (Evidenz) — вот критерий истины, говорит он. Но ведь иногда и заблуждение кажется очевидным, как тут быть? — спрашиваем мы.

— Да, — отвечает Риккерт, — поскольку имеется очевидность психическая, утверждающая не трансцендентное Sollen, но имманентное — постольку возможна ошибка и заблуждение. Поскольку же имеется очевидность, утверждающая трансцендентное Sollen, — постольку нет места заблуждению*.

— Но как отличить то и другое? — снова спрашиваем мы; и снова начинается сказка про белого бычка: чтобы очевидное суждение было истинно — оно должно выражать трансцендентное Sollen, а чтобы узнать, выражает ли оно трансцендентное Sollen, — оно должно быть очевидным. Получается круг, из которого нет выхода.

Помимо этого, как я уже сказал, все возражения, приложимые к Кроче, — приложимы и к этому течению. И оно точно так же путает суждения с переживаниями, считая суждение частным видом оценки, одобрения и неодобрения и ставя понятия истинный и ложный в один ряд с понятиями красивый и безобразный, приятный и неприятный и т. д.

Уже Зигварт отлично ответил на аргументы этого течения. «Выражение: “Солнечный свет мне приятен”, — говорит он, —

* Zwei Wege... S. 188.

это, конечно, оценка солнечного света в отношении к моему чувству. Но самая эта оценка, высказываемая суждением, не есть ни чувство, ни хотение, а простое признание факта, что солнечный свет пробуждает во мне это чувство. Реакция чувствующего человека есть то удовольствие, которое получается от теплоты. Суждение, в котором он выражает это, есть функция его мышления. На основании опыта противоположных чувств он образовал общие понятия приятного и неприятного, которые сами не суть чувства, и посредством этих понятий он выражает то фактическое отношение, какое существует между ним и известными вещами»*. Но к этому надо прибавить еще и то, что гносеология Риккерта и Виндельбанда, вопреки общему мнению, есть по своему существу скрытый, половинчатый прагматизм и, как всякая половинчатость, обладает всеми недостатками прагматизма, не обладая его достоинствами.

Как и прагматизм**, они говорят, что в основе истины — акта суждения — уже лежит одобрение или неодобрение (Джемс выражает это в терминах «польза и вред») — вообще оценка. На это следует ответить, что акт одобрения или неодобрения уже предполагает знание, хотя бы в простейшей форме различения, т. е. акт суждения (истину) — все равно будет ли это суждение объективно истинным или только кажется таковым.

Прежде чем порицать что-нибудь, надо знать, кого порицать и за что порицать. «Мы порицаем ложное потому, что оно ложно; но оно не потому ложно, что мы порицаем его. Лишь теоретическое познание, что известное суждение истинно или ложно, может обосновать чувство»***, вполне справедливо замечает Зигварт.

[При желании скрытый прагматизм этого течения можно было бы проследить во всей гносеологической концепции Риккерта и Виндельбанда, например, в учении о проблематических суждениях, обнаруживающих релятивизм, свойственный прагматизму, и т. д. Но так как это увлекло бы в сторону, я ограничиваюсь сказанным].

Резюмирую все сказанное относительно первого поставленного мной вопроса: всякая наука как совокупность суждений может быть только теоретической и не может быть нормативной.

---

* *Зигварт Х.* Логика, т. I, с. 442-445.

** См. работы прагматистов: *Джемс У.* Прагматизм; *Шиллер Ф.* Studies in humanism; работы *Дьюи, Пирса* и др.

*** *Зигварт Х.* Op. cit., с. 445.

Это вытекает из того, что суждения могут быть только теоретическими. Никакое суждение как суждение ничто не оценивает, никому и ничто не приказывает, никого не обязывает, не говорит никому «ты должен» и т. п., а представляет утверждение или отрицание определенной функциональной связи субъекта и предиката и как таковое может быть или истинным, или казаться таковым. «Суждения ценности» или «долженствования» или, иначе, «нормативные суждения» или не есть суждения, и тогда они не имеют никакого отношения к науке; если же они суждения, то становятся неизбежно теоретическими суждениями и как таковые составляют теоретическую дисциплину.

Поэтому вполне прав был Е.В. Де-Роберти, когда нормативные науки, каковы этика, естественное право и т. д., называл детскими науками, сделавшимися, быть может, под конец и порочно скороспелыми. Вместо того чтобы говорить, как все зрелые науки, «так есть», они предписывают нам в приподнятом тоне наши обязанности и говорят: «так должно». Их нормы, заменяющие научно установленные законы, представляют лишь произвольно установленные положения, вызываемые неотложной потребностью и требованиями практической жизни*.

Из сказанного вытекает наш ответ на поставленный вопрос: этика, как и всякая наука, не может быть нормативной, ибо нормативная наука — не наука, а может быть только теоретической, изучающей сущее как оно есть. Этим объясняется, что большинство предыдущих систем морали, считавших своей задачей приказывать и законодательствовать, вместо того чтобы давать законы реально совершающихся явлений, не могли достигнуть существенных результатов и не могут представлять собой научную дисциплину.

§ 5

В предыдущем я старался показать, что если этика возможна как наука, то возможна только как теоретическая наука, как совокупность логически значимых суждений. Но из этого, само собой разумеется, еще не следует, что эти значимые суждения могут быть

* *De Roberty E.* Constitution de l'ethique. Paris: Alcan, p. 191; Новая постановка основных вопросов социологии, с. 214, 215.

получаемы только путем опыта, т. е. констатирования причинной связи эмпирических явлений. Суждение может быть вполне значимым, если оно констатирует и чисто логическую связь. И представители формально-логического направления в этике будут вполне правы, если скажут: «Пусть этика-наука может быть только теоретической и пусть она не приказывает и не запрещает, а только устанавливает законы этических явлений». С этим мы можем согласиться. Но из этого никоим образом не следует, что она непременно должна устанавливать свои законы на основе сущего, путем изучения причинной взаимозависимости конкретных явлений. Ведь суждение может быть значимым и тогда, когда оно формулирует не только причинную, но и чисто логическую связь в зависимости от какого-нибудь основного принципа («основной нормы»).

И действительно, это утверждение с формальной стороны вполне правильно. Это видно из следующего примера. Если мы вместе с гедонистами допустим основную (чисто теоретическую) посылку: «удовольствие есть высшее благо», то тогда, установив меньшую посылку: «курение табака есть удовольствие», мы приходим к безупречному выводу: «курение табака есть благо»...

Подобным же образом, исходя из этой основной посылки, мы можем получить бесконечный ряд новых суждений:

«созерцание моря»
«езда на велосипеде»
«съедание пирожного»
«помощь ближнему» и т. д. } есть благо,

если установлены меньшие посылки, что

«созерцание моря,
«езда на велосипеде,
«съедание пирожного,
«помощь ближнему и т. д. } есть удовольствие...

Все эти суждения ничего не приказывают и ничего не запрещают, а только выражают чисто логическую связь между определенными явлениями и понятиями и вполне истинны, если истинна основная посылка и верно установлены меньшие посылки... Совокупность подобным образом полученных суждений может составить целую научную дисциплину, опять-таки чисто теоретическую.

В сущности, под неясным термином «нормативной» науки и разумеется чисто теоретическая наука (ничего не приказывающая и ничего не запрещающая), построенная по указанному типу. Она представляет совокупность заключений силлогизма, где большой посылкой служит основное теоретическое суждение — «удовольствие есть высшее благо» (по терминологии нормативистов «основная норма» или «основная ценность»), а малыми посылками ряд эмпирически установленных частных видов удовольствия.

Примером такой науки может служить медицина, в частности ее отдельные ветви: терапия, гигиена, патология и т. д.

Здесь имеется основное теоретическое суждение: «здоровье — есть то-то и то-то», а затем экспериментальным путем устанавливаются малые посылки: что такие-то явления не согласуются с общими признаками здоровья и отсюда извлекаются выводы: следовательно, «такие-то явления не есть здоровье».

Так, например, в «Основах общей и экспериментальной патологии» Подвысоцкого мы читаем: «Общая патология отыскивает и устанавливает законы, по которым совершаются в животном организме всевозможные уклонения от нормы; она создает, таким образом, ряд типов болезненных процессов».

Нормой является здоровое состояние организма, а «здоровое состояние организма — это такое его приспособление (к внешним условиям. — *П.С.*), при котором сохраняется maximum гармонии между отдельными частями тела и достигается возможно большее обнаружение энергии во внешний мир»*.

Таково основное теоретическое положение («норма»), являющееся большей посылкой. Противоположное этому состояние есть состояние нездоровое — патологическое. Раз эта основная посылка установлена, то дальнейшая задача заключается в установлении меньших посылок: например, что

различные виды атрофии эндогенные и экзогенные отложения омертвение опухоли гипермия анемия и т. д.	есть расстройство гармонии отдельных частей тела и уменьшение обнаружения энергии во внешний мир.

* *Подвысоцкий В.В.* Основы общей и экспериментальной патологии. СПб., 1905, с. XXII и др.

Из всех этих посылок мы получаем ряд выводов:

атрофия эндогенные и экзогенные отложения омертвение опухоли гипермия анемия и т. д.	есть нездоровое состояние организма.

Также обстоит дело и в терапии, и в гигиене. И тут и там имеется основная посылка: «здоровье есть то-то», а затем, согласно посылке, устанавливаются частные случаи, способствующие и противодействующие сохранению здоровья. Из сказанного видно, что и эти науки чисто теоретические, но только построенные по определенному способу.

Гигиена как наука говорит только: «если человек при 30-градусном морозе выскочит босой на улицу — то бывает воспаление легких» или «если человек соприкасается с больным, например, холерой, то при определенных условиях это влечет за собой заражение этого человека холерой». Таковы ее выводы и положения как науки. А выбежит ли человек на улицу или нет, должен ли выбегать или нет, это дело докторов, санитаров и самого человека, а не гигиены как науки. Это практические выводы и приказания, а не суждения, и потому они в самый состав науки не входят.

Но раз мы признали возможность построения таким путем научной дисциплины, то тем самым мы признали как будто и правомерность этики как «нормативной» дисциплины в этом смысле...

— Прекрасно! — могут возразить нам. — Мы только это и утверждали, больше нам ничего и не нужно. Вот мы выдвигаем основное теоретическое положение: «удовольствие есть высшее благо»* и в зависимости от него по только что указанному типу строим ряд суждений, которые и будут составлять в совокупности науку-этику. Пусть она будет состоять из ряда чисто теоретических суждений — для нас это не важно. Важно то, что она построена в зависимости от одного принципа и создана «дедуктивно» (монистична и дедуктивна).

Подставьте в эту реплику вместо принципа удовольствия другие принципы: принцип золотой середины (Аристотель), прин-

* Вместо этой примерной нормы можно подставить любую другую.

цип императива (Кант), принцип счастья (гедонизм, эвдемонизм), принцип пользы (утилитаризм), принцип жизни (Гюйо и Ницше), принцип любви (христианство), принцип общности (Вундт), принцип единства (Наторп), принцип общего благополучия (Wohlfart) (Геффдинг) и др., и вы получите все монистически-дедуктивные «системы» нравственности. Все они построены по указанному типу (считаемому нормативным, плюс, конечно, различные приказания и запрещения как практические рецепты), и поэтому все они могут подписаться под указанной репликой...

Ввиду этого нам внимательно следует рассмотреть и это возражение. Итак, все науки являются и могут быть только теоретическими. Но по способу построения теоретические науки можно делить на два рода: 1) построенные индуктивно, безотносительно к какому-нибудь основному единому принципу (науки теоретические в узком смысле) и 2) науки, исходящие от одного основного принципа, который служит здесь большей посылкой силлогизма (медицина, прикладная технология, прикладная агрономия и т. д., сюда же относятся и так называемые «системы морали»), — теоретически-прикладные науки.

Спрашивается, можно ли строить этику по последнему способу, по которому она строилась до сих пор за немногими исключениями?

Этот вопрос в свою очередь расчленяется на два новых: 1) как может быть обоснована общезначимость «основной нормы? и 2) как возможно из нее вывести (дедуцировать) ряд частных суждений?

Переходя к ответу на этот вопрос, я заранее говорю свое решение, гласящее: подобным путем этику как науку при отсутствии в ней прочно установленных положений — строить нельзя. Аргументы мои таковы:

1) Изучая развитие других прикладных наук (медицина, прикладная технология, агрономия и т. д.), мы видим, что они создались лишь тогда и лишь тогда достигали большей или меньшей высоты, когда чисто теоретические (в узком смысле) науки в достаточной степени развились. Они были не чем иным, как функцией этих наук. Они начали не с «основной нормы», произвольно установленной, а прежде чем сформулировали ее, они прошли чрезвычайно длинный и сложный путь отдельных, чисто индуктивных исследований; они не спускались от «общей нормы» к конкретным фактам, а очень долго поднимались от частных обобще-

ний к общей «норме». Таков был путь всякой науки, всякая наука начинала с наблюдения и индукции и лишь потом переходила к дедукции; то же должно быть и с созданием этики. Прежде чем сформулировать основной принцип, необходимо его обосновать, дойти до него путем целой лестницы отдельных обобщений, основанных на изучении соответствующих явлений и их причинной зависимости. В противном случае наша «норма» явится ни для кого не обязательной произвольной нормой, рядом с которой можно выдвинуть десятки иных «норм» с таким же правом. Таковыми фактически и являются нормы «систем» морали и их разноречие — лишнее подтверждение их необоснованности...

2) Если бы «основная норма» этики была установлена, то половина дела ее была бы сделана. Но достаточно взглянуть на этические системы, с их многообразными и противоречащими друг другу «нормами» — чтобы сказать, что такой общеобязательной нормы нет. А ведь общеобязательность нормы и является показателем ее научности и истинности. Следовательно, выражаясь языком нормативистов, можно сказать: «закономерность частной "оценки" зависит от согласия ее с основной нормой или ценностью» — это верно. Но отчего зависит закономерность (истинность, общеобязательность) самой основной ценности? Вот в чем вопрос.

Достаточно поставить этот вопрос, чтобы сразу же обнаружить невозможность построения этики этим «монистически-дедуктивным» или «формально-логическим» путем. Здесь возможны два выхода: первый очень легкий и простой, но бесплодный. Это постулирование нормы, как это фактически и делали творцы системы морали. Но ясно, что где есть произвольное постулирование — там нет науки — и наоборот...

Постулировать каждому вольно все, что Бог на душу положит, хотя бы «2 × 2 = немазанной телеге», но это отношения к науке не имеет.

Приходится, следовательно, так или иначе обосновывать «норму»...

Как же ее можно обосновать?

а) Если бы у нас была другая, еще более высшая норма, то данную норму можно было бы вывести из нее. Но в том-то и дело, что наша норма сама есть высшая норма, следовательно, подвести ее нельзя под другую еще более высшую, а следовательно, этот путь обоснования не годен.

b) Ссылка на трансцендентный мир тоже не годится, ибо само допущение такого мира необоснованно и проблематично.

c) Остается для доказательства только один путь: именно путь каузального изучения моральных явлений, путь сравнительно-исторического и индуктивного исследования, т. е. путь совершенно обратный данному; это путь уже не исхождения от «нормы» и должного, а путь изучения сущего, того, что есть, путь восхождения от «сущего» к должному.

Вывод из сказанного тот, что основная норма может быть или постулирована — тогда она не научна и не общеобязательна, если же хотят ее обосновать, то тем самым отрицают «нормативный» путь и тот метод, который сами же нормативисты выставляют. Значит, этот путь не годится.

3) Помимо сказанного невозможность обоснования этики указанным путем видна и из следующих соображений:

Допуская, что истинность и общеобязательность основной нормы доказана (пусть будет «нормой» для примера — «удовольствие есть высшее добро»), спрашивается: как вывести из нее или подвести под нее ряд частных, конкретных случаев?

Прежде всего, как установить меньшую посылку, что «созерцание моря, например, есть удовольствие», или «пьянство есть удовольствие», или «лежание в ванне есть удовольствие», или «чтение Байрона есть удовольствие» и т. д. Для того чтобы возможно было установление данных посылок, необходимо иметь для этого точные критерии и признаки удовольствия, необходимо, чтобы «основная норма» обладала точными признаками удовольствия. Если она их указывает ясно, то тогда, имея дело с каким-нибудь явлением, например, с чтением Байрона, мы наблюдаем, обладает ли оно данными признаками, и если обладает, то говорим: чтение есть удовольствие.

Но может ли основная норма, «интуитивно» установленная, дать эти признаки? — Нет, и вот почему. Из логики каждому известно, что чем шире понятие по объему, тем оно беднее по содержанию. Понятие удовольствия в основной норме должно быть самым широким по объему, как охватывающее все виды удовольствий, но зато оно должно быть и самым бедным по содержанию и из него должны быть выкинуты все специфически видовые признаки удовольствия. Но если это так, то как подвести под это общее понятие его частные случаи? Почему такие разнородные яв-

ления, как, например, пьянство, симфония Бетховена, чтение Байрона, езда на велосипеде и т. д., подводятся под одну рубрику? — Потому, что все они обнаруживают элемент удовольствия, скажут. — Ничуть, каждое из этих явлений и для разных людей и для одного и того же человека бывает то удовольствием, то страданием. Само содержание явления не есть ни удовольствие, ни неудовольствие.

Но важно здесь, могут сказать, то, что испытывает переживающий данное явление субъект. Если ему данное явление кажется удовольствием — значит, оно благо.

Но ясно, что подобное возражение сводит «на нет» и весь смысл посылок и большей и меньшей. Смысл установления посылок именно в том и заключается, чтобы не «формально», но «материально» установить, исходя из общей посылки, что данное явление удовольствие и потому благо (а не страдание). Если же говорят, что данное явление может быть и тем и другим, как кому кажется, то мы остаемся при тавтологии: высшее благо есть удовольствие, а удовольствие — то, что кажется удовольствием.

Сказанное, mutatis mutandis[12], приложимо и к другим основным нормам. И норма Канта: единственное абсолютное благо — это разумная воля, а равным образом и его приказ: поступай так, чтобы правило твоего поведения могло служить законом для всех — не дают никакой возможности установить на основании их частные суждения — меньшие посылки. «Дикарь» будет считать таким правилом кровную месть, а прощение врага — безнравственным поступком, истинный же христианин таким правилом будет считать любовь к врагу, а кровную месть — верхом безнравственности.

Один и тот же факт будет являться то как А, то как non-А.

И мы остаемся при пустой тавтологии: благо есть то, что благо*.

4) Но допустим, помимо истинности «нормы», и возможность установления меньших посылок. Для создания такой «оценочной шкалы благ» необходимо еще указать на то, которое, например, из удовольствий (а соответственно благ) есть большее удовольствие и которое меньшее. Можем ли мы это сделать? Пусть основной «нормой» будет та же «норма»: удовольствие есть благо и пусть установлены меньшие посылки, что

---

* Именно к этой тавтологии и сводится попытка Е. Трубецкого ответить на этот аргумент. См. его «Энциклопедию права».

пьянство, слушание симфонии Бетховена, съедание пирожного созерцание моря, чтение Байрона и т. д.	есть удовольствие, а следовательно, благо.

Спрашивается, которое из этих благ большее, которое — меньшее? Что, например, мне следовало бы выбрать: пьянство или слушание Бетховена? Чем мне следует здесь руководиться? Если бы все эти удовольствия были однородными, то решение было бы просто, я бы взял то, где удовольствие дольше и интенсивнее. Но в том-то и беда, что все эти удовольствия разнородны. Известно, что И. Бентам пытался дать «нравственную арифметику» и установил семь основных признаков для выбора того или иного удовольствия (интенсивность удовольствия, его продолжительность, несомненность, близость, плодотворность, чистота и распространенность). Но не менее известно, что как его попытка, так и попытки последующих утилитаристов ни к чему не привели*.

Именно на невозможности установить подобный критерий и основан факт «столкновения обязанностей», одно существование которого было бы достаточно, по мнению Зиммеля, для опровержения всякой «монистической морали».

5) Наконец, скрытой предпосылкой всего этого пути является однородность человеческой природы и возможность применения к ней одного и того же шаблона, с одной стороны**, и отсюда вытекающая предпосылка о какой-то вне- и сверхвременной ценности чего-нибудь — с другой, ценности, сохраняющей свое одинаковое значение для всех времен и народов.

Ни та, ни другая предпосылки не оправдываются фактическим изучением моральных явлений.

Не приводим других соображений, [ибо] сказанного достаточно, чтобы признать, что построение этики — как науки — этим формально-логическим путем встречает непреодолимые препятствия и по существу дела совершенно невозможно.

---

* См.: *Bentham J.* Oeuvres. 1840, т. 3, p. 448 и см.: *Гюйо М.* История и критика современных английских учений о нравственности. СПб., 1898.

** См. об этом: *Lévy-Brühl L.* La moral et la science des moeurs. Paris: Alcan, p. 67-83.

§ 6

Значит ли все вышесказанное, однако, что мы совершенно отрицаем возможность и необходимость построения той «практической» науки, которая под различными именами: то теории прогресса, то социальной политики, то политики права и нравственности, то «морального искусства», то «моральной технологии», и т. д. привлекает к себе все большее и большее внимание мыслителей? Нет, не значит. Мы отрицаем только: 1) Обычное коренное противопоставление этих наук, якобы не теоретических, теоретическим. 2) Мы отрицаем их нормативный характер, утверждая, что нормативных суждений, а равно и наук нет, а есть только теоретические науки, построенные двояко: a) безотносительно к какому-нибудь основному положению и b) в зависимости от одного основного положения — «основного теоретического тезиса» («высшей нормы»). Прикладные «нормативные» науки и представляют теоретические науки, построенные по второму плану. 3) Мы утверждаем, что эти последние науки, ничего не предписывая и не запрещая, могут быть построены только путем исхождения из низин сущего к вершинам должного, а не наоборот. Чтобы получить желательный эффект или осуществить поставленный идеал, необходимо знать причинные связи сущего; без их знания — реализация наших целей невозможна; а это значит, что, прежде чем строить прикладную науку, — необходимо изучить причинные связи. Без последнего условия вся наша «наука» будет пустым словопрением и... только. Поэтому мы не можем не приветствовать новейшие течения в области творчества социальной политики (политики права, нравственности и т. д.), которые идут именно путем причинного изучения явлений, а не путем абстрактных дедукций и постулатов. И следует сказать, что подобные попытки дают бесконечно больше и уже дали, чем бесчисленные «системы морали». Достаточно с этою целью указать на политику права, создаваемую у нас Л.И. Петражицким*, на «моральное искусство», развиваемое Е.В. Де-Роберти, Дюркгеймом и Леви-Брюлем, на работы о прогрессе различных социологов, в частности, лиц, участвовавших в международном конгрессе социологов,

* См.: *Петражицкий Л.И.* «Die Lehre vom Einkommen» и его же превосходную статью «К вопросу о социальном идеале» (Юрид. вестник, кн. II), а также «Теорию права» и «Акции и биржевая игра».

посвященном проблеме прогресса*, на работы по экономической и социальной политике и т. д. Изучение причинных связей сущего дает им возможность указывать и средства, действительно способные вызвать тот или иной эффект, в зависимости от их основной посылки или, что то же, основного и конечного идеала.

Вместо «ты должен» эти течения и лица говорят: «так есть», «такова функциональная связь». А затем уже, исходя из этой связи, они добавляют: «такая-то мера дает такой-то эффект». И затем уже говорят: «если нужно достичь такую-то цель, то должны быть пущены в ход такие-то средства». Одним словом, вместо того, чтобы довольствоваться дилетантским и самодовольным «должен» и «не должен», они пытливо проникают в глубь морально-социальных фактов и расшифровывают сложные узоры мировой и более узко — историко-социальной необходимости. Раз известны связи — дано и средство для их утилизации, сообразно с нашими желаниями и идеалами.

Что же касается обоснования последних, то теоретически никакой идеал недоказуем в качестве общезначимого идеала. Теоретически одинаково обоснован или необоснован и идеал действенной любви и действенной ненависти. Нет никаких логических оснований, которые заставляли бы принять первый и отвергнуть последний или наоборот. Их обоснованность или необоснованность одинаковы. Это значит, что исходное положение необходимо постулировать, как уже отмечено было выше. А благодаря всему этому любая «практическая» наука становится условной и не общезначимой. Это следует открыто и честно признать. С логической точки зрения одинаковое право имеют и «политика права», утилизирующая знание причинных связей для реализации идеала действенной любви и утилизирующая их для реализации идеала действенной ненависти.

Но раз мы приняли ту или иную посылку, критерием истинности той или другой «политики» становится уже одно и то же: верно или неверно формулирует она функционально-причинные связи явлений. Если связь неверна — то суждения ложны, если она верна — суждения истинны.

Резюмируя сказанное о практических науках, мы можем сказать, что исходный пункт их или их конечный идеал с теоретической точки зрения — условен и не общезначим, но раз он принят,

* См.: Annales de l'Institut intern. de sociologie. Paris, 1913, т. XIV: Le progrès.

то в дальнейшем критерием истинности или ложности всей дисциплины становится сущее; если верно сформулированы отношения сущего, условно верна и вся дисциплина, если неверно схвачены отношения — абсолютно неверной становится и вся теория. Это означает, что и здесь общезначимыми суждениями являются чисто теоретические суждения и их совокупность. Поскольку же конечный идеал не представляет теоретического положения — постольку он не общезначим, не доказуем, условен и может быть заменен любым противоположным идеалом.

То, что здесь научно, — то теоретично, что не теоретично, — то не научно, не общеобязательно. Так обстоит дело с теоретической точки зрения.

Но, само собой разумеется, иначе обстоит дело в области практики: теоретически можно допустить идеал взаимной ненависти и объявить высшим благом — взаимное уничтожение людей друг другом; как показали мы выше — логических препятствий к этому нет. Но одно дело — возможность подобной теории, другое дело — фактическое ее выполнение и реализация. Едва ли найдется такой человек, который бы и в самом деле попытался сделать так. Людей, теоретически принимающих положения вроде указанного (высшее благо — взаимная ненависть), — вероятно, немало («ведь это оригинально и парадоксально», а на парадоксы и сенсации теперь мода), но почти все они de facto ведут себя не сообразно с их идеалом, а сплошь и рядом сообразно с идеалом действенной любви. Их шуйца говорит одно, а десница делает другое.

Самые «отчаянные» теоретики эгоизма, ненависти и индивидуализма фактически сплошь и рядом были великими альтруистами, коллективистами и людьми, помогавшими и любившими других.

А отсюда следует, что если идеал действенной любви (в понимании Будды, Христа и др., а в наше время лежащий в основе политики права Л.И. Петражицкого и др.) теоретически и равноправен идеалу ненависти (оба условны), то практически он является почти общезначимым и всеми приемлемым и поэтому может служить отправным пунктом для создания практической (т. е. теоретической в вышеуказанном смысле) науки, в которой так нуждается наше время и мы сами.

Социальная жизнь изобилует кризисами, благодаря нашему общему невежеству, благодаря невежеству наших руководителей,

сплошь и рядом «не умеющих отличить правой руки от левой», а потому и предписывающих рецепты, ценность которых равна ценности «угольков и нашептываний», употребляемых знахарями для лечения от недугов душевных и телесных. Пора уже заменить их более рациональными рецептами и «социальными докторами» делать людей, более знающих свое дело. Вполне прав Е.В. Де-Роберти, говоря: «Унаследованное нами в значительной степени социологическое невежество наших предков должно считаться теперь в качестве единственного и подлинного источника наших интеллектуальных страданий, наших моральных падений, наших ошибок, наших преступлений и социальных бедствий, столь ужасных и разнообразных»*.

Сказанным кратко выяснено наше отношение к социальной политике и вообще к социальным прикладным наукам.

Во всей нижеследующей работе мы старались держаться чисто теоретической точки зрения, пытаясь схватить подлинные отношения, данные в сущем. Если что-нибудь удалось сделать в этом направлении — наша работа не будет бесплодной и для практических нужд и потребностей. Но удалось ли действительно уловить хоть кое-что из области необходимых отношений, царствующих в социальном мире, — мы судьей быть не можем. Вполне возможно, что наш поиск Истины был неудачен, ибо Она многих манит, но немногим открывает свое лицо. Но неудачность нашего опыта нисколько не компрометирует чисто теоретическое изучение человеческой морали и человеческого поведения, ибо метод не ответствен за отдельных лиц и их неудачные попытки.

---

* Le Bien et le Mal, p. 147-148.

КНИГА ПЕРВАЯ

СИСТЕМАТИКА АКТОВ ПОВЕДЕНИЯ

ГЛАВА I
СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

§ 1. Природа социального явления

Как бы разнообразны ни были те определения, посредством которых социологи характеризуют сущность социального или надорганического явления, — все они имеют нечто общее, а именно, что социальное явление — объект социологии — есть прежде всего взаимодействие тех или иных центров или взаимодействие, обладающее специфическими признаками. Принцип взаимодействия лежит в основе всех этих определений, все они в этом пункте согласны и различия наступают уже в дальнейшем — в определении характера и форм этого взаимодействия. Подтвердим сказанное примерами.

«Постоянство отношений», на которое указывает Спенсер как на характерный признак общества или надорганического явления, очевидно, есть лишь иной термин, обозначающий тот же принцип взаимодействия*.

«В "общественности", в "надорганическом" явлении мы видим не что иное, — говорит Е.В. Де-Роберти, — как длительное, непрерывное, многостороннее и необходимое взаимодействие, устанавливающееся во всякой постоянной, а не случайной агрегации живых существ»**.

---

* *Спенсер Г.* Основания социологии. СПб., 1898, т. I, с. 277 и сл.

** *Де-Роберти Е.В.* Новая постановка вопросов социологии. Изд. Сытина, с. 46 и passim; Sociologie de l'action. Paris, 1908, 1-я гл.

Социальное явление или общество «существует там, — говорит Г. Зиммель, — где несколько индивидов состоят во взаимодействии»*.

Не иначе смотрит на дело и Гумплович, с той только разницей, что в качестве элемента взаимодействия он берет группу, а не индивида. «Под социальными явлениями, — говорит он, — мы понимаем отношения, возникающие из взаимодействия человеческих групп и общений»**.

«Всякий агрегат индивидов, находящихся в постоянном соприкосновении, составляет общество», по мнению Дюркгейма. Принудительность — характерная черта социального явления, — очевидно, уже предполагает взаимодействие***.

«Интерментальный» процесс Тарда и его формы: подражание, противоположение и приспособление — суть только иные слова для обозначения того же принципа взаимодействия и его разновидностей****.

То же самое хочет сказать и Штаммлер, когда говорит, что логической предпосылкой социальной жизни является наличие внешних принудительных правил, что «социальная жизнь есть внешним образом урегулированная совместная жизнь людей». То же видим и у его единомышленника Наторпа*****.

Новиков, считая «обмен (l'échange) основным явлением человеческой ассоциации», иным словом обозначает тот же процесс взаимодействия******.

То же видим мы резко формулированным у Гиддингса, Драгическо, Бутле, Эспинаса, Ваккаро, Фулье, Грассери, Уорда и др.*******.

---

* *Зиммель Г.* Sociologie. Leipzig, 1908, S. 5-7; Социолог[ический] этюд. Изд. Иогансона, с. 31-39.

** *Гумплович Л.* Основы социологии. Изд. Поповой, с. 113, 105, 106, 116, 265 и др.

*** *Дюркгейм Э.* О разделении общ[ественного] труда. Одесса, 1901, с. 221; Les règles de la mèthode sociologique. Paris, 1907, гл. I.

**** *Tapd G.* Etudes de psychologie sociale. Paris, 1898, p. 59-62.

***** *Штаммлер Р.* Хозяйство и право. Изд-во «Начало», т. I, с. 91 и сл.; *Наторп П.* Социальн[ая] педагогика. Изд. Богдановой, с. 76 и сл.

****** *Новиков Я.* L'échange phénomène foundamental de l'associat. humaine (Revue intern. de Sociol. 1911, № 11).

******* *Гиддингс Ф.* Основания социологии. Изд. Иогансона, с. 30, 3, 28, 160-165 и др.; *Драгическо Д.* Du rôle de l'individu... Paris, 1904, p. 136-190; *Бугле С.* Эгалитаризм и Qu'est ce que la sociologie (Alcan); *Эспинас В.* Социальная жизнь животных. СПб., 1898, с. 79 и сл., 108 и сл.; *Vaccaro M.* Les bases sociol. du droit et de l'État, p. 63 и сл.; *Фулье А.* Les éléments sociol. de la morale. Paris, 1905, гл. I и II 2-й книги, p. 143 и сл.; *Грассери Р.* De la psycho-sociologie (Revue de sociologie. 1912, №№ 3 и 4); *Уорд Л.* Sociologie pure. Paris, 1906, vol. I, p 21 и гл. 10 (Synergie).

Да и само собой ясно, что вне взаимодействия нет и не может быть никакого агрегата, ассоциации и общества и вообще социального явления, так как там не было бы никаких отношений.

Но само собой разумеется, что это единомыслие в родовом субстрате всякого социального явления нисколько еще не предрешает разномыслия в дальнейшем понимании взаимодействия. Раз утверждается, что взаимодействие тех или иных единиц составляет сущность социального явления, а тем самым объект социологии, то для полного уяснения этого понятия требуется еще ответ, по меньшей мере, на следующие вопросы:

1) Для того чтобы процесс взаимодействия можно было считать социальным явлением, между кем или чем должно происходить это взаимодействие? Каковы единицы или центры этого взаимодействия? Иначе говоря, каковы специфические свойства социального взаимодействия, позволяющие считать его особым разрядом явлений?

2) Если так или иначе решен этот вопрос, то, спрашивается дальше, безразлична или нет длительность этого взаимодействия для понятия социального явления? Предполагается ли, что только в длительном и постоянном взаимодействии можно видеть социальное явление, или же оно возникает при всяком взаимодействии, как бы кратковременно и случайно оно ни было?

Без точных ответов на эти вопросы, в особенности же на первую категорию их, понятие «взаимодействия» (а тем самым и социального явления) становится пустым звуком, и вот почему. Как известно, процесс взаимодействия не есть процесс, специфически свойственный какому-либо определенному разряду явлений, а процесс общемировой, свойственный всем видам энергии и обнаруживающийся хотя бы в виде «закона тяготения» или закона «равенства действия противодействию». Поэтому понятно, что раз взаимодействие хотят сделать специальным объектом социальной науки, то необходимо указать такие специфические признаки (differentia specifica) этого общемирового и в этом смысле родового процесса, которые отделяли бы этот вид взаимодействия от остальных его видов и тем самым конституировали бы социальное явление как особый вид мирового бытия, а поэтому и как объект особой науки.

К глубокому сожалению, однако, многие из социологов даже и не ставят этого вопроса — как будто бы дело идет о чем-то само

собой разумеющемся. Но наряду с этим мы имеем многочисленные попытки так или иначе ответить на поставленные вопросы. Главнейшие виды этих ответов сводятся к трем типам: a) или выделяются особые центры этого взаимодействия, не имеющиеся в других видах его, или b) указываются особые свойства социального взаимодействия, отделяющие его от других разрядов последнего, или, наконец, c) комбинируются одновременно оба приема, т. е. социальное взаимодействие выделяют, как особый вид, из родового понятия и путем указания его специфических свойств, и путем указания его взаимодействующих единиц (центров). Таким образом, посредством каждого типа можно выделить особый разряд социального взаимодействия и тем самым определить объект социологии. Проиллюстрируем каждый тип.

Тип А. Можно, например, сказать, что социальным взаимодействием будет лишь такое, где взаимодействующими центрами (единицами) будут биологические неделимые — особи. В этом случае область социологии стала бы охватывать не только мир людей, но и животных и растений («зоосоциология» и «фитосоциология»)*. Ее задачей было бы в этом случае изучение всех форм взаимодействия между указанными центрами.

Можно, следуя тому же типу, поступить и иначе, взяв за подобные центры только людей. Так, фактически, и поступает большинство представителей социальной науки. В этом случае задача социологии заключалась бы в изучении всех форм общения между людьми. Конкретным примером этого рода может служить понятие социального явления Зиммеля. «Общество, — говорит он, — существует всюду, где несколько индивидов находятся во взаимодействии, каково бы ни было последнее». С его точки зрения, и война есть социальный факт. «Я действительно склонен рассматривать войну, как предельный случай обобществления»**.

Тип В. Наряду с указанным приемом дефинирования социального явления возможен и другой, исходящий из принципа указания специфических свойств самого процесса взаимодействия. Общая черта всех построений этого типа заключается в определении социального взаимодействия как взаимодействия психичес-

* См. статью *В. Вагнера* «Социология в ботанике», где изложены принципы фито- и зоосоциологии, указаны соответствующие труды фитосоциологов и сделана соответствующая оценка этим попыткам (Природа. 1912, сентябрь).

** *Зиммель Г.* Социологический этюд, с. 34-37. См. также статью *Puglia* в Annales de l'Inst. Intern. de Sociol., т. II, с. 69-72.

кого. Не характер центров взаимодействия служит в этом случае конституирующим принципом социального взаимодействия, а именно психическая природа его — независимо от того, между какими центрами совершается взаимодействие. «Всякое взаимодействие, имеющее психическую природу, есть социальное взаимодействие», — такова формула этого типа.

На этом общем принципе, разделяемом громадным числом социологов, мы имеем ряд теорий, в деталях различающихся друг от друга. Что социальное взаимодействие есть взаимодействие психическое — это одинаково разделяется и Эспинасом, и Гиддингсом, и Уордом, и Тардом, и Де-Роберти, и Петражицким, и Тённисом и т. д. Но одни из них видят социальное взаимодействие во всяком психическом взаимодействии, тогда как другие — только в психическом взаимодействии, обладающем некоторыми специфическими признаками. К числу первых можно отнести таких лиц, как, например, Де-Роберти*. Другие же, как, например, Эспинас, Летурно, Гиддингс, Гумплович, Тённис, Макаревич и др., социальным явлением считают лишь такое психическое взаимодействие, которое обнаруживает или стремление к взаимной пользе и к взаимным услугам, или «сознание рода», или «общий интерес», или общую цель.

«Общества, — говорит Эспинас, — это суть группы, где индивиды нормально, будучи отделенными, объединены психическими связями, т. е. представлениями и взаимными импульсами». К этой черте он присоединяет еще признак «взаимного обмена услуг», как характерный признак общества**. А так как эти признаки даны и в животных обществах, то это дает ему право включить в область социологии и мир животных.

Близки к приведенным взглядам и понятия обществ (или социального взаимодействия) таких лиц, как Гиддингс, видящий «истинную ассоциацию» там, где дано «сознание рода», переходящее затем «в любовь товарищества»***.

С точки зрения Тарда, социальным взаимодействием будет интерментальное (психическое) взаимодействие, представляющее по существу подражательный характер****, дальнейшими звеньями которого являются противоположение и приспособление...

---

* *Де-Роберти Е.В.* Новая постановка... с. 49.

** *Эспинас В.* Être ou ne pas être (Revue philosophique. 1901, p. 466-468); Социальн[ая] жизнь животн[ых], с. 79, 107 и др.

*** *Гиддингс Ф.* Осн[ования] социол[огии], с. 445 и сл.

**** *Тард Г.* Etudes de psychol. sociale, p. 59-61; La psychologie et la sociologie (Annales de sociologie, т. X, p. 78); Законы подражания, с. 68, 69 и др.

Не приводя дальнейших иллюстраций, обратимся к третьему типу выделения социального взаимодействия, состоящему в комбинировании обоих предыдущих приемов.

Тип С. Модификаций этого типа также великое множество. Одни, как, например, Дюркгейм и Штаммлер, под объектом социальной науки понимают взаимодействие людей (центры — люди), но не всякое, а только такое, где дано внешнее принуждение. «Социальным фактом, — говорит Дюркгейм, — является всякий образ действия, резко определенный или нет, но способный оказывать на индивида внешнее принуждение»*. В этом с ним сходится Штаммлер с его «внешним регулированием совместной жизни людей».

Другие, подобно Спенсеру, под обществом понимают взаимодействие людей, обнаруживающее постоянство отношений. Третьи, подобно Макаревичу, Гумпловичу, Летурно и Тённису, под социальным явлением понимают взаимодействие людей, обнаруживающее стремление либо к «общей цели» («общество дано там, где двое или большее число индивидов стремятся к достижению общей цели». — *Макаревич.* Einführung in die Philosophie des Strafrechts. Stuttgart, 1906, S. 36), либо где дан «общий интерес» (общество есть «группа, сосредоточенная вокруг какого-нибудь общего интереса». — *Гумплович.* Основы социол[огии], с. 222). Некоторые лица, подобно Макаревичу и Тённису, различают Gemeinschaft und Gesellschaft (communauté et société)[1], понимая под последними группы людей, стремящихся либо к общей цели, либо группы, построенные на договорном начале, и т. д.**. В качестве Gemeinschaft обычно приводится семья, в качестве Gesellschaft — коммерческое общество и т. п.

К этому же типу должны быть отнесены и многочисленные определения социального явления вроде определений Уорда, де Греефа, Паланта, Новикова, Вормса, Пульа (Puglia), Оствальда и др.***.

---

* *Дюркгейм Э.* Les règles... p. 19.

** См.: *Тённис Ф.* Gemeinschaft und Gesellschaft, 1887; Sociologie et psychologie (Annales, т. X, p. 290-297); Notions fondament. de sociol. pure (Annales, т. VI, p. 65 и сл.).

*** См.: *Уорд Л.* Sociologie pure, т. I; Очерки социологии; *Де Грееф Г.* Précis de sociologie. 1909, p. 8, 62, 41; *Палант Ж.* Очерк социологии. 1910, гл. I-II, V; *Новиков Я.* Mécanisme et limites de l'associat. humaine. 1912, passim; *Puglia.* Annales, т. II, p. 69-72; *Оствальд В.* Die energetischen Grundlagen der Kulturwissenschaft. Leipzig, 1909.

Не воспроизводя дальнейших взглядов, уже из приведенного aperçu[2], в котором мы старались сжато и достаточно выпукло охарактеризовать и систематизировать многочисленные и разнообразные попытки определения социального явления, мы видим, что пока в данном вопросе социологи не достигли еще полного согласия, а тем самым пока еще неясной остается и сама концепция последнего. Это разногласие станет еще большим, если принять во внимание те различные попытки понимания «культуры», «цивилизации», «мира ценностей», которые главным образом представлены немцами, конструирующими ряд наук под различными названиями: то «социальной философии», то «науки о культуре» (Kulturwissenschaft), то «науки о целях» (Zweckwissenschaft — Штаммлер; см. его Theorie der Rechtswissenschaft, 1911), то «науки о духе» (Geisteswissenschaft) и т. д.

Ближайший вопрос, который нам необходимо разрешить, это вопрос, какому же из приведенных трех типов мы должны отдать предпочтение при определении объекта социологии или социального явления?

Едва ли есть надобность доказывать, что успешное выполнение этой задачи мало зависит от того, который из указанных приемов мы употребим, ибо в конце-то концов любой из этих приемов сведется к типу С. Сведется по той простой причине, что характер центров взаимодействия и характер самого процесса взаимодействия не есть нечто отдельное друг от друга, а неразрывно связанное одно с другим. Можно сказать, что характер процесса взаимодействия объясняется характером и свойствами его центров («субстанциональная» точка зрения). Если пара центров А и В (например, два камня) обладает иными свойствами, чем центры D и С (например, два животных организма), то само собой ясно, что различны будут и свойства процессов взаимодействия между А и В — с одной стороны, и D и С — с другой. Можно сказать и наоборот, что характер центров есть функция свойств процесса взаимодействия («логика отношений»), что центры — это только узлы, в которых скрещиваются течения взаимодействующих процессов...

Поэтому в конце-то концов дело заключается не в том или ином типе выделения социального взаимодействия из его общеродового субстрата, а в том, как этот тип употреблен, или в том, как этот прием использован...

Подходя с этой точки зрения к наиболее распространенному применению приема А, состоящему в указании в качестве центров взаимодействия людей, нельзя, с одной стороны, не отметить выгодной стороны такого применения, а именно ясность и резкость границ социального явления («все виды взаимодействия между людьми суть социальное явление»), но, с другой стороны, нельзя не указать и ряд крупных недочетов его, которые делают этот прием, а тем самым и определение социального явления неприемлемым. Главный из этих недостатков состоит в следующем. В самом деле, допустим, что социальное явление представляют все виды взаимодействия между людьми. (Так как определение социального взаимодействия производится в зависимости от центров (центры — люди), то eo ipso[3] все виды взаимодействия между людьми будут социальным явлением.) Что получается в результате последовательного проведения этого определения? Нечто довольно странное. Так как человек есть не только человек, но и организм, то социальным явлением будут и те формы взаимодействия, которые изучаются биологией и которые формулируются ею для всех организмов.

Явления размножения, борьбы за существование, симбиоза и т. д. — явления, обычно относимые к биологии, — в этом случае становятся сферой изучения социолога. Следовательно, социология будет только повторять в приложении к человеку те положения и законы, которые уже имеются в других науках, и в частности в биологии, сформулированные для всего класса явлений. Но мало того. Человек ведь не только организм, но в дальнейшем анализе и комплекс тех или иных молекул и атомов, т. е. некоторая «масса» (объект физики и химии). А отсюда следует, что между людьми могут и должны быть известные физико-химические взаимодействия. Если же это так, то, оказывается, социолог должен быть и физиком, и химиком. Поясню сказанное примером. Я изучаю формы взаимодействия людей, собравшихся на балу. Если я последовательно применю данное определение, то я должен изучать не только психические акции и реакции между X и Y, но должен изучать и такие явления, как повышение температуры X и Y, усиленное или замедленное сердцебиение, дыхание и тому подобные физиологические процессы, устанавливающиеся в поток взаимодействия в данной группе (на балу). Мало того, я должен буду заняться и изучением «механики» движений вальсирующих, го-

ворить о равноускоренном или замедленном движениях индивидов А, В, С... как некоторых «масс», вычерчивать траекторию этих движений, говорить, что эти индивиды подчинены закону тяготения, инерции и т. д. Одним словом, я принужден будут делать то же, что делает и физик, по той простой причине, что тот или иной характер движений между А, В, С... есть также определенная форма взаимодействия, а так как это взаимодействие происходит между людьми, то, следовательно, согласно определению, и эти формы взаимодействия входят в состав социального взаимодействия и потому должны изучаться социологом. В результате получается необходимость повторять в приложении к человеку то, что физика формулирует в приложении к материи или энергии вообще, и наряду с этим теряется всякая граница между взаимодействием социальным и взаимодействием физико-химическим.

Таким образом, последовательно проводя указанную точку зрения, мы в итоге получаем, с одной стороны, науку, новую только по имени, но по существу повторяющую положения биологии и физико-химических наук, а с другой — науку, весьма похожую на ту «науку» «о сигарах в десять лотов весом», которую так блестяще обрисовал Л.И. Петражицкий как пародию науки*. Главный грех этого построения заключается в его неадекватности.

То же, mutatis mutandis, в значительной степени приложимо и тогда, когда за «центры» мы возьмем не людей, а, например, животных или вообще «организмы».

Очевидно, что тип А в данных постановках не пригоден, не экономен и не приводит к цели. Если он и возможен, то только со следующей оговоркой: под социальным взаимодействием следует понимать лишь такие виды взаимодействия (между людьми или между организмами), которые не имеются нигде, кроме человеческого общежития или общежития организмов.

Но эта оговорка дает чисто отрицательное решение социальному явлению, а потому пуста; это раз; во-вторых, она есть уже переход к типу В, так как здесь взаимодействие выделяется в особый вид не в зависимости от центров, а в зависимости от характера и свойств самого взаимодействия; а в-третьих, может оказаться, что подобных свойств совсем не найдется у человека, или если они найдутся, то будут только наиболее ярким выражением того,

---

* См.: *Петражицкий Л.И.* Введение в изучение права и нравственности. СПб., 1907, с. 72 и сл.

что в слабом виде уже имеется и у животных. А известно, что по неопределенно количественным признакам не следует классифицировать явления*.

Ввиду всего сказанного нельзя не признать, что гораздо более приемлемыми являются те определения области социального явления, которые исходят из свойств самого процесса взаимодействия (типа В), и, в частности, те теории, которые определяют социальное взаимодействие как взаимодействие психическое. Сущность этих теорий сводится в общем к следующему. Все виды мировой энергии или мирового бытия, говорят эти теории, in abstracto могут быть разделены на известные разряды, из которых каждый разряд обладает своими специфическими свойствами. Таких основных видов энергии три: 1) энергия (а соответственно и взаимодействие) неорганическая (физико-химическая); 2) энергия (и взаимодействие) органическая (жизнь); 3) энергия (и взаимодействие) психосоциальная (или психическая) (общество). Сообразно с этим и науки могут быть разделены на три группы: 1) физико-химические, 2) биологические и 3) социальные, и потому область социологии может быть определена и определяется следующим образом: «все процессы взаимодействия, обладающие психической природой, совершенно независимо от того, между кем или чем они совершаются, представляют социальное взаимодействие и тем самым являются объектом социологии»**.

Это определение социального явления и социологии с формальной стороны логически безупречно и не ведет за собой тех недостатков, которые свойственны типу А в его обычных постановках.

Однако у многих социологов это определение обладает тем недостатком, что совершенно неясным остается у них само основное понятие психического. Не будет большой ошибкой, если мы скажем, что понятие психического в настоящее время напоминает одно из бэконовских idola[4], которое почти всеми употребляется, но точного определения которого большинство даже и не пытается дать, как будто бы дело идет о чем-то вполне понятном и определенном. Между тем нужно ли доказывать, что «психичес-

---

* См. об этом: *Петражицкий Л.И.* Ibid., с. 156 и сл.

** См. для примера: *Тард Г.* La sociologie (Études de psych. sociale, p. 1-62); *Де-Роберти Е.В.* Новая постановка, с. 1-67 и всю II гл.; *Петражицкий Л.И.* Теория права, т. II, посл. главу; *Оствальд В.* Die energet. Grundlagen der Kulturwissenschaft, passim, а также: *Уорд Л.* Sociologie pure; *Ковалевский.* Социология, т. I, с. 25 и др.

кое» — понятие чрезвычайно неясное и малоопределенное. Я уже не говорю о гносеологических разномыслиях относительно понятия психического (см. хотя бы 4-й сб. «Новых идей в философии», изд-во «Образование»). Достаточно для моей аргументации указать на разномыслия в этом отношении у представителей так называемых точных наук, в частности психологов, биопсихологов и биологов. Обычное определение психологии как науки «о состояниях сознания, — говорит Вундт, — делает круг, ибо если спросить вслед за тем, что же такое сознание, состояния которого должна изучать психология, то ответ будет гласить: сознание представляет сумму сознаваемых нами состояний»*. «Описание или определение их (сознания и его элементов), — говорит Геффдинг, — невозможно»**. Читая курсы психологии, мы сплошь и рядом встречаем, как «психическое» сначала отождествляется с сознанием, а затем тут же, через страницу, автор, не стесняясь, говорит о «бессознательных психических процессах» и т. д. Ввиду такого положения дела немудрено, что эта неясность особенно резко дает себя знать в области социологии и биопсихологии, немудрено также, что она влечет и различные понимания социального явления, несмотря на одинаковые определения его как явления психического. Одни, как, например, Геккель (см. его «Мировые загадки» и «Perigenesis der Plastidule»), Ле-Дантек (см. его «Познание и сознание» — элемент φ), Перти и другие, находят сознание и психическое не только у высших животных, но и у растений и у всякой клетки («клеточное сознание», «атомная душа» и т. д.). Мало того, тот же Геккель, а на днях Де-Грассери находят возможным говорить даже о психике молекул, атомов и «психологии минералов». Подобно этому, другие, например Вундт, Ромэнс, Летурно и Эспинас, с большим увлечением толкуют о «патриотизме», «любви», «сознании долга», «эстетике», «чувстве собственности» и т. д. среди муравьев, пчел, пауков, червей и т. п.

Выходит, что чуть ли не весь мир есть психика. При таком положении дела едва ли может быть речь о специальной и автономной категории социального явления, ибо область «психических» отношений почти совпадает в этом случае с областью всех явлений вообще (органических и неорганических); социальным явлением становится весь космос, и социология превращается в универсальную науку, обнимающую все науки, т. е. в пустое слово.

* *Вундт В.* Введение в психологию. М., 1912, с. 9.
** *Геффдинг Г.* Очерки психологии. СПб., 1908, с. 49.

Наряду с этими «монистами» сверху мы имеем и «монистов снизу» (терминология В.А. Вагнера), которые с таким же правом изгоняют сознание и психику не только из мира растений и животных, но, пожалуй, и из мира людей, сводя все «психические явления» к физико-химическим реакциям — тропизмам, таксисам[5], тяготению и т. д. Примерами могут служить работы Лёба, Bohn'a, Bell'a и др.*

Немудрено, что и в этом случае не может идти речь о социальном явлении, так как само существование психики становится проблематичным.

Таковы печальные результаты бесцеремонного обращения с термином психического. Так как, однако, формальное определение социального явления как психического взаимодействия логически безупречно и так как все указанные ошибки и заключения вытекают благодаря лишь отсутствию попыток более или менее точно описать и охарактеризовать содержание, вкладываемое в термин «психического», то первая задача социолога, вставшего на этот путь определения объекта социологии, сводится к тому, чтобы очертить если не само понятие психического, то, по крайней мере, его некоторые признаки, а во-вторых, чтобы наметить приблизительно те конкретные «центры», во взаимодействии которых уже дан элемент психического.

Не вдаваясь в подробности решения этих проблем, попытаемся кратко ответить на них.

Принимая во внимание обычное деление элементов психической жизни на три основные рубрики: 1) познание (ощущения, восприятия, представления и понятия), 2) чувство (страдание и наслаждение) и 3) волю, или же двухчленное деление проф. Л.И. Петражицкого на 1) элементы односторонние (познание, чувство и воля) и 2) двухсторонние (эмоции), мы можем охарактеризовать психическое взаимодействие следующим образом: под психическим взаимодействием мы понимаем такой процесс, «материей» которого служат ощущения, восприятия, представления и понятия, страдание и наслаждение и волевые акты в точном значении этих терминов, которое обязывает всегда считать эти элементы сознательными; обязывает потому, что не сознаваемое кем-либо

---

* См. превосходное изложение и недурную оценку этих «монизмов» в книге *В. Вагнера* «Биопсихология» (изд. Вольфа, т. I) и его же «Психология животных» (1902, с. 81 и сл.).

ощущение или представление не есть ощущение и представление, не сознаваемая воля — не есть воля, не сознаваемое страдание и наслаждение — не есть страдание и наслаждение. Трудно передать словами тот специфический смысл, который вкладывается нами в термин «сознаваемое»; мы можем лишь намекнуть на него; но этого намека достаточно, чтобы надлежащим образом понять сказанное. В самом деле, раз я переживаю волевой акт (а не эмоциональный импульс или рефлекс), то понятие волевого акта как акта сознательно поставленного и выполняемого уже implicitè[6] предполагает сознание. Подобно этому, и страдание — «специфический чувственный тон переживаний» — implicitè предполагает его «воспринимаемость», «осознаваемость», «ощутимость»; иначе — не «воспринимаемое» или не «сознаваемое страдание» — равносильно отсутствию страдания. Что же касается представлений, понятий и восприятий, то сами термины эти уже подразумевают «сознательность». Следовательно, все «не сознаваемые переживания», в частности «физиологические акты», бессознательные переживания и простейшие (в смысле Петражицкого) эмоции, а равно рефлексы, инстинкты, автоматические акты — не могут служить «материей» психического взаимодействия. Это — «материя», если угодно, биологических процессов (физиологии и «психофизики»), а не психических. Из сказанного вытекает и наш ответ на первый вопрос, а тем самым и ответ, определяющий социальное явление: им будет всякое психическое взаимодействие в вышеуказанном смысле слова. Таков тот специфический вид энергии, который служит областью, изучаемой социологией. Так как генетически эти элементы психики развились из вышеупомянутых эмоций (в смысле проф. Петражицкого)* или «рефлексов» (по мнению проф. Вагнера), то непосредственно близкой областью, примыкающей к области социологии, является именно психофизика — ветвь биологии, исследующая соответственные бессознательные эмоции, импульсы, или еще «инстинкты», «рефлексы» и автоматические движения. Сообразно с этим имеется возможность с дидактическими целями в генетической постановке вопроса делить взаимодействие организмов на две категории, подобно делению, предлагаемому проф. Де-Роберти, а именно: на психофизическую стадию и на стадию

* См. об этом: *Петражицкий Л.И.* Введение, с. 277; Теория права. СПб., 1909, т. I, с. 21.

психологическую*. Специфической областью социологии является именно последняя.

Таким образом, *социальное явление есть социальная связь, имеющая психическую природу и реализующаяся в сознании индивидов, выступая в то же время по содержанию и продолжительности за его пределы. Это то, что многие называют «социальной душой», это то, что другие называют цивилизацией и культурой, это то, что третьи определяют термином «мир ценностей», в противоположность миру вещей, образующих объект наук о природе.* Всякое взаимодействие, между кем бы оно ни происходило, раз оно обладает *психическим* характером (в вышеуказанном смысле этого слова) — будет социальным явлением**.

---

* См.: *Де-Роберти Е.В.* Sociologie de l'action. Paris, 1908, 1-я глава, p. 15-21.

** Подходя с несколько иной точки зрения, мы можем ту же проблему очертить следующим образом. Обычно различаются три основных разряда «психических» явлений: рефлексы, инстинкты и собственно разум. Многие авторы все эти разряды считают входящими в область «психического». Однако в последнее время рефлексы, как чисто физиологические акты, вполне правильно исключаются из сферы «психики». Остаются, следовательно, инстинкты и собственно разум — как основные категории психического. На этой именно точке зрения и стоит проф. В.А. Вагнер. Им же доказана «бессознательность» инстинктов и их полная автоматичность. Инстинктивные действия — наследственны, представляют результат филогенетического развития, индивидуально не изменяемы, не есть результат индивидуального опыта, не имеют никакого целеустановления, шаблонны и бессознательны. — Таковы их свойства, глубоко отделяющие их от разума-сознания (см. превосходную работу Вагнера: Биопсихология. СПб., 1913, т. II, с. 198-200.) Принимая вполне эти определения признаков инстинкта, мы должны ответить — входят ли инстинкты в область «психики» с нашей точки зрения. И на этот вопрос мы отвечаем отрицательно, подчеркивая, что мы термином «психический» обозначаем только «сознательные» переживания, т. е. то, что Вагнер обозначает термином «разум». Именно тот класс актов и отношений, который он называет «разумными», «сознательными», мы называем психическими. Вполне соглашаясь с положениями компетентного биопсихолога, мы указали бы лишь на то, что в целях методологических было бы лучше исключить инстинкты, как и рефлексы, из сферы «психического», так как в противном случае получается то неудобство, что одним термином «психического» покрываются совершенно разнородные явления: «сознательные» и «бессознательные». Это тем более следовало бы сделать, что сам В.А. Вагнер исключил из области психики рефлексы. А между тем, стоя на его же точке зрения, трудно провести различие между рефлексом и инстинктом. Как провести точную грань между «реакциями поведения» и «реакциями отправления»? Почему не может быть названо «реакцией поведения» движение обожженной руки, указываемое уважаемым автором как пример рефлекса, а такой реакцией будет тот же акт «при приближении опасности»? Я не вижу здесь ничего такого, что позволяло бы провести это различие. Равным образом и другие вспомогательные признаки не более надежны (см., с. 9-13).

Следующий вопрос, который необходимо разрешить социологу, заключается в том, чтобы очертить тот мир конкретных «центров» или «вещей», во взаимодействии которых уже дан налицо психический характер, иначе говоря, необходимо указать некоторые внешние признаки, которые позволяли бы говорить: «вот здесь мы имеем дело с психическим, а здесь не с психическим взаимодействием». Эта проблема встает потому, что сама «психика» — «не материальна», «не предметна» и «не вещественна», а потому она непосредственно не уловима для наблюдателя. Мы всегда можем ее наблюдать не непосредственно, а лишь в символических проявлениях. Пользуясь методом самонаблюдения, в каждом отдельном случае мы можем всегда ясно решить, какой из наших собственных поступков или актов сознателен и какой бессознателен, но весь вопрос заключается не в наших актах, а в актах чужих, где метод самонаблюдения бессилен, метод же аналогии не всегда гарантирует истину. Ввиду этого есть настоятельная потребность найти такие внешние критерии, которые могли бы показывать, где мы имеем дело с сознательным, а где с бессознательным актом и взаимодействием.

Не вдаваясь в подробное исследование этого вопроса, мы можем ограничиться указанием основных условий, наличие которых у «центров» до известной степени гарантирует нам и наличие психического взаимодействия, и наоборот, — отсутствие которых говорит и об отсутствии сознания. Таким основным диагностическим признаком является прежде всего присутствие развитой нервной системы у взаимодействующих единиц*. Едва ли есть надобность доказывать в настоящее время, что там, где есть развитая нервная система, есть и сознание, где ее нет, — нет и сознания. Нервная система в данном случае является как бы длинным рядом «материальных» вех, которые показывают и конкретно определяют область тех существ, во взаимодействии которых может и должен быть дан и психический вид его. Отсюда следует,

---

Ввиду этого, выделив «сознательные акты» — как акты психические, под психофизическим взаимодействием мы понимаем именно рефлекторно-инстинктивное взаимодействие (в смысле проф. Вагнера), изучение которого является необходимой базой изучения собственно сознательного взаимодействия, и потому биопсихология в смысле проф. Вагнера является первой главой социологии.

* См. обоснование этого положения в книге проф. *Вагнера* «Биопсихология», т. I.

что в область исследований социолога может входить только изучение взаимодействия «высших» животных и людей между собою; область же взаимодействия «простейших», «низших» животных и растений из области социологии исключается, так как у этих категорий нет нервной системы*. В этом отношении мы не можем не согласиться с проф. Вагнером в определении сознательного акта, а тем самым и сознательного взаимодействия: «под сознательным действием должно разуметь, — говорит он, — лишь такие акты одаренных нервною системою животных, которые свидетельствуют о способности пользоваться результатами личного опыта и контролировать им свои действия»**.

---

* См. об этом: *Вагнер В.* Биопсихология, т. I.

** *Вагнер В.* Психология животных, с. 94.

Помимо нервной системы, может быть указан ряд других диагностических признаков, сигнализирующих о том, во взаимодействии каких организмов мы можем найти психическое взаимодействие (сознательное). Приведем некоторые из них, воспользовавшись критериями, даваемыми биопсихологией, в частности, данными, сформулированными В.А. Вагнером.

Психическое взаимодействие (сознательное) может быть дано во взаимодействии лишь таких организмов, которые удовлетворяют следующим условиям:

1) С точки зрения анатомо-физиологической в их мозгу должны быть налицо и ассоциационные сферы (кора головного мозга), как сферы, стоящие в неразрывной связи с разумной деятельностью, отсутствие которых свидетельствует и об отсутствии последней. Такие сферы даны лишь у человека и высших животных; отсюда вывод: так как у растений и беспозвоночных этого анатомо-физиологического признака нет, то eo ipso взаимодействие их не носит психического характера, а потому оно и не входит в область социологии.

2) С точки зрения онтогении поведение искомых центров, сопровождаемое сознанием, должно обнаруживать способность к эволюции, к непрерывному развитию. Этот признак важен потому, что бессознательное (инстинктивно-рефлекторное) поведение не эволюционирует, а здесь одни инстинкты моментально сменяются другими, как декорации театральной сцены. Ребенок, например, учится жить, мыслить, понимать язык, окружающее, должен учиться, как вести себя, и т. д., тогда как птенец понимает язык матери, еще не вылупившись из скорлупы. Все его поведение уже предопределено заранее, он «не учившись учен». Возьмем ли мы шмеля, или пчелу, или ласточку — их поведение будет совершенно одинаковым и в том случае, когда они со времени своего появления будут совершенно изолированы, так что ни о каком обучении не может быть и речи, и в том случае, когда они будут жить в сообществе себе подобных. (См. факты в работах проф. Вагнера.)

3) С точки зрения биопсихологии поведение искомых центров не может быть совершенно безличным и шаблонным, точной копией родового инстинкта, а должно обнаруживать известную индивидуальность.

4) Эти «центры» должны обнаруживать способность к научению, к пользованию результатами индивидуального опыта, так как отсутствие этого признака говорит и об отсутствии «разума», т. е. говорит лишь об инстинктивно-

Таков один из основных «признаков», материально показывающих нам, среди каких взаимодействующих единиц взаимодействие принимает психический характер. Конечно, из сказанного не следует, что социальным явлением будут все формы взаимодействия между этими существами — людьми и животными. Это следовало бы в том случае, если бы мы понятие социального явления конструировали по «типу А» — в зависимости от центров. Но мы шли как раз по обратному пути; мы установили, что к области социальной категории относится «все то, что обладает признаком *а*» (сознанием, независимо от того, что и кто обладает этим признаком). А затем уже мы попытались это формальное определение применить к области конкретных единиц, указали на неразрывность психики от нервной системы и заключили отсюда: психическое взаимодействие может быть только там, где взаимодействуют единицы или организмы, одаренные развитой нервной системой. В силу этого те формы взаимодействия людей между собою, а равно и животных, которые не имеют никакого отношения к психическим формам, в сферу социальных явлений не входят. Например, все люди, согласно закону Ньютона, подчинены закону тяготения и между ними существует притяжение, прямо пропорциональное массе и обратно пропорциональное квадрату расстояния, — однако ни один социолог не будет говорить, что эта форма взаимодействия есть объект социологии, т. е. социальное явление. Далее, между людьми, как организмами, существует ряд чисто биологических форм взаимодействия, однако, согласно определению, и они не будут изучаться социологом как социологом. Изучение этих форм — дело биолога, а не социолога. Но, скажут, разве яв-

---

рефлекторной деятельности, а тем самым не о сознательном, а о бессознательном взаимодействии. (См.: *Вагнер В.* Op. cit., т. II, с. 270-285.)

Кроме этих признаков, биопсихология указывает еще ряд других «вех», а затем в каждом отдельном случае — ряд разнообразных приемов, говорящих достаточно точно, с какими актами (и взаимодействием), сознательными или бессознательными мы имеем дело.

Но и на основании уже этих «вех» можно достаточно определенно провести ту пограничную черту, которая определяет собой царство социологии. Очевидно, что «подданными» его будут лишь высшие животные и люди, а их «социологическими правами и обязанностями» — лишь те акты и взаимные акции и реакции, которые удовлетворяют указанным признакам. Так, например, ряд актов позвоночных говорит о том, что им свойственна память, ассоциация по смежности, «научение путем опыта», следовательно, эти акты войдут в сферу изучения социолога. (См. ibid., с. 286-428).

Таков в кратких чертах конкретный мир изучения социологии.

ления взаимодействия на почве половых отношений, явления борьбы за существование, многочисленные общественные отношения на почве питания, обеспечения пищей, жилищем и т. д. — не явления биологические? Ведь размножение, питание, борьба за существование и т. п. — это специфические объекты биологии, однако можете ли вы указать хотя бы одного социолога, который игнорировал бы эти явления и не считал бы их объектом социологии? Разве такие теории, как теории М.М. Ковалевского и Коста, не построены в главной своей части именно на принципе размножения? Разве не все теории толкуют о борьбе за существование и разве ряд весьма резонных теорий, например теория Маркса, Энгельса, Ваккаро, Гумпловича, Лапужа, Аммона и т. д., не основывается на борьбе за существование? Разве «половой вопрос» — не социологическая тема? Как же вы можете исключить их из сферы социологии и из сферы социальных явлений?

— Да, несомненно, — могу ответить я, — они должны были бы быть исключены из сферы социологии, если бы «борьба за существование», «размножение», «питание» и т. д. в *социологическом смысле* были бы тем же, что и в *биологическом*. Должны были бы быть исключены по той простой причине, что незачем придумывать пустое слово для изучения тех явлений, которые и без того уже во всем своем объеме изучаются биологией. И незачем создавать лишнюю категорию социальных явлений, когда они превосходно изучаются как явления биологические. В этом случае вместо науки мы имели бы пустое слово «социология».

Но, однако, эти явления нельзя исключить из области социологии, потому что борьба за существование, например, растений и человека — вещи глубоко различные. То же относится и к размножению, и к питанию. А различны они потому, что в мире людей и высших животных эти биологические функции приобретают новый, а именно психический характер, который их и делает новыми социальными явлениями и объектами специальной науки. Именно это присоединение психики, а не что-нибудь иное заставляет их считать социальными явлениями и дает право для изучения их не только биологу, изучающему чисто жизненные формы данных отношений, но и социологу, изучающему их сознательные, социальные формы. Если бы «половой вопрос» весь заключался в «конъюгации» и в чисто биологических половых

актах, то социологии, конечно, тут не было бы дела и вопрос был бы не «социальный», а чисто биологический. Но, думается, никто и никогда еще не ставил этот вопрос, как вопрос социальный, в этой плоскости, а всегда, говоря о «половом вопросе», разумел под ним не сами половые акты, а главным образом те психические отношения, которые связаны с этой биологической функцией; а именно: допустимость или недопустимость половых отношений вообще (аскетизм) между определенными лицами, их время, место, определенные формы брака и т. д. — с точки зрения религии, права, морали, эстетики и науки. Вот что составляло и составляет суть «полового вопроса» как вопроса социального, а это говорит, что и здесь имелись и имеются ввиду психические формы, а не биологические. (Наука, искусство, право, мораль, религия и т. д.) То же, mutatis mutandis, относится и к питанию, как к вопросу «социальному». Мало того, даже те лица, которые областью социальных наук считали исключительно мир человеческого общежития, и те сознательно или бессознательно принимали за человеческое общежитие не простое сожительство биологических особей (неделимых), а именно сожительство представителей homo sapiens как носителей «психической энергии». Если бы не эта черта, то не было бы никакого другого основания выделять мир человеческого общежития из других животных сообществ и даже таких сборных единиц, как «лес». В этом случае, пожалуй, можно было бы «общество» считать если не организмом, то чем-то весьма близким к нему. Плохо ли, хорошо ли, однако так называемые социальные науки изучали всегда различные стороны деятельности человеческих сообществ именно как сообществ, объединенных психологическими, а не только биологическими связями. Не говоря уже о таких науках, как науки о религии, праве, этике, эстетике, психике, имеющих дело именно с психическими формами бытия, — даже такие науки, как экономика и история материального быта, трактовали о тех же психических формах человеческой деятельности. В самом деле, что такое основные категории политической экономии вроде «хозяйства», «ценности», «капитала», «труда» и т. д.? Разве это не чисто психосоциальные категории? Точно так же описание определенных предметов материального быта разве трактует об этих предметах, как о простых физико-химических вещах? Описывая картину Рафаэля, или статую

Венеры, или египетскую пирамиду, или хижину эскимоса, разве мы имеем в виду их химический состав, или их удельный вес, или температуру и другие физические и химические свойства? — Ответ ясен и не требует комментариев. Выражаясь кантовским языком, можно было бы сказать, что психическое есть априорная посылка социальных явлений.

§ 2. Две стороны социального явления: внутренне-психическая и внешне-символическая

Определив социальное явление как психическое взаимодействие, мы теперь должны спросить себя: почему же в таком случае такие «не психические вещи», как храмы, музеи, машины, дома и т. д., имеющие чисто «материальный» характер, рассматриваются в качестве социальных явлений? Не служит ли этот факт противоречием вышеизложенному пониманию социального явления, как явления, имеющего психическую природу? И не только чисто «материальные» вещи, но и такие явления, как слова, музыка, ряд тех или иных движений (например, мимически двигательный язык глухонемых) и т. п., сами по себе не есть ведь явления психические? В самом деле, язык есть по своей «материи» не что иное, как та или иная комбинация *звуков*, а звук сам по себе не есть нечто психическое; то же следует сказать и о музыке, о движениях (из которых состоят так называемые обряды) и т. п. В чем же здесь дело? Уже из самой постановки вопросов ответ ясен. Все эти явления принадлежат к категории социальных фактов лишь потому, что они суть *символы психических переживаний* или, иначе говоря, *они суть реализовавшаяся психика.* Кто видит в языке лишь совокупность звуков — тот не знает языка; для того должны были бы быть равнозначными по своему качеству и шум автомобиля, и речь человека, и звук грома, и песня и т. п. То же относится и к музыке... Только тот факт, что «позади» этих физических явлений предполагаются психические переживания, — только этот факт делает их социальным явлением. Где такой «подразумеваемости» нет — нет и социального факта. Сказанное в равной степени относится и к «храму», и к дому, и к музею, и к картине, и к кокардам, и к другим «материальным вещам». Все они лишь символы, значки психических переживаний — и постольку они социальные явления.

Храм становится храмом не потому, что кирпичи и бревна в нем соединены так, а не иначе; статуя Венеры Милосской суть явление социальной категории не потому, что мрамор принял определенную форму, картина Рафаэля становится художественной ценностью не благодаря соединению холста и красок — все они суть «социальные ценности» лишь благодаря тому, что объективируют собой субъективную психику: определенные чувства, мысли, переживания, настроения и т. д.

В этом смысле вполне правильно определение их как *застывшей психики.*

И не трудно видеть, почему необходимо подобное «материализирование» психического. Внепространственная, невесомая, бесцветная, нематериальная психика может проявиться и объективироваться лишь в тех или иных непсихических формах. В самом деле: 2 × 2 = 4 я могу мыслить, равно как и суждение: «Сократ — человек», нисколько не «материализируя» мою мысль. Я мыслю эти положения как чистую мысль. Но достаточно попытаться передать кому-нибудь эти суждения, достаточно попытаться объективировать их — и мысль неизбежно «овеществляется» и экспсихируется; она объективируется или в виде: *звуков* (слова, речь, музыка, возгласы и т. д.); или в виде тех или иных *значков*, например, значков: 2 × 2 = 4, II • II = IV или «*д-в-а-ж-д-ы д-в-а ч-е-т-ы-р-е*» (цветовая объективация: книги, письмена, иероглифы, картины и т. д.) или же в виде тех или иных «вещественных предметов». Что моя мысль и эти сочетания звуков, или цветовых значков, или предметов не одно и то же — это видно из того, что одна и та же мысль будет реализирована различными звуками на русском, французском, английском и других языках; одна и та же мысль «Сократ — человек» будет объективирована путем различных по своей конфигурации и цвету значков: на санскрите, на русском, на китайском и египетском языках и т. д. То же, mutatis mutandis, относится и к любому виду объективации мысли, и психического переживания вообще. Процесс обмена психическими переживаниями или психическое взаимодействие необходимо принимает экспсихическую — «символическую форму». Объективировать любое психическое переживание в его чистом виде — нет никакой возможности. Любая мысль, любое психическое переживание невыразимы в их чисто психическом бытии и могут объективи-

роваться лишь посредством тех или иных «непсихических» посредников или проводников*. Выражаясь грубо, экстеоризирование психики требует ее воплощения в «материальных вещах». Эти последние служат поэтому символами психики. Они как бы сигнализируют определенное психическое явление. Главнейшие виды этой символизации таковы:

a) *звуковая* символизация (речь, восклицания, пение, музыка и т. д.);

b) *световая, цветовая символизация*, почти постоянно соединяющаяся с *пространственной символизацией* (железно-дорожная сигнализация, сигнализация военных судов, картины, буквы, надписи и т. д.);

c) в связи с последней почти постоянно находится *«предметная»* символизация («кресты», «зерцала», «знамена», «гербы» и т. д.);

d) в качестве особого вида может быть выделена чисто *двигательная* символизация (мимика, жесты и т. д.).

Таковы наиболее характерные типы социальной символики. Ясно, что эта классификация есть классификация очень грубая, но так как здесь мы не преследуем достижения логически безукоризненной классификации, а хотим только иллюстрировать наиболее типичные виды символики, то мы и ограничиваемся этим несовершенным перечнем различных способов символизации, de facto встречающихся почти всегда в виде сложных и комбинированных способов. Очертим теперь подробнее эти способы.

Возьмем для примера лермонтовское: «И скучно, и грустно, и некому руку подать в минуту душевной невзгоды». Если бы перед нами был Лермонтов и он произнес бы эти слова, то мы поняли бы, что он переживает то особенное состояние, которое символизируется словом «грусть». Ряд определенных *звуков* нам передает душевное состояние другого, служит как бы сигнальным знаком определенного душевного состояния. Таков первый пример *«звуковой»* сигнализации (или символизации). То же можно передать и иначе. Кто-нибудь из нас, вместо этих слов, может просто запеть или заиграть на каком-нибудь музыкальном инструменте

---

* Сказанное сохраняет свою силу даже и в том случае, если бы опыты и тезисы д-ра Котика о «непосредственной передаче мыслей» подтвердились дальнейшими исследованиями, так как и по теории д-ра Котика переходит не сама мысль, а лишь особого рода «психическая» энергия, пробуждающая в мозгу перципиента соответствующие мысли и представления. См.: д-р *Н. Котик.* Непосредственная передача мыслей. М., 1912.

нечто такое, что мы сознаем как «грусть». Например, возьмем «Осеннюю песню» Чайковского. Определенный комплекс звуков этой песни говорит нам о той же «грусти» и понятен для нас без всяких слов и разъяснений. Таков второй пример звуковой символизации. И вся наша речь есть не что иное, как сплошная звуковая символизация. Если я скажу: «Весною деревья покрываются зеленью», то этот комплекс звуков (для русских) будет чисто звуковой символизацией определенной мысли. Перечислить все конкретные виды этой символизации нет возможности. Удар пушки в 12 часов в Петербурге — есть символ того, что сейчас ровно 12 часов; свисток паровоза — есть знак того, что он отправляется; гудки фабрик — символ того, что смена кончилась или начинается; звук рожка пожарных — символ пожара и предупреждение о необходимости дать дорогу и т. д. и т. д. Отсюда понятно, что всякий язык может быть определен как главный и основной вид звуковой социальной символики.

Перейдем теперь к другому виду сигнализации, к *цветовой.* Нам приходилось встречать открытки и записки у некоторых «молодых людей» и особенно «барышень» с надписью «язык цветов». Этот «язык цветов» был не только языком цветов в смысле растений (например, «роза обозначает пылкую любовь», «лилия — чистоту и невинность», «хризантемы — безнадежную любовь» и т. д.), но цветов в смысле красок. Впрочем, примеров можно привести и без «альбома барышень» сколько угодно. Так, согласно Вундту, белый цвет — символ веселья, зеленый — спокойной радости, красный — возбуждения и силы. Таков простейший пример цветовой сигнализации. Одним из примеров этого же рода являются и красные ленты, и красные флаги, так настойчиво преследуемые полицией, и т. д. Само собой разумеется, что красный цвет преследуется не потому, что он красный, а потому, что он *символ* мыслей, хотений и чувств, враждебных существующему строю. К этому же виду сигнализации должны быть отнесены и цвета государственных флагов, символизирующих единство государства, или принадлежность того или иного судна с определенной окраской флага к соответствующему государству. Возьмем далее определенные цвета фонарей различных номеров трамвая, различные цвета (обычно красный и зеленый), посредством которых символизируется опасность или же безопасность пути для поезда (на-

пример, флаги будочников, фонари стрелочников и т. д.), или цвета галунов различных ведомств и т. п. — все это суть лишь частные виды той же цветовой символики.

Но мало того; если взять картины, особенно современных декадентов-художников, то нетрудно понять, что «новаторство» многих из них заключается именно в попытке передать определенные мысли и чувства путем простой комбинации самих цветов. Но так как здесь почти всегда этот способ символики соединен с «пространственной» символикой, то более подробно на нем мы остановимся ниже.

В качестве особого вида символики может быть выделена и чисто *световая сигнализация.* Возьмите фонарики, находящиеся на мачте парохода; что это такое, как не символ того, что плывет пароход, и поэтому пусть это видят во избежание столкновения. Возьмите художественные постановки различных пьес. Когда автор хочет показать зрителям хорошее и светлое настроение своих героев, то одним из способов вызвать переживание этого «светлого настроения» является изображение на сцене яркого солнечного дня, когда «вся комната как бы залита солнцем». Свет вообще символ радости, веселья и душевной безоблачности. Таков вкратце способ чисто световой символики.

Перейдем теперь к символике *«пространственной»*, или *символике формы.* Она встречается как в чистом виде, так и в соединении с другими видами сигнализации, в особенности с цветовой. Возьмем буквы или письмена. Обратимся ли мы к иероглифам, или к клинообразным письменам, или к нашим буквам — все они суть символы, прежде всего, определенных звуков (например, значок, имеющий форму «а» — есть символ звука «а»), а затем определенных слов и определенных мыслей. Книги, газеты, журналы и т. д. — все они представляют частный вид этой символики «формы». Громадная роль, которую они играют в социальной жизни, сама собой понятна, и нет надобности ее подчеркивать. Возьмите далее все геометрические знаки вроде △, □ и т. д. — все это виды этой же символики формы. Особенно резко она выступает в некоторых случаях. Так, например, кривая линия сама по себе обычно считается символом грациозности и гармоничности, тогда как ломаная — символом неуравновешенности, резкости, грубости и т. д. Вся живопись есть не что иное, как сумма цветовой сигна-

лизации с сигнализацией «формы». Возьмем для примера левитановское «Над вечным покоем». Здесь нам даны очертания туч, реки, холма, часовни и покосившихся крестов над могилами. Этот комплекс цветовых и «пространственных» значков служит символом множества различных мыслей и переживаний; невольно приходит при взгляде на нее и сумрачная «покоящаяся» перед бурей Русь 80-х годов, и чеховское настроение, и вечный сон в царстве смерти, и бессилие человека перед природой и т. д. и т. д. То же, по существу, представляет и всякая картина. Приводить другие примеры излишне, ибо их великое множество.

Дальнейшим видом символизации может служить *символизация двигательная или мимическая.* Все, конечно, бывали в цирках и все, конечно, видели так называемые «пантомимы». Вот эти-то «пантомимы» и могут служить превосходным примером чисто двигательной символизации. Здесь та или иная мысль или то или иное переживание символизируется путем тех или иных движений. Если мы обратимся к театральным представлениям первобытных людей, то увидим, что они почти целиком представляют символизацию этого рода. Какой-нибудь австралиец, желая передать другим жизнь кенгуру или ящерицы, подражает их движениям и воспроизводит их способы передвижения, их походку и т. д. Точно так же остяки сплошь и рядом дают «медвежьи» драмы и комедии, где остяк изображает медведя и копирует все его действия и движения. И в нашей повседневной жизни мы сплошь и рядом пользуемся этим способом символизации. Когда нас спрашивают о чем-нибудь, мы сплошь и рядом вместо отрицательного «нет» ограничиваемся резким кивком головы или резким движением руки. Желая символизировать радость — мы улыбаемся, печаль — мы принимаем соответствующую позу и соответствующее выражение лица и т. д.

Особенно охотно к этому способу прибегают дети, не умеющие еще говорить, и глухонемые или слепые. У них этот прием «обнаружения» или «овеществления» психических переживаний едва ли не главный.

Пропуская другие второстепенные виды социальной символики, остановимся еще на так называемой *«предметной» символизации,* представляющей обычно соединение всех указанных видов символизации и особенно широко применяемой в соци-

альной жизни. Не приняв во внимание символизм социальной жизни, и в частности «предметный» символизм, мы рискуем не понять самой сути многих явлений. Возьмем для примера государство. Обычное определение государства как суммы трех элементов: народа, территории и власти — при игнорировании символизма делает неразрешимыми тысячи проблем.

И проф. М.А. Рейснер вполне прав, когда указывает на идеологию и специфический символизм, с нею связанный, как на один из самых основных признаков, характеризующих государство (см.: Государство, ч. I, гл. 1). В самом деле, как иначе объяснить все эти атрибуты власти: скипетр, державу, порфиру, гербы, знамена, короны, аксельбанты, петлицы и т. д. и т. д.

Если бы суть дела здесь была в самих «скипетрах», «коронах» и «гербах», то мы поистине имели бы перед собой абсурдное и необъяснимое. Почитать и считать священными эти комплексы различных то металлических, то деревянных предметов — поистине было бы каким-то недоразумением. Мало ли есть металлических вещей и корон, мало ли есть жезлов и т. д. — однако они не почитаются. Значит, и здесь суть дела не в скипетрах, жезлах и т. д. — а в том, что эти последние суть только «предметные» символы определенных психических переживаний, мыслей и чувств, именуемых государством. Корона и зерцало ценны и святы не сами по себе, а лишь как символы «святых» и великих мыслей, чувств и хотений. Подобные «предметные» символы в социальной жизни мы встречаем буквально на каждом шагу. Возьмем для примера священные или религиозные реликвии: храмы, статуи и иконы святых, кресты, одежды, лампады и т. д.

Что такое любой храм? Почему он свят более, чем обыкновенный дом? Ведь материал, из которого он построен, — те же бревна и кирпичи, из которых строятся и частные дома. Формы домов и церквей бывают различные, и не в форме дело. Отсюда само собой понятно, что церковь и другие религиозные предметы «святы» потому, что они суть «предметные» символы непредметных и святых психических переживаний — религиозных мыслей, представлений, чувств и т. д. Святость вторых делает святыми и первых. Оскорбление вторых есть святотатство, и отсюда святотатством является и оскорбление самих символов.

Говоря коротко, все религиозные реликвии — это застывшие в вещественной форме религиозные переживания.

«Предметные» символы мы встречаем и в других областях социальной жизни. Влюбленный дарит своей возлюбленной букет цветов, символизирующий его любовь, нож символизирует ненависть, орел — мысль, вино — веселье и т. д. и т. д.

Таковы главные виды символики или главные виды объективации психики, данные в социальной жизни и в социальном взаимодействии... Из сказанного видно, что все эти символы (звук, свет, цвет, вещи, движения) суть не что иное, как своего рода проводники, подобные телеграфным и телефонным проволокам, посредством которых индивиды сообщаются друг с другом и без которых их психика должна была бы быть абсолютно замкнутой монадой[7] без окон и дверей...

Каждый из этих основных видов символики в зависимости от характера выражаемой им мысли может распадаться на бесконечно разнообразные формы: звуки, изображающие печаль, будут одни, а радость — другие; звуки (восклицания, слова, аккорды), символизирующие благодарность, принимают одну форму, а негодование — другую. Движения, сигнализирующие удовольствие и наслаждение, будут отличны от жестов, означающих страх или ненависть, и т. п.*...

В силу этого вполне понятно теперь, почему «материальные» предметы и явления могут и должны принадлежать к социальной категории и почему психическое взаимодействие объективируется в непсихических формах. Из сказанного же само собой следует, что любое социальное явление может быть разложено на два элемента, которые должны быть разграничиваемы друг от друга: 1) определенное психическое переживание или чистая психика, 2) непсихические знаки, посредством которых эта психика объективируется или символизируется. Так, например, всякая религия и всякое религиозное явление состоит, во-первых, из определенного ряда мыслей, чувств и переживаний и, во-вторых, из ряда символов, молитв, жертв, эмблем, икон, священных вещей и т. д., в своей совокупности составляющих то, что зовется культом и религиозным обрядом**.

---

* О социальном символизме см. подробнее: *Сорокин П.* Символы в обществ[енной] жизни (изд-во «Наука и жизнь»).

** См. на этот счет: *Дюркгейм Э.* Les formes élémentaires de la vie religieuse, p. 50 и сл. «Религиозные явления, — говорит он, — вполне естественно распадаются на две основные категории: на верования и на обряды. Первые представляют состояния сознания и состоят из представлений, вторые суть определенные способы действия» (соответствующие первым).

Всякое право, как это показано проф. Петражицким, состоит: 1) из определенных (императивно-атрибутивных) психических переживаний и 2) из определенных символов (проекций, фантазм и обрядов), правовых учреждений, зданий суда и т. д., объективирующих первую категорию явлений и т. п.*.

То же, mutatis mutandis, относится и к любому социальному явлению. Каждое из них может и должно быть рассматриваемо под указанными *двумя точками зрения; под точкой зрения чисто психологической или внутренней и под точкой зрения символической или внешней...*

Следовательно, бытие социального явления двоякое: чисто субъективное самобытие Духа и объективировавшееся бытие того же Духа, но уже не «бестелесного», а воплотившегося в ту или иную «вещественную» и «осязаемую» форму.

В первом случае он может жить по своим собственным законам, во втором — он уже перестает быть «свободным» и становится связанным «тяжелыми» и «негибкими» законами вещественного мира, которые подчас радикально изменяют его собственные законы. Выражаясь конкретнее, во втором случае психика, воплощаясь в материальных и вещественных «предметах», volens-nolens[8] принуждена подчиняться тем законам, которыми управляются последние. Такими законами служат законы *биологические и физико-химические.*

Вот почему исследователю, анализирующему социальную жизнь и ее закономерность, не приходится игнорировать законы биологии и физико-химии. Если бы он их отстранил и без них попытался объяснить социальную жизнь, руководствуясь исключительно психической закономерностью, то, конечно, его попытка окончилась бы неудачей... Она имела бы успех лишь в том случае, если бы психическое в социальном процессе было абсолютно отделено от непсихических видов бытия, если бы оно имело абсолютно автономное самобытие. Но этого, как выше было показано, нет и не может быть: объективировавшаяся психика есть психика, воплотившаяся в непсихических видах бытия, и как таковая неизбежно подчинена законам этой последней. В силу этого ее закономер-

---

* См.: *Петражицкий Л.И.* Теория права, т. I. с. 52-57, где весьма отчетливо показано, как правовое переживание, состоящее в приписывании одному права, а другому обязанности, соответственно отразилось в *языке* большинства народов, в актах заключения правовых сделок и т. д.

ность иная, чем закономерность чистого «в себе самом» пребывающего Духа*. Только учитывая и принимая во внимание законы непсихического бытия, можно надеяться на раскрытие *действительной* закономерности социальной жизни.

Из сказанного само собой вытекают следующие основные методологические правила исследования социальных явлений:

1) при исследовании любой категории социальных явлений необходимо строго различать две стороны этой категории:

a) чисто психическую и b) обусловленную первой — внешне-символическую;

2) при объяснении действительной закономерности социальной жизни необходимо учитывать характер закономерности не только психических явлений, но и явлений непсихических, в которых воплощается и через которые объективируется чистая «бесплотная» психика.

§ 3. Условия возможности правильного психического взаимодействия

Определив in abstracto социальное явление и указав на две его стороны, теперь перейдем к более конкретному изучению его. Как выше было указано, эмпирически психическое взаимодействие может быть дано лишь там, где «центрами» взаимодействия служат люди и высшие животные. Оставляя в стороне последних, сосредоточим наше внимание на более детальном изучении взаимодействия людей и тех «единств», которые получаются при наличности такого взаимодействия.

Совокупность индивидов, находящихся в психическом взаимодействии друг с другом, составляет социальную группу или социальный агрегат. Где дано это взаимодействие между двумя или большим числом индивидов — там дана и социальная группа, как некоторое надындивидуальное единство... Где нет его — там нет и социальной группы. В последнем случае взаимодействующие «человекоподобные» индивиды (иначе их трудно назвать — раз они беспсихичны) ничем бы не отличались от взаимодействующих в стакане амеб, парамеций[9] и бактерий или от взаимодействия

* О различии закономерности развития субъективного и объективировавшегося Духа см. также: *Зиммель Г.* Понятие и трагедия культуры (Логос. 1912-1913).

двух или большего числа марионеток, имеющих форму людей и мало чем отличающихся вообще от всяких физических масс.

В чем же состоит это психическое взаимодействие? Каково содержание тех взаимных акций и реакций, которыми обмениваются индивиды друг с другом? Иначе говоря, что служит предметом обмена между ними? — Ответ на это кратко дан был уже выше. С психологической точки зрения («внутренней») это взаимодействие сводится к обмену различными представлениями, восприятиями, чувствами, хотениями и вообще всем тем, что известно под именем психических переживаний.

Но точно так же выше было указано, что индивид с индивидом не могут обмениваться непосредственно и прямо психическими переживаниями. Каждый из них представляет как бы абсолютно замкнутую психическую машину, из которой психика может быть сообщена другой машине не непосредственно, а только через те или иные проводники, подобно электричеству, передающемуся или путем проволок или путем воздуха — проводника. Как для восприятия электрической энергии, передаваемой, например, путем беспроволочного телеграфа, должны быть на другой станции те или иные воспринимающие аппараты, так и у индивида, которому передается то или иное психическое переживание, точно так же должны быть специальные воспринимающие аппараты.

Такими аппаратами и являются так называемые «органы чувств»: органы зрения, слуха, обоняния, осязания, вкуса и т. п. Для того чтобы узнать переживания и мысли другого, мы должны или непосредственно его видеть (например, «печальное выражение лица», «радостную улыбку», «веселый взгляд», «сумрачный вид» etc.), либо видеть, например, его письма и другие предметы, на которых «запечатлелись» его переживания, или слышать, например, ряд его слов, посредством которых он описывает нам те или иные чувства, мысли, слышать его «стон», его «смех» (злорадный, беззаботный и т. д.), либо воспринимать «легкое и дружеское пожатие руки», «горячие поцелуи» и т. д. и т. д.

Если бы у какого-нибудь индивида не было подобных воспринимающих аппаратов, например, ни глаз, ни слуха, ни обоняния, ни осязания etc., — то этим самым исключена была бы возможность всякого психического общения с ним. Он был бы похож в

этом случае на те «мертвые» статуи, которые «вечно молчат и хранят свою тайну».

Что же касается «проводников», посредством которых эти переживания передаются от одного к другим и обратно, то такими «проводниками» являются всегда те или иные категории непсихических предметов, данных нам то в виде звука, то света, то цвета, то ряда движений, то тех или иных «вещей». (См. выше.) *Каждое психическое переживание, прежде чем передаться другому, должно пройти через три стадии: a) сначала оно является чистой психикой, b) затем превращается в непсихическую форму — в символ, в «раздражитель» и, наконец, c) снова получает психическое бытие в воспринявшем субъекте.* Примеры: NN сейчас мыслит, что «S углов треугольника равна 2d»; пока он ничем «не выразил» свою мысль — мы не знаем, о чем он думает. NN говорит ряд звуков: «S углов треугольника равна 2d». Мысль превратилась в звук — в колебание воздушных волн. Мы воспринимаем этот ряд «звуковых раздражителей-символов», и они превращаются в нашем сознании в суждение о сумме углов треугольника. Мне сейчас грустно; пока я молчу, пока у меня нет «грустного вида», печального выражения глаз (двигательно-мимическая символика), нет никаких вздохов и т. п. — мое душевное состояние неизвестно никому (при условии исключения предшествующих символов, дающих основание предполагать то или иное душевное состояние). Я говорю: «Мне грустно», или пишу: «Мне грустно», или сажусь за рояль и беру ряд минорных аккордов, или же придаю (намеренно или непроизвольно — здесь пока безразлично) моим движениям, фигуре и лицу «печальный вид» — и этими способами символизирую и «овеществляю» свое состояние. Символы моей грусти воспринимаются другими и снова принимают психическое бытие в их сознании.

Из этих примеров виден механизм психического общения и основные стадии перехода психики от одного индивида к другому.

Отсюда же следует, что для возможности психического взаимодействия помимо других условий — наличия сознания или психики у субъектов взаимодействия, наличия воспринимающих аппаратов и т. д. — необходимо еще одно дополнительное условие, а именно наличие более или менее одинакового проявления (символизирования) одних и тех же переживаний взаимодействующи-

ми субъектами, что, в свою очередь, дает возможность правильного толкования этих символов каждому из них.

Если этого условия нет — то нет и правильного психического взаимодействия, а раз нет последнего — нет и подлинной социальной группы.

Остановимся подробнее на сказанном. Почему необходимо, чтобы взаимодействующие субъекты одинаковым образом выражали одни и те же психические переживания? — Потому что психика, прежде чем перейти к другому, «овеществляется», символизируется и только в виде этого символа дана другим членам общения. Если же этот символ у одного означает одно переживание, например, звуковой символ «т-о-п-о-л-ь» означает у одного вид дерева, а у другого тот же символ «т-о-п-о-л-ь» означает уже не дерево, а, например, кошку (вид животного) и так же обстоит дело и с другими словесными символами — то, очевидно, наши собеседники никогда не «поймут» друг друга и взаимодействие между ними, по крайней мере, путем речи — не будет возможно. Простейшими примерами такой невозможности служат факты, когда два иностранца, например русский и англичанин, «разговаривают» между собой, не зная языка своего собеседника. Каждому известно, что из этого разговора ничего не получается: один говорит «про попадью, а другой про попа». Спрашивается, почему же они «не понимают друг друга»? — Ответ ясен — потому что *звуковые символы того и другого не тождественны.* Оба собеседника могут быть знаменитыми учеными, могут иметь прекрасный слух, прекрасное зрение и т. д. — но, тем не менее, ни тот, ни другой не поймут друг друга. Если они кое-что и поймут, то скорее из движений, из мимики, из характера восклицаний, а не из слов. Стоит, однако, только допустить, что способы символизации и в остальных областях символики (световой, двигательно-мимической, «вещественной» etc.) различны — и тем самым мы принуждены будем думать, что психическое взаимодействие между нашими собеседниками совершенно будет исключено. Прекрасный художественный образец такого непонимания, вызванного на почве неодинаковой мимической символизации во взаимодействующих субъектах, дан Гюго в его романе «Человек, который смеется».

Вероятно, каждый помнит знаменитую сцену из этого романа, в которой «вечно смеющийся» человек сыплет громы и проклятия, преисполнен глубокого негодования — а остальные не

только не думают, что он и в самом деле негодует, но напротив — думают, что он смеется и говорит все эти бичующие слова лишь «шутки ради»[10]. Недоразумение это, как известно, вызвано было исключительно тем, что у человека во время его речи было «смеющееся» лицо...*

То же самое может быть сказано и о любой форме символизации... Если бы кто-нибудь «беззаботно смеялся» и «весело улыбался» тогда, когда ему тоскливо и грустно, плакал бы тогда, когда ему весело, плясал бы тогда, когда он в отчаянии, с сжатыми кулаками, с стиснутыми зубами бил бы кого-нибудь в знак того, что он его любит и ласкает, — то, очевидно, его психика была бы для нас terra incognita[11] и мы никогда не могли бы правильно понять его. Благодаря сказанному понятно, что «чужая душа — потемки» и что разгадать подлинные ее переживания не так легко, а внешние символы всегда можно толковать различно, что мы и видим, например, в судебных прениях сторон. Здесь сплошь и рядом защитник и обвинитель, исходя из одних и тех же символов (поступков обвиняемого), рисуют совершенно противоположные картины психических переживаний подсудимого. Прекрасный пример сказанному дают «Братья Карамазовы» в той главе, где одни и те же поступки Мити Карамазова совершенно различно истолковываются прокурором и защитником[12].

После сказанного нетрудно согласиться с тем, что если бы у индивидов, постоянно соприкасающихся друг с другом и обладающих даже высокой психической жизнью, формы ее символизации и объективации были совершенно различны, то «правильного» психического общения между ними быть de facto не могло бы. Каждый из них был бы для других каким-то живым непонятным существом, двигающимся, действующим, шумящим, но... и только... Такая совокупность индивидов была бы лишь совокупностью разнородных «чудесных» существ, связанных между собою не больше, чем связаны те куклы, которые проделывают ряд движений на подмостках уличного балагана или за стеклом особых аппаратов, часто имеющихся на вокзалах. Таким образом — *одним из необходимых условий для возможности правильного психического взаимодействия, а eo ipso и социальной группы — является наличие одинакового проявления одинаковых психических переживаний различными членами этой группы*; где этой тождественности нет, хотя бы и

* Вторым примером может служить сцена «Смейся, паяц» из оперы «Паяцы».

были налицо высокая психика и «воспринимающие аппараты», — нет и психического взаимодействия и тем самым и *социальной* группы, как некоторого индивидуального единства.

Исходя из сказанного, мы можем представить себе образно психическое взаимодействие, данное в социальной группе, в таких чертах. Прежде всего нам здесь дан ряд индивидов, находящихся друг с другом в психическом общении... Между этими индивидами непрерывно возникают и исчезают различные психические течения. Каждое из этих течений в продолжение своего перехода от индивида к другим успевает символизироваться, затем как символ или раздражитель воздействует на воспринимающие аппараты других, доходит до их психики и там снова переходит из символического бытия в бытие психическое, которое, в свою очередь, проявляется вовне в тех или иных символах; эти символы снова воздействуют на других, снова претворяются в психическую форму и т. д. Таким образом, психическое взаимодействие конкретно представляется как бы бесконечным числом нитей, ежеминутно возникающих и исчезающих между членами общения, как бы множеством электрических искр, непрерывно перебегающих от одного к другим и обратно...

Для того чтобы возможно было это общение, необходимо, чтобы формы проявления символики были однообразны. Без этого условия искра, идущая от одного, или не будет воспринята другими, или же будет воспринята неправильно — и наоборот.

Теперь сделаем краткое резюме всему сказанному в этой главе:

1) Социальное явление дано там, где дано психическое взаимодействие между теми или иными «центрами».

2) Таковыми центрами являются люди и высшие животные, обладающие развитой нервной системой.

3) Каждое психическое взаимодействие имеет две стороны: одну внутреннюю — чисто психическую; другую внешнюю — символическую; первая для нас непосредственно не дана, а дана всегда лишь в виде символов.

4) Каждый из бесчисленных психических процессов, возникающих между двумя или большим числом членов общения, при своем переходе от одного субъекта к другим необходимо должен пройти через этап «овеществления», или символизирования.

5) Ввиду этого для возможности правильного психического общения и eo ipso социальной группы — помимо других условий — необходимо еще одинаковое понимание самих символов, объективирующих душевные состояния. Где этой тождественности совсем нет — нет там, по существу, и *социальной* группы. Где степень ее очень низка — там низки и слабы и психические связи, скрепляющие одних членов с другими. Отсутствие общего языка (звуковых символов), одинаковых способов выявления своих мыслей путем, например, знаков (письменность, рисунки), тех или иных движений (язык жестов: жесты, выражающие негодование, любовь, покорность, религиозные обряды, обряды, выражающие те или иные моральные убеждения) и т. п. — отсутствие всего этого сводит «на нет» и единство самой группы, и взаимную психическую связь ее членов.

Таким образом, уже краткое рассмотрение самого процесса психического взаимодействия приводит нас к мысли, что вне организации нет и не может быть социальной группы, так как именно одинаковое понимание символов и является одним из элементов этой организации — организации психической.

ГЛАВА II
КЛАССИФИКАЦИЯ АКТОВ ПОВЕДЕНИЯ

§ 1. Три основные формы актов поведения

Если бы кто-нибудь предпринял анализ взаимного поведения членов какой-нибудь социальной группы, *совершенно игнорируя психические процессы, происходящие в психике каждого члена при том или ином поступке*, и описывая только *внешние* формы актов поведения, — то *вся социальная жизнь* или все то, что делает социальное явление категорией sui generis, *ускользнуло бы целиком из-под анализа такого исследователя.* Общество превратилось бы в этом случае в простую сумму взаимодействующих «масс», люди стали бы простой совокупностью атомов и молекул или простыми «центрами сил», а их акты, поведение и поступки перестали бы быть «актами» и превратились бы в простые «движения» этих масс. Ассоциация превратилась бы в простое «сложение сил», борьба — в «вычитание сил», убийство — в ряд движений «центра сил А» по отношению к «центру сил В»; акт убийства преступником жертвы качественно бы ничем не отличался в этом случае от операции хирурга и убийства солдатом врага на поле битвы, так как акты всех этих лиц с внешней стороны довольно близки и сходны. Для подобного исследователя не существовало бы ни актов борьбы, ни актов спасения, ни слов молитвы, ни слов ругани, ни поступков злых, ни поступков добрых — а все эти явления превратились бы в простую сумму тех или иных движений ряда «центров сил», их взаимных перемещений, в ряд звуковых комплексов определенной высоты и тона, с определенным числом коле-

баний и т. д. Одним словом, подобный исследователь, подошедший к анализу социального явления с чисто физическими и химическими методами и принципами, — не увидел бы в социальном явлении ничего, кроме обычных физических и химических тел и их реакций. Как бы ни были прекрасны его микроскопы, телескопы и спектроскопы — он не найдет в актах людей и в них самих никакого элемента «добра» или «зла», «убийства» или «ненависти»; точно так же и в звуках, производимых людьми, он не услышит ни тона «проклятия», ни тона «благословения», ни тона молитвы, ни тона «приказа»; его аппараты не покажут ему ничего подобного.

Всякая грань между человеком и его поступками — с одной стороны, и между физическими и химическими телами и их формами взаимодействия — с другой, в этом случае исчезает*.

К этой же категории принадлежит и книга *г. Воронова* «Основания социологии»; и здесь дана та же попытка изучения социальных явлений как простых физико-химических фактов, и потому немудрено, что все специфически социальное исчезло из социального явления. Сотрудничество превратилось в простое сложение сил, борьба — в вычитание их, организация — в равновесие сил, вырождение — в распадение сил, право — в соотношение сил и т. д. Одним словом — человек превратился в «центр сил», а акты общения людей — в явления движения, изучаемые механикой.

Из сказанного понятно, что подобное изучение не есть изучение социального общения людей, а изучение людей как *обычных физических тел*. Для того чтобы возможно было изучение социального явления, т. е. психического взаимодействия людей, обязательно должны быть привлечены и психологические категории и понятия. На вопрос, что такое право, мораль, религия, искусство и т. д., наш воображаемый исследователь отвечает нам, что «право — это соотношение сил», а преступление — «утечка сил». Но ведь если право есть только соотношение сил, то чем же оно отличается от соотношения сил между грузом А и грузом В, находящимися на концах рычага? Ведь и тут тоже соотношение сил;

---

* Примерами такого трактования могут служить, например, работы *Оствальда*. Сознание для него есть лишь «течение нервно-энергетического процесса». Война, преступление и наказание — есть лишь «утечка» энергии; продажа-покупка — «реакция обмена» и т. д. См. его «Философию природы» (СПб., 1903) и «Die energetischen Grundlagen...»

но следует ли из этого, что соотношение грузов или сил А и В есть правовое отношение? И рассеяние теплоты, благодаря лучеиспусканию, есть также «утечка энергии». Но значит ли, что это рассеяние есть в то же время и преступление?

Отсюда видно, что наш исследователь, изучая социальное явление по вышеуказанному рецепту, не только не дал бы анализа тех или иных социальных фактов, но даже не коснулся бы их, оставив социальное явление в стороне целиком.

Как уже выше было указано, в последнем всегда необходимо различать, с одной стороны, — психическую его сторону и, во-вторых, внешнюю сторону, объективирующую первую. Характер психических переживаний определяет собою характер поступков, подразделение первых обусловливает собою и подразделение вторых. Поэтому, анализируя социальное явление и, в частности, поведение людей, живущих в группе, и пытаясь расчленить на те или иные категории бесконечно разнородные поступки, — следует всегда исходить из анализа тех психических переживаний, которыми сопровождается тот или иной акт поведения человека. Этот анализ даст ключ и к объяснению тех внешних актов, которые носят название поступков человека, из совокупности которых и слагается его поведение.

Со времени своего рождения вплоть до смерти каждый человек непрерывно действует, производит бесчисленное множество актов и получает в ответ на эти акты бесчисленное множество реакций от других людей, в обществе которых он живет. Из совокупности его поступков создается его поведение; характер первых определяет собою и характер последнего. Эти акты по своему конкретному виду настолько разнородны и разнообразны, что нет никакой возможности хотя бы приблизительно перечислить и описать их. Но эта конкретная разнородность, однако, не мешает с известной точки зрения сгруппировать все эти поступки в определенные разряды и подвести их под вполне определенные немногочисленные категории.

Можно указать две такие основные категории, под которые подойдут все поступки человека. Одни акты человека есть делание чего-нибудь (facere), другие акты — есть неделание чего-нибудь (non-facere). Всякий конкретный акт подойдет под одну из этих категорий.

Последняя категория «неделания» до последнего времени обычно понималась, как категория «воздержания» от чего-нибудь. Поэтому все акты «неделания» и определялись как акты «воздержания». Проф. Л.И. Петражицкий внес в это мнение поправку и вполне правильно указал, что не следует смешивать акты «воздержания» с иного рода актами «неделания», обозначаемыми им термином «терпения»*.

Стоит сравнить психический характер актов «воздержания» и актов «терпения», и разница между ними сразу же становится ощутимой. Первые акты — есть акты пассивные, состоящие в воздержании от каких-либо действий, а вторые есть акты активные, состоящие именно в терпении ряда воздействий, исходящих от других людей.

Если взять, например, христианское изречение: «не противься злому», или «если ударят тебя в правую щеку, то подставь обидчику и левую»[1], то акты, предписываемые этой заповедью, получают существенно различный вид в том случае, когда мы будем толковать их как акты «воздержания» — с одной стороны, и как акты «терпения» — с другой.

В первом случае эти акты получают характер пассивного воздержания от сопротивления обидчику. Действиям его не противятся как необходимому злу. Если бы можно было сопротивляться им, не нарушая нравственного закона, то такое сопротивление было бы желательно и необходимо.

При второй же интерпретации этих актов они гласят: терпи обиды, ибо это терпение есть великая добродетель, в этом терпении есть великая ценность и для него нужны великие способности. Не несопротивление, а именно терпение нужно и требуется, чтобы победить зло и уготовить царство Божие. Не пассивное воздержание, а любовное действенное терпение подчеркивается во втором случае. Уже Достоевский с обычной прозорливостью подчеркнул эти акты терпения и в противоположность Толстому в этом смысле — в смысле терпения — разъяснил заповедь Христа «не противься злому». «Пред иною мыслью станешь в недоумении, — говорит у него старец Зосима, — особенно видя грех людей, и спросишь себя: “взять ли силой али смиренною любовью”. Всегда решай: “возьму смиренною любовью”. Решишься так раз навсегда, и весь мир покорить возможешь. Смирение любовное —

* См.: *Петражицкий Л.И.* Теория права, т. I, с. 71 и сл., т. II, с. 431 и сл.

страшная сила, изо всех сильнейшая, подобной которой и нет ничего»*. Очевидно, что эта «смиренная любовь» не есть пассивный акт воздержания, а именно — активный акт терпения.

Итак, совокупность всего поведения человека распадается на ряд актов или поступков, а последние при всей их эмпирической разнородности представляет 1) или делание чего-нибудь (facere); 2) или неделание (non-facere) чего-нибудь, в свою очередь распадающееся на разновидности a) актов воздержания (abstinere) и b) актов терпения (pati).

Если теперь мы возьмем каждую из трех категорий поступков отдельно и попытаемся проанализировать различные акты, подходящие под эту категорию, то увидим, что не все эти акты сопровождаются одинаковым психическим переживанием**. Каждый из людей совершает множество актов делания (facere). Так, например, я сегодня два часа занимался в конторе; заплатил 20 рублей моей хозяйке за комнату, возвратил товарищу взятые взаймы у него деньги и т. д. Все эти акты «делания» имели между собой то общее, что их делание или даже представление об этих действиях сопровождалось и сопровождается у меня *своеобразным переживанием «обязанности»*. Я занимался в конторе потому, что «обязан» был заниматься, а хозяин конторы «имел право» требовать от меня этих занятий. Я отдал хозяйке деньги потому, что «обязан» был отдать, а за ней имелось право получить их.

То же самое переживание было у меня и при совершении акта — возвращения долга товарищу.

Подобных же актов делания я совершил еще очень много с той только разницей, что в этих случаях я за собой признавал право требовать от других ряда актов, а другим приписывал «обязанность» совершить эти акты. Утром я послал прислугу в лавку, и она пошла туда, затем попросил ее вычистить ботинки, и она вычистила... Я требовал от нее этих поступков потому, что себе приписывал право требовать их, а ей приписывал обязанность исполнить их***.

---

* Братья Карамазовы. СПб., 1895, т. I, с. 379-380.

** Само собой разумеется, что в дальнейшем принимаются во внимание только акты сознательные, а не рефлексо-инстинктивные или бессознательные.

*** Очень часто, однако, у стороны управомоченной может и не быть переживания управомоченности. Посылая прислугу в лавку, я могу и не думать о том, что я имею право на это, а она обязана сходить туда. Я, ввиду «дозволенности» для меня подобного требования, могу послать ее туда без всякого пережи-

Подобные же акты, сопровождаемые особым переживанием, наделяющим одних правами, а других — обязанностями, имеются и в остальных двух категориях актов: в актах воздержания и терпения.

Мне, например, очень хотелось взять несколько книг, которые были выставлены в витрине магазина, но я этого *не сделал*, воздержался, потому что «обязан» был не делать, а хозяин магазин имел право *не терпеть* моих покушений на его добро. Таким образом, этот акт неделания у меня сопровождался переживанием, наделявшим меня *обязанностью неделания* (воздержания от акта), а хозяина *правом нетерпения*. Сегодня же в трамвае, уже переполненном публикой, произошла такая сцена. Один господин вскочил на подножку трамвая, но кондуктор попросил его сойти обратно. Наблюдая эту сцену, я непроизвольно соглашался с актами кондуктора и считал их правильными, «дозволенными» и «должными», так как приписывал господину обязанность не вскакивать на подножку, а кондуктору — право не терпеть действий вскочившего господина.

Аналогичные же переживания я нахожу у себя и при третьей категории актов — актов *терпения*. Мне, например, очень мешает плач ребенка в соседней комнате, и я бы с удовольствием переместил его в другую квартиру. Но я воздерживаюсь от этих актов и смиренно терплю его плач, так как считаю себя обязанным терпеть его, а ребенку или его родителям приписываю право производить шум. Очень часто на заседаниях научных кружков мне не нравились многие ораторы, которые, не говоря ничего существенного, отнимали своими речами массу времени. Мне иногда хотелось бы прервать их и лишить слова. Но я этого не делал, так как сознавал, что я должен терпеть их, а они имеют право говорить.

Из этих примеров видно, что *в каждой категории моих поступков* (facere, abstinere и pati) *имеется ряд актов, которые сопровождаются специфическими психическими процессами, наделяющими меня или других определенными правами и обязанностями.* Назовем для краткости всю категорию актов, сопровождаемых указанными психическими переживаниями, категорией «*должно-дозволенных*» актов, *поведение*, состоящее из подобных поступков, —

вания управомоченности. Но как только кто-нибудь вздумал бы оспаривать мое требование — переживание управомоченности одной стороны и приписывание обязанности другой неизбежно возникает.

должно-дозволенным поведением, а взаимоотношения, устанавливающиеся между мной и другими на основе подобного поведения — *дозволенно-должными* взаимоотношениями*.

Спрашивается теперь, все ли разряды актов (facere, abstinere и pati), совершаемых мной, обладают этим «должно-дозволенным» характером, т. е. все ли мои акты сопровождаются указанными психическими процессами, наделяющими одних субъектов «правами», а других «обязанностями»?

Очевидно, что нет. Я, например, дал сегодня «на чай» швейцару (акт facere); проработал вместо положенных 2 часов 4 часа в конторе (facere); воздержался от выговора хозяйке за то, что она не прибрала вовремя в моей комнате (abstinere); не взял денег с товарища за работу, которую я ему сделал (abstinere), терпел в течение часа присутствие ребенка в моей комнате, хотя и имел право его выпроводить оттуда (pati); терпел ругань пьяного на улице, хотя мог попросить городового его задержать и отправить в участок (pati), и т. д.

При всех этих актах я не приписывал никакой обязанности себе и права другим. Я не был «обязан» дать швейцару «на чай», а за ним не признавал никакого права требовать от меня денег. Я не был обязан работать в конторе 4 часа, и хозяин не имел права требовать от меня лишней двухчасовой работы. Я «имел право» сделать выговор хозяйке, а ее обязанностью считал — выслушивание выговора и принятие его к сведению. Но я не сделал этого. То же самое было и в других случаях. При совершении всех этих актов я не переживал никакой «связанности» или обязанности. Все эти акты у меня были добровольные, на которые никто не мог претендовать и требовать их от меня.

Под тем же углом зрения я «понимаю» и ряд актов других людей, совершаемых по отношению ко мне. Так, например, проф. Х одолжил мне ряд книг, хотя и не был обязан это сделать. Хозяйка квартиры согласилась подождать следуемые ей 20 рублей, хотя и не обязана это делать. Мой знакомый подарил мне ряд ценных книг, хотя я сознаю, что я не имел права требовать их от него, а он не обязан был дарить их мне, и т. д. Во всех этих случаях и в бес-

---

* Акты, обозначаемые мной как «дозволенно-должные», есть не что иное; как акты правовые в смысле проф. Петражицкого, поэтому более детальный и блестящий анализ их читатель найдет в «Теории права» Л.И. Петражицкого. В дальнейшем для краткости я буду их называть просто «должными» или «дозволенными» актами.

численном множестве подобных случаев я рассматриваю их акты как акты вполне *добровольные*, к которым их ни я, ни кто-либо другой обязывать не может. Все акты являются *«услугами»* этих лиц по отношению ко мне, услугами, продиктованными желанием сделать мне нечто приятное, полезное и т. д. Точно так же и я, давая швейцару на чай, работая лишние два часа etc., добровольно оказывал швейцару и хозяину конторы *услуги*, нечто приятное и желательное для них (с моей точки зрения). Итак, в каждом разряде актов (facere, abstinere и pati) мы наряду с актами *«дозволенно-должными»*, сопровождающимися «атрибутивно-императивным» переживанием, находим вторую категорию актов, актов *добровольных*, совершаемых ради желания доставить кому-либо приятное и вообще нечто хорошее.

Эти акты по самому своему характеру определяются двумя чертами: 1) *они добровольны*, 2) *не противоречат «дозволенно-должным»* (атрибутивно-императивным) *переживаниям и убеждениям. Они никогда не идут вразрез с последними и никогда не нарушают их.* Потому-то они именно и желательны, что они не противоречат «должному» шаблону поведения. Но тогда как последние всегда определенно регламентированы, и тогда как взаимоотношение двух субъектов, согласно им, носит всегда двусторонний связанный характер, в актах второй категории нет никакого «обязывающего» переживания. Если хочу я их совершить — совершу, не хочу — никто не может претендовать на них. Они своего рода роскошь, ни для кого не обязательная, но желательная или рекомендуемая. Назовем для краткости эти добровольные акты, *не противоречащие «должному» поведению кого-нибудь, но желательные с его же точки зрения*, представляющие своего рода избыток благоволения, — *актами рекомендуемыми* (с точки зрения того же лица); поведение, состоящее из подобных актов, — *поведением рекомендуемым*, а взаимоотношение, устанавливающееся между данным лицом и другим на почве совершения подобных актов, — взаимоотношением *рекомендуемым**.

Но исчерпывается ли каждая категория поступков и этими двумя видами должных и рекомендованных актов? Очевидно, что нет.

---

* Как видно из сказанного, акты «рекомендуемые» «морально-однородны» с «дозволенно-должными» актами, но превосходят их норму, а благодаря этому обстоятельству *количественное* различие переходит в *качественное: обязательно-правомочное* отношение переходит во взаимно *добровольное.*

Я могу себе представить, что я не пойду на работу в контору, что я убью сегодня кого-нибудь, что я пойду и украду или силой возьму нужную мне вещь в магазине, или не заплачу хозяйке ничего, а жить в комнате буду. Стоит мне представить подобные акты, *идущие вразрез* с моими же представлениями «должных» актов и взаимоотношений и нарушающие их, стоит мне представить, а тем более совершить эти акты, и у меня непроизвольно возникает в душе некоторое *отвращение* к этим актам и переживание их «*недозволенности*». Они кажутся мне чем-то недопустимым, запрещенным именно потому, что они *противоречат тому поведению, которое в моих же глазах имеет характер должного.*

Подобное же переживание «недозволенности» возбуждает во мне и ряд чужих актов, совершаемых по моему ли адресу кем-нибудь или по адресу других людей.

Если бы кто-нибудь вздумал без моего позволения и даже вопреки запрещению расположиться в моей комнате и не пускать меня в нее; или если бы кто-нибудь ударил меня на улице или обругал без всякого повода — то все эти акты мной рассматривались бы как акты недопустимые и запрещенные.

Стоит мне далее представить себе картину, где более сильный бьет более слабого потому только, что он более сильный, стоит представить себе ряд поступков разврата, лжи, нечестности, насилия, угнетения, совершаемых кем-либо — и все эти факты, как действительные, так и воображаемые — мной непроизвольно квалифицируются как акты запрещенные, нарушающие мои убеждения должного поведения и потому отталкивающие меня. *Все подобные акты, нарушающие шаблоны должного поведения и противоречащие им, и поведение, состоящее из подобных актов, назовем поведением и актами запрещенными или недозволенными.*

Каждая из указанных выше категорий поведения, будучи данной у всех людей, может быть различной по содержанию у различных лиц. Для каждого человека тот или иной акт войдет в одну из этих трех категорий в зависимости от того, каковы его представления «дозволенно-должного» поведения. Категория «должных» актов есть основная категория, и ее характером обусловливается принадлежность того или иного акта к той или другой категории. Если, например, мы возьмем члена древних обществ, считающего в качестве «должного» акта убийство чужеродца, то, очевидно, акт неубийства его будет им квалифицироваться как акт

запрещенный; а убийство особенно большого количества врагов — как акт рекомендуемый. Те же акты получат совсем иную квалификацию со стороны человека, для которого в данной сфере «должным» шаблоном поведения будет принцип «не убий». Убийство в этом случае будет актом запрещенным, оставление жизни врагу — должным, а любовь к врагу — рекомендуемым.

Если обратиться к иной сфере социальных отношений, например, половых, то и здесь те или иные формы поведения будут сопровождаться различными переживаниями, например, у первобытного человека и человека-христианина.

Для первого сожительство со многими женщинами (определенной половины клана и определенной возрастной группы, например, с «нупами» и «пираунгару» у австралийского племени Урабунна) будет должной формой поведения. Совершенное воздержание от половой жизни — или попытка не допустить к своим женам других мужчин — явится уже актом недозволенным. Иначе отнесется к этим видам поведения христианин. С его точки зрения, «должное» поведение в данной сфере есть моногамический брак, «в образе союза Христа с церковью». Рекомендуемое — безбрачие и целомудрие, запрещенное — половая жизнь вне брака или жизнь со многими женщинами. Эти нормы установлены Христом и отчетливо сформулированы апостолом Павлом. «Могий вместити, да вместит», — говорит Христос, рекомендуя целомудрие, дозволяя брак и запрещая блуд*. «Безбрачным же и вдовам говорю, — пишет ап. Павел, — хорошо им оставаться, как я, но если не могут воздержаться — пусть вступают в брак. Если и женишься, не согрешишь; и если девица выйдет замуж — не согрешит. Посему выдающий замуж свою девицу поступает хорошо; а не выдающий — поступает лучше»... «Бегайте блуда», ибо «ни блудники, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники... царства Божия не наследуют»**.

И в окружающей нас социальной жизни мы сплошь и рядом можем констатировать эту разнородность содержания каждой категории у различных людей и групп. Один и тот же акт, например забастовка рабочих, одними считается актом должным, другими — запрещенным. Одно и то же явление квалифицируется очень часто одними партиями в Думе как явление недопустимое, другими —

---

* От Матфея, гл. 19, ст. 11, 12.

** 1-е к Коринфянам, гл. 7, ст. 8, 9, 28, 36-38; гл. 6, ст. 18, 10.

как явление рекомендуемое. Примером может служить недавняя оценка поведения правительства различными думскими партиями. Правые нашли это поведение — рекомендуемым, октябристы — должным, а кадеты с левыми — недозволенным или запрещенным. Подобных примеров можно привести ad libitum[2]. Из всех их можно видеть, что хотя содержание каждой категории может быть и различно у различных людей, но наличность этих разрядов дана в сознании каждого (кроме тех, разумеется, кто страдает этическим идиотизмом и психической тупостью).

Теперь сделаем краткое резюме сказанного. Все акты каждого из разрядов facere, abstinere и pati по характеру психических переживаний распадаются на три основные категории.

1) Акты *«дозволенно-должные»*, которыми являются поступки, соответствующие представлениям «должного» поведения, атрибутивно-императивным переживаниям. Это суть или акты осуществления прав, или акты осуществления обязанностей. Если поведение кого-нибудь соответствует тем правам и обязанностям, которыми я или другой его наделяет, то его поведение в моих глазах или в глазах этого другого есть поведение должное, если оно не соответствует — то оно перестает быть таковым. То же самое получится и с точки зрения другого человека.

2) Акты *«рекомендуемые»*. Такими актами для каждого человека будут акты, *не противоречащие его представлениям дозволенно-должного поведения, но представляющие сверхнормальную роскошь*, избыток над необходимым минимумом «доброго» поведения, каковым является дозволенно-должное поведение, и потому всегда желательные. Эти акты — добровольны и потому не носят в себе никакого элемента обязанности.

3) Акты *«запрещенные»* или *«недозволенные»*. Такими актами для *каждого* будут те акты, которые противоречат *его* представлениям «должного» поведения и нарушают его «должную» норму поведения (акты, противоречащие атрибутивно-императивным переживаниям).

Эти категории — категории чисто «формальные». Хотя они и даны в сознании каждого человека, но это наличие их еще не обусловливает тождественности «содержания» каждой категории у различных людей. Один может считать «должным» один шаблон поведения, а другой — иной. Сообразно с этим неодинаковыми будут и те акты, которые каждый из них будет считать рекомендуемыми и запрещенными.

СХЕМА

- Поведение: акты
  - I. facere
    - рекомендуемые
    - должные
    - запрещенные
  - II. non-facere
    - abstinere
      - рекомендуемые
      - должные
      - запрещенные
    - pati
      - рекомендуемые
      - должные
      - запрещенные

§ 2. Три основные формы реагирования на чужие поступки

Установив основные разряды актов в зависимости от характера тех психических процессов, которыми они сопровождаются, подойдем теперь к изучению их с несколько иной стороны; спросим себя, как мы реагируем на каждый из этих трех разрядов? Одинаковыми ли остаются наши душевные переживания и обусловленные ими акты поведения в том случае, когда по отношению к нам кто-нибудь совершает акт, кажущийся нам запрещенным, с одной стороны, и акт, кажущийся нам должным, — с другой? Ежедневный опыт каждого из нас учит, что говорить об одинаковости переживаний и поведения в этих двух случаях не приходится. Возьмем самый обычный факт. Хозяйка моей квартиры приходит ко мне и заявляет, что срок месяца кончился и я должен уплатить 20 рублей за будущий месяц. Я считаю ее акт «должным», т. е. приписываю ей соответственное право, и беспрекословно плачу ей 20 рублей. Теперь представим себе, что ко мне явился бы неизвестный мне человек и *потребовал* бы от меня 20 рублей без всякого основания. Мои переживания в этом случае будут уже совершенно иными, чем в первом. Для меня его акт — акт запрещенный, акт вымогательства. Поэтому неудивительно, что во мне возникнет ряд переживаний, не особенно дружелюбных по адресу пришедшего, и поведение мое выразится в том, что я укажу этому господину на дверь, наградив его эпитетами «нахала», «стрекулиста» и в худшем случае позову дворника и отправлю его в участок.

В первом случае я рассматривал акт хозяйки именно как «*должный*», *как вполне «справедливый» и потому морально положительный.* Я не испытывал по адресу хозяйки никаких неприязненных и недружелюбных эмоций; ее поведение не имело в моих глазах *отталкивающего* и отвратительного характера. Она поступала так, как должно поступать. Иначе я вел себя во втором случае. «Незаконное» требование господина сразу вызвало во мне *неприязненные* и антипатически-враждебные чувства по его адресу, желание дать ему *отпор* и вообще «показалось» мне недопустимым. Совершенно непроизвольно господин сделался для меня «врагом», а его поведение — отталкивающим.

То же самое каждый человек может проверить путем личного опыта, для чего, между прочим, великолепный материал дают наблюдения над собственными переживаниями во время чтения какого-нибудь романа или во время присутствия в театре на какой-нибудь драме или трагедии. Здесь нам даются всевозможные случаи взаимоотношений между героями, одни из которых поступают в наших глазах «должным» образом, другие — недозволенным. Наши симпатии всецело на стороне первых; вместе с ними мы страдаем, когда они страдают; и непроизвольно желаем «торжества добродетели» и «наказания порока». «Безнравственные» же герои опять-таки непроизвольно вызывают в нас враждебные по их адресу чувства; нам хочется протестовать против их актов, сделать их безвредными и даже наказать их.

Кто не симпатизировал королю Лиру, когда его дочери и зятья изгоняют его, и кто не имел враждебных чувств против тех, кого он облагодетельствовал и кто его же безжалостно выгнал! Кто не страдал вместе с Жаном Вальжаном, «несправедливо» преследуемым полицией и врагами! Было бы бесполезно приводить дальнейшие факты: их так много и они так знакомы каждому, что настаивать на этом трюизме бесполезно. Впрочем, если бы кто усомнился в сказанном, он легко может убедиться в этом, представив себе ряд форм поведения, из которых одни он считает должными, другие запрещенными. Пусть, например, он представит себе, что он убивает своего любимого отца. Достаточно только вообразить подобный акт — и переживание отвращения и отталкивания к подобному поступку, соединенное с враждой и ненавистью к тому, кто бы это сделал, будет налицо... Иным уже будет переживание, если он представит себе акты заботливости о любимом

отце, ухаживание за ним и т. п. В этом случае переживание по адресу подобных актов поведения будет притягательным, носящим характер долженствования, и все субъекты подобных поступков не вызовут никаких враждебных чувств по своему адресу.

Если далее мы представим себе ряд актов, кажущихся нам «рекомендуемыми», — то и в этом случае в нашей психике будет дано переживание sui generis, как по адресу самого акта, так и его исполнителя, не совпадающее ни с переживаниями при актах должных, ни при актах запрещенных. Эти переживания окрашены особенно сильным цветом *благоволения и симпатии* по отношению к совершителю рекомендуемого поступка, вызывают к нему особенно сильное чувство «*благорасположения, любви и уважения*», желание сделать и ему нечто *приятное и хорошее.* Сам же акт получает *притягательный* и желательный характер в наших глазах. Когда мы видим подобные поступки человека, не обязанного их совершать, но тем не менее делающего их, — этот человек становится своего рода «добродетельным героем», заслуживающим той или иной степени уважения и любви. Примеров, подтверждающих сказанное, можно привести ad libitum...

С точки зрения обычных современных представлений никто «не обязан» раздавать деньги, жертвовать их на бесплатные столовые, приюты, школы, институты и т. д. И вот если кто-нибудь это делает (пример — Н.А. Шахов), то его «рекомендуемый» поступок сразу же обращает на себя внимание, вызывает сочувствие по адресу такого лица, симпатии, уважение и т. д.

Когда кто-нибудь помогает другому, хотя он и не обязан помогать, то первый в глазах второго становится «благодетелем, добрым и прекрасным» человеком, которому, в свою очередь, хочется сделать нечто приятное и хорошее.

И не нужно думать, что в каждом отдельном случае все эти переживания и способы реагирования на чужие поступки вызываются в нас путем преднамеренным, путем сознательного расчета и «зрелых соображений». Нет, каждый из нас уже имеет обычно это различие запрещенных, рекомендованных и должных актов; воспринимая чужие акты, «сразу же» относит их к той или иной категории и сразу же, непроизвольно и спонтанно реагирует на них в той или иной форме. Те или иные переживания, а в зависимости от них и формы поведения, в ответ на чужие акты, возникают в нас моментально (за исключением некоторых случа-

ев) и самопроизвольно. Самопроизвольно же объективируются эти переживания и в соответственные поступки.

Итак, *каждый из чужих актов, воспринимаемых нами, вызывает в нас неодинаковые переживания и соответственно неодинаковые формы реагирования на них*:

1) *Акты*, воспринимаемые нами как «*должные*», не вызывают в нас ни переживаний вражды, ни ненависти, а равно ни особенной любви и симпатии к ним самим и к их *исполнителю*, они воспринимаются просто как «дозволенно-должные» (иное слово трудно найти), как нормальные и только. Сама *форма актов* не вызывает в нас ни отвращения-отталкивания, ни притяжения-любви. Они *нормальны*, справедливы, а потому положительны и только. Лавочник дал мне фунт хлеба, я заплатил ему 7 коп. Акт лавочника для меня просто нормальный, должный и ничего больше, а сам он не вызвал во мне по своему адресу ни особенной любви и симпатии, ни ненависти и вражды.

2) Иное переживание возникает в ответ на акты «*рекомендуемые*». Здесь я, в ответ на подобный акт, испытываю *по адресу его субъекта* особенное *благорасположение, благодарность, любовь, симпатию и желание и ему*, в свою очередь, *оказать ту же услугу*. Сам же акт нам кажется чем-то *желательным и притягивающим*.

3) Наконец, в ответ на акты *запрещенные* мы реагируем в форме переживаний и актов *вражды, недружелюбия и ненависти по адресу его субъекта*; в нас самопроизвольно возникает желание отпарировать его незаконное покушение и отомстить ему за его попытку. *Сам же акт* вызывает в нас *переживание отвращения и отталкивания к такой форме поведения*.

Иначе говоря, акты должные — кажутся нам всегда нормальными, справедливыми и потому морально положительными; акты запрещенные — морально отрицательными и поднормальными; акты рекомендуемые — сверхнормально-положительными, своего рода моральной роскошью.

Каким является каждый из них — такую же реакцию он и вызывает.

Эта реакция происходит самопроизвольно и спонтанно.

Само собой разумеется, что установленная нами классификация как *самих актов*, так и *форм реагирования* на них не есть классификация по *конкретному содержанию* самого акта и реакции на него, но по *форме* психических переживаний. Какой акт является

для кого-нибудь запрещенным, рекомендуемым или должным, а соответственно с этим — на какие акты он будет реагировать нормальным, поднормально-враждебным и сверхнормально-любовным образом — это зависит от всего характера психической жизни, убеждений и мировоззрения индивида, создаваемых различными факторами. Содержание каждого разряда как акций, так и реакций, как уже выше было указано, может быть различным для различных индивидов, но само *наличие указанных разрядов и описанных форм реагирования на каждый из них — дано в поведении каждого человека.*

Установив эти три разряда актов и три разряда реакций на чужие акты, воспринимаемые то как должные, то как рекомендуемые, то как запрещенные, — теперь для краткости обозначим каждый из них соответственными терминами. *Акты рекомендуемые назовем подвигом или услугой, а реакцию на них со стороны другого, воспринимающего их именно как акты рекомендуемые, — наградой*. Акты запрещенные назовем преступлением, реакцию на них, понимаемых другими именно как акты запрещенные, — наказанием. Акты «дозволенно-должные» и вызываемую ими реакцию будем называть просто дозволенно-должными.* Таким образом, получаются три пары акций и вызываемых ими реакций:

преступление — наказание,
подвиг — награда,
«дозволенный» акт — «должная» реакция.

---

* В данном случае я следую примеру *Бентама*, согласно которому: Une rècompense est un portion de la matière du bien, accordée en consideration d'un service réel ou supposé. La notion de la récompense comprend donc nêcessairement la notion du service, et le service lui même est quelque bien réel ou supposé, fait à la partie qui est censée d'avoir reçu[3]. *Oeuvres de J. Bentham.* Bruxelle, 1840, т. II, с. 135. Его примеру следуют Иеринг, Де-ля-Грассери и др. (см. ниже).

ГЛАВА III
ПРЕСТУПЛЕНИЕ И ПОДВИГ

§ 1. Преступление

Установив в предыдущем прелиминарные определения каждой из основных категорий поведения, теперь рассмотрим каждую из них более детальным образом. Начнем с изучения преступлений и наказаний и попытаемся дать понятие каждого члена этой пары.

Как известно, преступления и наказания изучаются наукой уголовного права. По их поводу написаны сотни тысяч томов и имеется множество определений. Но, несмотря на это богатство определений, приходится сознаться, что общепризнанного понятия преступления, а соответственно и наказания до сих пор еще нет. Главный грех значительного числа определений заключается в том, что вместо анализа действительных причинных взаимоотношений, существующих в живой действительности, догматика уголовного права весьма усиленно занималась и занимается анализом перечисленных в кодексе «преступных деяний», игнорируя аналогичные явления, данные вне кодекса. Отсюда же происходит и второй грех ее, а именно: смешение теоретической точки зрения с практической, сущего с должным. Приспосабливая свои определения к действующим уложениям, преследующим чисто практические задачи, догматика уголовного права не могла не впасть в этот грех смешения «сущего» и бывшего с «должным». Благодаря этому обстоятельству немудрено, что в ней были и до сих пор еще существуют тысячи «антиномий», которые едва ли

бы появились при резком разграничении этих принципиально различных точек зрения.

I. Традиционный прием построения понятий преступного деяния и наказания таков. Говорится обычно, что «преступное деяние есть деяние, нарушающее нормы правопорядка»*. В этой части определения, пожалуй, все теоретики уголовного права согласятся между собой, ибо так определяют преступление все современные кодексы.

Допустим и мы пока, что эта часть верна и приемлема, и пойдем дальше. Мы формулировали только начало определения, а не все определение. Ведь те же кодексы различают, коротко говоря, неправду уголовно наказуемую и неправду не наказуемую, иначе говоря, правонарушения уголовные, гражданские, а некоторые отсюда выделяют еще и полицейские правонарушения.

Добавьте к этому такие явления, как деяния, нарушающие нормы доброго поведения, нравственности, благоприличия, деяния, противоречащие религиозным предписаниям (грех), и т. д.

И вот перед теоретиком уголовного права, отправляющимся от кодекса и приспосабливающим свое определение только к кодексу или кодексам, встает ряд труднейших задач: раз кодекс отличает уголовные правонарушения от гражданских, нужно и ему найти differentia specifica[1], которая указывала бы, чем отличаются уголовные правонарушения от остальных. Один указывает в качестве специфического признака одно, другой — другое, третий — третье и т. д.; возникают взаимные споры, носящие тоже своеобразный характер. Обычным приемом опровержения противника является здесь не указание на то, что выделяемый им класс явлений не однороден, или не целиком выделен (неадекватность или нераспределенность логического субъекта и предиката), а указание на то, что, мол, ваше определение не согласуется с таким-то

---

* См., напр[имер]: *Сергеевский Н.Д.* Русское угол[овное] право. СПб., 1908, с. 206, 46 и сл.: «Преступное деяние есть действие человека, нарушающее нормы правопорядка».

Кистяковский А.Ф. Элемент[арный] учебн[ик] общего угол[овного] права. 3-е изд., с. 696: Преступление «есть нарушение закона».

Пусторослев П.П. Понятие о преступлении. М., 1891, с. 169: «Правонарушение есть действительное нарушение объективного права, т. е. правового порядка, учрежденного государством».

Лист Ф. Учебник угол[овного] права. М., 1903, т. I, с. 120: («Преступление есть вменяемое противоправное действие».)

Таганцев Н.С. Русское уголовное право. СПб., 1902, т. I, с. 61: «Преступным почитается деяние, посягающее на юридическую норму в ее реальном бытии».

кодексом. Если это несовпадение найдено — теория считается погибшей.

Рассмотрим кратко главные типы попыток, имеющих своей целью выделить преступные деяния из разряда других правонарушений.

А) Одни авторы, пытаясь отделить уголовные правонарушения от других, указывали на то, что отличительным признаком первых является *содержание бедствующих от них человеческих потребностей*, иначе говоря, преступные акты, по их мнению, отличаются от других правонарушений и проступков по самому содержанию этих актов. Но спрашивается, какие же акты в таком случае являются преступными *по своей природе*? Можно ли указать хотя бы один акт, который бы сам по себе считался преступным во всех кодексах? Можно ли, например, таким актом считать убийство как убийство?

Стоит поставить эти вопросы — и данная попытка терпит полное фиаско. Сравнивая конкретные акты, называемые преступными различными кодексами, оказывается, нельзя указать ни одного акта, который бы всеми кодексами считался таковым. Даже такие преступления, как убийство, и то не всегда и везде считаются за преступления. Даже те кодексы, которые считают его за уголовное правонарушение, причисляют его к преступным не в силу его «природы», а в силу чего-то иного, так как они же допускают и даже требуют в известных случаях убийства, нисколько не считая его преступным (убийство по требованию закона, убийство в состоянии необходимой самообороны, убийство врага на войне и т. д.).

Между тем если бы какой-нибудь акт был по самому *содержанию его* преступным — то этого «противоречия» не должно было бы быть. Если акт убийства *по своей природе* есть преступление — то он преступлением должен быть всегда и везде.

А раз он таковым не является — то, значит, причисление его к уголовным правонарушениям зависит не от его природы или содержания, а от чего-то другого. Значит, нужно искать это «другое», а определять преступные акты по «природе» этих актов нельзя.

Я взял наиболее выгодный для этой теории акт, и он, как мы видим, не подтверждает выставленного положения. Если же взять en masse[2] все акты, которые кодексами различных народов и разных времен считались преступными, и даже кодексами одного и того же государства, то здесь уже прямо немыслимо пытаться раз-

личать уголовные правонарушения от других правонарушений по содержанию самих актов или по их природе. Один кодекс считает определенный акт преступлением, другой не считает его таковым. Например, по кодексу нашему до недавнего времени отступление от православной веры в язычество считалось уголовным правонарушением, а по европейским кодексам — переход из любой религии в другую не составляет преступления. Как тут быть, если считать тот или иной акт по самому его содержанию преступным? С одной точки зрения — он преступление, с другой точки зрения — нет. А так как исходят обычно только из кодексов и к ним же стараются приспособить свои определения, то и получается неразрешимая задача отождествления А с non-А. Вообще говоря, нет ни одного акта, который бы по самому своему содержанию был уголовным правонарушением: и акты убийства и спасения, правды и лжи, кражи и дарения, вражды и любви, половой разнузданности и воздержания и т. д. и т. д. — все эти акты могли быть и были и преступлением и не преступлением в различных кодексах в зависимости от того, кто их совершал, против кого они совершались и при каких условиях они происходили. Поэтому *причислять те или иные акты по самому их содержанию* к уголовным правонарушениям и тем самым пытаться отделить последние от других правонарушений — *задача безнадежная, похожая на попытку решения квадратуры круга.*

В) Другим видом выделения уголовных правонарушений из других могут быть те многочисленные теории, которые утверждают, что *преступными актами являются те правонарушения, которые нарушают или угрожают наиболее важным интересам человека и данной группы.* Иначе говоря, законодатель причисляет к преступным актам — акты наиболее *вредные и опасные* для благосостояния данной социальной группы*.

---

* Примеры. «Преступление есть констатированное законодательством вредоносное посягательство на жизненные условия общества. Масштабом, по которому законодатель определяет такой характер преступления, служит не конкретная опасность отдельного деяния, а абстрактная опасность целой категории деяний». — *Иеринг Р.* Цель в праве. СПб., 1881, т. I, с. 357. Преступление есть «нарушение закона, установленного для безопасности и благосостояния граждан, нарушение... по характеру своему состоящее или из насилия, или обмана, или небрежности». — *Кистяковский А.Ф.* Op. cit., с. 235.

«Преступление есть... противоправное действие, которое вследствие своей особой опасности для строя юридич[еских] благ обложено наказанием». — *Лист Ф.*, с. 120.

Нужно ли говорить, что эта попытка, как и предыдущая, должна быть признана неудачной. Достаточно просмотреть ряд кодексов и даже один кодекс, чтобы привести множество фактов против подобного положения. В самом деле, какая опасность может заключаться в том, что брамин купил молоко? — Никакой. Однако этот акт считался преступным и низводил его до степени шудры, т. е. присуждал к одному из тягчайших наказаний, тогда как акт несравненно более опасный, именно акт убийства брамином человека другой касты, — мог пройти безнаказанным и мог быть не преступным*. В Персии закон не считал преступным половое общение сына с матерью, тогда как общение с иноверной признавалось ужаснейшим преступлением**. Который из этих актов наиболее вреден — само собою ясно. У ряда народов мы встречаем в качестве преступного акта — акт наступления на тень другого человека. Есть ли в этом действительный вред — это ясно для каждого из нас. В Моисеевом законе считалось преступным деянием «ядение» свинины. — Вредно ли это действительно — знает каждый. Да и в современном кодексе у нас, например, имеется ряд деяний, во вреде и опасности которых по сравнению с другими «не преступными» (с точки зрения того же кодекса) деяниями позволительно сомневаться.

Примером может служить хотя бы до недавнего времени запрещенный акт перехода из христианской религии в нехристианскую, из православия в раскол или же карающий закон о снятии с себя монахами или священнослужителями сана и т. д. Подобных фактов можно привести сколько угодно***.

«Ein Verbrechen ist die vom Mitgliede einer gegebenen sozialen Gruppe begangene Handlung, welche von den übrigen mitgliedern derselben als für die Gruppe so schädlich betrachtet wird oder einen solchen Grad antisocialer Gesinnung bei den Täter kundgibt, das dieselben gegen den Täter öffentlich, äusserlich, gemeinchaftlich reagieren, indem sie seiner Güter zu verkürzen suchen»[3]. — *Макаревич.* Einführung, S. 80 и 99. См. также: *Таганцев Н.С.* Op. cit., с. 47 и сл.

* См.: Законы Ману. СПб., 1913 (пер. Эльманович), гл. 3, ст. 17; гл. 10, ст. 92. Далее стоит взять, например, такие запрещения, как запрещение смотреть на солнце и на его отражение в воде, перепрыгивать через веревку, предписание оставлять налево от себя земл[яную] насыпь, корову, идола, деревья, запрещение делать урины на дороге, есть в одной одежде, задувать огонь ртом и т. д., — какая польза от этих предписанных актов и какой мог быть вред от совершения этих запрещенных актов! См. гл. 4, ст. 36-80.

** *Hovelacque.* Avesta. V, 396, 465, 466.

*** См. многочисленные примеры у *Vaccaro* (Genesi e funzione delle leggi penali. Torino, 1908) и у *Дюркгейма* (Разделение общ[ественного] труда, с. 9-11), а также см. ниже гл. 7.

Ввиду этого утверждать, что законодатель всегда причислял к уголовным правонарушениям акты наиболее вредные и опасные для жизни и благосостояния группы, — дело безнадежное.

Правда, сторонники этого течения могут возразить на сказанное, утверждая следующее: «Да, с нашей точки зрения — эти акты, относимые тем или иным кодексом к числу преступных, могут и не казаться вредными и опасными. Но зато тем, кто устанавливал эти нормы, они *казались* таковыми». Но такое объяснение ничего не объясняет, ибо оно не дает нам понять, почему в таком множестве случаев законодатели и общества обманывались и признавали «опасными и вредными» обычаи, которые на самом деле нередко были полезными, и не признавали вредными и опасными поступки, которые на самом деле были таковыми. Это мнимое решение в конце концов сводится к пустой тавтологии, гласящей: уголовными правонарушениями являются деяния, перечисленные в уголовных кодексах. А почему именно эти, а не другие акты попали туда — ответа не дается этим течением, его ответ о большей опасности этих актов — не оправдывается фактами; попытка «снять» противоречие прибавкой слова «казались» — ничего не объясняет, ибо объяснение было бы дано тогда, когда было бы показано, почему они «казались» опасными. Этого объяснения нет, а потому тезис: «акты считались преступными, потому что они *казались* опасными и вредными», равносилен тезису «акты считались преступными, потому что они считались преступными».

C) Следующей категорией являются все те учения, которые пытаются выделить уголовные правонарушения из среды других посредством анализа «внутреннего состояния» правонарушителя. Одни из них при этом таким «внутренним преступным состоянием» считают состояние «обмана»*. Если, следовательно, человек совершает правонарушение с сознанием того, что он поступает правильно, — то его акт не является уголовным правонарушением, если же он, заведомо зная, что поступает неправильно, нарушает норму правопорядка — его акт будет преступным.

Другие, как, например, Пусторослев, модифицирующий теорию проф. И.Я. Фойницкого, под таким «внутренним преступ-

* См., напр[имер]: *Бернер А.Ф.* Учебник угол[овного] права. СПб., 1867, с. 97: «Коль скоро одному из тяжущихся известно, что та вещь, на которую он изъявляет претензию, не принадлежит ему — тогда неправда гражданская (Civilunrecht) переходит... в ябеду (chikome), потом в обман и наконец в преступление».

ным состоянием» считает состояние «недоброкачественное относительно ума, чувства, воли и притом особенно предосудительное для этого лица (т. е. преступника) с точки зрения правоучредителя»*.

Опять-таки и эту категорию решений приходится признать неудачной. Во-первых, ничем не доказанным является положение, что «этим духовным состоянием правонарушителя руководствуется правоучредитель при выделении уголовных правонарушений»**.

Какие психические процессы происходили в его голове — одному Богу ведомо. Может быть, правоучредитель, устанавливая известную норму, думал вовсе не о «состоянии преступности», а о чем-либо другом, ну хотя бы о том, скоро ли наступит время его обеда, и руководствовался поэтому лишь правилом, скорее как-нибудь «состряпать» норму и идти отдохнуть... Нет ничего невозможного в том, что дело могло происходить так. А раз мы это допустим, то сразу же становится ясным, что вопрос о том, *чем руководствовался правоучредитель, к сути дела совсем не относится* и для решения проблемы есть вопрос совершенно побочный***. Это раз.

Во-вторых, даже допустив, что правоучредитель руководствовался указываемым проф. Пусторослевым «внутренним преступным состоянием», мы не избегаем затруднений. В самом деле, если только это «внутреннее состояние» имелось в виду, то как тогда объяснить «преступления» юридических лиц, некогда имевшие место? Внутреннее состояние, по свидетельству самого же проф. Пусторослева, может быть только у физического лица, а у юридического его не может быть, а потому, казалось бы, не должно быть и преступных актов, совершаемых юридическими лицами. Но таковые были. Автор выходит из затруднения тем, что в этих случа-

---

* См.: *Пусторослев П.П.* Понятие о преступлении. М., 1891, с. 239-241, 246 и др. Сюда же может быть причислен и *Кистяковский*, поскольку он «в насилии, обмане и небрежности» видит логический момент, отделяющий уголовное преступление от гражданского правонарушения.

** *Пусторослев П.П.* Ibid., с. 241, 245.

*** Относительно этого пункта можно сказать лишь то, что искать монизма в мотивах — дело безнадежное. Мотивы были разнообразны и многочисленны: один правоучредитель руководствовался вредом, другой — возможной опасностью, третий — внутренним состоянием, четвертый — воспитательными делами; иные нормы установились вне всякой цели и преднамеренного соображения и т. д. В силу этого свести этот эмпирический плюрализм к эмпирическому же монизму — дело невозможное.

ях правоучредитель *«ошибался»*. Но сказать это — равносильно сознанию в ошибочности своей теории. Что же это за правоучредитель, в одном случае всегда логичный и во всех кодексах руководствующийся «внутренним состоянием» (вещь, между прочим, довольно тонкая и едва ли доступная какому-нибудь готтентотскому вождю или правоучителю древних обществ), а в другом настолько наивный, что ищет внутреннего состояния там, где его не может быть. Не проще ли подумать, что он *вообще не имел ввиду этого внутреннего преступного состояния.* Проф. Пусторослев указывает на «вменяемость» как на подтверждение своего положения.

Но... кому не известно, что вменяемость есть явление относительно позднее и не бывшее в древних кодексах (об этом ниже), а потому отсутствие ее на ранних стадиях, с точки зрения проф. Пусторослева, должно было бы означать и отсутствие преступления здесь. Конечно, можно попытаться это утверждать, но отрицание факта не есть еще его уничтожение.

Что же касается более поздних ступеней, то здесь вменяемость имеет место одинаково и в среде гражданских, и в среде уголовных правонарушений, а потому оно не может быть доказательством «положения» о внутреннем состоянии преступника, которым якобы руководствовался правоучредитель.

Наконец, и само понятие преступного состояния, как «недоброкачественного и особенно предосудительного», — уже само по себе неясно, туманно и сбивчиво. Ведь и гражданские правонарушения, а равно и дисциплинарные проступки едва ли являются с точки зрения правоучредителя доброкачественными и непредосудительными, а потому — качественной разницы между преступными актами и правонарушениями нет, а раз нет ее — падает вся попытка разграничения тех и других. Что же касается количественной разницы, выражаемой словом «особенно», то она сама уже достаточно неясна и неопределенна. Почти все сказанное можно приложить и к другим теориям, пытающимся разграничить преступления от простых правонарушений путем указания на «внутреннее состояние».

D) Наконец, едва ли не самой распространенной теорией является та теория, которая differentia specifica уголовных правонарушений видит в том, что они *облагаются наказанием.* «Уголов-

ные правонарушения суть наказуемые правонарушения» — вот краткое определение преступлений с этой точки зрения*. Эта вполне ясная и определенная с первого взгляда формула, однако, перестает быть таковой, если внимательно вглядеться в ее содержание. Прежде всего, можно под эту формулу подвести ряд чисто гражданских с точки зрения кодексов правонарушений, а именно тех, которые налагают имущественное взыскание с виновника в пользу потерпевшего. Многие авторы чуть ли не отличительный признак гражданских правоотношений видели в том, что они влекут за собой не «наказание», а имущественный ущерб, и в этом смысле противопоставляли имущественные взыскания наказаниям. Но, позволительно спросить, разве имущественные наказания не есть наказания? Разве они сплошь и рядом не причиняют большее страдание (в чем обычно видят сущность наказания), чем хотя бы арест или краткосрочное тюремное заключение? В силу этого мы не может не согласиться с проф. Сергеевским, подвергающим критике этот взгляд**. Это раз.

Во-вторых, здесь не редкость встретить своего рода *circulus vitiosus*[4], если проследить далее, как определяется наказание и в чем усматривается его сущность. Обычно сущность наказания усматривается или в *принуждении*, которое сводится к причинению преступнику какого-нибудь *лишения или страдания****, или в *порицании*****, или вообще в *причинении зла*. Но ясное дело, что наказанием будет не всякое причинение зла, страдания, лишения или порицания; кто-нибудь может кому-нибудь без намерения, без повода, «ни с того ни с сего» причинить зло, обругать и т. д. (например, ударить, избить и т. п.), однако — эти акты нельзя назвать наказанием. Наказанием эти меры будут лишь тогда, когда они вызваны преступлением, когда они являются реакцией на преступ-

---

* См., напр[имер]: *Сергеевский Н.Д.* Op. cit., с. 47 и сл.: «*Наказуемые* нарушения норм суть преступные деяния». «Понятие преступного деяния слагается из двух элементов: противоправности и наказуемости».

Лист Ф. Op. cit., с. 119: «Преступное деяние есть фактическое отношение, с которым правопорядок *связывает наказание*, как юридическое последствие».

Таганцев Н.С. Op. cit., т. II, с. 821: «Деяние, чтобы быть преступным, в смысле уголовно наказуемого, должно быть воспрещено законом под *страхом наказания*».

** См.: *Сергеевский Н.Д.* Op. cit., с. 60.

*** См., напр[имер]: *Фойницкий И.Я.* Учение о наказании. СПб., 1889, с. 2, 3, 65 и др.

**** См.: *Сергеевский Н.Д.* Op. cit., с. 66-67.

ление. Нет наказания без преступления*, и *логическим моментом, делающим причинение страдания наказанием*, является именно взгляд на него как на следствие преступления, как на реакцию, вызванную последним. Значит, для того, чтобы понятие наказания имело ясный смысл, мы должны уже иметь ранее понятие преступления. Зная, что такое преступление, мы можем тот или иной акт отнести к нему, а потому и реакцию, вызванную им, назвать *наказанием*. Если же у нас нет понятия преступления, то мы не можем знать и что такое наказание, так как не всякое причинение страданий будет наказанием, а только то, которое вызвано преступлением.

Теперь понятно, почему мы теории, выделяющие уголовные правонарушения по признаку наказания, назвали порочными. В самом деле, здесь *понятие преступления конституируется в зависимости от понятия наказания, а понятие наказания, в свою очередь, определяется в зависимости от понятия преступления*. Получается круг. Неизвестное X определяется через Y, а Y в свою очередь через X — понятно, что подобное уравнение довольно трудно решить.

Не будем далее излагать другие попытки различения уголовных правонарушений от других «неправд», а равно и приводить возможные возражения.

Сказанное позволяет нам заключить, что основные попытки указать differentia specifica преступлений, попытки, почти всецело базирующиеся на кодексах, стремящиеся согласовать свои определения только с кодексами, — малоудачны и, во всяком случае, весьма спорны**.

II. Эта спорность станет еще большей, если мы примем во внимание следующее. В предыдущем мы допустили как истину общее определение правонарушений, гласящее, что «правонарушения есть деяния, нарушающие нормы правопорядка». Эта часть

---

* См., напр[имер]: *Кистяковский А.Ф.* Op. cit., с. 696: «Наказание есть *прямое следствие* преступления. Это есть отражение от нанесенного удара, *реакция* со стороны общества, интересы которого задеты преступлением». *Фойницкий И.Я.* Op. cit., с. 27: «Наказание *обусловливается* преступным деянием». *Таганцев Н.С.* Op. cit., с. 825 и сл.: «Только те меры, которые принимаются государством против лиц, учинивших преступные деяния, *вследствие такого учинения*», являются наказанием.

** В силу этого нельзя не согласиться с теми авторами, которые утверждают, что нет принципиальной разницы между неправдой наказуемой и неправдой не наказуемой. (См., напр[имер]: *Таганцев Н.С.* Ibid., § 12 и сл.)

вообще почти не возбуждает споров среди догматиков уголовного права. Но достаточно небольшой вдумчивости, чтобы и *эту «общепризнанную» половину определения признать весьма спорным и, во всяком случае, чисто словесным определением.*

В самом деле, *чтобы это определение было содержательно, оно требует, по меньшей мере, 1) ясного понятия права и правопорядка вообще и 2) ясного понятия государства.*

Понятие права требуется потому, что оно лежит в основе самого определения, а понятие государства потому, что многие теоретики уголовного права, как и вообще правоведы, во-первых, само понятие права ставят в зависимость от государства, утверждая, что нормы права — это нормы, установленные государством, а во-вторых, потому, что многие криминалисты прямо подчеркивают, что преступление и наказание как правовые явления вне государства быть не могут. Отсюда понятно, почему определение для своей ясности требует наличия этих понятий.

Обращаясь к курсам мы, однако, весьма редко находим хотя бы попытки определения этих явлений. А между тем, кому же неизвестно, что в настоящий момент эти два понятия — права и государства — представляют из себя монеты, совершенно истершиеся от слишком частого употребления и потерявшие всякий сколько-нибудь определенный смысл. Один под ними понимает одно, другой — другое. Общеобязательного понимания их нет de facto.

Любому студенту, сдавшему экзамен по энциклопедии права и по государственному праву, известно, что право и государство всяким толкуются по своему образцу.

Отсюда понятно, что введение этих понятий в определение преступления и наказания без их предварительной definitio[5] представляет из себя не что иное, как финансовую операцию с денежными знаками, ценность и значение которых совершенно неизвестны. А потому немудрено, что и все определение представляет из себя уравнение с одними неизвестными, решение которого невозможно. Первое x в определении — государство, второе x — право и правопорядок, третье x — differentia specifica уголовных правонарушений. Ни один математик не сумел бы распутать и решить подобное уравнение и сказал бы, что для решения его нужны известные величины, а их-то и нет у нас...

Таков второй основной дефект общеупотребительных определений преступления и наказания.

III. А из этих дефектов в свою очередь, как «из зараженного источника», проистекают новые погрешности и нелогичности...

а) Почти все авторы под преступным деянием разумеют противоправное деяние лишь в том случае, *когда оно совершено* человеком, *да еще «вменяемым»*. Раз так, то, казалось бы, само собой отсюда должно следовать отрицание преступности противоправных актов, совершенных не людьми или же людьми невменяемыми. Следовало бы ожидать, что авторы заявят, что подобные деяния, не совпадающие с их определением, в силу простой логики не входят и не могут входить в класс преступлений.

Однако те же авторы сплошь и рядом на той же странице, не смущаясь, начинают говорить о *«преступлениях»*, совершенных коровами, петухами, юридическими лицами, невменяемыми людьми, о процессах против них и т. д., бывших в предыдущие века...

Они называют их не просто актами, а именно «преступлениями» и таким образом дают пример того, как можно давать определение и как можно в дальнейшем совершенно забывать его, оставив бесплодным в стороне.

Введение в понятие преступления в качестве его элемента принципа вменяемости обязывает (логически) автора к одному из двух выводов: или он должен совершенно исключить из области преступления все правонарушения, совершаемые невменяемыми субъектами. Тогда он должен прямо заявить, что преступлений до сравнительно недавнего времени в человеческом мире не было, так как не существовало раньше самого понятия вменяемости.

Или же он должен оговориться, что его *определение преступления не есть определение теоретическое*, изучающее преступление с точки зрения сущего, таким, каким оно дано в действительности, а *определение практическое*, исходящее из принципа долженствования и отвечающее на вопрос: *что должно считаться* преступлением, а не на вопрос: *что есть* преступление и чем *оно было*.

В первом случае область преступных актов весьма бы сузилась, пришлось бы отрицать наличие преступлений в ряде общественных союзов, относивших к преступным актам те или иные акты не по субъективной их стороне, а по стороне объективной.

Ясно, что такой вывод показался бы весьма спорным, и потому ясно, что делать его не безопасно.

Второй же вывод не делается вследствие того, что в уголовном праве больше чем где бы то ни было уголовная *политика* сме-

шивается с уголовной *теорией, должное с сущим.* Поэтому немудрено, что это смешение проявляется и в частных положениях науки о преступлении и наказании.

Вместо этих выводов, как может убедиться каждый, догматики уголовного права предпочитают разрубать гордиев узел и жертвовать элементарными законами логики в пользу каких-то неизвестных мотивов...

b) Подобную же непоследовательность можно констатировать и в ряде других вопросов. Например, в вопросе о наказании как институте публично-правовом и частно-правовом. Обычно в определениях его авторы исходят из положения, что наказание, как правовое явление, дано только в государстве и представляет факт публично-правового характера. Но затем в той же книге авторы сплошь и рядом переходят к кровной мести в первобытных группах, осуществляемой отдельными лицами и семьями; без всякого стеснения называют этот институт наказанием и начинают с него историю наказания...

Мы не будем приводить дальнейших примеров, долженствующих показать неблагополучное состояние современной догматики уголовного права. Сказанное позволяет нам думать, что здесь, может быть, больше, чем где-нибудь, требуются «реформы» и новые пути и особенно разделение точек зрения теоретической и практической.

Как уже было замечено, почти все определения, даваемые курсами уголовного права, догматичны и имеют в виду точку зрения того уголовного позитивного права, которое в данный момент является фиксированным в соответствующих уголовных уложениях. А само уголовное уложение преследует задачи практические, и поэтому вполне понятно, что определения преступления, по существу лишь воспроизводящие определения уголовных уложений, — также принимают характер практический, пригодный для уголовной политики, но не для теории преступлений.

Мы же здесь рассматриваем вопрос теоретически, а не практически. Мы здесь не спрашиваем, что *должно* считаться преступлением, а спрашиваем: каковы общие свойства того класса поступков (действий, воздержаний и терпений), которые в различные времена и у различных народов считались «преступными» и вызывали ту или иную реакцию, которая получила название кар или наказаний?

В силу каких условий тот или иной акт той или иной группой или тем или иным человеком причислялся к категории «преступных»?

Вследствие каких причин этот «преступный» акт вызывал и вызывает в виде реакции со стороны ли отдельного лица, или группы, или публичной власти ряд актов, именуемых карой?

Вот вопросы, которые стоят перед теоретическим исследователем, вопросы, совершенно отличные от того, какие акты мы *должны* считать преступными? как должны мы их наказывать? как должны бороться с ними? — Все это уже дело практической дисциплины — уголовной *политики*, которая стоит в таком же отношении к *теории* «преступлений и наказаний», как практическая медицина (терапия и гигиена) к биологии (физиологии, анатомии и пр.) или прикладная агрономия к ботанике и органической химии.

Теоретическая постановка проблемы «преступления и наказания» не раз уже делалась, и немалое число ответов можно было бы привести в качестве примеров того или иного разрешения данной проблемы. Приведем типичнейшие ответы: «Преступление есть поступок, совершаемый членом данной социальной группы и рассматриваемый остальными сочленами в качестве поступка, настолько вредного для группы или предполагающего такую степень антисоциального настроения (Gesinnung) у исполнителя, что первые, стремясь защитить свое благосостояние, реагируют на него публично, открыто и коллективно». Отсюда понятно, что «преступление есть не только государственное, но и общественное явление», — таково определение Макаревича*.

Это определение может считаться типичным для весьма многочисленных последователей утилитаризма, начиная с ряда английских мыслителей (Бентам, Милль, Спенсер и др.), — являющихся главнейшими теоретиками и основателями этого течения.

В глубине этого определения лежит предпосылка, что «в основе каждой социальной нормы лежит социальная польза»**.

Хотя это определение преступления и ясно, но оно не верно по той простой причине, что множество норм (и едва ли не боль-

---

* *Makarewicz.* Einführung... S. 80 и 99.

** Ibid., S. 36 и 44.

шинство) создалось без всяких утилитарных соображений (об этом см. ниже, главу VII) — это раз; невозможно найти действительную пользу в громадном числе норм — это два, можно указать ряд социальных норм, которые были прямо вредны для охранявшего его общества — три; при репрессии, следовавшей за нарушением определенной нормы, — сплошь и рядом не возникало никакого представления о пользе — четыре*. Ввиду всего этого определение Макаревича, как и всех сторонников утилитаризма, придется отбросить как определение неточное.

Дюркгейм определяет преступление так: «поступок преступен, когда он оскорбляет сильные и определенные состояния коллективного сознания», понимая под коллективным сознанием «совокупность верований и чувств, общих, в среднем, членам одного и того же общества, образующих определенную систему, имеющую свою собственную жизнь»**.

Но это определение неясно. Как установить, какое состояние коллективного сознания сильно; где критерий этого? А главный его недостаток заключается в том, что он имеет в виду только акты, «оскорбляющие сознание группы, коллектива». Но разве не могут быть случаи, когда поступки и состояния сознания коллектива оскорбляют индивида? Иначе говоря, разве индивид не может рассматривать как преступление ряд актов общества и даже самые *акты наказания* преступников? Достаточно так поставить вопрос, чтобы ответ был ясен. Для примера приведу факты. «Прощайте, друзья! мужайтесь. *Судьи — это шайка негодяев без убеждений*; они сами не знают, что делают, и жаждут лишь денег», — так писал в своем дневнике один преступник. «Как я несчастен! *Я невиновен*, а меня держат здесь *за то, что я убил человека, в то время как на свете много людей*». «Прощай, Гектор, Архимед тебе кланяется. Кто беден — тот расплачивается за всех. Одиночное заключение есть утонченное варварство в полном расцвете XIX

---

* См. ниже.

** *Дюркгейм Э.* О раздел[ении] общ[ественного] труда, с. 64-63. Близкое определение дает и *Де ла Грассери:* «Le crime... est tout acte consciente qui constitue la violation ou le danger actuel ou ultèrieur, de violation d'un droit prèxistant, et qui engendre un droit penal sanctionné par un droit positive rèalisant une loi naturelle conforme au sentiment moral et au besoin social de conservation, tels qu'ils se trouvent établis en moyenne dans un temps et un lieu donnés» (Des principes sociologiques de la criminologie. Paris, 1901, p. 24)[6]. Нетрудно видеть, что здесь дан ряд признаков, неясных (loi naturelle) и не вполне совпадающих друг с другом.

века». «О, воры! Эти мерзавцы судьи губят ваш промысел. Не падайте, однако, духом и продолжайте ваше дело!»*

Или возьмем еще тюремную песенку.

Qua sol trovi i fratelli e qua gli amici,
Denari, ben mangiare e allegra pace;
Fuori sei sempre in mezzo ai tuoi nemici;
Se non puoi lavorar muori di fame[7].

Во всех этих примерах, число которых можно увеличить по желанию, мы видим, что преступные — с точки зрения общества — акты ни в каком случае не являются таковыми для самих преступников**. Напротив, для них часто сами «правовые» нормы общества и основанные на этих нормах кары являются преступлением, ибо они «оскорбляют сильные и определенные состояния сознания» преступника. Отсюда и вытекает враждебность последних к обществу и желание отомстить (покарать) общество за его «преступление» по отношению к преступникам. Кому приходилось иметь дело с уголовными преступниками — те знают, что это явление не исключение, а скорее правило. Таким образом, стоя на почве самого же Дюркгейма, видящего сущность преступления в «оскорблении сознания», следует признать его формулу неточной. И не нужно думать, что общество с его правовым укладом может казаться преступником только категории преступников. Все опередившие «средний уровень и шаблоны поведения общества», — все они могут смотреть и смотрят на общество и его акты или акты его представителей — как на преступление. И революционер, «разрушающий устои», и Савонарола, обличающий современное ему общество, и социалист, бичующий капиталистическое общество, и Прудон с его формулой «собственность — кража», и консерватор-роялист, отрицающий республику, и т. д. — все это лица, для которых «сильное и определенное состояние сознания» общества

---

* Заимствую у *Ч. Ломброзо.* Новейшие успехи науки о преступнике. Изд. Мартынова. СПб., 1902, с. 104-109. См. также: *Достоевский Ф.М.* Преступление и наказание. 1894, т. I, с. 73. Раскольников также не считал свой акт за преступление до его совершения. «Рассудок и воля останутся при нем неотъемлемо, — рассуждал он, ибо... — задуманное им не преступление».

** «В продолжение многих лет я не видал между этими людьми ни малейшего признака раскаяния, и большая часть из них внутренне считает себя совершенно правыми. Преступник, восставший на общество, ненавидит его *и почти всегда считает себя правым, а его виноватым*», — констатирует и Достоевский (Записки из Мертвого дома. СПб., 1894, с. 16; см. также с. 12, 13, 14, 197 и др.).

и вытекающие из него акты — суть преступления, ибо они оскорбляют их индивидуальное сознание*. Поэтому, допуская правильность формулы Дюркгейма, по меньшей мере, необходимо было бы ее дополнить и сказать:

«Преступлением для кого-нибудь будет тот поступок, который оскорбляет сильные и определенные состояния этого "кого-нибудь"»... Но эта формула уже радикально расходится с дюркгеймовской...

Помимо юристов, как известно, немало потрудились над понятием преступления антропологическая и социологическая школы в науке уголовного права.

Антропологической школе необходимо было выработать общее для всех времен и народов понятие преступления и преступных актов для того чтобы, исходя из полученного определения, установить «преступный тип» и его разновидности, ибо в против-

---

* Стоит, например, просмотреть судебные речи ряда преступников, и в частности политических преступников, чтобы убедиться в том, что свои акты они вовсе не считали и не считают преступными, а, напротив, находят их «должными», акты же власти, представителя общества, — акты, направленные на их арест, а равно и акты наказания рассматривают не иначе как акты преступные. Приведу один, хотя и не наиболее выразительный пример. «Какую цель думали вы достигнуть вашим преступлением?» — спросили Луккени (убившего в 1898 году в Женеве императрицу Елизавету) на суде.

«Отмстить за мою жизнь», — был его ответ.

«Раздумывали ли вы о гнусности вашего преступления и раскаиваетесь ли вы?»

«*Нисколько, ведь не раскаялись те, которые преследовали людей в течение 19 веков*».

«Если бы надо было повторить подобное совершенному вами, повторили ли бы вы?»

«Да, *я повторил бы опять*». (Беру у *Дриля*. См.: Учение о преступности и мерах борьбы с нею. СПб., 1912, с. 360).

Этот документ ясно подтверждает сказанное нами. Кому пришлось читать речи наших террористов, например, судебную речь Каляева, — те знают, что в них еще резче сформулировано ими сознание их правоты и преступности карающего их общества.

Да и вообще преступники сплошь и рядом имеют аналогичные же переживания. В ряде их песен они называют себя «добрыми молодцами», ничего «преступного» не сделавшими, ничем не заслужившими кары, и общество для них поэтому — «злой ворог», его меры против них — преступления, вызывающие у них жажду отмстить за содеянную по отношению к ним несправедливость. См., напр[имер], «Песни каторги», собранные *Гартевельдом* (изд-во Антик); песни № 2, 23, 26, 29, 35 и др.

Аналогичные факты имеются и у *Ферри*. См. его «Уголовн[ую] социологию». СПб., 1910, т. I, с. 21-24. См. также: *Дриль Д.А.* Op. cit., с. 354-360, в особенности же *Достоевского*, его «Записки из Мертвого дома».

ном случае невозможно было бы и установление биологических и антропологических свойств преступника...

Из ряда многочисленных попыток решения этой задачи остановимся на определениях преступления Гарофало и Ферри.

Гарофало в начале своей «Криминологии» ставит себе такую задачу и разрешает ее следующим образом. Он отказывается считать преступными те или иные акты только потому, что таковыми их считает кодекс. Он ищет более глубоких причин. Изучая историю актов, которые в разное время считались преступными, он не находит возможности те или иные акты сами по себе причислить к числу преступных, а обращается к анализу психики, в частности, чувства. (Il faut changer de méthode, abandonner l'analyse des actions et entreprendre celle des sentéments[8], с. 5).

В результате он приходит к такому определению «естественного преступления», т. е. акта, который всегда и везде считался и был преступным: «Il existe un sentiment rudimentaire de pitié, possédé par tout l'espèce humaine sous un forme négative, c'est-a-dire, d'abstention de certaines actions cruelles... L'opinion publique a toujours considéré comme des crimes les violations de ce sentiment nuisible à la communauté ce qui en a fait toujours excepter la guerre et les actes de cruauté ordonnér ou provoqués par des préjuges religieux ou politiques, ou par des institutions sociales et traditionnelles». («Существует рудиментарное чувство жалости, которым обладает весь род человеческий под отрицательной формой, т. е. в виде воздержания от жестоких актов... Общественное мнение рассматривало всегда как преступления нарушения (или оскорбления) этого чувства, вредные для общества, исключая войны, и актов жестокости, требуемых или вызываемых религиозными и политическими предрассудками или традиционными и социальными институтами»*.) Несколько ниже он дополняет это определение, говоря, что преступный акт тот, который оскорбляет основные альтруистические чувства — жалость (pitié) и честность (probité), но не в высших степенях их проявления, а в том среднем размере, в каком обладает ими данное общество (la violation blesse, non pas la partie supérieure et la plus délicate de ces sentiments, mais la mesure moyenne dans laquelle ils sont possédés par une communauté, et qui est indispensable pour l'adaptation de l'individu a la société. C'est la ce que nous appellerons crime ou délit naturel[9])**.

---

* *Гарофало Р. La* criminologie. Paris, 1890, p. 34. См. всю гл. Le dèlit naturel.

** Ibid., c. 38-39.

Нужно ли говорить, что это определение «естественного преступления» — определение чисто искусственное, не согласующееся ни с исторической действительностью, и непригодное вследствие своей неясности и для уголовной политики. Мы считаем излишним критиковать его, повторяя те возражения, которые были выдвинуты рядом лиц, и в частности Колайяни и Ваккаро, с доводами которых мы не можем не согласиться*.

Что определение Гарофало не соответствует исторической действительности — это следует из того, что в истории даны акты, которые не оскорбляли «жалости и честности» и, однако, считались преступными — с одной стороны, и дан ряд актов, оскорблявших жалость и честность и тем не менее не считавшихся преступными — с другой... Примерами актов первого рода могут быть: чародейство, непризнание догматов той или иной веры (инквизиция и религиозные преступления), сознательное или бессознательное нарушение ряда шаблонов, не имеющих ничего общего с чувствами жалости и честности.

С другой стороны — достаточно указать на детоубийство, отцеубийство, убийство рабов, жен и детей, кражу, которая у многих народов считалась даже добродетелью, и т. д. Правда, Гарофало мог бы на это ответить тем, что не нужно понимать жалость и честность в нашем смысле, а нужно понимать их так, как понимали сами группы. Но тогда, спрашивается, какой же смысл имеют слова «жалость и честность», раз под ними понимаются всевозможнейшие вещи: раз и кража, и отрицание кражи есть честность, раз и убийство, и отрицание убийства есть жалость. В таком случае «жалость и честность» становятся пустыми звуками, или ничего не содержащими, или же все включающими; иначе говоря, определение Гарофало становится решением уравнения, состоящим в том, что неизвестное X (преступление) заменяется неизвестными Y и Z (pitié et probité). Таково оно и есть по существу, не говоря уже о том, что помимо этих неизвестных в определение введены еще другие неизвестные: «чувство» (sentiments), «средний уровень» и т. д.

Поэтому вполне правы Колайяни и Ваккаро, когда говорят, что «ни в фактах, ни в человеческих поступках вы не найдете ничего, что могло бы дать вам естественное преступление, которое вы

---

* См.: *Colajanni N.* La sociologia criminale. Catania, 1889, т. I, p. 52-65; *Vaccaro.* Genesi e funzione delle leggi penali. Torino, 1908, гл. Del delitto naturale.

ищете, a priori решив найти его» (che a priori vi siete posto in mente di ritrovare)*.

С другой стороны, определение Гарофало обладает тем же недостатком, что и определение Дюркгейма[10], а именно: оно отождествляет, выражаясь языком Ваккаро, юридическую защиту (difesa guiridica) с защитой общества (difesa sociale), тогда как фактически почти в каждом обществе акты, считающиеся преступными с юридической (официально-коммунальной) точки зрения, вовсе не являются таковыми с точки зрения *всех* членов этого общества; равным образом юридическая защита путем наказаний тех или иных преступников не равнозначна защите *всего* общества, а представляет только защиту его привилегированной части (domitori), защиту, которая для других элементов общества сплошь и рядом является простым притеснением, насилием и, если угодно, преступлением**.

Чувства жалости и честности, свойственные привилегированной группе, могли быть и были (что доказывается восстаниями рабов) с точки зрения другой части той же communauté (группы), оскорблениями их чувств «жалости и честности», т. е. преступлениями. Поэтому вместо mesure moyenne de communauté[11] нужно было бы сказать — «среднего уровня альтруистических чувств жалости и честности» — каждого человека. Но это опять-таки уже определение, совершенно расходящееся с определением Гарофало...

Не приводя других возражений, на основании сказанного мы можем заключить, что определить преступление путем указания конкретных актов, считавшихся якобы преступными всеми народами и во все времена, — дело безнадежное. Логика «конкретных вещей», оперирующая сравнением из разнородного материала преступных актов всех времен и групп предполагаемого «общего ядра», — здесь, как и вообще в социальных науках, — бессильна***. Она должна быть заменена логикой отношений и функциональных взаимозависимостей...

Все сказанное почти целиком относится и к Ферри с той только разницей, что Гарофало последовательно проводит свои принципы, а Ферри в одном месте дает одно определение преступле-

---

* *Ваккаро.* Genesi e funzione... p. 150.

** Ibid., p. 43-66 и др.

*** См. великолепную критику логики «сравнений и выбираний» у *Л.И. Петражицкого.* Введение... 1-я часть.

ния, через страницу — другое, а еще через страницу — третье, и каждое из них противоречит одно другому... На с. 123 первого тома «Уголовной социологии» он говорит: «Рассматривая хотя бы только исторический период развития человечества, мы убеждаемся, что вор и убийца по их противообщественным инстинктам всегда считались преступниками, каким бы критерием ни руководилось законодательство в своих репрессиях»*. В примечании он, возражая Legrain'у, добавляет: «Кто, например, еще спорит о растлении, сопровождавшемся убийством? Кто отрицает, что это есть преступление, т. е. противочеловеческое и противообщественное деяние?» Нужно ли опровергать Ферри? Если акты убийства, воровства и растления с убийством — сами по себе преступны, преступны по своей сущности, — то как же согласовать это с бесчисленным рядом фактов, где убийство вовсе не считалось преступлением. Достаточно указать на jus vitae necisque pater familias[12], на детоубийство, отцеубийство, насилование и убивание жен и девушек и т. п. факты, обычные в древности и совершенно не считавшиеся преступными актами. Достаточно, далее, указать на ряд народов, у которых кража и грабеж не только не были преступлениями, но напротив — считались добродетелью**.

Мало того, и в настоящее время ряд убийств (убийство на войне, в случае необходимой самообороны, смертная казнь и т. д.) не только не считаются преступными актами, но, напротив, еще награждаются, как акты доблестные. Поэтому говорить, что убийство и кража всегда были преступными актами — значит заниматься той «силлогистикой», в которой Ферри обвиняет всех, не согласных с ним.

Он, впрочем, и сам понимает ненадежность своей позиции и через страницу дает новое определение преступления. «Не наименование и не установленное законом определение человеческих деяний имеет значение для уголовной антропологии (при квалификации какого-нибудь акта как акта преступного. — *П.С.*), а личные побуждения, лежащие в основе этих деяний. Преступник же, в своей типичной форме прирожденного преступника, является для антрополога-криминалиста индивидом, наделенным антиобщественными инстинктами»***.

---

* *Ферри Э.* Уголовн[ая] соц[иология], т. I, с. 123.

** См., напр[имер]: *Спенсер Г.* Научн[ые] основ[ания] нравственности. СПб., 1896, с. 350-369.

*** *Ферри Э.* Op. cit., с. 125, см. также с. 129, 150 и др.

Значит, дело уже не в самом характере акта, а в мотивах, его вызвавших. Но что значит выражение «личные побуждения» и совпадает ли оно с «антиобщественными инстинктами»? Я думаю, что всякий акт любого человека вызван «личными побуждениями», а потому отождествлять акты «личного побуждения» с антиобщественными актами нельзя. Ферри, очевидно, разумеет под первыми «эгоистические» акты, где в жертву своим интересам приносятся общественные интересы. Раз так обстоит дело, то, очевидно, под преступные акты подойдут какие угодно акты, а не только убийство и кража, потому что общественные интересы предписывали в качестве должных и убийство и не убийство, и жестокость и милосердие, и ненависть и любовь, и скупость и расточительность, и правду и ложь, и кражу с грабежом и охрану собственности, и насилие и «неприкосновенность личности», и педерастию с публичным «развратом» (религиозный гетеризм и т. п.) и воздержание от половой жизни (аскетизм), и т. д. Спрашивается, в таком случае как же согласовать второе определение с первым. Но, мало того, индивид может совершить поступки из чисто эгоистических побуждений (личный мотив), и тем не менее эти акты могут совпасть с общественными интересами, следовательно, не будут «антиобщественными инстинктами»; и наоборот, может совершить поступок, противоречащий общественным нормам, и тем не менее, вызванный не эгоистическим расчетом, а исполнением высшего долга. Примером первого типа могут служить те лица, которые, пользуясь нормами закона, мстят своим недругам, основательно или неосновательно обвиняя их в нарушении норм, охраняемых правом, и вообще лица, совершающие ряд поступков ради узких эгоистических выгод, но так как эти выгоды не противоречат нормам права, то они и не считаются за преступление.

Примерами второй категории могут служить Христос, мученики, Сократ, Гус и т. д., несомненно нарушавшие общественные нормы, но столь же несомненно действовавшие не из «личных побуждений», а во имя «высшего долга».

Спрашивается, которая из этих двух категорий есть преступная категория. Первая действует из личных побуждений (эгоизма), но не нарушает общественных норм; вторая нарушает нормы, но действует не из «личных побуждений» (эгоизма). Определение Ферри* предполагает, что антиобщественность и эгоизм,

* См.: *Ферри Э.* Угол[овная] социол[огия]. СПб., 1912, т. II, с. 70.

общественность (соблюдение норм) и альтруизм всегда совпадают. Но это, как мы видели, предположение совершенно ошибочное, благодаря этому и дальнейшее различение «атавистической и эволюционной преступности» — теряет raison d'être[13], а вместе с этим, помимо других возражений, терпит фиаско и все определение преступления.

Ферри, очевидно, сознает и сам непрочность своей позиции и обращается за помощью к определению Гарофало*. Но о Гарофало мы уже говорили, да Ферри в конце концов и сам должен признать неудачность его определения**.

После целого ряда зигзагов мысли Ферри принужден сознаться, что «нам вовсе не так уж важно знать, какие именно аномалии преступники обнаруживали десять-двенадцать тысяч лет тому назад или какие обнаруживают современные дикари, так как мы занимаемся уголовной социологией лишь постольку, поскольку она касается настоящего момента и ближайшего будущего современных культурных народов, а отнюдь не для того, чтобы метафизически выводить абсолютные и вечные законы». Это одно, а другое место гласит: определение преступления «должно быть выдвинуто в конце, а не в начале исследований по уголовной социологии», и напрасно Гарофало пытался дать определение «délit naturel»***[14].

Эти положения, с обычным для Ферри «помаванием главы» на счет «метафизиков», «эклектиков» и т. п. (каковыми являются все несогласные с Ферри) есть не что иное, как расписка в своей несостоятельности...

Первая оговорка означает, что понятие преступления для Ферри совпадает с современным позитивно-юридическим понятием, против которого он сам же протестовал и смело хотел найти «прирожденные» преступления, в зависимости от чего хотел определить тип «прирожденного» преступника. А второе замечание означает уже полный скептицизм и полное банкротство в своих попытках, что, однако, Ферри, врагу «логики и силлогизмов», не мешает в дальнейшем проделывать удивительные логические операции и говорить о «естественной и атавистической» преступности, об убийстве и краже как «извечных» преступлениях и т. д.

---

* См.: *Ферри Э.* Op. cit., т. I, с. 127.

** Ibid., с. 132.

*** Ibid., с. 126-127, 128.

Но раз нет определения преступления или же оно совпадает с данным позитивно-юридическим понятием, исторически изменчивым и непостоянным, то позволительно было бы спросить, в зависимости от чего же классифицируются люди на категории преступных и непреступных? Где те критерии, которые позволяли бы устанавливать антропологические свойства преступников? Во что же превращается сама уголовная антропология?*

---

* Как известно, антропологическая школа пыталась сказать свое слово и в социологии вообще (работы Аммона, Лапужа, Гобино, Реймера, Вольтмана и др.). Вместо непосредственной их критики, которая завела бы слишком далеко в сторону, я позволю отослать читателя к работам *Ж. Фино* «Préjugé des Races» (Alcan) и «Агония и смерть человеческих рас» (изд. Столяра), где достаточно основательно рассмотрены предпосылки этой школы и не менее основательно показана их ложность.

Что же касается антропологической школы в науке уголовного права, критика которой также не входит в мою задачу, то по этому поводу замечу лишь следующее: Что бы мы сказали о ботанике, который вздумал бы классифицировать растения в зависимости от признаков «красивый и некрасивый»? Сказали бы, вероятно, что такой ботаник — плохой ботаник, так как такая классификация научно негодна вследствие того, что «на вкус и цвет — товарища нет», что понятие красивых цветов и некрасивых — различно в различные времена и у различных людей...

Такой же попыткой нам кажется и попытка чисто антропологической школы устанавливать категории преступных лиц и непреступных. Критерием такой классификации может быть только понятие преступления и преступных актов. Но раз это так (а иначе быть не может), то необходимо, чтобы эти понятия были устойчивы и не текучи, так как только в этом случае, благодаря биологическим законам, и в частности закону приспособления к среде и повторения одних и тех же функций при одинаковых условиях, может выработаться специфический антропологический тип. (Кстати говоря, Ферри настолько увлекся, что отрицает общепринятое положение: «функция создает орган», чем, до некоторой степени, подрывает свою собственную теорию, базисом которой может быть только это положение, потому что в противном случае необъяснимо ни возникновение преступных типов, ни передача преступных побуждений. (См.: т. I, с. 100, т. II, с. 14; и см. также своеобразную трактовку закона наследственности и отношение к теории Вейсмана — т. I, с. 81.)

Если же само понятие преступления изменчиво и различно в различные времена, а равным образом — различно в различных общественных группах в одно и то же время, — то вполне понятно, что попытка установления преступного типа должна кончиться неудачей, ибо в этом случае «преступный тип» не будет представлять нечто единое — совокупность индивидов, имеющих общие черты, выработанные сходством жизненных условий, — а будет просто совокупностью случайно объединенных индивидов, куда должны войти Христос и Иуда, Сократ и Герострат, профессиональный убийца и революционер. Мало того, *один и тот же* человек принужден будет войти в категорию и преступных, и непреступных лиц. С точки зрения осудивших Сократа греков — он был преступник, и антрополог должен искать в нем черты преступного типа. С моей точки зрения — Сократ честнейший и святой человек, и тот же антрополог-

Так как в мою задачу не входит изложение всех главнейших определений преступления, то я ограничусь приведенными примерами и перейду к краткому развитию тех положений по отношению к преступлению, которые вытекают из выше установленных посылок...

криминалист не должен искать в нем преступных черт. Торквемада, сжегший ad majorem gloriam Dei[15] 20 000 «еретиков», и кафрский царек Мосселикатси, умертвивший бесконечное число своих подданных, — с нашей точки зрения, будут преступниками, с точки зрения своего времени они были героями. Опять-таки криминалист в одно и то же время и должен и не должен в них искать преступных черт. То же, mutatis mutandis, относится и ко всем преступникам. Поэтому вполне понятно, что антропологические показатели получились самые разнообразные, а равным образом — столь же разнообразны и теории происхождения преступных типов — теория вырождения, физического и психического атавизма, сумасшествия, эпилепсии и т. д. См. об этом: *Тард Г.* Сравнительная преступность — passim, и в особенности «Преступник и преступление». М., 1906; *Принс А.* Преступность и репрессии; *Colajanni.* La sociologia criminale, гл. 6, с. 249-343 и др.

Таким образом, мы считаем совершенно невозможным установление антропологического типа *преступника* ввиду изменчивости самого понятия преступления. См. об этом же превосходные замечания проф. Фойницкого (Учение о наказ[ании], с. 37), Дриля (Op. cit., с. 336-337), Гернета (Соц[иальные] факторы преступности), Таганцева и др.

Сказанное, конечно, не означает, что мы признаем бесплодной работу, сделанную криминалистами-антропологами. Нет! — мы считаем в высшей степени плодотворной их работу. Не говоря уже о ряде реформ как в области теории, так и практики, вызванных ею исключительно, мы считаем и ее поиски преступного типа не бесполезными, но только вот в каком отношении.

Антропологическая школа по недоразумению ищет «преступный тип». Такого типа нет, как уже выше было указано, нет ни одного акта, который бы во все времена всеми считался преступным. Но зато есть тип убийц, воров, насильников. — Во всех убийцах одинаковое то, что они убийцы; в ворах то — что они воры. *Совершенно отстраняя вопрос о том, преступники они или нет,* антрополог-криминалист может изучать ряд этих лиц, принадлежащих к одному типу (будет ли это убийца-каторжник, или убийца-палач, храбрый солдат — убийца многих неприятелей, или же революционер, убивший несколько врагов, Ахиллес или Мосселикатси, и т. д.).

Результатом изучения будет установление «типа убийцы», но не преступника. Таким же образом может быть установлен тип вора, тип развратника, скупого, расточителя, обманщика, лжеца и т. д. Вопрос же о том, преступники они или нет, — будет зависеть от того, кто как понимает преступление и с чьей точки зрения посмотрим на этот вопрос: с точки зрения ли тех, которые кричали Пилату: «Распни, распни его»; или нас, видящих в Христе идеал нравственности и святости.

Так как работа криминалистов-антропологов в значительной степени шла в этом направлении, то вполне понятно, почему мы, считая установление «преступного типа» недоразумением, в то же время признаем за антропологической школой ряд крупнейших заслуг. Мы не можем не согласиться со следующими словами *Ваккаро:* Insomma, voi lo compendete io voglio dire, che la nozione dei

* * *

Итак, сейчас перед нами задача определения преступления, т. е. выделения класса определенных актов, обладающих одинаковой природой и одинаковыми признаками...

Для достижения этой цели прежде всего напомним, что *нельзя признаков класса «преступных» актов искать вне психики*... «Преступным» будет и может быть тот или иной акт *не сам по себе*, а лишь в том случае, когда в психическом переживании кого-нибудь он квалифицируется как преступный. Если бы мы попытались исключить эту чисто психическую природу преступления — мы бы не усмотрели в актах ничего, кроме простых актов, т. е. движений двух или большего числа тел, имеющих определенную форму, определенную скорость и т. п. В этом случае поступки людей были бы тем, чем они являются в глазах физика, изучающего их «как частные виды взаимодействия двух или большего числа тел», как частный случай сложного взаимодействия, изучаемого вообще механикой...

Это взаимодействие было бы в этом случае однородным с взаимодействием двух камней, но только более сложным и разнообразным. Там, где нет психики, как, например, во взаимодействии камней, там нет и преступных форм взаимодействия и взаимоотношения. Где нет индивида, одаренного психической жизнью, — нет и не может быть никаких преступных актов. Не в том или ином характере акта заключается его «преступность», а в том, что этот акт кем-нибудь *психически* переживается как преступный, как запрещенный... Чем был бы, например, преступный акт убийства, если бы была исключена эта психическая точка зрения? Он в этом случае был бы приблизительно следующим, и мы его описали бы приблизительно так. «Даны два тела: тело А (называемое "индивидом" Иваном) и тело В (называемое также "индивидом" Петром). Эти два тела в данный момент находятся на расстоянии n метров, и каждое из них издает ряд звуков, имеющих различный

---

crimine spetta exlusivamente al sociologo criminalista, e che non è lecito all' antropologo di affermare che Tizio sia delinquente nato o de occasione e simile; l'antropologo deve limitarsi esclusivamente a dire se Tizio abbia, delle anormalie fisiche, psichiche o emozionali; se le infermità o la degeneratione di cui é travagliato, sè debbano a cause creditarie o sopravvenute; insomma deve guardare l'uomo in sà stesso, e non mai guidicare ell' apprezzare la natura et il valore guiridico sociale delle sue tendenze e delle sue azioni» (*Vaccaro*. Genesi e funzione delle leggi penali, p. 213—214; см. также p. 219, 220)[16].

тон и тембр, и каждое из них производит ряд движений своими частями (называемыми "руками", "головой" и т. д.). Через n минут тело А приближается к телу В, сталкивается с ним, тело В из вертикального положения переходит в горизонтальное, тело А падает параллельно с ним, его органы (руки) окружают часть тела В (шею), и через m минут тело А удаляется, а В остается неподвижным». Вот чем был бы акт убийства, если бы наблюдал и описывал его некоторый воображаемый «беспсихический» индивид. А всякий *акт сам по себе* состоит только из таких движений, перемещений и т. п. Самый прекрасный микроскоп и самый тщательный химический анализ не откроют в *самих актах* ни малейшего атома преступности. Только психическое переживание индивида делает эти акты «преступными».

Из сказанного вытекают нижеследующие основные положения.

1) Преступление может быть только психическим явлением, и класс преступных явлений есть класс специфических психических процессов, переживаемых тем или иным индивидом.

2) Определить признаки преступления — это значит отметить признаки специфического класса психических переживаний.

3) Так как психические переживания даны только в индивиде, то при определении преступления и преступных деяний можно стоять только на точке зрения того или иного индивида, т. е. точкой отнесения неизбежно становится индивид. Тот или иной акт может быть преступлением лишь с чьей-нибудь точки зрения, т. е. или индивида, или группы индивидов.

4) Для каждого индивида преступными будут те акты (facere, abstinere и pati), действительные или воображаемые, свои или чужие, которые возбуждают в нем соответственные специфические переживания.

Таковы основные положения, неизбежно вытекающие из тезиса, что преступность есть явление чисто психическое, а не внешнее*.

---

* Плохо бы нас поняли, если бы вывели отсюда, что психическая природа преступления делает преступление чисто воображаемым, а не реальным явлением. Психическое не менее реально, чем непсихически вещественное. Поэтому отождествлять психичность с нереальностью нет никакой возможности...

Точно так же тезис о том, что преступление дано только в *психике индивида*, нельзя толковать в том смысле, что мы игнорируем социальное *происхождение* преступления и представляем себе индивида какой-то изолированной единицей. Преступление дано только в психике индивида, как реальность, как специ-

Из этих положений, в свою очередь, вытекают такие правила: 1) Нельзя искать признаков «преступности» в самом содержании или в материальном характере тех или иных актов. Нет ни одного акта, действительного или воображаемого, который по своей материальной природе был бы преступным или запрещенным. Разнообразные акты, «*называемые*» убийством и спасением, ложью и искренностью, обманом и правдой, жестокостью и милосердием, кражей и раздачей собственности, лечением ран и нанесением ран, альтруистическими поступками и эгоистическими актами и т. д. и т. д. — все эти и другие, противоположные друг другу, акты, не являлись и теперь еще не являются сами по себе преступлениями или добродетельными поступками. Один и тот же акт даже в одной и той же группе мог быть и преступлением и подвигом в зависимости от того, какие переживания он возбуждал в индивиде, кем выполнялся и против или в пользу кого он был направлен, например, акт убийства, если он был направлен против врага или чужеземца, — был подвигом, если же направлен был против единородцев, — считался преступлением с точки зрения одних и тех же лиц. Если хозяин убивал раба — поступок с точки зрения хозяина и др. не считался за преступление, если же раб убивал хозяина — его поступок квалифицировался как акт преступный... И теперь еще за убийство врага на войне одни и те же лица дают награды, но за убийство в мирное время того же иноземца посылают на каторгу. То же относится и к краже и ко всем другим актам. Ложь и обман в нормальных условиях мы считаем за нечто предосудительное, недопустимое; но та же ложь в сфере дипломатических отношений — возводится в принцип и награждается. Говорить правду — мы считаем социальной необходимостью, но говорить правду, например, врагу во время военных действий, врагу, который требует от попавшего в плен солдата сведений о количестве, расположении и планах войска, к которому принадлежит этот солдат, — мы считаем вещью недопустимой, клеймим терминами «измена», «предательство» и так или иначе караем. Поэтому говорить вместе с Гарофало, Ферри и другими о том, что тот или иной акт по своей природе преступен, — никоим образом невозможно.

фический процесс, но это не мешает думать (см. ниже гл. VII), что сам-то этот процесс возник благодаря социальному общению. Иначе говоря, не надо смешивать принципы систематики (феноменологии) определенного явления с вопросом о его происхождении или генезисе.

2) Нельзя, далее, считать преступлением, как думают многие, акты, причиняющие страдание, в силу того только, что они причиняют страдание. Может быть дан ряд актов, причиняющих страдание кому-нибудь, но не возбуждающих в душе этого же или других индивидов специфического душевного процесса, в силу которого эти акты должны были бы считаться преступными. Так, например, полиция, сплошь и рядом, «при исполнении своих служебных обязанностей» причиняет ряд психических и физических страданий, однако, сплошь и рядом эти акты не квалифицируются как лично пострадавшим, так и другими лицами как акты преступные. Они не вызывают специфического процесса в их психике, а потому и не могут быть преступными. Не квалифицируются, далее, как преступные и те акты, причиняющие страдание, которые делаются, например, для «блага» терпящих страдание индивидов, например, акты хирурга, доктора, подчас причиняющие немалое страдание, или же акты педагога, с педагогическими целями нередко вызывающего у ученика ряд переживаний с отрицательным чувственным тоном...

Иначе говоря, хотя преступные акты и причиняют в большинстве случаев то или иное страдание, но логическим моментом, делающим их преступными, являются не страдания, а то, что они возбуждают специфическое душевное переживание.

Итак, для того чтобы определить класс преступных актов, *необходимо охарактеризовать те признаки специальных психических переживаний, наличность которых в «душе» индивида и обусловливает собою квалификацию им тех или иных актов как актов преступных.*

Эта задача по существу уже выполнена была нами выше, при классификации трех основных категорий психических процессов, которыми сопровождаются восприятие или представление своих или чужих актов.

Там было указано, что как при совершении своих, так и при восприятии чужих актов, а равно и при простом представлении того или иного поведения мы испытываем не одинаковые душевные переживания, а переживания качественно различные. Одни акты и виды поведения, как свои, так и чужие, мы переживаем и сознаем как акты «*дозволенные или должные*», «*справедливые*» и приписываем себе и другим то *право* на их совершение (facere), то право на их «приятие» (accipere), то право на их нетерпение (non-

pati), то *обязанность* их совершить (facere), то обязанность их терпеть (pati), то обязанность воздерживаться от них (abstinere).

Это распределение взаимных прав и обязанностей дано почти у всех людей (см. примеч. на с. 158). Как бы разнообразны и сложны ни были взаимоотношения, возникающие между индивидом и другими, а равно и среди других индивидов между собою, для каждого конкретного случая у каждого индивида уже есть своего рода «рецепт», что дозволено одной стороне и к чему обязана другая, каков тот вид взаимоотношения, который, по мнению индивида, будет «справедливым», «нормальным» или «должным» в данном случае. Каким образом появляются в индивиде подобные представления должного и не должного поведения — этот вопрос нас здесь не интересует, важно то, что они есть. Как уже выше было указано, наша психика при совершении и восприятии подобных актов остается, так сказать, нейтральной, в ней не возникает ни ненависти, ни любви, ни злобы, ни благодарности.

Если, теперь, индивид совершает или воспринимает или представляет акт, *противоречащий* его представлениям дозволенно-должного поведения, — акт уже вызывает в душе его иные переживания. Противоречие переходит в оскорбление, оскорбление вызывает вражду, иногда доходящую до ненависти, акт произвольно начинает казаться чем-то отрицательным, отталкивающим и получает в итоге ряд различных названий, говорящих о его морально-отрицательном характере. Акты преступные, запрещенные, безнравственные, грешные, несправедливые, беззаконные, не должные и т. д. — все эти акты имеют между собой то важное сходство, что они противоречат дозволенно-должному поведению индивида и, с этой точки зрения, все они суть акты однородные, хотя и носят различные названия в зависимости от того, в какой сфере они совершаются (в религиозной ли или в нерелигиозной и т. д.).

В каждом преступном акте даны, по меньшей мере, два элемента психической жизни: a) представление «запрещенного» акта и b) отталкивательная эмоция. А так как «запрещенность» (а равно и несправедливость, беззаконность, греховность, безнравственность, непозволительность и т. д.) акта сводится в конечном счете к противоречию с представлением о «дозволенно-должном» поведении, то элемент *a* можно заменить представлением акта, «противоречащего представлению о дозволенно-должном» поведении. К этим

двум основным элементам преступного акта в дальнейшем очень часто присоединяется чувственный элемент — страдание: преступный акт, действительно совершенный, а иногда и просто представленный, очень часто вызывает переживание, сопровождающееся отрицательным чувственным тоном. А на почве этих элементов в дальнейшем уже самопроизвольно возникает ряд чувственно-эмоциональных процессов: переживания «оскорбления», вражды, ненависти, желания отомстить и т. д.

Эти специфические переживания — даны почти у всех людей всех времен и народов*. У первобытных народов эти запрещенные акты называются различными словами; этнографы дали этим актам общее нарицательное название «*табу*», взятое у полинезийцев.

Такими «запрещенными» актами являются, с точки зрения любого индивида, акты, противоречащие тем поступкам и тому шаблону поведения, который осознается ими как «должный». Иначе говоря, *преступные или запрещенные акты суть акты, противоречащие «дозволенно-должному» шаблону поведения.*

Таково простейшее определение преступления. Следовательно, *общим признаком всего класса преступных актов и преступного поведения (с точки зрения любого индивида) будет признак противоречия их с поведением и актами, осознаваемыми как «дозволенно-должные»* (противоречие атрибутивно-императивным переживаниям). Это представление «противоречащего» акта приводит в действие отталкивательную эмоцию, а к ним затем уже может присоединиться ряд новых психических элементов: чувств, эмоций и т. д.

---

* За исключением лиц, страдающих моральной тупостью и моральным идиотизмом. Но для таких лиц, раз у них нет этих специфических переживаний, само собой ясно, не существует и преступлений, наказаний и должных актов. Они в этом случае ничем не отличаются от коров или шмелей, у которых мы не найдем этих переживаний, а потому не найдем у них и квалификацию актов: то как должных, то как запрещенных, то как рекомендованных. Правда, некоторые биопсихологи немало говорили о «сознании долга», преступления и т. п. у муравьев и пчел, но, как показали позднейшие исследования, в частности работы В.А. Вагнера, все эти «разговоры» были лишь грубой антропоморфизацией. (См.: *Вагнер В.А.* Биопсихология, т. I и т. II.) Впрочем, если бы даже у муравьев и найдена была муравьиная квалификация поведения под указанные рубрики — это значило бы, что и им свойственны выше очерченные психические переживания и наше положение от этого ничуть бы не изменилось. Вообще наш тезис гласит: где даны указываемые нами специфические психические переживания — там дано и преступление, и должный акт, и подвиг. Где нет первых — нет и последних. Поэтому если бы даже у камней было указано наличие первых, то и в мире камней были бы даны «преступления камней» и «подвиги камней».

Это определение преступления по его *логическому* характеру — *абсолютно все* акты и виды поведения, обладающие указанным признаком *а*, будут преступными, с точки зрения соответственного индивида. Но по *содержанию* самих актов, вызывающих эти переживания «запрещенности» в том или ином индивиде, оно *относительно*. Относительно — в том смысле, что оно допускает квалификацию каких угодно актов в качестве актов преступных. Если кто-нибудь приписывает родителю право убивать всех своих детей, а им — обязанность подставлять себя под нож отца («должное» поведение с точки зрения данного индивида), то все акты детей, коль скоро они попытались бы оспаривать и бороться против таких поползновений родителя, квалифицировались бы таким лицом как акты преступные. Если же кто-нибудь считает обязанностью родителей не бить детей, а их правом — не терпеть побоев («должное» взаимоотношение), то, очевидно, всякий акт родителя, реализующийся в виде тех или иных побоев, — с точки зрения такого лица, будет преступным. Вообще говоря, всякий акт потенциально может быть преступным, если соответственными будут представления должного поведения у того или иного субъекта... Говоря образно и сравнивая осознание акта в качестве преступного со светом прожектора, мы можем сказать, что «преступный» свет или цвет акта находится не в нем самом, а в психике индивида. Как ночью освещаются только те предметы, на которые падает свет прожектора, так и «преступным цветом» окрашиваются лишь те акты, на которые психика индивида (в зависимости от возбуждения в ней соответственного переживания) наводит или налагает эту «преступно-запретную» окраску...

Из сказанного будет понятно, *почему различными людьми квалифицировались как преступные акты — акты чисто воображаемые*, не имеющие внепсихического бытия (акты духов, ведьм, чертей, ангелов и т. д.), или «акты» «неодушевленных» или не одаренных психикой (с нашей точки зрения) предметов, утесов, деревьев, животных и т. д. (см. ниже).

Подобные «ошибки» объясняются с этой точки зрения чрезвычайно просто.

Раз в соответствующем индивиде они казались преступными и возбуждали в нем соответственные переживания — он и квалифицировал их в качестве актов запрещенных.

Таково в основных чертах понятие класса преступных актов или преступлений.

До сих пор отправным пунктом нашего анализа был индивид и характер его психических переживаний; теперь ничто не мешает нам выйти за его пределы в социальную группу...

Если один и тот же акт или ряд актов будет противоречить шаблону «должного» поведения целой группы лиц, то этот акт будет преступлением для всей этой группы лиц. А так как группы взаимодействующих индивидов известны под различными названиями: то тотемического клана, то рода, то семьи, то церкви, то научного общества, то государства — то тем самым могут быть даны акты, преступные с точки зрения тотема, рода, семьи, государства, церкви и т. д. — лишь бы они вызывали в психике их членов соответственные переживания. Такова сущность и определение актов, являющихся преступными с точки зрения коллектива.

§ 2. «Подвиг»

Выяснив понятие преступления, теперь мы должны были бы перейти к понятию наказания; но, как видно будет ниже, наказания являются коррелятом по отношению к наградам, а потому гораздо удобнее изучать их параллельно; ввиду этого мы и займемся теперь кратким анализом «*услужных*» актов или «подвигов», а затем уже перейдем к параллельному изучению наказаний и наград.

Прежде чем анализировать понятие «подвига» или услуги, сделаем несколько замечаний о положении вопроса о подвигах и наградах в современной науке права. А это положение довольно любопытно и может служить любопытной иллюстрацией «курьезов» научной мысли. Этот «курьез» в данном случае заключается в том, что, в то время как один разряд фактов социальной жизни (преступления — наказания) обратил на себя исключительное внимание научной мысли, — другой разряд фактов, не менее важных и играющих не меньшую социальную роль, почти совершенно игнорируется тою же научною мыслью. Мы говорим о «подвигах и наградах». Преступления и наказания служат и служили до сих пор единственным объектом исследования представителей общест-

венных наук и теоретиков уголовного права. Подвиги же и награды — как совершенно равноправная категория, как громадный разряд социальных явлений — огромному большинству юристов и социологов даже и неизвестны.

В то время как наука о преступлении и наказании — уголовное право — выросла до громадных размеров и получила характер гипертрофический, наука о подвигах и наградах или, если угодно, — *наградное право* — даже и не значится в числе научных дисциплин.

Правда, уже давно были сделаны попытки создать ее. Не говоря уже о полицеистах XVIII века (Вольф, Юсти, Joch и др.), отводивших награде равную роль с наказанием, достаточно указать на целый трактат Бентама «Теория наград»*. И в более близкую нам эпоху время от времени раздавались голоса о необходимости такой науки. Но эти голоса раздавались и терялись, не находя отклика в широких сферах представителей науки. Таким образом, и эти отдельные попытки окончились неудачей.

А между тем уже давным-давно было сказано, наряду с изречением «начало премудрости — страх наказания», — изречение «не принимай даров», ибо «дары слепыми делают зрячих»**. Если в древних кодексах, как, например, в Библии, в законах Ману, в законах Хаммурапи, в «книге Мертвых» и т. д., мы находим кары, в изобилии расточаемые за совершение преступных актов, то не в меньшем изобилии мы находим там и награды.

Поэтому, казалось бы, такое игнорирование их не должно иметь места. Но факт остается фактом: игнорирование налицо, и его приходится констатировать. «Что за дело юристу до вознаграждения? — вполне справедливо иронизирует Иеринг. — В наше время никакого; в наше время разработке его вверено лишь наказание!»***

Но, к счастью, в последнее время все чаще и чаще начинают раздаваться голоса в пользу громадного значения услуг и наград и в пользу обоснования специальной научной дисциплины, изучающей эти явления.

Тот же Иеринг уже очертил, и в общем довольно удачно, категорию явлений подвига или услуги и награды, в главном

---

* См.: *Bentham J.* Oeuvres, т. II: Theorie des recompenses.

** Книга Иисуса, сына Сирахова, гл. 1; Исход, гл. 23.

*** *Иеринг Р.* Цель в праве, т. I, с. 140.

совпадающую с определением Бентама, которое мы привели выше*.

«Вознаграждение, — говорит Иеринг, — в более обширном смысле представляется противоположением наказанию; общество наказывает того, кто провинится перед ним, оно награждает того, кто имеет пред ним заслугу. Средину между образом действия того и другого занимает деятельность лица, которая не более и не менее как только соответствует требованиям закона. Таким образом, мы получаем соответствующие друг другу понятия о преступлении и наказании, о заслуге и вознаграждении, о легальном и правовой охране»**. — Аналогично же рассматривает социальные взаимоотношения и De la Grasserie, посвящающий в своей книге «О социологических принципах криминологии» целых три страницы эскизу наградного или «премиального» права. Другое право, говорит он, право симметричное с правом пенальным и неизвестное как криминалистам, так и криминологистам (inconnu des criminalistes à la fois et des criminogistes), это есть право премиальное. Преступлению или нарушению права должен быть противопоставлен героизм или необязательная добродетель, выходящая из границ (нормальной или обязательной) добродетели». «Это есть уже преизобилие (surabondance) альтруизма, тогда как преступление есть не что иное, как изобилие эгоизма»***.

И в России имеется ряд лиц, которые уже давно говорят о необходимости наградного права.

В качестве примеров можно указать, например, на проф. Л.И. Петражицкого и на проф. Н.А. Гредескула.

Первый в ряде своих лекций не раз касался этого вопроса и набрасывал основные черты этой будущей дисциплины. А второй в своей книге «К учению об осуществлении права» достаточно резко подчеркнул воздействие права на жизнь не только путем принуждения и кар, но и путем обещаний выгод и наград****.

Теперь, после этих предварительных замечаний, перейдем к определению подвигов или услуг.

Все, сказанное выше о психической природе преступления, приложимо и здесь. И подвиг, или услужный акт, является тако-

---

* См. с. 127.

** *Иеринг Р.* Ibid., с. 140.

*** *De la Grasserie R.* Des principes sociologiques de la criminologie. Paris, 1901, p. 28-32.

**** См.: *Гредескул Н.А.* К учению об осуществлении права. Харьков, 1901, § 3 и 4.

вым не благодаря своему материальному характеру, а благодаря тому, что у каждого человека определенный ряд актов, как своих, так и чужих, сопровождается психическим переживанием sui generis, не совпадающим ни с переживанием «долженствования» (правомочия и обязанности), ни с переживанием «запрещенности» или «преступности».

Поэтому приходится и здесь differentia specifica «услужных» актов искать в характере соответствующего психического переживания.

Этот своеобразный психический процесс, известный почти каждому по собственным переживаниям, можно охарактеризовать следующими признаками: *для каждого из нас «услужными» являются те акты* (как свои, так и чужие), *которые, во-первых, не противоречат нашим «должным» шаблонам, во-вторых, выходят по своей «добродетельности» за пределы «обязанности», в силу этого они добровольны и никто не может притязать на них, а равно выполняющий их не сознает себя «обязанным» выполнять их* (в форме ли facere, или pati, или abstinere).

Следовательно, три черты характеризуют услужный акт: 1) *его непротиворечие с переживанием «долженствования»*... В силу этого он всегда рассматривается как *морально положительный*, в противоположность преступным актам, всегда квалифицируемым, как акты *морально отрицательные*. Это происходит в силу того, что «должные» шаблоны поведения в силу *«долженствования»* всегда являются нормой и мерой *«справедливости»*. Долженствование есть синоним справедливости. А поэтому раз услужные акты (подвиги) не противоречат должным, а, так сказать, представляют высшие сверхнормальные степени справедливости — то, понятно, — они не могут квалифицироваться в качестве морально отрицательных. Преступные же акты, противоречащие должным актам, всегда должны переживаться как акты несправедливые и морально отрицательные.

2) Его *«сверхнормальность» или избыток «добродетельности»**. Эта черта выражается в том, что притязать на эти акты или вменять их в обязанность нельзя.

---

* Выражаясь языком Еллинека, «должные» акты можно охарактеризовать как акты, представляющие «минимум моральности», подвигами же или рекомендованными актами будут те акты, которые выходят за пределы этого минимума. См.: *Еллинек Г.* Социально-этическое значение права, неправды, наказания. М., 1910, с. 48.

3) А эта черта в свою очередь указывает на третий признак — признак «*добровольности*» этих актов. Если совершит субъект услуги свой акт — его добрая воля; не совершит — тоже его добрая воля. Претендовать на него я не могу.

В силу сказанного *для каждого индивида или для совокупности индивидов* «подвигами» будут все те акты, как свои, так и чужие, которые наделяются или переживаются *ими*, как акты, обладающие вышеуказанными свойствами.

Таковы основные признаки услужных актов, которые мы далее будем называть просто «подвигами»...

Анализируя свои психические переживания, каждый индивид найдет в своем поведении эту категорию фактов, наряду с другими — должными актами и преступлениями. Некоторые примеры были приведены выше (см. с. 188 и сл.).

Само собой разумеется, что различные люди могут относить к числу подвигов конкретно-различные акты (в зависимости от того, какое поведение и какие акты они считают должными), но всякий акт, квалифицируемый ими как акт услужный (подвиг), будет обладать указанными чертами.

В силу этого в каждой общественной группе и во всех общественных отношениях мы должны встретить различение этих трех разрядов: должных, преступных и «услужных» актов.

Что эти три категории даны в современном обществе — это несомненно: для этого достаточно указать, с одной стороны, на свод законов, устанавливающий права и обязанности каждого члена; с другой — на уголовные кодексы, в которых перечислены запрещенные акты, и с третьей — на ряд привилегированных «прав», которые могут быть получены только по выполнении ряда поступков, не обязательных ни для кого и никому не навязываемых, но рекомендуемых индивиду с обещанием наград и привилегий за их выполнение. Так, например, поступать в университет с точки зрения государства никто не обязан — в противоположность отбыванию воинской повинности — но если кто-нибудь поступит и кончит — ему обещается диплом и ряд «прав», сверхнормальных по сравнению с правами не учившихся. Точно так же получить степень магистра не вменяется в обязанность студенту, но если он выполнит ряд актов (напишет диссертацию и etc.) — ему обещается ряд наград и т. д. Подобных рекомендованных норм поведения можно найти сколько угодно в любой части свода за-

конов, не говоря уже о живой социальной действительности, где они фигурируют на каждом шагу.

Но, может быть, этих категорий нет в первобытных группах? Вместо ответа достаточно указать на так называемое «обычное право» каждой группы, представляющее ряд норм «должного» поведения. Достаточно далее указать на широкую распространенность запретов в первобытных группах, констатированных всеми этнографами и получивших нарицательное название «табу», взятое у полинезийцев и прилагаемое теперь ко всем запретам первобытных групп. Ввиду того что любая работа по этнографии и первобытной культуре дает множество фактов, свидетельствующих о наличии у первобытных групп переживаний долга и запрещенности, — приводить примеры, показывающие, что у дикарей действительно имеется «различие» должных и «запрещенных» актов, я считаю излишним*.

Более сомнительно — есть ли у первобытных людей различение рекомендованных актов — подвигов. Однако данные этнографии не допускают ни малейшего сомнения и в этом пункте.

У племен сомакие и донакие, например, рабу не вменяется в обязанность убивать врагов своего господина; но такое поведение рекомендуется, и если раб убьет 10 врагов (совершит подвиг) — он может получить более высокое общественное положение — награду (свид[етельство] Паулички)**. Храбрость и хитрость, хотя и вменяется в обязанность членам группы, но имеет свои пределы; квалифицированная исключительная храбрость есть уже не должный, а рекомендуемый поступок, за который «виновник» этого подвига получает ряд наград, то в виде выбора его предводителем и начальником группы, то в виде представления ему большего числа жен и т. д. Далее, у ряда племен, как, например, у такули, устраивать пиры в пользу всех сочленов группы есть акт рекомендуемый, но не обязательный. Кто устроит — тот получает ряд почестей, хотя бы в виде выбора его в старейшины***. Не приводя многочисленных фактов, так как с «подвигами и наградами» мы

---

* См. материал в статье *М. Ковалевского.* Les origines de devoire (Revue intern. de sociol. 1892, кн. II); много материала дает также *Дюркгейм Э.* Les formes élémentaires... p. 427 и сл.; *Спенсер Г.* Основания нравственности, ч. II: Индукция этики; Основания социологии, т. II, ч. 5; *Летурно Ш.* Эволюция нравственности и т. д.

** См.: *Ковалевский М.М.* Социология, т. II, с. 176.

*** Ibid., с. 188.

еще будем иметь немало дела, ограничусь приведением одного из многочисленных мест «Илиады», где выражено и психическое переживание рекомендованного акта. Ахиллес, собирающийся отплыть обратно из-под стен Илиона, не сознает себя вовсе «обязанным» остаться, и другие ахейцы во главе с Агамемноном не думают, что Ахиллес «обязан» это сделать. Они не *требуют* от него, чтобы он остался, а *просят* или рекомендуют остаться, обещая ему за этот подвиг различные дары — награды. А Ахиллес, раздумывая, остаться ли ему или уехать, вовсе не переживает никакой эмоции «связанности». Напротив, он «чувствует» себя вполне свободным.

«Слышал от матери я, — говорит он, — среброногой богини Фетиды, будто двоякие парки конец моей жизни готовят:

Если останусь я здесь, вкруг твердыни Троянцев сражаясь, *мне не вернуться в отчизну, зато буду славой бессмертен.*

Если ж домой я отправлюсь, в любезную отчую землю, слава погибнет моя, но зато стану сам долговечен». И затем, если и решается остаться, говоря:

«Пусть же умру я скорей!», — то не по обязанности, а потому, что

«Смерти никто не избег, даже сам Геркулес непреклонный... Также и я, если жребий подобный меня ожидает,

Лягу сраженный, но *раньше добуду великую славу*»*.

Отсюда видно, что он сам рассматривает свои акты, как подвиги, которые должны увенчаться наградой в виде славы, которые добровольны и вместе с тем морально положительны.

Если, далее, обратиться, например, к древним кодексам — то и здесь ясно выделены «подвиги» среди остальных актов поведения. «*Нет греха* в употреблении мяса и спиртных напитков, ни в плотских удовольствиях *в дозволенных законом случаях*, — читаем мы в законах Ману, — ибо таков естественный путь созданных существ; *но воздержание доставляет большие награды*»**. Здесь ясно выделены добровольность, сверхнормальность и морально положительный характер в актах воздержания.

Вообще всюду, как показано будет ниже, где в социальной группе есть «привилегированные» лица — тем самым даны и подвиги, и награды.

---

* Илиада (пер. Минского), п. IX, стр. 143 и п. XVIII, стр. 303-304.

** Законы Ману (пер. Эльманович), гл. 5, ст. 56.

Если в первобытных кланах чародей или шаман обладает экстраординарными привилегиями (наградами), то только потому, что он совершает и экстраординарные поступки — подвиги: вызывает дождь, управляет силами природы, предохраняет от болезней и т. п. Здесь награды даются ему за знание священных заклинаний, недоступных простым смертным. Если, далее, группа выбирает кого-нибудь в предводители, т. е. дает ему экстраординарную привилегию, то дает не зря, а за «подвиги» его, состоящие или в экстраординарной доблести (Duces ex virtute sumunt[17], говорит Тацит о германцах), или в силе, или в ловкости и т. п.*.

Теперь, определив преступление и подвиг, перейдем к изучению наказаний и наград.

---

* См.: *Ковалевский М.М.* Социология, т. II, гл. VIII.

ГЛАВА IV
НАКАЗАНИЕ И НАГРАДА

§ 1. Наказание и награда и их связь с преступлением и подвигом

Простейшее определение *наказания* будет гласить: *наказание есть акт или совокупность актов, вызванных преступлением и представляющих реакцию на акты, квалифицируемые как акты преступные.* В pendant[1] к этому, определение *награды* будет гласить: *награда есть акт или совокупность актов, вызванных подвигом и представляющих реакцию на акты, квалифицируемые как акты услужные**.

* Во избежание недоразумения подчеркиваю, что реакция индивида на какой-нибудь акт будет карой лишь тогда, когда он этот акт — причину — квалифицирует именно как акт *преступный,* удовлетворяющий всем условиям преступления, главнейшие из которых указаны ниже... Если же дан акт, хотя по виду и похожий на акт преступный, но почему-либо в сознании воспринимающего его индивида не могущий быть таковым, то совершенные последним акты-реакции не являются *карательными актами, актами «возмездия и воздаяния».* Пример: мальчик, играя револьвером и не зная его свойств, может «по неведению» выстрелить и ранить меня, и если я в ответ на этот акт отберу у него револьвер — мой акт-реакция не будет карой, раз я поступок мальчика не считаю «преступным». Сумасшедший, совершивший акт поджога, вызовет со стороны меня ряд реакционных актов по его адресу, состоящих в том, что я отберу у него спички и, допустим, изолирую его от общества, — но эти акты не будут карой, раз я поступок его считаю не «преступным» по существу, а его — «невменяемым». У меня нет ни злобы к ним, ни оскорбления, причиненного ими, а потому нет и кары с моей стороны. Если же я реагирую, то только с педагогическими целями: исключить условия, при которых они могли бы повторить тот же акт. Иное дело, если те же акты совершили «с умыслом» вменяемые субъекты. Тогда у меня налицо оскорбление, злоба и вообще квалификация их актов

Что всякое наказание и всякая награда представляют какой-нибудь *акт* — физический или психический, безразлично — это само собой очевидно. Но не менее очевидно, что не всякий акт может быть карательным или наградным актом, а только акт, обладающий специфическим признаком.

Каков же тот *логический момент, который простой акт делает карой или наградой*? — Таким логическим моментом является именно то обстоятельство, что кто-нибудь совершает этот акт *как реакцию на поступки*, кажущиеся ему преступными или «услужными». Именно в том, что определенный акт индивида *вызван* преступлением или подвигом, именно в этом обстоятельстве лежит логическое условие бытия кар и наград*. Все другие указывавшиеся признаки кар и наград не могут быть отнесены к числу конституирующих признаков**. Например, общераспространенное утверждение, что всякая кара состоит в наложении на преступника *страданий* и лишений, а *награда* — в наложении извест-

---

преступными, поэтому и ряд мер и моих актов, например, задержать, отнять револьвер, обругать, избить и т. д. — будет уже не чем иным, как карой (см. ниже). Тоже, mutatis mutandis, применимо и к наградному акту...

* В силу сказанного мы не можем не согласиться здесь с Н.С. Таганцевым, подчеркивающим тот же момент при определении наказания. И для него «только те меры, которые принимаются государством против лиц, учинивших преступные деяния, *вследствие такого учинения*, — могут быть отнесены к карательной деятельности государства» (Ibid., с. 825 и сл.). Но само собой разумеется, что для нас наказание не ограничивается государственными карами, а равно и многое из того, что уважаемый криминалист считает quasi-наказаниями, — с нашей точки зрения, будет подлинным наказанием.

** Кроме этого различия между актом преступным и карательным, само собой разумеется, между ними *в психике одного и того же индивида* существует еще психологическое различие, сводящееся к следующему. Если я представлю себя совершившим какое-нибудь преступление, например, убийство кого-нибудь, то мой акт eo ipso есть акт морально отрицательный и таковым квалифицируется мной. Иначе обстоит дело тогда, когда, например, я в ответ на преступный акт кого-нибудь, заключающийся в посягательстве на мою жизнь, в порыве злобы, самозащиты и отмщения убил бы его... В этом случае многие люди акт убийства — наказания — не квалифицировали бы как «морально отрицательный», а рассматривали бы его, как акт справедливого воздания и возмездия... По крайней мере, таковым он осознавался большинством кодексов, их составителей и рядом людей, в частности, творцами теории возмездия и справедливости. Но допуская даже, что это так переживается всеми, все же не эта черта является искомым логическим моментом. Само понятие возмездия и воздаяния требует условия, предшествующего воздаянию. Воздавать и мстить можно лишь за что-нибудь. Таким «что-нибудь» и является момент *реакции* на преступление. Следовательно, и при этом допущении этот момент играет решающую, а не второстепенную роль.

ной суммы *удовольствий, наслаждений и выгод*, — само по себе неприемлемо. Неприемлемо потому, что не все страдательные акты — акты карательные, и не все акты, доставляющие удовольствие, акты наградные. Можно причинить человеку страдание, но оно может и не быть карой. Например, причинить «страдание любя», ради пользы любимого человека; врач часто при операциях причиняет страдание — но едва ли кто будет его акты называть карой; точно так же взимание податей с бедных часто причиняет им страдание, но едва ли эти акты они осознают как акты карательные; исполнение ряда «прав» часто неразрывно связано со страданием для «обязанного», но он не квалифицирует акты правомочной стороны как акты карательные. Наконец, кто-нибудь может случайно, по неведению толкнуть, ранить и искалечить другого, т. е. причинить ряд лишений и страданий, — но едва ли кто назовет акты первого карой. То же, mutatis mutandis, применимо и к удовольствию и наслаждению по отношению к награде. Не они простой акт превращают в акт наградной, а именно то, что последний есть реакция на подвиг.

Но страдание, лишение и вообще зло — с одной стороны, и удовольствие — с другой, не являясь условиями, конституирующими наказание и награду, все же весьма тесно связаны с ними в том смысле, что карательный акт почти всегда есть акт, причиняющий преступнику страдание и лишение* (зло), а наградной — удовольствие, выгоду и благо.

Суть дела здесь заключается в следующем. Как уже во II главе, при характеристике наших реакций на различные поступки других людей, было отмечено, акты, квалифицируемые нами как акты преступные, всегда являются для нас «оскорблением» и вызывают в нас некоторую «обиду», неприятность, вражду и злобу по отношению к себе; они отталкивают нас от себя. Эта враждебность

---

* В силу этого, с приведенной оговоркой, мы не можем не принять положение Г. Гроция, определявшего наказание, как malum passionis, quod infligitur propter malum actionis[2], а равно и положения нашего выдающегося криминалиста проф. И.Я. Фойницкого, гласящее: «Наказание представляет собою принуждение, применяемое к учинившему преступное деяние... Принуждение наказания заключается в причинении или обещании причинить наказываемому какое-нибудь лишение или страдание; поэтому всякое наказание направляется против какого-нибудь блага, принадлежащего наказываемому, — его имущества, свободы, чести, правоспособности, телесной неприкосновенности, а иногда даже против его жизни». — Учение о наказании, с. 2.

См. также курсы Сергеевского, Таганцева, Листа и др.

и неприятность неизбежно переходят и на субъект преступления, т. е. на того, кто совершил этот акт... Он становится в наших глазах «преступником», «врагом» и вообще лицом, акты которого перестают быть терпимыми. Это психическое переживание вражды и злобы по его адресу неизбежно проявляется и в наших действиях, вызванных преступлением. Они, реализуя эту вражду, *неизбежно принимают характер отрицательный*, направленный и на причинение преступнику страдания, зла и вообще «отмщения за обиду», за преступление. Можно не иметь никакого намерения причинить зло кому-нибудь, например, убить кого-нибудь, но раз этот кто-нибудь совершит акт или ряд актов, кажущихся нам преступными, то вражда, а иногда и ненависть (при преступлениях, кажущихся особенно тяжкими), вызываемые преступлением, неизбежно объективируются в актах, отрицательных по адресу преступника. Этим и объясняется ряд совершенно неумышленных убийств, увечий и т. д., которыми «оскорбленный» реагирует по адресу «оскорбителя» или преступника. В случае преступлений, кажущихся кому-нибудь особенно тяжелыми, враждебность может принять форму страшной ненависти и разрядиться в ряд актов, называемых убийством, побоями и etc. Великий сердцевед Достоевский в своих романах дает тысячи примеров, прекрасно иллюстрирующих эту связь оскорбления, вызываемого преступлением, с неприязнью, возникающей на почве оскорбления. А эта неприязнь разряжается самопроизвольно в формах страдательных для преступника.

Для Дмитрия Карамазова поведение отца было поведением преступным по его адресу. Отсюда — его враждебность к отцу. Враждебность переходит в ненависть. Отец и его поведение становятся в «его глазах» отвратительными. — «Как можешь ты говорить, что убьешь отца?» — спрашивает Митю Алеша. «Я ведь не знаю, не знаю, — отвечает первый, — может, не убью, а может, убью. Боюсь, что ненавистен он вдруг мне станет, своим лицом в ту самую минуту — ненавижу я его кадык, его нос, его глаза, его бесстыжую насмешку. Личное омерзение чувствую. Вот этого боюсь, вот и не удержусь». А далее Достоевский так описывает сцену, когда Митя стоял под окном отца в роковую для него минуту. «Личное омерзение нарастало нестерпимо. Митя уже не помнил себя и вдруг выхватил медный пестик из кармана...»* Эти и по-

* Братья Карамазовы, т. II, с. 469-470.

добные сцены великолепно иллюстрируют механизм психических переживаний, вызываемых преступлением, с одной стороны, и наказанием, как актом страдательным по отношению к преступнику, — с другой...

Причинный ряд здесь таков: 1) акт — преступление; 2) оно вызывает психические переживания оскорбления, оскорбление — неприязнь (вражду, злобу, ненависть) и 3) они спонтанно разряжаются в ряд актов, наносящих преступнику тот или иной вред или страдание. Такова связь карательных актов с актами, причиняющими преступнику страдание...

То же, mutatis mutandis, приложимо и к связи наградных актов с актами, приносящими «подвижнику» удовольствие и вообще благо... Подвиг квалифицируется нами всегда как нечто положительное, и возбуждает как по отношению к «услужным» актам, так и по отношению к «подвижнику» «симпатически-притягательное» переживание, имеющее разные степени, начиная с простой симпатии и с простого «одобрения» и кончая «благоговением, восхищением и восторженностью». Эти «положительные переживания» неизбежно выливаются и в положительные по отношению к «преступнику» акты (награды).

Как «страдательность» кар может иметь различные степени в зависимости от «низости» преступления (простое неодобрение, выговор, словесные оскорбления, имущественные лишения, арест, удары, увечья, убийство и т. д.), так и «благая положительность» наград может иметь различные степени в зависимости от «высоты» подвига (простое одобрение, словесная похвала, вещественные дары, восхищение, уважение, преклонение etc.).

Таков механизм подвигов и наградных актов, всегда принимающих «каритативную»[3] по адресу подвижника форму.

Сказанным мы, с одной стороны, подошли, а с другой стороны, ответили на одну из основных проблем уголовного права, проблему, служившую и служащую предметом бесчисленных споров и известную под названием «основ права наказания» или «оснований наказания». Был поставлен вопрос: *почему преступление вызывает наказание, каковы причины, вызывающие кары по адресу преступника*? И вот на этот вопрос последовало бесчисленное множество теорий, выдвигавших различные и разнородные принципы. Указывались различные потребности, вызывающие наказание (потребности материальные, чувственно-психические, интел-

лектуальные), указывалось на инстинкт самосохранения, поддержания авторитета власти, чувство мести, на закон природы, на божественное провидение, на эстетическое отвращение и т. д. и т. д.* Наряду с этим ставился и другой вопрос, близкий к поставленным вопросам, а именно: почему наказание всегда направлено на причинение преступнику страдания, иначе говоря — *почему карательные акты суть всегда и акты «страдательные», жестокие, а не акты, доставляющие удовольствие*? И на этот вопрос дано было множество тонких и остроумных ответов.

Одни говорили, что жестокость и страдательность кар объясняется отсутствием у карающих сострадания или понимания чужого страдания, как это бывает у детей. Другие объясняли жестокость кар тем, что причинение страданий другому доставляет чувство удовольствия, происходящее от сознания своей силы. Третьи «удовольствие наказания» видели не в чувстве собственного могущества, а в том, что это удовольствие происходит в силу закона контраста: чужое страдание в силу контраста возбуждает в нас чувство удовольствия, в силу чего-де и совершают люди карательные акты. Четвертые — потребностью в психических «потрясениях» и в новых эмоциональных возбуждениях, каковые будто бы даются актами жестоких кар. Пятые ссылались на закон эволюции, на то, что страдательность кар есть пережиток зверства и т. д. и т. д.**

Все эти гипотезы и теории, частично правильные, частично односторонние, по существу дела здесь не так уже необходимы и, во всяком случае, при всем своем остроумии не делают указанную связь преступления и наказания, наказания и страдания более ясной, чем она непосредственно дана каждому из нас в наших переживаниях... Иначе говоря, *мы считаем даже самую постановку подобных вопросов — ложной, а самую проблему: почему преступление вызывает наказание, а наказание носит страдательный характер — лжепроблемой.*

Вопросы: «почему и отчего» не возбраняется, конечно, ставить относительно чего угодно. Но эта потенциальная возможность их

---

* См. изложение главнейших теорий: *Фойницкий И.Я.* Учение о наказании, гл. I, а также соответственные места курсов *Таганцева, Кистяковского, Бернера—Неклюдова, Сергеевского* и др. См. также: *Чубинский М.П.* Уголовная политика. Ярославль, 1909, ч. II и ч. III.

** См. изложение и литературу по этому вопросу у *Steinmetz'a.* Etnologische Studien zur Ersten Entwicklung der Strafe. 1894, т. I, части I и II.

постановки не равносильна действительной возможности ставить их и отвечать на них. Можно, например, спрашивать: почему сумма углов евклидовского треугольника равна двум прямым, а квадрата — 4d; почему корова имеет четыре ноги, а не две, почему объем газа обратно пропорционален давлению или почему «тела от нагревания расширяются»? Ставиться эти «почему» могут. Но так же ясно, что все ответы на эти вопросы сведутся к положению: «потому, что между данными явлениями существует причинная или функциональная связь», т. е. связь необходимо неизбежная. Иначе говоря, мы приходим в этих случаях к тому же, из чего и исходили, т. е. к ответу: «потому, что потому». То же следует сказать и о связи преступления и кары, кары и страдания. Оскорбление, вражда и карательный акт связаны причинно и неизбежно с преступлением. Симпатия, каритативность и наградной акт связаны причинно с подвигом.

Такова связь, в этой ее неизбежности и ее объяснение. Нам остается констатировать эту связь, сказать, что это «должно быть так в силу того, что это происходит так»... и только... Если кому-нибудь нравится больше фраза: что «таков закон природы или закон человеческой психики» — можно пользоваться и подобным «объяснением»... Сами же гипотезы в этой области и ряд теорий в области проблемы о «целях наказаний» исследователь должен из «объясняющих теорий» превратить в «факты», которые следует анализировать и о которых позволительно спрашивать: почему в данную эпоху данный индивид целью наказания считал возмездие, в другую эпоху — охранение своей и общественной безопасности, в третью — исправление преступников и т. д. При такой постановке сами эти «гипотезы» превращаются уже в факты и при надлежащем изучении позволяют обнаружить интересные взаимоотношения между структурой общества — с одной стороны, и формами наказания — с другой; между закономерностью развития преступлений и наказаний, закономерностью, почти независящей от воли индивида — с одной стороны, и ее отражением в сфере идеологии — с другой.

Многие исследователи думали и еще думают, что явления преступности, ее характер, ее увеличение или уменьшение, линии ее развития, а равно и характер наказания, увеличение или уменьшение его жестокости, его формы и виды и т. д., — что все это дело воли индивида или группы индивидов, что придать тот или

иной характер преступлению и наказанию зависит от их желания и воления, что установление их форм — есть дело «произвольного» и «намеренного» акта индивидов, и пытались объяснить все эти явления, исходя из анализа отдельной личности. Однако изучение исторической действительности показывает, что все эти тезисы малоосновательны, и, исходя из них, невозможно хоть сколько-нибудь расшифровать сложный узор, вытканный историей.

Историческое изучение преступлений и наказаний, подвигов и наград действительно убеждает в закономерности их поступательного хода. Но эта закономерность — закономерность sui generis, отличная от того, что хотели и чего добивались индивиды, бывшие «виновниками» и «установителями» кодексов, определявших, что есть преступление и что есть наказание и для какой цели предназначено последнее. Они думали одно, а историческая действительность заставляла ими же установленные «нормы» осуществлять совсем другое.

Устанавливая ту или иную систему наказаний и обосновывая эту систему на тех или иных принципах, они думали, что это «они творцы этой системы», что она необходима именно вследствие тех оснований, которые формулировали они и из которых они сами исходили при организации этой системы. Но, как мало можно верить в создание государства волением отдельных индивидов, не раз считавших себя его творцами, — так же мало приходится верить и в индивидуально-волевое и намеренное создание кодексов, систем наказания и вообще в регулирование преступно-карательных и подвижно-наградных процессов. Их закономерность — иная закономерность, а потому и вопросы о праве наказания и цели наказания в их обычных постановках мало помогут при исследовании действительности в сфере преступлений и наказаний, подвигов и наград.

Иное дело их значение и постановка в науке практической, исходящей из принципа *долженствования* и строящей программу сознательного регулирования соответственных явлений сообразно с тем или иным идеалом «основной нормы», из которого она исходит и должна исходить. Я разумею уголовную политику. Здесь они уместны и разумны. Но и она может быть действительной практически-плодотворной наукой лишь в том случае, когда опирается на теоретическую науку, изучающую с точки *зрения сущего*

действительные причинные связи, данные в исторически-социальной действительности. Как медицина опирается на биологию, как агрономия — на анатомию и физиологию растений, вместе с органической химией, как практическая технология опирается на химию и физику, и как каждая из этих практических наук только тогда стала плодотворной, когда развились соответствующие теоретические науки, так и уголовная политика только тогда будет действительной «социальной терапией», когда наука уголовного права сумеет сформулировать ряд действительных причинных законов. А их еще мало. Только сдвиг, произведенный в ней антропологической и в особенности социологической школой дает основание надеяться, что криминалистика выходит на настоящую дорогу, идя по которой она может быстро достигнуть весьма плодотворных результатов.

Все *сказанное о преступлениях и наказаниях, mutatis mutandis, применимо и к подвигам — наградам.*

§ 2. Условия «вменения» преступления и подвига

Итак, на вопросы: почему за преступлением следует наказание, за подвигом — награда, почему наказание принимает всегда отрицательную по адресу преступника реакцию, а награда — положительную по адресу услужника, — мы отвечаем, что это вопросы праздные, ибо такова причинная связь, ибо так это должно быть *в силу того, что это так.* И наказание, и награда могут принимать самые разнообразные формы и иметь самые разнообразные степени — но у всякого индивида, *коль скоро он квалифицирует тот или иной акт того или иного субъекта — как преступный или как услужный — в силу психической необходимости — неизбежно или карательное, или наградное реагирование в той или другой форме,* начиная с внутреннего недовольства и мягкого порицания и, соответственно, переживания симпатии и одобрения и кончая убийством и самопожертвованием.

Такого рода категорическое утверждение может показаться весьма и весьма сомнительным. Казалось бы, ряд самых обычных явлений представляет полное противоречие со сказанным. В самом деле, разве редкость, что люди совершают преступление и остаются безнаказанными? Точно так же разве редкое явление

«неблагодарные свиньи», которые не обнаруживают никакой наградной реакции в ответ на услугу, сделанную для них? Мало того, разве не бывает так, что человек часто не только не награждает «услужника», а наоборот, в ответ на подвиг реагирует местью и карательными актами? Как же после всего этого можно говорить о том, скажут нам, что подвиг неизбежно вызывает награду, а преступление — наказание? Или же вы попытаетесь отрицать эти всем известные факты?

— Нет, — ответим мы, — мы отрицать их не будем и вполне допускаем их бытие. Но это не мешает нам настаивать на выставленном тезисе по той простой причине, что все эти и подобные факты нисколько не противоречат сказанному.

В самом деле, тот факт, что бывают преступления, не влекущие за собой кару вследствие того, что эти преступления не раскрыты, — означает не что иное, как то, что эта неизвестность преступления и преступника равносильна их небытию.

Может быть, в данный момент кем-нибудь и совершен акт преступный, но раз я о нем не знаю, то разве это не равносильно несуществованию преступника для меня? А раз нет для меня преступления, как же я могу реагировать на него карательным актом?

То же самое относится и к награде. Если кем-либо совершена мне услуга, но о ней я не знаю — это равносильно для меня небытию подвига. А раз нет подвига, нет и реакции на него. Сказанным «снимается» одно противоречие.

Второе возражение гласит: часто некоторым людям совершается услуга, а они ничем не реагируют в ответ и являются теми существами, которых прозвали «неблагодарными свиньями».

Ответом может служить анализ поведения крыловской неблагодарной свиньи; дуб оказывал ей ряд услуг, питая ее желудями, давая ей кровь и т. д., а она в ответ, вместо награды, стала подрывать у того же дуба корни. Поведение этой человекообразной свиньи великолепно разъясняет суть дела. Она подрывала корни дуба именно потому, что не считала «акты» дуба услугами и нисколько не связывала с дубом существование желудей и т. п.

«Пусть сохнет, — говорит свинья, — ничуть меня то не тревожит, в нем проку мало вижу я. Хоть ввек его не будь, ничуть не пожалею, лишь были б желуди, ведь я от них жирею».

И нужно было нравоучение дуба, чтобы свинья осознала, что дуб оказал ей множество услуг. Эта свинья психически не осозна-

вала, что дуб есть субъект подвигов, а потому и была неблагодарной. И здесь незнание подвига — равносильно для незнающего его небытию, а отсюда понятно, что ждать «благодарности» не приходится. Точно так же обстоит дело и со всеми человекообразными «неблагодарными свиньями». Сказанное снимает второе возражение.

Аналогично обстоит дело и в тех случаях, когда человек реагирует на услужный акт не только не наградой, как должно было бы быть согласно тезису, а напротив, реагирует карательным актом. И здесь кроется то же «недоразумение», которое прекрасно иллюстрирует и разъясняет другая басня того же Крылова «Пустынник и медведь». Альтруистический медведь самым искренним образом хотел оказать пустыннику услугу, хватив его булыжником по лбу с целью отогнать беспокоившую пустынника муху. В психике медведя и других сходных «медведей» этот его акт был услугой. Но едва ли бы он был признан услугой пустынником. Последний, вероятно, счел бы его за преступный акт покушения на его жизнь, а потому, если бы он остался жив, едва ли бы реагировал на услугу медведя наградным актом.

Этот случай прекрасно разъясняет «непонятность» того, что бывают «изверги», которые, вместо того чтобы отблагодарить благодетеля, ему же мстят. — Как видно из сказанного, «извергов» в мире нет, а есть только люди, не понимающие друг друга, представления которых о «должном», подвиге и награде различны, а равно различны и способы символизации или реализации этих психических переживаний. Отсюда — и кажущаяся правдоподобность того, будто бы бывают случаи, когда на подвиг реагируют карой, а на преступление — наградой.

Таких случаев нет, а есть только люди, не понимающие друг друга, когда один совершает акт, квалифицируя его подвигом и ожидая награды, а другой, благодаря иным убеждениям, этот же акт считает преступлением и потому отвечает на него как на преступление — карой. Возьмите Христа, Сократа, Гуса, Бруно и других мучеников науки и правды. Они несомненно совершили ряд величайших подвигов, с нашей точки зрения.

Отсюда уважение, преклонение, восхищение, чествование и обожествление их — как различные формы наших наградных реакций. Но общество, окружавшее их, смотрело иначе на их поведение. Их акты были для него — акты преступные; а поэтому и

неизбежна была карательная реакция по их адресу со стороны общества.

Сказанное объясняет и обратное положение дела, а именно кажущуюся возможность наградной реакции без услуги или кары без преступления. Нередко в жизни бывает так, что кто-нибудь совершает поступок, вовсе не имея в виду оказать этим кому-либо услугу или вовсе не думая, что этим он совершает преступление. Но другой, благодаря различию его морального сознания, квалифицирует этот поступок то как преступление, то как подвиг и соответственно реагирует на него. Мне, например, самому пришлось однажды очутиться в подобном положении. Во время своих этнографических исследований среди зырян, живущих по Мезени и Вашке, я вошел в один дом и разговорился с хозяином, встретившим меня очень приветливо. Каково же было мое удивление, когда в середине нашей беседы он вдруг ее прерывает и, с оскорбленным видом указывая мне на дверь, предлагает уйти. Я, понятно, недоумевал и искал причин такой неожиданной «немилости». Как потом разъяснилось, мое преступление заключалось в том, что я машинально закурил в доме, не зная, что его хозяин фанатичный старовер. Мой акт курения он счел преступлением, и понятно, что сразу же отреагировал на него наказанием в форме «изгнания» меня из дому и не совсем лестных по моему адресу эпитетов.

А такими «недоразумениями», как известно, кишит социальная жизнь и взаимоотношения людей между собою.

Из сказанного следует, что все эти противоречия суть «кажущиеся» противоречия, нисколько не ослабляющие силу выставленного тезиса. Отсюда же следует и такого рода вывод, весьма важный с точки зрения практической:

Для того чтобы услуга или преступление по адресу кого-нибудь вызвала со стороны ли адресата или со стороны других наградную или карательную реакцию, необходимо: a) сходство квалификации акта той и другой стороной в качестве услуги или в качестве преступления. Если этой «однородной оценки» нет — не будет и реакционных эффектов. А так как эта однородная оценка зависит в конце концов от одинакового понимания должных, запрещенных и рекомендованных актов — то необходимо единство *морального сознания*; *b) кроме этого психического единства, необходимо еще и сходство самих форм объективации психических переживаний.* Если

бы кто-нибудь любовь выражал побоями и эпитетами вроде «подлец», «негодяй» и т. д., горе — «счастливым смехом и веселыми плясками», ненависть — поцелуями, а другой — объективировал бы те же самые чувства обычным способом: любовь — лаской и словами «дорогой, милый» etc., горе — плачем, грустным видом и т. д.*, то, конечно, недоразумениям не было бы конца.

Как увидим ниже, наличие или отсутствие этой «внутренней и внешней гомогенности»[4] играет весьма важную роль в области социальных отношений и взаимодействий.

Таково главное условие «вменения» преступления и наказания, т. е. условие, при котором то и другое *спонтанно* вызывают либо карательную, либо наградную реакцию.

Итак, при данных условиях мы должны принять, что наш тезис, утверждающий *самопроизвольную* связь преступления и наказания, подвига и награды, — не опровергается приведенными «противоречиями». И ряд других противоречий, которых мы приводить здесь не будем, при тщательном анализе окажется только одной «видимостью». Даже так называемые акты «прощения вины», и эти акты не являются противоречием сказанному, так как само «прощение» возможно только при наличии ряда условий, сводящих «на нет» преступность преступления (малолетство преступника, его незнание и т. д.; см. ниже) и не позволяющих «вменить» преступный акт «в вину», или же при наличии новых актов со стороны преступника, психологически компенсирующих «обиду и оскорбление», причиненное преступлением (унизительная мольба о пощаде, искреннее выражение извинения, совершение ряда услужных актов и т. д.). Да помимо всего это следует из того, что всюду, везде и всегда были те и другие реакции.

Ввиду этого вполне прав Зиммель**, когда говорит: Nun bestehen aber unzählige Beziehungen, für welche die Rechtsform nicht eintritt, bei der von einem Erzwingen des Aequivalents für die Hingabe nicht die Rede sein kann. Hier tritt als Ergänzung die Dankbarkeit ein (Dankbarkeit Зиммеля почти тождественно с нашим понятием услуги — награды), jenes Band der Wechselwirkung, des Hin und Hergehens von Leistung und Gegenleistung auch da spinnend, wo kein äusserer Zwang es garantiert[5].

---

* См. выше 1-ю главу и «Символы в общественной жизни».

** *Simmel G.* Soziologie, S. 590; см. также: *Новиков Я.* Mécanisme et limites de l'association humaine. Paris, 1912, passim.

Из дальнейших условий, определяющих собой «вменение или невменение»* преступления и подвига, а следовательно, и наступление или ненаступление кар и наград, условий, которые потенциально все уже даны в выставленном выше основном положении, а также в самом понятии преступления — наказания, подвига — награды, по отношению к преступлению ряд этих условий отдельно отмечен наукой уголовного права и даже весьма и весьма тщательно сформулирован и схематизирован. Поэтому в pendant к этим положениям мы кратко наметим ряд аналогичных положений (mutatis mutandis) по отношению к подвигам. Но, повторяем, все эти условия уже подразумеваются в теореме «гомогенности морального сознания и внешней объективации его», сформулированной выше.

А) *Для того чтобы какое-нибудь действие кем-нибудь квалифицировалось как услуга (или как преступление), необходимо, чтобы это было действие субъекта услуги (или преступления).* Если дано действие, которое по своему материальному содержанию могло бы быть услугой (или преступлением), но это действие совершено существом, которое, по моему убеждению, не может быть субъектом услуги (или преступления), например, корова насмерть забодала человека, — то, само собой разумеется, что это действие не является для меня ни услугой, ни преступлением.

Так как область возможных субъектов услуги (и преступления) в различные исторические эпохи, а равным образом в одну и ту же эпоху была различна для различных людей (см. ниже), то вполне понятно, что одни и те же действия и поступки, как в прошлом, так и в настоящем, для одних могут быть услугой (или преступлением) и могут со стороны их повлечь или наградную, или карательную реакцию, тогда как для других лиц — эти действия не могут быть ни услугой, ни преступлением, ибо они совершены такими существами, которые, *с их точки зрения*, не могут быть субъектами услуг (или преступлений).

---

* «Вменение» какого-нибудь акта в качестве преступного или услужного, а соответственно и [квалификация] лиц, его совершивших, в качестве преступников или подвижников для нас равносильно тому, квалифицирует ли кто-нибудь этот акт, как преступный, или не квалифицирует. Если квалифицирует, значит, «вменяет», значит, для данного лица есть преступление.

Если не квалифицирует, значит, не «вменяет», значит, для данного лица нет преступления, т. е. «преступный» по виду акт для него оказывается актом не преступным.

Для первобытного человека, для человека средних веков и для многих людей (анимистов[6]) нашего времени услугой или преступлением были действия не только людей, но и животных, и растений, и сверхъестественных существ, тогда как для современного правосознания субъектами услуг (и преступлений) могут быть только люди, и притом обладающие «нормальной волей и нормальным сознанием». Всякое действие «невменяемого» субъекта тем самым не является ни услугой, ни преступлением, ибо оно совершено «невменяемым» субъектом, т. е. существом, которое попросту не может быть субъектом услуги (или преступления).

Вообще это положение позволительно сформулировать так: область вменяемых с чьей-нибудь точки зрения услуг (и преступлений) совпадает с областью действий существ, представления которых наделяются свойствами, аналогичными свойствам человека. Чем шире область подобных субъектов, тем шире область вменяемых субъектов, чем она уже — тем уже последняя. Для решения вопроса: действия каких существ могут быть квалифицируемы как услуги или преступления, т. е. какие существа могут быть вменяемыми в каждую эпоху с точки зрения какого-либо индивида, — следует обратиться к изучению того, какие предметы (и существа) этим индивидом наделялись свойствами, аналогичными свойствам человека. Решение последнего вопроса дает решение первого. Вообще, тот или иной ответ на вопрос, ктó может быть субъектом услуги (или преступления), вполне определенно предрешает и вопрос о вменении.

Если, с моей точки зрения, субъектами могут быть только люди, обладающие «нормальной волей», пониманием свойств совершаемого поступка, знанием причинной связи между действием и его следствиями, знанием того или иного отношения закона к данному действию и т. д., — то, очевидно, какие угодно действия других существ, в том числе и людей, но людей, «ненормальных» вообще или в момент совершения действия не удовлетворяющих данным условиям, — не будут мной квалифицироваться как услуга (или преступление) и не вызовут поэтому наградно-карательных реакций. Точка зрения дикаря сходна с этой, но она приписывает эти свойства почти всем существам и предметам; отсюда понятно, что он почти все явления и

квалифицирует как услуги или преступления и соответствующим образом реагирует на них.

В) В pendant к понятиям уголовного права: крайняя необходимость, необходимая самооборона, физическое принуждение и угроза, исполнение закона или права и т. д., нечто аналогичное можно указать и в области услуг... Все эти условия, делающие известный акт непреступным или смягчающие вину, суть по существу простой тавтологический вывод из понятия преступления: ясно, что исполнение закона, исполнение кем-нибудь его «долга» не может быть преступлением с его точки зрения, ибо оно не обладает теми признаками, которыми обладает преступление. Точно так же акт, совершенный кем-нибудь под влиянием угрозы или принуждения, очевидно, не может быть с точки зрения официального правосознания преступлением, ибо в данном случае нет субъекта преступления с его «намерением», свободной волей и т. д., т. е. налицо «невменяемый субъект».

Аналогичные состояния в области услужно-наградных отношений исключают возможность квалифицирования какого-нибудь действия субъекта услуги в качестве услуги. Их не стоило бы перечислять, ибо они сами собой вытекают из понятия услуги, но, следуя традиции, кратко укажем на них.

а) Так как услуга есть не *обязательное* — принудительное, а *добровольное* действие, то вполне понятно, что какое-нибудь действие X'-а, по своему материальному характеру являющееся услугой, не будет мной квалифицироваться как услуга, если оно совершено под условием принуждения или угрозы... Так, например, если во время войны захваченный пленник под страхом казни дает необходимые сведения о своем войске, то его действие вовсе не считается услугой. Напротив, подобного пленника или «услужника» очень часто, вместо награды, наказывают смертью, мотивируя это тем, что раз он под влиянием угроз другим изменил, то изменит и тем, кому оказал услугу. История войн дает немало подобных примеров. Один из них дает «Илиада». Здесь Долону, под влиянием угроз сообщившему все необходимые сведения о войске троянцев, Диомед отвечает:

Ты на спасенье, Долон, понапрасну в душе не надейся,
Давши полезный совет оттого, что попал в наши руки.
Если теперь мы тебя назад отошлем и отпустим,
После ты снова придешь к кораблям быстроходным Ахейцев,

С тем, чтоб высматривать тайно, иль с нами открыто сражаться.
Если ж, моею рукой укрощенный, ты жизни лишишься,
Больше уже никогда повредить Аргивянам не сможешь*.

Как известно, добровольное сознание в совершенном преступлении смягчает вину и наказание за него. Это добровольное сознание есть «услуга», которую преступник оказывает правосудию, особенно тогда, когда оно совершенно и не подозревает о преступлении. Иначе обстоит дело тогда, когда преступник под влиянием улик и показаний «принужден» сознаться. Тогда его признание не может быть услугой.

Эта добровольность «услуги» отразилась и на нравственных теориях и крайнее и наиболее резкое выражение нашла в кантовской абсолютно автономной моральной воле или в его нравственном законе, как самоцели, согласно которому нравственно только то действие, которое совершено всецело на основе нравственного закона автономной, свободной и доброй воли[7]... Вообще, из самого понятия услуги уже вытекает, что всякая принудительная услуга — не есть услуга и потому не вызывает награды**.

b) Точно так же из самого понятия услуги вытекает, что всякое действие, которое по содержанию могло бы быть услугой, совершенное во имя закона или долга (т. е. опять-таки «обязательства» и принуждения), не есть услуга, а есть просто исполнение долга...

Солдат, умирающий на войне; городовой, спасающей меня от нападения хулигана; почтальон, приносящий мне ежедневно почту; дворник и прислуга, ежедневно оказывающие нам множество «услуг»; учитель, обучающий нас наукам, и т. д. — все они оказывают и делают множество действий, которые могли бы быть услугами, но ввиду того, что эти действия — их «долг», ввиду того, что они исполняют только свою обязанность, т. е. действуют согласно «должным» шаблонам поведения, — ввиду этого их действия не являются услугами... Иначе обстоит дело, если меня освободит от хулигана человек, не обязанный к этому (по моему убеждению); если мне письма, газеты и посылки принесет не поч-

---

* Илиада, п. X, стр. 163.

** Отсюда понятно, что чистота «внутренних» мотивов и их бескорыстность и добровольность, часто выставлявшихся в качестве признаков, отличающих нравственные явления от правовых, есть лишь простой вывод из понятия услуги. См., напр[имер]: *Таганцев Н.С.* Op. cit., § 6.

тальон, а кто-нибудь другой, добровольно делающий это; если меня будет обучать кто-нибудь, не обязанный это делать, — в этом случае действия этих лиц уже будут услугами, ибо они добровольны, не противоречат «должным» шаблонам и являются сверхнормальными.

Ввиду этого все «услуги», которые кем-либо совершаются по отношению к нам в силу нашего правопритязания или нами в силу правопритязания других, — не есть услуги и потому не влекут соответствующих наградных реакций, выражающихся тем или иным образом.

Вообще, дедуктивно можно предвидеть, что все те случаи, которые перечисляются в курсах уголовного права как уменьшающие наказание или вовсе его уничтожающие (опьянение, бессознательное преступление, малолетство, состояние аффекта, лунатизма, сна и т. д.), соответствующим образом отражаются и на оценке услуг и влекут смягчение или уничтожение наградной реакции...

c) Опять-таки, подобно преступлению, для того чтобы услуга могла квалифицироваться как услуга, недостаточно, чтобы она была только в сознании субъекта услуги; в этом случае она неизвестна никому и поэтому не может возбудить никакой наградной реакции. Услуга, как и преступление, должна так или иначе выразиться во внешних действиях и поступках. И здесь можно различать некоторую градацию внешних проявлений услуги и соответственно с этим градацию наград. В уголовном праве обычно различается: умысел, приготовление, покушение, неудавшееся преступление и совершение преступления; причем голый умысел, приготовление и в известных случаях покушение (поскольку оно было прекращено самим преступником) с точки зрения современного уголовного права считаются ненаказуемыми; неудавшееся преступление наказывается легче, а совершение преступления наказывается всего сильнее.

Приблизительно то же наблюдается и относительно услуг. Голый умысел совершить услугу обычно не влечет за собой никакой награды, т. е. не считается за услугу. Мало ли кто не думает о различных подвигах, начиная хотя бы с лежащего на диване Обломова или мечтателя Ромашова («Поединок» Куприна) и кончая теми, имена коих ты Господи веси, и, однако, все эти мечты, оставшиеся мечтами, не вызывают вообще никакой наградной ре-

акции. Сколько солдат мечтало о подвигах, но за одни мечты они Георгия не получали. Сколько людей мечтало быть поэтами, но раз этот умысел ничем не проявился вовне — они не делались действительными поэтами. Сколько молодых и старых людей имело умысел сделать важное открытие — и, однако, за один умысел им не дают ни кафедр, ни ученых степеней.

Первой степенью внешнего проявления услуги, согласно терминологии уголовного права, является приготовление к ней, т. е. «поставление себя в возможность совершить услугу». Например, если я хочу сделать ради блага людей великое техническое изобретение (услуга обществу), то под приготовлением будет разуметься ряд действий вроде приобретения бумаги, приборов для чертежей, необходимых инструментов для создания модели или опыта и т. д.

Как в уголовном праве приготовление к преступлению, за некоторыми исключениями, не влечет за собой наказания, так и здесь приготовление к услуге не влечет за собой (за некоторыми исключениями) награды...

Примеров, подтверждающих это, можно привести сколько угодно. Действия того же изобретателя, остановившиеся на стадии приготовления, не вызывают никаких наградных реакций со стороны кого бы то ни было... Человек, намеревающийся спасать кого-нибудь тонущего и ограничивающийся только сниманием одежды, никем не считается совершителем услуги. С оттенком иронии про такого спасателя говорят: «Спасибо и на том, что хотел спасти». Только в том случае, когда это приготовление к услуге само уже выражается в известной (хотя и в другой) услуге — только в этом случае оно квалифицируется как услуга и влечет за собой ту или иную награду... Конкретным примером последнего случая может отчасти служить Колумб, приготовлявшийся открыть прямой путь в Индию и в приготовлении к этому открывший Америку.

Третьим этапом выполнения услуги служит покушение на услугу. И здесь, в pendant к преступлению, общая суть дела такова, что покушение, прерванное по воле автора, не награждается, ибо оно служит показателем банкротства и несостоятельности данного лица совершить услугу, тогда как покушение на услугу, прерванное по «независящим обстоятельствам», — в иных случаях награждается и квалифицируется как услуга. Конкретными примерами могут служить различные случаи «испытания» в различных областях жизни: испытание влюбленного, от которого требуется в знак

любви со стороны его возлюбленной тот или иной подвиг; это покушение на подвиг (например, смерть), не доведенное до конца благодаря вмешательству самой же возлюбленной, обычно награждается так или иначе. Солдат, решивший взорвать пороховой погреб неприятеля и не доведший до конца свое намерение, уже проявившееся в ряде действий, благодаря только приказанию командира, — считается обычно также достойным награды и т. д.

Дальнейшими ступенями служат неудавшаяся услуга и совершение услуги... То и другое обычно награждается... Примером этой награды может служить признательность общества человеку, бросившемуся спасать другого (утопающего, например) и не спасшего его лишь благодаря тому случайному факту, что первый успел захлебнуться раньше, чем подплыл к нему второй.

Высшая степень награды падает, конечно, на удавшуюся услугу...

Конечно, эта градация различных стадий и соответственных степеней наград в области услуг может быть лишь весьма относительной и, ввиду отсутствия соответственного официального права, менее резкой, чем в области уголовного права. Однако, как видно из сказанного, и в области услуг имеется налицо известная градация, весьма близкая к рубрикам уголовного права...

Помимо приведенных примеров суммарными примерами, доказывающими пропорциональную градацию различных наград и различных стадий услуги, могут служить многочисленные факты различных конкурсов и состязаний (авиация, конкурс сочинений, пьес, памятников, моделей, лыжные, беговые, футбольные состязания и т. д.). Все участвующие в подобных конкурсах и состязаниях могут быть рассматриваемы как субъекты, желающие совершить тот или иной подвиг.

Но не все получают одинаковые награды. Одни из участвующих ограничиваются только приготовлением к услуге и, вполне понятно, не получают никакого «приза» или «премии». Другие принуждены ограничиться только «покушением», третьи — «неудавшимся совершением услуги» и немногие или один — совершением услуги. Соответственно этим степеням совершения услуги распределяются и премии или призы. Один получает первый приз, другой — второй, третий — третий и т. д., а большинство — никакого приза.

Конечно, все сказанное относится к современной психике, и вполне возможно, что в прошлом, хотя указанная градация и была

(рыцарские турниры, подвиги богатырей, требуемые от них для получения руки какой-нибудь принцессы в старинных русских сказках и т. д.), но она была менее сложной и менее дифференцированной. Относительно преступлений это видно из того, что чем древнее уголовные сборники, тем меньше в них указанных делений.

То же, вероятно, было и в области услуг и наград.

d) Дальнейшим явлением в области услуг, аналогичным соответственному явлению в области преступления, служит *участие* в услугах. И в области услуг можно различать нечто подобное разделению участия на участие необходимое и случайное. Бывает ряд услуг, которые индивидуальными силами никоим образом не могут быть выполнены... (например, некоторые номера цирковых акробатов, некоторые состязания, например, футбольный спорт и т. д.). В этих случаях и соответственная награда падает не на одного, а на всех участников (или в равной, или в неравной степени). В случае коллективного научного открытия награда падает на долю всех участников. Отряд солдат, отличившихся в защите или в нападении на неприятеля, — следующий пример коллективного подвига. В области подвига, конечно, нельзя говорить о виновности, пособничестве и прикосновенности, но можно говорить о различных степенях соучастия и сообразно с этим — о различных степенях награды. Если роль всех участников в услуге была приблизительно одинаковой — приблизительно одинаковой становится и награда каждому. В «Илиаде» Одиссей и Диомед, схватывающие лазутчика Долона, узнающие о расположении троянцев и избивающие их, играли приблизительно одинаковую роль, а поэтому получили приблизительно и одинаковую награду.

Степеней участия в услуге, конечно, может быть много, и нет возможности, да и надобности ограничивать количество их двумя, тремя или большим числом; важно лишь то, что *награда падает и на долю соучастников, и тем в большей степени, чем важнее было соучастие каждого в данной услуге.* Афина и Гера, воодушевляющие ахейцев, Аполлон и Афродита, воодушевляющие троянцев, Гефест, приготовляющий оружие Ахиллу, богач, жертвующий деньги на устройство научного института, ученый — специалист в одной области, дающий специальные данные, необходимые для работы другого ученого, даже механик авиатора, исправно и точно устанавливающий аппарат, и т. д. и т. д. — вплоть до фактов простого ободрения и выражения сочувствия кем-либо кому-нибудь,

намеревающемуся совершить подвиг, — все это факты участия или соучастия в той или иной услуге, которые могут быть разделены на различные степени и в которых при желании можно, пожалуй, даже провести различия, классифицируя одни факты соучастия как прикосновенность, другие — как пособничество, третьи — как виновность.

Но это, ввиду отсутствия наградного права, пока излишне, а важно лишь то, что степень награды, падающей на долю каждого участника, более или менее соответственна степени важности участия в подвиге каждого участника. Конечно, конкретное понимание степени важности может быть различно в различные исторические эпохи и зависит в конечном счете от знания подлинных причинных связей между действиями индивида и следствиями этих действий для услуги. Этого знания раньше не было (да и теперь нельзя еще этим похвастать), поэтому понятно, что сплошь и рядом раньше важное значение придавалось таким участникам в услуге, которым мы не придаем никакого значения (например, участие шамана или знахаря в выздоровлении кого-нибудь). Может быть и наоборот. *Распределение наград, следовательно, производилось сообразно с тем, каковой казалась близость и важность участия каждого участника в данной услуге.*

(Например, Моисею, по воззрению евреев, приписывалась чуть ли не вся победа над амаликитянами: когда он поднимал руки — евреи побеждали, когда опускал их — были побеждаемы. Вполне понятно, что и награда за подобную важную роль в победе ему должна была быть наибольшей[8].)

Таковы основные условия вменяемости услуг (и преступлений), а следовательно, и условия, отсутствие которых уничтожает «преступность» или «услужность» акта, а тем самым и возможность карательной или наградной реакции.

§ 3. Об элементах преступного и услужного акта*

Установив основные понятия преступления и наказания, подвигов и наград, теперь мы можем перейти уже и к более детальному анализу преступных и услужных актов, т. е. к тому, что в

* В данной главе, как и везде, имеется в виду не точка зрения уголовной или наградной *политики (должного)*, а точка зрения *теории* преступлений и подвигов, кар и наград *(сущего или бывшего)*.

области уголовного права носит название учения о составе преступления. План нашего анализа мог бы быть таким, что мы в pendant к делению уголовного права на учение о преступлении и учение о наказании могли бы точно так же и наградное право разбить на учение о подвиге и учение о награде. Далее, в pendant к четырем основным моментам или признакам преступления* мы могли бы установить соответственные моменты и относительно подвига. Но так как из установленных выше положений вытекает необходимость иного подразделения — то мы не последуем целиком этому принятому делению и пойдем по несколько иному пути.

Согласно установленному выше, преступление и подвиг есть прежде всего *акты*, или акты действительные, или акты воображаемые. А понятие акта в свою очередь предполагает представление *субъекта*, его совершившего, представление *адресата* этого акта (дестинатора), в пользу которого или против которого совершены услуга и преступление; представление тех или иных действий, из которых состоит *акт (объектное представление)* и далее ряд *модальных* представлений: времени (когда совершен акт), *места* (где), ряд вещных представлений и т. д.**.

Сообразно с этой классификацией мы и построим формальное учение о преступлениях и подвигах. Но ввиду того, что здесь обнаруживается полная параллель между преступлением и подвигом, и ввиду того, что формального учения о подвигах еще нет, — мы в дальнейшем, в видах экономии, — будем говорить лишь о субъектах, объектах, дестинаторах etc. подвига, предполагая, что все сказанное об элементах услужного акта, с соответственными изменениями, применимо и к преступному акту...

---

* «Существенно-необходимые признаки, из которых слагается состав преступления как родового понятия, следующие: а) субъект преступления или совершитель преступления, б) объект или предмет, над которым совершается преступление, в) отношение воли субъекта к преступному действию или внутренняя его деятельность, г) самое действие и его последствие — дело или внешняя деятельность субъекта и ее результаты» (*Кистяковский А.Ф.* Op. cit., с. 265; *Сергеевский Н.Д.* Op. cit., отд. III; *Бернер А.Ф.* Op. cit., с. 338, 448; *Таганцев Н.С.* Op. cit., с. 366-367 и др.).

** См.: *Петражицкий Л.И.* Теория права, т. I, с. 75 и сл.; т. II, § 29-34, где установлена эта классификация нравственных (в его смысле) переживаний, и откуда ее заимствую я.

О субъекте подвига или услуги (и преступления)

Под субъектом подвига (или преступления) мы разумеем представление того лица, которому кем-либо приписывается совершение услужного (или преступного) акта по отношению к кому-нибудь.

Изучая историческую действительность в данном отношении, мы должны констатировать то, что субъектом услуги (преступления) в различные времена и у различных людей были не только люди, но и воображаемые существа, неодушевленные предметы, растения, животные и абстрактно-групповые лица. Примеров и фактов, подтверждающих это положение, можно привести ad libitum. Ограничусь немногими.

Что отдельный человек может быть субъектом услуги — это несомненно и само собой очевидно. Гораздо сомнительнее случаи, где субъектом услуги могли бы быть: a) фантастические, воображаемые существа, b) неодушевленные предметы, c) растения, d) животные и e) абстрактно-групповые лица. Однако небольшое знакомство с историей религиозных верований, с одной стороны, и небольшая наблюдательность над многими фактами окружающей нас среды — с другой, заставляют вполне положительно ответить на эти вопросы.

a) Как известно, первобытные религиозные верования представляют те или иные тотемистические, анимистические и фетишистские воззрения. Согласно им, весь мир наполнен многочисленными духами, подобными человеческому «я» и воплощенными во всевозможнейших предметах мира. Судьба и счастье как отдельной личности, так и совокупности лиц зависят от воли этих духов, которые могут быть то добрыми, то злыми. Вся категория добрых духов, с точки зрения анимиста, могла быть в ряде случаев и была не чем иным, как категорией субъектов всевозможных услуг. «Зулусы веруют, что тени мертвых воинов их племен находятся среди них в битве и ведут их к победе; но если эти призрачные союзники гневаются и убегают, бой будет проигран»*. Алконкинские индейцы верят, что весь видимый и невидимый мир наполнен различными разрядами добрых и злых духов, которые управляют обыденною жизнью и конечными судьбами человека. «Орисские конды верят в особых духов-по-

* *Тейлор* Э. Антропология. Изд. Билибина, с. 351.

кровителей, которые имеют в своей власти все явления природы, совершающиеся в данном месте, и все события в жизни людей. Число их бесконечно... Они сохраняют холмы, рощи... им известно каждое действие человека, все нужды и интересы местности, находящейся под их властью»*. Многие люди поступают и теперь подобно самоеду, который в случае какой-нибудь удачи благодарит своего божка за услугу, оказанную последним ему... Ахура-Мазда (Ормузд), Ра, Иегова, боги Вед, их свита, дэвы, свита Ахура-Мазды в древнеперсидской религии, современные ангелы, души предков и т. д. и т. д. — все это субъекты услуг для тех лиц, которые веруют в их бытие. Со всеми ними у людей были не только «должные», но и услужные отношения, и ряд их актов сплошь и рядом квалифицировался в качестве «подвига». Стоит взять религиозные гимны и молитвы, чтобы ясно убедиться в этом... Приведу некоторые...

«Слава тебе, создателю всего, господину закона... творцу людей и животных, господину семян, творящему корм для полевых зверей», — так начинается гимн к Амону-Ра. То же читаем и в обращении к Гору. «Божество всех семян, он дает все травы и все плодородие земли. Он вызывает плодородие и дарует его всей земле. Все люди восхищены, все сердца смягчены и радостны, все преклоняются пред ним» (награда за услугу). В гимне к Тегути-Пта читаем: «Ему мы обязаны трудом своих рук, хождением ног, зрением глаз, слухом ушей... и т. д. всем, что в сердце, и всем, что на языке».

В гимнах Вед читаем, например, такие слова в обращении к Индре:

Все от тебя! Ты нам даруешь
Коня, быка, овцу, корову,
Даруешь золото, ставишь
Издревле тех, что правят нами.
С лица земли ты прогоняешь
Зверообразных чернокожих, и т. д.**

Точно так же в законах Ману читаем: «Отпустив брахманов, (домохозяин) молчаливый и чистый, должен просить у предков следующих *милостей*: Да умножаются среди нас щедрые люди!..

---

* *Тейлор Э.* Первобыт[ная] культура, т. II, с. 237 и сл.

** *Мензис А.* История религий. Изд. Павленкова, с. 106 и 240.

Да не покинет нас вера! Да будет у нас возможность давать много неимущим!»*

Очевидно, если эти «милости» посылались предками, то они сами рассматривались именно как субъекты услуги.

Возьмите любое место «Авесты», и вы повсюду находите там ту же мысль о том, что Ахура-Мазда с его свитой есть источник всяких благ и всяких услуг. Стоит взять хотя бы титулы Ахура-Мазды вроде: «Schöpfer der mit Körper begabten Welten, Reiner, Versammler (как творец и собиратель полезных человеку животных и растений), Ausbreiter (добра), beste Reinheit, alle Güter die vom Masda geschaffenen, die einen reinen Ursprung haben, Verstand, mit Verstand begabte, Weisheit, mit Weisheit begabte» и т. д. — чтобы сказанное было очевидным. Он и сам говорит: «*Preise mich*, Zarathustra am Tage und in der Nacht mit Gaben die unter Bitten herbeigebracht werden.

Ich will zu dir kommen zum Schutze und zur Freude, ich der ich Ahura-mazda bin»[9] и т. д.**.

В Библии мы встречаем на каждом шагу наряду с «обязательными» и другие акты Иеговы, квалифицируемые в качестве его услуг. В Коране читаем: «О, дети Израиля! Вспомните о *благодеяниях*, какими я осыпал вас!» «Все хорошее, что случается с тобой, исходит от Бога»*** и т. д.

В Талмуде стоит взять хотя бы славословие после вечернего шема, чтобы видеть то же самое. «Он Царь наш, — говорится там про Бога, — спасал нас от рук царей... Он вызвал души наши к жизни и не дает преткнуться ногам нашим. Он совершает непостижимо-величественные подвиги и неисчислимые чудеса. Он совершил для нас чудеса, отомстил Фараону знамениями и чудесами в области сынов Хама. Он перебил в негодовании своем всех первенцев Египетских и вывел народ свой, Израиля, из их среды на вечную свободу» и т. д.**** Все это не что иное, как перечисление ряда услуг Иеговы.

Я не буду приводить дальнейших примеров. И из сказанного очевидно, что все религиозные системы, поскольку в них есть ве-

---

* Законы Ману, 3, 258-259.

** Avésta. Leipzig, 1863 (пер. Spiegel'a). См.: Vendidat, passim и Khorda-Avesta, S. 29 и passim.

*** Коран Магомета. Изд. Клюкина, «Корова», ст. 38, «Женщины», ст. 81 и т. д.

**** Талмуд (пер. Переферковича). СПб., 1899, т. I, с. 40.

рование в добрых духов, — все они сплошное доказательство того, что некогда субъектами услуг (а равным образом и субъектами преступлений) являлись и были фантастические сверхъестественные существа — дьявол, демон, злые духи, души колдунов и чародеев, Ахура-Мазда*, Ариман и т. д. Этим именно и объясняется культ всякой религии: молитвы, жертвоприношения, обряды и т. д.; все это есть или услуга богам, в свою очередь вызывающая награду со стороны их, или же награда за услугу, оказанную ими (см. ниже).

Помимо всего этого, стоит внимательно приглядеться к окружающей нас среде, чтобы найти любое количество фактов, подтверждающих сказанное. Поэтому вполне прав Л.И. Петражицкий, когда он указывает на божества, как на субъекты прав и обязанностей**. Они же были и субъектами услуг.

b) *Не менее очевидно, что субъектами услуг* (как и преступлений) *были и животные, и растения* в период анимистических и тотемистических верований. С этой целью достаточно указать на различные культы животных и растений: культ деревьев, трав, индусский культ «сомы» и соответствующий ему древнеперсидский культ «хаомы», ассирийский культ пальмы, почитание быков (египетский «апис»), кошек, гиппопотамов, ибиса, крокодила, культ змей и т. д.

Все эти «существа» в этом культе выступают очень часто в качестве субъектов услуг, за что и получают соответствующие награды — жертвы, молитвы и т. д. «Первобытный человек, — пишет Бринтон в своей книге "О религии первобытных народов", — стоял в тесном общении с деревьями. Дупло их служило ему жилищем, ветви — местом убежища, а плоды — пищею. Немудрено, если оно сделалось для него божеством-покровителем».

Другая причина развития культа деревьев заключалась в том, что деревьям приписывали производство дождей. Но от дождей зависит плодородие, поэтому на деревья стали смотреть как на символы жизни и почитать их источником размножения, одинаково стад и людей (отсюда почитание креста как символа дерева)***. Подобное же наблюдается, пожалуй, и в любом культе растения или животного.

---

* Avesta. Vendidad, I-й фрагард, passim.

** *Петражицкий Л.И.* Теория права, т. I, с. 122 и сл.

*** *Ковалевский М.М.* Социология, т. II, с. 266-277.

Харузин, следуя Frazer'у, самый тотем и тотемизм характеризует так: «Тотемом называется *класс* материальных объектов, к которым дикарь относится с суеверным уважением, веруя, что между ним и каждым членом почитаемого класса объектов существует интимная и совершенно особая связь», а эта связь, помимо родства, заключается «в убеждении, *что у данного лица есть свой покровитель в лице определенного вида животных и других предметов*»*.

Само определение тотемизма уже указывает на то, что тотем (групповой или индивидуальный) есть по преимуществу субъект услуг. А так как тотемами являются различные виды растений и животных, то вполне понятно, что каждый из них тем самым для члена соответствующего тотема был и субъектом услуг. Отсюда само собой вытекает и покровительство, и почитание тотема: тотем оказывает покровительство (услуги) данной группе, ergo[10], данная группа, в свою очередь, должна покровительствовать и почитать тотем (награда): не убивать его, не употреблять в пищу, молиться, в честь его устраивать соответственные празднества и т. д.** То тотем группе оказывает услуги и за это получает от группы или индивида ту или иную награду, то, наоборот, группа или индивид оказывает тотему услугу и получает за это ту или иную награду...

Другим доказательством данного положения может служить весьма многочисленный ряд фактов, наблюдавшихся в прошлом и могущих быть наблюдаемыми в окружающей среде. Приписывание гусям чести спасения Рима — вот один из фактов, наиболее характерных в этом отношении. И теперь еще в массе крестьянства не редкость встретить приписывание ряда услуг животным, растениям и сверхъестественным существам (домовой, плетущий

---

* *Харузин Н.Н.* Этнография, т. IV, с. 51. См. также: *Дюркгейм Э.* Les formes élémentaires do la vie religieuse (Paris, 1912), где читатель найдет множество подтверждений того, что и растения, и животные, и неодушевленные предметы, и безличные или сверхлично-абстрактные сущности (каковыми являются, по истолкованию Дюркгейма, тотемические святыни-божества («мана») — были и выступали в качестве субъектов услуг (и преступлений). См. также: *Фрэзер Дж.* Тотемизм и экзогамия. 1910, т. I, с. 3, 4.

** См.: *Харузин Н.Н.* Ibid., с. 74 и сл.; *Ковалевский М.М.* Ibid., гл. X; работы *Спенсера и Гиллена* об австралийцах; *Тахтарев К.М.* Очерки по истории первобытной культуры. Изд-во Антик, гл. V и VI; *Дюркгейм Э.* Les formes... livre III; *Strehlov.* Die Aranda und Loritja — Stämme in Zentral Australien. Франкфурт-на-Майне, 1907.

косы любимым лошадям и делающий их здоровыми и т. д.). Владелец лошади, выигравшей первый приз на скачках, недалек от состояния анимиста, считает лошадь субъектом услуги и соответственным образом вознаграждает ее. То же переживает охотник по отношению к собаке, полицейские по отношению к ищейке, например, русские сыщики по отношению к «знаменитому Трефу» и т. д. и т. д.

c) То же *следует сказать и о неодушевленных* (с нашей точки зрения) *предметах. И они, подобно предыдущим существам, не раз в сознании многих были субъектами услуг.* Лучшее доказательство этого — существование фетишей, тотемов, состоящих из неодушевленных предметов, талисманов, ладанок и т. д. (почитание камней, кусков дерева, у австралийцев «чуринги», «окнаникилла» и т. п.)*.

Из многочисленных фактов этого рода приведу только один, особенно характерный. «Если кто-нибудь из нас, — говорил один негр европейцу-путешественнику, — решается предпринять нечто важное, мы прежде всего отыскиваем бога, который бы помог задуманному предприятию: вышедши с этой целью из дома, мы берем первое встретившееся нам живое существо, а иногда, вместо того, даже и *неодушевленный* предмет, попавшийся нам на дороге: камень, кусок дерева или что-нибудь другое в том же роде. Этому вновь избранному богу приносится жертва вместе с *торжественным обетом, что если ему угодно будет помочь нашим* предприятиям, то на будущее время мы станем *всегда поклоняться ему и чтить его как бога.* Если наше предприятие окончится успешно, это значит, что мы открыли нового и помогающего в делах наших бога, и ему ежедневно приносятся новые жертвы...»**

Здесь чрезвычайно наглядно выступает наградная мотивация, и очень ясен добровольный характер услуги «бога-дерева»...

Я не буду приводить других примеров. Стоит раскрыть любую книгу по истории религиозных верований, и фактов, подтверждающих данное положение, можно найти сколько угодно***.

Если все предметы мира кажутся подобными людям и имеют такое же «я», что и у человека, — то вполне понятно, что и все

---

* См.: «Символы в общественной жизни», где дано объяснение фетишизма вообще.

** *Харузин Н.Н.* Ibid., с. 88.

*** См., напр.: *Тейлор Э.* Первоб[ытная] культура, т. II, с. 210-221 и др.; *Харузин Н.Н.* Ibid., 85-103 и др.; *Ковалевский М.* Социология, т. II, гл. 9 и 10 и др.

предметы, реальные и фантастические, могут быть субъектами услуг. Таково мировоззрение анимиста. Недостаток опыта и знания мешал ему различать между живым и неживым. Та же причина мешала ему различать действительную вменяемость от мнимой*. По мере роста знания постепенно растет и знание подлинных причинных связей, намерения и действия. Благодаря этому теперь мы ограничиваем круг субъектов услуг (и преступлений) вменяемыми людьми, ибо мы знаем, что если какой-нибудь поступок животного и вызвал для нас благоприятные последствия, то это есть дело случая, а не «умысла», и поэтому не можем считать их субъектами услуг (и преступлений).

Историческая тенденция, обнаруживающаяся в данной области, состоит в постепенном ограничении области субъектов услуг (и преступлений); мало-помалу подобными субъектами перестают быть: сверхъестественные существа, животные, растения, неодушевленные предметы (с падением анимизма, фетишизма, тотемизма и вообще антропоморфизма), *и в настоящее время субъектами услуг и преступлений могут быть для развитого сознания только люди, и притом не все, а исключительно «вменяемые»*, т. е. знающие причинную связь определенного поступка и его следствий, а равным образом *отношение* к нему соответствующих должных норм поведения.

*В новейших же течениях в науке уголовного права и человек перестает быть вменяемым. Область вменяемых субъектов преступлений дошла до нуля...***

К тому же очевидно стремится и «вменяемость» подвигов и услуг.

Но перечисленными разрядами *конкретно-индивидуальных предметов* не исчерпывается область субъектов услуг. Сплошь и рядом в качестве таковых фигурируют целые группы или целые классы различных абстрактных представлений. Так, очень часто та или иная услуга приписывается целому народу (например, «русские» или «Россия» являлись для славян таким субъектом во время русско-турецкой войны), отдельному коллективу: земству, городу, классу, отдельной корпорации и т. д. Студент, получивший стипендию от какого-нибудь земства или города, считает субъек-

---

* Об этом см.: *Ковалевский М.* Социол[огия], т. II, с. 221.

** См. работы Ферри, Ломброзо и др., заменяющих принцип вменяемости принципом «безопасности общества», а соответственно и наказание как акт, долженствующий причинить страдание преступнику — не страдательными (в принципе) мерами изолирования и исправления преступников.

том услуги не того или иного члена земства или города, а «земство» вообще, «город» вообще. Ряд услужных актов, например устройство бесплатных столовых, приютов, бесплатных больниц, устройство школ и т. д., совершается прямо от имени подобных коллективов, «услужных лиц», и в переживании отдельных лиц субъектом подобных услуг являются опять-таки представления: «город», земство, комитет, общество и т. д.

Поэтому предыдущий ряд *конкретно-индивидуальных субъектов услуги должен быть дополнен абстрактно-групповыми субъектами услуг.*

Из сказанного видно, что субъектами услуг (и преступлений) могут быть и были представители любых предметов. Плохо ли это было или хорошо — это вопрос другой, но что это было так — не подлежит сомнению, и поэтому теория услуг не может игнорировать это явление. Другое дело — политика услуг. Но она пока нас не касается.

Сказанное, mutatis mutandis, применяемо и к субъектам преступления.

Об объекте услуги (преступления) и его модальностях

Под объектом услуги (преступления) мы будем понимать представления тех актов или того поведения, которое и составляет собой самый акт услуги или преступления, иначе говоря, представления тех поступков, которые с точки зрения кого-нибудь являются услугой (преступлением) по отношению к кому-нибудь.

Выше было уже указано, что под услугами мы понимаем совокупность актов, которые не противоречат должным шаблонам, но в то же время выходят из их границ, составляя некоторую «роскошь» и сверхнормальный, добровольный избыток.

Все эти акты, в конкретном своем виде проявляющиеся в бесчисленных формах, можно свести к трем основным видам, прекрасно сформулированным тем же профессором Петражицким. Всякий акт услуги представляет: a) или *совершение чего-нибудь в пользу* кого-нибудь (facere), например, спасение ребенка из пожара или наделение бедняка деньгами; b) или *воздержание* (abstinere) *от какого-нибудь* акта (воздержание — вполне законное и некараемое) в пользу кого-нибудь, например, не совершение акта бра-

ка, который с точки зрения христианства (см. выше) вполне допускается и не составляет преступления. Это воздержание от брака есть уже услуга по отношению к Богу; с) или же *терпение* чего-нибудь, что можно было бы безнаказанно не терпеть, например, добровольное терпение кем-нибудь оскорбления, обиды, издевательства, которое можно было бы безнаказанно и не терпеть, сплошь и рядом рассматривается как услуга многими людьми (pati)*.

Исходя из объектных представлений, назовем услуги первого рода *положительно-активными* (facere), услуги второго — *отрицательно-пассивными,* услуги третьего — *активно-терпеливыми.* Совокупностью их исчерпывается все конкретное многообразие объектных представлений услуг...**

Все объектные представления услуг представляют или один из приведенных видов, или же то или иное сочетание их, например, сочетание положительно-активных действий с пассивно-терпеливыми. Ввиду этого объекты услуг могут быть разделены на *простые и сложные.*

Ввиду того, что объектные представления неразрывно связаны с их модальными дополнениями: с представлениями времени услуги (преступления) (сегодня, через год), места услуги (преступления) (здесь или где-нибудь) и свойства тех вещей или благ, которые передаются кому-нибудь услужником, то в объектных представлениях и приводимых ниже иллюстрациях мы увидим различные примеры этого сочетания объектных представлений с их дополнениями. Таким же дополнением к объектным представлениям являются и представления *дестинаторов* услуги (преступления), т. е. тех лиц, в пользу или для которых совершается определенная услуга.

---

* См.: *Петражицкий Л.И.* Теория права, т. I, с. 71-74; т. II, с. 425-434.

** На эти же виды по объектным представлениям могли бы быть классифицируемы и преступления; и они, как совокупность актов, нарушающих шаблоны, представляют либо делание (facere) того, что нельзя делать (например, убийство, кража), либо воздержание (abstinere) от того, от чего нельзя воздерживаться (например, воздержание от задержания преступника, не останавливание насильника, грубо оскорбляющего кого-нибудь), или же терпение того, что не должно терпеть (бездействие власти и т. д.) (pati...). Подобная классификация во всяком случае имела бы то преимущество перед обычной классификацией «по объектам» (религиозные, семейные и т. д.), что она была бы свободна от той неясности, которая неразрывно связана с обычной классификацией ввиду неясности терминов «религия», «нравственность», «общество» и т. д. Само собой разумеется, что для современной уголовной политики она не годна, так как этот принцип деления совершенно не выделен и не проведен в кодексах.

Ввиду того, что представления дестинаторов услуги (преступления) особенно важны, то прежде чем приводить конкретные примеры, иллюстрирующие приведенную классификацию услуг, мы позволим себе несколько подробнее остановиться на дестинаторах услуг. (Конкретные примеры см. ниже.)

О дестинаторах (адресатах) услуги (преступления)

Как уже было указано, под *дестинаторами услуги (преступления) мы понимаем представления тех существ, в пользу (против) которых совершена услуга (преступление).*

Теперь спросим себя, какие же предметы были дестинаторами услуг (преступлений) в различные эпохи и в различных группах?

И здесь в полном соответствии с тем, что мы видели в главе о субъектах услуги, в качестве дестинаторов услуги (преступления), помимо людей, выступают как *отдельные конкретные предметы* (сверхъестественные существа, неодушевленные предметы, животные, растения), *так и абстрактные надындивидуальные единства* (человечество, город, государство и т. д.).

Приведем факты.

а) *Воображаемые существа как дестипаторы услуг*

В качестве дестинаторов услуг воображаемые существа выступают опять-таки в виде духов, душ, ангелов, дэв, демонов, душ умерших животных, богов и т. д.

Внешним показателем этих фактов служат различные жертвоприношения, подчас весьма и весьма ощутительные, *добровольно совершаемые в пользу данных существ* или *из желания сделать им «приятное», или же в целях получения от них путем услуги различных наград.*

В «Илиаде» и «Одиссее» мы постоянно видим, как приносятся жертвы богам то в виде тучных быков, то в виде возлияний вина. Конечно, как в этих, так и в аналогичных фактах, встречающихся у других народов, следует строго различать «обязательные» жертвы от добровольных. Значительная часть жертв является обязательной; но «жертвы-дары» (терминология Тейлора) могут быть рассматриваемы как «добровольные» (т. е. как услуги), ибо несо-

вершение их не влечет за собой никакого наказания, следовательно, они являются сверхнормальными и совершаются лишь в собственных интересах «жертвоприносителя» (субъекта услуги). Стимулом их служит награда, которую боги или духи дадут за жертву. Отсюда вполне понятна постоянная наградно-утилитарная мотивация при этих жертвах, ничего общего не имеющая с «обязательными», «должными» отношениями.

«Видишь, дитя, — говорит Приам, обращаясь к Гермесу, — как полезно богам предлагать олимпийцам должные жертвы».

Хриз, обращаясь к Аполлону, напоминает ему о своих услугах, прося в виде награды за них, в свою очередь, услуги от него:

Внемли мне, бог сребролукий...
Если когда-либо храм тебе милый
Я украшал, или в жертву сжигал тебе тучные бедра
Коз и быков — *то исполни просьбу мою эту в награду**.

Все это отношения добровольные, здесь нет ни права одного, ни обязанности другого, а так как эти отношения не противоречат «обязательным» шаблонам, а соответствуют им, то они целиком принадлежат к области услуг. Молитвы других народов, обращенные к их богам, дают немало аналогичных фактов.

Делавары, обращаясь к духу (перед войной), говорят:

О великий Дух на небе,
Сжалься над моими детьми
И над моей женой.
Пошли мне удачу. Чтоб я мог убить врага.
Будь милостив ко мне и защити мою жизнь.
И я принесу *тебе дар*.

Папуасы, принося жертву душам предков, говорят: «Сострадательный отец! Вот пища для тебя; ешь ее и надели нас ею»**.

Точно так же в «Авесте» читаем ряд мест вроде следующего: «Если ты мне принесешь жертву, — говорит один из свиты Мазды, — то я буду прославлять тебя речью, созданной Маздой, блестящей, целительной (glänzender, heilsamer), чтобы не мог тебе повредить ни Анхра-Майнью, полный смерти, ни колдун (Zauberer),

* Илиада, п. I.
** *Тейлор* Э. Перв[обытная] культ[ура], т. II, с. 397.

ни околдованный, ни Дэва, ни Человек»*. Здесь вполне ясно подчеркнут услужно-наградной характер жертв-даров.

Обобщая многочисленные факты жертвоприношения, Тейлор говорит: «Можно утверждать в самом общем смысле, что если в акте приношения даров обыкновенным человеком высшему лицу — с целью получения выгоды или избежания чего-нибудь неприятного, просьбы о помощи или прощении обиды — важное лицо будет замещено божеством и соответственным образом будут приспособлены средства передачи ему даров, тогда получится логическая теория жертвенных обрядов — почти полное объяснение их прямых целей и даже указание того первоначального смысла, который с течением времени претерпевал разные изменения»**. Из этого следует, что жертвы за известными пределами перестают быть обязательными и из обязанности переходят в услугу***. А так как существование их в том или ином виде неоспоримо у всех народов, то этот факт тем самым говорит о том, что дестинаторами услуг выступали и выступают сверхъестественные существа. (Сравни с этим пожертвования у нас Спасу, Пречистой его матери, Ивану Праведному и т. д. — См.: *Суворов Н.С.* Учебник церк[овного] права. 1912, с. 428.)

Это разделение обязательных и добровольных жертв (услуг) можно различать почти всюду. Так, например, и в Библии достаточно ясно и резко подразделены жертвы обязательные («жертвы за грех», «жертва повинности») от «жертв мирных», «жертв от усердия», которые сами по себе добровольны****.

Приношения душам умерших, ряд молитв к различным существам, обычаи умерщвления на могилах рабов, жен, лошадей, возлияния в честь «ларов», «манов» и «пенатов»[12] и т. д. — во всех этих обрядах неизбежен элемент услуги — а раз это так — то тем самым все эти существа становятся и дестинаторами услуг.

Услужно-наградные отношения могут возникать не только между человеком и сверхъестественным существом или наоборот, но и между двумя или большим количеством сверхъестественных

---

* *Khorda-Avesta.* XXXI, 56.

** *Тейлор Э.* Op. cit., 420.

*** См.: *Харузин Н.Н.* Ibid., с. 356 и сл.

**** Библия. Левит, гл. 1-8. Характерно здесь и то, что в первых случаях (обязательные жертвы) не употребляется глагол «хочет», тогда как при жертве мирной выражения: «когда кто из вас хочет» и «это всесожжение, жертва, благоухание, приятное Господу» — очень часты. См. гл. 1, 2, 3.

существ. Примерами подобных отношений может служить ряд мифов, хотя бы греческие мифы, согласно которым душа умершего давала Церберу медовый пирог, Харону — монету; или же те отношения между жителями Олимпа, которые рисуют нам «Илиада» и «Одиссея» и которые дают немало примеров услужных отношений между богами.

b) Так как *животные, растения и неодушевленные предметы* могли быть субъектами услуг, то *очевидно, что они могут быть и дестинаторами услуг.*

Тотемизм и фетишизм дают весьма многочисленный ряд фактов, подтверждающих это положение*.

c) Что отдельный человек может быть адресатом услуги — это само собой ясно.

d) Дестинатором услуги (точно так же, как и субъектом) может быть и совокупность лиц, группа, составляющая некоторое надындивидуальное единство. Например, добровольные услуги, которые оказывает Бог своему народу, будут услугами, объектом которых является совокупность лиц.

Когда русские отправлялись добровольцами в Болгарию или к бурам (услуга), то дестинатором услуги была совокупность лиц, образующих единство «Болгария» или «буры»... Ряд случаев, когда один индивид добровольно погибает ради спасения многих — целиком относится к категории услуг, дестинаторами которых являются коллективности**.

И наоборот, коллективность может являться и субъектом услуг.

Таким образом, область дестинаторов услуг на протяжении истории была в высшей степени разнородна и многочисленна.

Однако и в данной области замечается постепенное ограничение: как и в области субъектов услуги, круг дестинаторов услуги все более и более ограничивается: мало-помалу дестинаторами услуг перестают быть все, кроме людей и воображаемых надындивидуальных единств. В данный момент для сознания наиболее культурной части человечества адресатами могут быть только реальные, а не воображаемые существа. Наши убеждения отказыва-

---

* *Тейлор* Э. Op. cit., с. 406 и сл.

** Сравни с этим добровольные пожертвования «в пользу университета», «в пользу земства», «в пользу России», самопожертвования «в пользу человечества», «на благо родины», «на благо общества», ученые изобретения, делаемые «с целью облагодетельствовать общество, человечество» и т. д. Все это примеры групповых, надындивидуальных дестинаторов.

ются делать в пользу воображаемых существ какие бы то ни было услуги, так как мы не признаем их реального бытия.

То же следует сказать и о неодушевленных предметах и растениях...

Иначе, по-видимому, обстоит дело с животными. Мы их кормим, даем им жилище, избегаем напрасно мучить их; иногда «балуем» их лакомствами, устраиваем им по примеру одной миллиардерши в Америке обеды, стоящие миллион долларов; организуем «общества покровительства животным», негодуем по примеру автора «Проклятие зверя»[13] и т. д.

Однако и здесь в действительности происходит то же ограничение. Все эти «услуги» совершаются прежде всего только по отношению к полезным для нас животным. А далее, легко заметить, что (подобно Молчалину, прислуживавшему в лице собачек их хозяевам) мы делаем услуги не самим животным, а в большинстве случаев людям. Кроме того, по существу дела акты, полезные для животных, в современном сознании — не осознаются вовсе как услуга, а как должное поведение, диктуемое различными утилитарными соображениями. Если сельский хозяин кормит и хранит свою лошадь, то это делается по тем же мотивам, по которым хранится и смазывается нужная машина, дабы она не испортилась... Очень часто такой же полезной машиной является и домашнее животное, и вследствие этого о нем заботятся, его кормят и т. д.

Тот, кто знает, что нельзя требовать от животного «вменения» и сознательного отношения к своим и чужим поступкам, — для того животное перестает быть дестинатором услуги, а является только нужной и полезной машиной, которая поэтому нуждается в известном уходе, заботливости и т. д.

Вообще для каждого индивида область как субъектов, так и дестинаторов услуг (а равно и преступлений) совпадает с областью существ, которых он считает подобными людям, обладающими волей, умом, сознанием и пониманием взаимоотношений, т. е. с областью «вменяемых» человекообразных существ. А так как многие еще и теперь животных наделяют человеческими свойствами, то вполне понятно, что для них они могут быть и субъектами, и дестинаторами услуг. Для тех же, которые более ясно понимают положение дела, — для тех животное не может быть «вменяемым», а потому не может быть ни субъектом, ни дестинатором услуг (а равно и преступлений).

Вследствие этого указанная историческая тенденция остается действительной, и область услуг всецело замыкается в чисто человеческие отношения. Раньше распыленные услуги постепенно концентрируются и перестают бесполезно уходить в пустоту. Вывод сам по себе благоприятный и до известной степени важный по своим последствиям в связи с другими историческими тенденциями.

Все *сказанное применимо и к дестинаторам преступления.* И здесь адресатами, против которых совершались преступные акты, были все эти категории, начиная с духов (особенно дьявола, который имел бы полное право возмущаться вследствие бесконечных преступлений, совершавшихся против него) и кончая людьми.

§ 4. Внешняя однозначность преступления и наказания, подвига и награды

Если теперь перейти к анализу состава карательного и наградного акта, то, к нашему крайнему удивлению, нельзя не заметить, что этот состав их по существу тождествен с составом акта преступного и акта услужного.

I. В самом деле, в каждом карательном и наградном акте или в их переживании мы точно так же можем различить:

a) *представление субъекта карательного и субъекта наградного акта*, т. е. лиц, выполнявших эти акты. Этими субъектами в представлении различных людей были: *и сверхъестественные существа* (боги, духи, души предков, ангелы, бесы и т. д.), *и естественные* (люди, животные, растения, неодушевленные предметы), *и конкретно-единичные и абстрактно-групповые.*

b) *представления объектные:* всякая кара или награда есть прежде всего акт; а все эти акты, как выше было указано, размещаются в *три* группы: facere, abstinere и pati (делания, воздержания и терпения).

c) представления *адресатов*: лиц, по адресу которых направляется соответствующий карательный или наградной акт. История и здесь показывает, что адресатами кар и наград были все те существа, которые были и адресатами преступлений и подвигов...

d) представления: времени, места, вещей, даруемых или отнимаемых, и т. д. — и в этом смысле карательный акт по составу равен преступному акту, наградной — услужному...

Это тождество состава каждой пары идет несравненно дальше.

II. Оно проявляется в том, что и преступление выражается вовне в виде причинения того или иного зла адресату его или обществу, и наказание выливается в те же страдательные акты по отношению к преступнику. Услуга реализуется в ряде «добродетельных» актов и награда — в ряде таких же актов. Значит, по характеру актов члены каждой пары весьма сходны и тождественны...

III. Мало того, если произвести «очную ставку» актов преступных и карательных, услужных и наградных, то и здесь обнаружится или полное тождество, или полная эквивалентность. Доказательством служит закон талиона, некогда имевший повсеместное распространение. Он указывает на полную тождественность акта преступного и карательного.

Согласно ему:	*преступления*	*наказания*
	вырвать око	вырвать око
	вырвать зуб	вырвать зуб
	сломать ногу	сломать ногу и т. д.

«Око за око, зуб за зуб, рука за руку, нога за ногу» и т. д. — так гласит это в выразительной формулировке Библии. Si membrum rupsit ni cum eo pacit — talio esto[14]. Но и в тех карах, которые не являются талионом в таком чистом виде, — соотношение наказания и преступления, перестав быть тождеством, превращается в эквивалентность, что видно из изречения «воздай злом за зло», лежавшего в основе почти всех карательных систем.

Та же тождественность выступает и в области услуг и наград. И они одинаковы по своей материальной природе, которая у обоих членов положительна. Здесь соблюдается принцип воздаяния добром за добро. Если взять первоначальные услужные отношения между человеком и его богом, то они представляют простой обмен «полезных» тому и другому благ.

Do, ut des[15] — такова формула этих взаимоотношений. «Вот тебе пища, дай нам за это корову», — так молятся многие первобытные народы. Это значит, вот я тебе совершаю услугу (или даю награду), отплати и ты тем же мне, т. е. вознагради меня или окажи мне услугу. Еще яснее этот талион выступает в таких молит-

вах: «Если вы требуете от меня пищи, которую вы сами дали мне, не следует ли мне дать ее вам?»

Потом с историческим развитием талион, как обмен акта на другой — ему подобный, постепенно принимает, подобно средству обмена, различные формы. Преступление определенного вида вызывает наказание, но не абсолютно тождественное по форме с первым. За удар или изувечение уже не следует то же, но выступает система композиций, и виновный платит деньги или же отбывает несколько иное наказание. Эволюция взаимоотношений преступлений и наказаний, как и услуг и наград, есть лишь частный случай эволюции обмена: сначала идет обмен одной вещи на такую же подобную (око за око, спасение за спасение), а затем за преступление преступник платит по-прежнему, но не тем же товаром (т. е. актом), а его эквивалентом (например, посылается в каторжные работы, присуждается к штрафу, к тюрьме и т. д.). То же и в области наград и услуг.

Сначала услуга влечет награду, состоящую в акте, аналогичном акту услуги. Но затем услуга может вызвать наградной акт, эквивалентный самому акту услуги, но конкретно не тождественный с ним.

Уже Иеринг отметил по существу это тождество каждой пары. «"Око за око — зуб за зуб" — нет, кажется, — говорит он, — положения грубее... Но вместе с тем едва ли есть другое, равное ему по глубине и необъятной ширине его содержания». Принцип возмездности есть общий закон социальной жизни. Даже самые слова возмездие (Entgelten) и воздаяния (Vergelten), происходящие от слова gelten (стоить), обозначали предположение равноценности или действительную равноценность. «Отсюда слово "Geld"[16] (первоначально gelt), т. е., с одной стороны, равноценное (в прямом смысле), с другой же — нечто по отношению к ценности уравнительное. Древнейшее относящееся сюда словоупотребление (gêltan, kêltan, gildan) относится к языческому богослужению; благодарственной жертвой воздавал (galt) человек за ниспосланные ему блага, жертвой же умилостивительной отплачивал причиненное им, человеком, зло»... «Социальную организацию возмездия представляет собою гражданский оборот, организацию же воздаяния за социальное зло мы встречаем в уголовной юстиции, в воздаянии за социальное благо принимает участие: государство, об-

щественное мнение и история»*. Поэтому немудрено, что история обмена и, в частности, «средств обмена» (денег) есть лишь другая сторона обмена злом за зло и добром за добро.

IV. Помимо этого, тождественность материальной природы каждой пары видна из того, что на протяжении истории акты преступления и наказания, с одной стороны, наград и услуг — с другой, — приблизительно одинаковы...

Убийство считалось за преступление, убийство же было и наказанием. Разбой и грабеж были преступлением, конфискация и отдача на поток и разграбление (что является актом разбоя и грабежа по отношению к преступнику) были и наказанием. Различные акты насилия были в рубрике преступлений, такая же строка имеется и в рубрике наказаний. Оскорбление чести считалось преступлением, лишение чести выступает как вид наказания. Истязание во многих случаях составляет преступление, истязания же фигурируют и в качестве наказаний. Я не буду продолжать эту «очную ставку» наказаний и преступлений. По материальному своему содержанию они тождественны или эквивалентны. То же следует сказать и о взаимоотношении наградных актов и актов услужных. И они по материальному содержанию одинаковы или абсолютно, или представляют обмен одного акта на другой, ему эквивалентный. Всякая награда есть услуга по отношению к услужнику, и, наоборот, всякая услуга есть награда по отношению к тому, в пользу кого совершается услуга.

Точно так же всякое преступление есть наказание того, против кого направлено преступление, и, наоборот, всякое наказание по своему материальному характеру есть преступление по отношению к преступнику.

Итак, как по составу, так и по характеру актов и их направлению преступление и подвиг ничем не отличаются от наказания и награды...

В чем же в таком случае *их различие? Оно заключается не в материальном характере актов, а исключительно в том, что преступление есть причина, а наказание — следствие, услуга — причина, а награда — следствие...* С внешней точки зрения здесь нет

* *Иеринг Р.* Цель в праве, с. 91-92. Хотя нельзя не заметить, что представление, будто бы «государство, общественное мнение и история» принимают участие только в наградах, а равно и другие указанные им положения далеко не точны, так как общественное мнение, например, принимает участие и в каре и т. д.

больше никакого различия. Поэтому, анализируя *извне* цепь преступлений и наказаний, подвигов и наград, в каждом данном случае мы можем рассматривать как преступление и подвиг лишь акты, вызывавшие наказание и награду.

Правда, как уже выше мы сами подчеркнули, между каждыми членами пары есть еще и психологическая разница: преступление всегда морально отрицательно, наказание может и не быть таковым, оно, с точки зрения карающего индивида, есть всегда воздаяние и воздаяние законное. Но эта глубокая разница между ними дана лишь тогда, когда мы встанем на точку зрения одного и того же индивида. Да, в этом случае эта разница дана, и она бесконечно глубока. Но стоит допустить двух индивидов, «должные шаблоны» поведения которых различны: из которых один считает должным одно, а другой этот же акт считает преступным, что тогда получится? Один совершает акт, вовсе не думая, что он преступный. Другой квалифицирует его как преступление и реагирует на него карательными актами. Первый в свою очередь принимает эти «незаслуженные» кары за преступление и реагирует на это наказанием; второй рассматривает их как новое преступление, снова реагирует карами и т. д. Завязывается бесконечная цепь, в которой с точки зрения *одной стороны* психологическое различие преступления и наказания мы найдем. Но если встанем *вне сторон, выше их* — то это различие исчезает и в наших руках остается лишь временная причинность, в силу которой мы акт предшествующий должны будем считать преступлением, а последующий наказанием и затем чередовать их, разбив цепь акций и реакций на пары...

С этой точки зрения, следовательно, основным различием между преступлением и наказанием (услугой и наградой) остается лишь временная последовательность. Правда, могут возразить на это то, что преступление, дескать, нарушает права, оно незаконно, несправедливо, тогда как наказание составляет акт вполне справедливый, закономерный, вне точки зрения индивида или стороны, что преступлением оскорбляется сознание всего общества, тогда как наказание оскорбляет только преступника.

На подобное заявление мне ничего не остается делать, как напомнить то, что какой-нибудь акт является преступлением не по своей «извечной» природе, а просто потому, что он оскорбляет и нарушает чьи-то шаблоны и сам очень часто *является реализаци-*

ей тоже *определенных, но не совпадающих с первыми, должных шаблонов. Большинство преступлений есть просто конфликты разнородных шаблонов поведения*, а не столкновение «абсолютной несправедливости» с «абсолютной правдой»... Каждый должный шаблон для его носителя свят, поэтому приходится игнорировать эти абсолютные оценки в конфликте различных шаблонов*.

Что же касается того, что преступление всегда нарушает социальные интересы, что оно оскорбляет сознание всего общества, то это положение представляет некоторое недоразумение в силу того, что ведь и шаблоны поведения преступника есть также продукт социальных отношений, что и преступник составляет также часть данного общества, следовательно, преступление оскорбляет уже сознание не всего общества, а только его части, исключая всех тех, кто имеет шаблоны, тождественные с шаблонами преступника, которые, в свою очередь, часто оскорбляются наказанием и для которых само наказание превращается в преступление. А велика ли в каждый данный момент часть, солидарная с преступником, и часть, противоположная ей, это не имеет принципиального значения. Вопрос о количестве и величине каждой части — это уже вопрос побочный.

Во всяком случае, Ваккаро достаточно ясно и неопровержимо показал неосновательность отождествления «уголовно-юридической защиты» (difesa guiridica) с защитой социальной (difesa sociale), с защитой всех членов данного общества**. В каждом данном об-

---

* *Véron* в значительной степени прав, когда говорит: «Несчастные, которых правосудие ежедневно посылает на эшафот или в тюрьму, не имеют почти никогда злого умысла. Если они воруют и убивают, то не потому, что хотят сделать зло другим, но в надежде причинить добро самим себе» (La morale. 1884, introd., XV). «В обществе малоразвитом, — не менее справедливо говорит *Е.В. Де-Роберти*, — содержание индивидуальных сознаний чрезвычайно разнородно: сумма приобретенных знаний и их сложность изменяются здесь по мере перехода от одного члена социальной группы к другому. Рано или поздно, следовательно, должен появиться конфликт мнений, который заставляет возникнуть партии, более или менее компактное большинство и более или менее активное меньшинство. Прошлое искало решения этой тяжелой проблемы в исключительном господстве идей и чувств, освященных долгим обычаем, над идеями и чувствами диссидентов. Настоящее представляет с этой точки зрения нечто среднее, вид полуподчинения и полудавления социального индивида» (Qu'est ce que le crime. 1899, p. 6-7).

** См. здесь: *Vaccaro*. Genesi e funzione delle leggi penali, главу I, где развиты эти положения и где одновременно приведены данные, показывающие, что «преступная» часть в каждом обществе весьма и весьма значительна. L'ufficio delle leggi penali non è stato finora quella di difendere la società, vale a dire tutti che la

ществе уголовные нормы защищают не всех его членов, а только определенную часть или, иначе говоря, в каждом обществе шаблоны поведения у различных его частей различны, в силу чего и возникают сами преступления и наказания, как будет показано ниже. В зависимости от того, шаблоны какой части мы примем («преступной» или «непреступной»), в зависимости от этого решается вопрос о правоте и закономерности тех или иных актов. Если в современном обществе мы примем шаблоны буржуа, то с точки зрения этих шаблонов акты забастовки, саботажа, «экспроприации экспроприаторов» и т. п. будут преступлением и наказание покажется справедливым, должным, законным и т. д. Если же встанем на точку зрения рабочих, то акты наказания превратятся в «преступление» и правовая психика потребует, в свою очередь, их наказания... Наказание революционера, вполне законное с точки зрения официальных шаблонов поведения, есть преступление с точки зрения революционера и его единомышленников.

Нельзя вообще представлять себе дело так, что вот на одной стороне стоит преступник, а на другой — все общество, которое оскорбляется его преступлением. Социальная действительность более сложна и такой простой картины не дает. У преступника всегда есть единомышленники, и не малочисленные. Общественная группа всегда делится на подгруппы, классы, сословия, касты и т. д., шаблоны поведения которых могут быть весьма различны. Отсюда ясно, что абсолютная точка зрения, устанавливающая какие-то «извечные» пределы между преступным и непреступным, ошибочна.

Таких извечных пределов нет. Извечны (в логическом смысле) только сами формальные понятия преступного и непреступного. А каким содержанием они будут наполнены у того или иного индивида, у той или иной социальной группы, и чье содержание будет «лучше», «выше», «чище», здесь абсолютных критериев нет и не может быть.

Вполне резонно говорит тот же Ваккаро, что «основная ошибка классической школы состояла в том, что она искала то в Боге, то в абсолютной справедливости, то в морали, то в иных фантастических и туманных понятиях основание права наказания, тогда

---

compongono, ma segnatamente gl'interessi di coloro in favore dei quali è costituito il potere politico. Le leggi penali tendono a conservare e a difendere l'ordine guiridico costituto (85)[17].

как в действительности такое основание находится (riposto[18]) в самом факте сохранения установившейся власти, т. е. юридического порядка, выражением которого она является»*.

Как и везде в других областях знания, в социальных науках должна быть принята точка зрения относительности. Нет акта, который по своей природе был бы преступлением или услугой, а всякий акт является тем или другим для кого-нибудь в силу определенных и ограниченных условий (характера шаблонов). А результатом этого в данном пункте является то, что различие преступлений и наказаний, услуг и наград покоится с внешней стороны лишь на принципе причинной последовательности: первые в причинном ряду являются причиной, вторые — следствием, а материальное содержание их может быть тождественным или эквивалентным.

Если преступление вообще — зло, то, в силу сказанного, такое же зло и наказание. Кто видит в преступлениях лишь одно отрицательное явление, тот должен то же видеть и в наказании. Нельзя с этой точки зрения не согласиться с Биндингом, определяющим наказание, как меч без рукоятки, который наносит раны и тому, кто им действует**.

Мы не являемся такими «монистами» и, как видно будет ниже, за преступлением и наказанием, а равно и за подвигом и наградой признаем не только отрицательные грехи, но и положительные достоинства и ценности.

Итак, по «составу» и преступление, и наказание однородны. То же применимо к подвигу и услуге. Различие между членами каждой пары заключается с точки зрения «внешней» лишь в причинной последовательности: преступление и подвиг — «независимые переменные», наказание и награда — зависимые. Если же встать на точку зрения индивида или «стороны», то к указанному различию присоединяется еще различие окраски психических переживаний при преступлении и услуге — с одной стороны, наказании и награде — с другой.

Однородность «состава» карательного и преступного акта, услужного и наградного позволяет классифицировать их вместе. Классификация преступлений в силу этого будет и классификацией наказаний, классификация услуг — классификацией наград. Так как и здесь между преступно-карательным и услужно-наград-

---

* *Vaccaro.* Ibid., p. 85.

** *Binding K.* Normen (цитирую по: *Сергеевский Н.Д.* Op. cit., с. 85).

ным рядами существует полное соответствие, то в дальнейшем мы будем говорить лишь о подвигах и наградах, предполагая, что все сказанное о них, mutatis mutandis, применимо и к преступлениям с наказаниями.

§ 5. Классификация подвигов и наград (преступлений и наказаний)

Как уже выше было указано, тот или иной поступок того или иного субъекта является подвигом или преступлением не по своему материальному характеру, а по тому чисто формальному отношению, в котором он находится к «должному» поведению. Ввиду этого обозреть и описать бесконечное разнообразие актов и поступков, бывших услугами и наградами, — нет никакой возможности, и в этой своей форме они не поддаются никакой систематизации или классификации. Но это, конечно, не исключает возможность их классифицирования, взяв за точку отнесения не само *содержание* акта, а нечто другое. Можно, например, взять за такое fundamentum субъект преступлений и услуг и сообразно с этим делить преступления и услуги на 1) совершенные субъектами единично-конкретными и 2) абстрактно-групповыми. Каждая из этих категорий, в свою очередь, может быть дальше подразделена; например, первая рубрика: на преступления и услуги, совершенные воображаемо-сверхъестественными субъектами и реально-естественными, каждая из этих рубрик, в свою очередь, может быть подразделена далее и т. д. Можно за точку отнесения взять, конечно, и иное.

Бентам, например, дает такую классификацию услуг:

1) *Services réglés.* Ceux que les fonctionnaires publies sont tenus de rendre, en vertu de leurs offices, dans tous les départements de l'administration.

2) *Services occasionnels.* Ceux qui sont demandés par le gouvernement à des individus autres que les fonctionnaires publics, surtout en matiére de justice, et de police, comme la dénonciation et la poursuite de délits и т. д. On peut ranger sous le même chef les secours donnés dans les incendies, les inondations, les naufrages. Ces services sont en effet rendus a l'État, puisque l'État est chargé de la sauvegarde commune.

3) *Service extraordinaires.* Ceux qui supposent de la part de celui qui les rend des talents distingués, des vertus rares, ou quelque circonstance

particulière qui lui en a fourni l'occasion[19]. (Изобретения и открытия в области военной техники, дипломатии, производства, науки, морали и т. д.)*

Эта классификация, может быть, и пригодная с точки зрения политики наград, каковой по существу является работа Бентама, неприемлема с теоретической точки зрения. Во-первых, вся рубрика Services réglés с развитой здесь точки зрения не входит совершенно в область услуг, ибо это не есть нечто сверхнормальное, а должное (см. выше). Это область обязательных шаблонов, а не услуг. Во-вторых, здесь нет fundamentum divisionis[20]. Принципом деления является не один принцип, а по меньшей мере три: 1) классификация по субъекту (услуги, совершаемые частными и официальными лицами — Services réglés); 2) классификация по времени (случайные и неслучайные — Services occasionnels); 3) по важности (важные и неважные — Services extraordinaires).

Вследствие этого эту классификацию приходится отвергнуть. Как известно, классификаций чего угодно может быть несколько. В уголовном праве имеются, по меньшей мере, четыре классификации преступлений: a) по субъекту, по объекту или, вернее, по содержанию акта (семейные, государственные, религиозные и т. д.), c) по важности (преступления, проступки и полицейские нарушения), d) по способу вчинения (уголовно-общественные и уголовно-частные).

Те же способы классификации были бы возможны и в области услуг. Но в области теории услуг все эти классификации мало продуктивны... Гораздо важнее классификация их по объекту (в приведенном выше понимании). Так как услугами является совокупность актов, не противоречащих шаблонам и в то же время сверхнормальных, то эти акты могут быть подразделены: 1) на *положительно-активные*, состоящие в доставлении чего-нибудь или в совершении известных действий в пользу кого-нибудь — facere. Например, в передаче денег мной кому-нибудь нуждающемуся или в спасении ребенка из горящего дома; 2) на *отрицательно-пассивные*, состоящие в воздержании от чего-нибудь, от чего можно было бы безнаказанно не воздерживаться. Например, в факте невступления в брак, который с точки зрения христианства не запрещается и не составляет преступления. Отказ от брака есть уже услуга. Abstinere. 3) *Неактивно-терпеливые*, состоящие в терпе-

---

* *Bentham J.* Oeuvres, т. II, с. 135-136.

нии чего-нибудь, что можно было бы не терпеть. Например, терпеть обиды и притеснения кого-нибудь, хотя безнаказанно можно было бы их и не терпеть... Pati.

Подобно этому и преступления — наказания можно было бы разделить на те же три группы (см. выше). Проиллюстрируем каждый класс.

Конкретные иллюстрации различных услуг и наград (по объекту)

I. Положительно-активные награды-услуги (facere). Этот вид услуг-наград заключается в совершении тех или иных актов в пользу тех или иных дестинаторов. Вполне понятно, что здесь услугой является или *само совершение определенных движений, поступков и т. д.*, или же *соединение этих поступков с теми или иными вещами*, передаваемыми посредством этих актов тому или иному дестинатору. Сообразно с этим можно различать услуги-награды беспредметные и предметные. Возьмем для иллюстрации следующий пример из «Илиады», изображающий жертву-услугу богам.

К богу *воззвавши*, они *разбросали ячмень* крупнозерный,
Бедра потом *разрубили*, двойным их пластом окружили,
Светлого жира и мяса наверх положили,
Старец немедля их сжег на поленьях, вином поливая
Ярким, а юноши рядом стояли, держа пятизубцы.
...Целый день до заката Ахейские юноши пеньем
Гнев Аполлона смягчали, хвалебный *пеан* распевая
В честь Дальновержца. И слушая их, он в душе наслаждался.

Здесь, в этом факте услуги-награды, преподносимой Аполлону, с целью добиться и от него, в свою очередь, услуги-награды, мы видим, что услуга состоит, *с одной стороны, в движениях*, в актах, являющихся средством для передачи ряда «благ» Аполлону (ячмень, бедра, жир, вино), с другой стороны, — в ряде актов, которые уже сами по себе являются услугами («хвалебный пеан распевая») и возбуждают в душе дестинатора наслаждение. Подобных примеров «Илиада» дает множество...* Мать Гектора приносит богам лучшее покрывало, в «Одиссее» фигурируют те же быки, медвяный напиток. В «Энеиде» помимо того *«кровь девы»* и т. д. С другой стороны, в виде *услуг, без вещных модальных допол-*

* Илиада, п. I, стр. 12, 13. См. также стр. 93, 337 и др.; Одиссея, п. 4.

нений — беспредметных — выступают акты: молитв, славословий, похвал, прославления и т. д. То же мы встречаем и в междучеловеческих наградах-услугах. Агамемнон, желая смягчить гнев Ахиллеса и привлечь его к участию в битве, учавствовать в которой тот не обязан, обещает ему исполнить следующие услужные акты. Он обещает подарить ему:

Семь неслуживших треножников, золота десять талантов,
Двадцать блестящих тазов, лошадей крепконогих двенадцать,
Первых на конских ристаньях, где брали награды за легкость.
Семь подарю ему жен, безупречно искусных работниц,
Семь Лесбиянок, всех женщин красой далеко превзошедших.

(В том числе и не бывшую на его ложе дочь Бризея.)

...Золотом целый корабль для себя пусть наполнит он, медью.
Пусть меж Троянскими женами сам изберет себе двадцать
Самых прекрасных наружностью после Елены Аргивской...

Пусть затем он возьмет себе в жены любую из дочерей Агамемнона...

Я ж в приданое ей...
Семь отделю я ему городов — хорошо населенных...
Все это дам я, как выкуп, пусть только свой гнев он отложит*.

Те же приблизительно подарки обещает за шпионство Гектор**, Агамемнон — Тевкру***, Приам — Ахиллесу****, Ахиллес — победителям состязания*****. Ахиллес в честь Патрокла закалывает 12 юношей и т. д.

Во всех этих примерах услуга заключается не только в тех или иных движениях, но, для того чтобы эти движения могли быть услугой, к ним еще присоединяются те или иные вещественные дополнения — блага («предметные услуги-награды»). Но так же, как и в человеко-божеских услужно-наградных отношениях, и здесь в междучеловеческих отношениях имеется ряд актов, которые уже сами по себе являются услугой или наградой. Эти акты

---

* Илиада, п. IX.
** Ibid., п. X.
*** Ibid., п. VIII.
**** Ibid., п. XXIV.
***** Илиада, п. XXIII; см.: Одиссея, п. 13.

выступают в виде «похвал», славословий, воспевания доблестей, исполнения ряда действий и т. д. Таковы, например, подвиги Ахиллеса, состоящие в актах уничтожения врагов, акты и действия Гектора по отношению к троянцам, подвиги Одиссея и т. д.

Все они являются уже сами по себе услугой ввиду их сверхнормального и выдающегося характера, в то же время совпадающего с нормой или с шаблоном должного (беспредметные услуги-награды)*.

Частным видом «беспредметной» награды уже и здесь выступает «*Слава*», ради которой жертвуют жизнью и Ахиллес, и Гектор.

Те же приблизительно награды даются Брахману, который найдет Дамаянти (услуга) в «Наль и Дамаянти», — отрывке из Махабхараты.

Аналогичные же «предметные» и «беспредметные» услуги-награды встречаем и в «Авесте»**. И здесь в качестве Anbetung, Befriedigung und Lob преподносятся Ахура-Мазде и его свите «l) Diese guten Gedanken, Worte und Werke. 2) Diese Haomas (Сома), Myardas (особый вид мяса, созданного Ахура-Маздой), Laothras, Bareçma das in Heiligkeit Zusammengebundens, Haurvât, Ameretât, die wohlgeschaffene Kuh, das wohlgeschaffene Fleisch, den Haoma und Parahaoma (сок из растения Haoma), Holz und Wohlgeruch. 3) Diese Herrschaft, Reincheit, Richtigkeit, Gebet zur richtigen Zeit, das Hersagen der Gâthâs, die gut gemachten Manthras geben wir und thun wir kund»[21].

Как видно из этого отрывка, и здесь выступают, с одной стороны, «беспредметные» акты услуги-награды (Gedanken, Worte, Werke) и наряду с ними акты услуги «предметные» (поднесение Сомы, мяса, коровы etc.).

Те же предметы фигурируют и в Ригведах.

Что касается Библии, то здесь в качестве предметных дополнений актов услуги фигурируют: человек и его жизнь, земля, скот, серебро, золото, шерсть, кожи, ароматы, драгоценные камни, города, люди и т. д.***

---

* Массу примеров как предметных, так и беспредметных положительно-активных услуг-наград читатель найдет у *Дюркгейма* в его Les formes élément. de la vie religieuse, p. 465-592.

** Avécta, т. II: Vispered und Uaçna, с. 54, ст. 1-3. См. также т. III: Khorda-Avecta, с. 73, ст. 58; с. 112, 149, 158, ст. 53; т. II, с. 103.

*** См.: Бытие, 1: 28, 41: 36-43, 15: 18, 30: 28-32, 38: 17; Исход, 25: 1-8, 29: 18, 21-25; Левит 4: 5, 6, 5: 18, 26.

Беспредметные же акты услуги-награды совершаются опять-таки в форме молитв, тех или иных поступков или в отвращении врагов Богом, в избавлении от болезней, в уничтожении египетских первенцев и т. д.

Предметным же видом награды является и рай в Новом Завете.

Особенно ярки примеры наград или услуг с предметными дополнениями в Коране...

> Питающие же страх к величию Господа получат в обладание два сада.
> Какое же из благодеяний Господа вы будете отрицать?
> Оба украшенные рощами.
> Какое же из благодеяний...
> В каждом из них по живому источнику.
> Какое же...
> В каждом из них всяческие плоды двух видов. Какое же...
> Отдыхая, они прилягут на ковры, у которых подкладка сделана из парчи. Плоды в обоих садах будут на такой высоте, чтобы каждый желающий мог сорвать их.
> Какое же...
> Там будут молодые девы со скромными взорами, до которых никогда не прикасался ни человек, ни гений.
> Какое же...
> Они походят на гиацинты и кораллы.
> Какое же...
> *Разве не благом будет награда за благое*?
> Какое же...
> Кроме двух садов будут еще два сада.
> Два сада, покрытые зеленью.
> Там будут плоды, пальмы и гранатовые деревья.
> Там будут добрые, прекрасные женщины...
> Да будет благословенно имя Господа, преисполненного величия и великодушия... *Все это дано будет вам в виде награды. И усилия ваши будут признаны**.

Если взять описание «рая» или вообще загробного блаженства мира в том виде, в каком они существуют в различных религиозных верованиях, начиная с представлений первобытных народов и кончая высочайшими религиозными системами, то здесь выступают бесчисленные виды предметных наград-услуг в самых причудливых сочетаниях и комбинациях.

Утопии о будущем счастливом и блаженном состоянии человечества дают также немало примеров предметных наград-услуг.

---

* Коран Магомета. Изд. Клюкина, LV, ст. 46-78; LXXVI, ст. 15-22; см. также LXIX, LXXIV, LXXVI и др.

Причем следует заметить, что в качестве предметных дополнений наград выступают как в божеско-человеческих отношениях, так и в чисто человеческих формах услужно-наградного общения самые разнообразные вещи, вообще почему-либо считающиеся пригодными, желательными и нужными данным народом или индивидом.

Там, где не установилась еще единица обмена, там, понятно, в качестве предметов услуги-награды выступают самые разнообразные объекты. Там же, где такая единица уже так или иначе начала устанавливаться или установилась, там, понятно, эта единица обмена бывает и наиболее обычным предметным дополнением услуги-награды.

Например, в Библии и отчасти уже в «Авесте» таким наиболее обычным предметом награды служит скот, ибо он был единицей обмена у этих народов в данную эпоху. У охотничьих народов таким предметом были шкуры и меха («pecunia»[22], «куны»), у землевладельческих — пшеница, рожь, маис, табак, рис и пр.; у рыболовов — в Норвегии, например, сушеная треска, у рабовладельческих народов — рабы (в Новой Гвинее), в средние века большую роль играли награды землей (феоды и бенефиции). Позже, когда в употребление вошли металлы, — обычным предметом награды сделались они или в слитках, или же (позже) в форме монеты*.

В современном нам обществе с его единицей обмена — деньгами — вполне естественно, что деньги являются наиболее обычным предметом награды-услуги.

Награждение или услуга в форме передачи денег, как и любой единицы обмена, равносильна (за редкими исключениями) любой награде-услуге, ибо на деньги все можно приобрести... Что же касается *беспредметных* услуг-наград, т. е. таких услуг-наград, где услугой-наградой является уже совершение самого акта, то этот вид, как видно отчасти уже из приведенного, выступает во всевозможнейших формах. В «Илиаде» такими услугами-наградами являются, например, для ахеян действия Ахиллеса, Одиссея, для троянцев — действия Гектора, молитвы богам, многие поступки богов, например, Афины, отвращающей вражеские

* См.: *Туган-Барановский М.И.* Основы полит[ической] экономии. 1-е изд., с. 373, а также работы Джевонса, Шмоллера и др.

копья от Ахиллеса, и пр.* Уничтожение врага, отвращение опасности, спасение кого-нибудь в той или иной форме, избавление от страданий, сообщение истинных сведений о чем-либо, например, о вражеских силах, ложь, например, обман неприятеля или врага, просто физическая работа — рытье рва, канавы, перенесение тяжестей и т. д. и т. д. — все это было и может быть беспредметной услугой-наградой. Нет ни одного акта, который по своему материальному содержанию не мог бы почему-либо быть услугой-наградой.

Из сказанного видно, что исчерпать все конкретное многообразие беспредметных, а равно и предметных актов услуги-награды невозможно...**

II. Отрицательно-пассивные услуги-награды (abstinere — воздержание)

В эту категорию услуг-наград входят акты воздержания от какого-либо поступка, который можно было бы безнаказанно совершить. Простейшим примером этой категории является, например, факт воздержания от взыскания долгов с моего должника. В этом случае я воздерживаюсь от поступка, который мог бы безнаказанно сделать. Дальнейшими примерами являются: воздержание от брака, от безгрешных мирских удовольствий, воздержание от обладания и употребления тех или иных «благ», обладания и употребления вполне законного и безгрешного. Все эти последние факты составляют факты услуги-награды с точки зрения христианства. Все акты «непротивления злу» в нравственной системе Толстого почти целиком относятся к этой категории...

---

* К этой же категории услуг-наград должны быть отнесены и многие акты, рекомендуемые «заповедями блаженства». Акты милосердия, печалования (плачущий), кротости, алкания и жаждания правды, акты чистоты сердца — все это по смыслу своему — беспредметные услуги-награды положительно-активного характера.

** В силу этого, помимо логической несостоятельности (нет fundamentum divisionis), мы принуждены признать неточной классификацию наград Бентама, упускающего вдобавок из внимания «беспредметные» услуги-награды. Он весь фонд наград делит на 4 категории: на богатство (matiere de la richesse), честь (l'honner), могущество и власть (le pouvoir) и исключения (exemptions). Ясно, что даже все «предметные» дополнения объектов наград не умещаются в эти категории, а затем ускользают все «беспредметные» награды и, как увидим дальше, все активно-терпеливые услуги-награды. См.: *Бентам.* Oeuvres, т. II, p. 136-139.

И здесь, как и в области положительно-активных наград, можно различать *предметные* акты услуги-награды от *беспредметных*.

В категорию первых входит несовершение таких актов, смысл совершения которых заключался бы не в самом факте совершения, а в отнятии (вполне допустимом) посредством этих актов от кого-нибудь тех или иных «благих» предметов. Возьмем для примера факт взыскания кем-нибудь «долга» с кого-нибудь.

Здесь центр услуги заключается не в самом отказе от тех поступков, которые необходимы для взыскания, а в том, что благодаря несовершению ряда этих поступков, в обладании должника остается тот или иной желательный для него предмет (земля, деньги, дом и т. д.).

Если же теперь возьмем такие акты, как вполне «законное» оскорбление, или ошельмование, или убийство, или истязание кого-нибудь, то здесь уже самый отказ совершить те или иные действия будет составлять услугу-награду. Например, отказ сдирать кожу с кого-нибудь, или убивать кого-нибудь, или обесчестить кого-нибудь и т. д.

Отрицательно-пассивные услуги первого рода будут предметными актами услуг-наград, отрицательно-пассивные услуги второго рода — беспредметными...

Если теперь мы спросим себя, в каких конкретных формах проявлялись предметные услуги данного вида, то опять-таки принуждены будем ответить: в бесконечно разнообразных.

На протяжении истории человечества мы встречаем отказ тех или иных лиц от самых различных предметов: отказ от людей: сына, отца, жены, дочери и т. д., когда эти люди могли бы поступить в полное распоряжение кого-нибудь. Оставляя эти «предметы» в руках отца, родных, мужа и т. д., — услужник тем самым не совершал (воздерживался) ряд действий и этим самым оказывал существенную услугу тем или иным дестинаторам. Примером может служить, например, отказ Иеговы от Исаака. Его требование к Аврааму — принести в жертву сына — с точки зрения Авраама, не являлось преступлением, и он готов был повиноваться этому требованию. Но Иегова отказался от этого требования, оставил Исаака Аврааму и тем самым оказал ему услугу. Другими примерами может служить ряд фактов из истории войн. Победитель, взяв, например, город, имел право отнять сына у отца, жену от мужа и т. д.; но раз он не делал этого — тем самым совершал

предметную услугу данного вида тем, у кого он не отнимал этих людей. (См., например, «Монну Ванну» Метерлинка, где отказ Принцивалле от Монны Ванны тем самым представлял услугу для Гвидо.)

Наряду с людьми в качестве предметов отказа фигурировали и фигурируют самые различные «ценности»: земля, скот, пища, деньги, дома, предметы украшений, целые области, города, села, деревни и т. д.

Точно так же бесконечно разнообразны и *беспредметные* отрицательно-пассивные услуги-награды. Воздержание от самых различных актов (не противоречащих шаблонам) выступает в истории в качестве услуг данного вида: отказ от убийства кого-нибудь, когда это убийство допустимо, отказ от истязания кого-нибудь (например, от пытания огнем, водой, железом и пр.), когда это истязание не составляет преступления, отказ от изнасилования женщины или девушки, когда оно не считается преступным, от посрамления, оскорбления, оплевания и т. д. — все эти факты воздержания от тех или иных актов — составляют уже услугу-награду по отношению к этим жертвам или другим лицам. Конкретным примером может служить отказ Ахиллеса от обесчещения трупа Гектора (воздержание его от акта предания Гектора на съедение собакам), на что он и, с его точки зрения, и, с точки зрения Приама, как победитель, имел право.

III. Активно-терпеливые услуги-награды (pati)

Под данным видом услуг-наград я понимаю акты терпения кем-нибудь тех или иных поступков, которые безнаказанно можно было бы не терпеть. Проф. Л.И. Петражицкий вполне прав, причисляя большинство заповедей Христа, например, заповедь о подставлении другой щеки тому, кто ударит по одной... к данному виду*.

С нашей точки зрения, эти заповеди, как и заповедь «блажени есте, егда поносят вас и изженут и рекут всяк зол глагол на вы лжуще Мене ради»[23], целиком относятся к данной категории, при том, конечно, простом условии, что эти заповеди рассматриваются не как обязательные должные нормы, на исполнение которых кто-

* См.: Теория права, т. II, с. 432-433.

нибудь имеет право претендовать, а как добровольные услуги-награды. А что так эти заповеди можно понимать — это следует из того, что здесь не дана карательная мотивация, а только наградная. «Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесах»[24]. И действительно, как эти, так и аналогичные акты терпения многими переживаются именно как нечто добровольное, как услуга. Там же, где смотрят на выполнение их как на обязанность и приписывают кому-нибудь соответственные права на подобные акты, — там, конечно, в категорию услуг-наград эти акты не входят.

Основное различие данной категории от предыдущей заключается в том, что в предыдущей центром действия является сам субъект услуги, ему нужно воздерживаться от тех или иных действий, он не должен подвергать тем или иным воздействиям других лиц. Здесь же действие исходит от других лиц, здесь субъекта услуги подвергают тем или иным воздействиям, которые он должен терпеть, если хочет совершить услугу-награду...

Конкретных примеров данного вида услуг-наград опять-таки великое множество. И здесь можно различать предметный вид от беспредметного. Терпение, например, ряда действий, отнимающих у кого-нибудь то или иное «благо»: жену, детей, родных, деньги, дом, землю, скот, имущество и т. д., — можно причислить к предметному типу, тогда как терпение, например, издевательства, оскорбления, насилия, истязания, заключения в тюрьме и т. д. и т. д. может служить примером беспредметного типа активно-терпеливых услуг-наград*.

Из сказанного видно, что в конце концов всякий акт услуги-награды сводится или к одному из этих трех основных типов, или к их комбинации. Все известные виды наград: выражение монаршей милости, благодарности и похвалы, раздача титулов, венков, золотых цепей, орденов, передача одежды или пищи со своего стола, возведение в высший чин, передача поместий, освобождение от тех или иных обязанностей, триумфы, передача в полную власть целых областей и городов в кормление и т. д. вплоть до награды: «проси, чего хочешь», — все эти акты входят в указанную классификацию услуг-наград. Даже такие награды, как «память потомства», «популярность», «слава» и т. д., награды, ради которых масса лю-

---

* Множество примеров как пассивно-отрицательных, так и активно-терпеливых услуг-наград дано *Дюркгеймом* в его книге «Les formes... de la vie religieuse» под общей рубрикой «Le culte negatife», p. 427-464.

дей пожертвовала своей жизнью, начиная с дикаря, подвергающего опасности свою жизнь, с воинов, храбро умиравших в битвах, с рыцарей, сражавшихся на турнирах, с Герострата, сжигающего великолепный храм, и кончая баррикадами, актами самопожертвования, замуровыванием себя в четырех стенах кабинета и т. д., — все эти виды наград в конечном счете могут быть разложены на приведенные типы услужно-наградных актов. Из сказанного же видна та огромная распространенность и та огромная роль, которую играют услужно-наградные отношения в социальной жизни.

Все сказанное, mutatis mutandis, применимо и к преступно-карательным актам.

§ 6. Шаблонизация кар и наград

Изучая взаимодействие услуги-награды и преступления-наказания, мы не можем не отметить того факта, что и наградные, и карательные акты, *будучи сначала нешаблонными, постепенно шаблонизируются.* В каждой постоянной социальной группе с течением времени устанавливается определенный курс преступлений и услуг, т. е. устанавливается вполне определенное наказание за определенное преступление и определенная награда за определенную услугу... За каждый акт, например, за повреждение носа, ушей, зубов, глаза, ноги, руки, пальца — на все устанавливается определенная цена — карательный прейскурант*. Уголовно-правовые кодексы, в частности, и представляют не что иное, как подобный карательный прейскурант. В них одна часть статьи указывает определенный акт, а другая часть — карательное «вознаграждение» за него... То же самое применимо и к услугам-наградам.

Хотя специальных «уложений о наградах» и не имеется еще в Сводах законов, но множество статей, разбросанных по различным частям и отделам, есть в каждом Своде законов.

И эти статьи, подобно карательным, также делятся на две половины: одна половина статьи определяет услужный акт, другая определенную награду за него. Достаточно с этою целью указать на табель о рангах, на статьи, трактующие о наградах (ордена, знаки монаршей милости, аренды, пенсии, кафтаны и т. д.). Правила, указывающие порядок и условия их получения, суть не что иное, как правила, определяющие характер услужного акта — с

* *Иеринг Р.* Op. cit., с. 358-359.

одной стороны, и вид соответственной награды... — с другой... Например, для получения первого классного чина (награда) от индивида требуется столько-то лет службы, такой-то образовательный ценз и т. д. (подвиги). Для получения ордена Станислава 2-й степени — требуется то-то и то-то...

Подобная шаблонизация происходит не только в области государственного права, но и в любой области социальной жизни. Для того чтобы получить, например, звание магистра (награда) — требуется ряд определенных подвигов, для доктора — ряд других. Как в случае государственной службы, так и здесь общество не принуждает никого к этим подвигам. Оно только рекомендует их и говорит: «Я тебя не обязываю быть статским советником или профессором; хочешь или не хочешь ты быть им — это твоя добрая воля. Но если хочешь получить эти награды, то выполни такие-то и такие-то подвиги».

Таким образом, в силу ряда причин (о которых будет речь ниже) кары и награды из нешаблонизированных форм переходят в шаблонизированные и вполне точно зафиксированные*.

Этот процесс есть лишь частный случай общего менового процесса, где сначала обмен вещи на вещь ничем не регулировался и не было установлено никаких эквивалентных меновых ценностей. С течением времени — эквивалентность и шаблонность устанавливается. «За такую-то вещь — можно получить то-то».

Далее — шаблонизируется постепенно и сама единица обмена: все ценности начинают выражаться одной ценностью, каковой становятся деньги. Мало-помалу всякая вещь получает вполне определенную цену, выраженную в деньгах, и шаблонизация таким образом достигает своего высшего развития.

В области кар и наград «прейскурант» преступлений и заслуг дан. Но не дана еще «единица обмена», которая одна могла бы заменить все виды «кар» (ссылку, заключение, смертную казнь, лишение прав и т. д.) и все виды наград. Можно ли предполагать, что такая единица установится и в преступно-карательном, и в услужно-наградном курсе? На этот вопрос мы попытаемся ответить в предпоследней главе, при изучении исторических тенденций кар и наград.

---

* Доказывать, что вначале ни кары, ни награды не были зафиксированными и зависели от воли карателя и награждателя, — автор считает излишним, так как это истина, известная всякому, кто немного занимался сравнительной историей права, этнографией, этнологией и историей культуры.

КНИГА ВТОРАЯ

ФУНКЦИИ КАР И НАГРАД

ГЛАВА V
ВЛИЯНИЕ КАР И НАГРАД НА ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

§ 1. Мотивационное действие наград и наказаний

В уголовном праве уже издавна существует ряд теорий, которые указывали на то, что наказания способны в значительной степени влиять на поведение индивида, заставляя его воздерживаться под страхом наказания от ряда поступков, запрещенных законом, или исполнять ряд поступков, требуемых тем же законом. В последнее время к подобному влиянию кар на поведение человека стали относиться некоторые исследователи скептически*.

Мы не разделяем этого скептицизма и думаем, что как кары, так и награды влияли и влияют на поведение человека. Мало того, мы имеем смелость утверждать, что если бы не было этих рычагов — поведение как целых народов, так и отдельных личностей было бы существенно иным.

Утверждая это, мы прежде всего исходим из того положения, что целевые и утилитарные соображения человека способны так или иначе влиять на поведение индивида. Выражаясь еще яснее, мы можем сказать, что *на поведение человека влияют представления тех выгод или невыгод* (каковы бы они конкретно ни были), *которые он связывает с теми или иными поступками в качестве последствий этих поступков*. Если какой-нибудь поступок кажется данному человеку влекущим за собой ряд желательных для него последствий (наслаждение, счастье, пользу, выгоду и т. д.), то это

* См., напр[имер]: *Ферри Э.* Op. cit., т. I, с. 352 и сл.

соображение о желательных для него последствиях соответствующим образом влияет на психику человека и заставляет его совершить поступок, который без этого воздействия не совершился бы. Выражаясь образно, здесь представления тех благ, которые вытекают из его поступка, являются особым рычагом, который давит соответственным образом на поведение человека и заставляет его совершить тот или иной акт.

Точно таким же рычагом являются и представления о ряде *нежелательных* для данного человека последствий, вытекающих из того или иного его поступка. Эти нежелательные последствия (страдание, вред, невыгода и т. д.), которые обрушатся на него, если только он совершит тот или иной акт, заставляют его воздерживаться от данного акта, который без давления этого второго рычага неминуемо совершился бы.

Награды и наказания являются частным случаем этих желательных и нежелательных последствий; представление наградной реакции (как некоего «блага», «выгоды», желательных последствий), которая может произойти, если будет совершен тот или иной акт, соответствующим образом давит на психику человека и заставляет его совершить акт или воздержаться от совершения, или терпеть что-нибудь, что без этого воздействия едва ли бы произошло.

То же относится и к карам. Кары являются одним из видов тех нежелательных последствий, которые соответствующим образом воздействуют на поведение человека и делают его иным в сравнении с тем поведением, которое было бы, если бы этого рычага кар не было.

В животном мире, где эти целевые соображения или соображения тех или иных «невыгод» или «выгод» — как последствий того или иного поступка — отсутствуют, — иначе и регулируется поведение.

Здесь все совершается инстинктивно, по раз выработанному под действием естественного подбора шаблону. Здесь, как только дан тот или иной раздражитель, — следует соответствующий акт. Все те поступки, которые совершают пчелы, муравьи, шмели и т. п., регулируются не соображениями выгоды и невыгоды, не представлениями желательных или нежелательных последствий своего поступка, а простым инстинктом, раз навсегда выработанным под воздействием подбора.

Иное дело поведение человека, в котором принимают участие целевые соображения. Здесь уже, как ниже будет указано, не все делается автоматично. И на ряде конкретных фактов можно убедиться, что представления тех или иных «выгод» и «невыгод» — как следствий поступка — существенно видоизменяют поведение. Кары и награды являются частным случаем этих выгод или невыгод — поэтому и они имеют такое же воздействие*. Подтверждением может служить бесконечное число фактов, ежедневно совершающихся вокруг нас в жизни. Приведем некоторые из них. Из наблюдений над детьми, вероятно, известно каждому, какое искушение представляют для них «лакомства». Сплошь и рядом бывают случаи, когда они не прочь бы съесть конфеты, лежащие на столе или в буфете. Но представление о том, что «папа» и «мама» будут недовольны и дадут соответствующий выговор, *удерживает* их от этого поступка. Не будь здесь этого недовольства папы и мамы (карательная реакция) — конфеты были бы съедены.

Как известно, у женщин половые эмоции и возможность половой жизни даны в современном обществе очень часто раньше, чем возможно их безнаказанное удовлетворение (брак). Сплошь и рядом мы видим, слышим и читаем, что девушка любит молодого человека и любима им. Она хотела бы «отдаться» ему, но, имея в перспективе позор и порицание общества (наказание), она остается «невинной» вплоть до законного брака, а иногда и на всю жизнь. Здесь опять-таки налицо поступок (акт воздержания), вызванный давлением наказания. Не будь этого рычага — половая жизнь регулировалась бы совершенно иначе, что мы и видим, например, в первобытных обществах, где нет наказания за половую жизнь до брака. Напротив, гораздо более снисходительное отношение общественного мнения к подобным же поступкам молодых людей ведет за собой и большее число их «падений». Рычаг давит слабее и поэтому менее сильно видоизменяет поведение «молодых людей».

---

* И чем культурнее человек — тем большее значение в его поведении играют целевые соображения, так как тем более способным он становится заглядывать в будущее и высчитывать цепь последствий, получающихся из тех или иных поступков. Первобытный же человек, по самой своей психической организации, не способен представлять себе отдаленные цели, а потому эти цели и не играют для него большой роли. Для него есть выгоды и невыгоды сегодняшнего и завтрашнего дня, но выгод, которые наступят через год или пять лет, для него нет, а потому он и не может координировать свое поведение сообразно с ними.

В тех же условиях, где мужчинам под страхом смерти запрещено половое сожительство с определенной группой женщин (в первобытных обществах с женщинами другой половины, например, у камилароев — кумиту с кумиткой), — там подобное запрещение в высшей степени редко нарушается. Между тем не будь этого представления о смертной каре, половая жизнь между этими половинами была бы иной.

Из наблюдений над политической жизнью, вероятно, каждому известна группа «сочувствующих». Это группа людей, имеющих идеалы, тождественные с идеалами революционеров, они находят вредными, отжившими и нетерпимыми действия правительства; все их симпатии на стороне революционеров, и они рады каждой их победе. При таких условиях было бы для них вполне естественным бороться вместе с революционерами, разрушать негодные институты и создавать новые. Однако они «ограничиваются» простым сочувствием, которое притом стараются ничем не обнаруживать, подчиняются всем декретам правительства и делают то, что они считают безнравственным, неправым, вредным и т. д. Почему? Потому что рычаг возможных наказаний давит в данном направлении. Не будь этого рычага — они были бы не только «сочувствующими», но и «активными» работниками.

Очень часто при усмирении бунтов многие солдаты «с болью в сердце» стреляли в «бунтовщиков». Для многих из них эти акты усмирения были совершенно «неестественны». И несомненно, совершение подобных актов почти всецело обязано своим существованием факту грозящего в виде смертной казни наказания. Не будь этого рычага, — несомненно, мы имели бы массу случаев отказа от усмирения и вообще нарушения военной дисциплины.

А сколько есть чиновников, которые честны не по убеждению, а только из боязни наказания; они с удовольствием брали бы взятки, и если не берут, то только благодаря мотивационному действию наказания — боязни лишения службы, понижения, позора и т. д.

Сколько есть лиц (преступников), морально-правовые убеждения которых нисколько не противоречат совершению ряда убийств, насилий и т. д. в каждый данный момент. И если они не делают это постоянно, то только из боязни, что подпадут под влияние наказания. Наказание давит на их поведение и видоизменяет его.

Подобных примеров мотивационного давления кар можно привести сколько угодно. Само существование кар — лучшее свидетельство этого.

При этом следует заметить, что мотивационное действие наказаний далеко не ограничивается областью межчеловеческих отношений, а выходит за его пределы, в мир отношений между человеком и его богом, человеком и животными и т. д. (религиозная карательная мотивация — см. ниже).

Все сказанное о мотивационном давлении кар целиком приложимо и к мотивационному давлению наград. Награды — это тот второй рычаг, благодаря которому человек совершает или воздерживается, или терпит ряд поступков, которых без давления наград он не совершил бы, не воздерживался и не терпел бы.

Возьмем для иллюстрации явление «взяток». Здесь в первом действии перед вами человек (например, чиновник, интендант, пристав и т. д.), который решительно отказывается совершить или воздержаться или терпеть ряд поступков, о которых вы просите.

Но вот на сцену выступает взятка (награда-услуга), и поведение индивида резко меняется... Он совершает ряд поступков, которых не совершил бы без награды. Недаром еще в Библии говорится: «Даров не принимай, ибо дары слепыми делают зрячих и превращают дело правых»[1].

Так называемые ренегаты и изменники дают второй резкий пример мотивационного влияния наград, в особенности в тех условиях, когда награда является двойной: дает ряд «благ» и вместе с этим освобождает от ряда наказаний. За последние годы мы были свидетелями фактов, когда лица, сочувствующие прежним идеалам и признающие за нечто отрицательное те акты, которые им предлагается делать, тем не менее, благодаря давлению наград, изменяли свое поведение и переходили в противоположный стан борющихся сторон. А сколько актов обязано своим существованием исключительно наградам, без которых они не могли бы совершиться! В былое время сколько «недорослей» изнывало над книгами (время Петра и Анны Иоанновны) исключительно из-за того, чтобы получить соответственные права и привилегии*. Сколько таких же «недорослей» томится теперь в учебных заведениях, которым

* См. соответствующие указы Петра и Анны Иоанновны, в частности, указ 1714 года.

столько же дела до изучаемой ими науки, сколько до жителей Марса! Если бы уничтожили абсолютно все дипломы и привилегии, связанные с образованием, то вся эта категория «недорослей» моментально забросила бы книги и занялась бы совершенно иными делами... Не будь давления наград — поведение их резко изменилось бы...

Вообще невозможно перечислить все акты, обязанные своим существованием исключительно наградам. В социальной действительности мы имели и имеем великое множество актов и величественно-прекрасных, и отвратительно-подлых, вызванных исключительно наградой. Чиновник, рабочий, студент, ученый, поэт, служащий и т. д. — все они совершают в своей жизни массу поступков, которых без наградного давления они не совершили бы... Награда в том или ином виде (повышение по службе, увеличение жалованья, хороший отзыв профессора и диплом, общественная признательность, кафедра, та или иная ученая степень и т. д.) является паром, толкающим на ряд актов действия, терпения или воздержания.

Из художественных образов Ивар Карено и его товарищ дают великолепный образец постепенного изменения поведения под влиянием наград*.

Здесь прекрасно показано, как под влиянием давления награды поведение того и другого постепенно изменялось, и в конце концов каждый из них «сжег все то, чему он поклонялся, и поклонился тому, что раньше он сжигал»[2].

В ряду других наград имеется один вид ее, так называемая *слава,* которая заставляет жертвовать самой жизнью многих из людей, начиная с Ахиллеса и кончая авиаторами наших дней или революционерами, желающими оставить вечную память о себе, или другими, обрекшими себя для получения славы на страдания и лишения. Я не буду приводить дальнейших примеров мотивационного действия наград. Их каждый подберет сколько угодно. Преломляясь и изменяясь на протяжении истории, они выступают в различных конкретных формах и выступают буквально на каждом шагу. И здесь область явлений не ограничивается междучеловеческими отношениями. Те же отношения и то же мотивационное действие наград исходило от потустороннего мира и возникало в отношениях человека с животными... (см. ниже).

---

* См. трилогию *Гамсуна* «У врат царства», «Драма жизни» и «Закат».

Из сказанного видна та громадная роль, которую в судьбах как личности, так и группы играют акты, вызываемые карами и наградами*.

§ 2. Основные теоремы мотивационного влияния наказаний и наград на поведение людей

Из обыденной жизни мы знаем, что прежде всего одно и то же наказание или одна и та же награда неодинаково действуют на поведение различных людей. Один готов продать Христа за 30 сребреников, другой же не изменит ни на йоту своего поведения и при давлении большей награды. И наоборот, различные награды и наказания имеют неодинаковое мотивационное влияние на одного и того же человека.

Ввиду этого позволительно спросить, *чем обусловливается эта неодинаковость влияния указанных рычагов*?

Конечно, указать все условия, которые определяют силу этого влияния, невозможно: они слишком разнообразны и многочисленны. Ввиду этого в нашу задачу входит только формулировка основных и наиболее важных условий, которые имеют в данном пункте решающее значение.

Для того чтобы решить эту проблему, расчленим общий вопрос на следующие три вопроса: *1) чем обусловливается различная степень влияния одной и той же награды или кары на одного и того же человека; 2) чем обусловливается степень влияния одной и той же кары или награды на различных людей и 3) чем обусловливается степень влияния различных кар и наград на одного и того же человека.*

I. Начнем с первого случая, как наиболее простого. Итак, чем обусловливается различная степень влияния одной и той же награды или одного и того же наказания на одного и того же человека при допущении его неизменяемости?

---

* В силу сказанного мы не можем не согласиться с *Г. Тардом*, вполне правильно настаивающим на тезисе громадного влияния наказания на поведение человека и его важную роль в социальной жизни. «Il est prouvé, je crois, — говорит он, закончив параграф об Efficacité des peines, — que les peines, même imparfaitement appliquées, comme elles sont, rendent service à la sociète» (La philosophie pènale. 1891, p. 477-487)[3]. Ниже будут приведены дальнейшие подтверждения влияния кар и наград на поведение человека и будет указано — в чем заключалась их социальная роль.

А) Таким основным условием является *время. При прочих равных условиях одна и та же награда или одно и то же наказание тем сильнее влияют на поведение человека, чем момент их выполнения ближе**. Наказание, готовое обрушиться сейчас, и награда, которую можно получить сейчас, действуют гораздо сильнее, чем награды и наказания, отодвигаемые в неопределенное будущее, и чем они дальше отодвигаются, тем степень их влияния становится меньше.

За известным пределом времени, различным для различных индивидов, влияние их равно нулю. Поясним сказанное. Мотивационное влияние наказания, состоящего в лишении жизни, совершенно различно тогда, когда оно грозит непосредственно и когда оно грозит, скажем, через 10 лет. В первом случае очень часто от наказываемого можно добиться почти всего, что не превышает его силы. История войн и инквизиции дает немало иллюстраций к этому положению.

История войн дает ряд фактов, когда угроза непосредственно грозящей смерти заставляла пойманного вражеского солдата раскрывать угрожающим все тайны своего войска. «Илиада» и здесь дает недурной пример. Долон, пойманный Одиссеем и Диомедом, под страхом смерти рассказывает им все, что он знает о своем войске, хотя этот акт для него и является совершенно «неестественным» поступком. Из тех писем приговоренных, которые опубликовал В.Г. Короленко в своих статьях, направленных против смертной казни, ясно видно то постепенное возрастание ужаса перед смертью по мере ее приближения, которое испытывают приговоренные. Иногда этот ужас бывает настолько велик, что приговоренные сходят с ума перед смертью или же становятся палачами, чтобы спасти свою жизнь, несмотря на отвращение их к этому ремеслу. Иначе обстоит дело тогда, когда смерть грозит через 10, 20, 30 лет.

В этом случае она неясно и смутно рисуется где-то вдали, приговоренный может успокаивать себя тем, что есть еще достаточно времени для жизни, что за это время можно и попросту умереть...

То же относится и к мотивационному влиянию других кар. История инквизиции и застенков дает немало фактов, которые в об-

---

* Здесь для краткости мы будем все выше установленные типы наградных и карательных актов по объекту (терпение, воздержание и делание) называть просто наградой и карой.

щем вполне подтверждают выставленное положение. Насколько сильно влияние непосредственно угрожающей пытки, это ясно из тех примеров, когда обреченный на пытки, перед моментом истязания, желая хоть на время отдалить ее, выдавал очень часто все тайны, всех сообщников, не только действительных, но и «мнимых», сознавался в таких преступлениях, в которых он никогда не был повинен, и т. д. Иначе действует отдаленное наказание. Его влияние на поведение тем слабее, чем оно дальше. Угроза неминуемым наказанием через 10, 20 и т. д. лет — мало действенна. *Очень маленькое, но близкое наказание вследствие этого может быть равносильным жестокому, интенсивному наказанию.* Вследствие этого вполне понятно, почему потустороннее наказание, обещаемое почти всеми религиозными системами, рисуется в ужаснейшем виде, наделяется крайне жестокими чертами и определяется «вечным и бесконечным». Загробная кара — кара отдаленная, поэтому она, чтобы иметь влияние на поведение индивида, должна компенсировать недостаток ее отдаленности избытком ужаса и жестокости. В противном случае она была бы бессильной.

Да и то при всей жестокости этой кары, она, благодаря ее отдаленности во времени, сплошь и рядом бывает недействительной... То же, mutatis mutandis, относится и к другим видам кары при данных условиях...*

Все сказанное о карах целиком приложимо и к области наград. *Одна и та же награда, производит тем большее влияние на поведение одного и того же человека (ceteris paribus[4]), чем она ближе.* Это положение давно уже было схвачено народной мудростью и выразилось в пословице: «лучше синица в руках, чем журавль в небе».

В обыденной жизни мы сплошь и рядом встречаемся с фактами, где непосредственное, но небольшое «благо» предпочитается большому, но отдаленному благу... Этим же объясняется и тот, опять-таки практикуемый религиозными системами факт, что отдаленная, в особенности же загробная награда, чтобы иметь мотивационную силу, должна быть грандиозной, продолжительной и высшей наградой. И действительно, занебесное блаженство всех религиозных систем обладает данными признаками: оно вечно, неизъяснимо-прекрасно, оно абсолютно. Этот факт роста силы

---

* См. «Записки из Мертвого дома» Достоевского, где приведены поразительные факты боязни непосредственно близкого наказания (с. 55, 59, 187 и др.).

наград или роста ценности одной и той же награды по мере уменьшения времени, отделяющего нас от нее, был уже давно замечен (хотя и неверно приложен) «школой воздержания» в политической экономии, указавшей на то, что отсрочка потребления какого-либо полезного продукта уменьшает его положительную ценность (Сениор и др.). Это положение есть частный случай указываемого здесь закона, и нельзя не согласиться с ним. М.И. Туган-Барановский, вполне правильно отвергающий те выводы, которые сделала данная школа из этой посылки в приложении к проблеме прибыли, безусловно прав, когда говорит: «Но несомненно, продолжительная отсрочка потребления не может считаться в хозяйственном отношении фактом безразличным — она является обстоятельством, уменьшающим в данный момент ценность предмета, которым можно будет воспользоваться только по прошествии продолжительного времени. Если мне предстоит выбор между двояким употреблением моего труда, причем при одном употреблении я воспользуюсь своим трудовым продуктом немедленно, а в другом случае только через десять лет, то, конечно, при обычных условиях, я предпочту первое... потому что во втором случае ценность получки, благодаря продолжительной отсрочке потребления, меньше»*.

При желании можно подтвердить сказанное рядом фактов, число которых можно увеличить ad libitum.

Указанная теорема о роли времени имеет, однако, различное значение на различных стадиях истории человечества. Особенно важную роль играет она в поведении первобытного и вообще неразвитого человека. *Для него всякая, сколько-нибудь отдаленная награда или кара, как бы она ни была велика, — не имеет никакого значения.* Это обусловливается характером его психофизической организации.

«Не обладая никакими повествованиями о прошлых событиях, человек, в его нецивилизованном состоянии, *не способен к познаванию длинных последовательностей.* Вследствие этого то *предвидение отдаленных результатов*, которое возможно для оседлого общества, обладающего мерами и письменным языком, *для него невозможно.* Это значит, что соответствие во времени развито здесь лишь в очень тесных пределах. Воспроизведения сознания простираются здесь лишь на немногочисленные последователь-

---

* *Туган-Барановский М.И.* Основы политической экономии. 1-е изд., с. 640.

ности явлений, которые притом не отличаются обширностью. И здесь существует лишь очень умеренное удаление от рефлективной жизни, в которой побуждение и действие находятся в непосредственной связи между собою»*.

При таком положении дела вполне понятно, что *отдаленная во времени кара или награда нисколько не влияют на поведение первобытного человека, ибо они равны для него несуществующей каре и награде.* И действительно, «австралийцев описывают как неспособных к сколько-нибудь настойчивому труду, коль скоро вознаграждение за этот труд может быть получено только в будущем». Отсюда же беспечность первобытных людей относительно будущего, непредусмотрительность их, импульсивность и детская веселость их поведения; отсюда же характерная для них черта — отсутствие накопления тех или иных благ на черный день и т. д.**

Отсюда же становится понятным и необходимым, что *для воздействия путем кар и наград на поведение первобытного и вообще нецивилизованного человека (неразвитого, ребенка и т. д.) необходимо, чтобы кары и награды были налицо и наступали тотчас по совершении того или иного акта.* В противном случае они будут бессильны и бесцельны. Этим объясняется ряд явлений, характерных для первобытного времени; например, поштучная система вознаграждения, отсутствие на первых порах занебесных санкций (ибо они отдаленны), ряд фактов, говорящих о том, что здесь кары и награды должны были наступать немедленно***, и т. д.

По мере развития сознания расширяется способность предвидения будущего, и тем самым растет возможность регулирования поведения, исходя из представлений отдаленных кар и наград. Теперь культурный человек координирует свое поведение с карой и наградой, которые наступят через 10, 20, 30 и т. д. лет, а иногда и выходят за пределы его жизни (слава).

Таким образом, хотя приведенная теорема о значении *времени* при одной и той же каре или награде верна вообще, но она имеет различное значение для различных людей в зависимости от их способности предвидеть будущее. [Отсюда само собой вытекает педагогическое правило: чем ниже по своему развитию человек, каковыми являются неразвитые люди, дети и т. д., тем не-

---

* *Спенсер Г.* Основ[ания] социологии, § 39 и сл., с. 47.

** См.: Ibid., с. 37, § 34, 35 и др.

*** См. ниже «Исторические тенденции кар и наград».

медленнее должны наступать кары и награды, чтобы влиять на их поведение.] Само собой разумеется, что данной теореме нисколько не противоречит и то явление, что великие люди живут для будущего, что они предпочитают будущую отдаленную награду настоящей*. Не противоречит это по той простой причине, что настоящей награде предпочитается не равноценная будущая награда, а так же, как и в случае с потусторонними наградами, награда бесконечно более ценная, высокая, вечная и т. д. Поэтому это не противоречие, а прямое подтверждение данного закона.

Такова первая теорема мотивационного влияния кар и наград.

В) Наряду с этой теоремой можно сформулировать и вторую теорему, отчасти связанную с первой. Она будет гласить: «*Одна и та же кара или награда тем сильнее влияет на поведение одного и того же человека, чем сильнее в нем уверенность в ее неизбежности*»**.

Если бы, например, преступники были убеждены в том, что за преступлением *неизбежно* последует наказание, то можно было бы смело утверждать, что число преступлений сократилось бы в этом случае на громадный процент. Ведь большинство из них, совершая преступление, всегда надеется так или иначе избегнуть наказания. С этой целью и выбираются для совершения преступления такие условия, которые дают надежду «схоронить концы в воду» и безнаказанно улизнуть. Конечно, реальной почвой для этого служит факт недоказанности в социальной жизни таких же непреложных законов, как, например, в области физико-химических явлений. Если я знаю, что, бросившись с шестого этажа — я разобьюсь насмерть, опустив палец в расплавленный свинец — я его обожгу, воткнув иголку в глаз — я ослепну, — то вполне понятно, что эта неизбежность последствий будет сильнее давить на мотивы моего поведения и сильнее удерживать меня от этих поступков, чем неопределенная вероятность, дающая надежду на то, что, может быть, я разобьюсь, а может быть и нет, может быть, «удивлю мир» своей храбростью и героизмом. То же относится и к любому акту. Степень влияния *неизбежной* кары будет гораздо большей, чем *вероятной* кары. С этой точки зрения опять-таки

---

* См., напр[имер]: *Шопенгауэр А.* Aphorismen zur Lebensweisheit. Univers. Bibliothek, S. 87 и сл.

** Сравни: *Ферри Э.* Угол[овная] социология, т. II, с. 247 и сл.

малая, но неизбежная кара или награда может быть *равна* по своему значению *большой*, но только *вероятной* каре или награде. Связь этой теоремы с предыдущей заключается в том, что кары или награды, непосредственно *близкие по времени, кажутся и неизбежными; чем более они отдаленны — тем более они гадательны* и тем меньшей становится уверенность в их наступлении, что опять-таки объясняется гадательным характером социальной жизни*.

Такова вторая теорема.

II. Теперь спросим себя, от чего зависит различная степень мотивационного влияния одной и той же кары и награды на различных людей или на одного и того же человека, взятого не неизменяющимся, как в только что разобранном положении, а взятого в различные периоды его жизни, следовательно, в состояниях, отличных друг от друга?

В этом случае решающих условий слишком много, учесть их все невозможно, поэтому приходится довольствоваться указанием только некоторых наиболее важных условий... В самом деле, почему один за награду, состоящую в чечевичной похлебке, готов продать право своего первородства, а другой за полмира не изменяет ни на йоту своего поведения? Проблема, как видно, в высшей степени важная и достаточно интересная...

А) Первое положение, которое определяет одно из важнейших в данном отношении условий, позволительно сформулировать так: *одна и та же награда или кара при прочих равных условиях произведет тем большее влияние на поведение различных людей или одного и того же человека в различные периоды его жизни, чем больше данный человек нуждается в этой награде для удовлетворения соответствующей потребности или чем большее «благо» отнимает у него кара.* Таков второй закон мотивационного действия кар и наград. Что этот закон верен — это подтверждается множеством фактов, ежедневно наблюдаемых нами в обыденной жизни. Приведу некоторые.

---

* В связи с этой теоремой стоит и тот факт, что в историческом процессе нередко различные социальные группы, не имея фактической возможности схватывать большинство преступников и наказывать их, пытались (непроизвольно) компенсировать это фактическое бессилие обещаниями страшно-жестоких кар за преступление и таким образом пытались самим обещанием терроризировать непокорных. Раз мало уверенности в том, что кары постигнут виновных, эта неуверенность непроизвольно компенсируется жестокостью и грандиозностью наказаний.

Награда в виде красивой игрушки, обещанной ребенку за хорошее поведение, существенно влияет на его поступки, удерживая от актов не рекомендуемых и поощряя к актам рекомендуемым, тогда как та же награда почти нисколько не давит на поведение взрослого или старика. Причина этого различия кроется в том, что ребенку нужна игрушка, а старику или взрослому она не нужна. Для первого игрушка «ценность», а потому и награда, для второго — она «бесценна», а потому не составляет награды. Если же взять практиковавшуюся раньше и практикующуюся еще теперь в различных формах награду, состоящую в обладании любимой и красивой женщиной, то эта награда не окажет никакого влияния на ребенка или на дряхлого старика, тогда как взрослого человека она может побудить к совершению самых опасных и необычных поступков... Причина этого различия та же, что и в первом примере. Не иначе обстоит дело и в ряде других случаев, например, награда, состоящая в передаче той или иной суммы денег, не одинаково подействует на человека, члена того общества, где деньги служат орудием обмена, и человека, где эту роль деньги не играют. В первом случае деньги — «ценность», во втором случае они бесценны или в лучшем случае могут служить только предметом украшения.

И наоборот, награда раковинками, служившими в некоторых примитивных обществах орудием обмена, — может иметь большое значение для члена этого общества и почти никакого значения для нас. Ceteris paribus награда в виде той или иной пищи произведет сильное влияние на голодного (пример: голодный Исав, продающий первородство Иакову за чечевичную похлебку), тогда как для сытого она может не иметь никакого значения. Подобно этому, награда в виде шубы или красивого платья, или рубля денег, или в виде похвалы и т. д. может очень сильно видоизменить поведение мерзнущего, не имеющего красивой одежды, бедняка, не имеющего ни гроша, молодого человека, написавшего первую работу, и т. д.; тогда как на поведение тепло и красиво одетого богача, обладающего миллионами, ученого, пользующегося мировой известностью, и т. д. она не окажет никакого давления или же в лучшем случае окажет давление бесконечно малое...

Во всех этих случаях различие влияния наград обусловливается (ceteris paribus) исключительно различной степенью нуждае-

мости в данной награде приведенных различных лиц или одного и того же лица в различные периоды его жизни.

То же следует сказать и о карах. *Одна и та же кара* (ceteris paribus) *тем сильнее изменяет поведение человека, чем большей она делает степень неудовлетворенности той или иной потребности.* Угроза отнять у голодного пищу, у мерзнущего — одежду, у бедняка — последние гроши и т. д. более действительна для голодного, чем для сытого, для мерзнущего, чем не мерзнущего, для бедняка, чем для богача, и т. д. Угроза заключением в тюрьме более действительна для того, кто не переносит тюремного заключения, чем для того, кто легко уживается и приспособляется к данной обстановке, угроза смертною казнью может произвести сильнейшую пертурбацию в поведении человека, дорожащего жизнью, тогда как на поведение человека, которому «все равно — жить или не жить», давление этой кары будет незначительно. Все эти, как и множество других аналогичных фактов, являются частными случаями указанного общего положения*...

Из этого положения видно, что степень влияния или ценности наградного действия или карательного акта зависит не только от природы и содержания самой кары или награды, но и от природы и свойств соответствующего человека... Поэтому несомненно был прав К. Менгер, когда говорил: «Характер благ не есть нечто присущее благам, не есть их свойство, но представляется нам просто как *отношение*, в котором находятся некоторые предметы к человеку и с исчезновением которого они, разумеет-

---

* В силу сказанного нельзя не признать глубоко верными следующие положения *Тарда* о тюремном заключении, положения, представляющие частный случай сформулированной теоремы: одно и то же наказание, а именно тюремное заключение, говорит он, причиняет различные страдания различным людям, в зависимости от степени их развития, количества и качества их потребностей и т. д. Крестьянин-заключенный страдает менее, чем человек с большими потребностями. «*Это слово (тюремное заключение)*, — продолжает Тард, — *есть абстрактная этикетка, данная лишениям чрезвычайно разнообразным и несходным*: это лишение для крестьянина заключается в лишении его возможности работать мотыгой (piocher), обрабатывать землю, пить в гостинице; для рабочего в лишении его посещений шантана, разговоров о политике в кафе, посещений своей метрессы, возможности бастовать и т. д., для человека высших классов — тюремное заключение означает лишение его путешествий по железной дороге, курения дорогих сигар, обладания хорошенькими женщинами и т. д. ... Точно так же и смертная казнь тем страшнее кажется человеку, и тем сильнее влияет на его поведение, чем больше радостей и счастья дает человеку жизнь...»

Tarde G. La philosophie pénale, p. 581-582. См. также: *Достоевский Ф.М.* Записки [из мертвого дома], с. 51-56, 68 и др.

ся, тотчас перестают быть благами»*. То же вполне приложимо и к карам.

В) Как частный случай нижеприводимого более общего закона, можно сформулировать следующее четвертое положение: *Степень мотивационного влияния одной и той же кары или награды на различных людей зависит от характера и интенсивности (устойчивости) их научно-религиозно-морального мировоззрения и миропонимания.* Это условие является решающим для *области потусторонних наград и кар*, игравших и играющих огромную роль в жизни человечества и решающим образом влиявших и влияющих на его поведение.

Поведение каждого верующего в бытие посюстороннего и потустороннего воздаяния, исходящего от того или иного божества, чуть ли не все целиком регулируется этими карами и наградами. Стоит для примера взять хотя бы культ предков. Для того, кто верует и признает существование душ предков, приписывает им силу награждать или наказывать, вредить или помогать, — для того награды и кары, исходящие от этих душ, весьма действительны и заставляли и заставляют совершать массу актов, которые без подобной веры никоим образом быть не могли бы. Совершение ряда актов: месть, забота о поддержании очага, всевозможные жертвы, начиная от возлияний вина и кончая человеческими гекатомбами[5] — умерщвлением жен, детей и рабов, ряд актов, требуемых от женщины, ряд институтов вроде римского adoptio[6] и т. д. — все эти акты вызваны были исключительно мотивационным действием указанных рычагов, исходящих от умерших предков**. Не будь этой веры — не имело бы места и потустороннее карательно-наградное воздействие, а следовательно, не было бы и всех указанных актов и институтов. Если я не верю в существование душ — то для меня их угрозы покарать или наградить меня за те или иные поступки будут только смешными. Если же я убежден в их бытии — я буду делать то же, что делали и все веровавшие в культ предков.

---

* *Менгер К.* Основания полит[итической] экономии. Пер. под ред. Орженцкого, с. 3.

** См.: *Фюстель де Куланж.* Гражданск[ая] община древнего мира, в которой прекрасно показано это влияние потустороннего мотивационного давления на всю древнюю жизнь (passim), а также *Bouglé.* Essais sur le régime des castes. 1908, II и III ч.

Сказанное можно приложить и к любой религии. Акты жертвоприношения, моления, мистерии, колдовство и т. д. мы находим почти в любой религии.

И несомненно, что потусторонняя карательно-наградная санкция играла громадную роль в направлении и характере поведения человека. Бесконечное множество поступков делалось или не делалось (воздержание от них) исключительно под влиянием потусторонней санкции.

Всякая религиозная система предписывала до мельчайших деталей известное поведение, рекомендуя одни поступки, приказывая другие и запрещая третьи, обещая награду за послушание (рай и т. д.) и кару за наказание (ад и пр.), и нет сомнения, что ее правила и давление ее санкций не было пустым звуком, а было могучим рычагом, управлявшим поведением человека и вызвавшим к жизни ряд поступков, предметов и институтов, как добрых, так и отвратительных*, которых без этой санкции не было бы.

Это *«расписание поведения»* имеется в каждой крупной религии, и для иллюстрации я позволю привести отрывки из Библии, законов Ману и Корана, рекомендующие одно и запрещающие другое и в то же время указывающие на положительные и отрицательные следствия послушания и непослушания.

«Если ты будешь слушать гласа Господа, Бога твоего, тщательно исполнять все заповеди Его, которые заповедую тебе сегодня, то Господь, Бог твой, поставит тебя выше всех народов земли. И прийдут на тебя все благословения сии, и исполнятся на тебе, если будешь слушать гласа Господа, Бога твоего. Благословен ты в городе и благословен ты на поле. Благословен плод чрева твоего, и плод земли твоей, и плод скота твоего, и плод твоих волов, и плод овец

---

* То же говорит и *Тейлор.* «Вера в будущее возмездие сделалась в самом деле могучим рычагом в жизни народов. Распространяясь с одинаковой силой на добро и на зло, она становилась могущественным средством для многих религий» (с. 167). См. также: *Гюйо М.* Иррелигиозность будущего (пер. под ред. Фриче), гл. III; *Де-Роберти Е.В.* Новая постановка; *Кидд Б.* Социальн[ая] эволюция. СПб., 1899, passim.

Прекрасный эмпирический материал дают также, наприм[ер], *Четьи-Минеи.* Здесь из жизнеописания ряда святых, напр[имер] Евдокии (март, 1-е число), видно, что язычники, «мытари» и блудницы переставали ими быть и делались великими подвижниками и мучениками исключительно благодаря воздействию потустороннего давления кар и наград (рай и ад). Влияние кар и наград, исходящих от сверхъестественных существ, весьма выпукло обрисовано и в книге *Дюркгейма* «Les formes» (см. passim).

твоих! Благословенны житницы твои, и кладовые твои. Благословен ты при входе твоем, и благословен ты при выходе твоем. Поразит пред тобою Господь врагов твоих, восстающих на тебя; одним путем они выступят против тебя, а семью путями побегут от тебя... И даст тебе Господь изобилие во всех благах, в плоде чрева твоего, и в плоде скота твоего, и в плоде полей твоих на земле, которую Господь клялся отцам твоим дать тебе. Откроет тебе Господь добрую сокровищницу Свою, небо, чтобы оно давало дождь земле твоей во время свое, и чтобы благословлять все дела рук твоих: и будешь давать взаймы многим народам, а сам не будешь брать взаймы. Сделает тебя Господь главою, а не хвостом, и будешь только на высоте, а не будешь внизу, если будешь повиноваться заповедям Господа, Бога твоего, и не отступишь от всех слов, ни направо, ни налево, чтобы пойти вслед иных богов и служить им.

Если же не будешь слушать гласа Господа, Бога твоего, и не будешь стараться исполнить все заповеди Его и постановления Его, которые я заповедую тебе сегодня, то прийдут на тебя все проклятия сии и постигнут тебя.

Проклят ты будешь в городе, и проклят ты будешь на поле. Прокляты будут житницы твои и кладовые твои. Проклят будет плод чрева твоего и плод земли твоей, плод твоих волов и плод овец твоих. Проклят ты при входе твоем и проклят при выходе твоем. Пошлет Господь на тебя проклятие, смятение и несчастие во всяком деле рук твоих, какое ни станешь ты делать, доколе не будешь истреблен, и ты скоро погибнешь за злые дела твои, за то, что ты оставил Меня, пошлет Господь на тебя моровую язву, доколе не истребит он тебя с земли, в которую ты идешь, чтобы владеть ею. Поразит тебя Господь местью, горячкою, лихорадкою, воспалением, засухою, палящим ветром и ржавчиною; и они будут преследовать тебя, доколе не погибнешь. И небеса твои, которые над головою твоею, сделаются медью, и земля под тобой железом... Предаст тебя Господь на поражение врагам твоим... И будут трупы твои пищею всем птицам небесным и зверям, и не будет отгоняющего их. Поразит тебя Господь проказою Египетскою, почечуем, коростою и чесоткою, от которых ты не возможешь исцелиться. Поразит тебя Господь сумасшествием, слепотою и оцепенением сердца... С женою обручишься, и другой будет спать

с нею; дом построишь, и не будешь жить в нем; виноградник насадишь и не будешь пользоваться им... И ты будешь есть плод чрева твоего, плоть сынов твоих и дочерей твоих, в осаде и стеснении, в котором стеснит тебя враг твой... И как радовался Господь, делая вам добро и умножая вас, так будет радоваться Господь, погубляя вас и истребляя вас... Жизнь твоя будет висеть перед тобою, и будешь трепетать ночью и днем, и не будешь уверен в жизни твоей. От трепета сердца твоего, которым ты будешь объят, и от того, что ты будешь видеть глазами твоими, утром ты скажешь: о если бы пришел вечер! а вечером скажешь: о если бы наступило утро!..»

«Вот, я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло... Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое, любил Господа, Бога твоего, слушал глас Его и прилеплялся к Нему; ибо в этом жизнь твоя и долгота дней твоих, чтобы пребывать тебе на земле, которую Господь с клятвою обещал отцам твоим, Аврааму, Исааку и Иакову, дать им»*.

Подобного рода мотивация (главным образом — карательная) проходит через все Пятикнижие. То же мы видим и в Новом Завете, где доминирует главным образом наградная мотивация (заповеди блаженства и т. д.). Примером *двусторонней мотивации могут служить ряд мест*: притча о десяти девах, о талантах, о Страшном суде и т. д. «Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: *прийдите, благословенные Отца Моего*, наследуйте царство, уготованное вам от создания мира. Ибо алкал Я, и вы дали Мне есть, жаждал и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня, был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне...

Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: *идите от Меня, проклятые*, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его. Ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть, жаждал, и вы не напоили Меня и т. д. *И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную*»**.

Что же касается законов Ману, то эпиграфом ко всей книге здесь могут служить ее же собственные стихи о значении наказания и награды. «Только наказание правит всеми созданными существами, только наказание охраняет их, наказание бодрствует

* Второзаконие, гл. 28 и 30.
** От Матфея, гл. 25.

над ними, когда они спят». «*Наказанием весь мир держится в порядке, ибо трудно найти человека безвинного; из страха наказания весь мир предается свойственным ему занятиям*» *и т. д.** Оставаясь верным этим стихам, этот религиозно-правовой кодекс не скупясь отпускает кары в изобилии и в виде посюсторонних и в виде потусторонних кар («превращение души в верблюда, в ящерицу и т. д.»). То же можно сказать и о наградах. Каждый акт строго расписан и за каждый акт назначена его карательная или наградная цена. То же видим мы и в Коране.

«Люди *справедливые будут пить из чаш*, наполненных смесью с кафуром. Вот источник, из которого будут пить служители Господа; они проведут его по желобам туда, куда пожелают, — справедливые люди, исполняющие свои обеты и страшащиеся того дня, бедствия которого распространяются вдаль. Кто, вздыхая о кушанье своем, подает еду бедному, сироте и пленному, говоря: "Мы даем вам пищу эту, чтобы угодить Господу и не требуем от вас ни награды, ни дел милосердных. Мы боимся со стороны Господа дня страшного и несущего бедствия". — Господь также сохранил их от несчастья дня сего, он придал блеск их челу и осыпал их радостями; за постоянство их он даровал им рай и одежды шелковые» и т. д. (Дальше идет описание рая, уже приведенное выше.) Это положительная санкция за послушание, заканчивающаяся стихами: «Вот предостережение: пусть тот, кто хочет, идет путем правым, ведущим к Господу. Он охватит своим милосердием тех, кого пожелает. Он приготовил дурным людям наказание тягостное»**. (Двусторонняя санкция.) А вот и пример карательной санкции за неисполнение предписанных правил поведения.

Горе неверным в сей день! (судный. — *П.С*).
Разве мы не уничтожили народы прошлых веков?
Разве не заменили мы их народами более свежими?
Так поступаем мы с людьми виновными...
Горе неверным в сей день!
Подвергнитесь же наказанию, которое вы считали ложью.
Ступайте под тень (дым), которая протянется тремя столбами, но не затеняет; она ни к чему не послужит вам и не защитит вас от пламени;
Она будет выбрасывать искры величиною с башню,
Похожие на рыжих верблюдов.
Горе...
Вкушайте же и наслаждайтесь здесь на земле, еще некоторое время

* Законы Ману, 7, 14-32 и др.
** Коран. «Человек», LXXVI, ст. 1-31.

вы — люди преступные.
Горе...
Когда им говорят: преклоните колена свои, они не преклоняют их.
Горе неверным в сей день!
В какую же другую книгу они уверуют потом?*

Мотивацию, подобную приведенным примерам, мы встречаем и в других религиозных системах. Каждая из них была в значительной своей части регулятором поведения, где регулирующий центр находился в потустороннем мире.

И конечно, эти награды и наказания не были пустыми словами, а действительно руководили и руководят поведением целых народов и отдельных личностей. Существование церквей, сословия шаманов, жрецов, священников, папства, существование культа, многочисленных обрядов и актов — все это продукт мотивационного влияния религиозных санкций и подтверждение этого влияния. Бесконечный ряд исторических фактов: храбрая битва скандинавских воинов, жертвующих жизнью, дабы блаженствовать в Валгалле[7], христианские мученики, с радостью идущие на смерть, дабы перейти в «лоно Отца», тысячи арабов, умирающие в битве, дабы поскорее перейти в обещанный им рай, камчадалы, кончающие с собой, чтобы обжираться на том свете салом и жиром, религиозные войны средневековья, инквизиция, костры ad majorem gloriam Dei, крестовые походы с их участниками, которым дано отпущение грехов, и т. д. и т. д. — все эти факты с возникшими из них институтами обязаны своим существованием если не исключительно, то главным образом давлению кар и наград, исходящих от тех или иных божеств.

После всего сказанного, надеемся, несомненно действие подобных религиозных санкций для того, кто в них убежден или верует**.

---

* Ibid.: «Посланные», LXXVII, ст. 14-49.

См.: подобную же двустороннюю мотивацию в *Авесте*. Avesta, III. Fragard XXXVIII, von Spiegel. I. Fragard 19-й, ст. 90 и сл.; у *Данте* вся «Божественная комедия» (Ад, Чистилище и Рай). Другие примеры см.: *Тейлор Э.*, т. II, с. 136-165; *Мензис А.* История религий (passim); *Барт.* Религии Индии; *Харузин Н.Н.* Этнография, т. IV, с. 191 и до конца; *Летурно Ш.* Социология по данным этнографии. Верования.

** Опять-таки и здесь Достоевский дает ряд великолепных иллюстраций быстрого изменения поведения в том случае, когда вера в Бога и в его справедливый суд исчезает. Начиная с поведения Кириллова (в «Бесах») с его принципом: «раз Бога нет, то я обязан заявить своеволие», и кончая поведением Смер-

Следовательно, *основным условием мотивационного влияния подобных потусторонних санкций является убеждение или верование в реальность этих санкций и тех существ, от которых исходят эти санкции.* Если индивид убежден в их непреложности — они будут действительны, если он убежден в их иллюзорности — они будут бессильны... А так как в конечном счете эта убежденность зависит от той или иной *высоты научных знаний индивида* — то отсюда следует, что действие или недействие подобных кар и наград зависит от характера и высоты знаний, присущих данному индивиду.

Но это еще не все. *В этом отношении имеет значение не только самый характер убеждений, но и степень их устойчивости и интенсивности в переживании тех или иных лиц...*

Мы знаем примеры, когда люди, верующие в реальность этих санкций, под давлением других (земных) санкций часто нарушали правила, предписываемые первыми.

Но наряду с такими «маловерами» мы знаем также личностей, которые под влиянием давления занебесных санкций ни на шаг не отступали от требуемых ими правил при давлении самых огромных земных санкций. Чем же объяснить это различие?

Занебесная санкция одна и та же, личности той и другой категории верят в их реальность, земная санкция, заставляющая нарушить «должный» шаблон поведения, может быть допущена одинаковой, а итог получается различный?.. Очевидно, что это различие может вытекать только из различной степени устойчивости или интенсивности этого убеждения. Чем сильнее убежден кто-нибудь в истинности, непреложности и справедливости «должного» поведения, требуемого занебесными санкциями, тем давление их будет сильнее, тем неуклоннее будет соблюдаться требуемое ими поведение и тем недоступнее будет данная личность для давления других (земных) кар и наград, требующих нарушения поведения, диктуемого занебесными санкциями. И наоборот, чем слабее эта степень устойчивости и уверенности — тем слабее будет влияние занебесных санкций и тем легче возможны отступления от диктуемого ими поведения.

дякова с его выводом: «раз Бога нет, то все позволено», с выводом, примененным им на практике, — Достоевский с истинно гениальной интуицией прозорливо усмотрел это влияние идей Бога на поведение человека и связанного с этой идеей возмездия за добро и зло.

Ввиду этого в вышеприведенном положении и подчеркнута, наряду с характером убеждения, интенсивность и степень уверенности в самой непреложности санкций...

Таков первый пример зависимости мотивационного влияния одной и той же кары или награды от характера и устойчивости определенных научно-религиозно-моральных убеждений... Из этого примера видно, что здесь эти убеждения служат той стеной, которая защищает индивида от влияния различных санкций. Но нет сомнения, что эти убеждения могут состоять не только из верований в существование потустороннего божества, которое требует надлежащего поведения, но «должное поведение» может диктоваться и собственными убеждениями данного лица.

Ввиду этого можно сформулировать *более общее положение* следующего характера, приложимое не только к морально-религиозным убеждениям, связанным с существованием божеств, а вообще к любому шаблону поведения, к любому «должному» поведению:

С) *Степень мотивационного влияния одной и той же кары или награды зависит от того, насколько поведение, требуемое ими, совпадает или вступают в противоречие с тем поведением, которое данный индивид считает «должным» и «справедливым»: в случае совпадения требуемого «морально-должного» (по убеждению данного лица) поведения это влияние больше, чем в случае нейтрального отношения требуемого поведения к «должному»; в случае нейтрального отношения — больше, чем в том случае, когда требуемое поведение противоречит «должному»; при достаточной интенсивности и устойчивости «должного» поведения влияние награды может совершенно парализоваться силой этого «должного» поведения. В случае равновесия давлений «должного» импульса и санкции индивид будет колебаться между двумя требуемыми поведениями. В случае неустойчивости «должного» поведения оно может быть побеждено поведением, требуемым давлением награды.*

То же ceteris paribus относится и к наказаниям. *Одна и та же кара тем сильнее влияет на поведение человека, чем более совпадает требуемое ею поведение с поведением, диктуемым совестью данного человека. В случае конфликта двух поведений победа зависит от устойчивости и интенсивности «должного» поведения: это поведение может быть настолько устойчивым, что никакая кара, даже смерть, не может повлиять на него; но оно может быть и*

более слабым, — тогда оно уступит место поведению, требуемому карой. При их равном давлении индивид будет колебаться между двумя противоположными поведениями.

Вообще в этих случаях поведение человека напоминает весы, на одной чаше которых лежит «груз» поведения, диктуемого моральной совестью данного человека.

В тех случаях, когда (при совпадении поведения) груз санкций кладется на эту же чашу, — понятно, что чаша еще больше перетягивает другую. Но когда груз (одной и той же кары или награды) кладется на другую чашу (при случае противоречия), то (принимая во внимание неизменность кары или награды) перевес той или иной чаши зависит исключительно от степени устойчивости естественного поведения.

Конкретными примерами указанных различных случаев может служить ряд фактов. Если я с любовью и без всякого давления что-нибудь делаю, например, изучаю что-нибудь или помогаю кому-нибудь, то при условии награды за это — я это буду делать еще усерднее... Если допустим, что для меня морально-обязательным является убийство того, кто меня оскорбил (кровная месть, рыцарская и военная честь), то тем больше будет мотивов сделать это, когда за убийство я буду так или иначе вознагражден или за терпение оскорбления буду наказан. Но иной уже будет степень давления кары или награды, когда этот естественный для меня акт запрещен под угрозой смерти или когда за *терпение оскорбления* я буду вознагражден в этом или в том мире. (Например, занебесная санкция Нового Завета.) Здесь *уже обе силы направлены не в одну, а в противоположные стороны.* Они сталкиваются. Возникает так называемая борьба мотивов, и исход борьбы зависит (при условии неизменности кары или награды) единственно от устойчивости актов, диктуемых «морально-должными» убеждениями. Если они устойчивы — то кара и награда бессильны. Примером этого исхода может служить тот дикарь, который, по словам Гюйо, бледнел и худел от того, что ему под страхом смерти было запрещено мстить его оскорбителю. С одной стороны, здесь «долг» отмщения требовал мести, с другой — санкция в виде смерти требовала воздержания. И все же в конце концов первая тенденция победила давление кары, дикарь исчез и через некоторое время возвратился веселый, убив своего врага.

Антигона, хоронящая труп своего брата (поведение, диктуемое ее «совестью»), несмотря на угрозу смертью за это, — второй пример победы поведения, диктуемого морально-правовыми убеждениями, над поведением, требуемым карой*.

Христианские мученики, исповедующие своего Бога, несмотря на пытки и казни, революционеры, продолжающие свою борьбу, несмотря на те же кары, всякий человек, исполняющий свой долг в ущерб своим интересам и так или иначе караемый за это исполнение своего долга (тогда как за неисполнение его он мог бы быть награжден), — все это примеры победы «морально-должного» поведения над поведением, требуемым давлением санкций.

В тех же случаях, когда давление морально-правовых убеждений равно давлению кары или награды, — «борьба мотивов» принимает особенно интенсивный характер. Человек похож тогда на буриданова осла, не знающего, куда повернуть голову, потому что и по левую, и по правую сторону его находится сено. Давление с обеих сторон одинаково, и он стоит в нерешительности. То же делается и с человеком при таких условиях. «To be or not to be» («Быть или не быть») — вот знаменитая формула Шекспира, выражающая это состояние. Человек в подобном случае колеблется, не зная, идти ли ему направо или идти налево. Он будет, подобно Гамлету, взвешивать мотивы и ничего не делать до тех пор, пока что-нибудь не нарушит этого равновесия.

---

* Именно этой прочной устойчивостью «должных» шаблонов поведения и объясняется неуспех тех или иных кар, стремящихся «вытравить» ряд поступков. Этим недосмотром и объясняются ошибочные мнения о бессилии кар, примером которых могут служить взгляды Ферри. Для подтверждения своего положения Ферри приводит ряд фактов, свидетельствующих якобы о бессилии кар противодействовать преступлениям. Как показал уже Тард, анализ Ферри весьма поверхностен и неглубок. Например, он приводит в качестве подтверждения своего положения тот факт, что ряд жестоких кар, изданных против дуэлянтов в XVII веке, не уменьшил нисколько число дуэлей, тогда как теперь, когда этих строгих кар нет, число дуэлей по меньшей мере в сто раз меньше, чем во времена Людовика XIII. Тард вполне резонно на это отвечает, что страх эшафота, острога и тюрьмы в этом случае, как и в других, ничто в сравнении со страхом перед общественным мнением, требовавшим дуэли и в случае отказа от нее шельмовавшим таких «преступников» перед общественной совестью. И моральные убеждения дуэлянтов, и общественное мнение требовали тогда дуэли. В силу этого этот «должный» шаблон поведения был весьма устойчив и мог довольно успешно сопротивляться давлению самых жестоких кар. Лучше эшафот или тюрьма, чем вечное «бесчестие», казавшееся неизбежным в случае отказа от дуэли.

См.: *Tarde G.* La philosophie pénale, p. 482-483.

Обширный класс людей, приносящих свой «долг» в жертву тех или иных выгод, — дает ряд фактов, иллюстрирующих третий исход, т. е. победу поведения, диктуемого карой или наградой, над «должным» поведением. И здесь, конечно, когда соответствующие убеждения устойчивы, — победа первого над вторым не обходится без мук совести и борьбы мотивов. Прекрасную художественную иллюстрацию этого исхода представляет Макбет Шекспира. Весь трагизм состояния Макбета заключается не в чем ином, как в столкновении поведения, требуемого «совестью» (долг подданного не убивать короля-благодетеля Дункана), с поведением, требуемым наградой, состоящей в славе и королевской власти. Моральные убеждения его говорят, что он должен охранять короля и не должен его убивать; наградное давление — требует противоположных актов. Отсюда трагизм.

Родной и подданный — я не могу
Поднять руки на короля, — говорит он, — хозяин —
Убийце должен затворить я дверь, —
Не сам своим ножом зарезать гостя.
Дункан царил так доблестно и кротко!
Высокий сан так чисто сохранял!
Его убить? О! страшен будет вопль
Прекрасных доблестей его души!
За черный грех он прогремит проклятье,
Как трубы ангелов; в сердцах пробудит
Он состраданье, как грудной младенец,
Несомый бурею; как херувим
Промчится вихрем над землей! Убийство
Восстанет призраком перед людьми
И выжжет слезы из очей народа!
И что влечет меня? Желанье славы...
Как ярый конь, поднявшись на дыбы,
Оно обрушится — и я задавлен...

Вследствие такой-то борьбы и получается состояние, которое так метко характеризует леди Макбет словами: «*Хочу*, а вслед затем: *не смею*»*.

---

* Макбет. 1-е действие, сцена VI.

Однако нельзя эту теорему толковать слишком примитивно и упрощенно. Из сказанного «любители сильных кар и наград», пожалуй, могут вывести то практическое следствие, что кары и награды будут тем сильнее влиять на поведение человека, чем они будут больше и по количеству, и качеству. (Наш тезис гласил: при *неизменности кар и наград* степень их влияния зависит от совпадения или несовпадения поведения, требуемого ими, с поведением, считаемым «должным» и обязательным.)

Но в конце концов, под влиянием манящей награды и при содействии леди Макбет, долг нарушается и поступок, вызванный наградой, совершается...

Ивар Карено «Заката» Гамсуна — второй пример, иллюстрирующий этот же исход конфликта. И все бесчисленные факты, где индивид что-нибудь делает или воздерживается от чего-нибудь исключительно «за страх», но против «совести», — все они являются частными случаями этого общего положения...

В указанных положениях, как мы видели, громадное значение имеет *устойчивость и интенсивность* морально-правовых убеждений, диктующих то или иное поведение. Таков факт, и его приходится констатировать. Но, с другой стороны, нет надобности скрывать, что эти термины заключают в себе много неясного и требуют разложения их на более простые и точные элементы. Иначе говоря, необходимо ответить на вопрос: чем вызывается и обусловливается сама интенсивность и устойчивость убеждений? Почему у одних людей, имеющих даже одинаковое мировоззрение, одинаковые религиозные верования и одинаковый характер

Но применять и толковать так просто данную теорему нельзя. Приведу пример, который разъяснит суть дела... Предположим, что мы имеем дело с доктором, который *считает своим долгом* совершенно безвозмездно лечить бедного больного. Предположим теперь, что ему сказано, если он вылечит — то ему будет награда в 1000 рублей, если не вылечит — то «голова с плеч». Спрашивается, что получится в этом случае? — Вероятно то, что доктор откажется от самого лечения. Это давление санкций там, где уже имеется более высокий мотив поведения (бескорыстный долг помощи ближнему), только испортит суть дела, оскорбит убеждения доктора, отнимет у его поступка характер его «нравственной ценности» и т. д. Итог получится отрицательный... Если бы у данного доктора не было этого прочного сознания долга бескорыстно лечить — дело обстояло бы иначе. Тут уместны были бы кары и награды. В прошлом действительно так и было. В законе Хаммурапи, например, мы имеем ряд статей о докторе такого характера. «Если доктор вылечит... глаз человека, он получает десять сиклей серебра, если же испортит и не вылечит — пусть у него (у доктора) отрежут руки» (см.: *La loi de Hammourabi.* Scheil. 1904, ст. 215, 216-227). Здесь эти санкции имели смысл. Там же, где уже выработалось сознание нравственной самоценности известного поступка, там всякий излишек кары или награды практически вреден. Вообще можно сказать, что *там, где кары и награды вторгаются в область поступков, вызываемых более возвышенными (этически) мотивами — «долгом», — там они вредны, бесполезны и т. д.* Отсюда — педагогическое правило — не злоупотреблять их применением. Лучше недостаток кар и наград, чем их избыток.

Вред, получающийся в первом случае, несравненно меньше вреда во втором случае. Избыток их портит и наказываемых, и всех окружающих, он заменяет возвышенные мотивы низменными и вызывает обратный результат...

морально-правовых убеждений, они оказываются неодинаково устойчивыми; почему у одних легко они поддаются действию кар и наград, у других же людей — совершенно не подвержены их влиянию? В силу чего у одних поведение легко изменяется под давлением рычагов кар и наград, у других же оно остается неизменным?

Ответить исчерпывающе на эти вопросы мы не беремся. Но, прослеживая последовательно основные принципы, которые будут сформулированы в седьмой главе, мы не можем не оттенить и здесь их значения; этим я хочу сказать, что *одним из существенных условий, делающих те или иные морально-правовые убеждения (а соответственно и акты, ими вызываемые) устойчивыми, является факт повторения и привычки.* А именно: чем бóльшее число раз мне приходилось совершать тот или иной акт на почве моих убеждений, тем более и более устойчивыми делаются как сами убеждения, так и вызываемые ими акты, и на почве этого в конце концов образуются определенные диспозиции, импульсивно заставляющие отвергать иное поведение.

Это положение подтверждается многочисленными наблюдениями и фактами. Одним из таких фактов являются факты борьбы с «искушениями». Предположим, что мы имеем перед собой первобытного человека, который только что усвоил принцип «не кради» как «должную» норму поведения. Предположим далее, что он находится в условиях, допускающих безнаказанную кражу... Если он ее не совершит в этот раз, в другой, в третий и т. д., то в конце концов этот принцип войдет «в плоть и кровь» данного человека и он чисто импульсивно будет отвергать возможность совершения подобного акта. Кража в силу простой импульсии, выработанной на почве подобного *повторения,* будет вызывать в нем отвращение. А в силу этого тем энергичнее он будет противодействовать обратному акту, требуемому карой или наградой. Мы думаем, что наше «естественно-импульсивное» отвращение к подобным актам, как и к актам лжи, убийства, насилия и т. д., — выработалось именно таким путем, который может создавать в нашей душе соответствующие диспозиции. Одного «убеждения» для неделания подобных актов еще недостаточно. Мы из обычной жизни знаем, что есть много людей, которые имеют прекрасные убеждения, но поступают очень «не прекрасно». Их убеждения очень непрочны, неустойчивы и то и дело нарушаются по той простой причине, что они не осуществлялись в жизни, не повто-

рялись, не вошли в привычку. Такие неосуществляемые убеждения «висят в воздухе», и вполне понятно, что они очень непрочны и легко поддаются мотивационному действию кар и наград. Факт же их реализации при каждом соответствующем условии, иначе говоря, их *повторения*, все более и более укрепляет эти убеждения, делает их все более и более устойчивыми и создает в конце концов при благоприятных условиях такую устойчивость, которая иногда совершенно не поддается действию санкций*.

То же относится и ко всем другим актам, вызываемым убеждениями. Если я считаю «должным» возвращать взятые мной взаем деньги и возвращаю их раз, два, три и т. д. — то у меня это убеждение, благодаря реализующему его повторению, превращается в нечто прочное, устойчивое и способное сопротивляться всякому искушению. Иной исход получится, если я, имея это убеждение, его нарушаю раз, два, три и т. д. Тогда убеждение превращается в «бесплотную идею», очень шаткую, неустойчивую и неспособную сопротивляться даже весьма малым давлениям выгод и невыгод...

---

* См.: об этом недурную статью *А. Бауэра* «Essai sur la logique de l'education morale» (Revue... de sociologie. 1912, № 2). С другой стороны, эта многократная реализация и частая борьба против «искушений» может быть рассматриваема как разновидность того психологического явления, которое выдвинуто было особенно резко проф. *Петражицким*. Я имею в виду его методы «противодействия» и «дразнения».

«Импульсы имеют тенденцию возрастать в силе, в случаях препятствования их реализации и удовлетворению... особенно если препятствия в удовлетворении переживаемого импульса представляются субъекту одолимыми, но при попытках одоления фактически не одолеваются вполне или окончательно, не переставая представляться одолимыми» (Теория права, т. I, с. 5).

В этом случае кары и награды, препятствующие удовлетворению нравственного долга, могут быть рассматриваемы как одни из противодействующих и дразнящих средств, возбуждающих все сильнее и сильнее соответственный и противоречащий им моральный импульс. Это дразнение в конце концов ведет к тому, что нравственный импульс получает несокрушимую силу, и человек исполнит его, хотя бы для этого пришлось идти на смерть. Иначе говоря, здесь кары и награды вызывают возможность реализации и повторения этой реализации моральных убеждений. Этим до известной степени объясняется тот парадокс, что «запретный плод сладок», что «запрещение чего-нибудь, раз это «что-нибудь» является морально свойственным данному индивиду, очень часто имеет результаты, противоположные тем, которые имелись в виду. Кары христиан, мучеников, революционеров и т. д. сплошь и рядом вызывали лишь более сильный импульс к осуществлению их «должных» шаблонов поведения. Эти кары «дразнят» эти импульсы, дают повод к их повторению и вызывают все более и более сильную тенденцию пренебречь санкциями и поступать так, как велит нравственный долг.

Аналогично с этим получится и с убеждением «не лгать»...

Повторение акта «нелгания» укрепляет это убеждение и делает его устойчивым. Человек импульсивно отталкивает в этом случае всякий акт лжи. Иным будет результат, если он, имея это убеждение, будет его нарушать, т. е. не будет иметь повторений акта «нелгания». В этом случае убеждение его «не лгать» не может быть устойчивым.

Подобных фактических аргументов можно привести сколько угодно. Мало того... *Благодаря отсутствию повторения убеждение не только делается непрочным, а потому легко подверженным давлению кар и наград, — оно может даже совсем исчезнуть и при повторении актов, противоположных убеждению, может даже смениться убеждением противоположным.*

Эта перемена одного убеждения другим, противоположным, в огромном большинстве случаев обязана именно повторению акта, противоположного убеждению.

Все «взяточники» начинают брать взятки, имея убеждение моральной ее непозволительности. Но мало-помалу, при частом «взимании взятки», в их сознании убеждение «нельзя брать взятки» — слабеет, и в конце концов они берут взятку без всяких упреков своей совести, как нечто вполне позволительное, допустимое и т. д.

Возьмите историю большинства рецидивистов-воров и «закоренелых» убийц... Все они начинают свою «карьеру» с убеждения, что красть нельзя, что убивать нельзя. Но однократное нарушение этого принципа уже ослабляет это убеждение; чем большее число раз повторяется акт, противоречащий этим убеждениям, тем меньшее и меньшее противодействие оказывают последние, и кончается очень часто дело тем, что первоначальное убеждение «нельзя красть и убивать» сменяется противоположным, возводящим в принцип кражу и убийство (см. гл. III, а также данные Ломброзо, Ферри и др.).

Как видно из сказанного, здесь мы имеем *в виду рикошетное влияние тех или иных актов на психику индивида.* Это влияние является частным случаем общего положения теорий Джемса—Ланге, разделяемой и Рибо, согласно которой в основе всяких психических аффектов лежат те или иные органические (физические и физиологические) изменения[8]. Эта теория, неприемлемая целиком, несомненно права постольку, поскольку она утверждает вообще *способность самих актов влиять на психику индивида.*

(По более точной терминологии Л.И. Петражицкого, — поскольку она утверждает рикошетное влияние актов на психические переживания.) И действительно, приведенные примеры доказывают вполне правильность сказанного... В качестве дальнейших примеров можно привести такие общеизвестные факты... Часто преднамеренное и искусственное совершение ряда актов, например, гнева, ярости, печали, улыбки и т. д. (соответствующие движения, мимика, характер голоса и речи и т. д.) фактически ведет к подлинному психическому переживанию гнева, ярости и т. д. Самый факт частого выполнения этих актов преобразует строй психических переживаний и навсегда кладет печать на психику индивида. Солдат, идущий в битву сначала лишь по приказанию начальства, выполняя ряд действий борьбы, гнева и ненависти, в конце концов, благодаря одному факту выполнения этих актов, действительно проникается ненавистью, переживаниями вражды и т. д. Артист, выполняющий ряд актов короля Лира или Отелло, — в конце концов действительно довольно часто преображается в своего героя и переживает именно те эмоции, которые должны быть у героя — Отелло, Лира... Сами мы знаем, что достаточно иногда рассмеяться (акт, выражающий веселье), и печаль может смягчиться...

Из этих примеров видно, что, *повторяя достаточно часто тот или иной акт, индивид, благодаря именно повторению, может изменить, ослабить или укрепить те или иные психические струны и убеждения.* Не чем иным, как этим фактом, объясняются те явления, что человек, вначале с отвращением берущийся за ремесло палача, в конце концов, благодаря частому исполнению актов палача, меняет свои убеждения, перестает чувствовать отвращение к ремеслу и не только по актам, но и по психическим убеждениям превращается в подлинного изверга; преступник, подходя к жертве без злостных эмоций, выполняя акты нападения, выражающие вражду, гнев, ненависть и т. п., сплошь и рядом настолько «увлекается», что действительно наполняется ненавистью «к своей жертве»; отсюда — бесцельные раны, истязания и зверства над жертвой или ее трупом, которые так часто встречаются в уголовной хронике*.

---

* Многочисленные примеры и обоснование этого рикошетного влияния актов в связи с повторением на психику человека см. в «Психологии» *Джемса* и в «Психологии чувств» *Рибо*. О значении привычки и повторения см. ниже.

Обобщая все эти случаи в применении к нашему положению, мы можем сказать, что сам факт многочисленного повторения тех или иных актов (под влиянием кар и наград) может (благодаря рикошетному влиянию акта на психику) как усилить, так и расшатать уже имеющиеся убеждения. Многократная реализация моральных убеждений укрепляет и делает их устойчивыми, многократное же нарушение их вытравляет, расшатывает и может даже совершенно уничтожить имеющиеся убеждения и выработать убеждения противоположного характера.

Отсюда понятно, что факт привычки и повторения не есть факт безразличный по отношению к устойчивости «должных» убеждений и должного поведения, а тем самым и к степени мотивационного влияния кар и наград.

Этим я не хочу сказать, что устойчивость «должного» поведения всецело сводится к явлениям повторения, а хочу только сказать, что повторение играет в этом отношении одну из самых существенных ролей...

Это же положение может быть подтверждено и в обратном отношении, а именно: путем кар и наград можно отучить от какого-нибудь поступка гораздо скорее того человека, который его многократно не повторял, чем того, который повторял его многократно.

Эту истину выражает народная пословица, гласящая: «трудно что-нибудь сделать в первый раз»; и действительно, для человека, на своем веку зарезавшего 100 человек, в 101-й раз зарезать уже будет не так трудно. И пожалуй, довольно сильные кары или награды нужны, чтобы удержать его от этой «привычки», тогда как достаточно легкого неодобрения для того, чтобы удержать от убийства человека, еще не напрактиковавшегося в этом ремесле. Человека, только что начинающего курить, очень легко отучить от этого путем простого уговора или порицания, тогда как отчаянного курильщика заставить бросить курение, действуя той же наградой или карой, едва ли удастся.

Впрочем, во избежание недоразумений следует обратить внимание на то, что бывают «привычки и привычки». Обычай подавать руку знакомому — привычка. Но обычай спать или есть ведь тоже привычка. Поэтому, прилагая данный закон, следует брать акты однородные, а не разнородные: нельзя, например, в одном случае этот закон прилагать к привычке подавания руки, а в дру-

гом — к спанью, ибо эти функции разнородные, имеющие различное значение для жизни организма.

Но при надлежащей постановке и понимании данного закона можно его прилагать и без данной оговорки. Дело в том, что биологические законы (см. ниже) дают основание для следующего вывода:

Если верны принципы теории развития и происхождения организмов и если верно в основных чертах то генеалогическое древо видов, которое дает биология, то следует думать, что акты, свойственные простейшим организмам и в то же время не исчезнувшие на следующих ступенях жизни вплоть до человека, — суть акты наиболее древние; а раз они наиболее древние — то и наибольшее число раз повторявшиеся, а раз они наибольшее число раз повторялись, то должны быть и наиболее устойчивы, а раз они наиболее устойчивы, то, согласно нашему закону, наиболее неискоренимы; ergo — всего менее подвержены мотивационному влиянию наград и наказаний.

Цепь силлогизмов безупречна, и вся история жизни служит подтверждением их. Каковы основные функции простейших? — Питание, выделение, движение и размножение. Они наиболее древни — следовательно, наименее искоренимы. И действительно, попытка искоренить их путем давления кар и наград абсолютно недействительна.

Не попытка их трансформации или временной задержки, а именно уничтожения. Никакие кары и награды не в силах это сделать. Правда, можно довести измором человека до смерти, но ведь речь идет не *об уничтожении организма*, а об искоренении и уничтожении *в этом организме* (а организм необходимо предполагает понятие жизни) определенных функций и актов. И ясно, что эта задача безнадежная. Это положение служит прямым подтверждением сказанного.

Подобно этому, можно сказать, что те акты или функции, которые появились на ступенях животной лестницы более ранних и *сохранились в ряде всех последующих ступеней вплоть до человека*, более неизменны и устойчивы, чем акты, появившиеся на ступенях более поздних, так как первые, очевидно, повторялись большее число раз. Таковы, например, акты работы желудка, легких, кровеносных сосудов, сердца и т. д.

Все они появились гораздо раньше, чем, например, акты, удовлетворяющие те или иные эстетические потребности, или акты употребления тех или иных опьяняющих и одурманивающих веществ, или акты ношения одежды, постройки жилищ и т. п., появившиеся только в человеческом обществе... Нет надобности говорить, что первые несравненно более устойчивы, чем вторые. Можно путем тех или иных кар и наград отучить человека от пьянства, от употребления одежды, от постройки домов, от слушания тростниковой дудки или симфонии Бетховена, но отучить его от того, чтобы не билось его сердце, чтобы его легкие не дышали, чтобы он не спал, — нельзя... Можно убить организм, но уничтожить подобные функции нельзя... Все привычки, повторявшиеся меньшее число раз, более изменчивы и гибки, чем привычки, повторявшиеся большее число раз. *Этим и объясняется тот закон регресса, что более поздно приобретенные акты, т. е. менее часто повторявшиеся, исчезают при вырождении всего раньше.* В каждом человеке под покровом ангела тлеют еще угли дьявола, которые при известных условиях могут вспыхнуть и сжечь все ангельское*.

То же можно было бы приложить и к любому отдельному акту отдельного человека. Количество повторений какого-либо акта одним и тем же человеком указывало бы, до известной степени, насколько устойчива в нем та или иная функция. Если данный человек убил на своем веку 100 человек, то ясно, что убить 101-го для него уже ничего не стоит.

В этом случае акт убийства для данного человека несравненно более «естествен», чем для убийцы, убившего одного человека. Отсюда само собой следует — что искоренить в первом его «склонность» гораздо труднее, чем во втором. И нужна для этого искоренения несравненно более сильная кара или награда, чем для второго. Этот факт давно уже был замечен, и недаром уже древние карательные законы за повторение преступления назначали более ужасную кару. Недаром также еще в древности было обращено внимание на наследственность преступлений, и целые семьи объявлялись нечистыми и изгонялись из обществ или же налагалось проклятие до пятого колена. Если мы имеем перед собой убийцу, потомка знаменитой семьи Юка, происшедшей от пред-

---

* См.: *Ламеер.* Esquisse de la zoologie; работы Рибо, Heger'а и др.; поправку к этому закону см.: *Демоор, Массар и Вандервельде.* Регрессивная эволюция в биологии и социологии. Изд. Поповой. СПб., 1898, с. 137, 174 и сл.

ка пьяницы и за 75 лет давшей 200 воров и убийц, 288 немощных и 90 проституток, — то не будет ошибкой предсказать, что этот убийца и впредь будет убивать...*

Ломброзо сказал бы, что он неисправимый, прирожденный преступник. Я этого не скажу, потому что между прирожденным и случайным преступником нет абсолютной грани, а вся разница между ними в конечном счете (ceteris paribus) сводится к тому же числу повторений, индивидуальных ли или наследственно приобретенных — безразлично. Ввиду того, что акты преступления (например, убийства) не есть абсолютно необходимая потребность человеческого организма (это доказывается существованием людей-неубийц), и ввиду того, что убийства и преступления вызваны не абсолютно необходимыми для всех людей и времен условиями, а условиями, в известном смысле, случайными, которые могут быть удалены, то само собой отсюда становится ясным излишний пессимизм Ломброзо о неисправимости данной категории преступников. Нет! И они исправимы, но исправимы, как видно из сказанного, с гораздо большим трудом, чем «случайные» преступники... Дрессировка животных дает еще более ясные доказательства данного положения. Нет надобности доказывать, что дрессировать животных гораздо труднее, чем «дрессировать» (воспитывать) людей... Спрашивается, почему? Потому, что шаблоны их поведения чрезвычайно устойчивы (инстинкты). А устойчивость их, в свою очередь, объясняется многочисленностью родового и индивидуального повторения при однообразных условиях... Человека можно отучить от мясной пищи и приучить к растительной, но сделать то же со львом или тигром несравненно труднее и даже едва ли возможно, по крайней мере, в течение одного или немногих поколений...

То же приложимо и ко всякой привычке. Отучить «привычного» пьяницу от вина гораздо труднее, чем человека только еще приучающегося выпивать, привычного развратника, чем только что павшего, привыкшего к чаю, чем не привыкшего, привычного игрока, чем случайного, привычного вора, чем в первый раз совершившего кражу, и т. д. Все эти и бесчисленные другие факты служат одновременно и доказательством, и иллюстрацией вышеприведенного положения об устойчивости «должных» норм поведения и отношения к этому факта повторения.

---

* См.: *Гюйо М.* Воспитание и наследственность. Изд-во «Знание», с. 9.

III. Теперь возьмем третий случай. Допустим, что у нас имеется один и тот же индивид и различные кары и награды. Спрашивается, от чего зависит то обстоятельство, что не все кары и награды давят одинаково на поведение данного индивида, а одни влияют сильнее, а другие — слабее. Чем обусловливается это обстоятельство? Дать общий ответ на этот вопрос совершенно невозможно...

Правда, можно сформулировать этот ответ в таком виде:

Из двух или большего числа карательных актов та кара имеет большее влияние, которая кажется данному индивиду более страшной, жестокой, страдательной — вообще большей и количественно, и качественно. Из двух или большего числа наградных актов — та награда имеет большее мотивационное влияние, которая в данный момент является для него более желательной, приятной, нужной и вообще — лучшей и качественно, и количественно.

Но это положение, будучи верным в общем, все же содержит в себе ряд иксов, которые для точности необходимо было бы раскрыть. Одним из таких иксов является вопрос: в силу чего тот или иной акт кары кажется данному индивиду более страшным, чем другой? И почему тот или иной наградной акт является для него более желательным, чем всякий другой? Могут на это ответить, что данный вид кары, например, смертная казнь или сдирание кожи и вырывание ногтей, причиняет большее страдание, чем всякий другой, например, лишение чести или заключение в тюрьме... И наоборот, данная награда более желательна (а потому и более сильно влияет на поведение индивида) потому, что она удовлетворяет более интенсивную потребность его...

Но все это, *будучи в общем приемлемым*, — тем не менее содержит в себе ряд неясностей и многочисленных исключений. Начнем с кар. Несомненно, что кары можно по их материальному содержанию классифицировать в определенный порядок — по степени уменьшения их жестокости. Так, уголовные кодексы почти всех стран указывают, что самым жестоким видом кары является смертная казнь в ее различных видах (сожжение, утопление, сдирание кожи, четвертование, вытягивание кишок, колесование, кипячение в масле, вине и воде, удушение, побитие камнями, низвержение со скалы, отдача на съедение зверям, зарытие в землю, повешение, расстрел, гильотинирование и т. д.). Так как смертная казнь отнимает все блага жизни и самое жизнь — то, конечно, она

в большинстве случаев и всего сильнее может подействовать на поведение.

Дальше могут идти рубрики уродующих и мучительных наказаний; затем — пожизненное заключение в тюрьме, в каторге, отнятие свободы, чести, имущества и т. д.

Каждая последующая кара, в общем, менее грозна, чем предыдущая, и, вероятно, большинство предпочтет лишение руки — смерти, лишение имущества — пожизненной каторге и т. д.

Но вместе с тем как много исключений из этого общего правила! Лишение жизни страшно тому, кто ценит жизнь; а тому, для кого она есть сумма бессмысленных страданий, — для того смертная казнь, пожалуй, скорее желательна, чем страшна... Вся категория самоубийц, «разочаровавшихся в жизни», должна быть отнесена к рубрике подобных лиц. А разве мало лиц, предпочитающих смерть лишению чести? Сколько женщин покончило с собой, начиная с Лукреции, предпочитая смерть лишению чести!.. Сколько людей, проигравших чужие деньги или так или иначе запятнавших себя, предпочитает смерть лишению чести и доброго имени! Сколько людей предпочло бы смерть длинным и мучительным истязаниям! История пыток и войн дает немало фактов, где жертвы просили своих палачей убить их, а не истязать, где раненые просили покончить с ними, а не оставлять их мучиться. И сколько людей, страдающих так или иначе, предпочло бы умереть, если бы их не останавливали те или иные мотивы загробного мщения за самоубийство или боязнь причинить страдания близким и т. д.!

Если так обстоит дело с взаимоотношением смертной казни и других кар, то ясно, что остальные виды кар еще более различно могут оцениваться различными людьми: один предпочтет моментальное уродование лица продолжительному истязанию, другой второе — первому; один согласится скорее пожертвовать обеими руками, но сохранить имущество, другой — наоборот. Для одного пожизненное заключение будет более приемлемо, чем продолжительные и частые истязания, для другого — напротив... Один пожертвует имуществом, но сохранит честь, другой поступит наоборот.

Из всего сказанного видно, что, несмотря на то, что *в общем*, может быть, и возможна известная классификация карательных актов по степени их жестокости (тем самым и по степени их мо-

тивационного влияния), однако она допускает столь значительные исключения, что сомнительным становится и сама общность правила. Это колебание еще резче проявляется в области наградных актов. Здесь почти невозможна какая бы то ни было классификация различных наград, степень желательности которых была бы одинаковой для всех людей. Да, несомненно верно, что та из наград будет более желательной (а следовательно, будет иметь и большее мотивационное влияние), которая пригодна для удовлетворения наиболее интенсивной в данный момент потребности. Но как узнать, какая потребность по своему материальному характеру наиболее интенсивна? И можно ли предполагать, что невозможен случай, в котором две или большее число потребностей являются одинаково интенсивными? Как тут выбирают или чем в таком случае руководствуются люди?

Казалось бы, можно сказать вместе с К. Менгером, что «обыденный опыт показывает, что для людей вообще наибольшее значение имеют те удовлетворения потребностей, от которых зависит сохранение их жизни, и что мера значения удовлетворений остальных потребностей сообразуется для них со степенью (продолжительностью и интенсивностью) благополучия, находящегося в зависимости от этих удовлетворений». Поэтому «если хозяйствующие лица (замените их здесь «награждаемыми» лицами. — *П.С.)* должны сделать выбор между удовлетворением потребности, от которого зависит сохранение их жизни, и другим, от которого зависит лишь их большее или меньшее благополучие, то они обыкновенно отдают предпочтение первому удовлетворению; точно так же при выборе между удовлетворениями потребностей, от которых зависит более высокая степень их благополучия, т. е. большая его продолжительность при равной интенсивности или большая интенсивность при равной продолжительности, и теми, от которых зависит меньшая степень благополучия, отдается предпочтение первым»*. Отсюда само собой следует, что, например, награда в виде пищи гораздо более желательна для голодного, чем награда в виде шахматной доски или билета на концерт Шаляпина... Все это *в общем* верно. Но опять-таки и здесь имеются такие значительные исключения, что общность правила становится в высшей степени относительной. Кто не знает многочисленных

---

* *Менгер К.* Основания полит[ической] экономии. Пер. под ред. Р.М. Орженцкого, с. 87-88.

случаев, когда предпочиталась награда, удовлетворяющая потребности, неудовлетворение которых вовсе не грозило жизни, наградам, весьма важным для жизни; примерами могут служить те лица, которые жертвовали самой жизнью (не говоря уже о жертве других благ, удовлетворявших их потребности) ради минутного обладания любимым существом. Эти факты (а уголовная и «героическая» хроника показывает, что их немало) свидетельствуют о том, что выбор между удовлетворением потребности, важной для жизни, и потребности, неважной для нее, далеко не всегда бывает в пользу первой. В самом деле, можно было бы жить и без обладания той или иной женщиной, однако достаточно бывает обещания этой награды, чтобы побудить человека на поступки, неминуемо отнимающие у него честь, свободу, имущество и очень часто самую жизнь.

Казалось, можно было бы жить без убийства своего врага, и удовлетворение этой потребности отмщения вовсе уж не так необходимо для жизни, однако дикарь, о котором говорит Гюйо в своем «Очерке морали», рискнул поставить на карту всю свою жизнь, лишь бы отомстить ему. А ведь потребность отмщения — тоже потребность. И притом свойственная не только этому дикарю, но бывшая почти у всех народов и сохранившаяся еще и теперь на Корсике (vendetta[9]), на Кавказе и сплошь и рядом фигурировавшая как награда*.

Водка или табак несомненно менее полезны для жизни, чем молоко или конфеты, однако удовлетворение «водочной» потребности — алкоголик и «курительной» потребности — курильщик — предпочтут не только молоку и конфетам, а сплошь и рядом (как, например, самоеды и другие первобытные народы) удовлетворению целого ряда потребностей, в высшей степени важных для жизни...

Да, в конце концов, мы и теперь еще сплошь и рядом поступаем не «хозяйственно», а затем, едва ли в большинстве случаев предпочитая то или иное благо, руководствуемся рассуждениями и гаданиями вроде того: насколько это благо полезно для жизни, насколько степень удовлетворения такой-то потребности интенсив-

---

* См. пример мести как награды: Библия, 2-я книга Царств, гл. 21, стихи 1-7, а о распространенности мести см.: *Ковалевский М.М.* Современный обычай и древний закон, т. II, с. 1-18; *Сергеевич В.И.* Лекции и исслед[ования], 371-384; работы *Летурно, Du Boys, Thönissen'a, Черри, Makarewicz'a* и др.

на и продолжительна и т. д. Эта рациональность поведения, может быть, будет возможна для будущего рационального человека, но она не является свойством прошлого и настоящего истории. Все это пригодно для «политики» благ и наград, а не для теории их...

Ведь раньше Менгера и школы предельной полезности эти же принципы были сформулированы (и, пожалуй, глубже) Бентамом, который в своей «Deontologie» определил благо — как удовольствие, а из различных удовольствий рекомендовал выбрать то, которое: 1) наиболее интенсивно, 2) продолжительно, 3) несомненно, 4) близко, 5) плодотворно, 6) чисто и 7) распространенно*.

Но не говоря уже о том, что никто не пользуется этой нравственной арифметикой при выборе благ, помимо этого, она, несмотря на ее ценность, не всегда годна даже и для политики благ и наград**.

Да и все эти положения как Менгера, так и Бентама не более ясны, чем сформулированное нами положение, а так как последнее свободно от тех недоразумений, которые неразрывно связаны с положениями Менгера и Бентама, то само собой разумеется, что предпочтительнее наша формулировка...

Формально она верна, но что уже каждому *конкретно* кажется наиболее желательным или не желательным — награда ли в виде пищи, или обладания женщиной, или в виде денег, или в виде головы врага или кого-нибудь другого (вспомните Саломею и ее желанную награду — голову Иоанна Предтечи), или в виде вина, книг и т. д. — то подвести под один принцип все эти «награды» мы считаем немыслимым, ибо сама действительность здесь не монистична, а плюралистична...

То же относится и к карам... Оценка тех и других различными людьми производится на основании различных мотивов — поэтому и наука, фиксирующая эти мотивы, вынуждена изображать факты так, каковы они есть. Иное дело «политика кар и наград». Здесь возможен и даже необходим тот или иной единый высший принцип, но у нас здесь о ней речи пока нет.

---

* *Bentham J.* Oeuvres. Bruxelles. 1840, т. 3, p. 448 и сл.

** См. об этом: *Гюйо М.* История и критика английск[их] учений о нравственности (СПб., 1898), где читатель найдет глубокую критику всех указанных принципов.

§ 3. Дрессирующее влияние кар и наград

В предыдущей главе мы занимались изучением вопроса, насколько можно изменить уже установившиеся шаблоны поведения, действуя путем кар и наград. В предшествующем мы видели, что это возможно, и установили некоторые общие положения, показывающие, от чего зависит успех или неуспех карательно-наградного давления.

Здесь же мы займемся этим вопросом с другой стороны. Допустим, что кары и награды успешно действуют, т. е. что под давлением этих санкций индивид совершает поступок, который без их действия не совершился бы: спрашивается, *какие изменения произойдут в поведении индивида, если давление кар и наград будет продолжаться и впредь и так же успешно*?

Возьмем для ясности конкретный случай. Предположим, что я «привычный» курильщик. Предположим далее, что издается закон, согласно которому каждый акт курения карается годичным заключением в тюрьме, а каждому переставшему курить дается награда в 1000 рублей...* Мотивационное давление будет довольно сильное, и, вероятно, я перестану курить или, по крайней мере, допустим, что я перестану курить. Не курю сегодня, завтра, целый месяц, год и т. д. Спрашивается, что будет дальше со мной? Изобразим кратко процесс. В первые дни тенденция к курению у меня будет, несомненно, очень сильной, но затем, с некоторыми неровностями, она будет постепенно падать и становиться тем слабее, чем больше проходит времени. Через некоторое время (обычно месяца через три или четыре) эта тенденция почти совсем исчезает. Если, допустим, я не курю пять или 10 лет и если через 10 лет самый закон будет уничтожен, буду ли я курить? Вероятно, нет, если знаю вред табака и если никаких потрясений со мной не будет.

Как раньше курение было привычкой, так теперь для меня некурение, благодаря долговременной дрессировке, превратилось в привычку и из «несвойственного» мне поступка превратилось в нормальный. Значит, вследствие достаточно продолжительного

---

* Пример, как видно, недалекий от действительности. Все запрещения курения, пьянства и т. д., практикуемые в гимназиях и в училищах, с одной стороны, и китайский закон, запрещающий употребление опиума — с другой, суть не что иное, как разновидности этого примера.

и успешного мотивационного давления кар и наград может быть уничтожен в поведении индивида ряд актов...

И наоборот, если мы допустим, что закон не запрещал, а приказывал курить, то тогда через 5-10 лет его действия курение для некурящего стало бы привычкой и продолжало бы существовать как «естественный акт» даже и тогда, когда исчезла бы вызвавшая его причина, т. е. уничтожен был бы данный закон. Пример с курильщиком может служить прототипом всех остальных. Известно, что англичане в некоторых своих колониях, где сохранилась еще кровная месть, под страхом наказания запретили ее. Что получится из этого? Если мотивационное действие кары будет достаточно сильно, то в первое время будут воздерживаться от мести под давлением кары. В дальнейшем, при достаточном числе повторений этого воздержания оно само станет привычкой, и не нужно будет никакого закона и кары, чтобы это воздержание продолжало существовать. Раз оно *стало привычкой — всякое давление излишне и закон будет уничтожен.* В истории известны факты, где мы видим, как свободный вначале народ, подпав под чужое иго и вынося это иго вначале только благодаря строгим карам и наградам, потом привыкал к нему и постепенно делался «рабом по привычке» или «природным рабом». Долгая дрессировка постепенно вытравила из него свободную душу и мысль о собственном достоинстве и превратила в раба, для которого уже не нужны карательные законы, чтобы заставить его повиноваться капризам деспота: он уже по природе своей стал холопом и повиновение стало его потребностью*.

---

* Как уже было указано выше — дрессирующее влияние кар и наград, основанное на многочисленном повторении одного и того же акта (делания, воздержания и терпения) связано в большинстве случаев и с *законом рикошетного влияния акта* на психические струны души. Акт, противоречащий моральным убеждениям, вначале может совершаться лишь под давлением кар и наград. Но частое совершение самого акта постепенно ослабляет само психическое переживание должного, которому он противоречит, и в конце концов может даже окончательно разрушить должные убеждения и заменить их иными, противоположными. Раз эта стадия достигнута — тогда давление санкции становится уже совершенно излишним; требуемый ими акт в этом случае будет исполняться уже и без них — спонтанно...

В качестве исторической иллюстрации приведу следующий пример подобного дрессирующего влияния, указываемый Тардом. Согласно архивным данным, в течение XV-го и XVI-го веков в Испании инквизицией было приговорено к смертной казни и к галерам 300 000 человек за «свободомыслие и религиозные преступления». Эта ужасная цифра дает основание полагать, что в это вре-

Факты военной дрессировки дают немало аналогичных случаев. Всякому, вероятно, известны «принципы и методы» военной дрессировки. Если только что попавший в солдаты деревенский парень стоит не прямо и ходит неуклюже, пускаются в ход с педагогическими целями насмешки («что пузо-то выпятил»), ругань, удары, и в результате этого получается «бравый солдат», «грудь колесом», «руки по швам», «глазами ест начальство» и т. д. Кары и награды в совокупности переделывают весь облик солдата, и полученная выправка продолжает сохраняться (особенно у николаевских ветеранов) даже и тогда, когда она уже не нужна, т. е. по выходе в отпуск.

Подобно этому и ряд других актов, например, честность, вежливость, хорошие манеры и т. д., — вначале совершающихся лишь под влиянием кар и наград, при продолжающемся давлении их и при достаточном числе повторений становятся «привычными» и делают излишней всякую санкцию...

Во всех этих случаях мы видим, что *при достаточном влиянии и продолжительности давления санкций* акты, совершавшиеся в первое время лишь благодаря мотивационному действию кар и наград, в дальнейшем *начинают выполняться уже без их давления, по привычке*, и наоборот, *воздержание или терпение какого-нибудь акта* (например, деспотизма) *вначале возможное только благодаря санкциям, потом делается «нормальной привычкой» и выполняется спонтанно...*

На этом же принципе базируется и дрессировка животных. «Приемы дрессировки собаки (как и всех животных), — вполне справедливо говорит Летурно, — заключаются в своевременных наказаниях и наградах и в создании таким путем в памяти животного автоматической ассоциации между действиями, которые хотят поощрить, и известными приятными впечатлениями, или наоборот. Для собак, от природы не дисциплинированных, что-

---

мя (исторически — цветущий период для Испании) в Испании больше, чем где бы то ни было, существовало смелых, независимых и деятельных мыслителей. Но 300 000 жертв и страх жестоких кар, терроризировавший население и аргументируемый кострами, пытками etc., — не прошли бесследно даже для целого народа. По мере карательной расправы импульсы — «веровать и действовать иначе, чем требовала инквизиция» должны были постепенно подавляться. И достаточно продолжительная дрессировка в этом направлении сделала свое дело. После этого периода работа свободной мысли в стране упала, официальная вера постепенно внедрилась в плоть и кровь народа и сделала страну образцовой с точки зрения католического клерикализма... «Костры достигли своей цели». Они изменили в значительной степени сами психические переживания и убеждения.

См.: *Tarde G.* La philos. pénale, p. 484.

бы добиться более или менее успешных результатов, необходима продолжительная и строгая дрессировка. Нужно обращаться то к карательной, то к поощрительной системе воспитания, к побоям и ошейнику или к ласкам и лакомым кускам. Но после достаточного числа хорошо выдрессированных поколений все изменяется: искусственная наклонность организуется и становится прирожденной и наследственной»*. Я не буду приводить дальнейших примеров дрессирующего влияния кар и наград. И из сказанного ясно, что они играют ту же роль, какую играет веревка, которой привязывает дерево к прямому колу, заставляющая кривое дерево держаться прямо. Пройдет достаточно времени, и веревка будет излишней: дерево «привыкнет» само быть прямым...**

Во всех этих случаях *кары и награды, в соединении с повторением и рикошетным влиянием его на психику, являются той магической силой, которая трансформирует наши нравы, наше поведение, наши привычки и вообще всю нашу жизнь.*

---

* *Летурно III.* Нравственность, с. 45.

** Дрессирующее влияние наград и наказаний есть частный случай того общего закона, который *Е.В. Де-Роберти* называет «законом предварения», *Зиммель* термином «Die Treue» и который можно вполне назвать законом «социальной инерции». «Es ist eine Tatsache von den grössten sociologischen Wichtigkeit, dass unzählige Verhältnisse in ihrer sociologischen Structur ungeändert beharren, auch wenn das Gefühl oder die praktische Veranlassung die sie ursprünglich entstehen liessen, verschwunden sind. Die sonst unbezweifelbare Wahrheit; Zerstören ist leichter, als Aufbauen — gilt für gewisse menschliche Beziehungen nicht ohne weiteres. Die Treue ein eigner Seelenzustand ist, gereichtet auf den Bestand des Verhältnisses als solchen, und unabhängig von den spezifischen Gefühls — oder Willensträgern seines Inhaltes»[10] и т. д. (*Зиммель Г.* Soziologie, S. 581-589). То же более систематично и глубоко проведено и в работах *Е.В. Де-Роберти* (см., в частности, «Новую постановку», с. 158-160). Этот закон покоится почти всецело на факте привычки и рикошетного влияния акта на психику, и им объясняются все те пережитки, которые существуют в данный момент в общественной жизни. Исполнение ряда обрядов, когда причины, вызвавшие их, исчезли, и они потеряли всякий смысл существования, существование ряда институтов, точно так же утративших свой смысл, а иногда и прямо вредных, исполнение каждым из нас ряда актов «по инерции» и т. д. — все это частные примеры этого общего закона.

На этом же факте основан и знаменитый *тейлоровский* «метод пережитков», давший такие блистательные результаты в области истории культуры. В его труде «Первобытная культура» читатель найдет и массу примеров, подтверждающих указанное положение закона «общественной инерции».

По существу, все обычаи, соблюдаемые по традиции, как в области индивидуальной, так и в социальной жизни, а также «право прецедента» суть частные случаи указанного общего положения. Особенно много иллюстраций этого закона можно найти во внешних формах социальных взаимоотношений Англии, где особенно велико уважение к традиции; для примера можно указать на процедуру открытия парламента, костюм «спикера» etc.

ГЛАВА VI
СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ КАР И НАГРАД

§ 1. Социальная борьба как следствие и симптом антагонизма моральных убеждений

Очертив в предыдущем класс преступлений и подвигов, наказаний и наград и их влияние на поведение человека, теперь мы можем выйти за пределы индивида в сферу социальной жизни и заняться изучением социальной роли санкций.

Мы видели, что преступный акт вызывает оскорбление, оскорбление переходит в неприязнь по отношению к преступнику, а иногда и во вражду и ненависть, которые затем «разряжаются» в ряд карательных актов. Эти акты направлены не только на воздаяние и возмездие, но и на недопущение и уничтожение преступных посягательств.

Взаимодействие двух лиц принимает в этом случае конфликтный характер, их поведение сталкивается и получает ту форму, которая известна под именем борьбы.*

* Термин «борьба» есть по существу термин социальной категории. Для его смысла необходимо допускать известные специфические душевные переживания борющихся лиц. Там, где этого не приходится предполагать, там употребление этого термина по сути дела незаконно. Правда, говоря, например, «о борьбе миров», столкновение двух планет или камней называют также борьбой, избитый термин «борьба за существование» бесцеремонно прилагают и к амебам, и к растениям и т. д. — но эти фразы суть лишь метафорические выражения, пережиток антропоморфных представлений. Борьба предполагает всегда некоторое *усилие*, некоторое «напряжение» и т. п., а усилие, напряжение и т. д. — это переживания чисто психические. Кто может приписывать камням или растениям «усилия», «напряжения» и т. п., тот, конечно, может говорить и о борьбе камней. Но ясно, что говорить об «усилии» камня — это говорить метафорами,

Стоит только вступить в общение двум или большему числу лиц, из которых каждый понимает по-своему разряд должного, а соответственно и рекомендованного и запрещенного поведения, и конфликт или борьба между ними будет неизбежной. Представим себе, например, двух лиц, из которых один не считает непозволительным «присваивать» себе вещи другого и действительно присваивает их, а другой является убежденным защитником права собственности и всякое покушение на этот принцип считает запрещенным. Допустим, что они стали вместе жить. Ясно, что нам не приходится ожидать согласия и гармонии в их взаимных отношениях. Конфликт в их взаимном поведении будет неизбежным, а тем самым неизбежными будут и взаимная вражда и борьба в той или иной форме... Возьмем еще пример. Допустим, что в одной социальной группе приходится жить первобытному человеку, считающему «должной» нормой поведения принцип «убивай всякого иноплеменника», и современному человеку, считающему вообще всякое убийство актом запрещенным. Первый, исполняя свою обязанность, будет стараться убивать всякого чужеродца; второй, исполняя также свою обязанность, будет препятствовать первому совершать его должные акты. В итоге различное понимание должных актов влечет за собою конфликт поведений, а последний — столкновение и борьбу. Допустим далее, что в одной социальной группе приходится жить человеку, считающему обязанностью хозяина, к которому он пришел в гости, предоставить в его пользование свою дочь или жену, а себе приписывающему

а не научным языком. Как и термин «высшие и низшие организмы» и т. п., термин «борьба» не должен был бы употребляться в ненадлежащей сфере. Можно говорить о столкновении камней, о притягательных и отталкивательных движениях амеб, а не о борьбе (См.: *Le Dantek F.* Lamarkiens, p. 7). Вполне правильно указывает Зиммель, что Was «Kampf» ist, ist berhaupt eine rein innere Erfahrung. Von aussen her sieht man gewisse Aktionen von Wesen, deren jedes sozusagen aus seinem Raum nicht zu verdrängen ist, vermöge der Undurchdringlichkeit der Materie in das andre im genauen Sinne nicht eingreifen kann. Dass die eigentümlichen Bewegungen je zweier solcher Wesen «Kampf» sind, ist eine psychologische Interpretation, das Ineinander, die in Gegenbewegungen sich vollziehende Einheit, die wir so benennen, ist eigentlich gar nicht zu definieren und ihrem Wesentlichen nach garnicht äusserlich anzuschauen, sondern kann nur innerlich erlebt werden (Soziologie, S. 754-755)[1]. Во всяком случае, «борьба», как социальная категория, в отличие от других видов борьбы, имеет право и должна быть выделена из остальных категорий «борьбы» (неорганических столкновений и биологически-рефлекторных притяжений и отталкиваний). Ее отличительным признаком является именно то, что в основе ее лежат психические переживания, вызывающие соответственные акты...

право — «пользоваться» женою или дочерью хозяина в течение ночи (явление гостеприимного гетеризма). А хозяином пусть будет человек, с обычным современным моральным сознанием, который подобные акты считает «безнравственными» и запрещенными. Первый будет требовать осуществления своего права, второй откажет. В результате — взаимное оскорбление, вражда, конфликт и борьба в той или иной форме...

Не увеличивая подобных примеров, на основании сказанного мы можем сделать следующий вывод: *если нормы «должного» поведения двух или большего числа лиц совершенно различны, а в зависимости от этого различны для каждого из них и нормы поведения «запрещенного и рекомендованного», то между поведением этих лиц, соприкасающихся друг с другом, не может установиться гармонический consensus и необходимо возникнет конфликт, а тем самым и борьба этих лиц друг с другом. В этом случае сожительство этих лиц не может носить «мирный» характер, их совокупность не может образовать «замиренной» социальной группы с прочными и постоянными формами общения.*

Из сказанного же мы можем сделать и второй вывод: *если нормы должного, запрещенного и рекомендованного поведения двух или большего числа лиц одинаковы*, если каждый из них считает «должными», запрещенными и рекомендованными те же акты, что и другие, или — еще яснее — *если каждый из них приписывает другим и себе те же права и обязанности, которые и другие приписывают ему и себе, то поведение таких лиц, согласное с их переживаниями, исключает возможность конфликта, вражды и борьбы.* Каковы бы ни были по внешней форме взаимные акции и реакции, в этом случае нет места антагонизму, вражде и ненависти; каждый из них исполняет свои права и свои обязанности, которые таковыми же признаются и другими. Один человек может даже бить другого, но если тот и другой приписывают бьющему право бить, а избиваемому обязанность терпеть побои, то с точки зрения того и другого здесь не было бы борьбы, а была бы мирная форма взаимодействия. Борьба требует противоречия убеждений и вытекающего отсюда взаимного столкновения и сопротивления; в приводимом же факте нам не дано ни сопротивление, ни конфликт убеждений, а, напротив, дано полное совпадение в понимании должного взаимного поведения. Их общение в этом случае будет носить чисто мирный характер, между их поведением будет полный consensus, выражающийся вовне в бесконфликтном

постоянстве взаимоотношений, образующих в своей совокупности то, что носит название «организации» или структуры группы...

Говоря коротко — *различное понимание должного, рекомендованного и запрещенного поведения ведет к борьбе, одинаковое — к миру и взаимному consensus'у**. А отсюда в свою очередь следует вывод:

Если в какой-нибудь социальной группе наблюдаются конфликты взаимного поведения ее членов, проявляющиеся в той или иной форме борьбы, — *значит, понимание должных, рекомендованных и запрещенных шаблонов поведения различными членами группы далеко от единства и тождественности***. Наличие конфликтов является симптомом и диагностическим признаком неодинакового понимания норм поведения. Подобно тому, как ряд внешних признаков часто служит симптомом внутренней болезни организма, так и конфликты поведения тоже служат показателем «болезненного» процесса внутри группы. Впрочем, термины «болезненный», как и «патологический», заключающие в себе известный оценоч-

---

* Сказанное, однако, не следует толковать в том смысле, что «одинаковость понимания» должного и т. д. поведения, т. е. одинаковое распределение прав и обязанностей, означает то, что каждый приписывает себе *те же* права и обязанности, что и другому. Например, если я признаю за исправником право арестовать кого-нибудь и обязанность охранять жителей от воров, то и за собой признаю я то же право и ту же обязанность. Это было бы извращением нашего положения. Наше положение об одинаковом распределении прав и обязанностей означает не тождество самих прав и обязанностей, приписываемых различным людям и себе, а тождество *наделения* правами и обязанностями. Если, например, брамин приписывает себе право жить на счет шудры и бить его, а шудре приписывается обязанность кормить его и в поте лица трудиться, и если шудра, в свою очередь, признает своей обязанностью работать на брамина и подставлять спину для его ударов, а брамину приписывает право на все это — то, хотя сами права и обязанности, принадлежащие брамину и шудре, различны, тем не менее, одинаковое понимание взаимных прав и обязанностей — налицо. В этом последнем смысле и следует понимать наши выражения: «одинаковое понимание» должных норм поведения. «Неодинаковое» же понимание означает неодинаковость *наделения* взаимными правами и обязанностями.

** Конечно, мы можем представить себе конфликты поведения или борьбу и без вызывающего ее «конфликта убеждений». Таковой является, например, «борьба за существование» на низших ступенях органического мира, где о предварительном конфликте убеждений и речи быть не может в силу отсутствия здесь психики. Но эта борьба будет уже явлением не социальным, а биологическим. Мы же говорим лишь о *социальной* борьбе, т. е. борьбе, в основе которой лежат психические переживания, остальные же разряды «борьбы» в сферу нашего изучения непосредственно не входят. Их изучают физики, химики и биологи, а не социологи.

ный элемент, не совсем удачны, и лучше их заменить термином «дисгармонический».

§ 2. Внутригрупповая роль санкций

Приняв во внимание сказанное, теперь обратимся к фактам. Человек, говорят, общественное животное[2]. Это положение несомненно верно в том смысле, что вне группы история нам не дает человека. Абсолютно изолированного человека, живущего вне общения с другими людьми, мы не знаем... Нам всегда даны *группы*, а не отдельные люди, живущие отдельно друг от друга.

Какую бы, однако, социальную группу мы ни взяли — будет ли то клан, или тотем, или фратрия, или род, или семья, или государство, или церковь etc. — все эти группы, как надындивидуальные единства, представляют «*замиренную* среду», с определенной *организацией*, с определенным фиксированным шаблоном поведения, с определенным уставом должного, запрещенного и рекомендованного взаимодействия ее членов. Ни в какой постоянной группе нет беспрерывной внутригрупповой войны всех против всех, а напротив, нормальным состоянием ее является consensus взаимного поведения ее членов.

Внутригрупповой конфликт есть лишь явление исключительное и относительно редкое. В те моменты, когда этот конфликт принимает широкие размеры, когда он охватывает большинство членов этой группы, в те моменты и группа, как некоторое единство, перестает существовать и распадается на ряд групп. Но мы знаем, что подобное распадение могло быть лишь спорадическим. Если бы оно было постоянным явлением, то исторический процесс постепенного расширения «замиренных социальных кругов» был бы немыслим, а равным образом малопонятным тогда было бы, почему человечество, находившееся в непрерывной взаимной борьбе, не исчезло...

Как бы то ни было, но свидетельство фактов дает нам группы в виде замиренных кругов. В каждой группе имеется определенный процесс взаимоотношений, требующихся от каждого члена, и определенное распределение прав и обязанностей каждого соучастника группы. Этот официально групповой шаблон поведе-

ния, проявляющийся в постоянстве отношений, и составляет то, что называется ее «организацией».

Он представляет как бы «костяк» или «скелет» группы, на котором дальше выводятся другие, более детальные узоры поведения*. Во всех группах подобный «костяк» или организация даны.

Если возьмем первобытное тотемическое общество, то мы увидим, что поведение и акты мужского пола подчинены шаблону, отличному от шаблона поведения (или взаимоотношения) жен-

---

* Имеется ряд социологов, которые пытаются установить различие между социальными группами, а соответственно и между социологией и коллективной психологией, исходя из того, имеется ли в данной совокупности людей организация и постоянство отношений или нет. Совокупность взаимодействующих людей, в отношениях которых дана «организация» и постоянство отношений, они называют обычно «обществом» и считают подобные агрегаты объектом социологии. Таковы, по их мнению, государство, семья, клан и т. д. Совокупность же людей, в отношениях которых якобы нет постоянства отношений, организации и т. п., — они называют «коллективами», «случайными агрегатами» и считают подобные группы — объектом коллективной или социальной психологии. В качестве таких агрегатов обычно указываются: толпа, театральная публика, публика, собравшаяся в трамвае, на пристани, на улице, съезды и т. д.

См. напр.: *Сигеле С.* Преступная толпа. СПб., 1896, с. 3-17; *Де-ля-Грассери.* De la psycho-sociologie (Revue internationale de sociologie. 1912, № 3 и 4); *Лебон Г.* Психологич[еские] законы эволюции народов. СПб., 1906, гл. «Душа рас»; *Росси П.* Psicologia collettiva. Milano, 1900, p. 213; Sociologia e psicologia collettiva. 2-е изд., p. 99-112, 145-149 и др.

Я думаю, что подобное подразделение социальных групп возможно было бы только в том смысле, если бы под «обществами и организованными агрегатами» мы понимали *«замиренные»* социальные группы, а под «неорганизованными и случайными агрегатами» — совокупность индивидов, находящихся в состоянии более или менее *постоянной борьбы, и войны всех против всех.* Иное деление и, в частности, вышеизложенное деление неприемлемо. В самом деле, разве съезд или толпа в трамвае, на пароходе, толпа, собравшаяся в театре, — обычно «мирная толпа» — может быть названа неорганизованным агрегатом? Разве так-таки здесь нет должных и недолжных шаблонов поведения? Разве поведение членов этих агрегатов случайно, не подчинено никаким правилам и не обнаруживает организации? Стоит поставить эти вопросы — и сразу же становится ясным, что говорить об отсутствии правил, постоянства отношений и организации здесь не приходится; не говоря уже «о правилах приличия», о трамвайных, театральных, пароходных правилах и приказах, регулирующих поведение индивидов, в них собравшихся, — эта организованность дана и в одинаковом «обычном праве», имеющемся у собравшихся. Пусть кто-нибудь попытается кричать во время представления пьесы, не заплатить кондуктору трамвая плату, высморкаться в платье своей соседки и т. д. — и он очень «чувствительно» убедится и в организации, и в постоянстве отношений, и в моральном единстве собравшихся, а тем самым и агрегатов. Иной была бы картина, если бы собравшиеся представляли не мирную, но воюющую группу.

ского пола. Мужчины en masse выполняют одни функции, женщины — другие.

Далее — как мужчины, так и женщины, разделяются на ряд возрастных групп. Функции, «права и обязанности» каждой возрастной группы отличны друг от друга и, в основных чертах, вполне определенно зафиксированы...

Как половые, так и политические функции, функции пользования добычей и т. д. точно так же имеют определенные шаблоны или обнаруживают устойчивую форму, которая и осуществляется постоянно при соответственных условиях. (Деление мужчин и женщин на две половины, обычно — трафаретные шаблоны брачных отношений, которые всеми выполняются и которые считаются «должными», организация правления — главарь, совет старейшин и вече из мужчин полноправной возрастной группы; способы решения тех или иных вопросов и способы их осуществления, способы совершения общественных празднеств, — например, австралийского «короборри», мистерий, молений и т. д.).

В основных своих чертах способы взаимоотношений определенно зафиксированы и неуклонно выполняются. Каждый член тотема выполняет те функции, которые ему «предназначены»: мужчина-ребенок, не перешедший во вторую возрастную группу, не может выполнять функций, свойственных второй возрастной группе; если бы он это почему-либо попытался сделать — в результате вызвал бы реакцию со стороны остальных, которая заставила бы его подчиниться «обычаю» дедов и отцов...

Мужчина не может вступать в брачные отношения с женщиной своей половины. Шаблон брачных взаимоотношений таков, что он позволяет ему вступать в половые сношения только с женщиной (соответствующей возрастной группы) другой половины. (У камилароев, например, делящихся на кумитов и кроков, мужчина кумит может быть мужем женщины кроки и наоборот — таков шаблон, — но кумит с кумиткой не может иметь брачных сношений.)

---

* Об организации первобытной группы см. ряд трудов, в частности: *Харузин Н.Н.* Этнография. Семья и род; *Ковалевский М.М.* Происхождение семьи и собственности; *Его же.* Социология, т. II; La societa primitiva (*Cosentini.* Sociologia. 1912, Capo II); *Морган Л.* Первобытное общество; *Тахтарев К.М.* Очерки по истории культуры, в особенности же *Б. Спенсер и Гиллен.* The native tribes of Central Australia and of South Australia; а также работы *Файсона, Хауитта, Фрэзера, Стрелова* и др.

Подобным же образом тот или иной шаблон дан налицо и во всех остальных видах взаимодействия первобытной группы*.

Таким образом, ряд процессов и форм поведения заранее зафиксирован в том или ином виде и выполняется большинством членов.

Аналогичное же мы найдем и во всех остальных обществах, как древних, так и новых...

Разбойничья банда с ее атаманом, есаулами и остальными членами, функции которых строго распределены и зафиксированы; род, с «домачином» или «патриархом» во главе и с различными категориями остальных сородичей; древнее кастовое общество с рядом общественных каст, из которых функции каждой обнаруживают тот же шаблон, рабовладельческое общество с известными трафаретами взаимоотношений господ и рабов и т. д. — все эти и бесчисленные другие общества дают нам ряд шаблонов, которые и составляют организацию или «конституцию» (писаную или неписаную — безразлично) этих социальных агрегатов.

Что же касается таких обществ, как новейшие государства, научные, технические, спортивные, церковные и т. д. общества, — то «конституция государств», «уставы» обществ, «символ веры» и вероучение церкви — вот внешние показатели шаблонных взаимодействий, имеющихся в данных социальных агрегатах... Как и в любом первобытном обществе, и здесь налицо даны шаблоны ряда процессов общения, которые заранее «предопределяют» формы ряда взаимоотношений и неуклонно выполняются большинством членов.

Констатировав это фактическое положение, теперь мы должны спросить себя: *как возможна подобная замиренность? Как возможно подобное мирное постоянство отношений?* В силу чего нет здесь постоянных конфликтов и войны, если «не всех против всех», то одной части группы с другой?

Постановка этих вопросов имеет свой смысл и основание. В самом деле, раз нет постоянной борьбы, раз нормальное состояние группы есть мирное состояние — то это наводит нас на предположение, что «должные» нормы поведения здесь всеми понимаются одинаково. Это предположение само собой напрашивается потому, что в силу сказанного выше, *если бы был конфликт убеждений, то должен был бы быть налицо и конфликт поведений,*

т. е. взаимная внутригрупповая борьба. А отсюда, казалось бы, само собой следует, раз нет борьбы, ergo — есть consensus моральных норм поведения. В силу этого consensus'а и исключается всякая борьба, всякий конфликт и возможна устойчивая, мирная организация группы.

Это умозаключение кажется с первого взгляда вероятным и правдоподобным. Но... при более детальном изучении дела правдоподобность его становится подозрительной. Она подозрительна потому прежде всего, что представляет вывод от следствия к причине, что, как известно, делать не особенно рекомендуется. А во-вторых, даже допустив, что это умозаключение правдоподобно, непонятным становится сам факт возможности этого consensus'а в понимании должного взаимного поведения. В самом деле: как возможен был бы этот consensus? Даже допустив, что он *дан* уже в группе, малопонятным становится его сохранение и поддержание в течение ряда десятилетий.

Очевидно, это было бы возможно в двух случаях. Во-первых, при отсутствии изменений во внутригрупповой жизни. Тогда было бы понятно, что раз одинаковость моральных убеждений членов группы дана и дано бесконфликтное поведение, то этот «мир» не может нарушиться в силу того, что жизнь группы не изменяется, не эволюционирует, а «стоит на месте». Второе условие, при котором раз данная бесконфликтность могла бы существовать и в дальнейшем, заключалось бы в допущении *одновременного* и сходного изменения моральных шаблонов поведения у всех членов группы. Моральные убеждения могли бы измениться, но социальный consensus убеждений и поведения членов группы мог бы существовать в силу того, что убеждения, а соответственно и поведение изменялись бы одновременно и в одном направлении у всех членов группы.

В этом случае эволюция групповой жизни была бы похожа на роту марширующих солдат, которые хотя и двигаются вперед, но порядка и стройности в этом движении не нарушают...

Таково второе условие, при котором было бы понятным сохранение допущенного нами consensus'а в понимании норм поведения у всех членов группы.

Но ясно, что ни то, ни другое условие de facto никогда не даны. «Статическое» состояние ни для какой группы не возможно. Сам факт жизни в группе и взаимного общения ее членов между со-

бою, как будет показано ниже, чисто механическим путем вызывает непрерывные изменения в жизни группы.

Не менее невозможным является и второе условие.

Моментальная, одновременная и тождественная смена шаблонов поведения у всех членов группы не только в древних обществах, но и в современных обществах почти не дана, хотя последние и имеют в этом отношении ряд преимуществ по сравнению с древними обществами (см. ниже). Раз это так, то спрашивается, *как же возможна эта относительная бесконфликтность внутригрупповой жизни*? В силу сказанного ясно, что почти всегда в любой группе есть и должны быть «отщепенцы», инаковерующие и инакомыслящие, чем другие, *верующие* и *мыслящие согласно официальным шаблонам поведения группы*. Спрашивается, почему же поведения этих двух групп не всегда сталкиваются друг с другом?

Вот здесь-то и выступают кары и награды и их мотивационно-дрессирующее влияние.

Каждая социальная группа всегда имеет в своей среде «инакомыслящих», т. е. преступников, но не все «инакомыслящие» реализуют свои «противообщественные» нормы должного поведения. Напротив, сплошь и рядом эти «отщепенцы», несмотря на конфликт своих представлений «должного» поведения с представлениями другой части группы, нормы которой являются и официальными нормами группового поведения, — сплошь и рядом они ведут себя не согласно своим убеждениям, а согласно нормам «официальным». Подобное противоречие убеждений и поступков вызывается не чем иным, как давлением кар и наград, исходящим от другой части социальной единицы. *Только кары и награды могут отвратить их от исполнения актов, требуемых их моральным сознанием* (т. е. представлениями должного, запрещенного и рекомендованного поведения). Если бы их не было, то не было бы ничего, что помешало отщепенцам вести себя согласно своим нормам поведения, а значит, без них невозможно было бы и бесконфликтное состояние замиренной группы. *Без кар и наград внутригрупповая борьба была бы не спорадическим, а постоянным явлением, и взаимодействие людей в самом деле было бы bellum omnium contra omnes*[3].

Именно кары и награды, а не что иное, заставляли и заставляют таких «отщепенцев» делать то, что они считают по своим убеждениям запрещенным и преступным делать, воздерживаться от тех актов, воздержания от которых не требует их моральная со-

весть, и терпеть то, что без кар и наград они не стали бы терпеть... Мотивационное давление санкций являлось здесь тем рычагом, который поддерживал бесконфликтное состояние группы, заставляя отщепенцев вести себя согласно требуемым «официально» шаблонам поведения, шаблонам, противоречащим их собственным нормам должного поведения. А по мере того как под влиянием мотивационного давления они все чаще и чаще выполняли эти «противоестественные» для них поступки, по мере того начинало действовать дрессирующее влияние санкций в связи с рикошетным действием акта на психику, в результате чего «отщепенцы» и «инаковерующие» превращались в «единоверцев», в «истинных сынов своей группы», забывая свои нормы и впитывая в плоть и кровь требуемые карами и наградами шаблоны поведения.

Следовательно, *наш ответ на вопрос: как возможно бесконфликтное и мирное взаимоотношение членов группы друг к другу при наличии конфликтного состояния их норм должного поведения? — гласит: оно возможно благодаря соединенному действию мотивационного и дрессирующего влияния кар и наград.* Это они виновники того, что поведение индивидов принимает формы, не конфликтные друг с другом, и взаимодействие их происходит без значительных трений. Если бы, например, в России, где шаблоны «должного» поведения фиксированы в своде законов, вдруг уничтожены были бы все санкции, как положительные, так и отрицательные, как исходящие от государственной власти, так и от общественного мнения, — то можно себе представить, какая пертурбация произошла бы в междуиндивидуальном поведении членов государства: во-первых, бесконечно возросли бы убийства, так как многие не убивают других не потому, что акт убийства для них противен, а из боязни кары; соответственным образом повысилась бы и цифра других преступлений против личности; участились бы кражи и грабежи, нападения на банки и на казначейства, так как многие не крадут и не грабят опять-таки лишь из боязни наказания; масса должников отказалась бы от платежей: «свобода слова» приняла бы своеобразные формы; тысячи людей, не надеясь на награды, бросили бы службу или стали бы вести ее недобросовестно; тысячи студентов перестали бы учиться, так как ученье не давало бы прав и дипломов, и вообще, выражаясь языком Ману, «ворона стала бы клевать жертвенный пирог, а собака

* Законы Ману, 7, 21.

стала бы лизать жертвенные снеди, и не осталось бы ни у кого собственности, низшие захватили бы места высших»*.

Одним словом, характер внутригруппового взаимодействия совершенно изменился бы и изменился бы в сторону повышения конфликтов и борьбы. Старого шаблона поведения стала бы держаться лишь часть подданных, которые «законно» поступали не только за страх, но и за совесть. Другая же часть, которая несомненно имеется, круто переменила бы свое поведение в том направлении, какое диктуется ей ее моральными убеждениями. Кары же и награды, как государственные, так и общественные, долженствующие наступить в случае поведения, несогласного с шаблоном, требуемым карами и наградами, — являются той магической силой, которая сначала (благодаря мотивационному действию) удерживает индивида от «преступлений» и подталкивает «на подвиги», а затем и чуждые ему вначале акты и поступки делает органически свойственными (дрессирующе-рикошетное влияние кар и наград).

Вообще говоря, как только в социальной группе появилась гетерогенность[4] понимания должного взаимоотношения между двумя или большим числом ее частей*, выходом из этого положения могут быть только два основных способа:

I. а) Первый возможный исход тот, что *группа может распасться* на две или большее число частей... Часть членов с одними шаблонами взаимоотношений отделится от другой, имеющей также одинаковые шаблоны. Конкретный пример такого исхода дает Библия. «И был спор между пастухами скота Аврамова и между пастухами скота Лотова... И сказал Аврам Лоту: да не будет раздора между мною и тобою, и между пастухами моими и пастухами твоими, ибо мы родственники; не вся ли земля пред тобою? отделись же от меня; если ты налево, то я направо; а если ты направо, то я налево... и избрал себе Лот всю окрестность Иорданскую; и двинулся Лот к востоку. И отделились они друг от друга. Аврам стал жить на земле Ханаанской; а Лот стал жить в городах окрестности и раскинул шатры до Содома»**. Дальнейшими примерами этого исхода могут служить, например, эмиграция квакеров из Англии в Америку, удаление плебеев на Священную гору, раз-

---

* А как увидим ниже, эта гетерогенность непрерывно вызывается самим фактом социального общения.

** Бытие, гл. 13.

деление крестьянской семьи на две из-за взаимных ссор и т. д. Разновидностями этого исхода могут служить и ряд других явлений, бывших и существующих еще и теперь. Сюда относится, до известной степени, изгнание одного или ряда членов из группы. Остракизм, русское изгойство, кавказское абречество и т. д. и вообще удаление ряда членов из группы (добровольное или принудительное), членов, поведение которых не совпадает с поведением остальных, — все это разновидности данного исхода. Недурно формулирован этот исход Пушкиным в словах старого Цыгана, обращенных к Алеко...

Оставь нас, гордый человек!
Мы дики, нет у нас законов,
Мы не терзаем, не казним,
Не нужно крови нам и стонов;
Но жить с убийцей не хотим.

Поведение Алеко, как и всех удаляемых из группы лиц, не совпадает с шаблонами группы, и группа разделяется путем ли добровольного решения, как в примере с Лотом, или путем насильственного изгнания, каковое имело место в случаях изгойства, остракизма, абречества, немецкого Friedlosigkeit[5] и т. д.

b) Таков первый возможный исход. Разновидностью его служит борьба не на жизнь, а на смерть между членами группы, шаблоны поведения которых противоречат друг другу... Сюда же относятся и столкновения двух обществ с различными шаблонами поведения*. Результатом этой борьбы может быть полное уничтожение одной из враждующих сторон.

Между различными группами, или между двумя частями группы, или между двумя индивидами, благодаря конфликту, возникает борьба. И чем тверже, устойчивее шаблоны поведения каждой из враждующих групп, тем ожесточеннее и свирепее война, которая кончается лишь *уничтожением одной из враждующих* сторон. Примеров подобного исхода больше всего дает животный

* Для нас здесь совершенно безразлично, на какую из двух теорий происхождения рас и групп мы встанем: на полигенетическую ли теорию Гумпловича или на теорию происхождения различных групп из одного источника. Для нас важно лишь наличие конфликтных шаблонов поведения двух индивидов или двух групп; а это наличие может быть не только при столкновении двух различных групп, но может и должно появиться и в пределах одной группы. (См. ниже гл. VII).

мир, где шаблоны поведения особенно устойчивы... «Борьба за существование» между различными видами животных может быть рассматриваема как частный вид этого исхода...

И человеческая история дает немало примеров данного исхода. Вражда двух родов в древних общинах на почве кровной мести сплошь и рядом приводившая к гибели одной или обеих сторон; первобытные войны между различными группами, кончавшиеся поголовным истреблением одной стороны; уничтожение целых народов, например, мексиканцев и перуанцев другими народами; все вообще войны народов, приводившие и приводящие к уничтожению значительной части враждующей стороны; религиозные столкновения, наподобие Варфоломеевской резни; казнь «преступников» в прошлом и в настоящем; убийство одним индивидом другого (убийство — месть, дуэль, смертные поединки и т. д.) — все это различные иллюстрации данного исхода и решения конфликтов. Таким образом, оба указанных исхода ведут к распылению и разрушению группы, к ее распадению на две половины или же к гибели одной или обеих половин.

II. Но возможен и иной исход. Разгоревшаяся борьба кончается не полным уничтожением более слабой стороны, но *насильственным подчинением ее победителям; победители силой* принуждают побежденных поступать так, как требуют шаблоны поведения первых. В этом случае единство группы или общества остается, но оно основывается не на «добровольном» «согласии» всех членов поступать определенным образом, не на consensus'е представлений должного поведения всех членов группы, а на насильственном принуждении одних другими.* Равным образом из двух различных столкнувшихся групп может возникнуть одна группа, основанная на том же принуждении...

Средствами «принуждения» являются те или иные акции и реакции, положительные или отрицательные, сознательно или бессознательно устанавливаемые.

Существование подобных положительных и отрицательных актов, наказаний и наград, заставляющих одних насильственно поступать «против своей воли» так, как указывают другие, и служит свидетельством негармоничной, беспорядочной или конфликт-

* Под силой мы понимаем не только чисто физическую силу, но все то, что дает одному индивиду или одной группе перевес над другой, а так как более высокая степень умственного развития здесь играет сплошь и рядом решающую роль, то игнорировать «психическую силу» мы никоим образом не можем.

ной смены одних шаблонов взаимоотношений другими или одних шаблонных актов, приспосабливающих к социальной среде, другими.

Сделаем резюме сказанного. Если бы в каждой социальной единице представления должного, запрещенного и рекомендованного поведения и соответствующее этим представлениям поведение было одинаково у всех членов группы, то внутригрупповая жизнь и ее эволюция совершалась бы бесконфликтно, гармонично и не давала бы места никакой борьбе и никаким кризисам...

Но предположение этого единства морального сознания недопустимо. В каждый данный момент в «несвободных» социальных группах (т. е. таких, выступление и выход из которых не зависит от воли индивида: государство, семья, тотем и т. д.) имеется налицо разнородность понимания должного поведения и в силу этого конфликт «убеждений». Раз этот конфликт дан, то группа может избегнуть конфликта взаимного поведения или тем, что она разделится на две или большее число частей (Аврам и Лот, патриции и плебеи и т. д.), или же в ней начнется борьба антагонистических сторон не на жизнь, а на смерть. Когда одна из борющихся сторон будет уничтожена — тогда вновь возможно моральное единство и бесконфликтное поведение другой стороны.

Оба эти «выхода», однако, являются более редкими, чем третий исход, а именно насильственное подчинение одной части группы другой и насильственное принуждение более слабой части к тому поведению, которое согласно с моральными воззрениями более сильной части... Средствами принуждения являются карательные и наградные акты. Они делают возможным монистически-бесконфликтное поведение внутри группы и мешают гетерогенно-конфликтному поведению. Говоря образно, они служат теми обручами, которые связывают группу в единство и не дают возможности ей рассыпаться. Благодаря им делается возможным более или менее мирное общение антагонистических единиц...

Следовательно, *внутригрупповая роль кар и наград заключается в создании, сохранении и укреплении внутригрупповой солидарности, в недопущении распада, в подавлении взаимной борьбы и в приведении ее антагонистических элементов к общему моральному единству, что достигается при посредстве дрессирующе-рикошетного влияния санкций.*

---

* Почему они даны, см. ниже...

Отсюда понятно, почему кары и награды даны в любой социальной группе. Они неизбежны потому, что всегда в таких группах даны антагонистические элементы*. А раз они есть, неизбежны и кары с наградами, как следствие и симптом этого индивидуального антагонизма.

Иначе говоря, сами санкции есть скрытый вид борьбы, которая не реализуется, коль скоро нет нарушения «официально» требуемого поведения. Они только как бы висят в воздухе. Но коль скоро «преступление» совершилось — кары и награды принимают вещественную форму и поражают в тех или иных формах действительных или мнимых виновников. Часть их прямо уничтожается, иногда весьма мучительными способами. Часть изгоняется и становится «вне мира», без защиты и покрова. Часть изолируется по местам ссылки и заключения. Часть подвергается менее суровым наказаниям. Вместе с тем для большего устрашения других производится попутно ряд весьма поучительных демонстраций при этих мерах: выставляются напоказ головы, руки и ноги казненных, указывают те «деликатесы», которые постигнут виновника, и эти «деликатесы» аргументируются действительным их выполнением: сдирается публично кожа с виновников, их голые черепа подставляются под падающую каплями холодную воду, распарываются животы и извлекаются кишки, члены тела уродуются различными пытками: колесованием, вытягиванием жил, отсекаются руки и ноги, выкалываются глаза и т. д. и т. д.* С другой стороны, дается ряд наград тем, кто верно и честно исполняет свой долг; эти награды сыплются в самых различных формах, перечислять которые здесь нет надобности.

Такими путями устанавливается и поддерживается внутригрупповая солидарность. Она достигается, с одной стороны, прямым уничтожением, удалением и наказанием главных и наиболее упорных из «диссидентов», с другой стороны — устрашением и терроризированием всех тех, кто был бы склонен поступать не согласно с нормами более сильной стороны... А с третьей стороны, в том же направлении действуют и награды, побуждая индивида иным путем вести себя «солидарно». В итоге и получается «худой мир», но мир, а все же не постоянная борьба.

Таким образом, кары и награды хотя и довольно дорого обошлись человечеству, хотя и унесли в могилу несметное число жертв,

---

* См. более подробно об этом: *Bauer A.* Essai sur les revolutions. Paris, 1906, p. 16-17 и passim.

хотя и причинили бесконечные страдания — но все же их основная роль внутри группы заключалась в установлении, поддержании и укреплении единства группы, взаимного consensus'а в поведении ее членов, и вообще говоря — солидарности группы.

Иллюстрировать сказанное излишне, ибо любая история любой социальной группы — есть сплошная иллюстрация изложенных положений.

§ 3. Внегрупповая роль кар и наград

Начнем и здесь с констатирования фактов. Всякому человеку, немного знакомому с историей, известен тот факт, что история человечества представляет картину постепенного расширения замиренных социальных кругов. На начальных стадиях здесь нам не дано широких социальных единиц. Общежительные союзы здесь малочисленны и обнимают всего от 40 до 1000 членов... По вычислениям Сутерланда, общества низших «дикарей» состоят в среднем из 40 человек, средних — 150, высших — 360; общества «варваров» уже более многочисленны, среднее число членов для «низших» «варварских» обществ равняется 6 500, средних — 228 000, высших — 442 000. Общества же «цивилизованных» народов уже далеко оставляют по своей численности предыдущие общества. Число индивидов низшего цивилизованного народа дает в среднем цифру в 4 200 000, среднего — 5 500 000, высшего — 24 000 000. Наконец, общества «культурных» народов, начиная с 30 000 000, доходят теперь, как мы знаем, почти до 200 000 000*.

Из этих цифр ясно видно это постепенное расширение социально замиренных и солидарных общественных кругов. Не нужно думать при этом, что это расширение совершалось исключительно путем разрастания каждой группы, что замиренная среда в 100 000 000 членов получилась из группы в 40 человек, расширившейся путем простого размножения на почве полового общения. Нет, расширение происходило не путем размножения одной группы, а главным образом путем слияния двух или большего числа групп в одну.

Указав на этот факт, я обращу внимание читателя еще и на другой, а именно на то, что на первых стадиях развития между

* См.: *Сутерланд А.* Происхождение и развитие нравственного инстинкта. Изд. Павленкова, СПб., 1900.

группами существовала непримиримая вражда и постоянный антагонизм. Слово чужеродец (hostis) было синонимом врага (hostis), которого должно было убить. Все «чужаки» были врагами, которых необходимо было уничтожать. Иначе говоря — все «чужаки» были самыми «опасными и нетерпимыми преступниками», которых следовало наказывать самым нещадным образом. Отметив это, теперь я ставлю вопрос: как возможно было это расширение замиренных социальных кругов? Как возможно это слияние абсолютно враждебных групп в одно солидарное социальное единство?

Могут на это ответить, что оно достигалось путем договора, путем мирного соглашения. Этот ответ, приложимый отчасти к таким союзам, как новейшие федерации Американских Соединенных Штатов, Швейцарии и Германии, — в приложении к древним обществам был бы наивным и неверным. Мирное соглашение возможно только теперь, да и то еще под угрозой штыков и пушек. Для древности же оно было почти невозможно... Только теории, исходящие из принципа договора (Руссо, Гоббс и др.) и из принципа полного рационализма человеческого поведения, могли бы так думать. Но эти теории, как будет показано ниже, совершенно наивны и неверны. А потому и «теория договоров» не соответствует фактическому положению дела...

Единственно возможный ответ на поставленный вопрос гласит: расширение социально-замиренных кругов было возможно лишь благодаря соединенному мотивационно-дрессирующему влиянию наград и наказаний. Без этих рычагов подобное расширение сферы «мира» на древних, а отчасти еще и на современных ступенях развития немыслимо и невозможно. Вполне прав Штейнмец, когда говорит, что в древности «без агрессивности немыслимо никакое расширение группы»*.

Коротко говоря, *и здесь социальная роль кар и наград заключалась в создании, расширении и укреплении круга солидарности.*

Как совершалось обычно слияние групп? — Путем войн. А что такое война? — Коллективное наказание одной группы другою. Что служит ее поводом? — Ненадлежащее поведение другой группы, иначе говоря, преступное ее поведение. Это преступное поведение, выражающееся в конечном счете в том, что одна группа не исполняет того, что она должна была бы исполнять с точки зре-

---

* См.: великолепный труд *Steinmetz'a* «Die Philosophie des Krieges» (Leipzig, 1907, S. 23).

ния другой группы (не исполняет ее требований), квалифицируется как запрещенный акт и вызывает карательную реакцию, именуемую войною. Каков же был тот механизм, благодаря которому возможным становилось слияние воюющих групп и ассимиляция победителем побежденного? Когда один народ (особенно в прошлом) при столкновении побеждал другую общественную группу, то ассимиляция победителем побежденного в большинстве случаев совершалась не в силу добровольного подражания, а подражания вынужденного: нравы, обычаи, законы и институты победителя-народа усваивались побежденным народом не без давления кар и наград. Исключительно благодаря этому давлению в первое время побежденные выполняли предписания и обычаи победителя; но, повторяя много раз предписанные шаблоны победителя, побежденные незаметно привыкали к ним и после достаточного числа повторений эти вначале чуждые шаблоны теряли постепенно характер чуждости и становились «своими», для исполнения которых уже делались излишними всякие кары и награды.

Добровольное подражание здесь играло лишь частичную роль, особенно же в древние эпохи, когда один общественный круг противостоял другому как непримиримо-враждебная единица. Круг А и круг В, столкнувшись друг с другом, могли ассимилироваться и заставить один другого усвоить свои нравы, обычаи и воззрения только при условии беспощадных кар и крупных наград. Эти рычаги volens-nolens заставляли вначале побежденных подчиняться шаблонам сильнейшего; но потом, благодаря дрессирующему (и рикошетному) влиянию повторения и привычки, незаметно «неестественные» акты стали «естественными», и ассимиляция этих двух кругов была достигнута. Если бы не было этого фактора при столкновении двух групп, из которых каждая смотрит на другую с ненавистью и презрением — то никакое подражание не могло бы вызвать ассимиляции и было бы совершенно бессильно... А ведь такими фактами полна человеческая история, и нужно ли поэтому подчеркивать громаднейшую роль совокупного действия мотивационного и дрессирующего влияния кар и наград... Можно смело сказать, что если бы не было этих факторов, то сомнительной была бы возможность роста социально-солидарных кругов и весь ход человеческой истории был бы иным.

И действительно, обращаясь к данным истории, мы находим полное подтверждение наших положений.

Обратимся к фактам.

На заре истории мы видим, что столкновения групп носят беспощадный характер. Победители почти поголовно убивают или съедают побежденных. В Полинезии побежденные поголовно истреблялись, не исключая жен и детей; те же сведения имеются о кафрах, краснокожих индейцах, о древних персах, египтянах*, евреях**, греках***, римлянах****, магометанах***** и т. д. Отсюда принцип: «Omnia in victoria lege belli licuerunt»[6].

Затем мало-помалу начинают убиваться не все, а только наиболее опасная часть побежденных. Прежде всего оставляется жизнь маленьким детям и женщинам, как элементу наиболее легко способному ассимилироваться с победителями. Женщины оставляются, как производительницы дальнейшего потомства, а дети усыновляются. Остальной же элемент убивается... Переходя в дальнейшем к рабству, как первому значительному факту слияния двух групп, посмотрим, какие меры употребляются здесь.

Победители уже не уничтожают поголовно побежденных, а уничтожают только часть их, наиболее опасную. Остальным же они оставляют жизнь, предписывая им определенные шаблоны поведения. Спрашивается, как же возможно заставить побежденных исполнять эти чуждые для них шаблоны? Говорить на первых порах о мирном и гуманном убеждении вести себя так, как предписывают победители, было бы, конечно, наивно.

Не приводя многочисленных фактов, мы можем сослаться здесь, помимо Ваккаро, на ряд других трудов и, в частности, на труд *Steinmetz'a* Die Philosophie des Krieges (1907), где читатель и найдет соответствующие факты. Штейнмец говорит, что только

---

* См. соответствующие факты у *Ваккаро.* Les bases sociologiques... p. 90 и сл.

** «И предал его (амморейский народ) Господь, Бог наш (в руки наши), и мы поразили его и сынов его и весь народ его, и взяли в то время все города его, и предали заклятию все города, мужчин и женщин и детей, *не оставили никого в живых*» (Второзаконие, гл. 2; см.: Исход, гл. IV, V и др.).

*** Пусть ни единый из них (троянцев) не избегнет погибели мрачной!
Все да погибнут от нашей руки. И младенец утробный
В лоне у матери пусть не спасется и этот! Все вместе
Вне Илиона да сгинут они без следа, без могилы.
(Илиада, п. VI, ст. 50 и сл.).

**** Возьмите, например, войну с самнитянами, с кимрами и тевтонами, почти поголовно уничтоженными; миллион сто тысяч евреев убитых Титом, и т. д.

***** Когда вы встретите неверных, убивайте их (Коран, XLVII, 4).

у немногих совершенно изолированных и захудалых первобытных групп нет войны, а вообще же «война обычное занятие» первобытных групп (S. 56-57, 190).

Единственным средством подобного подчинения было не что иное, как принуждение, базирующееся на соединении мотивационного и дрессирующего влияния кар и наград. Жестокость, кнут, физические пытки, убийство в случае малейшего неповиновения, с одной стороны, подачки, милости и вообще те или иные наградные акты, с другой, — вот те средства, которые практиковались в том или ином виде в таковых случаях. Только при их наличии возможно было присоединение группы побежденных к группе победителей и образование из двух или большего числа групп нового, более обширного агрегата.

«Завоеванные и разделенные друг от друга рабы становились более жалкими и несчастными, чем домашние животные. Их господин мог их продать, изувечить, мучить и убить. Напуганные еще воспоминаниями об убийстве их родственников и сограждан, преступлениями, сожжением и разрушением их городов, осиротевшие и одинокие на земле, находящиеся под постоянным дамокловым мечом, висящим над их головою, — эти несчастные гнулись под тяжестью рабства и умирали, истощенные и покинутые»*.

Принимая различные формы в деталях, то форму разделения и распыления покоренных по различным местам, то форму перевода их с родных мест на новые места и т. д., — этот метод воздействия путем кар и наград был вначале единственно возможным и приложимым для сохранения покоренных в подчинении, иначе говоря, для образования единой группы из победителей и побежденных.

Кнут — вот символ рабства, хотя символ очень гуманный в сравнении с теми карами, какие в это время имели здесь место. Достаточно было малейшего протеста, чтобы вызвать самые беспощадные кары. Из многочисленных исторических фактов приведу для иллюстрации один или два из истории Ассирии, которые очень наглядно рисуют суть дела.

«В начале моего царствования, — говорит Тукла Паласcар I в надписи, сделанной на ассирийских памятниках, — я победил 20 тысяч москов и пять их королей, которые *не платили дани и податей*, которые должны были платить богу Ассуру, моему гос-

* *Ваккаро.* Op. cit., с. 105.

подину... Я наполнил их трупами овраги гор. Я отрубил (tranché) им головы. Я разрушил стены их городов, взял их рабов, добычу и сокровища. Шесть тысяч из них, которые ускользнули из моих рук, обнимали мои колени: я сделал их пленниками (prisonniers). В это же время я пошел войной на страну цумуков, *которые восстали против меня* и отказались платить дань и подать богу Ассуру, моему повелителю, которую они должны были платить. Я завоевал (опустошил) всю их территорию. Я отнял у них рабов, добычу и сокровища; я сжег, опустошил и разрушил все их города. Повинуясь советам повелителя Ассура... я напал на страну кариасов и армии обширной страны куркиев. Я... победил их. Я наполнил трупами их все пропасти гор; я занял 25 их городов, которые я сжег, разрушил и сравнял с землей... Я покрыл развалинами страну саранитов и аммонитов, которые с некоторого времени не обнаруживали повиновения... Я преследовал их войска, как испуганных животных; я занял их города и захватил их богов. Я сделал их пленниками, я овладел их имуществом и сокровищами. Я сжег, разрушил и сравнял с землей их города... Я наложил на них суровое наказание (суровый приговор) моего властвования» и т. д.

А вот и другой пример, не менее красноречиво говорящий о тех же методах сохранения единства группы. В этот раз перечисляет свои подвиги Ассурназирапал. «В Нистуме... я подверг острию меча 260 000 сражающихся (j'ai passé au fil de l'épée[7]); я им срезал головы, чтобы выстроить пирамиды. Я захватил Буба, сына Бубы, начальника Нистумы, я содрал с него кожу и повесил ее на стене города». Жители Sygi, восставшие против меня, «чтобы спасти свою жизнь, обнимали мои колена. Я убил по одному человеку на каждые два человека... я разрушил стену перед громадными воротами города; я приказал содрать кожу с предводителей восставших и их кожами покрыл эту стену... Я сделал короны из их голов, гирлянды из их трупов, нанизанных на веревки»* и т. д.

Эти слова памятников с достаточной яркостью изображают способ объединения побежденных и победителей и ту роль, которую играли при этом кары в соединении с наградами... То же самое, с теми или иными изменениями практиковалось и другими народами**...

---

* Цитирую по: *Ваккаро.* Les bases... p. 108 и 109.

** См.: *Ваккаро.* Ibid., гл. VI.

Но с течением времени побежденные мало-помалу привыкали к тому, что от них требовалось победителями. Холопство и рабство мало-помалу становились все более и более привычными, как бы из века положенными на долю рабов. Старые вольности и традиции забывались, и в результате через несколько поколений дрессирующее влияние кар и наград оказывало свое дело, и... они становились излишними...

Если бы для кого-нибудь нужны были дальнейшие факты — то их можно было бы привести ad libitum. Стоит вспомнить, например, рост других восточных деспотий, расширение пределов Римской империи, как и всякой другой, основание большинства государств и т. д. — чтобы увидеть, что все это совершалось почти исключительно благодаря работе кар и наград. Как, например, была присоединена Галлия к Риму?

— Чрезвычайно просто: Цезарь явился и из 3 миллионов населения уничтожил 1 000 000, и... этого было достаточно для «расширения замиренной» среды[8]. Кимвры и тевтоны, а равно и евреи, чуть не поголовно были уничтожены. Если нужны еще факты, то можно указать на пирамиды человеческих голов, оставляемых позади себя Чингисханами, Тамерланами, Наполеонами и tutti quanti[9]. А кому и этого мало — тому мы просто укажем на историю любого государства и на любую войну, всегда представляющую не что иное, как коллективную кару, налагаемую одной группой на другую. (См. *Steinmetz R.* Op. cit., гл. II, III и passim.)

Таков же был метод действия персов, греков, римлян (Omnia in victoria lege belli licuerunt[10]. Parcere subjectis et debellare superbos[11]); факты покорения новых племен (peregrini dediticii, сдававшиеся без всяких условий in arbitratu, dictione, potestate populi romani[12]), беспощадного усмирения рабов (например, восстания Спартака), индивидуальные расправы с непокорными рабами и т. д. То же приходится сказать и о большинстве других народов: всюду на первых порах образование более широких социальных групп происходило не добровольно, а исключительно путем соединенного действия мотивационного и дрессирующего влияния кар и наград*.

---

* Одним из частных видов такого метода является «дикая вира»[13] (коллективная ответственность), практиковавшаяся почти всюду при покорении новых народов, например, норманны так поступили при покорении Англии, недавно князь Дундуков наложил ту же дикую виру на ингушей при покорении Кавказа и т. д.

Не говоря уже о прошлом, и теперь, если внимательно присмотреться к колониальной политике крупных европейских государств, то нельзя не увидеть в ней точного воспроизведения или проведения тех же принципов. И теперь замирение и ассимиляция вновь покоренных стран целиком основывается на соединенном действии мотивационного и дрессирующего влияния кар и наград, а не на факте добровольного, сознательного или бессознательного, подражания, как думал Тард. Первым проявлением этого метода воздействия карами и наградами служит факт оставления в только что занятой стране вооруженной силы (войска); вторым — беспощадная кара всех протестантов и непокорных с целью прямого удаления бунтарей и в «пример другим» («дабы неповадно было»), доходящая и теперь очень часто до настоящих зверств; третьим — обещание, аргументируемое расстрелами и штыками, и впредь так же поступать со всяким, кто будет нарушать «богом установленные и гуманностью требуемые» законы победителей... Таков первый акт, представляющий применение на практике мотивационного влияния указанных рычагов. Второй акт растягивается на десятки лет: побежденные под влиянием такой «гуманности» волей-неволей принуждены исполнять приказы «белолицых дьяволов»; чем чаще они их исполняют — тем больше и больше привыкают и сживаются с ними, в то же время забывая свои обычаи. Наконец, наступает эпилог: благодаря долговременной дрессировке свои обычаи забыты, а чужие обычаи сделались своими. Так поступает и поступала Германия, Англия, Франция, Россия, Япония и т. д. Возьмите далее способы и характер распространения религии среди этих покоренных или вообще языческих народов.

Для примера можно взять распространение ислама и христианства... Что первый из них обязан своему распространению не мирному подражанию, а главным образом насильственному вкоренению его путем оружия (следовательно, путем приложения мотивационного и дрессирующего влияния кар и наград) — это, несомненно, пускалась в ход как посюсторонняя, так и потусторонняя санкция. То же в общем приложимо и к христианству. Мне вспоминается факт обращения в христианство литовцев, которых «сманивали» креститься путем дарения новообращенным бус, крестиков, белой одежды и т. д. Наряду с этим вспоминается и факт крещения новгородцев, кратко резюмированный в по-

говорке «Добрыня крестил мечом», вспоминаются те многочисленные факты, когда христианам, среди покоренного народа или низшего класса, делались всевозможные льготы и давались привилегии, вспоминаются средневековые религиозные войны, борьба различных сект (например, в Византии арианства с православием), выполнявшаяся не столько путем аргументов и доводов, сколько путем силы и оружия с практикованием карательно-наградных санкций, вспоминается инквизиция и Торквемада, действовавший ad majorem gloriam Dei[14] путем костров, застенков, пыток, истязаний, и т. д. и т. д.* — и во всем этом я почти не вижу добровольного подражания, но зато прямо бьют в глаза всевозможнейшие способы реализации мотивационно-дрессирующего влияния кар и наград. Не вдаваясь в дальнейшие подробности, можно сказать, что распространение тех или иных нравов, обычаев, правовых и моральных воззрений, институтов, религий и вообще — расширение социально-солидарных кругов и ассимиляция одной группы другой — в прошлом возможно было только при помощи мотивационно-дрессирующего влияния кар и наград, а не в силу только простого подражания. Мало того, даже «подражание-мода» — специфическое явление нашего времени — и то в значительной степени основано на мотивационном давлении этих рычагов. Каждый подражающий моде подражает в большинстве случаев не просто в силу слепого подражания, а в значительной мере сознательно, побуждаемый наградно-карательными мотивами. Желание вызвать к себе интерес, зависть, стать центром внимания и т. д., с одной стороны, и желание избежать насмешек, иронии, пренебрежения и вообще самошокирования в области

---

* В этом отношении особенно поучительна история религиозной свободы и отдельные ее эпизоды: в частности, средневековье, эпохи религиозных войн (cujus regio ejus religio[15]), а затем различные факты, рассказывающие о способах распространения христианства среди других народов-язычников; та роль, которую играли здесь посю- и потусторонние санкции и т. д.

См., в частности, *Ruffini F.* La liberta religiose, а также *Ли Г.* История инквизиции, passim.

** См. точное определение подражания у *Дюркгейма.* (Самоубийство. Изд. Карбасникова, с. 130-140 и гл., трактующая о подражании как факторе самоубийства.) Мы не можем не согласиться с Дюркгеймом в его оценке роли подражания в социальной жизни, роли, которая была страшно раздута Тардом, не давшим точного определения этого понятия и подводившим под него самые разнородные и противоположные явления, чем и объясняется успех теории подражания, с одной стороны, и вскрывается бессодержательность и пустота этого понятия — с другой.

ли убеждений, привычек, нравов или в области костюма, прически, «манер» и т. д., с другой, — все эти импульсы играют едва ли не основную роль и в моде-подражании**.

Таким образом, кары и награды, действуя снизу и сверху, служат теми рычагами, которые устанавливают и поддерживают общественную солидарность, которая на первых порах групповой жизни без них не могла бы существовать. А существовать она не могла бы потому, что при неприспособленности членов группы к общественному бытию, при конфликтном характере развития группы (неодновременной смены шаблонов), группа без их принудительной силы неминуемо бы распалась. И чем большей была эта опасность распыления, тем интенсивнее действовали эти рычаги: тем мучительнее, жестче были наказания и тем неограниченнее были награды... С развитием общественной жизни, с постепенным смягчением привычек, изменяемых и уничтожаемых этими рычагами, иначе говоря, с постепенным ростом общественного приспособления — характер их становится все мягче и мягче, все ограниченнее и ограниченнее, и можно думать, что *в будущем они будут близки к уничтожению.*

В процессе исторической смены различных шаблонов эти рычаги напоминают жернова, которые размалывают беспощадно и неумолимо все то, что попадает под их действие. Поэтому, может быть, и не так уж ошибались полицеисты XVIII века (Вольф, Юсти и др.), когда придавали важное значение этим жерновам в деле государственного воспитания широких масс. Подобно этому, прав и Тард, когда говорит, что «покровительственные и запретительные меры... остаются могущественным оружием в руках правительств, даже единственным, при помощи которого они могут свободно и быстро действовать на пользу выгодных для них индустрий и в ущерб тем, которые им кажутся не заслуживающими доверия. Полицейские и уголовные законы аналогичны запретительным пошлинам: умело направляемые твердой властью, они дают заметный результат, иногда скорее поверхностный, чем глубокий, но часто решительный»*.

Но еще большим значение кар и наград станет в том случае, когда мы примем во внимание, что исходящие от государства или официальной власти карательно-наградные санкции далеко не ис-

---

* *Тард Г.* Преступник и преступление. М., изд. Сытина, 1906, с. 268.

черпывают область этих санкций. Как мы видели выше, они исходят и исходили как от коллективов, так и от индивидов, как от посюсторонней, так и от потусторонней власти. И совокупности этих однородных явлений мы в значительной степени обязаны всем нашим прогрессом, нашей культурой и цивилизацией.

Плохо бы, однако, нас поняли, если бы подумали, что мы являемся какими-то апологетами санкций. Во избежание этого недоразумения заявим, что к таким апологетам мы не принадлежим. Но это не мешает теоретику-исследователю изучать явление так, как оно дано, и приписывать ему те функции, которые оно действительно выполняло. Мы и указываем на эту функцию, причем в термины «единство группы», «солидарность» и т. п. мы не вносим никакого оценочного элемента. Укрепление солидарности еще не значит восхождение с низшей морали на высшую. Если более сильная часть группы или более сильная группа имеет нормы поведения и вообще культуру более низкую, чем побежденная часть, то, действуя путем кар и наград, она может принудить к более грубому и низменному поведению побежденных, давно уже оставивших позади себя эту ступень. В результате долгой дрессировки моральная совесть, поведение, нравы, обычаи и т. д. победителей и побежденных могут слиться и сделаться одинаковыми, а следовательно, слияние двух групп в одно органически целое тело будет достигнуто, но эта солидарность достигнута будет не повышением, а понижением культурного уровня. Вообще говоря: кары и награды — слепые силы. Они чисты и непорочны, как дева, но, как за деву, так и за них нельзя поручиться — какой они плод дадут. Характер этого последнего будет зависеть от того, от кого будут исходить санкции, против кого они будут направлены и какие цели достигаются ими. Если все эти условия положительны, то и плод может получиться хороший. Если они отрицательны — то и плод будет никуда не годным.

Нет сомнения в том, что было бы, конечно, лучше, если бы история человечества совсем не знала борьбы и конфликтов, проявляющихся внутри группы в виде междуиндивидуальных и официально-позитивных карательных и наградных актов, а вне группы в виде междугрупповых конфликтов — войн. Но такое состояние возможно было бы лишь тогда, когда социальная жизнь стояла бы на одном места и не эволюционировала, или тогда, когда изменения внутригрупповых шаблонов поведения совершались бы одновременно и в одном направлении у всех членов группы, а

равным образом слияние двух групп могло бы происходить чисто мирным путем. Первое условие — совершенно невозможно и недопустимо.

Социальная жизнь в силу чисто механических причин, порождаемых самим фактом общения, не может стоять на одном месте и должна эволюционировать. А второе условие имелось бы налицо лишь тогда, когда люди с самого начала были бы «ангелами», поведением которых управлял бы всецело один разум. Но люди — не падшие ангелы... Напротив — ангельское состояние мыслимо как отдаленная цель будущего, как конечный результат продолжительной исторической дрессировки, совершавшейся в значительной степени механически, без какого бы то ни было целеполагания. Будучи в начале лишь разновидностью животных со всеми животными свойствами, люди могли прогрессировать также лишь наугад, случайно и стихийно...

Человечеству, находившемуся в таком состоянии, была поставлена непомерная задача. Ему было сказано: «Ты наделено всеми животными инстинктами, тебе не дано ясного знания, тебе не дано и пастыря, который знал бы, к какой цели вести тебя и как нужно действовать, чтобы успешнее достигнуть этого желанного маяка. Ты предоставлено самому себе. Иди куда хочешь. Совершенствуйся — если можешь. Процветай и прогрессируй, если ты это сделать в состоянии, если же не в состоянии — то погибай!»

И человечество все же не погибло. Ощупью, наугад, бесконечное число раз ошибаясь, оставляя позади себя трупы и моря крови, оно все же стало на путь прогресса и жизни, а не на путь гибели и с колебаниями, с отклонениями, с поворотами медленно пошло по этой дороге... Но это стоило ему неисчислимых жертв и бесконечных страданий. Пришлось одним «унавоживать» собой дорогу прогресса, чтобы другие могли пройти по этой дороге. Нужно было выстроить из черепов одних — пирамиды, из их трупов — гирлянды, из их страданий — предмет забавы, чтобы другие могли жить и двигаться вперед... Нужны были убийства, чтобы понять их недопустимость, нужны были зверства и жестокости, чтобы сделаться гуманными и воспитать в себе сострадание и любовь. Одним словом, нужны были беспощадные кары и награды, чтобы сделать их ненужными в дальнейшем. Когда люди были зверями — тогда необходимы были зверства, когда они будут ангелами, тогда санкции исчезнут. А будут ли они ангелами и становятся ли ими — этим

вопросом мы займемся в последующих главах. Теперь же сделаем основные выводы, вытекающие из вышеизложенного понимания социальных конфликтов и социальной роли кар и наград.

1) *Если социальная борьба, внутригрупповая и внегрупповая, есть не что иное, как кары и награды, обязанная своим бытием неодинаковому пониманию должного, запрещенного и рекомендованного поведения различными членами группы или различными группами, — то, очевидно, всякий рост и увеличение этого конфликта убеждений должен выражаться и в росте жестокости и грандиозности санкций.* Иначе говоря, всякий раз, когда внутри социальной группы происходит увеличение ее разнородности, вызываемой различными причинами, когда поведение ее членов, диктуемое моральной совестью, становится все более и более разнородным — тогда линия кар и наград должна *повышаться*, чтобы воспрепятствовать распылению группы. То же повышение линии санкций должно наблюдаться и тогда, когда гетерогенность группы вызывается внешними причинами — столкновением с другой разнородной группой и включением ее в состав группы победителей.

2) Чем *устойчивее шаблоны поведения антагонистических частей группы или антагонистических групп, тем более жестокими должны быть кары и обильными награды, чтобы сломить сопротивление антагонистической группы или части группы, связать ее в одно целое и вообще привести ее поведение к одному знаменателю. Чем менее устойчивы эти шаблоны — тем мягче должны быть санкции.*

Это повышение и понижение кривой санкций происходило и происходит, как будет показано в следующей главе, не преднамеренно и не произвольно, а чисто спонтанно и самопроизвольно.

Запомним эти дедуктивные выводы. Они пригодятся нам при изучении кривой санкций и ее исторических тенденций.

Если факты подтвердят ее — значит, наши предыдущие положения, из которых дедуктивно мы вывели эти следствия, не совсем фантастичны и опираются на подлинное изучение сущего.

А теперь перейдем к *генетической* стороне дела, так как уже и в предыдущем пришлось выставить несколько положений догматически и они требуют обоснования, а с другой стороны, изучение генезиса даст нам ряд следствий, которые также пригодятся при анализе исторических тенденций кар и наград.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ОСНОВНЫХ ФОРМ ПОВЕДЕНИЯ

ГЛАВА VII
КАК ВОЗНИКАЕТ И ИЗМЕНЯЕТСЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ГРУППЫ

§ 1. Теории «механистов и финалистов»

Совокупность индивидов, находящихся между собою в психическом взаимодействии, составляет социальную группу. Так как в поведении индивида различаются три рода актов: должные, запрещенные и рекомендованные акты, то те же категории даны и в каждой более или менее постоянной социально-замиренной среде.

«Факт ее замиренности» предполагает, что в данной группе есть «официальный» устав (писаный или неписаный — все равно) общеобязательного понимания должных, запрещенных и рекомендованных актов. Часть группы может понимать и иначе содержание каждого из этих разрядов, но она принуждается поступать не согласно своим убеждениям, а согласно «официально»-групповому шаблону поведения... Совокупность тех взаимных акций и реакций, которые признаются этим уставом «должными», составляет организацию группы, ее «костяк», обнаруживающийся в «постоянстве отношений», с одной стороны, и в ряде материализовавшихся институтов — с другой. «Сверху и снизу» этих должных отношений располагаются рекомендованные и запрещенные отношения (подвиги и преступления) и реакции на них — отношения наградные и карательные... (См. об этом выше.) Таковы факты, которые мы принуждены констатировать. Спросим себя теперь: как возможна организация группы? Как устанавливаются и образуются эти устойчивые должные взаимоотношения, имею-

щиеся в каждой группе и составляющие ее скелет? Почему содержание этих должных взаимоотношений (а соответственно и услужно-преступных) в одной группе одно, а в другой — другое? И почему оно в одной и той же группе с течением времени непрерывно изменяется?

Вопрос, поставленный нами, как известно, вопрос чрезвычайно старый, на который получено множество разнородных ответов.

Если не считать совершенно нелепых и ничего не объясняющих ответов, которые почему-то государствоведы считают долгом излагать под именем «теорий» провиденциализма, Божественного установления и пр., — то все предложенные гипотезы позволительно свести к двум основным видам: 1) к теории чисто биологической, к теории бессознательного происхождения общественных институтов и моральных правил и 2) к теории рационалистической — к теории целевого происхождения их.

Сущность первой теории сводится к следующему*. Установившийся в каждой группе шаблон «должного» поведения каждого члена, в силу которого ряд актов его получает квалификацию должных, а ряд других — квалификацию запрещенных и рекомендованных, — есть явление *чисто случайное, обязанное своим существованием бессознательному подбору*. Если молитва и изучение Вед — обязанность брамина, защита страны — кшатрия, земледелие — шудры, то эти акты для каждого из них стали обязательными не благодаря какому-нибудь сознательному установлению, руководимому пользой и другими целевыми соображениями, а просто благодаря бессознательному процессу естественного отбора и бессознательному приспособлению. Как пчела совершенно бессознательно совершает ряд шаблонных действий и как различные разряды пчел имеют различные «права и обязанности» (например, функции «царицы» — одни, «трутня» — другие, пчелы-работницы — третьи), — так же случайно и бессознательно установилась и определенная организация группы, и определенный шаблон «должного» поведения каждого члена. Этот шаблон

* Для краткости мы в дальнейшем будем говорить только о «должных» поступках и шаблонах поведения, не упоминая о запрещенных и рекомендованных, так как характер и содержание первых всецело предопределяют характер и содержание последних. Если акт противоречит должному шаблону — он будет запрещенным, если согласен с ним, но превосходит обязательные пределы — он будет рекомендованным, следовательно, выяснив вопрос о происхождении, содержании и смене «должных» взаимоотношений, мы тем самым выясняем вопрос и об остальных разрядах поведения.

затем передается от поколения в поколение по наследству, подобно инстинктам, благодаря повторению все более и более входит в привычку и становится в конце концов органически свойственным каждому члену автоматическим шаблоном. По характеру своего происхождения эти шаблоны поведения, следовательно, представляют дальнейшее развитие свойств, имеющихся в чисто биологическом мире, а потому подлежат тем же законам, что и последние.

Таков первый ответ, сформулированный в его наиболее резкой форме. Этот ответ ищет объяснения всецело в биологических свойствах организма, начиная со свойств и функций простой клетки*.

2) Вторая теория прямо противоположна изложенной. Она вообще исходит из предпосылки, что все акты человека всегда совершаются и вызываются теми или иными целевыми соображениями. В частности, соображениями пользы. Поэтому и нормы поведения, данные в каждой группе, установились не случайно, а сознательно и намеренно. Лица, устанавливавшие их, руководились соображениями пользы, безопасности и экономии сил и в этих-то целях и установили определенный шаблон поведения, признав одни акты — должными, другие — преступными, третьи — желательными. Следовательно, два основных тезиса, часто смешиваемых между собою и самими теоретиками этого направления, таковы: *1) нормы поведения установлены сознательно и произвольно, с определенными целевыми соображениями (целеполагательность), и 2) эти нормы, установленные в целях общей пользы, — действительно полезны и целесообразны (целесообразность).*

Представителей этого течения многое множество. Наиболее резким примером его может служить «договорная теория» про-

---

* До известной степени сюда, кроме *Лёба*, *Бона*, *Ваксвейлера*, могут быть отнесены и такие авторы, как *Летурно*, ищущий объяснения нравственности в свойствах клетки, *Ланессан*, принципиально отождествляющий нравственные акты людей с актами животного мира, *Сутерланд*, выводящий нравственность и ее категории из биологических инстинктов, в частности родительского инстинкта (см.: *Летурно Ш.* L'évolution de la morale. Paris, 1887, гл. II; L'évolution juridique. 1891, гл. Origine biologique de l'idée du droit; *Lanessan J.* La morale naturelle. Paris, 1908, p. 403 и сл., и passim; *Сутерланд А.* Происхождение и развитие нравственного инстинкта. СПб., 1900, с. 1-41 и сл.). Но, с другой стороны, эти биологисты, исходя из рефлексов, уже в сами рефлексы вводят сознание, принцип цели и т. д. — благодаря чему они и оказываются «монистами», соединяющими несоединимое.

исхождения обществ (Пуффендорф, Локк, Гоббс, Гроций, Руссо). В более же позднее время огромное большинство государствоведов являются ее сторонниками. Многие из них и само общество находят только там, где дано общее стремление индивидов к достижению общих целей. «Es gibt eine sociale Gruppe dort, — говорит, например, Макаревич*, — wo zwei oder mehrere Individuen der Erreichung eines gemeinschaftlichen Zieles nachstreben». «Jeder sozialen Norm, — говорит он далее, — liegt der soziale Utilitarismus zu Grunde»[1]. Подобно этому и Иеринг, например, в качестве motto всей своей книги «Цель в праве» ставит изречение: «Der Zweck ist der Schöpfer des ganzen Rechts»[2]. Мало того, он думает далее, что «деяние без цели такая же бессмыслица, как следствие без причины». Даже само понятие жизни у него обусловливается понятием цели. Сущность жизни, говорит он, есть воление, и «жизнь есть практическое, сообразное с целью, установление связи между внешним миром и собственным бытием». Немудрено поэтому, что для него и деяния по привычке и по принуждению, и деяния сумасшедшего, и деяния животных суть деяния целевые, совершаемые благодаря воле их делать**.

Подобно этому и такие лица, как Еллинек, отвечая на вопрос о возникновении правовых и государственных учреждений, решают его в том же смысле произвольного и целеполагательного установления их. Но так как известно, что сплошь и рядом законодатели, издавая определенную норму поведения, хотят этим достичь одного, а на деле выходит совсем другое, то лица, подобные Еллинеку, пытаются это противоречие объяснить тем, что, мол, нельзя предусмотреть всех последствий волевого акта, а потому и немудрено, что закон предполагался для достижения одних целей, а выполняет совсем иные. Этим заявлением они пытаются «снять» противоречие фактов с их тезисом и тем самым исключить теорию «стихийно-бессознательного» происхождения правовых учреждений и норм***.

Между этими двумя крайностями помещаются почти все ответы на данный вопрос, в частности, и теория Гумпловича с ее различением внутри- и внегрупповых правил поведения и с его

---

* См.: *Makarewicz.* Einführung in die Philosophie des Strafrechts, S. 36 и 44; *Спенсер Г.* Осн[ования] соц[иологии], т. II, с. 243.

** *Иеринг Р.* Цель в праве. СПб., 1881, т. I, с. 1-17 и сл.

*** *Еллинек Г.* Право современного государства. СПб., 1903, с. 26-32. Аналогичное говорит и *Вундт* в своей Ethik (Закон «гетерогении целей»).

теорией «силы» и «неравенства». Для него внутригрупповой шаблон поведения («нравственность») есть результат одновременно и инстинктивно-бессознательных процессов, и разумного усмотрения; следовательно, его точка зрения в этом отношении представляет комбинацию первого и второго ответов*.

Что же касается его понимания права и отличия его от нравственности (нравственность возникает внутри группы, а право есть результат междугрупповых столкновений, всегда «возникает из неравенства и имеет в виду поддержать и утвердить его через установление господства более сильных над более слабыми», поэтому «право есть не что иное, как упорядоченное неравенство»)** и в связи с этим его теории происхождения государства, то, во-первых, она неверна, как это прекрасно показали ряд авторов, и в частности М.М. Ковалевский***, во-вторых, она представляет не решение поставленного вопроса, а его откладывание. В самом деле, мы можем допустить вместе с Гумпловичем, что правовые нормы представляют нормы, установленные большей силой в целях упорядочения господства; но спрашивается — на основании чего они устанавливаются: на основании ли утилитарных соображений или на основании простого рефлекса? Являются ли они продуктом рационального усмотрения или результатом бессознательной деятельности? Ведь взаимные отношения групп, устанавливающиеся после столкновения, не с неба валятся, а так или иначе обусловлены внутригрупповыми свойствами и правилами каждой группы и принимают тот или иной характер в зависимости от этих внутригрупповых шаблонов. Гумплович на этот вопрос не отвечает, он его даже не ставит, между тем по отношению к ним (т. е. междугрупповым шаблонам) вопрос имеет совершенно то же значение, что и к внутригрупповым отношениям. И нетрудно видеть, что и их происхождение придется объяснять согласно первой или второй теории или их комбинации.

Теперь перед нами стоит вопрос: *какая же из двух теорий должна быть признана более правильной?*

Наше мнение расходится и с той, и с другой...

Для того чтобы достаточно ясно разобраться в этой сложной проблеме, мы должны ее расчленить на ряд подпроблем: 1) Проб-

---

* *Гумплович Л.* Основы социологии, с. 283-299.

** Ibid., с. 189, 284-288, 301-303 и др.

*** *Ковалевский М.* Современные социологи. СПб., 1905, с. 98-133.

лему генезиса сознания или психики. Так как переживания долга, подвига и преступления есть переживания психические — то прежде всего должно быть объяснено само происхождение психического. Ответ на этот вопрос дает в скрытом виде и ответ на вопрос о только что указанных переживаниях. 2) Так как каждый из этих актов, а особенно «должный» разряд актов и взаимоотношений, составляющих ядро групповой организации, приобретает форму шаблонную, то должна быть выяснена a) как природа этой шаблонности, так и b) причины ее установления. 3) Так как история показывает, что содержание каждой категории актов меняется, то должно быть объяснено: a) почему оно непрерывно меняется и b) почему в одном случае «формы» должного, запрещенного и рекомендованного наполняются одним «содержанием», а в другом — другим.

Таковы те подпроблемы, на которые распадается проблема генезиса и эволюции моральных переживаний и социальной организации. Теперь перейдем к первой «бессознательно-биологической» теории...

I. Какой ответ она дает нам на первый вопрос? Последовательно проведенная первая теория на вопрос о генезисе психики отказывается отвечать. Она находит незаконной даже саму постановку вопроса. Для нее «между питанием гусеницы и мышлением человека по существу нет никакого различия». Поведение человека и все его переживания для нее совершенно однородны с поведением, переживаниями и актами амеб, cytozoa[3], растений и т. д. и есть лишь совокупность тропизмов, таксисов и т. п., т. е. оно чисто механистично и автоматично. Что такое для нее «нравственность»? Да не что иное, как инстинкт. «Основанием для нравственности, — говорит Лёб, — являются наши инстинкты, такие же наследственные, как и морфологические особенности нашего тела. Мы пьем и едим и размножаемся не потому, что метафизики признали это желательным, но потому, что, подобно автоматам, мы должны это делать... Мы любим общество людей потому, что нас побуждают к этому *наследственные* условия, мы боремся за правду и справедливость и готовы отдать за них жизнь, потому что *инстинктивно* желаем видеть счастливыми подобных нам людей. *Нашей моралью мы обязаны только нашим инстинктам*, которые, совсем как форма нашего тела, определяются внутри нас законами химии и наследственности»*.

---

* *Лёб Ж.* Жизнь (Новые идеи в биологии. Сб. № 1, с. 119-120).

Таков вкратце ответ, даваемый этой теорией на поставленные вопросы. Согласно ей нет никакого основания проводить различие между поведением человека и амебы или гусеницы. Тут и там простые рефлексы и инстинкты, которые из поколения в поколение передаются по наследству. Тут и там существа действуют в силу необходимости, и нет даже основания поведение человека или высших животных выделять в какую-то особую категорию.

Детальная критика всей этой механистической концепции завела бы нас далеко, поэтому мы позволим себе отослать читателя к работам В.А. Вагнера, где с достаточной компетентностью и основательностью указана ошибочность этого «монизма снизу»*.

От себя же мы заметим следующее: Лёб и за ним идущий Вакс-вейлер говорят о тождестве поведения человека и citozoa, о пол-

---

* См.: *Вагнер В.А.* Биопсихология, т. I, с. 187-249. Из очерченного ответа механистической теории видно, что она по существу совершенно не способна ответить на наши вопросы. Мы спрашиваем ее, как произошли наши переживания запрещенного, должного и рекомендованного, почему они развиваются, изменяются и наполняются различным содержанием? — а нам на это отвечают: нет психики и нет таких переживаний. Но они даны нам непосредственно и осознаются нами, — отвечаем мы. — Все это лишь инстинкты, — отвечают нам. — Но если это инстинкты, то чем же отличаются они от инстинктов шмеля или других низших животных? — На этот вопрос ответа мы не получаем.

Вообще, раз это течение выбросило за борт своего научного корабля психику и сознание — то оно тем самым выбросило и право, и нравственность, и добро, и зло, и вообще социальное явление. Мир людей, находящихся между собой в психическом общении, перестает быть в этом случае самим собой и превращается в простые тела и центры энергии, их поведение превращается в совокупность простых движений и т. д., т. е. вместо социального явления получается простой комплекс физических тел... и только. В силу этого одного обстоятельства уже можно дать этой теории формальный отвод. Поэтому я не могу не согласиться со следующими словами *А. Готье*, написанными по поводу цитированной статьи Лёба: «Ж. Лёб, смешивая материальные экономические акты с актами умозрения или понимания, писал в номере нашего журнала: "если мы обязаны нашей моралью нашим инстинктам, которые, совсем как и формы нашего тела, связаны с нами химически и наследственно"... Читая эти слова, я не понимаю, как один и тот же "химический" инстинкт, который, по мнению г-на Лёба, в силу материальной, а потому обязательной реакции неизбежно должен привести нас к чувству личного самосохранения, как этот инстинкт толкает храброго в огонь на защиту родины или заставляет миссионеров идти умирать в дикой стране, проповедуя Евангелие безвестным беднякам». В той же статье А. Готье, пользуясь опытами Атфатера, ясно указывает, что сознание, способность сравнивать ощущения, акты воли и акты разума — «невещественны», ибо на все эти акты «*не расходуется нисколько энергии*, они не связаны ни с какой деятельностью или расходом энергии и не принадлежат к явлениям одного с нею порядка».

Готье А. О состоянии жизни (Нов[ые] идеи в биологии. № 1, с. 121-127).

ной механистичности первого, как и второго, прежде всего на том основании, что, мол, все наши акты, чувства, понятия добра и зла инстинктивны и необходимы. Что они необходимы, раз они совершаются — это несомненно. Но эта необходимость еще не дает основания отождествлять их друг с другом и покрывать одним термином инстинкта совершенно разнородные вещи...

А что это различие поступков человека (и высших животных) — с одной стороны, и рефлексо-инстинктивных актов низших животных действительно существует — это видно из следующего.

А) Если бы действительно устойчивый шаблон каждой человеческой группы был исключительно продуктом наследственно полученных «инстинктов», то он должен был бы обладать всеми свойствами инстинктов. Характерная же черта инстинктов заключается в их негибкости, закостенелости, неспособности к развитию и к более или менее значительным изменениям. «Принято считать, — говорит В. Вагнер, — инстинктивные движения шаблонными; многочисленные факты устанавливают справедливость этого заключения в такой степени, что мнение Бюффона, а позднее Ламарка и Дарвина о том, что инстинкты животных представляют собою признаки для определения видов более надежные, чем признаки морфологические, можно считать научно установленными». Тот же выдающийся биопсихолог указывает далее, что инстинкты совершенно не способны к тому, что мы называем развитием. «Там, где с возрастом инстинкты изменяются, мы наблюдаем не развитие, а смену одних другими, причем смена эта часто происходит без всякой внутренней связи сменяющихся способностей...

Готовые для данного периода жизни «знания» в следующий период сменяются новыми, тоже готовыми, как декорации театральной сцены»*.

Если теперь с этими, так сказать, абсолютными шаблонами сравнить шаблоны даже примитивного человеческого общества (не говоря уже о более культурных его видах) в том виде, как его рисует современная наука о первобытной культуре, то нельзя не видеть, что шаблоны этого общества не абсолютно-бессознательны и инстинктивны, так как они не так абсолютно устойчивы и тверды, как инстинкты, и, помимо всего, способны в значитель-

---

* *Вагнер В.А.* Биологические основания сравнительной психологии. Изд. Вольфа, т. I, с. 252 и 343, см. также: с. 337-365, т. II, passim, с. 19-22.

ной своей части к непрерывному, хотя и медленному, развитию. Оба эти признака уже дают основание различать эти шаблонные акты от инстинктов.

B) Несомненно, эти шаблоны первобытного общества на первых порах были лишь несколько модифицированными инстинктами, но, несмотря на все это, в значительной своей части они обнаруживают уже элемент сознательности и имеют уже некоторую сознательную мотивировку (хотя бы в виде ссылки: «так поступали наши отцы, так поступаем и мы», «так поступали в старину, так должны поступать и мы», «так велел поступать Бог», «или дух предка, или тотемическое и анимистическое существо» и т. д.; вообще все ссылки на то или иное основание поведения и правила есть уже сознательная мотивировка, а известно, что — как бы примитивно общество ни было — оно имеет ряд шаблонов с подобными ссылками или на обычай, или на религиозное требование и т. д.).

А раз это так, то о полной «инстинктивности» и бессознательности шаблонов здесь говорить уже не приходится.

C) Не приходится говорить об этом и потому, что эти шаблоны способны к постепенному развитию, а не меняются как театральные декорации с изменением возраста или условий наподобие смены инстинктов. Для этого достаточно взять какой-нибудь шаблон почти из любой области общественной жизни, например, хотя бы историю религиозных верований или историю семьи, и пронаблюдать за его изменением; это наблюдение покажет, что в его изменении мы имеем дело не с моментальными пертурбациями и сменой, а с медленным и непрерывным развитием, длящимся иногда в течение сотен лет.

Если же теперь мы будем восходить от первобытных обществ к более культурным, то мы найдем одновременно и возрастание сознательности, обнаруживающееся в росте утилитарных соображений и в нравственно-правовой мотивировке, и параллельно с этим все более и более растущую быстроту изменения шаблонов, изменяющихся в наше время до неузнаваемости в течение жизни одного поколения...

В этом случае ясно, что ни о каких инстинктах и наследственно полученных бессознательных шаблонах речи быть не может...

D) Не говоря уже о других чертах различия — достаточно указать на следующий факт, чтобы убедиться в различной природе

шаблонных актов человека и шаблонных взаимоотношений, данных в группе, с одной стороны, и инстинктивных шаблонов — с другой.

Как известно, инстинкты *передаются по наследству*. В силу этого поведение любого животного, например, шмеля, уже *заранее «предопределено»* и будет одинаковым и в том случае, когда он будет жить в одной среде, и в том случае — когда он будет жить в другой. Ему не нужно «учиться», он не учившись учен и потому одинаково будет вести себя и тогда, когда будет жить в среде себе подобных, и тогда, когда еще до момента своего появления будет изолирован (до выхода его из кокона или до выхода цыпленка из скорлупы яйца)*.

Спрашивается, можно ли то же самое сказать и о шаблонных актах человека? Передаваемы ли и они по наследству, как утверждают Лёб и вообще «монисты снизу»? Одинаково ли будет вести себя человек и тогда, когда он родится и вырастет в своей группе (например, в первобытной), и тогда, когда он до рождения или в период младенчества будет перенесен в иную среду (например, в среду культурного общества)?

Сама постановка этих вопросов уже дает вполне определенный ответ, и ответ *отрицательный*... Здесь наследственной передачи шаблонных актов (кроме чисто физиологических функций — выделение, сон, питание, дыхание и т. д.) *не происходит*, а равно *нет и «предопределенности»* поведения. Возьмите младенца первобытной группы и перенесите его в культурную среду с иными нравами, обычаями, воспитанием, обучением и т. д., и в результате вы будете иметь человека с совершенно иным поведением в сравнении с тем, которое было бы у него, если бы он вырос в первобытной группе. Если бы он вырос в последней, где должным актом считается, например, кровная месть, то шаблон его поведения в случае обиды состоял бы в ряде актов, направленных на отмщение за обиду и реализующихся в акте убийства врага. Если же он вырастет в культурной среде с иной моральной атмосферой — то этого акта едва ли от него можно ожидать. Точно так же изменились бы шаблоны его поведения и в других сферах жизни, например, в половой, в области питания, одевания, вставания, манер и т. д. Робинзоновский Пятница может

---

* См. об этом превосходные опыты *Вагнера* над шмелем и другими животными (Биопсихология, т. II, с. 23 и сл.).

служить иллюстрацией к сказанному; его поведение после знакомства с Робинзоном стало иным, чем до знакомства с ним. Один и тот же мальчик будет иметь различные шаблоны поведения тогда, когда он пройдет курс обучения в школах и когда не будет учиться. Далее, знания, верования, моральные принципы не передаваемы по наследству; если не научить ребенка грамоте, то уменья читать, писать и т. д. он в силу наследственности не получит. Если совершенно изолировать его от общества — то он даже не будет знать, что такое зло и что есть добро, что нравственно и что безнравственно. Его психические переживания и содержание этих переживаний будут иными. А раз они будут иными — иным будет и его поведение*.

Не настаивая далее на этих общеизвестных положениях, из сказанного мы можем заключить: a) в шаблонных актах человека (за исключением чисто физиологических) нет той «предопределенности», которая дана в рефлексо-инстинктивных шаблонах; b) инстинкты наследственны, шаблонные акты человека не наследственны; первые не требуют обучения, вторые без обучения не появляются; c) инстинкты неизменяемы, шаблонные акты одного и того же человека в течение одной и той же жизни могут весьма резко изменяться. Вывод: *шаблонные акты человека нельзя никоим образом отождествлять с инстинктами.*

E) Правда, сторонники этой теории, наконец, могут указать на то, что ряд шаблонных актов человека сплошь и рядом выполняется бессознательно, автоматически, и потому-де, по крайней мере, эти-то шаблонные акты ничем не отличаются от инстинктов. Мы не будем оспаривать наличия таких актов у человека. Они действительно есть и действительно не сопровождаются сознанием. Это так называемые привычные акты. Сплошь и рядом мы, например, здороваемся с кем-нибудь механически, не обращая на это внимания; точно так же делаем ряд движений, например, пишем, иногда жестикулируем, передвигаем ноги при ходьбе и т. д. — «бессознательно». Это верно. Но спрашивается — можно ли в силу этого отождествлять эти акты с инстинктами?..

---

* См. о том же: *Бехтерев В.* О воспитании в младенческом возрасте (Вестник психологии. 1913, вып. III). Прекрасными фактами, подтверждающими сказанное, могут служить факты, сообщаемые Николаи Тульпом, Коннором и др., о нахождении мальчиков, выросших вне человеческого общества. Они не знали даже языка и имели вполне «звериный вид и нравы». См.: *Погодин А.* Язык как творчество, с. 178-179.

Нет, и вот почему. Большинство наших шаблонных привычных актов раньше не были привычными; нужна была долгая выучка и дрессировка, чтобы они стали привычными. Прежде чем «механически» подавать руку при виде знакомого, нас немало в детстве заставляли это делать.

Прежде чем механически выводить буквы, нам немало пришлось перемарать бумаги, вычерчивая со всем старанием палки и крючки. Прежде чем механически ходить, нас немало учили этому в детстве, и процесс ходьбы вначале едва ли можно считать не требующим внимания и сознания.

То же, mutatis mutandis, можно сказать и о других шаблонных актах. Почти все они вначале были непривычными и требовали сознания и сопровождались им, а потом уже, благодаря повторению, они мало-помалу превратились в автоматические акты. Значит, наши бессознательные акты вначале были сознательными, инстинкты же никогда не были и не могли быть сознательными. Итог: и здесь наблюдается различие между инстинктами и шаблонными актами человека*. В результате всего сказанного мы приходим к выводу, что отождествлять даже шаблонные акты человека с инстинктивными шаблонами нельзя; значит, выставляемый выше тезис «биологистов» падает**.

Следовательно, общий наш вывод по отношению к этой теории будет таков: a) поскольку эта теория говорит о бессознательности сознательно-психических переживаний (должного, запрещенного и рекомендуемого) — постольку она впадает в contradictio in adjecto: «бессознательная сознательность» — нелепость; b) поскольку же она утверждает тождественность шаблонных актов человека и шаблонных форм взаимодействия людей с инстинктивными шаблонами и с инстинктивными формами взаимодействия, данными, например, в обществе пчел, муравьев и т. д., — ее отождествление оказывается лишенным оснований.

II. Итак, первую теорию мы решительно отвергаем. Значит ли это, что мы принимаем вторую? — Ничуть. Оба основных тезиса

---

* См. об этом: *Вагнер В.А.* Op. cit., т. II, с. 253-266.

** То же различие мы получим, если будем исходить из анализа мотиваций поведения «простейших» и человека. Согласно выводам, установленным *Петражицким*, мотивация амеб, протозоа и т. д. — есть «простейшая» мотивация, где не дано еще ни представлений, ни чувств, ни других элементов дифференцированной психики. Акционная, основная и другие виды мотивации человеческого поведения — им совершенно недоступны. См.: *Петражицкий Л.И.* Теория права, т. I, с. 1-25.

второй теории мы считаем неприемлемыми. Первый тезис ее гласит, что все социальные институты и нормы поведения установлены произвольно; с определенной целью, ради достижения тех или иных заранее поставленных задач. Назовем этот тезис тезисом *целеполагательности. Второй тезис гласит*: раз они установлены с определенной целью, то такой целью может быть только общая польза, общая безопасность, «экономия сил» и т. д. Поэтому, как выражается Макаревич, в основе всякой нормы должна лежать социальная польза, и поэтому организация каждой группы и совокупность ее норм *действительно были полезны и целесообразны.* Назовем этот тезис тезисом *целесообразности норм и общественной организации.*

Теперь рассмотрим обоснованность каждого из них. Начнем с первого.

а) Тезис целеполагательности покоится на той предпосылке, что все акты, совершаемые человеком, совершаются всегда ради тех или иных целей. Без цели нет действия, категорически заявляет Иеринг, как и все «финалисты», отождествляя сознание с целеполаганием. «Всякое действие есть изъявление воли, а воление без цели немыслимо», безапелляционно прибавляют они.

Так ли это, однако? Я думаю, что не совсем так и что сторонники целеполагательности в этом случае похожи на тех допросчиков Мити Карамазова, которые также никак не могли понять, как Митя без всякой цели мог захватить пестик. Приведем эту сцену, она достаточно характерно подчеркивает, что человек может совершить ряд актов сознательно, но без целеполагания. «Какую же цель имели вы в предмете, вооружаясь таким орудием?» — спрашивают Митю. — «Какую цель? Никакой цели! Захватил и побежал». — «Зачем же, если без цели?» Мите, искренно рассказывавшему все дело так, как было, никак не могли поверить следователь и прокурор. «Да помилуйте же, господа! — волнуется он. — Ну, взял пестик... Ну для чего берут в таких случаях что-нибудь в руку?.. Я не знаю для чего... Схватил и побежал. Вот и все!..»*

Теперь мы знаем, что Митя был прав и что захватил он пестик без всякой цели. Его акт вызван был не целевой мотивацией, а той, которую так метко охарактеризовал Л.И. Петражицкий термином «предметной» мотивации. Вообще, как показали исследования проф. Петражицкого, отождествлять сознание с целепо-

* Братья Карамазовы, с. 559-560.

лагательностью нельзя*. В своем поведении человек руководится не только целевой мотивацией, но и рядом других мотиваций. Сплошь и рядом мы совершаем ряд актов, исходя из положения «потому что», а не «для того чтобы». Например, если кто-нибудь меня оскорбил, то я реагирую на это бранью, презрением, рядом актов, не имея вовсе в виду какую-нибудь «цель». И реагирую притом сознательно. Если кто-нибудь при мне бьет другого, то я реагирую на это путем слов «гадко», «преступно» и т. д., опять-таки сознательно, но без всякого представления цели. Ряд чисто психических явлений, как, например, память, ассоциации, чувства и т. д., хотя и составляют «элементы разумных способностей», однако не представляют ничего целевого или целепонимательного...

«Часто высказываемое философами, психологами, юристами, моралистами, экономистами и т. д. и принимаемое за какую-то само собой разумеющуюся истину положение, будто всякие наши поступки имеют известную цель, будто действия без цели что-то нелепое, невозможное, представляет коренное заблуждение», — вполне правильно говорит Петражицкий. «Преобладающая масса действий людей и животных имеет бесцельный характер, совершается вовсе не для достижения какой-либо цели, основывается не на целевой, а на иных видах мотивации»**.

Если же взять далее так называемые «привычно-автоматические» акты — то при их совершении не возникает в душе не только представления о цели, но даже и никакого психического процесса.

Стоит взять, например, акты разговора на иностранном языке в моменты, когда еще только начинаешь говорить на нем, и в моменты, когда он уже усвоен. В первом случае *выбор соответствующих слов* требует концентрации сознания, полного внимания и т. д. Во втором же случае *слова* «находятся» сами, бессознательно приходят сами и не требуют вовсе никакого внимания, а тем более представления о цели. То же самое приложимо, например, и к актам письма. При обучении письму рисование каждой буквы, крючка и палочки делается с полным напряжением сознания. Когда же, благодаря многократному повторению, мы привыкаем писать — то *сам процесс письма* может и не сопровождаться сознанием. Внимание и сознание направлено лишь на изложение *мыслей*, а сам же процесс начертания этих мыслей совершается

---

* См. подробно об этом: *Петражицкий Л.И.* Теория права, т. I, гл. 1.

** Ibid., с. 16-17.

автоматически. Вообще говоря, если бы мотивация движения и поступков живых существ была устроена так, «что без целевых расчетов невозможно было бы никакое действие, — говорит проф. Петражицкий, — это было бы громадною растратой жизненной энергии и времени, особенно зловредной для существ в тех случаях, когда для спасения жизни и удачного осуществления иных биологических функций требуется моментальная реакция, вообще быстрое приспособление к обстоятельствам. Сложный психический процесс целевой мотивации требует соответственно большой затраты времени, и занятие целевыми расчетами со стороны индивида вела бы нередко к его гибели»*. Действительно, в

---

* *Петражицкий Л.И.* Op. cit., с. 19.

Из сказанного видно, что говорить о сознании как целеполагании совершенно немыслимо и невозможно. Поэтому думать вместе с Иерингом, например, что хотя привычные акты и не сопровождаются сознанием, но все же они целевые акты — никоим образом нельзя. Правда, на это нам возражают следующее, и возражают не только такие лица, как Иеринг, но и такие компетентные биопсихологи, как В.А. Вагнер, точно так же отождествляющий разум с целеполагательностью. В ответ на мое замечание по поводу его II т. «Биопсихологии», что нельзя отождествлять разум (сознание) с целеполагательностью, многоуважаемый ученый в своей статье «Биологи и юристы в вопросах сравнительной психологии» пишет: «Я вовсе не утверждаю, будто бы таких случаев, когда разумные действия (или слова) у человека могут быть лишены цели, — не бывает. Такие случаи возможны... но такие случаи ничего не изменяют в справедливости сделанного мной утверждения, на котором я настаиваю, а именно, что разумные акты, в отличие от актов не разумных (инстинктивных), являются целепонимательными. Случаи, когда цель действия не представляется ясной для производящего это действие человека или вовсе исчезает у него из вида... могут быть либо онтогенетического происхождения, когда слова или действия вследствие повторности обращаются сначала в привычку, а затем во вторично-автоматический акт, либо могут быть филогенетического происхождения, когда действия или слова удерживаются целым рядом поколений в качестве пережитков прошлого, уцелевших от времени, когда слова эти или действия имели ясно выраженную определенную цель. Традиции передаются в качестве социального наследства так же, как передаются инстинкты, хотя и другими путями и на основании других законов». — См. мою рецензию на вышеупомянутую книгу (Вестник психологии. 1913, вып. II); ответ В.А. Вагнера (Вестник психологии. 1913, вып. III); см. аналогичную же аргументацию у Иеринга (Цель в праве, с. 14, 15).

Если бы далее все дело и обстояло так, как пишет проф. Вагнер, то и тогда нет основания отождествлять разум (т. е. психику, сознание в нашем смысле) с целепонимательностью, ибо самим же проф. Вагнером констатируется, что могут быть акты разумные, но нецелепонимательные. Как они произошли — это уже вопрос другой. А важно то, что феноменология психических процессов дает нам акты разумные, но нецелевые. В каждый данный момент имеются у нас, следовательно, поступки разумные, но разнородные: одни сопровождаются целевыми представлениями, другие — нет, а потому игнорировать эту раз-

таком случае человек, подобно Гамлету, должен был бы вечно «маячить» между «быть или не быть» и больше говорить и рассуждать, чем делать.

В силу всего сказанного первый тезис этой теории мы считаем неприемлемым, т. е. не находим возможности утверждать, что организация любой социальной группы создана преднамеренно, произвольно, в силу тех или иных целевых соображений, — пользы, безопасности, экономии сил, лучшего удовлетворения своих потребностей и т. д. Утверждать это невозможно даже относительно современного, культурного человека, утверждать же это, например, по отношению к австралийским негритосам или бушменам — было бы непростительной ошибкой. Даже сами формы мышле-

---

нородность и называть оба класса явлений одним и тем же термином «целепонимательных или целеполагательных» — непозволительно с логической точки зрения... Это одно. Во-вторых, нам думается, что нельзя смешивать акты хотя и разумные, но нецелевые с автоматически-привычными актами, как это делает наш выдающийся биопсихолог. Категория автоматически-привычных актов сплошь и рядом не сопровождается никаким сознанием, т. е. разумом, она сплошь и рядом стоит вне психики, или сознания. Это следует, во-первых, из того, что не всякий нервный процесс сопровождается сознанием (см.: *Геффдинг Г.* Очерки психологии, с. 71). Во-вторых, из того, что ряд привычных актов, например, акты, состоящие в управлении велосипедом, лодкой, акты «хороших манер», разговора (самого подбора слов), раз они стали автоматическими, то они совершаются «бессознательно». Я могу править велосипедом, думая совершенно о другом, могу иметь «хорошие манеры», будучи занят совершенно иными делами и мыслями, и т. д. В силу этого аргумент, что все разумные, но нецелевые акты есть акты автоматически-привычные — переваливает через край. Такие акты — совсем бессознательны, и потому в счет идти не могут... Надо было доказать, что акты разумные, но нецелевые есть те же целевые разумные акты, но утратившие цель, благодаря повторению, а вместо этого получается тезис: могут быть акты вначале разумно-целевыми, но затем они могут, благодаря повторению, сделаться бессознательными. Ясно, что это не то, что требовалось подтвердить! В-третьих, в силу второго положения весьма спорным становится и происхождение разумно (сознательно) нецелевых актов, спорным становится утверждение, что разумно-нецелевые акты суть многократно повторявшиеся целепонимательные акты. Во всяком случае, наблюдения над своими и чужими поступками говорят, что для происхождения таких актов вовсе не обязательно многократное повторение.

Дети, например, сплошь и рядом, после слов «папы», что «мучить кошку — нехорошо и гадко», что «лгать — нельзя» и т. д., — при виде подобных актов реагируют на это словами: «мучить кошку — гадко», «лгать — нельзя» и т. п., не имея ни многократного повторения, ни какой-нибудь цели, но сопровождая свой акт сознанием и исходя из положения не «для того чтобы», а «потому что так сказал папа». Подобных фактов можно привести ad libitum. В силу всего сказанного мы не находим возможности и в данном пункте присоединиться к «финалистам».

ния их, как это недурно показал Леви-Брюль, отличны от наших законов логики и не подчинены, например, закону противоречия, а управляются отличным от него «законом соучастия» (loi de participation)*. Требовать от дикаря полную целепонимательность его актов — это значило бы требовать от него то, что нельзя требовать, как мы видели, и от современного человека, а отсюда правило: нельзя думать, чтобы та или иная структура социальной группы была создана целепонимательно, преднамеренно, с определенным расчетом и т. д.

b) Теперь перейдем к рассмотрению второго основного тезиса школы «финалистов», тезиса — «целесообразности» или полезности преднамеренно созданной организации и целесообразности норм поведения должного, недолжного и рекомендованного. Так, например, Макаревич, как и многие другие, настаивая на целесообразности преднамеренно созданной организации, аргументирует свое положение такими фактами: существующий во многих первобытных группах обычай убивать детей, стариков, был несомненно полезен при недостатке средств существования, педерастия, установленная якобы преднамеренно в ряде групп, — тоже была полезна, так как вела к невозможности роста социальной группы, что при ограниченности средств существования было весьма полезно и т. д.** Вообще, согласно положениям этого течения приходится сказать: запрещенные акты были запрещены потому, что они признаны были вредными для жизни группы, и действительно были вредны. «Должные» акты установлены потому, что они признаны были необходимыми для жизни и благосостояния группы, и действительно были таковыми. Рекомендованными же делались те или иные акты потому, что они признаны были полезными, и действительно были таковыми.

Теперь спросим себя: *верен ли этот тезис*? Прежде всего ясно, что в приводимых Макаревичем случаях не приходится искать преднамеренного установления хотя бы по той простой причине, что первобытный человек уж больно мудрым выходит в его изображении, таким мудрым, что знает даже о причинной связи акта

---

* См.: *Леви-Брюль Л.* Les fonctions mentales dans les sociétés inférieures. Paris, 1912.

** *Макаревич.* Op. cit., S. 45 и сл. Das was für eine gegebene sociale Gruppe schädlich ist, muss von derselben als schlecht aufgefasst werden, was für sie nützlich ist, als gut (S. 45). Die Tugend ist diejenige Richtung des Willens, diese psychishe Kraft, welche sich in gesellschaftlich nützlichen Handlungen aussert (S. 58)[4] и т. д.

полового общения и его следствия — рождения, наступающего в общем через девять месяцев после акта. Дедуктивно можно предвидеть, что такая мудрость едва ли может быть приписываема первобытному человеку и вообще дикарю. Факты подтверждают вполне эту дедукцию. Преднамеренного установления здесь не могло быть уже хотя бы потому, что дикари причиной рождения человека считают вовсе не половой акт (а потому для избежания увеличения народонаселения группы и не могут преднамеренно устанавливать педерастию) и ни в какую связь с его рождением не ставят, а объясняют рождение иначе. Рождение для них есть воплощение души предка в женщину или самку, которая случайно проходила мимо местопребывания души: камня, дерева, растения и т. д. У австралийцев, например, по данным Спенсера и Гиллена, есть даже специальные места и вещи, в которых обитают души («нанья», «чуринги», «камни эратипа»). Когда женщина проходит вблизи их — они «впрыгивают» в нее и появляются на Божий свет в виде нового человека. Если женщина, принужденная проходить мимо таких мест, не хочет иметь ребенка — она горбится, подражает движениям старухи и говорит: «не тронь меня, я старая женщина»*.

Как согласовать эти факты и теории рождения с «педерастией, якобы преднамеренно установленной с целью избежать увеличения населения группы»?

То же можно сказать и о других «преднамеренно» установленных нормах и обычаях. Говорить о преднамеренности здесь можно, лишь не зная подлинного положения дела. То же следует сказать и об Иеринге с его «эгоистически мудрым» человеком, только и занятым взвешиванием выгод и невыгод, пользы и вреда**. «Рационализированные» Гамлеты, какими рисуются в изображении финалистов люди вообще и первобытные люди в частности, есть фикция и плод их «научной» фантазии, плохо знакомой с данными этнографии, психологии и антропологии.

---

* См. аналогичные факты у *Фрэзера*. Тотемизм и экзогамия. 1910 (англ[ийский] текст), т. IV, с. 59.

Стрелов. Die Aranda und Loritja-Stämme in Zentr. Austalien. Франкфурт-на-Майне, 1907, предисловие.

** См., напр[имер], у *Иеринга* объяснение смены обычая поголовного истребления врага — обычаем обращения его в рабство. Примитивный человек у него становится каким-то бухгалтером, математиком, вписывающим в свою конторскую книгу выгоды и невыгоды каждого акта и обычая. Только Иеринг и мог так «обуржуазить» дикаря (Цель в праве, с. 185-187).

Что же касается того, полезны ли и целесообразны ли были те или иные обычаи, установившиеся в социальных группах, то мы, признавая, что часто они были действительно полезными, хотя и создавались непреднамеренно, никоим образом не можем согласиться с тем, что они всегда были полезны. Допустить последнее — значило бы допустить «предустановленную гармонию» или же приписать первобытным людям такую дозу премудрости, какой не только они, но и самые культурные люди не могут обладать.

Вполне прав Дюркгейм, когда говорит, что «есть немало моральных обычаев, которые не менее обязательны, чем другие, и в которых, однако, нельзя заметить, какую пользу они могут принести группе». Какова общественная польза того уважения к мертвым, нарушение которого между тем для нас так особенно ненавистно, той утонченной стыдливости, которую культурные классы соблюдают, как повелительный долг? Спенсер прекрасно показал, что широкая филантропия, вошедшая у нас теперь в нравы, не только бесполезна, но даже вредна для общества.

Она имеет результатом сохранение жизни массы неспособных, которые не только ни к чему не годятся, но еще мешают своим присутствием свободному развитию других.

Нельзя отрицать того, что мы содержим в наших госпиталях целое народонаселение из кретинов, идиотов, сумасшедших, неизлечимых всякого рода... существование которых поддерживается только лишениями, падающими на здоровых и нормальных работников; нет такой тонкой диалектики, которая могла бы уничтожить свидетельство фактов... помимо того, «в современных нациях существует все увеличивающаяся масса вырождающихся, этих вечных кандидатов на самоубийство или преступление, этих творцов беспорядка и дезорганизации, на которых мы тратим материнские заботы, распространению которых мы покровительствуем, хотя они представляют для будущего все более опасную угрозу»... Несмотря, однако, на прямой вред таких шаблонов, «чем более мы подвигаемся вперед, тем более развивается эта столь мало экономическая добродетель»...

«Ко всем этим примерам можно было бы присоединить еще массу других, как, например, правило, требующее почитания старших, или то, которое запрещает мучить животных и т. д.

Некогда для еврея поесть свинины было настоящим моральным преступлением; однако вряд ли можно было бы утверждать, что этот обычай был необходим для еврейского общества.

Полезны обществу или нет моральные обычаи — очевидно, что вообще они установились не ввиду этой цели; ибо для того, чтобы общая польза могла быть источником моральной эволюции, надо было бы, чтобы в большинстве случаев она могла быть объектом для представления достаточно ясного и способного определить поведение». Но этой тонкости утилитарных соображений, сознательного расчета, настойчивости в достижении отдаленной пользы нельзя требовать не только от древнего, но сплошь и рядом и от современного человека.

И теперь мы не можем достаточно ясно предвидеть даже нашу *личную* выгоду и быть уверенным в ее достижении.

Для этого «надо принять в расчет такую массу обстоятельств и условий, надо иметь столь совершенное и полномерное понятие о вещах, что уверенность в подобных случаях становится невозможной. Но еще гораздо труднее добиться уверенности, когда дело идет о выгоде не отдельной личности, а целого общества... Для этого необходимы способности предвидения и комбинирования в такой мере, в какой их далеко не имеется у среднего человека... Итак, очевидно, что моральные заповеди маломальской сложности не имели первоначальной целью общественного интереса»*.

---

* *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Одесса, 1900, с. 9—11.

Правда, на это можно возразить, что обычаи *казались* полезными обществу. «Но такое объяснение не объясняет ничего, ибо оно не дает нам понять, почему в таком множестве случаев общества обманывались и налагали обычаи, которые сами по себе не были даже полезны. В конце концов, это мнимое решение проблемы сводится к трюизму, ибо если общества принуждают всякого индивида повиноваться этим правилам, то, конечно, потому, что — верно или нет — они думают, будто это правильное, пунктуальное повиновение необходимо для нас; потому что они сильно связаны с ним. Значит, это все равно, как если бы сказали, что общества считают эти правила необходимыми потому, что считают их необходимыми. Нам же следовало объяснить, почему они их считают таковыми» (Ibid., с. 54.)

«Без сомнения, взгляды и привычки, одинаково принадлежащие значительной части человечества, в большинстве случаев представляют результаты здравого суждения и практической мудрости, — говорит *Э. Тейлор.* — Но во многих других случаях мы видим совершенно иное. Из того, что многие обширные общества людей верили влиянию дурного глаза и различных созвездий, приносили в жертву телам умерших — рабов и различные предметы, поддерживали предания об исполинах, убивающих чудовищ, и о людях, обращающихся в зверей, — из всего этого есть основание заключать, что подобные идеи были действительно порождены известными, соответственными причинами, но еще нет основания утверждать, что упомянутые обряды на самом деле полезны, верования рациональны и предания достоверны» (История культуры. СПб., 1896, т. I, с. 12.)

Лишним подтверждением сказанного служит то, что и теперь, несмотря на методическое стремление построить науку «общественной или социальной политики» или «социальной гигиены», почти все попытки остаются еще малоуспешными.

Трудно видеть какую-нибудь пользу в обычаях, требовавших жертв при постройке дома, в запретах употреблять в пищу животных, которые были совершенно безвредны, в бесконечных жертвах, закалавшихся на могиле царьков или умерших вообще (заклание жен, рабов, лошадей и т. д.). Трудно также видеть разумность и целесообразность в таких приказах и запрещениях, как следующие. На Мадагаскаре ложь и обман считаются вполне дозволенными, но преследовать сову или кошку — есть величайшее преступление. На острове Самбу пройти случайно по тени кого-нибудь — есть величайшее преступление. Убить священное животное в Древнем Египте — значило подвергнуться неминуемо смертной казни. В Китае величайшее преступление — не носить траура после смерти родственников*. На острове Фиджи, если кто-нибудь недостаточно низко кланялся вождю — он тут же убивался на месте. В королевстве Уганда сановник, «выставивший на один только дюйм свою голую ногу в то время, когда должно сидеть скорчившись, или завязавший свою "твиди" противно правилам», — подвергался смертной казни**. Нелегко заметить также полезность и разумность таких предписаний: «Тридцатилетний мужчина должен жениться на двенадцатилетней, двадцатичетырехлетний — на восьмилетней девушке»*** Брахман «не должен задувать огня своим ртом», «он никогда не должен смотреть на солнце, когда оно заходит или восходит, затмевается или отражается в воде, или стоит посредине неба»; он не должен есть, имея на себе только одну одежду; он не должен купаться нагим, он не должен делать урины на дороге, на пепел, или в загоне для коров**** и т. д.

Было бы бесполезно приводить подобные запреты и приказы. Не только в древних обществах, но и в обществах современных есть столько нецелесообразных и прямо вредных приказов и

См. также: *Vaccaro*. Genesi e funzione delle leggi penali. 1908, p. 44, 45 и *Дюркгейм Э*. Les formes élémentaires de la vie religieuse. Paris, 1912, p. 114 (примечание), 373 и др.

* См.: *Vaccaro*. Genesi, p. 43-45.

** *Спенсер Г*. Осн[ования] соц[иологии], т. II, с. 229.

*** [Законы] Ману, 9, 94.

**** Ibid., 9, 35-80 и др.

запретов, заблуждений и ошибок, что нельзя не согласиться со следующими словами того же Vaccaro*: «Un giorno i nostri nepoti ritterranno come irragionevoli e barbari molti dei nostri costumi e delle nostre leggi, e ne avranno ben d'onde»[5].

Многие из обычаев имели пользу, но многие были прямо вредными, так что поддерживать и второй тезис финалистов мы не можем. Даже и те обычаи, которые были полезны, — и те установились, как было показано выше, в большинстве случаев не преднамеренно и не ради какой-то цели, а вне всяких целевых соображений — спонтанно и «случайно», отчасти под влиянием естественного подбора.

§ 2. Бессознательное возникновение социальной организации

Итак, согласно сказанному в приложении к человеческому обществу, обе теории следует признать односторонними. Чтобы отчетливо представлялся порядок последующего изложения, сформулируем по возможности ясно основные положения, о которых мы намерены вести речь...

1) Совокупность всех актов, совершаемых человеком, может быть разделена на две части: a) на акты, сопровождаемые сознанием или психическими переживаниями, и b) на акты бессознательные. В pendant к этому можно сказать: совокупность всех взаимоотношений, существующих в социальной группе, может быть разделена на те же две категории.

2) По своему происхождению одни акты, выполняемые человеком, возникли бессознательно, другие — сознательно, и в частности — под влиянием целевой мотивации.

В pendant к этому можно утверждать: *совокупность всех устойчивых взаимоотношений, данных в группе и образующих ее организацию, по своему происхождению может быть разделена на отношения: a) возникшие сознательно и b) — бессознательно.* (Причем не следует думать, что бессознательными являются обязательно отношения и акты бессознательно возникшие, а сознательными — сознательно установленные. Одно дело — сознательное или бессознательное *происхождение* их, другое — сознательность или бессоз-

* *Vaccaro.* Op. cit., p. 45.

нательность *их выполнения или совершения* в каждый данный момент.)

Сообразно с этими тезисами, порядок вопросов, которых мы принуждены коснуться, рисуется в таком виде:

1) Прежде всего мы должны ответить на вопрос: как возможно бессознательное происхождение шаблонных актов, и в pendant к этому, как возможно бессознательное установление организации?

2) Следующий вопрос гласит: как возникает вообще сознание (психика), а в связи с этим чем вызывается переход бессознательных актов в сознательные? В связи с этим

3) Третий вопрос будет гласить: какова механика перехода бессознательных актов в сознательные и наоборот?

После этих вопросов мы уже можем заняться анализом природы самих актов и природы общественных взаимодействий.

Итак, как возможно бессознательно-механическое происхождение шаблонных актов и шаблонных взаимоотношений, образующих скелет групповой организации?

Начнем с простейших случаев.

Жизнь, говорит Спенсер, это постоянное *приспособление* внутренних отношений к внешним отношениям*. Я не буду входить в обсуждение того вопроса, насколько полно и всесторонне в этом определении схвачен феномен жизни. Для меня важно только то, что каждый носитель жизни, т. е. каждый организм, представляет нечто такое, что для своего существования должно постоянно приспособляться к окружающим его условиям, иначе говоря, должно хранить известное равновесие между совокупностью его сил и между силами окружающей его внешней среды. Пока это равновесие есть — организм, как некоторое «единство», существует, раз это равновесие нарушено — организм, при невозможности восстановить его, погибает и перестает существовать как автономное единство... Почему это так? — вопрос другой. Вероятно, это объясняется сложностью организованной материи, состоящей из химических элементов чрезвычайно подвижных (кислород, водород, азот, элементы углерода, фосфора, железа и кремнеземов и т. д.), аллотропично-изомеричных, способных принимать различные виды. Эта сложность состава, при подвижности и разнородности химических реакций элементов, и делает, вероятно, чрезвычайно изменчивой и подвижной организованную материю.

---

* Основания биологии, т. I, § 1 и сл., § 30.

Как бы то ни было, но зависимость организма от среды, указываемая Спенсером, несомненна.

Отсюда вытекает следующее положение: чем сложнее среда, окружающая индивида, чем она изменчивее, тем должен быть сложнее организм, тем он должен быть дифференцированнее, чтобы иметь возможность сопротивляться изменчивому влиянию среды и поддерживать равновесие, нарушаемое изменениями внешних сил, грозящих разрушить организм. Это положение подтверждается эмпирическими данными. В глубине морей, где царствует спокойствие и однообразие — и организмы в высшей степени просты. Это — просто однообразные, желатиноподобные массы, не имеющие почти никакой дифференциации.

Несколько выше, где среда уже менее однообразна, где даны и течения, и ряд других изменений — и организмы уже сложнее: там встречаются инфузории и ряд простейших организмов, обладающих зачатками дифференциации.

Наконец, еще выше, где даны воздействия и света, и теплоты, и различных механических и органических факторов, где вообще среда уже более сложна — там и организмы более сложны и дифференцированы...

То же наблюдается и на земной поверхности. Чем сложнее среда — тем сложнее и организм. Социальная среда человека (как увидим ниже) есть самая сложная среда, поэтому неудивительно, что человек самое сложное и самое дифференцированное существо из всех организмов...*

Из сказанного следует, что равновесие между внутренними силами организма и внешними силами может быть достигнуто лишь тогда, когда организм *приспособляется* к этим внешним силам (к среде), а приспособление в свою очередь означает, что организм определенным образом привыкает реагировать на то или иное внешнее раздражение.

Если среда остается более или менее однообразной — то и ряд функций организма, восстановляющих равновесие, раз достигнуто приспособление — спонтанно повторяется каждый раз, как только начинает действовать соответствующий раздражитель. На ту или иную акцию со стороны среды организм отвечает соответствующей реакцией. Раз эти раздражения среды не изменяются

* См. об этом: *Vaccaro*. Les bases sociologiques du Droit et de l'État. Paris, 1898, гл. 1, с. 6 и сл.

резко, а долгое время остаются неизменными — то однообразными остаются и те акты со стороны организма, посредством которых он приспособляется к ним. А в силу такого многочисленного повторения в итоге получается то, что эти акты приспособления или восстановления равновесия превращаются в простой шаблон, т. е. следуют без всякого затруднения каждый раз, как только дан соответствующий раздражитель*.

Конечно, этот процесс приспособления, наблюдаемый на всех ступенях жизни, не совершался так быстро и так просто. Нужны были иногда десятки поколений, чтобы тот или иной вид животных или растений мог выработать такие «приспособляющие» шаблонные акты.

Целые виды, при изменении условий, не могли приспособиться и уничтожились. Смена геологических периодов, как мы знаем, была и сменой животных и растительных видов, т. е. исчезновением ряда видов, не сумевших приспособиться, и появлением новых видов, в достаточной степени изменившихся и выработавших новые шаблонные акты, приспособлявшие их к новым условиям.

---

* Я не останавливаюсь на роли страдания и удовольствия в этом процессе создания шаблонов. Несомненно, однако, что их роль (в царстве высших животных) весьма значительна в том смысле, что в общем состояние равновесия или гармонии со средой есть в то же время и состояние нестрадательное, тогда как диссонанс со средой, неприспособленность, ведущая к гибели, — сопровождается и состоянием страдательным, следовательно, вызывает стимул к уничтожению этого диссонанса, иначе говоря, ряд актов, бессознательно направленных на приспособление к среде. При значительном числе повторений актов приспособления между этими актами и удовольствием образовывается связь, своего рода ассоциация, которая и побуждает организм восстанавливать равновесие каждый раз, как оно нарушено. Таким образом, в общем нельзя отрицать значительную роль страдания и наслаждения в возникновении шаблонных актов приспособления. Однако нельзя эту роль преувеличивать, как сделали это, например, Паттен и Л. Уорд в своих работах, утверждая, что страдание и наслаждение — главные и единственные факторы цивилизации. Нельзя, во-первых, потому, что гедонистическая мотивация есть в большинстве случаев следствие, а не причина тех или иных актов, вызываемых неприспособленностью, во-вторых, потому, что не всегда состояние удовольствия есть и состояние биологически полезное для сохранения жизни... Очень часто состояние удовольствия есть состояние вредное для жизни организма. Поэтому нельзя всю динамику организмов сводить к тому или иному чувственному состоянию, что, конечно, не мешает признанию за этими факторами важной роли.

(См. работы Уорда «Психические факторы цивилизации», «Очерки социологии» и «Динамическую социологию» и замечания Ваккаро в «Les bases sociologiques», гл. II, p. 26-47.)

Таким образом, появление шаблонных актов обязано не чему иному, как однообразию условий и их большей или меньшей неизменности. Если условия эти несложны, однообразны и не подвержены резким и быстрым колебаниям, то и организм прост, несложен и недифференцирован, ибо приспособление к несложной среде возможно и при несложности организма. Если же среда, в которой живет организм, сложна, то и организм, для поддержания необходимого для жизни равновесия или приспособления, должен дифференцировать свои реакции, а эти реакции, дифференцировавшись и повторяясь много раз, в свою очередь, вызывают глубокие изменения организма и превращаются в шаблонный акт.

Все «инстинкты» животных и шаблонные реакции растений, например, мимозы и некоторых насекомоядных растений, шаблонно реагирующих на известные внешние раздражения, и представляют не что иное, как созданные таким образом многократно повторявшиеся в течение поколений акты реагирования на однообразные раздражения среды.

Всякий организм, мало-мальски дифференцированный, имеет такие шаблоны поведения, и, пожалуй, все акты низших животных сводятся к таким шаблонным актам*.

Мало того, вся анатомическая структура любого организма, все его органы, ткани, форма и функции различных частей организма могут и должны рассматриваться, как застывшие, овеществленные шаблоны, как результат многократного повторения однообразных актов, необходимых для приспособления или поддержания равновесия между организмом и средой...

Это явление кратко формулируется современной физиологией в виде положения «функция создает орган», положения, воспроизводящего в основных чертах законы, установленные бессмертным Ламарком. Приведем их.

Первый закон. «У всякого животного, не достигшего предела своего развития, более частое и продолжительное употребление какого бы то ни было органа укрепляет мало-помалу этот орган, развивает его, увеличивает и сообщает ему силу, пропорциональ-

---

* Отсюда видно, что эти бессознательные шаблоны поведения или взаимоотношения организма и среды представляют ряд тех актов, которые Л.И. Петражицкий называет актами, имеющими простейшую, чисто эмоциональную мотивацию.

ную продолжительности его употребления; тогда как постоянное неупотребление органа непременно ослабляет его, приводит в упадок, прогрессивно уменьшает его способности и, наконец, заставляет его исчезнуть».

Второй закон. «Все, что природа заставила особей приобрести или утратить под влиянием внешних обстоятельств, в которых с давних пор пребывала их порода, и, следовательно, под влиянием преобладающего употребления известного органа или под влиянием постоянного неупотребления известной части, все это сохраняется — путем размножения, в новых особях, происходящих от прежних, если только приобретенные изменения общи обоим полам или тем особям, от коих произошли новые». «Это две неизменные истины, которых не признают разве только те, кто никогда не наблюдал природы и не следил за ее действиями, или те, кто впал в заблуждение, с которым мне приходится теперь бороться».

«В этом отношении люди уже давно как бы предугадали истинное положение вещей — почему создалось даже следующее изречение, перешедшее в общеизвестную пословицу: привычка — вторая натура».

«Не органы, т. е. не природа и форма частей тела животного обусловливают привычки и частные способности последнего, но напротив, его привычки, его образ жизни и те внешние условия, в которых находились особи, от коих данное животное произошло, обусловили с течением времени форму его тела, число и состояние его органов и, наконец, присущие ему способности».

«Время и благоприятные внешние обстоятельства являются двумя главными средствами, которыми пользуется природа, чтобы создать все свои произведения; известно, что для нее время не имеет границ, а потому оно всегда в ее распоряжении».

«Сила привычек так велика, что их необыкновенное действие сказывается даже на устройстве органов, и животные, с издавна приобретенными определенными привычками, отличаются по своим способностям от тех, которыми усвоены другие»*.

Исходя из этих принципов, Ламарк, как известно, не без успеха объяснил все разнообразие животного и растительного мира.

Сообразно с этим можно вместе с Ле-Дантеком сказать: «Жизнь есть последовательная смена функций, а животное (орга-

---

* *Ламарк Ж.-Б.* Философия зоологии. М., 1911, с. 189-191, 289 и вся 7-я глава.

низм) — последовательная смена органов, определяемых этими функциями»*.

Таким образом, шаблонный акт — есть акт, многократно повторявшийся при однообразных условиях. Поэтому можно было бы наподобие Архимеда сказать: «Дайте мне организм и дайте мне неизменные и приблизительно однообразные условия, и я вам дам шаблонный акт, если только организм выживет».

Выработанный в течение ряда поколений шаблонный акт передается в силу наследственности следующим поколениям, если только условия (среда) резко не меняются. Так как в дальнейшем придется не раз встречаться с вопросом о наследственности, то я здесь кратко сформулирую свое отношение к нему, исходя из данных современной биологии. Что наследственность вообще существует — это никем не оспаривается. Спорным является лишь вопрос о наследственной передаче так называемых индивидуально приобретенных признаков. Но и среди этих признаков, передача признаков, приобретенных под влиянием внешних условий, почти никем не оспаривается (см.: *Книпович Н.М.* Курс общей зоологии, с. 362). Вообще же относительно группы индивидуально приобретенных признаков существуют две противоположные теории: теория Спенсера—Рибо, отвечающая положительно на этот вопрос, и теория Вейсмана — дающая отрицательный ответ. Та и другая теория, согласно исследованиям Делажа, Адами, Гальтона и Ле-Дантека, должны быть признаны односторонними, и проблема наследственности находит свое разрешение в следующем положении: «наследование индивидуально приобретенных признаков достоверно и неоспоримо, когда внешние условия, вызвавшие их появление, остаются неизменными и простыми; если же эти условия подвижно-изменчивы и сложны — наследование индивидуально приобретенных признаков невозможно». И вполне понятно, что только таково может быть решение вопроса. Ведь родовые признаки некогда также (согласно теории эволюции) были индивидуально приобретенными признаками. Они превратились в родовые лишь после многократного повторения их в ряде поколений при однообразных условиях. Это многократное повторение и сделало их родовыми; мало того, из того же закона Ламарка вытекает, что и основные черты рода обязаны своим существованием (вплоть до строения, формы и величины ор-

* *Ле-Дантек Ф.* Познание и сознание. СПб., 1911, с. 60 и сл.

ганов) тому же повторению при неизменных условиях. А отсюда неизбежно вытекает указанное выше положение, которое уничтожает абсолютную границу между «родовыми» и «индивидуально приобретенными» признаками, сводя все различие к характеру среды и к количеству повторений (см.: *Рибо Т.* L'Hérédité psychologique, 1897; *Вейсман.* Опыт о наследственности. Богатую литературу дает *Draghicesco D.* Du rôle de l'individu, p. 58 и сл.; см. также: *Vaccaro.* Op. cit., p. 11; *Вольтман Л.* Теория Дарвина. СПб., 1900, с. 197 и сл.; *Дюркгейм Э.* Op. cit., p. 243-262).

Повторение акта в последующих поколениях все более и более шаблонизирует его, и после достаточного числа филогенетического повторения акт в конце концов превращается в чистый автоматический шаблон, возникающий вполне самопроизвольно (спонтанно) всякий раз, как только дан соответствующий внешний раздражитель. Таково происхождение всех «рефлексов», «инстинктов» и «автоматических движений», всегда шаблонных и самопроизвольных, таково же должно быть происхождение и ряда физиологических шаблонных актов и процессов. «Объективный метод, — говорит В.А. Вагнер, — доказывает нам с полной очевидностью, что мастер инстинктивной работы скрыт в ряду вымерших поколений и что результат этого мастерства (филогенетического повторения. — *П.С.*) у современных представителей данного вида фиксирован в точно определенных инстинктах»* и т. д. Таково в кратких чертах происхождение шаблонов.

Теперь спросим себя, можно ли эти шаблоны, имеющиеся почти у всех представителей животного и растительного царства, назвать *сознательно* выработанными, установленными ввиду тех или иных целевых и утилитарных соображений?

Ответить положительно на поставленный вопрос — это значило бы слишком злоупотреблять понятием сознательного, это значило бы приписывать сознание и интеллектуальные функции простейшим организмам, у которых нет нервной системы, это означало бы антропоморфизировать растительный и животный мир... Происхождение подобных шаблонов, несомненно, чисто механическое, руководимое и устанавливаемое не целевыми соображениями клеток и не иными видами интеллектуально-эмоциональной мотивации, а естественным подбором. Если амеба при прикосновении к ее псевдоподии серной кислоты оттягивает ее,

* *Вагнер В.А.* Биопсихология, с. 338-339.

если пчела обнаруживает ряд шаблонных актов в своем поведении (в постройке сот, в актах кормления, в актах собирания меда), если ласточка в постройке своего гнезда, или бобер в постройке своего жилья, или крот в постройке своей норы и т. д. — следуют одному и тому же шаблону, то это делается не вследствие каких-то утилитарных соображений или иных видов сознательной мотивации, а просто автоматически они совершают то, что ими получено по наследству от предков, а у предков в свою очередь выработались эти шаблоны не путем гаданий и соображений, а путем бессознательного многократного повторения одних актов при относительно неизменных условиях, под «руководством» подбора...

«Для выяснения психической природы деятельности животных (особенно беспозвоночных), — говорит тот же Вагнер, — нет надобности ни в «счастливых мыслях», ни в «случайных догадках», которые будто осеняли предков современной нам фауны, нет надобности предполагать у них ни наличия ума, ни наблюдательности, ни способности к размышлению, которые за многими из них так охотно предполагают авторы-монисты ad hominem[6] (Летурно, Эспинас, Романес). Нет надобности потому, между прочим, что молодые животные производят свои инстинктивные действия с таким же мастерством в первый раз в жизни, как будто производили их десятки раз прежде»*.

Таково, в кратких чертах, бессознательно-автоматическое происхождение шаблонных актов, из которых состоит едва ли не все поведение животных, в особенности низших и беспозвоночных**.

Но мне могут сказать: вы говорите все время о *шаблонных актах* (физиологических и психических), свойственных отдельному организму, а не о шаблонах *взаимоотношений* между членами одного общества. На это я отвечу, что по существу нет различия

---

* *Вагнер В.А.* Биопсихология, с. 338, см. факты и обоснование этого положения с. 249-339. См.: *Его же.* Психология животных. М., 1902, особенно 4-ю лекцию.

** Выражаясь точнее, можно сказать, что это поступки, совершающиеся на основе «простейшей мотивации», в смысле проф. Петражицкого.

«Действия примитивных животных, — говорит он, — т. е. телодвижения, вызываемые психическими факторами, следует представлять себе так, что у этих существ под влиянием разных физических и химических воздействий и соответственных физиологических процессов появляются смутные аппульсивные и репульсивные моторные раздражения и первые вызывают вытяжения живого вещества или движение его в сторону отправления воздействия, а вторые — сокращение и удаление от источника вредного физического или химического воздействия» (Теория права, т. I, с. 21-23).

между шаблонными актами организма и шаблоном взаимодействия между организмами, так как всякий шаблон взаимоотношений между организмами А и В означает определенное воздействие А на В и шаблонную реакцию В на А...

В самом деле, всякий шаблонный акт организма А представляет однообразную реакцию на соответственное раздражение среды (F). Но что такое среда или внешние условия? Разве все окружающее данного индивида общество — не может быть рассматриваемо как среда? Разве те раздражения, которые исходят от сочленов общества и на которые индивид (А) принужден реагировать, — не суть раздражения той же внешней (хотя и более сложной) среды? Разве индивид не принужден к ним приспособляться и, приспособляясь к ним, разве не может он выработать шаблонные акты, которые восстановляли бы нарушаемое этой средой равновесие, раз эта среда сама по себе не меняется непрерывно?

Взаимоотношение индивида и окружающего его общества есть только частный вид взаимоотношений индивида и внешних условий.

Для неделимых, не живущих общественной жизнью, внешнюю среду составляют *космические условия*; для неделимых[7], членов общества, в состав среды, помимо космических условий, входит еще и общество других сочленов (социальная среда); как в первом случае необходимо приспособление к космическим условиям, выражающееся вовне в виде ряда шаблонных актов, которыми организм реагирует на привычные раздражения, так и во втором случае необходимо приспособление к той же внешней среде, в состав которой входит и общество сочленов, приспособление, выражающееся также в ряде шаблонных реакций, следующих в ответ на соответствующие раздражения, исходящие со стороны сочленов. Эти шаблонные акции и реакции и составляют шаблонные формы взаимоотношений.

Таким образом, все сказанное выше о бессознательном происхождении автоматических шаблонов приложимо и к шаблонным взаимоотношениям общества. Все шаблоны взаимоотношения пчел, муравьев, шмелей и т. д. — получены и выработаны именно по указанному типу... Поэтому краткий очерк происхождения бессознательно-шаблонных актов организма был тем самым и очерком бессознательного происхождения шаблонных взаимоотношений в том или ином обществе.

Переходя после этой небольшой экскурсии в область бессознательного происхождения шаблонов к человеческому обществу, спросим себя: есть ли в нем такие шаблоны? Ответ будет несомненно положительный. Прежде всего, все наследственно полученные шаблоны суть шаблоны, созданные данным, а не иным путем. Сама анатомическая и вообще биологическая организация человека, предопределяющая характер и форму поведения, есть полученный по наследству результат, продукт естественного подбора, выработанный с помощью вышеуказанного механизма. Далее, в поведении его, предопределяемом устройством и структурой организма, имеется ряд актов чисто шаблонных, представляющих результат филогенетического развития. Таковы, например, деятельность желудка, легких, сердца, акты иннервации мускулов, процессы страха, сна, просыпания, половые переживания, переживания голода, жажды, совокупность тех актов, которые психологи называют «рефлексами», «инстинктами», «первично-автоматическими движениями» и т. д. В создании их не принимали участия никакие утилитарные, целевые и вообще сознательные гадания... Они создались благодаря действию всеизмалывающего жернова — естественного подбора, сводящегося к взаимодействию среды и организма... А совокупность этих шаблонных актов, в свою очередь, предопределяет характер и форму взаимоотношений членов общества... Причем одни из этих шаблонных актов представляют наследство, полученное от животных (дочеловеческих) стадий развития, другие же могли появиться уже у вида homo sapiens и, повторяясь в ряде поколений, превратиться в наследственно передаваемый механический шаблон.

Почему я отдергиваю руку от обжегшего ее огня, почему я засыпаю и просыпаюсь, почему у детей, не имевших никогда личного опыта, при виде тех или иных предметов обнаруживается страх*, почему при виде червяка многие вскрикивают и обнаруживают тот же страх, почему совершаются у нас ассоциации по смежности или по сходству, почему ощущение равняется логарифму раздражения и т. д.? — Было бы наивно думать, что в создании этих физиологических и психологических шаблонов принимали какое-нибудь участие сознание вообще и, в частности, целевые соображения, и что они совершаются ради тех или иных целей,

* См.: *Рибо Т.* Психология чувств. Изд. Павленкова, 1899, с. 225-227; *Петражицкий Л.И.* Теория права и Введение в теорию права и нравственности.

на основании тех или иных гаданий о пользе или вреде этих шаблонных актов. Они созданы «механически», получены нами по наследству от предыдущих (частью животных и частью человеческих) поколений и спонтанно, сами собой, возникают всякий раз, как только даны соответствующие раздражители...

То же относится и ко многим шаблонам взаимоотношений в том или ином обществе. И здесь, как и в создании шаблонных актов пчелы и т. д., — доминирующая роль остается за естественным подбором, за бессознательным приспособлением, продолжающемся иногда десятки и сотни лет, повторением ряда актов при однообразных условиях и т. д. Если почему-либо эти шаблоны взаимоотношений для кого-нибудь и оказываются полезными, то польза их порождена не сознательными гаданиями, а действием неуклюжего и, по правде говоря, довольно дорогостоящего естественного подбора*.

Не вдаваясь в дальнейшие подробности, мы можем сформулировать сказанное так: ряд актов, как чисто индивидуальных, вызываемых необходимостью приспособления к космической среде, так и ряд актов взаимодействия между членами группы, представляющих акции и реакции, вызываемые взаимным приспособлением друг к другу (к социальной среде), принимают шаблонную форму не благодаря сознательному установлению шаблонов в целях общей пользы и т. п., а обязаны своим возникновением бессознательному действию естественного подбора.

В этом смысле их появление совершилось «механически», «бессознательно», «случайно». Установились они после многочисленных повторений, массы жертв и неудачных исходов; шаблонную же форму приняли они благодаря тому, что среда (космическая и социальная) оставалась более или менее неизменной. Повторяясь однообразно при таких условиях, всякий раз, как появляется соответственный раздражитель, они становились все более и более привычными, передавались из поколения в поколение и в результате образовали прочный и устойчивый шаблонный акт, который выполнялся и выполняется без всяких соображений о его основах, мотивах, пользе и т. д., просто в силу «биологической и социальной инерции». И действительно, не только первобытный человек, но и мы совершаем большинство наших шаблонных актов без всяких вопросов об их основаниях или их пользе.

* См. об этом: *Уорд Л.* Психические факторы цивилизации. М., 1897, гл. XXXIII.

Таково бессознательное происхождение шаблонных актов в животном и в человеческом мире.

§ 3. Почему бессознательные взаимоотношения становятся сознательными?

Следующий по очереди вопрос, на который мы должны ответить, это вопрос: *в силу каких условий возникает тот специфический вид бытия, который носит название психики или сознания,* а в приложении к интересующему нас вопросу он будет гласить: *в силу каких условий рефлексо-инстинктивные бессознательные акты и взаимоотношения становятся сознательными*?

Как известно, поведение животных регулируется рефлексо-инстинктивными бессознательными актами, происшедшими в силу естественного отбора так, как очерчено было в предыдущем параграфе. Ввиду этого нам необходимо объяснить, почему эти бессознательные акты стали сознательными, чем обусловливалась эта ломка инстинктов и переход их из бессознательного бытия в бытие сознательное?

Напомним, что «разумно-сознательные» акты даны уже и в дочеловеческом мире. Явления памяти, ассоциации, объектной мотивации и даже гедонистически-целепонимательной мотивации — констатированы уже в зародыше и у высших животных.

Исчерпать здесь все условия — едва ли возможно, и эту задачу мы не берем на себя. Для наших целей вполне достаточно указать здесь на один из основных факторов, заставляющих бессознательные акты переходить в сознательные и тем самым частично объясняющих появление и происхождение сознания...

Этот фактор уже отмечен Ламарком во второй половине его закона, и его кратко можно сформулировать так: *одним из главных факторов, вызывающих переход бессознательных актов в сознательные, является факт вторжения непривычных условий в сферу «привычной жизни организма»* (конечно, уже обладающего соответственной нервной системой). Это положение есть лишь обратная сторона тезиса: многократное повторение какого-нибудь акта при однообразных условиях превращает сознательный акт в бессознательный — вторично-автоматический. А это положение, как известно, является общепринятой истиной и подтверждается на каждом шагу.

Иначе говоря, бессознательными актами, если раньше они и были сознательными, являются акты, вполне приспособленные к соответствующим условиям или внешним раздражениям, т. е. многократно повторявшиеся, сознательными — акты, еще не достигшие гармонии с раздражениями среды, или акты «неприспособленные».

То же самое положение Ле-Дантек так формулирует на языке универсальной механики: «Приспособление, являющееся результатом функциональной ассимиляции, превращает из сознательной в бессознательную любую частичную функцию, которая как таковая может быть определена с некоторой точностью». «Таким образом, явление болезненное (читай — непривычное) или, что то же самое, явление сознательное есть диссонанс, противоречащий установившимся связям. Как только консонанс установился окончательно, сознание, сопровождавшее до сих пор процесс преобразования колебательного движения, исчезает». «Следовательно, сознание пробуждается только нарушением равновесия или ритма и существует впредь до установления новой системы равновесия»*.

И нетрудно на наших собственных и чужих поступках убедиться в истинности сказанного. Один и тот же акт (например, заучивание стихотворения, ноктюрна на пианино, обучения письму, чтению и т. д.), вначале требующий интенсивного напряжения и концентрации сознания, при достаточном числе повторений превращается в акт автоматический, и мы машинально твердим: «Птичка Божия не знает ни заботы, ни труда»; машинально играем труднейшую вещь на пианино и т. д. И при прочих равных условиях — акт будет производиться тем автоматичнее, чем он большее число раз повторялся. Полное «приспособление» означает и полную автоматичность акта, который спонтанно возникает и протекает в свойственных ему формах — лишь только дан соответствующий раздражитель. Все наши «рефлексы», «инстинкты» и вообще ав-

---

* *Ле-Дантек Ф.* Познание и сознание, с. 65-67, 71 и др.

О влиянии однообразия, повторения и привычки см.: *Геффдинг Г.* Очерки психологии, с. 49-51; *Циген Т.* [Курс психологии], с. 13, 20, 50-57; *Джемс В.* Психология, гл. X; *Спенсер Г.* Основ[ания] психологии, с. 71 с. и passim (изд. Сытина), а затем работы *Тарда, Сигеле* («Преступная толпа»), *Михайловского* («Патологическая магия», «Герои и толпа», «Борьба за индивидуальность» и др.); *Бехтерев В.М.* Внушение и его роль в общественной жизни (изд. Риккера); *Его же.* Гипнотизм (изд. Битнера) и др.

томатические движения означают акты, однообразно повторявшиеся многое число раз при однообразных условиях (в филогенетической или онтогенетической жизни).

Человек, обучающийся иностранному языку, при разговоре на нем вначале должен концентрировать все свое внимание, тогда как достаточно изучив его, он уже совершенно машинально подбирает нужные ему слова; то же происходит и с человеком, обучающимся ездить на велосипеде, править лодкой, рубить дрова, строгать, писать, читать, иметь «хорошие манеры», «прилично держаться в обществе» и т. д. и т. д.

Полное овладение тем или иным актом, полное приспособление его к требуемым условиям — ceteris paribus — означает и полную его автоматичность и тем самым шаблонность.

При этом, конечно, следует иметь в виду то обстоятельство, что количество повторений, необходимых для превращения сознательной функции в бессознательную, может и должно быть различно в зависимости от характера функции, ее трудности, сложности, характера ее задач и условий.

Правда, казалось бы, есть акты, которые мы выполняем в первый раз, и, тем не менее, они не сопровождаются сознанием, и, наоборот, есть акты, которые мы выполняем много раз, и, однако, всегда приходится выполнять их сознательно. Все это, казалось бы, является противоречием сказанному.

Но прежде всего трудно указать такой акт, который бы производился в первый раз и был бессознателен. Я позволю себе утверждать, что таких актов *совершенно нет.* Те же акты, которые кажутся таковыми, представляют, во-первых, акты, выполняемые данным человеком (автоматично) действительно в первый раз, но зато многократно *повторявшиеся* в филогенетическом развитии. Поэтому они не противоречат моему положению. Так, например, ребенок, никогда не искусанный собаками, при виде их обнаруживает страх*, тот же ребенок в первый месяц своей жизни делает ряд движений руками и ногами, издает крик «уа»**, взрослый человек при виде какого-нибудь опасного предмета машинально отстраняется от него и т. д. Все эти и подобные акты, автоматически выполняемые в первый раз человеком, — есть ре-

---

* См.: *Рибо Т.* Психология чувств, с. 225-227.

** См.: *Бехтерев В.М.* О развитии нервно-психической деятельности... ребенка (Вестник психологии. 1912, вып. II).

зультат наследственно полученного филогенетического повторения. Но могут быть акты и несколько иного рода. Предположим, что я иду по берегу реки, вдруг вижу, что кто-нибудь тонет, я моментально бросаюсь в реку без всяких рассуждений, машинально, благодаря одному факту раздражения, которым было то обстоятельство, что я увидел тонущего человека («предметная мотивация»). Допустим, что акт этот совершен мной автоматически, что я его не производил раньше и что точно в такой форме он не повторялся в филогенезисе. Как его объяснить? На это следует ответить таким образом: пусть акт совершен машинально, пусть он в точно такой форме не повторялся моими предками; но это означает только то, что он в близкой и родственной форме должен был иметь повторение в филогенетической жизни, например, в виде актов спасания жизни человека вообще; ряд этих однородных, хотя конкретно, может быть, и несколько различных повторений акта спасания, имевших место в жизни предыдущих поколений, создали соответствующий «инстинкт», или диспозицию к подобного рода актам спасания. Раз дан мне однородный раздражитель, то диспозиция к «акту спасания» механически толкает меня к тому, чтобы я бросился в воду спасать тонущего.

Ведь и инстинктивные акты животных, например, постройка логова тарантулом, ячейки пчелой, гнезда ласточкой и т. п., несмотря на их полную автоматичность, дают те или иные колебания, в зависимости от свойств почвы, места, крыши и ряда конкретных условий. И они, несмотря на их полную шаблонность и бессознательность, допускают вариации и колебания*. Тем более это должно иметь место в актах человека. И здесь различие условий, вызвавших акт, может вызвать то или иное различие конкретных форм механического акта, т. е. общая, филогенетически полученная диспозиция может принимать различные формы (например, диспозиция к спасению человека конкретно проявится при пожаре в одной форме, при опасности утонуть — в другой, при опасности попасть под трамвай — в третьей и т. д.), но если акт выполняется автоматически-импульсивно, хотя бы и в первый раз, то импульсивность его вытекает именно из этой филогенетически приобретенной диспозиции, выработавшейся на почве многократного повторения его в родовом опыте.

---

* См.: *Вагнер В.А.* Op. cit., с. 254 и сл.

Обобщая этот случай, можно его сформулировать так: пусть в филогенетическом опыте повторялся акт, состоящий в одном случае из элементов (движений, побуждений и условий): a, b, c, d; в другом — a, b, c, e; в третьем — a, b, c, f; элементы a, b, c — общие; d, e, f — различные, в зависимости от различия условий; если теперь мне дана наличность a, b и c (диспозиция), то хотя четвертый элемент и нов, например, M, тем не менее я машинально выполню соответствующий акт, именно благодаря общей диспозиции (a, b, c), хотя конкретно он, благодаря M, и выразится в новой форме*.

Что же касается теперь того возражения, что могут быть акты многократно повторявшиеся и тем не менее не автоматически выполняемые — то это говорит только о том, что ввиду ли сложности и трудности акта или новых условий и т. п. (см. ниже) приспособление еще не достигнуто, поэтому не достигнута и автоматичность.

Обратный вывод из этого закона есть тот, что вторжение новых условий в область непривычного под страхом смерти или страданий заставляет изменить установившийся шаблон действий и вводит совершение акта в поле сознания.

Это касается как нервных и физиологических процессов, так и актов поведения человека. Движения сердца при «привычных» (нормальных) условиях не сопровождаются сознанием, но коль скоро условия и характер деятельности сердца становятся новыми, непривычными — его бессознательная работа начинает сопровождаться сознанием, что обнаруживается хотя бы в виде болевого ощущения. То же касается и других процессов — дыхания, пищеварения и т. д. То же относится и к актам поведения человека. Когда мы пишем, то обычно никогда не замечаем движений нашей руки, например, актов погружения пера в чернильницу. Это

---

* В качестве иллюстрации этого положения можно указать из онтогенезиса, например, акты чтения. Пока не выработана общая диспозиция к чтению, или нет еще полного усвоения механизма чтения — самый разбор букв требует внимания и сознания. Когда же приспособление налицо, т. е. человек вполне усвоил механизм чтения, то, несмотря на то, что он читает никогда не читанную им книгу (конкретно, значит, расположение слов и букв новое), — процесс чтения совершается бессознательно, и соединение букв в слова, слов в предложения совершается механически. Это значит что если выработана общая диспозиция к актам чтения — то и конкретно новое считывание слов и букв может совершаться без сознания. Без общей же диспозиции к чтению, очевидно, подобное явление невозможно.

бессознательные шаблонные движения. Но если, опустив перо, мы не находим чернильницы или чернил в ней (новое условие) — то акт макания переступает «порог» сознания и из бессознательного становится сознательным. Вошло новое условие — и кора бессознательности привычного акта — проламывается. Акт из бессознательного становится сознательным.

Повторение превращает сознательный акт в бессознательный лишь при большей или меньшей однозначности акта, при более или менее однообразном его повторении, вызываемом однообразием условий (среды) — ее устойчивостью в течение известного времени. Если же условия меняются все время — то не может образоваться и привычный автоматический шаблон; точно так же, если при достаточно продолжительной одинаковости условий, вызвавшей создание автоматического акта, вдруг в привычные условия врывается новый элемент, который нарушает установившуюся гармонию между актом и средой, — то акт становится из приспособленного неприспособленным, из бессознательного сознательным. Благодаря изменению условий инстинктивная координация поступков заменяется новой координацией их, которая у человека принимает сознательный характер...

В силу сказанного приходится полагать, что и *в происхождении сознания или разума из предшествующих ему рефлексо-инстинктивных переживаний этот фактор — вторжение новых условий и растущая быстрота смены этих условий — сыграли основную роль.* Не допустив этого условия — мы не поймем совершенно процесс роста сознания, каковой процесс дан нам в истории человечества.

Такова в кратких чертах механика смены бессознательных шаблонных актов сознательными и переход сознательных актов в бессознательно-автоматические действия.

Если верны наши положения, то из них вытекают следующие выводы:

1) Акт, будучи наследственно полученным, а, следовательно, по своему происхождению чисто бессознательным, — несмотря на свое бессознательное происхождение, может перейти в категорию сознательных, раз условия, породившие его, изменились, а тем самым исчезла гармония между ним и средой. И наоборот, не всякий акт — сознательно установленный или сопровождающийся в данный момент сознанием — остается постоянно таковым.

Благодаря повторению при одинаковых условиях он может перейти в автоматически выполняемый акт.

Это я и имел в виду, когда в начале 3-го параграфа данной главы указал, что одно дело сознательное или бессознательное происхождение тех или иных шаблонных актов, другое дело сознательный или бессознательный характер их совершения в каждый данный момент, каждым человеком или группой лиц.

2) Если изменившиеся условия, вызвавшие переход бессознательного акта в сознательный и соответственно с этим изменившие характер самого акта, в дальнейшем остаются постоянными, то новый устанавливающийся акт по мере своего приспособления к ним, повторяясь много раз, постепенно теряет свой сознательный характер, стремясь перейти в простой автоматически-шаблонный акт. Полное приспособление означает и полную автоматичность.

3) Если условия не остаются постоянными, а непрерывно изменяются, то акты, приспособляющие к ним организм (хотя бы и приняли сознательно установленную шаблонную форму), не повторяясь однообразно достаточное число раз, не успевают «закостенеть» и «автоматизироваться», а заменяются, оставаясь сознательными, новыми сознательными шаблонами.

4) А из всего сказанного само собой вытекает, что быстрота изменения шаблонных актов и степень их сознательности (ceteris paribus) зависит от быстроты изменения условий (среды).

Таковы те следствия, которые вытекают из установленных положений. Если они, и в частности последний вывод, верны, то, согласно методу сопутствующих изменений, рост сознательности, или «разума», должен сопровождаться одновременно усложнением среды и растущей быстротой ее изменений, и наоборот.

Параллельно с этим этот же рост сознательных актов должен быть одновременно и процессом постепенного разрушения инстинктивно-бессознательных актов. Это вытекает из того, что появление инстинктивного акта вызывается многочисленным его повторением (онтофилогенетическим) при одних и тех же условиях. А раз условия меняются и процесс их изменения все более и более ускоряется — то результатом этого должно быть, с одной стороны, разрушение инстинктивно-бессознательных актов и переход их в акты, сопровождаемые сознанием, с другой — все меньшая и мень-

шая возможность для установления новых инстинктивно-автоматических актов.

Если «сопутствие изменений» в том и другом случае нам действительно удастся констатировать — то это будет служить индуктивным подкреплением вышеустановленных дедукций.

Раз центр тяжести нашей проблемы заключается в наличии новых и постоянно текущих условий или в вечно движущейся среде, то спрашивается: *что это за условия, которые вечно текут и со все растущей быстротой изменяются, не давая возможности ряду актов шаблонизироваться и автоматизироваться*?

Где и в чем искать такое perpetuum mobile[8] или такую текучую среду, с достаточно резкими изменениями и колебаниями?

Если мы возьмем *физическую среду*, окружающую человека и высших животных, то она не может быть искомой средой — perpetuum mobile. Де-Роберти, Драгическо и Дюркгейм правы, когда говорят, что физический мир, начиная с древнейших времен и кончая нашим временем, по существу остался тем же, чем и был. Он устойчив, постоянен и неподвижен. Что характеризует жизнь природы, говорит Дюркгейм, так это регулярность, доходящая до монотонности. Каждое утро солнце поднимается на горизонте, каждый вечер оно закатывается; каждый месяц луна совершает один и тот же цикл; монотонно течет река в одних и тех же берегах, одна и та же перемена времен года возбуждает одни и те же переживания.

Несомненно, и здесь бывают неожиданные события, например, затмение солнца, луна, исчезающая за облаками, разлив реки и т. д. Но эти случайные и кратковременные пертурбации могут возбудить и переживания тоже только случайные и преходящие. Нормально течение (неорганической) природы однообразно, а однообразная монотонность не может вызвать мало-мальски сильных эмоций*.

Человек, раз приспособившись к физической среде, благодаря ее монотонности и неподвижности, может обратиться в автомата. Очертания гор, распределение суши и моря, климатические изменения и т. д. — все это в течение человеческой истории почти не изменилось; если же перемены и совершались, то они шли

---

* *Дюркгейм Э.* Les formes... de la vie religieuse, p. 119. См. также: *Драгическо Д.* Op. cit., p. 139 и сл.; *Де-Роберти Е.В.* Sociologie de l'action, гл. 1; *Дюркгейм Э.* Разд[еление] общ[ественного] труда, гл. V.

так медленно, что для одного человека они равносильны были отсутствию перемен. Такая среда не может быть нашей искомой вечно текучей средой, с резкими колебаниями, потрясающими прочно застывшие инстинктивные шаблоны и вызывающими новые переживания.

Подобно этому и биологические факторы — *приспособление к физической среде и закон наследственности* — не могут быть искомыми факторами и условиями. Это факторы не революционные, а консервативные, стремящиеся раз навсегда автоматизировать акты, приспособив их к воздействию внешней среды и передавая затем по наследству из поколения в поколение.

Единственной средой, удовлетворяющей всем требуемым качествам, является социальная среда, сам факт жизни в обществе подобных или сам факт социального взаимодействия. Эта среда представляет собой действительно perpetuum mobile. Она неустойчива, вечно подвижна, способна давать резкие колебания и т. д. Психология (Бэн, Гербарт, Геффдинг и др.) твердо установили, что для появления сознания необходимы различные состояния и смена одних восприятий другими. Такое разнообразие может дать только социальная среда. Индивид, живущий в обществе, непрерывно подвергается разнообразнейшим воздействиям со стороны других, отвечает на них, цепь акций и реакций завязывается то с одним, то с другим, в результате получается сплошной поток взаимодействия, бьющий различными эффектами и смолкающий разве только во время сна. В природе нет катаклизмов, а социальная жизнь есть сплошной катаклизм. Не случайностью является тот факт, что сознание расцвело всего более в породе homo sapiens, в породе, жившей и живущей в наиболее постоянных, широких и сложных общественных союзах. Именно этот факт общежития, т. е. существования человека в социальной среде, и должен быть отнесен к числу фактов, решающих для появления и роста психики (сознания). Именно самому факту социального взаимодействия мы должны приписать причину, почему инстинкты, приспособленные к среде однообразной и устойчивой, должны были ломаться и разрушаться. Существо с такими инстинктами, попав в текущий поток социальной среды, должно было испытывать непрерывные толчки, акты его оказывались неприспособленными, дисгармонировали с вечной текучестью (вначале, правда, медленной); от сотрясений пружины инстинкта становились все

более и более слабыми и в конце концов — разрушались, перемолотые жерновом общительного потока, сносившего углы и производившего трещины в устойчивых шаблонах.

Где дано общество, там дано и изменение, хотя изменение и неодинаковое, имеющее различные степени подвижности, однако никогда надолго не застывающее.

И очевидно, чем будет больше и шире эта среда, чем она будет сложнее, дифференцированнее — тем она будет подвижнее и гибче...

Отсюда вполне понятно, что индивиду, окруженному такой средой, не суждено остановиться на однажды достигнутом шаблоне. Условия, к которым был приспособлен этот шаблон, изменились, поэтому требуется новый шаблон. Автоматичность акта, благодаря изменению, исчезает, появляется сознание, и начинается выработка нового акта приспособления. Новый акт, шаблонизировавшись, может остаться автоматическим, если новые изменения социальной среды не сделают его негодным. Если же между дальнейшими изменениями социальной среды и новым актом снова появится диссонанс, то этот шаблон должен будет снова замениться новым и т. д. Вся социальная жизнь и представляет не что иное, как подобную смену шаблонов.

Таким образом, *в социальной среде и в ее механике находим мы те постоянные дрожжи, которые делают необходимым постоянное изменение, а вместе с тем и рост сознания.*

Раз появившись, сознание неизбежно должно было расти в силу тех же причин. В этом фазисе взаимодействие бесконечно углубляется. Путем обмена переживаний, осуществляемого с помощью речи, обмена ощущениями, представлениями и взаимозаражения эмоциональными импульсами поток взаимодействия становится подлинным потоком, в котором живая жизнь неумолчно клокочет. Легкая способность взаимозаражения (что констатировано рядом этнографов у первобытных людей), приводившая к слиянию в одних порывах и импульсах, взаимно отражавшихся от индивида к индивиду, до бесконечности усиливала эмоциональные переживания и тем давала место для тех резких контрастов, которые были необходимы для возникновения сознания, его роста и перехода бессознательно-инстинктивных актов — в сознательные... Раздражение в этом случае могло перейти в *ощущение*, комп-

лекс их давал *восприятие*, а следы их составляли то, что называется *представлением*. Таким путем составлялось *знание*. Поэтому нельзя не назвать метким само определение социальной среды и социального взаимодействия, данное Де-Роберти, как «коллективного или соборного опыта»*.

Не вдаваясь в дальнейшие подробности, сделаем резюме предыдущего анализа. Основные тезисы будут таковы:

1) Причиной, вызвавшей и вызывающей переход автоматически-бессознательных актов и взаимоотношений в акты, сопровождаемые сознанием, является вторжение в сферу привычного непривычных условий.

2) Если эти условия (среда) непрерывно изменяются — то меньше и меньше становится возможным «застывание» актов в бессознательные механические формы.

3) Чем сложнее среда и чем быстрее она изменяется, тем быстрее должна возрастать сознательность и падать автоматичность, за исключением тех шаблонных актов, которые при ряде изменений могут быть приспособленными к ним. Такими шаблонами могут быть только социально полезные шаблоны. Они, продолжая существование при всех изменениях, все большее и большее число раз повторяются, а потому могут становиться все более и более автоматическими, в противоположность актам социально вредным, которые, как акты, неприспособленные к новым условиям, должны все более и более выветриваться...

4) Такой вечно текучей средой может быть только социальная среда, сам факт общения с другими. Поэтому она есть и источник, и двигатель сознания.

Теперь, пользуясь методом сопутствующих изменений, проверим указанную связь между характером социальной среды (социальным взаимодействием), сознанием и автоматичностью актов и взаимоотношений.

Историческое наблюдение дает повсюду полное подтверждение сказанному, которое схематически можно изобразить так:

---

* См. подробное развитие этих положений в работах *Де-Роберти*. Примером весьма последовательного проведения полной параллели между структурой социальной группы и психическими категориями и объяснения последних через первую может служить работа *Драгическо* «Du rôle de l'individu dans le déterminisme sociale», где с большой тонкостью развиты и аргументированы излагаемые нами положения. См. также: *Дюркгейм Э.* Les formes... p. 205 и сл., а также — введение и заключение.

Структура общества	Степень сознательности	Степень автоматичности и неподвижности взаимоотношений
Первобытные общества немногочисленны, просты и несложны. Социальное взаимодействие однообразно и неглубоко*.	Степень сознательности — низкая. Нет даже еще мышления согласно с законами логики. Даны конкретные представления, а абстрактных понятий нет. Умственная деятельность — слабая. Счет ограничивается цифрами первых двух десятков и т. д.**	Поведение в значительной мере автоматическое. Царствуют прочные издавна установившиеся шаблоны взаимоотношений. Акты устойчивы, негибки и неспособны к гибкой и быстрой эволюции... Царствует «подражание-обычай».

Во всех сферах эволюция совершается страшно медленно

В обществах более широких, сложных и дифференцированных, с более сложной и глубокой сетью взаимоотношений наблюдается и более высокая степень умственного развития, более сложная психика и более развитое сознание и одновременно поведение членов группы уже менее автоматично, более сознательно; большую роль *начинает* играть целевая мотивация и параллельно происходит индивидуализация поведения.

«Обычай» начинает сменяться «модой».

Эволюция структуры общества, рост сознания и изменение поведения (индивидуального и общественного) совершается уже гораздо быстрее

Чем сложнее общество, чем оно шире и дифференцированнее, чем более интенсивно происходит в нем взаимодействие, тем выше его «культура» и цивилизация, богаче и сложнее духовная жизнь, тем быстрее она прогрессирует, тем более сознательно гибко и изменчиво поведение членов, тем меньше автоматичности и тем быстрее совершается эволюция индивидуального и социального поведения. Царство «моды».

Тем быстрее совершается изменение во всех сферах общественной жизни

---

* См. этнографические работы об организации первобытных групп. Кроме них: *Зиммель Г.* Социальная дифференциация; *Дюркгейм Э.* Разделение общественного труда, гл. II; *Спенсер Г.* Основания соц[иологии], т. I и II; *Драгическо* и др.

** См.: *Леви-Брюль Л.* Les fonctions mentales...

Параллельно с этим подтверждается и второй вывод, сделанный нами выше, а именно: постепенное уничтожение и выветривание инстинктов и чисто автоматических шаблонов, за исключением, разумеется, тех, которые были полезны при всех изменениях, т. е. инстинктов социально полезных, приспособлявших вообще к социальной среде. Вся история развития человечества с этой точки зрения есть не что иное, по справедливому выражению В.А. Вагнера, как борьба с инстинктами, сначала бывшая просто диссонансом и антагонизмом между разумом и инстинктом, а затем кончившаяся подчинением инстинкта разуму. Не менее прав он, когда говорит, что «мы должны довести до конца начатую борьбу с теми элементами, с которыми когда-то гармоническое развитие согласовывалось, а потом нарушилось... Не гармоническое между разумным и инстинктивным, каким оно было у животных, а дисгармоническое в этом смысле, до полного подчинения инстинктивного разумному, должно быть девизом этой борьбы»*.

Таков в кратких чертах наш ответ на вопрос о причинах и факторах, вызвавших появление сознания и способствующих его росту, и об условиях, вызывающих переход бессознательных актов в акты, сопровождаемые сознанием.

§ 4. Схема общественной эволюции

Если разрезать по вертикали все акты, совершаемые человеком, то после сказанного понятно, что все они распадутся на две категории:

акты { *бессознательные* и *сознательные*

Категория бессознательных актов в свою очередь распадается на акты: a) *первично-автоматические*, чисто инстинктивные, никогда не бывшие сознательными, и b) *вторично-автоматические*, бывшие некогда сознательными, но в силу повторения переставшие быть таковыми.

---

* См. об этом подробнее: *Вагнер В.А.* Op. cit., т. II, с. 405-428.

Категория актов, сопровождаемых сознанием, также разнородна, сюда войдут прежде всего акты инстинктивные, которые перестали быть таковыми в силу диссонанса с новыми условиями, и далее акты, только что приобретенные и не успевшие дойти до стадии автоматизма. Психический процесс, побуждающий и сопровождающий совершение таких актов, может принимать не только форму *целевой* мотивации, но и ряд других форм, как это превосходно показал Л.И. Петражицкий*.

Раз таковы категории актов человека — то эти же категории будут даны и в любой социальной группе. Ее организация, т. е. совокупность наиболее устойчивых форм взаимоотношения ее членов, слагается из акций и реакций составляющих группу индивидов. Каждый из них должен быть приспособлен к социальной среде, и все члены должны быть приспособлены друг к другу. В результате этого приспособления образуется определенный, относительно устойчивый modus vivendi[9] между ними, т. е. скелет или костяк группы. Этот скелет в силу сказанного обязан своим установлением двоякого рода актам: актам бессознательным и актам сознательным, частным видом которых являются акты целевые. Чем примитивнее общество, тем большую роль в создании его организации принимают акты бессознательные. Чем оно более сложно, тем более высоким является уровень сознания его членов и тем большее влияние имеет сознание и на изменение, и на организацию структуры общества...

При бессознательном возникновении организации, т. е. приспособления членов группы друг к другу, — это приспособление совершается «наугад», без всяких гаданий и соображений. В силу этого понятно, что это приспособление может быть не только целесообразным, но и вредным, может вести группу и ее членов не только к дальнейшему развитию, но и к смерти отдельных членов или всей группы... При сознательном же приспособлении, частным видом которого является преднамеренное установление тех или иных взаимоотношений, status группы может установиться уже более целесообразный, так как в этом случае акты и взаимоотношения складываются уже не совсем «наугад», но под руководством коллективного, взаимного опыта. Как показано было выше, социальная жизнь по своей сущности не статична, а динамична. На заре истории в первобытных социальных группах ее

* См.: *Петражицкий Л.И.* Теория права, т. I, гл. 1.

текучесть, конечно, очень медленна. Эта медленность и относительная неподвижность дает возможность для образования чисто автоматических и шаблонных форм взаимодействия.

Акты индивидов, взаимодействующих друг с другом, встречаются, скрещиваются и образуют своего рода поток, в котором они взаимно смалываются, приспособляясь друг к другу. На дисгармонический акт индивида А остальные индивиды рефлекторно отвечают рядом реакций. Поведение их сталкивается, возникает конфликт, завязывается чисто рефлекторная животная борьба, с многочисленными жертвами, на которые не скупилась мельница социальной динамики.

После бесчисленных столкновений, взаимных натисков и обратных реакций, после множества жертв и борьбы обычно устанавливался известный consensus, опять-таки бессознательный, в котором взаимные отношения членов группы так или иначе были согласованы и скоординированы. Этот status мог держаться долго при медленном темпе социального развития, и у членов могли образоваться чисто автоматически-устойчивые шаблоны поведения. Чем большее число раз они повторялись, тем становились все тверже и тверже.

Но социальное взаимодействие все же не может застыть в силу своей природы. Хотя и медленно, но с течением времени оно вносит новые изменения и новые условия в среду, окружающую индивидов. При достаточно долгом времени эта среда оказывается настолько измененной, что значительная часть установившихся шаблонов оказывается уже непригодной и неприспособленной. Чисто механически возникает потребность выработки новых приспосабливающих актов. Одни индивиды вырабатывают их скорее, другие медленнее, у одних старые привычки выветриваются быстро, у других — медленно. Между теми и другими вновь возникает конфликт. Установившаяся гармония взаимодействия падает. Социальная машина расстраивается. Снова устанавливается чисто бессознательная борьба, столкновения, под жерновом социальной мельницы снова отшлифовываются взаимные акции и реакции, чтобы удалить из них ненужные углы, трение, взаимное сцепление, и после долгой шлифовки, в которой гибнут тысячи жертв, может установиться снова известный consensus на более или менее продолжительное время. В эти периоды consensus'а порядок нарушается только частично, отдельными членами, которые обыч-

но, под влиянием согласных реакций большинства, гибнут. Затем новые изменения снова нарушают порядок, снова наступает кризис, снова вовсю начинает работать жернов социальной мельницы и т. д.

Таковой рисуется в общих чертах механика социальной эволюции в ее *досознательной* стадии, данной главным образом в животных обществах.

В ином уже виде рисуется та же социальная механика в стадии сознательной. И здесь нам дана та же совокупность взаимодействующих индивидов, но их акции и реакции уже не чисто рефлекторны, а сопровождаются психическими переживаниями. Здесь акт дисгармонический не есть просто акция, и ответ на него не есть простой рефлекс, а тот и другой акт уже «окрашивается» социально-психическими чертами дозволенного, запрещенного и рекомендованного. Акт дисгармонический — вызывает уже специфическое переживание, обозначаемое терминами «оскорбление», «обида», «преступление», возбуждает злобные переживания и хотя и спонтанно вызывает реакцию, но уже не просто бессознательную, а, напротив, сопровождаемую своеобразным психическим процессом.

Как в деталях произошел этот процесс «окрашивания» взаимных акций и реакций социально-психическими чертами и как возникли соответственные переживания преступности, дозволенности и рекомендованности — мы едва ли когда-нибудь узнаем. Данные этнографии застают дикарей, уже обладающими переживаниями и запретного (табу), и должного, и рекомендованного. Точно так же история соответствующих слов мало дает нам в этом отношении. Она говорит только о том, что в первое время не было той дифференцированности понятий, которая имеется в данное время: доброе сливалось то с истинным (у индийцев), то с храбрым (αγαϑός у греков), то с одаренным внешними благами (bonus — у римлян), то с «пригодным», «подходящим» («gut», Gatte — у немцев) и т. д.; то же относится и к злому.

Точно так же вначале эти оценочные нормы не были современными нормами, независимыми от отдельных предметов, а были чисто личными свойствами, а позже свойствами предметов, неотделимыми от последних. Есть налицо «добрый» человек A, «злой» человек B, есть «добрый» предмет X (имущество, богатство), есть «злой» предмет Y, но вообще добра и зла еще нет. Но

затем постепенно эти оценки переходят и на поступки, сначала также отдельные, а затем мало-помалу создается ряд шаблонов, за которыми упрочиваются положительные или отрицательные этические оценки. Изменение значения этических слов «обнаруживают перед нами два всеобщих явления: первое состоит в том, что от внешних преимуществ телесного строения и упражнения, как и от внешнего соблюдения предписаний культа и обычая, оценка все более и более переходит на внутренние качества и характер; второе — в том, что при обращении внимания на пользу, приносимую действиями отдельной личности своему ближнему или обществу, первоначально практическая пригодность давала главный масштаб для оценки, и только позднее рядом с нею постепенно завоевали себе значение и такие индивидуальные качества, от которых другой не может ожидать себе непосредственной пользы. На обоих путях нравственные представления углубляются (переходят на внутренние качества), на втором они именно освобождаются от себялюбивых мотивов»*.

Из этих данных, конечно, нельзя составить полную картину этого процесса постепенного «окрашивания» «бесцветных» рефлекторно-автоматических действий в социально-психические оценочные цвета, так же как, по справедливому замечанию Бергсона, нельзя описать и составить из «частей» даже такой простой акт, как движение руки сверху вниз. Здесь, как и всюду, приходится в таких случаях довольствоваться обозначением тех основных координатных точек, через которые проходит кривая процесса.

Как бы то ни было, но это «окрашивание» совершилось и оно дано уже в самых примитивных группах. С развитием социальной жизни эта окраска принимала формы все более и более разнообразно-причудливые. Должное, запрещенное и рекомендованное приобрели постепенно мистический характер, сделались своего рода ипостасями и самоценностями, святость или греховность которых объяснялась то велениями и святостью предков (так отцы заповедали), то героев, то Бога, то святостью «нравственного долга», то всеобщей пользой, то прогрессом и т. д. и т. д.

Сам же механизм социальной эволюции, за исключением этих психических переживаний, остался тем же.

Так же нам дана группа с определенными, хотя и сознательными, устойчивыми взаимоотношениями. Одни виды поведения

* См.: *Вундт В.* Этика. СПб., 1887, с. 25-45.

квалифицируются как должные, другие — запрещенные, третьи — рекомендованные. Эта установка норм поведения происходит под действием той же всеизмалывающей мельницы социального динамизма, хотя *здесь отбор годных и негодных актов уже и отличается от естественного отбора.* Акции и реакции также сталкиваются, взаимно отшлифовываются, углы и неровности взаимно стираются, но все это уже устанавливается и передается *не путем физиологической наследственности*, а путем *наследственности социально-психической*, т. е. заражения других своими переживаниями, мыслями, чувствами, эмоциями и моральными импульсами. Равным образом и передача шаблонов поведения происходит не физиологически, а психически, путем так называемой традиции, воспитания, обучения, т. е. того же психического заражения одних поколений другими. Происходит борьба и конфликт психических переживаний. Поток взаимодействия есть прежде всего взаимная шлифовка психических переживаний, а затем уже актов.

В этом процессе измалывания одни из диссонирующих психических переживаний гибнут, другие остаются, и рано или поздно, но, если группа не погибла во взаимной борьбе, устанавливаются «средние моральные цены» и нормы, которые и делаются «официальными» групповыми единицами измерения. Само собой разумеется, что этот конфликт и эта борьба психических акций и реакций сопровождается и физической борьбой. Исходами борьбы, как было указано выше, могут быть или взаимное уничтожение борющихся сторон, или уничтожение одной стороны, или распадение группы на две и большее число частей, или, наконец, установление взаимного consensus'а, который многими не нарушается благодаря давлению кар и наград. Этот consensus опять может существовать более или менее долгое время. Единичные его нарушители, поведение которых диссонирует с установленными шаблонами, квалифицируются как преступники и так или иначе «обезвреживаются». Основная черта преступности их актов заключается, согласно сказанному выше, в простом противоречии их с установившимся порядком*, благодаря чему они и оскорбляют и вызывают вражду к себе. В течение этого «гармонически-мирного» периода установленные формы поведения, бла-

---

* Сравни: *Post A.* Bausteine... Oldenburg, 1880, Bd. I, S. 224: «Man kann im Allgemeinen den Grundzatz aufstellen, dass in einem concreten etnischen Kreise das jenige strafbar erscheint was die Existenz der Organisation desselben gefährdet»[10].

годаря повторению и рикошетному влиянию акта на психику, могут окрепнуть и «отвердеть».

В силу этого всякий противоречащий им акт вызывает спонтанно реакцию, называемую карой.

Но опять-таки в силу самопроизвольного динамизма социальной среды, вечно меняющейся, рано или поздно эти установившиеся формы взаимодействия, за исключением социально полезных, снова оказываются устаревшими, снова требуется приспособление, а оно не может совершаться одновременно у всех членов группы; одни — отстают, другие — опережают. Снова возникает конфликт (революция), начинается борьба и разражается кризис. Снова жертвы, злобные акты, убийства, машина динамизма снова начинает приспособлять переживания и акты индивидов друг к другу, снова они взаимно отшлифовывают друг друга, уничтожают одни формы переживаний и импульсов, укрепляют другие, и в конце концов, если группа не гибнет и не распадается, в ней снова устанавливается мирное состояние. Снова начинают укрепляться новые формы поведения и т. д. без конца. Приведу несколько иллюстраций к очерченной здесь схеме, согласно которой происходит смена шаблонов поведения.

У различных племен Австралии, по исследованиям Б. Спенсера и Гиллена, обычной формой брака является групповой брак. Это обычный шаблон. Не допустить к жене во время празднеств («короборри») других мужчин считается здесь преступлением, влечет за собой ту или иную реакцию в виде наказания, и в случае недопущения — «протестанты» насильственно принуждаются к исполнению общих обычаев. Но в дальнейшем положение дела меняется. Условия существования изменяются, изменяются и брачные функции. Появляется индивидуальная семья. В начале ее возникновения происходит тот же конфликт старого и нового шаблонов поведения в области семейной организации. До тех пор пока сторона «старого шаблона» доминировала — она сохраняла единство группы путем принуждения (наказания) «протестантов» к исполнению ее шаблонов. Но в дальнейшем победа оказалась на стороне «протестантов», и они, считая старые правила преступными, прибегли к тому же принуждению и карам, дабы заставить несогласных с ними поступать так, как требуют их установившиеся шаблоны.

Как известно, обычай кровной мести был свойствен большинству (если не всем) первобытных народов... В каждой такой группе он укоренился, и, говоря словами М.М. Ковалевского, мститель «не видит в своем действии ничего позорного, считает его, наоборот, доблестным, заслуживающим всякой славы поступком»*. Таков нормальный шаблон группы как в Осетии, исследованной М.М. Ковалевским, так и в ряде других групп... Раз таков шаблон, то понятно, что нарушение (т. е. отказ от мести) каким-нибудь членом группы (нарушение, опять-таки вызванное теми или иными новыми для данного члена условиями, например, его изменившимися убеждениями, сознанием риска, раньше несознаваемого, отвращением к убийству и т. д.) вызывает конфликт между шаблоном его поведения и шаблоном остальных членов группы, продолжающих признавать месть «долгом». В первобытных группах этот конфликт разрешается репрессией, которая постигает нарушителя мести (т. е. человека, отказавшегося от мести), репрессией, выражающейся в форме опозорения или в других, более суровых формах, вплоть до изгнания его из социального круга.

Но положение дела совершенно меняется с дальнейшим развитием жизни группы. Если вновь появившиеся условия, заставлявшие сначала одного индивида, а затем и нескольких воздерживаться от мести (например, изменение убеждения), — в дальнейшем сохраняются, то сторона, воздерживающаяся от мести, может оказаться более сильной, и тогда она, в свою очередь, насильственно заставит подчиняться ее шаблону другую часть, придерживающуюся еще старых шаблонов, и, в свою очередь, будет рассматривать кровную месть как преступление.

Налицо опять тот же конфликт, вызванный неодновременным изменением шаблонов взаимоотношения у различных членов группы. Простейшим примером этого являются современные общества, карающие за самоуправство...

Изменение условий, влекущее необходимость изменения шаблонов, может быть вызвано не только внутригрупповым взаимодействием (коллективный опыт), но и внешними для группы причинами. Так, например, для многих племен Азии, покоренных англичанами, самый факт покорения вызывает необходимость изменения шаблонов и переменяет роли сторон, считающих «долгом»

---

* *Ковалевский М.* Современный обычай и древний закон. М., 1886, т. II, с. 8.

месть и таким же «долгом» воздержание от мести... Последняя сторона без вмешательства англичан (новое условие) была во многих группах слабой, малочисленной и, конечно, поэтому должна была терпеть наказание (в форме позора) за нарушение шаблона мести. Но англичане, считая месть антинравственной, запретили ее под страхом сильных наказаний, и роли сторон переменились. Сторона мстящая теперь оказалась «преступной», и так как отказаться от мести моментально и добровольно она не может (привычку она не бросит), то и терпит наказание; а существование последних говорит о том, что изменение шаблонов в группе идет не одновременно, а разновременно: одни отстают, другие опережают — в результате получается конфликт, разрешаемый болезненной операцией наказания и награды.

То же, mutatis mutandis, относится и к любым шаблонам, в любом человеческом обществе... Выразителен в этом отношении факт смены религиозных убеждений, частным примером которого может служить конфликт язычества с христианством...

Благодаря росту коллективного опыта в сознании отдельных лиц древнееврейского общества, а затем и греко-римского, появилось убеждение в лживости и неистинности старых еврейских, а затем и римских религиозных шаблонов... Общество таким образом в данном отношении распалось на две части: христиан, признающих новые религиозные шаблоны, и язычников, не успевших еще разувериться в старых шаблонах. В результате — конфликт. А раз конфликт — то общество должно или распасться окончательно, или, если оно не распадается, его единство должно поддерживаться принудительно. А раз налицо принуждение, то тем самым и его внешние симптомы — кары и награды. И мы видим преследования и мучения христиан, казни, тюремные заключения, с одной стороны, и совращение их в язычество путем наград — с другой. С течением времени (особенно в средние века) роли христиан и язычников меняются: первые из преступников превращаются в подвижников и вместо кар получают награды, вторые же превращаются в преступников и принуждаются к совершению и соблюдению христианских шаблонов путем болезненных операций кар и наград (см. ниже).

Таким образом, источник того, что называется преступлением, и реакции на это преступление (акт наказания), — приходит-

ся искать именно в конфликтном характере развития социальной группы...

Вначале этот конфликт шаблонов чисто импульсивен и чисто импульсивна и реакция на него. Но с ростом сознания (социальности) к голой импульсивности присоединяются те или иные сознательные мотивы: существующие шаблоны превращаются в «должные» и «обязательные», нарушение их превращается в «преступление», реакция на преступление превращается в «наказание», требуемое Богом, справедливостью, искуплением и т. д.

Такова «вечная цикличность» социального развития. Как видно из сказанного, человечеству задано было решение исторического уравнения, и уравнения весьма нелегкого. Ему было сказано: «Человек должен жить в обществах и приспособляться к общественному бытию, устанавливая прочные формы взаимоотношений друг с другом. Но в то же время он сам и его поведение должны непрерывно эволюционировать и сменять одни шаблоны другими. Разума ему не дается. Если нужен он ему, то пусть создает его, как умеет. Если сумеет приспособиться и эволюционировать — будет жить, не сумеет — погибнет». И человек решил это уравнение, пожертвовав миллионами себе подобных и оставив на каждой пяди своего пути моря крови. Решил ли он окончательно это уравнение и уменьшается ли число жертв, которые «унавоживают» дорогу прогресса, — этот вопрос мы будем решать в следующей главе, а теперь резюмируем основные тезисы, которые излагались выше.

1) Социальная среда и социальное взаимодействие динамичны по своей природе.

2) Сообразно с этим изменение ее вызывает необходимость изменения и шаблонов группового поведения.

3) Благодаря неодинаковой эластичности старых шаблонов у различных индивидов группы и благодаря тому, что не все индивиды стоят в одинаковом отношении к новым условиям, приспособление к новым условиям шло и идет не одновременно (не pari passu[11]) у различных членов, а разновременно, одни опаздывают, другие опережают (это относится как к миру животных, так и людей).

4) Благодаря этой неодновременности в данной группе возникал конфликт шаблонов, а тем самым и конфликт между различными частями группы...

5) Разрешение этого конфликта может быть двоякое: 1) или данная группа, как надындивидуальное единство, перестает существовать и распадается, 2) или единство ее устанавливается принудительно... Из этих двух исходов более общим является второй способ разрешения конфликтов.

6) Более сильная часть группы заставляет насильно соблюдать «протестантов» ее шаблоны посредством двоякого рода действий: положительных (наград) и отрицательных (кар).

7) В животных обществах этот конфликт случается очень редко (благодаря меньшей изменчивости условий) и носит в большинстве случаев механический характер. (Они более приспособлены к среде.)

8) В человеческих обществах, где взаимодействие интенсивнее (а значит, и условия более изменчивы), этот конфликт случается гораздо чаще и принимает сознательно-мотивированную форму, проявляющуюся в выражениях: «должен», «обязан», «имеет право» и т. д. Нарушение шаблона превращается в «преступление», реакция — в «наказание», «сверхнормальный» акт — в подвиг, реакция — в награду.

ГЛАВА VIII
ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КАР И НАГРАД

§ 1. Исторические тенденции, вытекающие из предыдущего

Из совокупности предыдущих положений дедуктивно вытекают три основных следствия:

1) Так как с усложнением и расширением социальных кругов процесс взаимодействия совершается все сильнее и сильнее и окружающая каждого индивида социальная среда становится все сложнее и сложнее (узор, образуемый здесь пересечениями социальных кругов несравненно запутаннее, средств взаимодействия бесконечно больше — книги, обучение, телефон, телеграф, почта, газеты, журналы, пути сообщения и т. д.), то, поднимаясь от менее развитых и более простых обществ к обществам более культурным, сложным и дифференцированным, — мы должны наблюдать и более быструю смену шаблонов.

2) Так как, помимо рациональных причин, в силу одного естественного подбора шаблоны социально полезные должны оставаться, а оставаясь, они все большее и большее число раз повторяются, а раз большее число раз повторяются, то все более и более становятся органически присущими человеку, — то из этого следует, что чем далее развивается социальная жизнь, тем более и более должны расти и укрепляться социально полезные шаблоны, вытесняя социально вредные. Если же это так, то кары и награды, вызвавшие или принудительно заставлявшие выполнять социально полезные шаблоны поведения, должны все более и

более падать, ибо по мере того как растет устойчивость социально полезного поведения — по мере того уменьшается надобность и целесообразность давления кар и наград.

3) Шаблоны же поведения, полезные только для одного этапа развития или же вообще социально вредные, благодаря более быстрому изменению условий, успевают меньшее число раз повторяться. Если же они меньшее число раз повторяются, то они становятся более гибкими или менее привычными; раз они более гибки — легче поддаются искоренению. Если это так, то значит с ростом культуры нужны и менее жестокие способы воздействия для их искоренения, или, иначе говоря, уничтожения социальных конфликтов. Так как такими способами воздействия были кары и награды, то из сказанного вытекает, что с ростом социальности они должны становиться все менее и менее жестокими. Иначе говоря, кары и награды должны постепенно падать.

Второй и третий тезисы ведут к одному и тому же выводу, а именно к падению кар и наград с ростом социального взаимодействия. Второй — потому, что социально полезные акты взаимоотношений, укрепляясь, делают давление санкций излишним, третий — потому, что социально вредные акты с *растущей быстротой изменения условий* все более и более расшатываются, становятся все менее и менее устойчивыми, а потому для своего уничтожения требуют все менее и менее сильного давления санкций.

Подобно тому как требуется более сильный удар и более тяжелый лом для того, чтобы пробить толстый слой льда, — подобно этому требовались и жестокие кары и грандиозные награды, чтобы «пробить» и «искоренить» социально вредные шаблоны поведения человека первобытных эпох, когда эти шаблоны поведения в огромной своей части были результатом многовекового родового повторения и, благодаря этому, успели кристаллизоваться и застыть. Наряду с этими шаблонами и остальные его шаблоны поведения были несравненно более устойчивы, чем социально вредные шаблоны поведения современного человека, ибо при меньшей подвижности и большей устойчивости социальной среды — они большее число раз повторялись и соответственно создавали более сильную диспозицию к подобным актам.

И наоборот: подобно тому как достаточно легкого прикосновения к только что застывшему тонкому слою льда, чтобы его разрушить, также достаточно и легкого давления не жестоких кар и наград, чтобы изменить эти подобия шаблонов в желательную сторону.

Таковы основные следствия, вытекающие из всего предыдущего. Если исторический обзор действительно подтвердит их, тем самым до известной степени подтвердится и истинность всех предыдущих тезисов. Конечно, историческая конкретность слишком сложна. Было бы бесплодной попыткой искать в ней абсолютно точных и совершенно прямо проведенных линий, указывающих на эти тенденции, — однако признание ее зигзагообразности не мешает признанию и определенных последовательных тенденций, достаточно резко очерченных и выделяющихся своим постоянством среди остальных, «случайных» возвратов и отклонений.

Но и эти зигзаги также не случайны. Повышения и понижения кривой санкций также обнаруживают известную закономерность. Если верно понята нами социальная роль наград и наказаний, источник их происхождения, а равно и источник происхождения преступлений и подвигов, обязанных своим существованием, как и кары с наградами, конфликтному ходу социального развития, — то из этих положений можно извлечь ряд дедуктивных выводов и «пророчеств» относительно того, когда кривая кар и наград, преступлений и подвигов должна повышаться и когда понижаться. Эти выводы мы сделаем в своем месте и постараемся проверить их на историческом материале посредством метода сопутствующих изменений. А теперь перейдем сначала к прослеживанию исторической тенденции прогрессирующей быстроты общественной эволюции и постепенного падения санкций, стараясь очерчивать лишь постоянные линии и игнорируя пока зигзаги, которыми мы займемся уже потом, и таким образом восполним данные, необходимые для объяснения подлинной кривой кар и наград (преступлений и подвигов)*.

---

* Так как автор пишет не историю этих явлений, вполне понятно, что он не ставит своей задачей детальное описание их судеб и изменений, а ограничивается указанием общих и главных этапов развития, отсылая читателей, желающих изучить эти явления подробно, к ряду трудов, приводимых им в подстрочных примечаниях.

§ 2. Тенденция прогрессирующей быстроты социальной эволюции

Доказывать исторический рост быстроты изменения шаблонов поведения с ростом социальности и сложности обществ нет надобности, ибо это трюизм, всем и каждому известный. Достаточно для этого сравнить последнее столетие со всеми предыдущими — это сравнение весьма ясно и весьма определенно говорит о том, что изменения, происшедшие в течение XIX-го столетия в социальной жизни культурных государств, начиная с экономического уклада и кончая высшими видами творческой деятельности, — были столь крупны и столь велики, что раньше для этого нужны были бы, вероятно, десятки тысячелетий. «Человеческая культура, в том числе хозяйственная жизнь, техника, орудия и способы производства материальных благ и т. д., движется вперед не пропорционально времени, а в ускоряющейся прогрессии по отношению ко времени, — совершенно справедливо говорит Л.И. Петражицкий. — На низших, примитивных стадиях развития жизнь относительно неизменна, процесс культурных изменений происходит весьма медленно, на высших стадиях развития изменения делаются все быстрее и быстрее. Столь сильные изменения человеческой жизни, для которых на примитивных стадиях развития требуются десятки тысяч лет, происходят на последующих ступенях в течение тысячелетий, затем столетий, а теперь, в частности под влиянием могучего фактора человеческого прогресса — науки, десятилетия вносят более сильные изменения, чем какие прежде достигались в течение тысячелетий»*.

Достаточно сравнить первые стадии человеческого общества и современные этапы, чтобы увидеть громадную разницу их в этом отношении. Все наблюдатели и исследователи первобытной жизни единогласно говорят о консервативности, неизменности и неподвижности социальной жизни первобытных обществ. Здесь взгляд людей обращен назад, основанием поведения служит обычай отцов и дедов, со стереотипностью воспроизводимый многочисленными поколениями. Выражаясь языком Тарда, здесь царит «подражание—обычай», копирующий древность. По своей неизменности эти общества стоят очень близко к неподвижным и в течение долгих веков живущим по раз созданному инстинкту животным обществам.

---

* Теория права, т. II, с. 567 и сл.

И это вполне понятно. Условия здесь относительно просты, а потому устойчивы. Раз приспособившись к этим условиям и выработав соответственные шаблоны поведения, — каждый индивид и все общество с неизменным однообразием исполняют их, так же как однообразно исполняют их и животные, живущие в обществах.

Но все же мало-помалу взаимодействие, т. е. обмен чувствами, ощущениями, импульсами, представлениями и т. д., делает свое дело, к этому присоединяется фактор размножения, иногда — нападение той или иной группы и т. д. — все это постепенно начинает мало-помалу изменять самую среду, а тем самым и индивида. Общества растут и дифференцируются. Дифференцируется, развивается и индивид. Весь исторический процесс, взятый в целом, в конце концов превращается во все быстрее и быстрее несущийся поток, имея в себе самом причину и условие для этой прогрессии быстроты. В конце концов мы приходим к состоянию, когда характерной чертой становится «подражание—мода». Интерес и внимание сосредоточивается уже не на старине, не на прошлом, а на новом, будущем, которое и копируется с моментальной быстротой.

Приводить отдельные исторические доказательства сказанного было бы совершенно бесцельным делом по той простой причине, что все стороны человеческой культуры подтверждают это положение. Возьмем ли мы изменения экономического уклада, происшедшие за последние столетия, или очертания и изменения политических тел, или технические изобретения, или почту, телеграф, дороги и т. д., или изменения в морально-правовой области и в институтах, или прогресс науки и связанных с нею сторон культуры: мировоззрения, религии, искусства и т. д. — всюду неоспоримо бьет в глаза эта поражающая быстрота изменений, испытанных Европой за последнее столетие, начиная с 1789 года, отделяющего «старый порядок» от нового. Если бы мы взяли первобытное общество — то нужны были бы именно десятки тысячелетий для того, чтобы в нем могли произойти подобные изменения. Помимо всего, простым подтверждением сказанного служит весьма наглядный эксперимент, состоящий в сравнении жизни деревни, где все же условия несравненно проще и однообразнее, чем в большом городе, с жизнью этого города*.

---

* См. статьи *Бюхера*, *Зиммеля* и др. в сборнике «Большие города» (изд-во Просвещение), где чрезвычайно ярко и выпукло обрисованы специфически социальные черты города.

В первой, говоря словами поэта, «вековая тишина», во втором — вечная сутолока и вечная торопливость. В первой царит элемент консерватизма и традиции, во втором — мода и радикализм. Обитатель первой — крестьянин, обитатель второго — рабочий.

Первый всюду и везде был оплотом реакции, второй — застрельщиком революции. В первой «механическая» солидарность, соблюдаемые десятками лет нравы, обычаи, взгляды, завещанные дедами, во втором — быстро ломаемые обычаи, постоянное изменение, «легкость нравов» и т. п. В первой — строгое порицание и кара за всякое отступление от шаблона, во втором — вполне извинительное отношение ко всяким новшествам и отступлениям. Недаром еще в древности пословица говорила, что «города делают людей свободными»...

Вообще ввиду того, что данный тезис никем не оспаривается, что все социологи, начиная с Кондорсе, Конта, Спенсера и кончая Тардом, Дюркгеймом, Де-Роберти, Зиммелем и т. д., указывали почти во всех своих работах на данную тенденцию — то совершенно бесцельно было бы «ломиться в открытую дверь»...

Считая этот тезис установленным, обратимся к остальным двум или, вернее, к тому следствию, которое из них вытекает, а именно к историческому обзору постепенного падения кар и наград, вызываемому двумя противоположными причинами: a) все более и более растущей устойчивостью социально полезных актов поведения, вследствие чего делается совершенно излишним давление этих рычагов, некогда нужное и необходимое, и b) все увеличивающейся непрочностью и неустойчивостью социально вредных шаблонов поведения, обусловливаемой все растущей быстротой изменения социальных условий.

Так как обе эти причины неразрывно связаны друг с другом, то каждый конкретный случай падения кар и наград, несомненно, обусловливается действием той и другой.

§ 3. Историческая тенденция падения кар

Падение санкций происходит в двух формах: кары и награды уменьшаются *и по своей интенсивности, и по количеству караемых и награждаемых лиц*. Под падением интенсивности кар мы понимаем постепенное ослабление их жестокости и мучительнос-

ти, а под ограничением объема лиц, подвергаемых их влиянию, мы понимаем постепенное ограничение круга караемых лиц.

Для удобства и большей ясности разделим подтверждение этих положений на две части: сначала покажем на различных примерах истинность закона падения кар, затем то же самое покажем по отношению к наградам.

I. *Падение кар, сопутствующее постепенному росту социального взаимодействия.*

а) *Падение кар в области религиозного карательного давления.*

Так как взаимоотношение человека и высшего существа всегда было до известной степени двойником, отображавшим взаимоотношения людей между собою, то это дает основание предполагать, что если указанная тенденция верна в приложении к отношениям людей, то она должна быть верной и в приложении к взаимоотношению человека и его Бога*. Это значит, что и в этих отношениях мы должны увидеть ту же тенденцию. И действительно, как бы люди ни понимали это высшее существо, раз есть вера в его бытие и вера в то, что он одно предписывает, другое рекомендует, третье запрещает, — eo ipso между человеком и этим высшим существом возникают определенные отношения. Если эти отношения гармоничны, т. е. акты и поступки человека совпадают с заповедями Бога, то этим самым исключается нужность и надобность всякого карательного воздействия. Если же Бог предписывает одно, а человек делает другое, то, вполне понятно, Бог должен так или иначе принудить человека к исполнению своих заповедей. А так как всякое принуждение в конце концов сводит-

---

* Что взаимоотношения человека и его божества были, в общем, всегда отражением взаимоотношений человека и окружающего его общества — это подтверждается не только ходячим мнением, гласящим: «человек творит богов по своему подобию», или шиллеровским изречением, что Die Gotter sind das Abbild der Menschen[1], но и почти всеми этнографическими исследованиями и трудами, а равно и чисто социологическими работами, из которых, помимо *Гюйо* с его определением религии, как социоморфизма (см. его «Иррелигиозность будущего»), можно здесь указать на работу Зиммеля «Религия» (М., 1909) и на солидный труд Дюркгейма, не раз уже цитированный мною: «Элементарные формы религиозной жизни» (Paris, 1912). Как в этих, так и в ряде других работ (работы Тейлора, Фрэзера, Штейнмеца и др.) достаточно ярко и убедительно показана полная параллель указанных взаимоотношений и доказано их сходство, что и дает основание для изучения истории кар и наград обратиться к изучению отражений ее в человеко-божеских отношениях.

См.: *Зиммель*, с. 19, 20, 21, 28-29, гл. III и passim; *Дюркгейм* — passim, в частности — Livre II, гл. VI и VII; *Steinmetz R.* Etnologische Studien zur ersten Entwicklung der Strafe. 1894, Bd. II, S. 349-366 и др.

ся к мотивационному давлению кар и наград, то при негармоничности их взаимоотношений должны были появиться и эти санкции. И очевидно, они будут тем интенсивнее и расточительнее, чем устойчивее поступки человека, противоречащие Божьим заповедям. По мере же того как эта устойчивость поступков ослабляется, т. е. по мере того как закоренелость в преступных актах уменьшается, по мере этого должна падать и интенсивность кар. Когда же отношения человека и верховного существа гармоничны, то и санкции должны исчезнуть, ибо они теряют всякий смысл.

Попытаемся теперь кратко показать это на некоторых системах религиозных верований.

Не будет большой ошибки, если я скажу, что отношения человека и верховного существа в древних обществах были чуть ли не сплошь конфликтны и дисгармоничны, а поэтому связь их была не связью гармонии и любви, а связью, основанной исключительно на давлении кар и наград или на страхе кар и на надежде выгод. Этот факт был уже подмечен многими авторами, и в частности Гюйо. «Правительство небесное, — говорит он, — было всегда не более как проекцией правительства человеческого с системой карательных мер, сначала страшных, затем все более и более мягких»*.

И действительно, в религии ассиро-вавилонян, евреев, арабов, древних персов, мексиканцев, в первичных религиях Индии и многих других народов это карательное давление выступает во всей своей наготе. В этих отношениях повсюду выступает с ясностью страх перед карами потусторонних существ.

Этот страх перед карательной силой потусторонних существ выступает уже на первых ступенях общественной жизни.

«Для диких племен страх перед душами умерших, как перед злобными духами, является как нельзя более обычным, — говорит Э. Тейлор, обобщая многочисленный ряд фактов. — По понятиям новозеландцев, австралийцев, патагонцев, монголов, китайцев, туземцев Индокитая и Индии и т. д., эти духи свою мстительность обращают против всех живых, если так или иначе не умилостивить их»**. То же, на основании многих фактов, утверждает Харузин. «Общим для низших культурных рас может считаться убеждение, что мертвые не представляют собой добрых по природе существ: они благодетельны, только если их ублаготво-

* Иррелигиозность будущего. Пер. под ред. Фриче, с. 70.

** *Тейлор Э.* Ист[ория] культ[уры], т. II, с. 172.

ряют жертвами», «в них, в начальном периоде человеческого развития по крайней мере, видят скорее злобных, чем добрых и покровительствующих существ. Страх перед умершим был первым импульсом к появлению и развитию культа мертвых, перешедшего (потом) в культ предков»*.

Из этого видно, что раз страх составляет основу культа, раз духи склонны постоянно карать — то тем самым уже дан нам конфликт человека и окружающих его сверхъестественных существ, и наряду с этим дана неограниченность этих кар. И действительно, о каких-либо границах и пределах кар здесь нет и речи. Духи карают и мстят без всякого принципа, не разбирая ни правых, ни виновных; посылают болезни, страдания, бедствия, мучат, истязают, причиняют смерть и т. д.** Неограниченность кар (и наград) здесь правило.

Поднимаясь от этих примитивных верований к системам более высоким, — мы встречаемся с теми же принципами.

О религии ассиро-вавилонян Мензис говорит, что она «не заслуживает названия религии, так как единственным мотивом ее является страх и в ней еще не достигнуто дружеского отношения с невидимой силой»***. И нет надобности говорить о том, что карательные акты со стороны богов были не редкостью, чем и объясняется пышный культ их, жертвоприношения (не исключая и человеческие) и т. д.

В законах Ману читаем: «Чтоб помогать королю в его делах, Господь с самого начала произвел гения наказания, защитника всех

---

* Этнография, т. IV, с. 197-198. См. также: *Спенсер Г.* Основ[ания] социологии. СПб., 1898, с. 391-393. «Страх перед живыми, — говорит Спенсер, — становится корнем политического контроля, а страх перед мертвыми становится корнем религиозного контроля... Мы должны признать в страхе перед мертвыми такой общественный фактор, который вначале играет не менее важную роль, чем страх перед живыми, если только его роль на самом деле еще не важнее» (Ibid., с. 272-273). Подобно этому и *Steinmetz* утверждает, что из изученных 144 примитивных народностей у большинства констатирован страх перед мертвыми. Wir finden also Totenfurcht mehr als zweimal so oft als Ahnenliebe und erstere anderthalbmal so oft deutlich ausgeprägt alz letztere... Jedenfalls tritt die Totenfurcht also mehr hervor als die Ahnenliebe» (Die Etnol. Studien. Bd. I, S. 282-285)[2].

Далее он же подчеркивает, что Дух наказывает вначале просто потому, что ему сделано неприятное и вредное, потом уж он наказывает почти всюду смертью для общей пользы, и чем ниже народ, тем эгоистичнее божество его, и тем оно более жестоко карает (см.: Bd. II, S. 349-393).

** См. об этом указанные работы. *Спенсер Г.* Основ[ания] социологии, гл. IX-XXVI; *Ковалевский М.М.* Социология, т. II и др.

*** *Мензис А.* История религии. СПб., 1905, с. 69.

существ, исполнителя справедливости, собственного своего сына. Боязнь наказания именно дозволяет всем движущимся и недвижущимся созданиям наслаждаться тем, что им принадлежит, и она же мешает им удалиться от своих обязанностей. Наказание управляет человеческим родом, наказание его охраняет, наказание бодрствует, когда все спит; наказание — это справедливость, говорят Мудрецы. Все классы развратились бы, все границы были бы уничтожены, мир представлял бы хаос, если бы наказание не исполняло своей обязанности»*.

И первоначальные представления Ригвед о взаимоотношениях людей и богов показывают, что о духовной гармонии в их взаимоотношениях говорить не приходится: боги похожи на наемных хранителей, которые могут сделать какое угодно зло, если их достаточно не ублаготворить. Если кто-нибудь «платил» им, они исполняли любое его желание. Литургические формулы дают такие образчики: «желает ли кто сделать зло? Пусть он скажет (Сурье): «Порази такого-то; после я заплачу тебе приношением». И (Сурья) желая получить приношение, поражает его»**. И сам характер жертвоприношений, из которых человеческая жертва «упоминается со зловещей многократностью»***, достаточно ясно говорит о том, что карательно-наградные санкции в самых неограниченных формах — норма, а не исключение для древнейшей стадии ведийской религии.

То же в еще большей степени приложимо и к религии семитов: ханаанитов, финикиян, евреев и арабов, мексиканцев и др. Достаточно упомянуть имена Ваала, Ашеры, Молоха и культ, ужасный культ человеческих гекатомб — чтобы согласиться с тем, что здесь всего меньше естественности отношений, что человек каждую минуту мог подвергнуться каре — жестокой и ужасной и должен был постоянно умилостивлять своих повелителей (см.: *Спенсер Г.* Осн[ования] соц[иологии], т. I и II).

То же приложимо и к религии древних персов, евреев и арабов. Религия Заратустры знает немало как посюсторонних, так и потусторонних наказаний и наград****.

---

* Законы Ману, гл. 7, 14-24.

** *Барт А.* Религии Индии. М., 1897, с. 43.

*** Ibid., с. 66.

Другая характерная черта богов Вед — их мстительность — также подтверждает сказанное. См.: *Спенсер Г.* Индукции этики. «Мщение».

**** Avesta. Von Spiegel, т. I, с. 171, 221, 239; т. III, фрагард XXXVIII и др.

Что же касается Ветхого Завета, то не нужно доказывать, что в нем кары не ограничены как по своей интенсивности, так и по объему круга караемых лиц.

Из вышеприведенного отрывка* видно, что нет такой кары, которой бы не наказывал Иегова непослушных. Все карательные акты: и голод, и бесплодие, и болезни, и слепота, и рабство, и пытка, и смертная казнь, вплоть до кары, состоящей в съедании своих детей, — все это пускается в ход. Мало того, карается не только виновный, но и невинный. За грехи отцов караются не только отцы, но и все потомство. Формулы вроде: «Господь поразит тебя и потомство твое необычайными язвами» — обычные формулы Пятикнижия. В той же 28-й гл. Второзакония мы видим, как обрекаются дети на съедение своими отцами за то, что согрешили их отцы. И наказание за грех Адама — всего потомства, за грех фараона — всей земли Египетской, за грех Хама — всего его потомства и т. д. — фактические иллюстрации этой количественной неограниченности кар. Но мало и этого; оказывается, карается не только умышленное преступление, но и преступление по ошибке и неведению. «Если же кто из народа земли согрешит по ошибке и сделает что-нибудь против заповедей Господних, чего не надлежало делать, и виновен будет» или «если прикоснется к чему-нибудь нечистому, но не знал того, то он нечист и виновен», — эти и ряд подобных положений вполне ясно подтверждают сказанное**.

То же вполне приложимо и к религии ислама. И здесь исполнение той или иной заповеди рекомендуется не из чувства долга, а под страхом кары или же из выгоды. Карательно-наградные санкции, исходящие от Бога, и здесь встречаются почти на каждом шагу... (См. образец в гл. о мотивационном влиянии кар и наград.)

Эта же неограниченность кар древних религий выступает и проявляется и у римлян. Это видно из того, что смертная казнь у них возникла из человеческой жертвы, которая приносилась в жертву богам от общины в качестве искупления и очищения ее от гнева богов, который мог возникнуть благодаря совершению преступления одним из ее членов. Die Hinrichtung erscheint als Menschenopfer; die gemeinde entsühnt sich dadurch, dass sie den Ubeltälter der Gottheit

---

* Второзаконие, гл. 2, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 13, 14, 15, и сл., в особенности же гл. 27-30 и др.

** Левит, гл. 4 и 5. То же и в законах Ману. См., напр[имер], гл. 4, 222, гл. 5, 20-21, гл. 11, 45 и др.

als Opfer darbringt[3], говорит Hitzig. Сама возможность покарать всю общину из-за проступка одного ее члена — лишний раз говорит о расточительности кар*.

Не приводя дальнейших примеров, мы можем обобщить все приведенные положения в следующем виде: *наиболее древние и крупные системы религий, а равным образом и религиозные верования примитивных народов показывают, что взаимоотношения человека и богов (духов) регулировались главным образом посредством санкций карательных и (как увидим ниже) наградных.* Нет почти ни одной религиозной системы прошлого, которая бы не прибегала к санкциям, (безразлично) посюсторонним или потусторонним.

Обращая внимание на самый характер карательной санкции, мы видим, что она почти всюду не ограничена как по интенсивности, так и по количеству лиц, подвергаемых карам. Все кары, начиная от мучительной казни виновных и невинных и кончая более легкими видами наказания, практиковались религиями в целях воспитания человечества. И человек исполнял заповедь Бога не столько из чувства *долга*, не столько из любви к самому Богу, сколько из страха перед грозной Божьей карой, грозившей ему или здесь, на земле, или там, в потустороннем мире.

Теперь перейдем от этих систем к системам более новым, нашедшим свое выражение в миропониманиях философов, моралистов и основателей религий, живших в более цивилизованных обществах или в обществах более культурных, сложных и дифференцированных.

Конечно, проследить постепенное исчезновение санкций в этих системах — не входит в мою задачу**. Я ограничусь лишь тем, что укажу некоторые вехи, обозначающие и указывающие дорогу этой тенденции.

На границе новых отношений к Богу (личному или сверхличному — здесь для нас безразлично) стоит Новый Завет. Революция, произведенная им, по словам Вундта[4], заключалась в том, что в отношении человека к божеству, в противоположность древности и первобытным религиозным миросозерцаниям, где господ-

---

* См.: Zum ältesten Strafrecht der Kulturvölker. Leipzig, 1905, S. 47, а также *Mommsen Th.* Die Geschichte der Todesstrafe. Reden und Autsältze. 1905, S. 437 и сл. Аналогичное же наблюдалось и у других народов, в частности у германцев (см.: *Brunner H.* Gründzuge der deutschen Rechtsgeschichte. 1905, S. 19).

** См. для этой цели труды по истории философии и этике.

ствующим мотивом был *страх*, «учение Христа противопоставило мотив *любви*, сравнивая отношения между Богом и человеком с отношениями между отцом и детьми»*.

Правда, как было уже указано выше, и Евангелие не вполне свободно от потусторонних санкций, но важно уже само выделение этого мотива, являющегося решительным поворотом в сторону чистого любовного долга, свободного от всяких соображений выгоды и невыгоды...

Дальше средневековое лихолетье вместе с общим падением культуры снова делает уклон в сторону старого пути (Августин и схоластическая этика), но затем тенденция уменьшения санкций во взаимоотношениях человека и его Бога красной нитью проходит через всю историю Нового времени.

Она проявляется и в немецкой мистике (Майстер Экхарт), и в религиозной концепции Бруно, и в концепциях немецких мистиков XVI-го столетия. Всюду здесь мы видим слияние человека и Бога, указание на их односущность, и эта тенденция, проходя через Декарта, картезианцев, окказионалистов, Локка, Спинозу, Шефтсбери, Лессинга, Гёте, Шиллера, Пуффендорфа, Томазия и многих других, находит свое окончательное выражение в самоценности доброй воли и в категорическом императиве Канта. В системе последнего мы видим полное отсутствие каких-либо санкций и обоснование глубокой самоценности самого долга. Все последующие религиозно-нравственные концепции (Фихте, Шеллинг, Шлейермахер и др.), как бы они ни были различны друг от друга, — в данном пункте — все они идут вместе. И такие «бессанкционные» системы морали, как мораль Гюйо, и такие религиозные концепции, как концепция «Бога-Любви» Толстого, — есть только вполне логические следствия и практические завершения этой единой тенденции. Понятие Бога постепенно очищается, приближается к человеку, теряет свой «нечеловеческий» характер, превращается в некоторое мистическое начало, и это начало все чаще и сильнее получает название «Любви», идеала, «всепрощения», «всепримирения» и «всеединства». Прав Мензис, когда, заканчивая свою книгу, говорит, что с развитием религиозных верований постепенно происходит и очищение Бога от суррогатов кар и наград. «Потребность в самом Боге, а не только в дарах его возникает и усиливается в сердцах, и люди становятся способными к той вы-

* Цитирую по русскому переводу «Этики» Вундта (СПб., 1881, с. 312).

сочайшей религии, которая может быть названа жизнью души вместе с Богом»*.

И стоит только человеку с современными моральными воззрениями вообразить себя в таких отношениях к высшему существу, в каких находились люди прошлого, как тотчас же возникает в нем сознание невозможности этого, ибо эти отношения, целиком построенные на карах и наградах, несовместимы для нас с понятием Бога, идеала, высшей ценности и вообще высшего начала. Не только по отношению к Богу, но даже по отношению к другу, товарищу и любимому человеку мы не допускаем этих «торгашеских» отношений. Тем более не можем допустить их по отношению к высшему существу.

Это значит, религия санкций и мораль санкций уже отжили для нас, мы уже переросли их, они излишни и не нужны нам.

Таким образом, какой бы волнистой ни казалась историческая линия прослеживаемой нами тенденции — эта волнистость не мешает видеть, что узоры санкций, чрезвычайно богатые и пышные вначале, постепенно тают с ростом цивилизации и культуры и уже в наше время они сводятся к нулю. Всякая ценность (а значит, и высшая ценность — Бог) для нас ценна и достойна уважения, поклонения лишь постольку, поскольку она самоценна, а не базируется на карах и наградах...

Внешним показателем этого закона служит закон постепенного падения кар за религиозные преступления. Известно, что в древности почти все преступления сводились к преступлению против божества; грех и собственно преступление не отделялись друг от друга. Поэтому вполне понятно, что религиозные преступления вызывали и самые жестокие наказания, которые в то же время были и самыми распространенными видами кар. Дюркгейм прав, когда с фактическими данными в руках показывает, как религиозные преступления постепенно выходят из области караемых уголовным правом преступлений. У первобытных народов и групп почти каждое преступление сводится к оскорблению того или иного божества (тотема, фетиша, предка и т. д.)**. В Пятикнижии почти все преступления — преступления против Бога, караемые смертью. В Греции — объем их (γραφὴ ἀσεβείας[5]) —

* *Мензис А.* История религии, 328.

** См. об этом: *Makarewicz.* Einführung in die Phil. Strafrechts, S. 155-204 и 240-245; *Post A.* Bausteine, Bd. I, S. 305-310.

уже меньше, в Риме религиозные преступления, вначале очень жестоко каравшиеся, постепенно становятся все менее и менее жестоко караемыми (профанация locus sacer, locus religiosus[6], развод в случае брака per confarreationem[7], продажа сына, происшедшего от такого брака, выставление мертвеца на дневной свет, совершение без дурного умысла чего-нибудь из scelera inexpiabilia[8]). Тяжко караемыми остаются только scelera inexpiabilia, которые сводятся к 4 видам преступлений*.

В средние века *с возникновением варварства* вновь вспыхивают и религиозные кары. Горят костры, в застенках льется кровь, один Торквемада сжигает до 20 000 народу — но постепенный рост цивилизации ведет и к постепенному падению религиозных кар, к падению, проявляющемуся в росте веротерпимости и религиозной свободы**.

В настоящее время, по воззрению современного уголовного права, религиозные преступления как таковые не наказуемы и не составляют собственно преступления. Да и сама религия, чем она выше, тем менее и менее способна обращаться «за содействием» к карам и наградам. Такова эволюция взаимоотношений Бога и человека, подтверждающая вполне выставленный тезис. (См. ниже падение наград в области религиозных верований.)

II. Теперь попытаемся показать ту же тенденцию в развитии междучеловеческих отношений. Ввиду того что здесь эта тенденция может проявляться в различных видах — мы постараемся подтвердить наше положение фактами, внешне, казалось бы, разнородными, но по существу свидетельствующими о том же законе падения кар с ростом цивилизации, т. е. с углублением, усложнением и расширением социального взаимодействия.

b) Сравнительная история права, в частности, история карательного права*** показывает с полной очевидностью это постепенное

---

* См.: *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда, с. 79, 80 и 127-130, 133, 134 и сл.; *Du Boys A.* Histoire du droit crim. des peuples anciennes. Paris, 1845, гл. IX и сл.

** См. историю веротерпимости и свободы совести: *Ruffini F.* La liberta religiosa. Torino, 1901 т. 2, а также работу *Люццати* «Свобода совести и мысли».

*** Здесь, как и всюду, мы подразумеваем под карательным правом область более широкую, чем собственно уголовное право, которое по обычному пониманию подразумевает публичность производства, публичный вред и защиту общества. Как эти, так и все другие положения о карах подразумевают как индивидуальную реакцию на преступление, так и общественную.

падение кар как по интенсивности, так и по объему той сферы, которая подвергалась наказанию. В самом деле, история наказаний устанавливает в суммарном своем виде следующие стадии развития кар в эпоху самоуправства родов: 1) Самая древняя стадия характеризуется как стадия неурегулированной и неограниченной кровной мести (все равно публичной ли или частной). Никаких границ мести не поставлено; все виды кар, какие можно только придумать, пускаются в ход. «Месть есть наказание крайне неравномерное или *безмерное*, так как мера его лежит только в субъективном чувстве пострадавшего». Когда Ян Вышатич убедился в вине волхвов, он сказал белозерцам: «Мстите своих». «Они же, — говорит летописец, — биша их и взвесиша на дуб»[9]. Здесь, добавляет Сергеевич, мы встречаемся с чрезвычайно жестоким видом мести: виновных сперва подвергают всяким истязаниям, а потом вешают*. Достаточно одного акта преступления, чтобы породить вековечную вражду между целыми группами, вражду, кончавшуюся нередко полным уничтожением враждующих групп. «Rache ist ursprünglich unbeschränkt erlaubt. Alles hängt von dem Ermessen, aber auch von der Macht des Verletzten ab... Wenn beide Gegner Familien haben, beteiligen sich auch diese letzteren am Kampfe so lange, bis sie nicht selten sich gegenseitig ausrotten»[10], — так резюмирует Макаревич** первоначальную неограниченность частной мести***. Исследования М.М.

---

* *Сергеевич В.И.* Лекции и исследования, с. 372.

** *Makarewicz.* Einführung, S. 246; *Ковалевский М.М.* Совр[еменный] об[ычай], с. 37-38. «Обиженный или его родственники становятся обидчиками, и так из одного поколения в другое, нередко до полного истребления одного из враждующих родов».

*** То же относится и к первобытной общественной мести. Die gemeinschaftliche Rache, wie jede andere, kennt keine Schranken, die Vernichtung des Gehassten ist ihr Ziel, ihr Ideal; wie das vor sich geht, die aussere Form (подразумевается здесь прямое убийство или исключение — непрямое убийство) ist ihr gleichgültig (*Makarewicz.* Einführung, S. 216)[11].

Штейнмец, особенно тщательно исследовавший эпоху первобытной мести, ставит последовательно ряд вопросов: мстительны ли дикари, продолжительна ли их месть, интенсивна ли она, направляется ли против лиц и вещей, совершенно невинных, носит ли она групповой характер, имеет ли она первоначально характер неограниченный — и на все эти вопросы дает положительный ответ, документированный сотнями фактов и наблюдений. См. его Etnol. Studien... Bd. I, S. 299-334 и 360-406.

При этом не следует думать, что кровная месть следовала только в случаях особо тяжких преступлений — она de facto следовала за всяким оскорблением. «Говоря о кровной мести, историки права обыкновенно допускают существование ее с самого начала только в случае совершения наиболее тяжких преступ-

Ковалевского*, Штейнмеца, Поста, Летурно, Черри, Вестермарка и т. д. — говорят о том же. В мою задачу не входит приведение соответствующих фактов. Это отняло бы много времени и места. Излагая здесь общие данные, — за конкретным материалом я отошлю читателя к различным трудам, где он найдет подтверждение указанных здесь положений**...

Из сказанного видно, что кары здесь не ограничены как по интенсивности, так и по количеству жертв, на которых они падают благодаря какому-нибудь одному преступлению. Карается не только одно лицо, но и ряд его ближних и будущих родственников. Вражда, раз возникнув, переходит от отцов к детям, от них к внукам и т. д. ad infinitum[13].

По количеству караемых лиц — кара безгранична, так же как она безгранична и по своей интенсивности. Обычными и почти исключительными видами кары на этой ступени служит или прямое убийство, сопровождаемое жестокими и мучительными истязаниями, или же непрямое убийство — изгнание и отдача «на поток и разграбление» (Friedlosigkeit и Ausstossung[14]), фактически сводившееся к тому же убийству, так как человека, объявленного friedlos, каждый мог, а очень часто и должен был убить, как «голодного и хищного волка»***. Этим объясняется, почему смерт-

---

лений, убийств, увечий или оскорблений семейной чести. Беспристрастный разбор древнейших законодательных памятников не оправдывает такого заключения. Обращаясь к варварским сводам, мы находим в них решительное доказательство тому, что всякого рода правонарушения, не исключая имущественных, могли дать древнему германцу повод к мщению», — говорит М.М. Ковалевский (Соврем[енный] обычай, т. II, с. 26, 27, 31). См. также: *Kohler J.* Zur Lehre von der Blutrache. Würzburg, 1885, S. 11; *Mayer S.* Geschichte der Strafrechte. Trier, 1876, S. 38.

* *Ковалевский М.М.* Современный обычай, т. II, с. 1-18.

** См. кроме указанных здесь работ: *Черри.* Развитие карательной власти в древних обществах, с. 1-45 и др.; *Летурно Ш.* L'évolution juridique. Paris, 1891. Он, например, так характеризирует неограниченность мести первобытных народов: «Vendetta (анархических орд) ne termine pas le conflit, comme il arrive souvent dans les pays où le talion est devenu juridique, mais tout vengeance quellequ'elle soit, en suscite un autre et indéfiniment (p. 18)[12]; *Его же.* L'Evolution de la morale, passim; *Спенсер Г.* Научн[ые] основ[ания] нравственности. Мщение. СПб., 1896, с. 369-385; *Westermarck E.* The origin and development of the moral ideas. London, 1906, vol. I, p. 477-496; *Post A.* Bausteine für... allgem. Rechtwissenschaf. Ольденбург, 1880, т. I, 4-я гл.

*** «Der friedlos, — говорит Бруннер, — ist nicht nur aus der Friedens und Rechtsgemeinschaft ausgeschlossen, sondern kann und soll als Feind des Volkes von jedermann busslos getötet werden» (Gründzuge der deutschen Rechtsgeschichte, S. 18)[15].

См. также: *Макаревич*, с. 215 и сл.; *Westermarck E.* The origin... moral ideas, гл. XX.

ная казнь в том или ином виде является древнейшим видом наказания и на первых ступенях — почти исключительным. Наиболее древние сведения, сохранившиеся о наказании, указывают почти всегда только на смертную казнь или на исключение — равносильное смерти. Так было у многих народов, так было у осетин, германцев, римлян* и т. д. На более ранних ступенях это же явление предстает перед нами в виде людоедства и других форм истребления врага.

Формы увечащих и мучительных наказаний, лишение свободы (рабство), композиции и т. д. — все это формы, мало свойственные наиболее ранним ступеням.

Здесь конфликт шаблонов поведения влечет за собой кару, доводящую до смерти и влекущую ряд жертв. Противникам как будто тесно на земле, шаблоны их поведения как будто до того устойчивы и негибки, что нет надежды путем давления более легких кар видоизменить их, и в результате такого положения мы видим печальный итог: смерть и убийство, убийство и смерть — во всех формах, с пытками и мучениями, какие только мог изобрести первобытный ум.

Такова первая стадия кар, поистине не ограниченных и на протяжении долгих лет уничтоживших (и продолжающих еще и теперь уничтожать кое-где (например, на Корсике с ее знаменитой vendetta) целые тысячи и сотни тысяч «неприспособленных» и слабых борцов.

Дальнейшая история кар уже наглядно показывает их ограничение как по интенсивности, так и по количеству лиц, подвергаемых карательным воздействиям. Это ограничение проявляется в различных формах. Одной из таких форм является установление убежищ, где могли скрываться лица, которым угрожала месть. Такими убежищами были обычно храмы, некоторые места и т. д. Известно, что подобные места убежищ были у евреев**, германцев, обитателей Западной Европы*** и т. д. Разновидностью это-

---

* См., напр[имер]: Zum ältesten Strafrechts der Kulturvölker. «Das öffentliche Strafrecht (римлян) kennt als Strafe ursprunglich nur die Todesstrafe» (S. 46). «Verschiedene Strafen stellen sich als Spielarten oder Abspaltungen der Friedlosigkeit dar (у германцев)» (S. 59)[16]. Относительно греков см. S. 16, а также: *Post A.* Bausteine, Bd. I, S. 202—204.

** Второзаконие, гл. 19. «Das mosaische Gesetz beschränkte und regelte diese tief eingewurzelte und weitverbreitete Blutsitte»[17] (*Mayer.* Gesch. der Strafrecht, S. 38).

*** Идея «Королевского мира». См.: *Ковалевский М.* Ibid., с. 47.

го ограничения права мести является и установление времени или срока, в течение которого можно было мстить.

Так, например, у тех же германцев можно было мстить в течение года со дня оскорбления.

Главнейшим же видом ограничения первобытного неограниченного наказания является *закон талиона*, установление равенства между преступлением и наказанием*. Раньше, на предыдущей стадии убийство следовало в качестве отмщения не только за убийство, но и за любое нарушение должного шаблона. Исав хотел убить Иакова за то, что последний обманом получил право первородства; по «Русской правде» можно было мстить убийством не только за убийство, но и за кражу и нанесение ран. Теперь же, с установлением талиона, предписывается строгое равенство кар с преступлением. «Душа за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, рука за руку, нога за ногу. Какой кто сделает вред ближнему своему, тем должно отплатить ему»**.

Какой бы жестокой ни казалась нам система талиона, однако по сравнению с предыдущей стадией она является уже громадным прогрессом. В самом деле, раньше достаточно было малейшего оскорбления, чтобы оно повлекло за собой убийство, теперь же эта неограниченная месть вводится в определенные границы; за повреждение глаза или руки, или зуба нельзя уже мстить убийством, а можно воздать только повреждением глаза же, или руки, или зуба.

Точно так же в тех случаях, когда нельзя воздать преступнику буквально тем же (например, при воровстве), преступление карается опять-таки уже не смертью, а символическим талионом. (Лишение руки, ослепление вора, так как кражу совершили руки или соблазнили на кражу глаза.) Благодаря закону талиона кары тер-

---

* Историки кар по справедливости признают установление талиона новой стадией мости. «Die unbeschränkte Rache muss, mit der Zeit ihre Beschränkung finden, sie findet sie in der Talion»[18] (*Макаревич*. Ibid., S. 217); *Черри*. Развитие карательной власти, с. 45; *Летурно Ш*. L'évolution juridique, p. 22 и др.) Это же отличие jus talionis[19] от первоначальной неограниченной мести подчеркивается и *М.М. Ковалевским* (Совр[еменный] обычай, с. 37-38, 42). «Признавая безграничность кровной мести на первых порах, мы необходимо приходим к заключению, что результатом последовательного ее применения могло быть только совершенное истребление одного из враждующих родов. Неудивительно поэтому, если стремление избежать такого исхода вызвало... попытку ограничения мести путем применения к ней начала равного возмездия» (с. 42 и сл.).

** Второзаконие, гл. 19[20].

пят ограничение сразу и по своей интенсивности, и по распространенности. Смертная казнь постепенно заменяется более легкими видами кар, в то же время преступления перестают постепенно возбуждать многовековую вражду родов, ибо как только получена «душа за душу» — долг мести удовлетворен и вражда может быть ликвидирована.

И история самого талиона показывает наглядно то же дальнейшее ограничение кар... Вначале талион есть долг, неисполнение которого влечет за собой кару того, кто не исполнил долг мести. Он сам становится предметом позора и порицания окружающих. Иначе говоря, вначале талион есть долг и осуществление его приказывается. Но потом постепенно необходимость мстить уменьшается, и «талион-долг» превращается в «талион факультативный», т. е. не предписываемый, а только допускаемый. А эта с виду очень незначительная перемена есть в действительности новый удар, существенно ограничивший силу и интенсивность кар; но раз талион становится не обязательным, а только дозволяемым, то тем самым дается возможность путем принесения просьбы о прощении и пощаде избегнуть и самой мести. И действительно, одновременно с падением обязательности мести появляется обычай просьбы о пощаде, сопровождаемый действительно обычаем прощения и отказа от мести*.

Наконец, заключительным звеном всей этой догосударственной (в узком смысле) стадии развития является *система композиций*, т. е. денежного выкупа. «Потерпевший получал что-либо ценное вместо бесполезной мести, его гордость вместе с тем удовлетворялась признанием вины со стороны преступника, общество выигрывало от этого в том, что беспорядкам и стычкам полагался конец»**. Система композиций, выражаясь образно, была водой, которая заливала готовый возникнуть огонь борьбы и мести. Вначале будучи необязательной (обиженный мог выбрать или месть

---

* *Макаревич*, с. 231—232. «Die weitere analoge Phase, welche die vindicta publica, der Privatracho ähnlich durchmachen muss, ist eine eigenthümliche Form der Beschwichtigung, die Bitte um Verzeihung»[21].

** *Черри*, с. 45; *Макаревич*, с. 232; *Ковалевский М.* Соврем[енный] обычай, с. 55 и сл.; *Сергеевич В.И.* Лекции и исследования. «Die zwei Hauptmotive, welche zum Ubergange der Blutrache in die Composition führen, sind das Friedensbedurfniss einerseits und Ersatzbedurfniss anderseits» (*Steinmetz R.* Op. cit., Bd. I, S. 410)[22]. У него же см. и различные фазисы этого перехода, его форму, стадии борьбы между местью и композициями и анализ ближайших причин этого перехода (S. 407-476). См. также: *Kohler J.* Op. cit., S. 11-20.

или взять выкуп), она постепенно все шире и шире входила в жизнь и постепенно вытеснила почти все (за исключением немногих) акты мести или акты кар. Сначала это делалось путем соглашения самих сторон, потом стало передаваться на усмотрение третейского судьи (поэт у брегонов, глава рода, патриарх, индусские брамины, кельтские друиды, израильские первопресвитеры, германские рахимбурги и т. д.), а параллельно с этим совершалось все большее и большее вытеснение выкупом мести.

Итак, кратко приведенная *здесь история развития кар*, в своем суммарном виде свойственная почти всем народам, *ясно и неопровержимо подтверждает историческую тенденцию падения кар.* Она гласит: «*От неограниченной мести — к талиону, от обязательного талиона — к факультативному, от обязательной мести — к допускаемой, от разрешаемой мести — к системе композиции и прощения. Таков путь постепенного ограничения кар и их постепенного падения.*

c) В предыдущих пунктах я проследил постепенное падение кар главным образом по отношению к их интенсивности. Теперь кратко проследим *постепенное ограничение круга наказываемых лиц.*

Историческая тенденция, проявляющаяся в этом отношении, может быть сформулирована так: *от коллективной кары к индивидуальной и от неограниченной вменяемости к неограниченной невменяемости.*

Что кары на первичных ступенях социальной эволюции были коллективны, это подтверждают все историки сравнительного права и этнографы. За вину одного терпел наказание в виде мести или (позднее) в виде денежного штрафа весь его род или клан, или семья. На первичных ступенях, говорит Колер, «месть не только право, но и долг, и она наступает всегда, независимо от того, намеренно или случайно было совершено убийство, и направляется не только против убийцы, но и против его семьи или рода»*. Нет здесь ни индивидуализации кар, ни вменяемости.

Точно так же и, по мнению Штеймеца, первичная месть — месть коллективная, слепая (blinde), не различающая виновных от невиновных. «Кровная месть, — говорит он, — вначале никоим образом не ограничивается наказанием преступника и виновного, напротив, она направляется против всех сочленов его группы»; «кровная месть вначале не ограничена во всех отношениях»:

* *Kohler J.* Op. cit., S. 9.

и по жестокости, и по количеству караемых лиц, и по продолжительности (передается из поколения в поколение). Мало того, она направляется сплошь и рядом на первый попавшийся предмет (die völlig ungerichtete Rache)*. Я считаю излишним делать дальнейшие выписки на этот счет ввиду общеизвестности этого явления.

Если мы перейдем к истории композиций и денежных наказаний, то и здесь мы встретимся с тем же фактом коллективности кар и отсутствия всякого различия между виновным и невиновным. И здесь вначале, как в догосударственный, так и в государственный период, дана налицо «круговая ответственность», здесь «каждый родич отвечает за каждого родича, одинаково, как за всякое правонарушение, так и за всякий долг»; «в период государственности общины часто ответственны за преступление, совершенное в их пределах»; «часто даже на государственной стадии родственники преступников сонаказываются за совершенные последними преступления»**. Круговая ответственность, коллективная кара и коллективный штраф известны и евреям, и римлянам, и грекам, и германцам***, и другим народам». В период вечевого уряда (Gauverfassung) за соблюдение мира отвечают сотоварищи (Genossenschaft), Марка (Mark), Гау (Markfiede), «и совершенно не обращалось внимание на преступную волю», — говорит и Бернер****.

Если обратиться к древнейшим законодательным сводам и историческим фактам, то здесь мы встречаемся с тем же фактом коллективной вины, коллективного наказания и отсутствия всякого различия между действительно виновным и невинным. *При этом караются не только современники преступника, но наказание постигает и ряд будущих, еще не родившихся поколений. Наказания становятся «вечными» и поражают бесконечное число лиц за одно преступление.* В Библии, как известно, наказывались дети и по-

---

* *Steimetz R.* Op. cit., Bd. II, гл. Die Blutrache, Bd. I, S. 318-334.

** *Пост А.* Зачатки госуд[арственных] и прав[овых] отношений. М., 1901, с. 107-111.

*** *Mayer.* Gescheichte der Strafrechte, S. 49-50, 142-147.

**** *Бернер А.Ф.* Учебник, с. 117-118. То же самое было и в Древней Руси. «В древнейший период русского уголовного права, а именно в период Русской Правды, наказание падало не только на лиц физических, но и на лиц юридических — на общины, на верви. Вервь обязана была заплатить виру не только в случае неизвестности преступника, но она платила дикую виру даже при наличии виновного и притом совместно с этим последним» (Ibid., с. 341). «Вира», платимая общиной, и «дикая вира», платимая часто ею же (с. 172-179).

томки виновного «до седьмого колена». Угрозы Иеговы очень часто даже не ограничиваются и семью коленами, а идут дальше, обещая беспощадные вечные наказания «всему потомству».

То же мы найдем и в других кодексах. «Если наказание не падает на самого преступника, то падает на его сыновей; если не на сыновей, то по крайней мере на внуков; но раз совершенное беззаконие никогда не остается без последствий для того, кто совершил его», «он погибает со всем разветвлением и корнем»*, — читаем мы в своде Ману. За лжесвидетельство одного, читаем там же, поражаются его родственники. Лжесвидетельство относительно мелкого скота убивает пять родственников, относительно коров — десять, относительно лошадей — сто, а лжесвидетельство относительно людей убивает тысячу родственников. «Лжесвидетельством по делу относительно золота он убивает рожденных и неродившихся»**. Эта же безграничность кар по количеству караемых лиц и отсутствие всякой вменяемости проявляется в древности и даже позднее (в силу специфических причин) в ряде разнообразных форм и фактов. Карались все сопричастные к виновнику, хотя и совершенно непричастные к преступлению лица. Пытка и наказание в Египте применялись и к виновному и к членам его семьи, в случае смерти виновного***. Ольга за смерть мужа мстит всем древлянам. В трагедии «Эдип» мы видим пережиток наказания совершенно невинного человека. Обращаясь к древним сагам и песням, мы всюду находим подтверждение того же факта — кары коллективной, налагаемой на совершенно невинных, с нашей точки зрения, лиц. Так, в «Песне о Нибелунгах» мы читаем в XXXII авентуре о том, как Бледель говорит Данкварту, совершенно невинному в смерти Зигфрида: «Мой приход должен быть твоим концом *из-за Гагена*, твоего брата, который убил Зигфрида; *за это поплатишься у гуннов и ты и много других витязей*». «Нет, — отвечает Данкварт, — иначе пришлось бы нам раскаяться в этой поездке ко двору (Этцеля). Когда убили Зигфрида, был я тогда малым ребенком. Не знаю за собой ничего, в чем обвиняет меня (Кримхильда)». «И я не знаю ничего больше про тебя, — отвечает Бледель, — сделали это твои родичи Гунтер и Гаген, но... придет-

---

* Законы Ману, 4, 173-174.

** Ibid., 8, 97-101. Относительно отсутствия вменяемости см.: 4, 222; 4, 20-21; 45 и др.

*** *Capart*. Esquisse d'une histore du droit pénal égyptien. Bruxelles, 1900, p. 23-26.

ся вам смертью заплатить за горе Кримхильды», и действительно, они все до единого избиваются*.

И в более позднее время, в силу специфических причин (см. ниже), эти групповые наказания мы находим в том или ином виде.

Таковы, например, кары, налагавшиеся у нас в древности церковью и известные под названием «вседомовного отлучения», или же папские «интердикты», налагавшиеся на целые области и страны, или наказания целых городов (например, Новгорода Иоанном IV) и областей, нередко бывшие в прошлом. Из-за вины одного здесь карались сотни и тысячи невинных**...

Но с течением времени наказание начинает индивидуализироваться. Месть начинает направляться постепенно только на виновного, штраф тоже. Возникает принцип вменяемости и все более и более растет число невменяемых лиц***.

Из этой тенденции ясно видна «злостность» психики первобытных людей, их неприспособленность к взаимному мирному житию и устойчивость их шаблонов поведения. Рычаг кар здесь давил вовсю, чтобы хоть сколько-нибудь приспособить людей и группы друг к другу. Индивида поражали самые суровые кары. Они налагались на него на веки вечные. Но и этого было мало. Надо было усугубить жестокость кар еще наказанием других лиц, почему-либо близких к преступнику. И кара поражала и их в случае совершения преступления. Но и этого было мало. Поражались не только современники, но и не родившиеся поколения. Наказание угрожало и им. Таким образом, «безличный законодатель» как бы говорил каждому: «Берегись, не совершай преступление, если совершишь его, то подвергнешься лютой смерти и ты, и твои родственники, и все ваше поколение». И подвергались. Жернов борьбы и вражды молол вовсю, кровь лилась, люди гибли, и только после долгой и кровавой дрессировки мало-помалу стали расшатываться злостные импульсы, жестокие нравы и постепенно выработались более социальные чувства и более совершенное поведение.

Тот же процесс можно проследить и приняв во внимание эволюцию субъектных и адресатных представлений, очерченную нами

---

* Песнь о Нибелунгах. СПб., 1896, с. 75, 76.

** См.: *Суворов Н.С.* Учебн[ик] церковн[ого] права. 1912, с. 283-289.

*** См. изображение постепенного развития в этом направлении в ряде работ: Штейнмеца, Поста, Макаревича, Ковалевского, Колера и др.

выше. Эта эволюция состояла, как было указано, в постепенном ограничении сферы субъектов преступления и сферы караемых лиц.

Какой бы волнистой ни казалась линия, ограничивающая сферу наказываемых лиц, — однако, ее тенденция постоянна и сводится она ко все большему и большему уменьшению числа лиц, наказываемых за преступление. Стоит сравнить область существ, наказываемых раньше и наказываемых теперь, — чтобы согласиться с данным положением. В самом деле, на первичных диких и полуцивилизованных ступенях развития ни о каком «вменении» или «отношении воли преступника к преступлению» не может быть и речи. Выражаясь языком, принятым в уголовном праве, там принималась во внимание только объективная сторона преступления — вред, причиненный преступным деянием, — о субъективной же стороне — насколько сознательно или бессознательно было совершено преступление — древность совершенно не знает. На этом основании наказывались неодушевленные предметы (Ксеркс высек море[23]), животные (средневековые процессы против саранчи, библейское повествование о убийстве быка[24] и т. д.) и люди, без разбора — умышленно ли совершили они преступление или неумышленно. Мало того, наказывались лица, с нашей точки зрения, явно непричастные к преступлению (родные, соплеменники, родившиеся и не родившиеся еще на свет потомки и т. д.), наказывались, как было указано выше по отношению к евреям и индусам, — за преступления, совершенные по ошибке или незнанию. — Одним словом, сфера караемых лиц была очень широка и безгранична...*

В области религиозного карательно-наградного права это выражается, между прочим, в положении: «Die Götter rechnen nur mit Tatsachen, nicht mit der Absicht»[25].

Но с ходом исторического процесса, с ростом взаимодействия (опыта) происходит постепенное ограничение сферы караемых лиц, проявляющееся во все растущем значении субъективной стороны преступления. Этот рост проявляется в различении, с одной стороны, деяний случайных, неосторожных, умышленных и

---

* Подробное обоснование всего сказанного читатель найдет у *Макаревича* в его Einführung, в гл. «Von der objektiven zur subjektiven Schuld», S. 358-440, а отчасти — особенно по отношению к русскому карательному праву — у *Сергеевича* в «Лекциях и исследованиях», с. 341-371; см. также: *Ковалевский М.М.* Совр[еменный] обычай, с. 81, 91 и др.

предумышленных. Случайные и отчасти неосторожные деяния, хотя бы сами по себе с внешней стороны они и были преступлениями, — теперь не наказываются. Параллельно с этим все более и более при наложении наказания принимается во внимание личность преступника и его состояние перед и во время совершения преступного акта. Личности ненормальные, или действовавшие во время преступления под влиянием особых аффектов, необходимой самообороны, крайней необходимости, опьянения и т. д., — постепенно перестают наказываться... Область «вменяемых» преступников с ходом цивилизации все более и более ограничивается.

Следовательно, вкратце тенденция ограничения круга караемых лиц — обратная сторона общей тенденции падения кар — сводится к следующему: чем древнее и некультурнее общество, тем шире круг караемых лиц — караются неодушевленные предметы, животные, все люди, имевшие отношение к преступлению и совершенно непричастные к нему, с нашей точки зрения. Карается преступление — как умышленное, так и случайное, — никакого различия между «вменяемыми» и «невменяемыми» нет; чем культурнее общество, тем круг караемых преступников уже: караются только люди, но и то не все; караются только действительные преступники и их соучастники; но и не все преступники, а только преступники «вменяемые», область которых все более и более ограничивается, больше и больше растет условий, делающих невменяемыми лица, совершившие преступление. Кратко это процесс можно охарактеризовать так: *от коллективной кары к индивидуальной и от неограниченной вменяемости к неограниченной невменяемости.*

*Значит, и здесь мы видим ту же тенденцию ослабления и падения кар, проявляющуюся в виде ограничения сферы караемых лиц**.

d) Ту же тенденцию мы увидим, если обратим наше внимание на те мотивы, которые лежали в основе карательных актов менее культурных и более культурных общественных групп. Вначале,

* Основные и самые крупные течения в современной науке уголовного права — антропологическая и социологическая школа — целиком уничтожают категорию «вменяемых» преступников и признают всякое преступление причинно-обусловленным — поэтому вопрос о вменении преступников целиком заменяют вопросом о его опасности; уничтожив «вменение», вполне логично эти школы уничтожают и наказание как ряд актов, причиняющих преступнику страдание. Нельзя наказывать больных, а надо их лечить — таков их лозунг, завершающий многовековую эволюцию ограничения караемых лиц и ставящий точку на i.

при системе кровной мести, — кара была чисто импульсивной бессмысленной реакцией, реакцией животной, необходимо вытекавшей из природы человека, не преследовавшей никаких целей или, как многие ее справедливо называют, — реакцией слепой. Это первая степень, обнаруживающая наиболее ярко биологический характер кар.

Затем со времени установления более прочных и широких форм общежития — основным мотивом наказания и его целью становится страх. Он лежит в основе карательных актов почти всех европейских государств до XVII-го и XVIII-го столетий. Целью наказания становится устрашение, особенно ярко проявившееся в некоторых религиозно-правовых и чисто правовых сборниках; примерами могут служить Библия, законы Ману, Коран и множество других сборников. «Если не будешь стараться исполнить все слова закона сего, написанные в книге сей, и не будешь бояться сего славного и страшного имени Господа Бога твоего, то Господь поразит тебя и потомство твое...»*

Таков основной мотив всех кар Библии. То же самое мы видели и в законах Ману, то же красной нитью проходит через Коран. И в чисто светских юридических памятниках то же проходит красной нитью, выражаясь в различных словесных формах, сводящихся по существу к формуле «дабы неповадно было»...

Начиная же с XVIII века, мотивы наказания постепенно улучшаются: целью его становится уже не устрашение преступника, а предупреждение преступлений, исправление и лечение самого преступника. Эта тенденция сопровождается параллельной тенденцией падения и уничтожения жестоких, мучительных и увечащих кар путем замены их карами, не вредящими жизни и здоровью преступника, не причиняющими ему страшных физических страданий, не уродующими его — с одной стороны, с другой — тенденцией все большего и большего перенесения ответственности и вины за преступление с личности преступника на все общество, продуктом которого он является**. Вместе с этим карательная власть начинает играть уже не на чувстве страха, а обращаться к чувству

---

* Второзаконие, гл. 28.

Могло быть и так, что идея возмездия применялась по отношению к чужеродцам, а идея устрашения — по отношению к сородичам. См.: *Ковалевский М.М.* Современный обычай, с. 173 и др.

** См. об этом подробно: *Mayer S.* Geschichte der Strafrechte, S. 26 и сл.; *Чубинский М.П.* Курс угол[овной] политики. 1909, с. 54-257.

человеческого достоинства, совести и гуманности преступника. А этот факт показывает, что теперь уже нет надобности играть на грубых инстинктах, а вполне достаточна апелляция к более высоким переживаниям и свойствам человека.

Если мы попытаемся путем простого уговора или вынесения порицания задержать голодную кошку от нападения на мышь или голодного волка от нападения на овцу — то, конечно, наша попытка будет бесполезной. Хищность этих, как и других подобных животных, чрезвычайно устойчива и требует для своего уничтожения более сильных кар: бичей, физических страданий, выстрелов, раскаленного железа (таковы обычно средства воспитания и дрессировки цирковых животных). Игрой на их чувстве собственного достоинства тут ничего не поделаешь, и поэтому жестокие кары здесь необходимы, если мы хотим их выдрессировать. То же относится и к предыдущим временам жизни человечества. Тогда шаблоны были более устойчивы, многие из них были социально вредны и поведение людей не было приспособлено друг к другу, поэтому вполне понятно, что и давление было более сильное и грубое. Теперь же, когда шаблоны эластичны, когда даже трудно эти шаблоны назвать шаблонами в собственном смысле (ибо они очень изменчивы и подвижны), когда эта приспособленность во взаимной жизни значительно увеличилась — предыдущие формы наказания совершенно излишни и вредны. Раз более легкие формы его достаточны — более жестокие не нужны*. И действительно, простой выговор в присутствии общества теперь способен повлиять на человека более сильно, чем лишение глаза древнего преступника; простая апелляция к чувству собственного достоинства теперь сплошь и рядом более действенна, чем самые страшные угрозы в древности. А все это, вместе взятое, опять-таки говорит о той же прослеживаемой нами тенденции.

Нельзя не согласиться со следующими прекрасными словами Л.И. Петражицкого: «История права наглядно нам показывает, как с течением времени медленно, но неуклонно система общественной мотивации постепенно передвигается с более низких и грубых струн на более высокие и мягкие, на сколь грубую, близкую к животной психику (инстинктивно и бессознательно) рассчитано

---

* *Петражицкий Л.И.* Акции, биржевая игра и теория экономических кризисов. СПб., 1911, с. 16-20. См.: *Его же.* К вопросу о соц. идеале (Юрид[ический] вестник. 1913, кн. II).

было примитивное право и как оно с течением времени, так сказать, меняло свой взгляд на объект своего воздействия к лучшему и изменяло приемы воздействия сообразно прогрессу этической культуры вверенного его руководству общества... грандиозным доказательством (этого) этического прогресса является научная, психологическая история права вообще как целого правопорядка в его основных общих чертах...

Какими средствами правовой строй в разные времена достигал того, чтобы заставить людей исполнять те тяжелые работы, которые необходимы были для поддержания жизни и развития культуры возрастающего количественно и разнообразящегося качественно народонаселения, какие психические двигатели утилизировались древним правом для производства тех культурных работ, которые создали почву для дальнейшего экономического и иного прогресса? Для этих целей применялись к людям те же меры, посредством которых при современной культуре люди заставляют работать животных. Работали рабы под руководством надсмотрщика с кнутом. Притом хозяевам этих рабочих первоначально право предоставляло не только полное распоряжение телесными наказаниями, но также и неограниченное право смертной казни. Дальнейшее развитие права состояло в постепенном смягчении приемов руководства поведением рабов со стороны господ, далее, в переходе рабства в более ограниченные формы несвободы, наконец, в полном устранении всяких остатков рабства. Теперь преобладающим стимулом производства хозяйственных благ является стремление к хозяйственному обеспечению или улучшению хозяйственного положения своего и своей семьи — стимул более доброкачественный и высокий, нежели кнут надсмотрщика рабов.

С распространением хозяйственной деятельности государственного и иных коллективных хозяйств все большая и большая часть граждан работает и производит не непосредственно для своих целей, а трудится на общую пользу. Здесь стремятся получить преобладающее значение чувство долга и забота о соблюдении общих интересов. В свою очередь, характерно развитие мотивации в области государственной службы. Как здесь, на более низкой ступени развития, резка и внушительна мотивация в области государственной службы, какие решительные меры существуют и применяются для направления поведения государственных служите-

лей! Опала и казнь — с одной стороны, самые щедрые милости — с другой. С течением времени государства все более и более опираются на более высокие мотивы своих органов и жалование в значительной степени получает значение лишь при условии, которое делает возможным служение общему благу. Поштучное вознаграждение за исполнение государственной обязанности, жестокая опала и казнь, с одной стороны, и чрезвычайные милости за похвальное поведение — с другой, как сильно действующие эгоистические стимулы, переходят в область истории»*.

Обращаясь к внимательному изучению механизма социальной жизни и тех побуждений, которые заставляли индивидов более или менее гармонично жить друг с другом и исполнять добросовестно лежащую на каждом из них обязанность, мы не можем не видеть, что в древности основным регулятором были жестокие кары (и награды). Многое из того, что теперь делается само собой, без санкции, в древности добывалось лишь путем самых суровых кар... Не только в области долгового права, но и в любой социальной области «безлично-собирательный» социальный законодатель, очевидно, не мог положиться на чувство долга индивидов, которое побуждало бы каждого из них вести себя хорошо и добросовестно исполнять свою роль и свою обязанность. Нет! грубая психика и устойчивость шаблонов требовали и грубых средств, побуждающих к «добросовестному» поведению. Поэтому немудрено, что поведение всех индивидов, с самых высших и до самых низших, здесь было обложено санкциями. «Если ты будешь вести себя хорошо и хорошо исполнять свою роль — то получишь такую-то награду, если плохо — то будешь жестоко наказан», — вот общая формула, резюмирующая характер нравов того времени... Теперь, например, закон «доверяет» и докторам, и архитекторам, и правителям, и свидетелям на суде, и даже самим подсудимым; он им не обещает поштучной награды, он их не пытает, и он не грозит им жестокими карами в случае неудачи. Иначе обстояло дело в прошлом.

Для того чтобы добиться хорошего поведения от раба — нужен был кнут. И не только от раба, но и от всякого человека.

Египетские памятники, например, весьма картинно говорят о том, что удары, кнут, побои и т. д. — были обычным «педагогическим» приемом при постройках, полевых работах и вообще всю-

---

* *Петражицкий Л.И.* Акции, с. 16-21.

ду. «Молодой человек имеет спину и слушает того, кто его бьет». «Слух (послушание) молодого человека на его спине», — так красноречиво передает указанное положение дела папирус Аназта. Когда надсмотрщик бил кого-нибудь при ленивом исполнении последним своей работы, то обычно произносилась фраза: «Есть некто позади тебя». Эта фраза говорит о том, что если бы не было надсмотрщика и кар, то трудно было бы ждать от рабочих усердия и внимания*.

Раскройте древние кодексы, и вы встретите то же.

«Если доктор лечил тяжело раненого и... человек этот умер — пусть ему отрежут руку». «Если доктор открыл бельмо... и испортил глаз — пусть ему отрежут руку».

«Если архитектор построил дом... и если построенный дом развалился и убил своего хозяина, этот архитектор присуждается к смерти». «Если убит сын хозяина, пусть убьют сына архитектора». «Если убит (разваленным домом) раб хозяина — архитектор должен дать своего раба хозяину». «Если судовщик законопатил для кого-нибудь судно и не выполнил добросовестно свою работу, если в этот же самый год этот последний отправился в плавание на этом судне и потерпел аварию — пусть судовщик обменяет судно, отремонтирует его за свой счет и возвратит отремонтированное судно владельцу»** и т. д. Эти статьи кодекса Хаммурапи весьма характерно подчеркивают вышесказанное.

Если бы таковыми же остались и теперь законы, регулирующие докторскую, архитекторскую и другие деятельности, то, пожалуй, мало было бы желающих заниматься этими специальностями. Поведение лиц, занимающихся теперь этой профессией, настолько улучшилось, что добросовестное исполнение их обязанностей добивается от них и без этих санкций. А раньше, очевидно, дело обстояло не так. Чтобы они добросовестно выполняли свою работу, требовалось двойное давление наград (см. ниже) и кар.

То же мы встречаем, например, и в кодексе Ману, без различия социального положения лица, будет ли это царь, или пастух, или кучер. «Царь, который надлежащим образом охраняет своих подданных, получает от всех и каждого шестую часть их духовной заслуги (наградной мотив. — *П.С.*); если он не охраняет их, шестая часть их вины также падает на него» (карательный мотив.).

---

* См.: *Capart.* Esquisse d'un historie du droit pénal égyptien, p. 26-27.

** *La loi de Hammourabi,* par Scheil, ст. 215, 218, 228, 229, 235 и др.

«Царь, который не охраняет народа, но получает свою часть натурою, поземельные подати... идет по смерти немедленно в ад». Такой царь объявляется «принимающим на себя все вины своего народа»*.

Стоит сравнить современное положение царей, неответственных за свои дела, с этим положением, и разница сама собой будет ясна. Теперь монархи не получают ни наград, ни кар. Они в силу своего долга добросовестно исполняют свои обязанности. Во времена же Ману, очевидно, этого не приходилось ожидать без санкций. То же было, как сейчас увидим, и у других древних народов.

«Все врачи, — читаем дальше, — которые худо обращаются со своими пациентами, должны заплатить штраф, по отношению к животным первый или низший, по отношению к людям — высший»**.

«Царь должен заставить разрезать на части бритвами золотых дел мастера, поступающего нечестно, самого вредного из всех тернов»***.

«Ткач, получивший десять пала нитей, должен возвратить ткань по весу одной пала больше; тот, кто делает иначе, должен быть принужден заплатить штраф в двенадцать пан»****.

«Если повозка опрокидывается от неумения кучера, хозяин должен быть присужден к штрафу в 200 пан. Если кучер умелый, но небрежный, он один должен быть оштрафован»*****.

Одним словом, какой бы поступок ни взять, какую бы функцию ни рассматривать — всюду добросовестное исполнение добивается от индивида не просто, а путем кар — смерти, изувечения, штрафов и т. д.******

Раскройте Библию, и опять-таки вы видите, что Иегова не просто говорит: «Ты должен это делать, а это не должен». Очевидно, и он плохо «верил» в добросовестность своего народа того времени, и вот мы видим, что каждый приказ и запрет облагается тяже-

---

* *Законы Ману*, гл. 8, 304-305, 307-308, 397 и др. «Царь, который вследствие помрачения безрассудно притесняет своих подданных, в скором времени вместе с своими родственниками лишится царства и жизни» (7, 111); см. аналог[ичные] ст. 7, 27-28; 8, 171, 336; 9, 250 и др., грозящие лишением жизни и царства.

** Ibid., гл. 9, 284.

*** Ibid., гл. 9, 292.

**** Ibid., гл. 8, 397.

***** Ibid., гл. 8, 292-293.

****** См. далее, напр[имер], гл. 8, 399-400, 408-409 и др.

лыми карами и наградами. Если добросовестно будешь жить — тебя ожидает награда, недобросовестно — ужасная кара*.

То же было и в других странах по отношению как к царям, так и ко всем, кончая лицами, стоящими на низах общественной лестницы... В Египте шеф полиции, небрежно исполнявший свою обязанность, весьма строго наказывался. Король хотя и был божеством, однако так же не избегал опеки и суда. После его смерти созывалось экстраординарное собрание для решения вопроса, достойно ли он правил. «Публичное обвинение было правом каждого гражданина, и если король был признан виновным в злоупотреблении, он лишался погребения», — говорил Капарт**. «*Начальники часто подлежат суду своих подчиненных*», — говорит Пост. Как король Сенаара, когда этого требовало благо государства, мог быть казнен, а Bertat ежегодно подвергают своих королей суду; так, по свидетельству Хуарроса, «в государстве кичесов "ahagues" могли отрешить царя от должности за жестокость и тиранию, и его в таких случаях наказывали конфискацией имущества и смертью. Цейлонские кандийцы утверждали, что их — во всем остальном — неограниченный государь может быть вызван в суд последним из своих подданных... в том случае, если он нарушает основные законы государства», и т. д.***

То же констатировано у ряда других народов — древних туркестанцев****, бедуинов***** и т. д. Стеснение, угроза божескими карами, исходящая от богов или жрецов и *министров*, *опекающих царя*, *убийство* его, низложение и т. д. — обычное явление в древности.

Если уж глава союза не свободен в древности от санкций, то само собой понятно, что другие лица еще менее свободны, от них еще менее можно ждать добровольного усердного исполнения возложенных на них функций и еще более приходится давить на их поведение наказаниями, дабы получить от них требуемое поведение. Я уже выше привел примеры такого «давления» на врачей, архитекторов, рабов, кучеров, пастухов, золотых дел мастеров и т. д. Для полноты еще можно указать на ряд фактов. Теперь, на-

---

* См. напр[имер]: Второзаконие, гл. 4, 5, 6, 7, 8, 9, 27, 28, 30 и др.

** *Capart.* Op. cit., p. 37. Правда, некоторые исследователи подвергают сомнению этот обычай.

*** *Пост А.* Зачатки, с. 115-116.

**** Ibid., с. 116.

***** *Спенсер Г.* Осн[ования] соц[иологии], т. II, с. 294.

пример, свидетели не подвергаются никакой пытке. Современное право им «доверяет» в том, что они добросовестно исполнят свой долг. Иначе было в прошлом... Там, оказывается, и свидетелей нередко пытали и били. Не заходя далеко вглубь веков, достаточно сослаться хотя бы на такие факты, как наши указы XVI века. В дополнительном указе к Судебнику Ивана Грозного 21 августа 1556 года читаем: «А которые люди в обысках в одном деле двои речи говорят, и из тех людей, изо ста человек, выбрав лутчих людей, приказчиков и крестьян пяти или шти бити кнутьем, а игуменов и попов и диаконов отсылати к Святителю». За ложь боярам и дьякам грозит великая Государева опала, а людям их и крестьянам «быти кажненным, как и в разбойных делах»; если старосты будут поступать «не по Государеву указу», «ино старост казнити без милости»*.

Как известно, это явление не специфически русское, а имевшее место и у других народов. К этому факту сам собой примыкает обычай *пыток* при допросах. Их повсеместное существование опять-таки говорит о том, что «правосудие» не могло полагаться и доверять искренности виновного, а добывало ее путем жесточайшего истязания.

Было бы бесполезно приводить дальнейшие примеры и подтверждения: их так много, что исчерпать их совершенно немыслимо. Все они говорят о том, что в древности нужное для группы поведение индивида добывалось не добровольно, а путем жесточайших кар (и наград). Кары и награды буквально опутывали всю жизнь и все акты. Их молот висел над головой каждого, готовый ежеминутно поразить виновника**.

По мере того как развивается социальная жизнь и улучшается психика и поведение людей, — по мере того санкции все более и

---

* См.: *Утин и Лазаревский Н.И.* Доп. указ, ст. 6, 10, 13.

** Аналогичный материал, помимо правовых кодексов, можно найти в изобилии и в народных сказках, где особенно ярко выступают эти карательно-наградные санкции в целях получения от того или иного индивида добросовестного исполнения его функции. Беру для примера одно из многих мест из «Тысячи и одной ночи». «Я желаю, — говорит царь (в рассказе о "Калмаре и сведущей Халиме"), обращаясь к ювелирам, — чтобы вы искусно прокололи эту царицу жемчужин. И тот, кто сумеет это сделать, не повредив чудесного вещества, тот может просить у меня — чего хочет, и все будет дано ему, и даже более того! Но если он не вполне хорошо исполнит это и если повредит жемчужину, хотя бы самую малость, то его ждет лютая смерть, я велю отрубить ему голову, заставив испытать все мученья, которые заслужит он своею святотатственною оплошностью!» См.: Тысяча и одна ночь. СПб., 1903, т. IV, с. 32-33.

более падают. Теперь мы совершаем добровольно множество поступков, которые раньше добывались наказанием. И поэтому понятно, что наказания для нас излишни, как излишне и запугивание ими; они сыграли свою роль и, когда стали излишними, пали или же из более жестоких форм перешли в формы менее жестокие. А все это опять-таки подтверждение указываемой нами тенденции падения кар.

Вообще, по мере того, как психика и поведение людей социального союза становятся все более и более приспособленными друг к другу, по мере того опека над ними, выражающаяся в праве кого-нибудь налагать ряд кар на других членов союза, постепенно падает и нужного поведения добиваются от индивида без всяких санкций. Это мы показали сейчас в общем виде, то же мы покажем и на истории отдельных социальных взаимоотношений. Возьмем для примера историю семейственных отношений.

е) Здесь закон падения кар обнаруживается в постепенном ограничении тех кар, которые отец семьи имел право налагать на остальных членов. Возьмем для примера историю римского института семьи.

Здесь вначале мы имеем дело с pater familias[26] который имел неограниченную власть над детьми. Он имел jus vendendi[27] и т. д., вплоть до jus vitae ac necis[28]. В отношении имущественных прав сын не мог иметь никакой собственности — одним словом, patria potestas[29] была безгранична, и отец мог карать и миловать своих детей — как ему угодно.

Но по мере роста римской гражданственности, мало-помалу права отца карать и миловать ограничиваются. Один из leges regiae[30], подтвержденный потом законами XII таблиц, ограничивает право отца выбрасывать новорожденных детей тем, что это право отец может применять только к уродам — monstra. Затем, в императорское время, у pater familias отнимается jus necisque и самовольное убийство приравнивается к parricidium[31]. Законы же XII таблиц ограничивают и jus vendendi положением: si pater filium ter venum duit, filius a patre liber esto (если отец три раза продаст сына, сын освобождает отца от patria potestat), а затем троекратная продажа заменяется однократной. Таким образом, история семейных отношений Рима весьма наглядно показывает рост личных прав сына, обратной стороной которого является падение карательных прав отца.

То же относится и к имущественным отношения отца и сына. Неограниченность имущественных прав отца, начиная с эпохи падения республики, мало-помалу ограничивается.

При Юлии Цезаре из неограниченных имущественных прав отца исключается peculium castrense[32], затем появляется pecilium quasi castrense[33], которым сын имел право распоряжаться по своему усмотрению. К этому при Константине присоединяется bona materna[34], при Аркадии и Гонории — bona materni generis[35] и, наконец, при Юстиниане — bona adventicia[36]. Таким образом, и здесь процесс развития показывает рост имущественных прав сына и падение карательных прав отца. Этот же процесс свойственен большинству народов, в частности и русским*.

И у нас несомненно в древности дети находились в полной зависимости, личной и имущественной, от отца, отцы имели право безнаказанно карать детей, продавать их в рабство, заключать их браки и т. д., вплоть до jus vitae necisque. Дети не имели никаких прав, и за всякую жалобу на родителей еще по Судебнику 1550-го года дети подлежали наказанию кнутом, с прибавлением «нещадно». Каждое преступление детей против отца и матери каралось нещадно, тогда как преступление против детей карались слабо или никак не карались (карамзинский список рекомендует духовным судам «творити всяко волю ея, а детям не дати воли»). Еще по Уложению за убийство сына отец карался только тюремным годичным заключением и церковным покаянием, тогда как сын, убивший отца или мать, подвергался смертной казни «без всякия пощады». Но мало-помалу права отца, в частности, и его карательные права, ограничивались. Судебник Ивана IV запрещает отцу-рабу продавать своих свободных детей. В XVII веке за убийство отцом сына налагаются уже наказания (хотя и слабые). Петр Великий еще более ограничивает произвол родителей над детьми. Параллельно с этим растет и имущественная самостоятельность последних, более или менее ясно проявляющаяся со времени введения поместной системы**.

Современный нам уголовный кодекс уже чрезвычайно ограничил власть родителей над детьми, а царящее в обществе мо-

---

* См.: *Сергеевич В.И.* Op. cit., с. 409 и сл., где дан краткий сравнительно-исторический материал по этому вопросу.

** Ibid., с. 492-497, 410-412.

ральное сознание почти уравняло их. То же, mutatis mutandis, относится почти и ко всем историческим народам*.

f) Л.И. Петражицкий дает еще ряд других доказательств той же тенденции падения кар. «Как мало общего с семейными отношениями имеет *долговое право*! Но обратимся к историческим документам с вопросом, какие меры право в различные эпохи считало необходимыми для того, чтобы обеспечить со стороны должников уважение к правам кредитора и исполнение обязательственного обещания, например, возврат занятых денег. По законам XII таблиц кредиторы могли рассечь должника на части, пропорциональные сумме их требований; впоследствии римское право довольствовалось угрозою личной свободе (продажа в рабство), потом имущественными наказаниями (например, присуждением неисправного должника к уплате двойной суммы долга). Дальнейшее развитие права, очевидно, предполагает в народных массах развитие сравнительно высокого уровня добросовестности и честности граждан в области обязательственного оборота, ибо оно довольствуется возложением на должника только обязанности возмещения действительных убытков в случае неисправности, притом и это сравнительно скромное средство понуждения и угрозы отчасти уже в римском праве, но еще более в современном праве постепенно ограничивается и смягчается. Такой же порядок развития, как в римском праве, находим и в истории долгового права других народов»**.

---

* См. об этом: *Петражицкий Л.И.* Акции, с. 17-18.

** Ibid., с. 18-19. Опять-таки и этот факт представляет явление весьма распространенное в среде других народов. На первичных стадиях социальной жизни мы всюду встречаем ряд жестоких понудительных мер, посредством которых добивается от должника нужное поведение — возврат долга. У индусов эти кары известны под именем дарна (Darna). «Существует несколько видов ее. В одном случае заимодавец заклинает должника стоять на каком-либо одном месте, воздерживаться от пищи и питья, пока он не уплатит долгов... В другом случае заимодавец появляется с большой тяжестью перед дверью своего должника и торжественно клянется до тех пор оставаться в таком положении, пока тот не уплатит», произнося проклятия должнику на тот случай, если он, заимодавец, потеряет жизнь в таком положении. Если бы это случилось, то дом должника был бы разнесен до основания, а его бы продали, как раба, вместе со всеми домочадцами. В третьем случае заимодавец выстраивает перед домом должника большой деревянный помост, привязывает к последнему «корову или старую женщину и угрожает поджечь его, если должник не уплатит»... На западном берегу Декана, по свидетельству Марко Поло, заимодавец может поймать должника, очертить его кругом, из которого тот не может выйти до уплаты долга. «А если бы он попытался убежать, то он подлежит

g) То же проявляется и в других сферах социальной жизни. Возьмем для примера историю отношений мужа и жены, на которую также указывает Л.И. Петражицкий. История эта есть опять-таки не что иное, как постепенное падение manus mariti (власти мужа над женой). С развитием социальной жизни постепенно происходит улучшение отношений мужа и жены, и это улучшение имеет своим последствием постепенное падение карательных прав мужа и постепенное освобождение жены из-под его власти, из-под опеки его или общества, постепенный рост ее личных прав. Это ясно видно из истории римского права. То же происходило и в Греции*, а равно и в других странах. Не заходя в глубь истории, достаточно сравнить для этого идеал Домостроя и современные воззрения на отношения мужа и жены. Наша морально-правовая психика решительно отвергает домостроевские идеалы, битье жены кнутом и т. д. Женщина постепенно освобождается от тех пут, которые в свое время были нужны и необходимы. Суфражистское течение[37] есть лишь вполне последовательный вывод и завершение этой постоянной исторической тенденции.

Вообще говоря, какую бы сферу социальной жизни мы ни взяли, то поведение индивида, которое было *социально* полезно, вначале добивалось обычно не просто, а путем кар. Затем же, с посте-

---

смерти». Прежде на Цейлоне должнику втыкали колючки в обнаженные ноги. В Корее должник, не заплативший вовремя долга, получает каждые 14 дней палочные удары по голеням до полной уплаты своего долга. Если он умер — должны платить его родственники; если и они не уплачивают, то подвергаются той же бастонаде. В Борну кади вступает во владение имуществом должника и уплачивает долг, а должника связывают и кладут на спину [и оставляют так] до тех пор, пока он не даст согласия. В Конго, у мандингских народов, у меев, у орангбенуа, у древних германцев и в Древней Галлии и т. д., неисправные должники продавались в рабство. У ряда народов не только сам должник, но и его жена и дети — подвергались той же участи (*Пост А.* Зачатки, с. 34-237; см. у Поста другие аналогичные факты). То же, как мы знаем, было и в Древней Руси. Теперь уже этих «понудительных» мер или вовсе нет, или они потеряли свой жестокий и карательный характер.

Аналогичное же мы встречаем и в других близких к долговому праву сферах социальной жизни. Например, еще в Судебнике Ивана IV ст. 90 гласит: «А кто у кого взяв, идучи в торговлю, да пропиет, или иным каким безумием тот товар погубит без напрасьнства, ино того выдати истцу головою до искупа». Сравнительная история права и здесь указывает на то, что это явление было общераспространенным. А как этот, так и другие подобные факты говорят о том же богатстве кар в древности и их постепенном падении.

* Относительно Греции см.: *Бузескул В.П.* Женский вопрос в Древней Греции. 1905, passim и с. 41-42.

пенным приспособлением индивида к этой функции, совершавшимся не без мотивационно-дрессирующе-рикошетного влияния кар, это социально полезное поведение его начинает добиваться уже с меньшим давлением кар, а то и без всякой кары. Возьмем, например, стремление индивида к образованию и к науке. Раньше, не только у нас, но всюду нужны были и действительно практиковались кары, чтобы заставить человека учиться... Если он получал образование — за это получал ряд наград, если же не учился — подвергался тем или иным лишениям. И это касается не только нас, русских, с нашими указами Петра и Анны, запрещавшими «недорослям» даже вступление в брак (Указ 28 февраля 1714 года), но одинаково и других народов. Теперь подобные меры излишни. Потребность в знании уже достаточно осознана, и для значительной части общества стремление к знанию не нуждается ни в каких внешних стимулах, оно стало «бескорыстным». Вообще, трудно перечислить различные стороны социальной жизни, где дана налицо та же тенденция постепенного падения карательной санкции. При внимательном и вдумчивом отношении каждый может уловить ту же тенденцию в любой сфере социальной жизни, раз акты, требовавшиеся и требуемые от индивида, есть акты *социально полезные.*

h) Обратим теперь внимание на следующего рода характерное обстоятельство, опять-таки вполне определенно и, может быть, даже более чем что бы то ни было другое, говорящее о том же постепенном улучшении человеческой психики и поведения. Всякий акт человека есть или мысль, или слово, или поступок в узком смысле этого термина. Прошлое не допускало ни свободы мысли, ни свободы слова, ни свободы деяния. Оно наказывало все эти виды актов, не исключая и чисто психического акта. Все три категории облагались суровыми карами и вызывали репрессию. Стоит, однако, бросить ретроспективный взгляд в прошлое, и *история покажет, как мало-помалу первые два вида актов начинают ускользать от наказания. Мысль или чистый умысел, каков бы он ни был, перестает быть караемым. За этим мало-помалу растет и свобода слова.* В настоящее время кары падают (за небольшими исключениями) лишь на *действия.* «Мыслительные» акты и «словесные» акты перестали быть караемыми, первые — совсем, вторые за небольшими исключениями. Этот, с виду незначительный факт, в действительности представляет громадную, неопро-

вержимую «улику» в пользу падения санкций и в то же время улучшения человеческой психики, так как падение санкций вовсе не вызвало роста «словесно-мыслительных» преступлений. Оскорблений, клеветы, диффамации[38], призывов к преступным актам вовсе не больше в тех странах, где введена свобода слова, чем в тех, где она не введена. С этой точки зрения момент уничтожения в уголовном кодексе той или иной страны статей, карающих за религиозные преступления (в собственном смысле) и за преступления словесные, — с одной стороны, и появление в основных законах той же страны статей, гарантирующих подданным свободу совести, культа, вероучения и веротерпимости, а равно и свободу слова и печати, — есть показатель громадного морального прогресса, совершенного этой страной... А эти моменты, как известно, суть специфическое достояние Нового времени и даже его конца — XIX века*.

i) Наличие той же тенденции обнаруживается и в следующем факте.

Всматриваясь в различные кары за правонарушения, данные в законодательных сводах, мы не можем не заметить два различных вида кар. *Одни кары*, стремятся *восстановить прежнее положение*, нарушенное тем или иным запрещенным поступком, другие — кроме этого восстановления, еще *наложить на преступника некоторый излишек наказания*. Это различие до известной степени соответствует современному различию санкций за гражданские и уголовные правонарушения. Наказание гражданского правонарушения en masse[39] состоит обычно в восстановлении положения, бывшего до правонарушения; виновный возвращает потерпевшему то, что он незаконно присвоил, и только. Выражаясь язы-

---

* *Е.В. Де-Роберти* вполне прав поэтому, когда говорит: «Прошлое искало решения этой тяжелой проблемы (свободы мысли, слова и действия) в исключительном господстве идей и чувств, освященных долгим обычаем, над идеями и чувствами диссидентов или же в абсолютных репрессиях, направляемых против мысли и совести меньшинства. Настоящее с этой точки зрения представляет нечто среднее, вид полуподчинения, полуподавления социальной личности. Теперь охотно допускают свободу мысли и обставляют серьезными гарантиями свободу слова. Но останавливаются еще перед свободой или, скорее, *необходимостью действия*. Каким образом будущее решит эту важную проблему? — Мы не можем этого предвидеть. Но может быть, будущие поколения найдут в их коллективном сознании, все более и более развивающемся и совершенствующемся, новый источник моральной энергии, который позволит им рассеять или существенно смягчить этот современный иллогизм» (*De Roberty E.* Qu'est ce que la crime? 1899, p. 7).

ком Дюркгейма, гражданская санкция есть санкция чисто *реституитивная.* Иначе обстоит дело с наказаниями за уголовные преступления. Здесь кара не восстанавливает положение, бывшее до правонарушения, а налагает на преступника, в виде кары в собственном смысле, еще некоторый излишек наказания за его преступления. Иначе говоря, санкция уголовная — есть en masse санкция *репрессивная.* Отсюда само собой следует, что кары за гражданские преступления гораздо менее интенсивны, чем кары уголовные. Первых может даже вовсе не быть, если нет частного ходатайства или иска, тогда как вторые всегда налагаются, если только известен самый факт преступления и его виновники...

Раз это так, то спрашивается, каково взаимоотношение того или другого права в историческом процессе? Растет ли одно из них на счет другого? И если растет, то что из этого следует?

Ответ на этот вопрос таков. Древность, вообще говоря, *не знает такого разделения*: здесь всякое правонарушение ведет за собой кару *репрессивную*, а не *реституитивную*[40], т. е. всякое правонарушение может рассматриваться как уголовное преступление*. Выше было показано, что кровная месть следовала не только при важных и личных оскорблениях, но и при имущественных и незначительных проступках**. Равным образом при чисто имущественных правонарушениях наказание даже в эпоху композиций состояло не только в простом возмещении ущерба, но еще и в некотором добавочном штрафе или в некотором добавочном наказании, сверх возмещения убытка, т. е. оно было уголовной карой.

Так, например, в древнейших кодексах Хаммурапи читаем: «Si un homme a donné en depot devant témoins, á un autre, argent, or, ou

---

* Историкам права, говорит *М.М. Ковалевский,* хорошо известно «отсутствие на первых порах всякого различия между уголовной и гражданской ответственностью, чем и объясняется то явление, что к *возмещению материального вреда всегда присоединяется требование добавочного платежа*, настолько значительного, что вместе с возмещением убытков он покрывает собой более или менее весь достаток обидчика». «В моих глазах он, этот "грабеж" ("поток и разграбление"), является не чем иным, как средством разорить виновного и тем вызвать, если дело идет о домашнем воре, то же оставление им родственной среды, каким род грозит домашнему убийце» (Совр[еменные] соц[иологи], с. 142).

** «Законодательство арийских народностей заключает в себе несомненные данные насчет применимости кровной мести на первых порах к разнообразнейшим видам обид: личных и имущественных» (Соврем[енный] обычай, с. 31). В эпоху самоуправства родов «между преступлением и гражданским правонарушением не имеется никаких различий... Отдельный устав гражданского и отдельный уголовного судопроизводства в это время были бы немыслимы» (Ibid., с. 112).

toute autre chose, et si celui-ci lui conteste, on fera comparaître cet individu, et il *doubrera et donnera* tout ce qu'il a contesté»*[41].

И Дюркгейм, вместе с Самнером Меном обративший внимание на этот факт (хотя и не вполне верно его истолковавший), прав, когда говорит, что древнее право почти сплошь было репрессивно, а не реституитивно; и в сохранившихся юридических памятниках тем больше репрессивных норм, чем регулировавшееся ими поведение и организация общества примитивнее.

«Все еврейское право, поскольку оно дается нам в Пятикнижии, в разных степенях проникнуто существенно репрессивным характером». То же относится и к законам Ману. «Законы XII таблиц относятся к обществу уже более развитому и более близкому к нам, чем еврейский народ, поэтому уголовное право не занимает уже всего места... Из 115 отрывков этого закона, которые удалось восстановить Фойгту, только 66 могут быть приписаны реституитивному праву; 49 имеют резко карательный характер». «Салический закон относится к обществу, менее развитому, чем Рим IV века... Поэтому уголовное право имело тут больше значения. Из 293 параграфов (в издании Вайца) только 25 (почти 9%) не имеют репрессивного характера»; тогда как «в более близком к нам законе бургундов» уголовный элемент уже менее велик. «Из 311 параграфов мы насчитали 98, т. е. почти треть, не представляющих никакого карательного характера». «Наконец, закон визиготов, который еще ближе к нам по времени и относится к народу еще более культурному, свидетельствует о новом прогрессе в том же направлении. Хотя в нем еще преобладает уголовное право, но реституитивное имеет почти равное значение»**. То же относится и к законам Хаммурапи, вавилонского царя. Здесь из 282 параграфов, по нашему подсчету (исключая статьи государственного регулирования жалованья и цен за разные услуги), чисто реституитивных статей не больше 60. Большинство же статей носит строго репрессивный характер. (Из 282 статей 36 карают смертною казнью, исключая другие статьи, ведущие косвенно к тому же результату.)

Итак, эти данные говорят о том, что вначале все право носит почти исключительно репрессивный характер; реституитивного

---

* *La loi de Hammourabi,* par V. Scheil. Paris, 1904. § 12. См. также: § 107, 112, 101 и др.

** *Дюркгейм Э.* О раздел[ении] общ[ественного] труда, с. 107-116.

права вначале нет. А так как репрессивное право более жестоко и более сурово, чем реституитивное, то вполне понятно, что рост этого последнего, в ущерб первому, тем самым означает уменьшение интенсивности наказаний.

Из приведенных положений видно, что этот рост реституитивного права за счет права репрессивного несомненен. «Реституитивное право выделилось из репрессивного, поглощавшего его первоначально; оно имеет теперь свои собственные черты, свое собственное устройство, свою индивидуальность. Оно существует как отдельный юридический вид, снабженный специальными органами, специальной процедурой», — говорит Дюркгейм. Начиная с IV века, когда римское право было еще в большей своей части репрессивно, «репрессивное право постоянно теряло свое относительное значение. Если и допустить, что оно не уменьшилось во множестве случаев, если и предположить, что множество поступков, вначале считавшихся уголовными, не перестали с течением времени быть караемыми (а обратное этому мы видим в религиозных преступлениях), то во всяком случае оно не возросло заметным образом; мы знаем, что начиная с эпохи XII таблиц, главные криминалогические типы римского права установились. Наоборот, договорное право, процессуальное, публичное все более и более увеличивалось. По мере того как продвигаешься вперед, видишь, как немногие и тощие формулы, касавшиеся этих пунктов в законах XII таблиц, развиваются и увеличиваются, превращаясь в объемистые системы классической эпохи. Семейное право тоже усложняется и дифференцируется по мере того, как к первоначальному гражданскому праву присоединяется преторское право»*, — так резюмирует Дюркгейм эволюцию римского права, которая, по его мнению, как видно из приведенных данных, является частным видом общей тенденции, свойственной, по крайней мере, большинству народов.

Таким образом, и это явление есть прямое подтверждение прослеживаемой нами исторической тенденции. Правда, объяснение этого факта, даваемое Дюркгеймом, несколько иное, чем наше. Он отказывается разделять то мнение, что жестокость кар в древности обусловливается «жестокостью» нравов прошлого. Но в дальнейшем оказывается, что он опровергает, собственно говоря, не теорию жестокости нравов, а теорию, утверждающую, что

* *Дюркгейм Э.* Op. cit., с. 112-114.

более жестокое наказание назначается за те преступления, которые совершаются более часто, а более легкое за те, которые совершаются более редко. Но ясно, что теория «жестокости» нравов и теория «частоты» тех или иных преступлений — вещи совершенно разнородные. И мы, до известной степени (но не вполне), согласны с Дюркгеймом в том, что обычно «преступления наказываются тем суровее, чем они реже», но это не мешает нам утверждать, что жестокость кар в древности вызвана (в общем бессознательно) жестокостью, т. е. неприспособленностью, грубостью психики и громадной устойчивостью «должных» шаблонов поведения. Эта устойчивость шаблонов поведения не позволяет нарушать в одной и той же группе эти шаблоны слишком часто. Отсюда — редкость и немногочисленность преступлений в древности; когда же это нарушение, вызываемое изменением условий, каким-либо членом совершается, или когда сталкиваются две разнородные группы, шаблоны поведения которых противоречат друг другу, — то этот конфликт шаблонов (преступление) при их сильной устойчивости необходимо должен принимать острые формы. Борьба двух центров необходимо должна принимать жестокий характер: так как шаблоны поведения одной стороны могут быть сломлены и изменены только путем острого и жестокого мотивационного давления кар.

Отсюда — необходимость жестокости. По мере того как смена шаблонов совершается все чаще и чаще — шаблоны становятся менее устойчивыми, раз менее устойчивыми — то более способными к изменению; а значит, вместо жестоких кар становятся достаточными и более легкие кары*. А это значит, что репрессивное право должно было заменяться реституитивным правом (как правом более «легким»), что мы и видели в действительности.

Таким образом, сами положения Дюркгейма, гласящие, что «там, где часты насильственные акты — они терпимы; их преступность обратно пропорциональна их частоте» и что «преступления наказываются тем суровее, чем они реже»**, — находят объяснения только в нашей интерпретации, а не в иной. Даже сама теория Дюркгейма, указывающая на обширность и интенсивность

* *Дюркгейм Э.* Op. cit., с. 115-116.

** При этом следует иметь в виду и другую сторону этого процесса, а именно: социально полезные шаблоны поведения могут и должны все более и более делаться привычкой, что, как указано было выше, тоже должно вести к падению кар.

коллективного сознания как на причину репрессивности древнего права, понятна и приемлема только с указанной точки зрения. Действительно, необходимость жестоких кар за нарушение сильных и интенсивных состояний коллективного сознания в целях *еще большего укрепления* солидарности — сама по себе непонятна. М.М. Ковалевский вполне прав, когда иронически спрашивает: «почему "благонамеренным людям", чтобы укрепиться в своем общественном сознании, необходимо причинить страдание виновному?»*

Иначе обстоит дело, если мы станем на точку зрения теории «конфликта шаблонов» отдельных ли индивидов, или индивида и группы, или двух групп.

Раз шаблоны столкнулись, то исход может быть один из указанных выше: или разъединение столкнувшихся центров, или же уничтожение одного или обоих, или же насильственное принуждение побежденного центра победителем. А это насильственное принуждение к исполнению шаблонов победителя сводится не к чему иному, как к применению кар (и наград). Чем неподвижнее шаблоны той и другой стороны, тем эти «лекарства» социализации должны быть более жестокими, чем они гибче — тем гибче и мягче последние. Шаблоны древних обществ устойчивы, поэтому и кары безграничны; социально вредные шаблоны поведения людей цивилизованных обществ менее устойчивы — поэтому и кары нашего времени мягки и гуманны.

k) Теперь проследим то же явление падения интенсивности кар на истории отдельных преступлений.

Возьмем для примера наиболее частые и наиболее каравшиеся преступления: воровство, адюльтер и измену данной общественной группе. Заметим предварительно следующее: каждое из этих преступлений конкретно было различно в различных обществах, а в некоторых общественных группах оно и вообще малоизвестно. Мы будем иметь в виду, конечно лишь те общественные группы, в которых эти акты считались преступлениями. Это во-первых. Во-вторых, раз конкретно они проявлялись различно у различных народов, то под воровством, например, как преступлением у мексиканцев следует понимать именно то, что понимали они. Так, для большинства первобытных народов воровство или присвоение себе чужой вещи хитростью, обманом и насили-

---

* *Ковалевский М.* Соврем[енные] социологи, с. 141-142.

ем вовсе не составляет преступления, когда оно совершается по отношению к иноземцам; преступлением оно является лишь тогда, когда совершено внутри своей группы, по отношению к своим сородичам или соплеменникам. В этом случае акт присвоения чужого — действительно воровство, считается преступлением и вызывает соответствующую кару. Поэтому для исторического сравнения необходимо брать только эти и подобные им явления, которые считаются преступлением в данной группе и влекут за собой кару.

То же относится и к адюльтеру. Нет надобности говорить, что воззрения на характер брака чрезвычайно изменчивы. То, что для нас является прелюбодеянием, для человека первобытной группы, с ее широкой свободой половых отношений, «коммунальным» браком, позднее полигамией и полиандрией[42] — вовсе не могло быть таковым. Но и здесь имеются определенные границы, нарушение которых считается за прелюбодеяние в собственном смысле, т. е. за поступок, «не должный» и потому караемый. Обычно все мужчины и женщины первобытных групп делятся на две половины; каждая женщина (достигшая соответствующего возраста) другой половины de jure может быть женой мужчины первой половины и наоборот, каждый мужчина второй половины может быть мужем женщины другой половины (экзогамия). Но половые сношения мужчины и женщины *одной* половины считаются непозволительными и, в случае их совершения, караются. Под адюльтером, как преступлением, мы и должны понимать в каждой группе ряд тех актов, совершаемых на половой почве, которые в данной группе запрещены и совершение которых всегда вызывает кару. То же относится и к измене и вообще к поступкам, оскорбляющим непосредственно общество целиком или его представителей (короля, его чиновников и т. д.).

После этих предварительных замечаний перейдем к обзору кар за каждое из указанных преступлений, игнорируя совершенно те мотивы, благодаря которым данный акт, например, воровство и грабеж, считаются за преступление. Начнем с воровства и вообще незаконного присвоения чужой вещи как акта караемого.

Почти у всех первобытных народов этот акт, совершенный по отношению к своим сородичам, *карается смертью* — в виде ли кровной мести или в виде казни, налагаемой по решению тех или иных органов суда. Это мы встречаем и у австралийцев, в Поли-

незии, у племен Африки, у бамбарра, у обитателей Формозы, у ацтеков, у карагуа* и т. д.

Что касается Мексики, то здесь преимущественным видом наказания за воровство была та же смертная казнь; только иногда, когда согласен был обиженный, вор вместо смерти обращался в рабство**.

В законах Хаммурапи — в огромном большинстве та же смертная казнь, иногда заменявшаяся уплатой штрафа в 30 и 10 раз большего цены похищенного***.

В Египте за воровство вначале была также смертная казнь. Но с дальнейшей цивилизацией Египта она постепенно смягчалась и стала заменяться увечащими карами — отрезанием носа и т. д. — с одной стороны, и обращением в рабство — с другой****.

У кабилов — смерть или денежная пеня, в Монголии — смерть или палочные удары, в недавнем китайском кодексе обычным наказанием были палочные удары, ошейник и клеймение; в Абиссинии — отсечение руки. У арабов — смерть, в Бутане — рабство***** и т. д.

У осетин, индусов, кельтов, германцев и в Древней Руси — изгнание и отдача «на поток и разграбление»****** или выкуп, в случае же furtum manifestum[44] — убийство.

У евреев в Пятикнижии указываются как наказания за воровство денежная пеня, продажа в рабство, а при furtum manifestum и при краже людей — убийство*******.

В Индии, помимо изгнания и штрафа, — отрезание рук, носа и т. д. В Афинах за кражу человека и за кражу furtum manifestum — назначалась смерть, за остальное — денежные штрафы различной степени********.

---

* См.: *Летурно Ш.* L'évolution juridique, p. 28, 54, 64, 79, 95 и др.; *Его же.* Нравственность, passim. «Dass in der That die Folge eines Diebstahles ursprünglich oft Blutrache war, — говорит *Пост*, — ergiebt sich aus dem weitverbreiteten Racherecht gegen den ertappten Dieb»[43] (*Post A.* Bausteine, Bd. I, S. 289 и сл.).

** *Летурно Ш.* Op. cit., c. 116.

*** *La loi de Hammourabi*, § 6, 7, 8, 9, 10, 14, 25, 34 и др.

**** *Летурно Ш.* Ibid., c. 140; *Du Boys A.* L'Historie du droit criminel des peuples ancienes. 1845, p. 22.

***** *Летурно Ш.* Ibid., p. 140, 148, 171-173, 204, 224, 248 и др.

****** *Ковалевский М.М.* Соврем[енный] обычай, с. 160, 161, 171 и др.; *Сергеевич В.И.* Op. cit., c. 419-420; *Brunner H.* Grundzüge, S. 75.

******* Исход, гл. 21-я и 22-я.

******** *Du Boys A.* Op. cit., p. 175, 176.

Аналогичное видим и в Риме. По законам XII таблиц, за furtum manifestum (ночью и в случае сопротивления) — смерть; то же и за furtum conceptum cum lance et licio[45], за дневное воровство без сопротивления — рабство, за furtum nec manifestum[46] — двойной штраф*.

То же, как сказано выше, относится и к германцам, к обитателям Исландии, Швеции, Дании, Норвегии; и здесь за furtum manifestum — денежная пеня, отрезание уха, глаза, носа и т. п.**

Наконец, в средние века наказание смертной казнью с предварительной пыткой становится, до некоторой степени, нормой наказания за воровство***.

Такова в общих чертах картина наказаний за воровство в древних общинах и социальных единствах. Почти повсюду здесь мы видим смертную казнь в качестве одного из наиболее распространенных видов наказания. К той же смерти ведут фактически и изгнания и отдачи на поток и разграбление, а иногда и в 30 или меньшее число раз больший в сравнении с ценой украденного штраф, в случае неуплаты которого виновный казнится.

Если теперь сопоставим с этими наказаниями наказания за воровство современных уголовных кодексов, в частности, даже русского уголовного кодекса, то не сможем не увидеть громадной разницы между ними. По нашему Уголовному уложению 1903 года самая строгая кара за воровство — это каторга на срок не свыше восьми лет, и то только тогда, когда воровство соединено с религиозным преступлением (кража священных вещей, принадлежащих церкви, ст. 588) или же «разбой учинен посредством весьма тяжкого или тяжкого телесного повреждения, в церкви, в открытом море, несколькими лицами, вторгшимися для сего в обитаемые здания или иное помещение, лицом, запасшимся оружием или орудием для нападения или защиты, шайкою» (ст. 589 и 590). Обычная же мера наказания — заключение в тюрьме от 3 до 6 месяцев (ст. 581) или же в случаях ночного воровства, насилия, похищения из могилы и т. д. — заключение в исправительном доме до 3 лет.

Смертной казни за воровство совершенно нет, как нет и увечащих и мучительных наказаний. Самая строгая кара — каторга

---

* *Rein.* Das Kriminalrecht der Römer. 1844, S. 296-301.

** *Летурно Ш.* Op. cit., с. 437 и сл.

*** Ibid., с. 478. См. также: *Mayer-Homberg.* Die fränkischen Volksrechte im Mittelater. 1912, Bd. I, S. 149 и сл.

не свыше 8 лет — полагается в общем для тех случаев, в которых в древности (furtum manifestum, вор, застигнутый на месте преступления, религиозное преступление и т. д.) следовала неизбежно смертная казнь. Если далее принять во внимание закон о досрочном освобождении и обычный более снисходительный приговор в сравнении с законом, многочисленные случаи оправдания — то контраст будет еще большим. То же, mutatis mutandis, относится и к большинству западноевропейских кодексов.

Из сказанного вытекает заключение: какой бы извилистой ни казалась историческая линия наказаний за воровство, неоспоримо следующее: *современные кары за воровство гораздо более мягки, чем кары, бывшие в менее цивилизованных и культурных обществах и государствах.* Это положение несомненно. Но мало того, та же тенденция падения кар за воровство видна и из ряда следующих фактов.

Там, где вор не был казнен смертью за первую кражу (а в более диких обществах — как мы видели, это обычное явление), то часто он казнился смертью за вторую или третью кражу.

Так, например, было в Индии по законам Ману. Третья кража здесь вела к смерти*. Так же было и у нас. По нашему первому и второму Судебникам вторая кража вела за собой также смертную казнь. Но по мере роста цивилизации смертная казнь все более и более отдаляется. По Уложению Алексея Михайловича смертная казнь назначается уже не за вторую, а за третью кражу, по воинскому Уставу Петра — за четвертую, а теперь за четвертое воровство, разбой и вымогательство, притом до истечения пяти лет со дня отбытия наказания, виновный наказывается срочной каторгой, смертной же казни — совершенно нет. Таким образом, и здесь линия падения наказаний — ясна.

То же мы увидим, *если расмотрим историю наказаний в одном и том же государстве.* В Египте, как было уже указано выше, вначале воровство каралось смертью. Но потом оно постепенно стало заменяться обращением в рабство или же отрезанием уха, носа и т. д.

В Афинах законы Дракона знали только смертную казнь. Но законы Солона допускают убийство вора уже только в случае воровства ночью или днем (когда краденое стоит свыше 50 драхм), в остальных же случаях назначаются денежные штрафы**.

---

* Законы Ману. IX, 772.

** *Du Boys A.* Op. cit., p. 172-176.

В Риме законы XII таблиц допускали еще убийство за furtum manifestum, но в позднейшей системе классического права убийство уже заменяется всецело штрафом — poena quadrupli[47] — плюс возвращение украденной вещи.

То же проявляется и в истории русского права. Вначале была частная месть. Затем наряду со штрафами фигурируют отдача на «поток и разграбление» и смертная казнь (Русская Правда и Псковская судная грамота)*, по Судебникам первая кража влечет наказание кнутом, вторая — смерть, по Уложению — первая кража влечет за собою кнут, тюремное заключение на 2 года и отрезание левого уха, вторая — кнут, тюремное заключение на 4 года и отрезание правого уха, третья — смерть (при разбое за второй разбой — смерть), по воинскому уставу — смерть наступала только в случае четвертой кражи не свыше 20 рублей. Теперь же смертной казни нет, как нет и кнута, отрезания уха и т. д.**

Не приводя дальнейших доказательств, мы думаем, что вышеизложенное дает нам право утверждать, что и на истории наказаний за воровство можно проследить ту же тенденцию падения кар. Хотя с наступлением средних веков наказания за воровство делают огромный прыжок в сравнении с карами Рима, однако и этот факт не будет казаться странным, если мы примем во внимание, что конец античного мира и переход к средним векам был одновременно и падением более высокой культуры и заменой ее культурой варваров и дикарей. Цивилизация социальных групп средневековья, с ее разбросанностью жилых мест, беспрерывными войнами, религиозным фанатизмом, с нашествием варваров и т. д. — была по существу разрушением и падением цивилизации, а не ее подъемом. Отсюда вполне понятно, что и кары должны были сделать соответствующий прыжок вверх и поддерживались долгое время на этой высоте бесконечными войнами, спорами и столкновениями — с одной стороны, и законом общественной инерции — с другой (см. ниже об этом). Но начиная с конца XVII века, линия интенсивности кар быстро и последовательно падает снова, и сказанное позволяет думать, что она с возрастающей быстротой будет стремиться к нулю, если подъем цивилизации, т. е. социальное взаимодействие, почему-либо не остановится.

---

* *Сергеевич В.И.* Op. cit., с. 382, 420-421.

** Ibid., с. 369; *Латкин В.Н.* Учебник ист[ории] русск[ого] права. СПб., 1909, с. 466.

l) Теперь то же кратко сделаем и по отношению к адюльтеру, принимая во внимание сделанные выше оговорки.

Почти во всех примитивных общинах и группах неразрешенные половые сношения влекут за собой смерть для виновников в форме ли мести, или публичного приговора, или изгнания.

Так обстоит дело у краснокожих, аборигенов Индии, в Новой Зеландии, в Полинезии, в Древней Мексике, в Древнем Египте, в Древнем Китае, в Японии, у бедуинов, у арабов, у евреев, в Древнем Вавилоне, в Индии и т. д. У некоторых из них возможны по желанию оскорбленного и композиции (в Индии, у негров Африки, у кабилов и др.)*.

Библия гласит: «Если кто будет прелюбодействовать с женою замужнею; если кто будет прелюбодействовать с женою ближнего своего: да будут преданы смерти и прелюбодей, и прелюбодейка». (То же относится и к половым сношениям с матерью, невесткой, с мужчиной, с матерью и дочерью, со скотиной и т. д.**)

Закон Ману гласит: «Если жена... неверна своему мужу, пусть король бросит ее на съедение собакам на многолюдной площади» и «пусть он присудит любовника к сожжению на раскаленной железной кровати»***.

Закон Хаммурапи гласит: «Если жена человека была схвачена на постели с другим мужчиной — пусть их свяжут вместе и бросят в воду, так как муж не позволит жить своей жене, а король — своему подданному»****.

У арабов обычно полагается смерть. Коран пытается смягчить эту кару, но и то должен допустить в известных случаях смерть.

Аналогичное же мы видим вначале и в Египте, и в Афинах, и в Риме.

---

* См.: *Летурно Ш.* Op. cit., с. 36, 37, 43, 53, 65, 119, 138, 174-175, 251-254, 276, 300 и др.; *La loi de Hammourabi*, § 129, 130.

** Библия. Левит, гл. XX; *Westermarck E.* The origin of the moral ideas, vol. I, p. 189; vol. II, p. 428.

Ковалевский М. Совр[еменный] обычай, т. II, с. 153, 167 и др.; *Makarewicz.* Einführung, S. 153, 195 и др.

«In Samoa and New Guinea murder and adultery are punished capitally, among the mishmis adultery committed against the consent of the husband is punished with death, among the Congo natives the only capital crimes are stated to be those of poisoning and adultery»[48] и т. д. (*Westermarck E.* Op. cit., p. 189; *Post A.* Bausteine, Bd. I, S. 256-269 и сл.).

*** Левит, гл. XX.

**** [Законы] Ману, кн. VIII, 371-372; *La loi de Hammourabi*, § 129.

Вначале в Египте была смерть за адюльтер (сожжение); но потом она постепенно заменилась отрезанием носа (уродование), 100 ударами розг и т. д.* Точно так же в Афинах вначале жена и любовник поступали в полное распоряжение мужа, и муж обязательно должен был изгнать жену. Такую жену каждый афинянин мог «обнажить, разорвать платье, бить и убить». Если же муж не изгонял жену, то он сам нес известное наказание в виде штрафа**. В Риме, по закону XII таблиц, жену, нарушившую долг верности, «cognati necanto uti volent»[49], супруг, заставший жену en flagrant[50], мог убить жену, мог увечить любовника и т. д., pater familias имел права жизни и смерти над виновными. Но затем lex Julia de adulteriis[51] запретил убийство как жены, так и любовника (если последний не раб). Хотя изгнание жены в случае адюльтера осталось, но предыдущие виды наказания были заменены штрафом; Антонин еще более сузил область наказаний, запретив убивать мужу или преследовать по суду жену и любовника, если он сам раньше обвинялся в адюльтере.

Но с падением античного мира и с полным торжеством христианства кары за адюльтер, как и следовало ожидать, снова делают резкий скачок, резко проявившийся в законе Константина***, гласящем: «Sacrilegas nuptias glaudio puniri opportet»[52].

У выступивших в это время на историческую сцену варваров мы видим ту же жестокость кар за адюльтер. Кровную месть и смерть мы находим и в Ирландии, и у кельтов, и у бургундов, и т. д.

Законы баварцев устанавливают кровные деньги в пользу мужа в 160 су. Но в случае en flagrant муж мог безнаказанно убить жену и любовника. То же находим мы и у бургундов. Правда вестготов также разрешает убийство, а в случае неубийства — любовник и его имущество поступают в полное распоряжение оскорбленного мужа; исландские законы узаконяют убийство в случае адюльтера с замужней женщиной, с дочерью, с матерью, с сестрой (adoptive), с приемной дочерью и приемной матерью****.

---

* *Летурно Ш.* Op. cit., с. 138.

** *Du Boys A.* Op. cit., p. 183-184; *Летурно Ш.* Ibid., с. 337-338.

*** *Летурно Ш.* Op. cit., с. 369-371. Вообще в III и IV веках по Р.Х., когда наступило начало падения Римской империи, и в средние века — в эпоху вандализма и мракобесия — линия наказаний поднимается. Почему? — см. ниже.

**** Ibid., с. 412-414.

Наконец, в средние века и в начале новых веков главнейшими видами наказания были: публичная месть, обесчещивание, штрафы и иногда, в особых случаях, — казнь*.

Что касается истории кар за адюльтер у нас в древности, то наблюдения этнографов над обычаями различных мест России, с одной стороны, и исторические свидетельства — с другой (свидетельства смоленских договоров с немцами) говорят, что убийство практиковалось и у нас в древности, наряду с выкупом. Градские законы назначают прелюбодеям наказания болезненные и членовредительные**.

Если теперь сравнить эти наказания с современными уголовными карами за адюльтер, то нет надобности говорить, что последние несравненно мягче и гуманнее. За прелюбодеяние по Уложению 1903 года нет ни смертной казни, ни членовредительных наказаний, а обычный вид наказания — арест, заключение в исправительном доме и церковное покаяние. Только в особо тяжких случаях прелюбодеяние (с ребенком, путем тяжкого насилия и повреждений и т. д.) карается каторгой не свыше десяти лет***.

Из сказанного ясна прослеживаемая нами тенденция... Контраст между древними и современными карами еще более станет велик, если мы примем во внимание интуитивное право современного общества, которое еще более снисходительно смотрит на адюльтер, чем официальное право.

То же можно было бы показать и относительно других преступлений, свойственных различным эпохам и различным народам, например, убийства, государственной измены и т. д.

m) Наконец, если перейти *к истории самих карательных систем, то и она говорит о том же постепенном смягчении и исчезновении кар.* В этом пункте нельзя не согласиться со следующим законом качественной вариации кар, сформулированным Дюркгеймом. «*Наказания, лишающие свободы и только одной свободы на различные периоды в зависимости от тяжести преступлений, стремятся все более и более сделаться нормальным типом репрессии*»****.

---

* *Летурно Ш.* Op. cit., с. 476-478. Два любовника падчериц Филиппа Красивого были наказаны путем сдирания с них (живых) кожи.

** *Сергеевич В.И.* Op. cit., с. 428-436.

*** Уголовное уложение, ст. 513, 529, 408-418.

**** См.: *Durkheim E.* Deux lois de l'énvolution pénale (L'année sociologique. 4-ème année, p. 78).

Древность почти не знала кар, состоящих в лишении свободы. — Правда, и тогда преступника задерживали, но само заключение его не считалось за кару. Это была просто мера превентивная, чтобы не дать возможности преступнику скрыться от наказания*. Такое положение дела объясняется отчасти тем, что в сравнении с другими видами кары — кара, состоящая только в лишении свободы, была слишком слабым страданием; а с другой стороны, тем, что этот вид кар требует и предполагает уже наличие специальных мест заключения, каковых в первое время не имелось. Только уже позже, когда выделилась в обществе крепкая центральная власть и появились дворцы, замки и т. п. места заключения, — этот вид наказания мог упрочиться...

Но если не было этой кары, зато в изобилии были другие, несравненно более жестокие формы наказаний. Всякая жестокость, всякое зверство, какое только можно было выдумать, пускалось в ход. С одной стороны — смертная казнь во всех ее видах и формах, казнь не только виновника, но и его близких. Наряду с ней, всевозможные увечащие и мучительные кары: отрезание уха, носа, половых органов, отсечение руки, ноги, выкалывание глаз, сдирание кожи, причинение ожогов, подставление голого черепа под капли медленно капающей холодной воды, растягивание жил и суставов, дробление костей, «копчение», прокалывание тела, вбивание гвоздей и иголок под ногти и в виде казни: вытягивание кишок, сожжение, разрывание на части, колесование, закапывание живым в землю, сажание на кол, заливание горла раскаленным металлом, свержение со скалы и т. д. и т. д. — одним словом, всякое зверство, какое только мог выдумать ум, пускалось в ход...

Было бы утомительно, да и тяжело описывать историю этих зверств. Кто хочет полюбопытствовать на этот счет, тот немало материала найдет в двухтомной работе Helbing'a**, посвященной как раз истории пыток, мучений и зверств, налагаемых на преступника в различных государствах «с древности и до наших дней».

Мы пропустим изложение этой истории, а возьмем ее окончательные итоги. А эти итоги говорят, что *все виды мучительных, членовредительных и увечащих кар исчезли из обихода карательной практики.* Раньше мысль карателей направлена была всецело

---

* См.: *Фойницкий И.Я.* Учение о наказании, с. 308.

** См.: *Helbing.* Die Tortur (Berlin, Bd. I-II), а по отношению к России недавно вышедшую работу Евреинова «История телесных наказаний в России».

на то, как бы причинить преступнику возможно больше страданий, теперь мысль уголовного законодателя сосредоточена на том, чтобы свести до минимума, до нуля страдательный элемент в каре. Поэтому неудивительно, что почти единственным видом репрессии сделалось лишение свободы. Этот вид кары вытеснил мало-помалу все другие виды наказаний. Раньше он сам по себе даже не считался наказанием. Теперь он нормальный вид кар. Жестокость последних и в этом отношении стремится к нулю*. В настоящее время почти окончательно выветрились и вымирают символические остатки этих позорящих и увечащих кар, как, например, клеймение, «бубновые тузы» и т. п.

Почти единственным видом кар, отличным от лишения свободы, является смертная казнь. Но и она быстро исчезает, и окончательное исчезновение этого зверства есть лишь вопрос времени, и времени очень непродолжительного. В ряде государств (Румыния, Португалия, Голландия, Швейцария, Италия, Норвегия и многие из штатов Америки) она уже отменена законодательным путем. В других государствах она хотя de jure и существует, но de facto давно уже исчезла (в Бельгии, например, последняя казнь была совершена в 1866 году, в Швеции в 1905-м). И в тех государствах, где она существует еще de jure, de facto она также быстро вымирает. Во Франции, например, в 1803 году было 605 казней, в 1814 — 183, в 1816 — 514, в период с 1826 года по 1830-й приходится на каждый год 72 жертвы, затем цифра падает до 31, и с небольшими колебаниями «линия смерти» в 1906 и 1909 годах падает до нуля. Аналогичную же тенденцию обнаруживает «линия смерти» в Германии, в Дании, в Венгрии, в Австрии, в Испании, в Греции, в Сербии и в Финляндии.

Менее определенна тенденция падения лишь в Англии, Болгарии, в Соединенных Штатах и в России. В последней наблюдается громадный скачок вверх за наши революционные годы, скачок, однако, объясняющийся специфическими причинами и нисколько не противоречащий по существу тенденции уничтожения смертной казни**. (См. ниже объяснение этого скачка.) Вымирание ее неизбежно, а поэтому мы остаемся лишь с лишением сво-

---

* К тому же выводу приходит и *Helbing* в своей интересной работе. См.: Bd. II, гл. 15, S. 263-266.

** См. работу *М.Н. Гернета* «Смертная казнь», откуда и беру я эти данные (М., 1913, гл. II и III).

боды как единственным видом наказания. Такая эволюция кар весьма знаменательна и не требует излишних толкований насчет того, подтверждает ли она или нет наш основной тезис.

Но мало того. И сама история тюремного заключения, как особого вида репрессии, для интересующего нас вопроса весьма поучительна. Вначале, если оно и рассматривалась как кара, то лишь потому, что соединено было с рядом других жестоких кар, которые были неразрывны с нею. По законам Ману, тюрьма была лишь местом, в котором демонстрировались ради устрашения преступники. «Царь должен все тюрьмы помещать вблизи большой дороги, — читаем мы там, — где страдающие и обезображенные преступники могут быть видимы»*. Описание тюрем Дагомеи, данное аббатом Лафито, и аналогичные описания тюрем Мексики, Древних Афин, Древней Японии, Швейцарии и других древних народов рисуют нам в ужасных красках картину заключения того времени. Проф. И.Я. Фойницкий сравнительно мягко в таких чертах набрасывает контуры этой картины: «Применяясь как наказание, тюрьма означала мучительное телесное страдание, сопровождалась наложением оков, кандалов, приковыванием к стене и отбывалась в помещениях, наименее удобных для жизни, в сырых подвалах, в погребах и т. п. О заботах санитарных не было и речи; тюремные сидельцы бросались в лучшем случае на солому, которая оставлялась до полного гниения, больные тут же умирали, и трупы их продолжали лежать неубранными долгое время... Словом, на воротах таких тюрем можно было начертать дантовские слова: lasciate ogni speranza, voi ch'entrate»[53] (оставьте всякую надежду те, кто сюда входит)**.

Нужно ли говорить, что современные тюрьмы представляют нечто совсем отличное от этой картины, что в них страдательный элемент доведен до минимума и стремятся его все более и более уменьшить. Этим я отнюдь не хочу сказать, что современное заключение, особенно одиночное, не вызывает страданий и может быть восхваляемо. Нет! Я очень хорошо знаю, как отзывается заключение на заключенных. Достаточно с этой целью прочесть хотя бы «Открытое письмо обществу заключенного за № 1776»***. Но это не мешает мне при сравнении бывшей тюрьмы и современ-

* Законы Ману. 9, 288.

** *Фойницкий И.Я.* Op. cit., с. 308.

*** См.: Современная тюрьма и ее влияние. Пер. под ред. *П.И. Люблинского.*

ной тюрьмы утверждать громадную пропасть между той и другой и несравненно большую гуманность второй. И чем далее, тем более и более это гуманизирование растет. И нет ничего удивительного в том, что в будущем она превратится в пансион для больных членов общества, каковыми уже теперь начинают становиться мало-помалу приюты и колонии для малолетних преступников. Резюмируя кратко эволюцию карательных мер, можно сказать: *от безгранично жестоких и зверских убийств, от мучительно-увечащих кар — к бесстрадательному изолированию от общества и лишению возможности делать преступления* — такова формула этой эволюции.

n) Наконец, и в этой сфере новейшее время выдвинуло ряд новых институтов, наносящих новые удары наказаниям. Я говорю об институтах *«условного осуждения»* и *«досрочного освобождения»*, являющихся новым последовательным шагом в деле уничтожения кар, все более и более стремящихся к нулю. С этой точки зрения значение этих институтов поистине громадно, и при надлежащем их распространении они будут одними из главных могильщиков, закапывающих раз навсегда болезненные способы лечения социальных недугов.

Все эти разряды исторических фактов, число которых можно было бы значительно увеличить, вполне определенно подтверждают выставленные выше положения — о необходимости падения кар, полученные нами дедуктивно. Из приведенного материала видно, что тенденция падения кар, вызываемая улучшением и прогрессом социально полезного поведения — с одной стороны, и ослаблением и падением устойчивости социально вредного поведения — с другой, с ростом цивилизации вообще и цивилизации данного народа в частности проявляется в самых различных видах: 1) в уменьшении давления кар во взаимоотношениях человека к Богу, сопровождающемся одновременно постепенным падением и уничтожением религиозных кар; 2) в переходе от неограниченной мести к талиону, от талиона к композициям и в параллельном процессе постепенного смягчения жестокости кар; 3) в постепенном ограничении сферы лиц, поражаемых наказанием: это ограничение проявляется в уничтожении коллективных наказаний, в виде все большего и большего роста субъективной стороны преступления за счет объективной — что вовне обнару-

живается в росте снисходительности к преступнику, в принятии все большей и большей доли вины на счет общества, среды и наследственности, в расширении круга «невменяемых», в росте поводов для такого невменения и т. д.; 4) в изменении самих мотивов наказания: раньше в основе кары было слепое возмездие или же принцип устрашения, отсюда — жестокость и мучительность кар, увечья и изуродования, пытки на допросах и т. д.; но с ростом цивилизации эти мотивы кар сменяются иными, более гуманными мотивами: целью кар становится не устрашение преступника, не его уничтожение или причинение ему страданий, а предупреждение преступлений, защита общества, исправление и лечение самого преступника; и правосудие играет уже не на эмоции страха, а апеллирует к совести, к чувству собственного человеческого достоинства преступника и т. д.; отсюда — гуманный, не страдательный и не увечащий характер кар. Внешним показателем этого процесса служит факт замены лишением свободы всех других наказаний и гуманизация самого лишения свободы, и нет сомнения, что эта тенденция гуманизации кар все более и более будет расти, что мы и видим в наше время; 5) в росте реститутивного права, как права менее жестокого, за счет права репрессивного; 6) в падении вообще кар, как средств добывания социально полезного поведения, ввиду улучшения психики во всех сферах социальной жизни; 7) в постепенном падении жестокости кар за отдельные преступления, в частности, за адюльтер, воровство и убийство, которое проявляется как en masse, так и частично в истории отдельного народа по мере роста в нем цивилизации; 8) в свободе мысли и слова; 9) в падении кар в сфере ряда социальных отношений, в частности семейственных; 10) в аналогичной же тенденции в сфере договорного права и в ряде других социальных взаимоотношений; 11) в падении подопечности подданных, женщин и т. д.; 12) в институтах «условного осуждения и досрочного освобождения».

Таково свидетельство истории, которое можно подкрепить еще тысячами других фактов. Спрашивается теперь, *можно ли думать, что кары совершенно исчезнут*? Дюркгейм в цитированной статье также ставит этот вопрос и отвечает на него отрицательно. Из того факта, что кары смягчились, нельзя еще думать, что «кары стремятся к нулю». Основанием для такого вывода, по мнению Дюркгейма, является то обстоятельство, что если мораль-

ное сознание и смягчилось, то все же оно не стало тупым, а раз так, то оно всегда будет реагировать на ряд поступков, которые и в будущем будут считаться преступлениями, например, преступления против личности*.

Нетрудно видеть, что этот аргумент весьма слаб. 1) Моральное сознание и теперь квалифицирует не менее отрицательно, чем раньше, ряд актов в качестве преступных, но это не мешало ему до бесконечности смягчить кары. (А по Дюркгейму, такое положение дела необъяснимо.) А раз так, то отчего бы не допустить и впредь дальнейшее смягчение их, смягчение до нуля как предела переменной. 2) Нельзя утверждать, что преступления будут всегда; поскольку исторический процесс показывает постепенное улучшение психики и поведения человека, мы имеем основание думать, что и впредь будет то же самое, а потому — преступления может быть дойдут тоже до минимума, близкого к нулю. Наконец, пусть этого не будет, но преступления должны потерять весь свой «преступный» характер при сознании причинной их необходимости, порожденной самим обществом, а поэтому, возможно, до состояния, близкого к нулю (предел), дойдут и наказания. Это уже отчасти случилось за последнее время.

Мы не беремся пророчествовать, но поскольку история показывает постепенное и все ускоряющееся вымирание карательных актов и улучшение социальной психики и поведения человека, постольку нет никаких оснований утверждать, что это и впредь не будет совершаться. А раз это так, то, очевидно, пределом эволюции, к которому стремится переменная кар, может быть лишь нуль, т. е. исчезновение кар.

III. Тот же вывод даст и обозрение истории *междугрупповых или международных карательных актов*, известных под именем *войны*... Еще Владимир Соловьев в своем «Оправдании добра» говорил, что война нужна была для того, чтобы уничтожить войну, — и он был прав[54]. В pendant к этому можно было бы сказать, что кары нужны были для того, чтобы уничтожить кары... То же самое говорит и Тард. «Как бы ни были жестоки войны, вызванные возникновением регулярных армий, — они составляют все же преимущество сравнительно с бесчисленными кровавыми столкновениями феодальных милиций или первобытных родов... Когда королевская армия заменила в каждом государстве провинци-

* См.: Deux lois... p. 94-95.

альные и феодальные милиции, эта армия считала в своих рядах солдат гораздо меньше, нежели состояло в упомянутых милициях, и вследствие этого столкновения королевских армий порождали гораздо меньше бедствий. Что же касается колоссальных современных армий, то сама колоссальность их предопределяет неизбежность окончательного столкновения, последствием которого явится колоссальное завоевание, всеобъединяющее и всепримиряющее»*. В своих же «Социальных законах» он достаточно убедительно показывает исторический закон постепенного сокращения стадии «противоположения» или борьбы, очевидно, «обреченного к прогрессивному ослаблению и устранению», иначе говоря, — «к своему собственному разрушению»**.

Я, конечно, сознаю, что подобного рода утверждения многим и многим могут показаться чистой утопией, и сознаю, что для того, чтобы показать эту неутопичность, нужны факты и аргументы. Этого сделать я здесь не могу ввиду того, что для этого одного нужно было бы написать целую книгу, и может быть не одну. Но это не мешает мне сказать, что таких фактов имеется во вполне достаточном количестве, они уже собраны рядом ученых, к трудам которых «маловерные» и могут обратиться. Не перечисляя многих работ, я укажу здесь лишь на книгу Ваккаро «Социологические основы права и государства» и на книгу Штейнмеца «Философия войны». Автор последней хотя и держится противоположного взгляда, однако это не мешает ему объективно анализировать явление войны. А в его данных внимательный читатель найдет, быть может, более чем где бы то ни было, аргументов в пользу того положения, что *войны, как междугрупповые преступления-наказания, — вымирают и должны вымереть.*

Обычно, когда говорят о войне и доказывают утопичность пацифистов, указывают, как на основной и решающий аргумент, на то, что, мол, современные войны по количеству своих жертв, по своей кровавости и жестокости несравнимы с былыми войнами. Это мнение опирается на тот факт, что орудия войны теперь несравненно более губительны, чем орудия прошлого времени, когда боролись при помощи мечей, луков и т. п. И действительно, с первого взгляда кажется, что этот аргумент является решающим, что даже наивно было бы сравнивать эти примитивные средства борь-

---

* *Тард Г.* Законы подражания, с. 192-193.

** *Тард Г.* Социальные законы, с. 77-78 и сл.

бы с современными пушками, скорострелами, динамитами и порохом, современные броненосцы и аэропланы — с пирóгами дикарей и маленькие отряды древнего времени — с современными стотысячными армиями. Поэтому кажется, что численность жертв войны теперь бесконечно превосходит численность жертв прошлого.

Однако более внимательное изучение дела далеко не оправдывает такого заключения. Забудем пока о проценте потерь по отношению к населению, а обратим внимание исключительно на абсолютные цифры. А эти цифры говорят, что число жертв войны в XIX-м столетии во всяком случае не больше, а меньше, чем в предыдущие столетия, и что отдельные войны того же XIX-го столетия по числу потерь не представляют чего-то исключительного; напротив, в прошлом нам даны отдельные войны гораздо более кровавые, чем войны XIX века, хотя тогда еще и не знали ни пушек, ни динамита... Приведем факты... Общие потери всей Европы за конец XVII-го и первую половину XIX-го столетия, падающие главным образом на период 1800-1815 годов (наполеоновские войны), исчисляются лучшими статистиками во всяком случае не более 3 000 000 человек (Lagneau, Levasseur, Berndt)*. Период с 1813 года по 1863 год был относительно мирным периодом. Дальнейшие данные таковы: потери всех народов, участвовавших в Крымской войне, исчисляются Левассером в 175 000 убитых и раненых, потери прусских армий в австро-прусской войне 1866 года составляют (по данным Энгеля) 10 887 человек, в Итальянской войне общие потери французов, итальянцев и австрийцев достигают 8 963 убитых и 48 125 раненых (Левассер), общее число убитых франко-прусской войны равно приблизительно 180 000 (40 881 пруссаков и 139 000 французов)**. Фишер исчисляет общие потери русских (убитыми и ранеными) в русско-японской войне в 450 000, потери японцев — в 250 000***. Первые четыре войны, говорит Штейнмец, во второй половине XIX века были наиболее губительными в Европе. Делая известные поправки, он считает общее число потерь (убитыми) за эти четыре войны в 284 721 человека.

---

* См.: *Steinmetz R.* Philosophie des Krieges. 1907, S. 50.

** Ibid., S. 48-49.

*** Ibid., S. 47. Штейнмец вполне правильно говорит, что «здесь раненые не отделены от убитых и мы вообще достоверностью относительно этих чисел не обладаем».

Таковы основные данные за XIX век. Нет сомнения, что они неполны, но все же они дают некоторую почву для сравнения.

Если принять эти данные, то можно сказать, что все европейские войны XIX-го столетия унесли с собой около 3 миллионов жертв.

Спрашивается теперь — даны ли в прошлом хотя бы некоторые войны или столетия, которые могли бы сравниться с войнами XIX века и его общей суммой потерь? Ответ придется дать положительный. Начнем с Древнего Востока. В цитированных выше (в гл. о социальной роли кар и наград) ассирийских памятниках нам рассказывается о том, что Ассурназирапал в Нистуме подверг острию меча 260 000 человек и выстроил из их голов пирамиды, что Тукла Паласcар I победил 20 000 москов и отрубил им головы*. Как видно отсюда, «нистумский подвиг» Ассурназирапала превосходит едва ли не все европейские войны XIX века, отдельно взятые, и почти равняется общему числу убитых в четырех главных войнах второй половины XIX-го столетия. А ведь это только отдельный эпизод из его битв, как отдельным эпизодом является и «подвиг» Паласcара.

Переходя к Древней Европе, здесь мы встречаемся хотя бы с такими цифрами. Осада Сиракуз стоила афинянам 20 000 человек (Белох), в Теламонской битве римляне умертвили около 40 000 кельтов; число италиков, убитых в Ганнибальской войне, по подсчету Моммзена, было не менее 300 000 человек**. По сообщению Плутарха, Цезарь за 10-тилетний период своей Галльской войны уничтожил из трехмиллионного населения Галлии не менее 1 000 000. Из той же истории Рима мы узнаем, что почти поголовно были уничтожены кимвры, тевтоны и самнитяне; а Тит уничтожил до 1 100 000 евреев. Обращаясь к войнам Азии, и в частности к истории Китая, мы встречаемся с еще более поразительными цифрами. Так, например, во время войны Китая с 233 по 263 год население его уменьшилось приблизительно с 50 000 000 до 8 (потеря в 42 000 000); гражданская война в том же Китае, тянувшаяся с 754 по 760 год, уменьшила население его с 45 000 000 до 9 000 000 (потеря в 36 000 000). Борьба Китая с монголами (XIII век) стоила Китаю половины его населения***. При восстании тайпинов ге-

---

* См.: *Vaccaro*. Les Bases, гл. IV.

** *Mommsen Th.* Римская история. 1858, ч. II, с. 186.

*** *Steinmetz R.* Op. cit., S. 60.

нералом Мантчу (Mantschu) Jih в один месяц было умерщвлено до 70 000 восставших, при осаде Нанкина Мантчу потеряли до 60 000 человек в одной битве и т. д. (Spielmann).

Не приводя дальнейших цифр, уже и из сказанного видно, что XIX век вовсе не представляет чего-то исключительного по величине жертв войны. Стоит указать на эти цифры, стоит, далее, вспомнить опустошительные войны Чингисхана, Тамерлана и др., оставлявшие после себя горы трупов, пирамиды черепов и моря крови...

Но ведь это *абсолютные цифры*, сами по себе еще весьма мало говорящие. Подлинную величину потерь и степень жестокости войны дают не эти абсолютные, а лишь *относительные цифры*, а именно число жертв войны, падающее, например, на 1 000 человек населения. Только эти цифры могут быть решающими цифрами. Ведь если на 1 000 человек приходится 10 убийств, а на 20 человек — 8, то было бы наивно думать, что преступность в первом случае стоит выше. Так же и здесь. Если мы примем во внимание количество населения отдельного государства или всей Европы в XIX веке и количество населения в прошлых веках, то *падение губительности и жестокости войны* (или *междугрупповых кар*) — *станет поистине громадным.*

На первых порах «группы человеческие должны быть рассматриваемы в принципе как естественно-враждебные и находящиеся в постоянной войне», по своей жестокости не знающей никаких пределов и границ*. *Здесь война — обычное занятие, и ведется она беспрерывно.* Почти все первобытные народы (за исключением немногих или совершенно изолированно живущих, или абсолютно захудалых) непрерывно сражаются, и убийство чужеземцев для них священный долг. «Wir haben konstatieren können, das die Wilden, wahrscheinlich nach der alleersten Stufe, blutdurstig waren und ihre Kriege in der grausamsten Weise mit ungeheueren Verlusten an Menschen führten»[55], — так резюмирует Штейнмец (как и Ваккаро, Летурно и др.)** свои многочисленные наблюдения над первобытными народами. Хотя здесь группы и немногочисленны — но все они вечно воюют и воюют с весьма и весьма большой жестокостью. *Процент жертв войны здесь должен счи-*

---

* См. подробное фактическое обоснование этих положений у Ваккаро (Les Bases... гл. V-VIII) и у Steinmetz'a (гл. 3).

** *Steinmetz R.* Op. cit., S. 57.

таться близким соотношению 100 на 100. Полное уничтожение врага — вот цель этих войн. Нет пощады никому — ни старикам, ни женщинам, ни детям. Все поголовно уничтожаются или, захваченные, съедаются.

Победа одной группы над другой была равносильна поголовному истреблению побежденной группы. То же встречаем и на первых более высоких ступенях развития. «Я думаю, — говорит Штейнмец, — что мы должны принять вместе с Летурно, что древние израильтяне, как и все народы, стоящие на той же ступени культуры, *ставили целью войны полное уничтожение противника*»*.

И действительно, читая Библию, мы на каждом шагу встречаем положения вроде следующего: «и мы поразили его и сынов его и весь народ его... и *не оставили никого в живых*»**, или... «А Ииуй поставил вне дома восемьдесят человек, и сказал: душа того, у которого спасется кто-либо из людей, которых я отдаю вам в руки, будет вместо души спасшегося... бейте их, чтобы ни один не ушел»***. Так и было сделано. То же читаем в «Илиаде». «Пусть ни единый из них (троянцев) не избегнет гибели мрачной! Все да погибнут от нашей руки! И младенец утробный в лоне у матери — пусть не спасется и этот! Все вместе вне Илиона да сгинут они без следа, без могилы» и т. д.**** Коран повелевает: «Когда встретите неверных — убивайте их!»***** Подобно этому гласит и римский лозунг: «Omnia in victoria lege belli licuerunt»[56].

Итак, вначале мы находим поголовное уничтожение врага (100 на 100, 1 убитый на 1 человека).

Затем идет постепенное падение относительных цифр.

Начинают щадить женщин и детей как слабый и неопасный элемент — с одной стороны, и как средство наслаждения и увеличения населения — с другой. Мужчины же продолжают поголовно избиваться.

Затем и мужчины начинают щадиться: оставляют жизнь наименее опасным и уничтожают вожаков (parcere subjectis et debellare superbos[57]). Постепенно смерть начинает заменяться рабством*****...

---

* *Steinmetz R.* Op. cit., S. 58.

** Второзаконие, гл. 2. См. также: Исход, гл. IV, V и др.

*** 4-я кн. Царств, гл. 10.

**** Илиада, п. VI, ст. 50 и сл.

***** Коран. XLVII, 4.

****** См. подробно у Ваккаро.

Приведу несколько фактов для иллюстрации. Цезарь, уничтоживший 1 миллион из 3 миллионов, — *уничтожил одного из каждых трех человек.* В памятнике Ассурназирапала читаем: «Жители Sygi, восставшие против меня, обнимали мои колена, чтобы спасти свою жизнь. Я убил по *одному* человеку на каждые *два* человека». Война с Сиракузами стоила афинянам 20 000 жертв. А все население Афин не превышало 30 000. Процент павших равен почти 66 (66 на 100). Та же практика существовала и в древних азиатских войнах (Чингисхан и др.), в войнах Рима, Греции, и в войнах, переходных от Древнего Мира к средним векам (Меровингские войны, нашествия викингов и т. д.). «Sie plunderten die Städte, verheerten das Land, verbrannten die Klöster, töten die Männer. In den dürstersten Farben wird der Zustand des französischen Landes im neunten Jahrhundert geschildert, das flache Land war ganz verlassen, weil man nur noch in den befestigten Städten zu wohnen wagte»[58], — так характеризует тот же Штейнмец войны этой эпохи*...

Даже еще в эпоху Ренессанса мы встречаемся с этими зверскими жестокостями. После взятия Пьяченцы Сфорцой его войска бесчинствовали в продолжение 40 дней, пока не уничтожили почти все население; венецианцы после битвы при Cagliari перебили всех генуэзских пленных, испанцы в Америке и в Нидерландах подвизались в этом же роде и т. д.

Я не буду приводить дальнейших иллюстраций.

Сравним теперь с этими цифрами современные относительные потери войны. Потери пруссаков за период войны 1870-1871 годов равняются *одному на тысячу, т. е., по вычислению Штейнмеца, составляют годичный процент, меньший обычного ежегодного колебания смертности в той же Пруссии**. «Теперь, — говорит он, — нормальные колебания смертности вообще больше, чем относительные потери войны».

Нужно ли после этого доказывать падение жестокости и кровавости междугрупповых кар! И чем далее, тем все более и более редкими становятся войны, справедливо утверждают и Штейнмец, и Ваккаро.

«По мере того как человеческие группы расширяются, войны между ними становятся менее частыми... ибо когда группы человеческие малочисленны, то достаточно одного знака начальника, чтобы вся группа взялась за оружие и пошла на неприятеля, от-

* *Steinmetz R.* Op. cit., S. 62-63.

стоящего на несколько километров. Когда же, напротив, эти группы велики и население занимает обширную территорию — то нужно уже больше времени для организации армии», — а потому невозможны и постоянные войны.

«Но рост человеческих агрегатов не только делает *войны более редкими, он уменьшает еще и интенсивность борьбы и величину зла, порождаемого войнами*». Первобытные войны, ввиду того что в них принимает участие вся группа, сплошь и рядом ведут к полному уничтожению группы. Иначе обстоит дело в борьбе крупных агрегатов. Здесь сражается лишь часть населения, а потому поголовного уничтожения никоим образом быть не может. «Как только армия разбита — между победителями и побежденными наступает мир и взаимное приспособление. И теперь целью войны служит уже не уничтожение врага, а лишь его подчинение»*. Что же касается настоящего и будущего войн, то, «*вероятно, война будет рассматриваться как преступление, оскорбляющее человечество*»**. Таковы выводы Ваккаро, обоснованные на историческом материале. Нужно ли говорить, что дело обстоит именно так, а не иначе. Вся деятельность дипломатии, при всех ее отрицательных сторонах, разве не является деятельностью, преследующей задачу сохранения мира? Разве такие институты, возникшие в наши дни, как Гаагская конференция, Межпарламентский союз мира, и ряд аналогичных институтов, имеющихся в каждой стране и преследующих ту же цель сохранения мира, — разве (помимо всего) все это не реализация вышеприведенных положений?

Разве не факт — удивительный рост пацифистских настроений и столь же быстрый рост враждебности к войне? Разве для громадной части человечества уже теперь война не является отрицательным и недопустимым явлением? Разве мы не являемся ежедневными свидетелями всевозможнейших митингов протеста против войны? Разве нет международного права уже и теперь, до известной степени, ограничивающего произвол и жестокость войны? Разве демократия не считает одним из своих основных положений и задач уничтожение войны и сохранение братства народов?

---

* *Steinmetz R.* Op. cit., S. 62-63.

** *Vaccaro.* Op. cit., p. 178-191 и сл.

Все это факты, и потому они имеют значение. Если взять их в их совокупности, то они являются достаточно веским показателем того, куда идет история и какие судьбы ожидают войну*.

Правда, тот же Штейнмец, работой которого мы пользовались, думает, что войны не исчезнут. Но насколько хорошо обоснованы его другие выводы, настолько плохо аргументирован этот. Основной его аргумент заключается в том, что исчезновение войн

---

* Та же тенденция исчезновения междугрупповых кар проявляется и в ряде других фактов:

a) Если сравнить *состав войска и отношение военной части группы к невоенной* в древних и современных обществах, то итог этого сравнения таков: в первобытных обществах войско составляется из всей группы и процент военной части группы равен 100. Затем постепенно из войска исключаются женщины, дети и рабы; входят в него только мужчины, затем только мужчины-собственники (Египет, Греция, Рим, тевтоны, древние англичане при Вильгельме Завоевателе и т. д.), затем не все мужчины-собственники, а только часть мужского населения определенного возраста, составляющая совершенно ничтожный процент по отношению ко всему населению государства. Короче говоря, тенденция здесь такова, что процент военной части, будучи вначале равным 100 на 100, стремится в дальнейшем к нулю. И теперь уже он ничтожен.

b) Если далее сравнить продолжительность *времени* военной службы, падавшего на каждого члена группы, то и здесь результат сравнения весьма убедителен. В древности «воинская служба» была *пожизненной*. Каждый член группы должен был каждую минуту быть готовым либо к защите, либо к нападению. В дальнейшем *время* службы различными путями ограничивается: во время посева и жатвы необязательна воинская служба, у свевов и англичан при Альфреде Великом вводятся две перемены: пока одна часть несет воинскую повинность, другая свободна, пожизненная служба ограничивается определенным числом годов (в Риме, например, временем от 17 до 65 лет); затем это число все более и более уменьшается. Теперь, как известно, фактически продолжительность сводится к 2-3 годам, а в странах вроде Швейцарии — она близка к нулю. Таким образом, тенденция продолжительности воинской службы может быть резюмирована в выражении: *от пожизненной службы к 2-3-годичной, от 2-3-годичной — к нулевой.*

c) Уже Спенсер прекрасно подметил, что весь уклад древних обществ представляет *военный* уклад. Эволюция общественной организации является не чем иным, как постепенным уничтожением военной организации и переходом к организации невоенной. Эта тенденция опять-таки неоспорима и подтверждается тысячами фактов, одним из которых является факт постоянного роста гражданской власти за счет военной. В древности обществом правили военачальники и войско, теперь их роль ничтожна. И чем культурнее страна, тем меньшее значение имеют в ней военные власти и военные законы. «Военные положения» и передача власти в руки военачальников в таких странах основными законами исключаются или сводятся к минимуму (Швейцария, Англия, [Соединенные] Штаты Америки и т. д.). А эти факты сами за себя говорят для того, кто умеет видеть и слышать.

См. подробнее: *Спенсер Г.* Осн[ования] соц[иологии], т. II, § 458-463, гл. VI, XII, XVII и XVIII.

возможно было бы лишь при слиянии большей части человечества в одно государственное целое. Но это ведь «глупая мечта коммунистов — сорганизовать в одно целое все человечество, 1 600 000 000 душ»!* Мне думается, однако, что если бы даже так и было, то нет ничего невероятного в этом, ибо переход от групп в 40 человек до групп в 200 000 000 человек, совершенный диким человечеством, во всяком случае не меньший шаг, чем переход от 200 000 000 человек к обществу в 1 600 000 000 душ. В первом случае увеличение количества членов организованной группы произошло в *500 000 раз, во втором — только в 8 раз.* Задача для современного человечества в сравнении с тем, что сделали предыдущие, более невежественные поколения, бесконечно более легкая. Поэтому, пожалуй, эту мечту не только коммунистов, но и некоммунистов, не следовало бы называть dumme Traum![59].

Вспомогательным аргументом для Штейнмеца служит следующее: окончательное исчезновение войны, кроме того, предполагает исчезновение «воинского духа», исчезновение удовольствия риска (Wagelust), жестокости (Grausamkeit) и отваги (Mut). Но ни один из этих элементов, по мнению Штейнмеца, не исчезает, а потому хотя войны будут и более редкими, менее жестокими и кровавыми — но они все же будут**. Странная аргументация! Что касается улучшения психики и падения жестокости войн, то сам же Штейнмец показал это недурно, — она, по его же предыдущим словам, исчезает. Ну а исчезновение Wagelust и Mut вовсе не нужно. Будто эти чувства не могут найти приложение вне войны? Будто храбр и отважен только тот, кто умеет резать и убивать людей? Будто и теперь рисковать можно только на войнах и титул храбреца получить только на войне? Странная, детски наивная аргументация!

Ввиду этого, мы позволяем себе думать, прочно стоя на данных истории, что не мечты пацифистов, которых он (не исключая и Гаагской конференции) называет dumme Traum, есть утопия, а, напротив, мечты противоположные.

«Междугрупповая борьба, вражда, война, порабощения, угнетения, эксплуатация и проч. исчезнут с лица земли, оставив только печальную память былого варварства, групповых эгоизмов,

---

* *Steinmetz R.* Op. cit., S. 331.

** Ibid., S. 294-233.

злостности, жестокости и т. д.», — совершенно верно утверждает Л.И. Петражицкий*.

В прошлом, при грубости моральной психики и при неприспособленности людей к широким социальным агрегатам — войны были неизбежны и, если угодно, даже разумны. По мере того как развивается социальность, они становятся все менее и менее нужными, и нет сомнения, что рано или поздно исчезнет и этот вид междугрупповой кары. И здесь будет достигнуто необходимое приспособление, и будут выработаны соответствующие шаблоны поведения, которые сделают ненужными войны и кровавые схватки.

Таким образом, как бы зигзагообразна ни была история кар, как внутригрупповых, так и междугрупповых, — она все же не есть «шаг на месте» и не случайное скрещение расходящихся линий, а под пестрым кружевом конкретности она с достаточной резкостью обнаруживает падение кар как по интенсивности, так и по количеству караемых лиц. Если мы теперь не крадем, не убиваем и не насилуем других, то не потому, что эти поступки караются, а потому, что свойственная нам психика отвергает эти акты как акты ей несвойственные, органически противные, отвратительные и т. д. Для значительного числа лиц в каждом цивилизованном обществе уже и в наше время уголовный кодекс если не весь, то в огромной своей части — излишен и не нужен, ибо те социально вредные акты, за которые кодекс назначает те или иные наказания, для этой части невозможны органически; как желудок выбрасывает обратно вредную пищу, так же и психика этих лиц импульсивно отвергает их; не только совершение, но и мысль о совершении вызывает в них акты отвращения. Для таких лиц — кары излишни. Они и без кар их не совершат. А история ведет неизбежно к увеличению таких лиц в обществе, а тем самым ко все большему и большему падению кар.

§ 4. Историческая тенденция падения наград

Теперь ту же тенденцию проследим и в области наградных актов. Де-Грассери, коснувшись мельком вопроса о наградном или

---

* *Петражицкий Л.И.* К вопросу о социальном идеале (Юрид[ический] вестн[ик]. 1913, кн. II, с. 34).

«премиальном» праве, думает, что карательное право должно постепенно падать, а наградное все более и более расти.

«Пенальное право, — говорит он, — будет уменьшаться, а премиальное право — расти, второе может даже целиком заместить первое»*.

Я не думаю, чтобы это было так, и в частности, вот почему. Если бы, действительно, акты кар стали падать (а это верно), а акты награды стали расти — то, по существу дела, никакого значительного изменения не произошло бы: рост наград означал бы тот же рост кар, но выраженный не прямо, а косвенно.

Представим себе класс учеников. Если я даю выговор Петрову, то этот выговор может считаться наказанием лишь тогда, когда (в данном ли классе или в других школах) имеются налицо ученики, не получившие выговора... Сравнивая положение первого и остальных, мы создаем представление о данном выговоре как о каре. Если же абсолютно все ученики получили бы выговор — то этот акт не считался бы за кару, а просто за нововведение или новый закон. Подобно этому, те явления или акты, которые свойственны всем людям, например смерть, — не являются наказанием. Чтобы акт естественной смерти мог быть наказанием, необходимо существование категории бессмертных людей. В этом случае, противопоставляя первых вторым и причисляя к категории первых какого-нибудь Иванова, — мы можем говорить о смерти как о наказании. То же и в других случаях. Если бы все граждане России должны были просидеть 10 лет в крепости и обязательно отбыть эту повинность, то никому бы и в голову не пришло считать 10-тилетнее заключение за акт кары. Из этих примеров видно, что наказание предполагает (выражаясь образно) *различие уровней*. Если уровни жизни всех членов общества одинаковы, то как бы низок ни был этот общий уровень, как бы мучительна и страдательна ни была жизнь — ни один из этих мучительных актов жизни не может фигурировать в качестве наказания**. Тот или иной акт делается наказанием лишь тогда, когда он вводит разницу уровней или, точнее, низводит индивида (преступника) ниже нормального в данной группе уровня.

---

* *De-Grasserie R.* Des principes sociologiques de la criminologie. Paris, 1901, p. 28-32.

** Возьмем, например, группы, где было в обычае убийство стариков. Так как это убийство было нормой, т. е. участью каждого старика, то понятно, что ни члены группы, ни сами убиваемые не считали эту жестокую меру наказанием.

Отсюда следует, что всякая кара может быть только при разнице уровней, и чем многочисленнее эта пирамида уровней и чем резче они отличаются друг от друга — тем сложнее, богаче и интенсивнее кары.

Эту разницу уровней можно создать двояко: 1) низвести определенную часть данной социальной группы ниже нормального уровня (наказание низводимой части) и 2) возвести определенную часть выше нормального уровня. В этом случае имеем награду для возводимых и прямой кары нет ни для кого. Но стоит вдуматься немного в это явление, и тогда нетрудно видеть, что та часть группы, которая осталась на прежнем уровне, — по существу — подвергнута каре, но каре не путем низведения ее на уровень, лежащий ниже нормы, а путем возвышения другой части на уровень, лежащий выше нормы. Еще Гёте заметил эту обратимость награды в наказание, говоря:

Чтобы честь другим воздать,
Себя должны мы развенчать...

И ряд социальных институтов, в частности, наш институт «местничества»[60] великолепно подтверждают сказанное.

Бояре видели кару и бесчестие для себя не только в акте прямого низведения их с высшего места на низшее, но и в акте возведения других в положение, одинаковое с ними или же в положение высшее. Если возводимый был почему-либо «не в версту» такому боярину, то сидеть с ним на одинаковом месте было бесчестием и принималось за наказание, как еще большим наказанием считалось возведение пожалованного на более высокое место.

То же можно видеть и в ряде ежедневных фактов социальной жизни. Всегда и везде кары и награды предполагают неодинаковость уровней. Как бы эта неодинаковость уровней ни создавалась — путем ли понижения одних ниже нормы (прямая кара для понижаемых и косвенная награда для части, оставшейся на прежнем уровне) или путем повышения части группы выше нормы (прямая награда для повышаемых и косвенная кара для оставляемых на прежнем уровне) — раз она есть — то всегда есть налицо и кары, и награды.

Между этими двумя случаями различие только то, что в первом случае — вся *группа абсолютно понижается*, во втором — *абсолютно повышается*. Но так как абсолютных уровней нет, то важ-

ны только относительные уровни, т. е. те уровни, которые налицо в данной группе и которые можно сравнить между собою... Если дифференциация уровней есть и продолжает развиваться дальше — значит есть всегда и караемые, и награждаемые, а тем самым и кары и награды, хотя бы эта градация и создавалась путем возвышения над нормой, т. е. путем прямых наград. Поэтому нельзя в этом случае говорить о падении кар, как это делает Грассери.

Если он утверждает, что кары падают, то он должен утверждать, что и награды падают: их параллельный ход неизбежен. Утверждая же, что награды все более и более растут, что в будущем они должны целиком уничтожить кары, — он впадает в глубокую ошибку, ибо раз есть награждаемые, тем самым даны и караемые (те, кто не награждается), раз есть награда — тем самым дана и кара. Великий Гёте в своем афоризме был проницательнее Грассери.

Ввиду сказанного мы не можем пойти вместе с Грассери. Если верна тенденция падения кар, то eo ipso следует, что и награды должны постепенно падать. Если же награды растут, то значит, и кары должны расти. Выше мы видели, что кары с развитием исторического процесса падают, покажем теперь кратко, что такова же и историческая тенденция наград...

И в этом параграфе я буду указывать только общие штрихи, отсылая читателя к различным работам, где он найдет подтверждение и фактическое обоснование сказанного.

А) Возьмем опять для начала взаимоотношения Бога и человека в примитивных и развитых обществах. Вначале опять перед нами налицо чисто «торгашеские» отношения Бога и человека. Взаимной гармонии между ними нет; все отношение, по верному замечанию Барта и Мензиса, характеризуется словами: «do, ut des»[61]. «Вот тебе масло, пошли нам коров»*. И в качестве награды богам давалось все, что только первобытный человек мог дать, вплоть до многочисленных человеческих жертв. Последние, как известно, свойственны большинству первоначальных крупных религиозных систем. О человеческих жертвах очень много говорится и в Ведах, они даны в религии ассиро-вавилонян, пережитки их даны в «Авесте», в Библии, они же даны в Коране (война с иноверными во имя Бога)... Они даны у греков в виде человеческих

* *Барт А.* Религии Индии, с. 32; *Мензис А.* История религии, с. 49.

жертв во славу умерших и т. д. Эта же человеческая жертва выступает в распространенном в древности обычае умерщвления рабов, жен, пленных и просто свободных людей на могиле умершего предка, в греко-римском институте весталок, обычая посвящения Богу людей, целых городов, в средневековых кострах, религиозных войнах и т. д.

«Человеческие жертвоприношения умершим встречаются в более или менее отдаленном прошлом почти повсеместно», — говорит Харузин*.

Помимо людей, в качестве наград богам служили различные предметы обихода (орудия, украшения, вино, табак и т. д.), скот и вообще те или иные ценности.

С совершенствованием религиозных верований происходит постепенное падение наград. Человеческие жертвоприношения мало-помалу исчезают. Главнейшие способы, посредством которых совершалось это падение человеческих жертв, таковы: 1) «Жертва не убивается, но над ней проделывается ряд приемов, рисующих действительное жертвоприношение. 2) Человеческая жертва заменяется изображением. 3) Лицам, которые должны были бы быть принесенными в жертву, предписываются известные обряды, выражающие желание их следовать за покойником». Параллельно с этим, по словам того же Харузина, «приемы культа» (вообще) изменяются в двух направлениях: «1) жертвоприношения делаются менее обильными, 2) реальная жертва заменяется символической»**.

То же говорит и Тейлор. Жертва-«дар», по его мнению, постепенно переходит в простые знаки почитания. «В истории жертвоприношений мы видим, что многие народы додумались до мысли, что можно сократить издержки на жертвы, не вредя их действительности». Это сокращение жертвы происходило путем: a) принесения части вместо целого: вместо целого человека или животного приносилась часть, например, ноготь и многое другое (в «Авесте», например, приносится глаз), b) принесения вместо ценной жизни — другой, менее ценной (сына, раба, животного, изображения), c) путем подражания действительному жертвоприношению, путем символизации и т. д.***

---

* См. относящиеся сюда факты у *Харузина* (с. 271, гл. XI, XII, XIII), у *Тейлора, Летурно, Фрэзера, Кунова* (Ursprung der Religion und des Gottesglaubens. 1913, гл. VII) и т. д.

** *Харузин Н.Н.* Этнография, т. IV, с. 279, 265 и др.

*** *Тейлор Э.* Op. cit., т. II, с. 245 и сл.

Сказанное относится как к человеческим жертвам-наградам, так и ко всем другим видам жертв-наград. Этот процесс падения их можно обнаружить не только при сравнении разнородных религий, но и в позднейших наслоениях одной и той же религиозной концепции. В Библии, например, существование вначале человеческих жертв несомненно (см., например, Левит, вся гл. 27), но сказание об Аврааме и Исааке уже может служить примером символического принесения человека в награду Богу. (Здесь только уже воспроизведение действий жертвоприношения.) У пророков же налицо уже реакция против жертв — наград Богу, состоящих из скота. «К чему Мне множество жертв ваших? — говорит Господь (у Исайи). — Я пресыщен всесожжениями овнов и туком откормленного скота, и крови тельцов, и агнцев, и козлов не хочу... Не носите больше даров тщетных; курение отвратительно для Меня, новомесячий и суббот, праздничных собраний не могу терпеть: беззаконие — и празднование» и т. д.*

Если старые религии «крестили огнем и водою», то новые религии действительно крестят духом. Раньше не важно было внутреннее настроение обращающегося к Богу. Достаточно было принести определенное количество жертв-наград, и Бог был подкуплен, достаточно было произнести и проделать ряд обрядов — и цель была достигнута. Если же она почему-либо не достигалась — то иногда кары падали и на божество. Иначе обстоит дело в более высоких религиях, например, в христианстве. Стоит вспомнить изречение Христа: «Если ты принесешь дар твой к жертвеннику... оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди, прежде примирись с братом твоим, и тогда прийди и принеси дар твой»**, Его сказание о лепте вдовы и т. п. — чтобы ясно видеть, что награды, культ и т. д. здесь уже не имеют почти никакого значения, а главное значение получает внутренняя гармония человека с божеством***.

Внешним показателем этой исторической тенденции служит постепенное падение культа, обрядов и связанных с ними жертв божеству по мере совершенствования религиозной концепции. В этом смысле можно считать правильной популярную триаду: религии Отца, Сына и Духа. Религия Духа — есть религия без куль-

* Книга пророка Исайи, гл. I.

** От Матфея, гл. 5.

*** Особенно характерны в этом отношении «послания» Иоанна Богослова.

та, без карательно-наградных отношений с божеством — религия полной внутренней гармонии и единства человека с Богом. И такие религиозные концепции — как миропонимание Л.Н. Толстого, где Бог и человек едины, где нет ни культа, ни молитв, ни кар, ни наград, — вполне логическое завершение многовекового исторического развития...

Чем больше гармонии между человеком и его Богом, тем меньше карательно-наградных санкций; чем дисгармоничнее их отношения — тем большее значение получают кары и награды*...

«Должное» поведение обеих сторон, раньше возможное только путем давления кар и наград, постепенно входит в «привычку», приобретает характер самоценности и начинает соблюдаться само собой, без всякого давления наградной санкции.

В) Теперь постараемся кратко проследить ту же историческую тенденцию падения наград и в области междучеловеческих отношений.

На низших ступенях награды не ограничены во всех отношениях: a) не ограничены по интенсивности, b) по количеству награждаемых лиц и c) не ограничены во времени... Но с ходом социального процесса происходит постепенное ограничение их во всех этих отношениях, т. е. наградные акты становятся все менее и менее интенсивными, падают на меньшее и меньшее число лиц, и, наконец, все более и более ограничиваются во времени. В каком смысле я употребляю эти термины, выяснится сейчас...

Для ясности будем иметь пока дело только с «предметными» наградными актами. Интенсивная неограниченность награды заключается в том, что предметным дополнением наградного акта может быть все, что угодно; говоря короче, в древности в качестве наград фигурировал любой предмет и любой акт. С ростом социального взаимодействия этот круг предметных дополнений наградного акта все более и более ограничивается. Мало-помалу выступают такие «предметы», которые наградами быть не могут, — не потому, что они потеряли свою ценность, но потому, что для мотивационного влияния на поведение индивида... достаточны другие, более легкие (менее интенсивные) награды. Действительно, в древности мы видим, что в качестве предметов-наград употребляется все, что только можно употребить. Не говоря уже о та-

---

* См.: *Гюйо М.* Иррелигиозность будущего, гл. III и passim; *Cosentini Fr.* Sociologia. Torino, 1912, capo V.

ких предметах, как предметы обихода, оружие, утварь, шкуры, скот, деньги, земля и проч., здесь мы видим, что в качестве предметов-наград постоянно фигурируют люди, и притом не в единственном числе, а во множественном. Стоит вспомнить всевозможные случаи «выдачи головою», награждения кем-нибудь кого-нибудь посредством передачи последнему множества людей, с которыми он мог делать все, что угодно, — и сказанное само собой становится ясным.

Здесь нет никаких границ. С полученной наградой — человеком или группою людей — награжденный мог делать все, что ему заблагорассудится: мог съесть ее и действительно съедал (антропофагия, столь распространенная у диких племен); мог истязать ее и наслаждаться страданиями; мог изнасиловать, если предметом награды была женщина; мог просто, ради удовольствия, убивать и сажать на кол; мог, наконец, заставить его работать на себя, в качестве скотины (рабство, крепостничество и т. д.).

Как видно из сказанного, награды действительно были не ограничены по интенсивности. Ввиду «жесткости» и устойчивости шаблонов поведения требовалось громадное давление на них, что и вызвало необходимость неограниченных наград. *Антропофагия и прямое уничтожение врагов, рабство, колонат, крепостничество* — таковы институты, выразившие вовне эту неограниченность наград. Не только имущество, но и сам человек делался простой *res*[62], с которой награжденный мог делать все, что ему угодно. При всем желании видеть здесь границу или предел — я его не нахожу... Всякий ценный предмет может быть наградой, и с каждым из них можно делать все, что угодно. Не восходя к отдаленной древности, стоит взять из древних художественных и религиозных памятников несколько мест, чтобы убедиться в сказанном. Беру одно из многочисленных мест Библии. Для того чтобы добиться от своего народа «должного» поведения, Иегова не просто говорит: «ты должен», а непременно с обещанием бесконечных выгод за исполнение «долга». «Итак, соблюдай заповеди, и постановления, и законы, которые сегодня заповедую тебе исполнять. И если вы будете слушать законы сии... то... истребишь *все народы*, которых Господь, Бог твой, *дает тебе* и не пощадит их глаз твой». «И будет Господь, Бог твой, изгонять пред тобою народы сии мало-помалу; не можешь ты истребить их скоро, чтобы (земля не сделалась пуста) и не умножились против тебя полевые зве-

ри. Но предаст их тебе Господь, Бог твой, и приведет их в великое смятение, так что они погибнут. И предаст царей их в руки твои, и ты истребишь имя их из поднебесной». Вместе с этим Израиль получит землю, «с большими и хорошими городами, которых ты (Израиль) не строил, и с домами, наполненными всяким добром, которых ты не наполнял, и с колодезями, высеченными из камня, которых ты не высекал, с виноградниками и маслинами, которых ты не садил, и будешь есть и насыщать»*.

Из этих отрывков видно, что здесь предметом награды служат и люди, и их близкие, и их имущество. Награждаемый может наслаждаться их уничтожением, овладеть их «благами»; мало того, в качестве награды идут даже страдания и мучения этих народов. «И шершней нашлет Господь Бог на них, доколе не погибнут оставшиеся и скрывшиеся от лица твоего», — добавляет Иегова**...

В Ведах, в Коране, в «Илиаде» мы видим то же самое. Человек со всем своим имуществом и здесь является в качестве предмета награды, с которым награждаемый может поступать по полной своей воле, требовать от него совершения чего угодно, воздержания и терпения — какого он хочет, вплоть до убийства и истязания его... Не находя нужным распространяться подробнее об этих общеизвестных вещах — я ограничусь сказанным, подчеркнув еще раз то, что убийство врагов и людоедство, рабство и крепостничество — прямое подтверждение интенсивной неограниченности «предметных» наград.

Эта неограниченность наград еще более резко выделяется, если принять во внимание то обстоятельство, что человек служил наградой не только в единственном, но и *во множественном числе*... Уже из приведенного примера Библии видно, что целые народы с их женами, детьми, правительством, страною и со всем имуществом были предметными дополнениями наград. И все первобытные войны, в которых народ-победитель присваивал себе как собственность побежденную группу, — служат свидетельством этой неограниченности награды. Побежденные, взятые в плен, переходили в полное распоряжение победителя, для которого по отношению к ним не существовало никаких обязательств. На этой почве, как я уже указал, и выросли институты людоедства, раб-

* Второзаконие, гл. 7, ст. 11-25; гл. 6, ст. 10-11, см. также: гл. 4, 5, 30, 28, 11; Числа, гл. 31 и др.

** Второзаконие, гл. 7, ст. 20.

ства и крепостничества... И практика правителей, и членов групп, и государств, не вышедших еще из этой стадии, дает бесчисленные факты дарения за особые услуги, продажи и т. д. целых масс рабов и их присных. Стоит вспомнить обычаи присваивания себе побежденных врагов, их уничтожения в «честь» и «во славу» какого-нибудь героя или царька, римские триумфы, где победитель, помимо других почестей, получал право жизни и смерти над множеством людей, существовавший повсюду обычай дарения услужнику целых сел, деревень, городов с их населением, безграничную власть примитивных царьков, по капризу убивавших сотни своих подданных (вроде кафрского Мосселикатси); прибавьте к этому обычай вождей в древности и в средние века предоставлять солдатам в виде награды завоеванные ими страны и города со всем их населением, вандализм, расцветавший на этой почве, и ряд других фактов — и интенсивная неограниченность наград станет ясной.

Итак, из этого краткого перечня фактов неоспоримо вытекает заключение, что в древности награды были абсолютно неограниченны по своей интенсивности. Все, что только могло быть ценным в сознании людей того времени, — все это шло в качестве предметного дополнения наградного акта.

Но мало этого, та же неограниченность проявляется и в иной форме. Подобно тому как в области первобытных кар мы видели коллективную кару, налагаемую не только на виновника, но и на его присных и потомков, не принимавших, с нашей точки зрения, никакого участия в преступлении, так же и здесь награждается не только виновник услуги, но благодаря ему и лица, с нашей точки зрения, совершенно непричастные к подвигу; такими лицами обычно являются близкие к услужнику «присные» (члены семьи, рода, племени, города, государства и т. д.) или его потомки. Все «блага», получаемые услужником в качестве награды, распространяются и на этих присных. В итоге получается неограниченность награды «в пространстве и во времени». Раскройте Библию, и вы видите там, что и Иегова награждает милостью не только «услужника» Ноя, Авраама, Иакова и т. д. — но и все их потомство. Обычная формула гласит: «Дам тебе и потомкам твоим после тебя землю, на которой ты странствуешь, всю землю Ханаанскую, во владение вечное»*. «Я Господь, Бог твой... Творящий ми-

* Бытие, гл. 17, ст. 7-8, гл. 22, 26, 28, 35.

лость до тысячи родов любящих Меня»*. В Библии даже подчеркивается, что награда потомкам дается не потому, что они ее заслуживают, а лишь потому, что она была дана действительным услужникам без ограничения во времени: сами же потомки не только не заслуживают награды, но наоборот, — заслуживают наказание. «Не за праведность твою и не за правоту сердца твоего идешь ты наследовать землю их (других народов), — обращается Иегова к этим потомкам, — но... дабы исполнить слово, которым клялся Господь отцам твоим Аврааму, Исааку и Иакову. Посему знай (ныне), что не за праведность твою Господь, Бог твой, дает тебе овладеть сею доброю землею, ибо ты народ жестоковыйный»**.

Древность, по существу, индивидуальной награды не знает. Подвиг члена группы — здесь подвиг всей группы; слава члена рода — слава всего рода; слава члена города — слава всего города***.

Этим фактом объясняется то широко распространенное в древности явление, что честь человека зависит от чести его группы или рода. Слава, полученная каким-нибудь родоначальником, не ограничивалась его собственной славой, но неизбежно распространялась на всех его «сочленов» и переходила за пределы его времени — к будущему потомству. Отсюда понятно, что в древности всюду (см., например, в «Илиаде») честь человека — определяется честью его рода. «Справедливо указывали, — говорит Зиммель, — что... у греков, у римлян, у германцев знатное происхождение имело цену, далеко превосходившую реальную силу и значение личности. Благородное происхождение, ряд предков, ведущий свое начало от богов, является едва ли не высшим из всего того, что воспевает греческий поэт; у римлян несвободное происхождение налагало на человека несмываемое пятно, а у германцев различие в происхождении было основанием для глубокого правового неравенства»****. На этой именно почве, как увидим подробнее ниже, возникли и держались такие институты, как *касты, свойственные древности и являющиеся не чем иным, как внешними проявлениями этой неограниченности наград во времени. Принцип наследственности социальных привилегий, принцип, опять-таки свойственный «старому порядку»* (наследственная аристократия,

---

* Исход, гл. 20, 23, 34; Второзаконие, гл. 7.

** Второзаконие, гл. 9.

*** Вспомните спор греческих городов о том, кому из них принадлежит честь назвать своим одного из семи греческих философов.

**** *Зиммель Г.* Социальная дифференциация, с. 42-43.

наследственные социальные привилегии и т. д.), более общее явление данного же порядка — неограниченности наград во времени и пространстве.

Их существование — проявление данного же принципа.

Итак, сказанное позволительно резюмировать следующим образом: *в древности награды, подобно карам, были не ограничены во всех отношениях: 1) и по своей интенсивности* — все могло быть и было наградой, вплоть до людей и их благ. Это видно из институтов людоедства и рабства, в которых человек был простой «res», *2) и по своей протенсивности* — награждается не только сам «услужник», но и его «присные», *3) и по времени* — за услугу награда следует не только услужнику, но и его потомству. Это обнаруживается в кастовом устройстве древнего общества, в наследственности социального положения и вообще в общественном (но не техническом) разделении труда. Таковы общие штрихи неограниченности наград в древности*.

Теперь посмотрим, какова была дальнейшая судьба их.

Исторический процесс показывает, что рост социального взаимодействия, выражающийся вовне в виде расширения социальных кругов и усложнения социальных отношений, сопровождается и параллельным процессом падения наград как по интенсивности, так и по их протенсивности. *Ограничение и падение интенсивности наград выражается прежде всего в том, что человек мало-помалу перестает быть «предметом» наградного акта. Смена антропофагии рабством, рабства — крепостничеством, крепостничества — падением сословий и свободным человеком* — ясно говорит о постепенной тенденции исключения человека из «предметов» награды, а тем самым — тенденции ограничения содержания последней. Действительно, антропофагия означает абсолютную неограниченность в эксплуатации и в распоряжении человека человеком. Здесь правилом служит то, что для рабства является уже исключением, — а именно — право отнятия жизни и фактическое убийство ради удовлетворения своих аппетитов.

Замена этого института рабством, при котором отнятие жизни становится уже исключением — громадный шаг вперед. Хотя раб, говорят, был и res, а не persona[63], хотя dominus имел над ним

* То же явление проявляется и в древних сказках, где очень часты такие обращения к услужникам: «проси себе, чего ты хочешь», «проси себе, какую хочешь награду».

de jure vitae necisque — но лишение жизни раба фактически сделалось уже исключением из общего правила. Это означает, что когда человек при рабстве передавался кому-нибудь в качестве награды — то услужник получал над ним фактически уже не полную власть, а власть использовать его силы, но не распоряжаться его жизнью в силу простого каприза... Таков первый этап ограничения. Если теперь остановимся на эволюции рабства — то и здесь история его показывает ту же тенденцию. Вначале права господина над рабом совершенно не ограничены, он может делать с ним все, что ему угодно. Но затем, мало-помалу, появляется ряд ограничений прав господина.

Так, например, в Риме lex Petronia[64] воспретил отдавать рабов ad bestias depugnandas, Адриан подчиняет контролю судов право приведения в исполнение jus vitae ac necis господина, Антонин Пий дает рабам право жаловаться на жестокость и злоупотребления господ; наряду с этим постепенно увеличивается число случаев освобождения раба помимо воли господина; таковы случаи освобождения императорской эпохи: a) ex edicto Claudiano[65], b) освобождение в награду за открытие убийцы господина, c) вступление в монастырь или в духовный сан и d) двадцатилетняя давность пользования свободою bona fide[66]. «Внешнее положение рабов постоянно улучшалось, — говорит Э. Мейер, — законодательство берет раба под свою защиту и старается оградить его от наиболее крайних насилий и злоупотреблений. Правда, оно не могло даровать ему самостоятельного права существования. Но фактические условия уже давно далеко опередили положение закона. Установившийся обычай признает за рабом право приобретать собственность (peculium), которая уважается его господином и при посредстве которой он может откупиться на свободу. Если не юридически, то фактически получают признание и брачные отношения рабов (contubernium), и многие господа позволяют своим рабам составлять духовные завещания (quasitestamenta)»* и т. д. Во II и в III веках, как мы знаем, рабство падает и переходит в институт колонов и в институт крепостничества, которые, при всей их непривлекательности, — все же были дальнейшим шагом в эволюции постепенного исключения человека из «предметов» награды.

Наконец, сословные рамки средневековья, в свою очередь, сметаются и наступает эпоха договорного свободного труда, в кото-

---

* *Мейер Э.* Рабство в древности. СПб., 1899, с. 46.

рой всякий человек перестает быть res и *исключается из предметов награды совершенно. Он становится самоценностью.*

Тот же процесс происходил и повсюду*. В данный момент человек уже ни в коем случае не может служить предметом награды ни для кого и ни для чего. Никто не имеет права награждать кого бы то ни было ни старым, ни молодым человеком, передавать кому бы то ни было право жизни и смерти над ним в качестве награды за услугу. Наша морально-правовая совесть возмущается этим. Пусть этот процесс шел изгибами — но людоедства больше нет, международное право все более и более ограничивает произвол победителей над побежденными, рабство исчезло, крепостничества нет, они канули в Лету и невозможно их возвращение...

Таким образом, человек — первое ограничение интенсивности наград. Но ограничение «предметов» наград не кончается исключением только человека из предметного дополнения наград. Раз сам «человек», как самоценность, перестал быть предметом наград, вместе с тем перестал фигурировать в качестве «предметного» дополнения наградного акта и ряд предметов и существ, связанных с человеком: прежде всего его «присные» — жена, дети etc.

Далее исключается та совокупность благ, которая составляет его собственность. Это особенно резко проявляется в фактах войн. Раньше, как уже выше было показано, одним из средств, которым старались побудить солдат на бóльшую храбрость, было обещание предоставить им в качестве награды в их полное распоряжение взятые города, их население и все «благо» этого населения. И история показывает, что города действительно разрушались, население убивалось или обращалось в рабство, женщины насиловались, имущество побежденных становилось добычей победителей и т. д. Иначе обстоит дело теперь. Как бы ни были велики жестокости современной войны, однако до таких зверств дело все же не доходит, а если и бывает нечто подобное в виде исключительного случая — то вызывает всеобщее и единодушное порицание. Теперь победители, овладевшие тем или иным городом, не отбирают от бывших собственников-побежденных их земли, не насилуют жен и не убивают мирное население; нет, они только временные гости среди побежденных, права которых не нарушаются победителями. Во всяком случае, ни один из современных

---

* См.: *Летурно Ш.* Эволюция рабства. Изд. Сытина. М., 1897; *Ковалевский М.М.* Социология, т. II, гл. VII.

полководцев не рискнет и не рискует для придания солдатам большей храбрости обещать им в виде добычи все население и имущество побежденных. Напротив, нормальными для нашего времени служат призывы как раз обратные: поступать с побежденными гуманно, не оскорблять их правовых и религиозных норм; гарантия жителям побежденных городов неприкосновенности их личных и имущественных прав и т. д.

Тот же процесс постепенного ограничения «предметов» награды проявляется и в истории любой страны, и в истории России в частности. И у нас раньше люди, целые селения и города фигурировали в качестве предметов награды... Стоит вспомнить древние обычаи дарения рабов, крепостных, целых волостей и городов, обычаи, весьма распространенные еще во времена Петра и Екатерины — чтобы это было очевидно.

Что же видим мы теперь? В наше время в качестве «предметов» награды фигурируют с 1859 года лишь следующие вещи (III том Свода законов): Общие гражданские награды по закону исчерпываются: Высочайшим благоволением, чинами, орденами, знаками отличия Красного креста, арендой, землей, пенсиями и пособиями, подарками от Их Императорских Величеств, единовременными денежными выдачами, званием личного и потомственного гражданина и дворянина, медалями, кафтанами, предоставлением прав государственной службы лицам, их не имеющим, и несчитанием судимости. Этим исчерпываются почти все виды общегражданских наград.

Равным образом мы не находим никаких исключительных наград и духовным, военным и морским чиновникам и «услужникам».

Обычные награды духовенства заключаются в награждении камилавкой, наперстным крестом, чином протоиерея и т. п.

Награды по военной и морской службе таковы: 1) Высочайшее благоволение, 2) чины, 3) ордена, 4) назначение аренд и пожалование земель, 5) подарки с вензелевым изображением Высочайшего имени, 6) единовременные денежные выдачи, перевод в гвардию, золотое оружие, знаки отличия беспорочной службы, медали, кресты и медаль за спасение погибающих.

Я отлично знаю, что под этими скромными видами современных наград кроются подчас довольно значительные привилегии и денежные суммы, но все же это не то, что было в прошлом, все же это в лучшем случае денежное вознаграждение из сумм госу-

дарства, а не награда, представляющая одному человеку другого с его семьей, не jus vitae necisque.

Теми же видами ограничиваются и награды западноевропейских кодексов.

Из сказанного вытекает, что *с развитием социального процесса область наград ограничивается прежде всего тем, что ряд предметов и прежде всего человек мало-помалу перестают фигурировать в качестве предметного дополнения наградного акта.*

Но награды ограничиваются не только в этом смысле, они ограничиваются и *во времени*, т. е. награда в виде тех или иных привилегий дается человеку уже не на «бесконечное» время, не распространяется на все его потомство, а касается только личности самого «услужника». Доказывать этот тезис не приходится, ибо вполне достаточным доказательством служит процесс постепенного падения «общественного разделения труда», иначе говоря, — процесс падения *наследственного* прикрепления к определенной касте или сословию. Что кастовое и сословное устройство общества — неразрывно связанное с древними государствами, например, с Древним Китаем, Мексикой, Перу, Египтом, Индией, Персией, Грецией и Римом — пало — это несомненно. В наше время юридическое положение отца уже не определяет положение сына. «Наследственность профессии, — вполне правильно замечает Бугле, — не является больше правилом. Теоретически все профессии открыты для всех. С другой стороны, никакая профессия не ограничивает более социальную подвижность (вступление в нее и выход из нее) своих членов, никакой социальный круг более не находится под запретом (tabou)»*.

Не менее прав и Л.И. Петражицкий, когда говорит, что «преимущественные права по социальному положению (по кастам, сословиям, классам, профессиям и т. д.) слабеют и вымирают... На основании соответственного исторического материала можно... относительно привилегий по социальному положению утверждать, что они осуждены на полное вымирание»**.

---

* См.: *Bouglé C.* La démocratie devant la science. Paris, 1904, p. 152 и passim. См.: *Его же.* Le régime des castes. 1908; *Его же.* Эгалитаризм. СПб., 1904.

** *Петражицкий Л.И.* Теория права, т. I, с. 90, 91. Вообще из обширнейшей литературы по данному вопросу см.: *Ковалевский М.* Происхождение современной демократии; *Его же.* Прогресс (Вестник Европы. 1912, февраль); *De Roberty E.* Sociologie de l'action, passim; *Lalande A.* La dissolution opposée à l'évolution. Paris. Alcan, работы *Михайловского, Токвиля, Тарда* и т. д.

С поступательным ходом истории временная неограниченность наград все более и более падает. «Декларация прав человека и гражданина» во Франции, табель о рангах у нас и принцип «равенства всех перед законом», вошедший в правовой строй всех цивилизованных государств, являются внешними показателями падения наследственности наград или привилегий. Правда, у нас сохранились еще титулы «потомственных» дворян и граждан, нечто подобное сохранилось и на Западе — но все это пережитки, обреченные на вымирание и теперь уже потерявшие специфически кастовый характер, так как они открыты для каждого, кто удовлетворяет известным требованиям, хотя бы раньше принадлежал и не к этому классу...

Демократическое движение, неотделимое от принципа равенства, является обратной стороной этого процесса ограничения и падения временной неограниченности наград. Торжество первого означает крушение вторых, а что демократизм и эгалитаризм растут (хотим ли мы этого или нет) — это стоит вне сомнения. «Равенство перед законом есть минимум, закрепленный за всеми гражданами государства, — говорит Бугле. — Архаическое право жило разделениями. Оно соизмеряло штрафы с рангом, с расой, с вероисповеданием. Все эти различия отброшены новейшим правом. Все конституции XIX века имеют в качестве основного принципа принцип равенства всех перед законом. Почти все добавляют тут же, что граждане имеют равное право на занятие общественных должностей (sont égaux devant les fonctions publiques) и могут быть допущены к их исполнению. При старом режиме большая часть публичных должностей была наследственной или продажной... Современное право выбросило все запрещения этого рода». Прибавьте к этому постоянно растущее расширение избирательных кругов, все шире и полнее осуществляемый принцип всеобщего голосования, все увеличивающееся число чисто демократических законов и т. д. — едва ли после всего этого будет неосторожностью сказать, что демократизм быстро растет, а, следовательно, наследственные награды и привилегии быстро падают*.

Итак, *первое подтверждение падения наград — это их постепенное ограничение как по «интенсивности», так и по временной и*

---

* *Бугле С.* La démocratie, p. 2, 3 и сл.; *Ковалевский М.* Соврем[енные] социологи, с. 169; *Его же.* Происхождение современной демократии.

количественной «бесконечности», каковыми они были на прошлых этапах исторического развития.

С) *Та же тенденция падения наград доказывается и тем, что весьма многочисленный разряд поступков человеческих, поступков, которые вначале совершались лишь под влиянием наград, в дальнейшем, благодаря многократному повторению их — с одной стороны, и социально полезному их характеру — с другой, стали совершаться без наград, спонтанно и самопроизвольно*...*

Этот разряд фактов весьма многочислен и разнообразен, поэтому привести хотя бы бóльшую их часть нет возможности. Я приведу лишь некоторые из них.

а) В старину сохранение жизни пленным возможно было только при условии выкупа-награды; это относится одинаково как к первобытным народам, так и к средневековью.

«Илиада» дает прекрасные иллюстрации к этому положению. Приведу одну из них. Ликаон, побежденный Ахиллом, обнимает его колени и говорит ему:

Вот у твоих я колен! Ты внемли моей просьбе и сжалься...
В день, как меня ты забрал среди нашего пышного стада
И на священный Лемнос, от отца и дружины далеко
Морем послал, чтоб продать. И тебе сто быков я доставил.
Ныне же втрое тебе за свободу принес бы я выкуп.

Но и выкуп бесполезен в данном случае.

Выкупа мне не сули, не прельщай, о безумец, словами! —
отвечает Ахилл, —
Прежде, покуда Патрокл судьбой еще не был настигнут,
Сердцу отрадней казалось щадить благородных Троянцев.
Многих тогда забирал я живьем, продавая их в рабство —
Ныне ж никто не спасется от смерти!

И он убивает Ликаона**.

Обычными исходами для побежденного в эти времена были либо смерть, либо рабство, освобождение от которого возможно было только при условии громадной награды.

---

* Это явление — коррелятивно аналогичному же явлению в области кар, которое было проиллюстрировано нами выше на ряде фактов. Здесь, для экономии времени и места, я привожу лишь несколько фактов. При желании эти факты могли бы быть увеличенными ad libitum. См. также: *Петражицкий Л.И.* К вопросу о соц[иальном] идеале, с. 32 и сл.

** Илиада, п. XXI, ст. 75-110.

Теперь же, как известно, международное право всех государств заставляет с пленными обращаться гуманно, и по окончании войны без всякого выкупа они возвращаются на родину.

b) Подобно этому, в эпоху мести виновник и его семья могли избежать кровного отмщения лишь при условии той же награды в виде выкупа. Теперь же хотя и нет никакой награды, однако отмщение не следует за оскорблением.

Акт воздержания от социально вредного поступка — мести — совершается сам собой без всякого наградного давления.

c) Раньше, чтобы побудить лиц, призванных к исполнению общественных функций, к добросовестному и усердному исполнению этих функций, необходимо было давление на их поведение награды и кары. Без этих рычагов, раз они существовали, очевидно, невозможно было добросовестное исполнение ими своих обязанностей. Отсюда — распространенный в древности обычай поштучного вознаграждения, взимание виры в свою пользу за каждый акт суда и расправы, безмерные награды победителям* — в виде римских триумфов, львиная доля в военной добыче в пользу вождей и героев, громадных выгод, падавших на долю проконсулов, пропреторов, наместников, сатрапов и т. д.

Теперь же подобные приемы воздействия на поведение лиц, исполняющих общественные функции, отошли в область истории. С одной стороны, исчезли такие исключительные награды, как триумфы и громадные привилегии, назначаемые правителям областей. С другой — вместо поштучного вознаграждения имеется строго определенное жалованье, точная определенность которого и говорит о том, что здесь дело идет не о приманке, которая нужна для людей грубых, а о необходимом условии для исполнения возложенных обязанностей; что же касается добросовестности их исполнения — то точная фиксация жалованья и говорит о том, что она само собой предполагается, что добросовестность выполнения общественных функций сделалась уже «долгом» и не требует то обильных наград, то жестоких кар.

Это воздействие наградной приманки раньше практиковалось не только по отношению к простым смертным, но и по отношению к монархам и к вождям. Теперь же по отношению к монархам подобные приемы не употребляются. Теперь предполагается,

---

* См.: *Петражицкий Л.И.* Акции, с. 20.

что монарх без всяких карательно-наградных санкций будет работать честно на общую пользу.

Отсюда принцип *абсолютной безответственности монарха*... Это в наше время, пожалуй, единственное лицо, стоящее абсолютно вне кар и наград, а тем самым лицо, работающее вне всяких корыстных соображений на общую пользу, ради самой общей пользы...

В старину же ничего подобного не было; не было принципа безответственности монарха, точно определенного цивильного листа и т. д.; вместо всего этого употреблялись карательно-наградные приманки: в случае услуги — грандиозная награда; в случае неудачи — кара*.

d) То же изменение произошло и с историей народного правительства.

Раньше депутат получал от своих избирателей мандат, который он должен был *обязательно* защищать и ни на йоту не отступать от него («повелительный мандат»). В этом случае он получал награды и мог быть депутатом. Если же он позволял уклоняться от тех предписаний, которые вручены ему были мандатом избирателей, он лишался избирателями депутатского звания (кара).

Иначе обстоит дело теперь. Теперь депутат ничем не связывается, он действует по своей совести и убеждению («представительный мандат»). Очевидно, что такое положение дела могло получиться только тогда, когда действительно социально полезная защита интересов избирателей сделалась «долгом», присущим самому депутату. Раз это так, то понятно, что всякие карательно-наградные акты излишни в этом случае...

e) Раньше, почти вплоть до нового времени, акты взаимной помощи и многочисленные акты защиты одного человека другим могли совершаться только при условии награды. Не говоря о первобытных временах, достаточно указать для этого на средние века с отношениями синьора к вассалу. За охрану и покровительство со стороны синьора вассал должен был вознаградить его рядом «услуг» со своей стороны — быть верным ему, сражаться за него, выкупать его из плена и т. д. Но социальная полезность этих актов обусловила собой то положение, что теперь подобное спасение жизни, здоровья и независимости другого стало внутренней потребностью и «долгом». Это проявляется как в многочис-

* Беру у *Л.И. Петражицкого.*

ленных индивидуальных актах самопожертвования и альтруизма, так и в публично-правовых институтах «народного здравоохранения», общественной безопасности, приютах, в бесплатных столовых, в общественной помощи голодающим, калекам, в организации бесплатных больниц, бесплатных лекций, школ и библиотек, амбулаторий, консультаций, концертов, страхований от старости, несчастных случаев, увечья, безработицы и т. д. и т. д... Все эти бесконечно разнообразные институты, растущие с каждым днем, говорят о том же процессе перехода ряда актов, ранее совершавшихся лишь при условии наград, в акты, совершающиеся добровольно и сделавшиеся внутренним, органически потребным долгом.

f) Как частный случай общего явления падения и ненужности давления санкций для достижения добровольного исполнения социально полезных поступков — можно привести те факты, которые показывают, как добывалось это добросовестное исполнение обязанностей от различных лиц: докторов, архитекторов, конопатчиков, строителей лодок и т. д. в прошлом и теперь. Раньше для достижения от соответствующего лица добросовестного поведения употреблялись самые жестокие санкции: поштучные награды и жестокие кары... Чтобы показать яснее, в чем здесь дело, — приведу несколько статей из законов Хаммурапи.

«Если доктор, — читаем там, — лечил тяжело раненного... и вылечил его, если он открыл бельмо человека... и вылечил глаз... — он получит 10 сиклей серебра».

«Если доктор лечил тяжело раненного... и человек этот умер, если доктор открыл бельмо... и испортил глаз — пусть ему отрежут руки».

«Если архитектор построил дом для другого и довел его до благополучного конца, этот другой должен дать архитектору в качестве награды (pour son cadeau) два сикля серебра (deux cicles d'argent, par Sar de superficie)».

«Если архитектор построил дом... и если построенный дом развалился и убил своего хозяина, этот архитектор присуждается к смерти».

«Если судовщик (batelier) законопатил судно для кого-нибудь, этот последний должен дать судовщику два сикля серебра в качестве награды (pour sa récompense)».

Теперь такие двусторонние санкции немыслимы, невозможны и излишни.

Если операция доктора не удалась — то никто не приказывает отрезать ему руки.

Если больной излечен доктором (земским, городским и т. д.), вовсе не обязательно давать ему гонорар... Падение санкций совершилось с той и с другой стороны, а это говорит именно о том, что доктора, архитекторы и т. д. в огромном большинстве случаев теперь уже и без них достаточно добросовестно относятся к своей задаче и обязанности.

То же, mutatis mutandis, относится и к другим социально полезным актам.

g) Не увеличивая примеров, достаточно, наконец, сослаться как на *факт* — на прогресс морально-правовых учений. Процесс их развития кратко можно сформулировать так: вначале они гласили «*не делай того-то*, ибо если сделаешь — то будет такая-то кара, а если воздержишься, будет такая-то награда» (посюсторонняя и потусторонняя карательно-наградная мотивация). Теперь же нормой может служить мораль *самоценности* добра, особенно резко сформулированная Кантом. «Ты должен что-нибудь делать или не делать не потому, что за это ждут тебя кары или награды, а исключительно из любви к самому долгу». Отсюда — «поступай так, чтобы максима твоей воли всегда могла в то же время иметь значение принципа всеобщего законодательства»* (Кант, Христос, Конфуций, Толстой и т. д.).

Что этот принцип растет и все более и более входит в жизнь, что чем выше психика данного лица, тем меньше она нуждается в карах и наградах, — все это не теория, а факт, могущий быть на каждом шагу констатированным...

А все это, вместе взятое, говорит о том, что *по мере роста социальности совершается постепенное нравственное восхождение на новые и новые ступени; то, что раньше делалось только под влиянием кар или наград, в дальнейшем — раз оно социально полезно — становится внутренне потребным долгом, совершается без всяких наград, а следовательно, и сами награды, делаясь излишними, падают и теряют свое значение.*

D) Дальнейшим показателем той же тенденции служит историческая линия постепенного ограничения «вменяемых» субъектов услуги (и преступления), ведущая, в свою очередь, к посте-

* См.: *Кант И.* Основоположения метафизики нравов.

пенному ограничению и награждаемых лиц*. Подобно тому, как в области преступлений все более и более ограничивается область «вменяемых» преступников (а тем самым и область караемых лиц), подобно тому как с ростом сознания вина с головы преступника все более и более переходит на общество, так же и здесь «героический» культ богоподобных «услужников» все более и более меркнет и все более и более заслуга переносится на плечи общества. Культ героев даже у таких лиц, как Карлейль, лишь слабое отражение того культа, который был свойствен первобытным людям, приписывавшим своим героям такие «услуги» и «подвиги», которые Карлейль все же не мог приписать «героям». С этой точки зрения весь исторический процесс может рассматриваться как постепенное замещение подвигов и услуг, раньше приписывавшихся отдельным лицам, подвигами той «безголовой и безличной толпы», которая называется «массой, народом, обществом» и т. д. Современная история уже больше не объясняет процветание или падение какого-нибудь общества, а равным образом и любое историческое событие «подвигами» или «преступлениями» отдельных лиц, героев, царей, вождей и т. д. Она покончила счеты с «героизмом» и раз навсегда с ним рассталась... А это говорит как нельзя рельефнее именно о том, что «услуга» мало-помалу перестает приписываться отдельным лицам, она социализируется, а поэтому социализируется и награда... Выше же было указано, что социализированная награда перестает быть наградой, а становится нормой...

Этот сам по себе кажущийся весьма незначительным факт играет и играл громадную роль в социальной жизни по отношению к наградам и вообще привилегиям. В самом деле, поскольку мы тому или иному индивиду приписываем громаднейшие услуги, тем самым мы приписываем ему и право на соответственные награды. И чем большим будет приписываемый индивиду «подвиг», тем большую награду он получает со стороны приписывающих. Таково положение дела теперь, таково же оно было и в прошлом. *Бóльшая услуга влечет за собой и бóльшую награду; меньшая услуга — меньшую; бесконечно большая услуга — бесконечно большую награду.* Такова пропорциональность взаимоотношения услуги и награды, существовавшая на протяжении истории. Здесь, конечно, неважно, основательно и разумно ли приписывалась

* См. выше гл. IV.

тому или иному индивиду та или иная услуга. Важен лишь тот факт, что кем-нибудь приписывается кому-нибудь совершение того или иного подвига... Раз он приписан кому-нибудь, неизбежным последствием является наградная реакция, по крайней мере, со стороны приписывающих... Фактически, конечно, это приписывание сплошь и рядом было ложным, неверным; но это не изменяет сути дела... — именно пропорциональности приписываемых услуг и наград...

Если эта пропорциональность действительно существовала и существует, то мы должны найти ее в истории. Попытаемся кратко это сделать.

Конкретной формой, в которой обнаруживаются падающие на долю кого-нибудь (индивида или группы) награды, являются «привилегии» и «права» этого индивида или группы. История этих привилегий и должна подтвердить указанную пропорциональность услуг и наград... Вместе с этим указанная точка зрения отчасти раскрывает и тайну образования и существования деспотизма, каст, сословий, классов — вообще, как личных, так и групповых привилегий.

Если верно предыдущее положение, то, следовательно, *можно утверждать, что совокупность всех «прав и привилегий», свойственных тому или иному общественному сегменту (касте, классу или же отдельному индивиду) должна быть более или менее пропорциональной величине услуг и подвигов, совершение которых приписывается данному сегменту или индивиду в данном обществе...*

Обратимся к фактам. В первобытном обществе мы встречаем распадение группы на сегменты, основанные на чисто биологических различиях, *по полу и возрасту.* Мужская часть группы более привилегированна, чем женская. А из возрастных групп наиболее привилегированной является группа зрелых мужчин и недряхлых стариков (геронтократия); наиболее бесправной группой является группа детей и дряхлых, беспомощных стариков...

Нетрудно видеть, почему такую форму приняло сегментирование общества. Мужчины являются более привилегированной частью группы потому, что, благодаря перевесу силы и ловкости, они защищали группы от внешних опасностей, сражались, были более хорошими охотниками и рыболовами, чем женщины. Таким образом, главнейшие «услуги»: защита группы от опасности и обеспечение ее главными видами пищи — лежали на мужчинах.

Отсюда понятно, что на их долю приходилась и бóльшая часть «наград». Только они участвовали в правлении, им принадлежало лучшее место в шалаше, лучший кусок пищи и т. д. Понятней также становится и привилегированность взрослых групп.

Взрослые мужчины и недряхлые старики являются носителями *силы и опыта*, особенно необходимого в эту эпоху. Отсюда понятно, почему только они обсуждают и решают общественные дела, почему только из их среды выбирается вожак, чародей и старейшина и т. д. Что же касается детей и дряхлых старцев, то очевидно, их «услуги» равны нулю, они только лишняя обуза для группы, лишние потребители пищи, об избытке которой говорить не приходится. Вследствие этого нет ничего удивительного, если их жизнью не дорожат, если их убивают и съедают, особенно в эпохи голодания. Из этих беглых штрихов мы видим, что сегментация первобытного общества в принципе подтверждает выставленный тезис. Этот тезис подтверждается и индивидуальными привилегиями. Наиболее привилегированными особами в первобытном обществе являются вождь и чародей. Но бóльшие привилегии требуют от них и бóльших подвигов, и экстраординарных качеств; такими качествами являются: сила, ловкость, храбрость, хитрость, знание чародейственных обрядов и заклинательных формул, увеличивающих количество пищи, предотвращающих болезни, указывающих виновника смерти или болезни (смерть и болезнь не считаются в первобытном обществе естественными явлениями) и т. д.

Все это услуги немалые; поэтому и привилегии за них полагаются чрезвычайные. Вождь или шаман (чародей, жрец) — главнейшие лица в примитивных обществах. Без этих экстраординарных свойств никто вначале не может быть вождем или чародеем. Примеров, подтверждающих пропорциональность услуг и наград, можно привести ad libitum.

Так обстоит дело, по данным Б. Спенсера и Гиллена, у австралийцев, по Хауитту — у камилароев и курнаев. По Тациту, германцы duces ex virtute sumunt[67]. «У ботокудов Бразилии очень часто междоусобия с другими группами решаются путем поединка. Тот, кто останется победителем в нем и тем докажет свою силу и ловкость, нередко становится вождем той группы, которую он отстаивал. У тасманийцев, по описанию Бонвика, также встречается руководительство... всецело зависящее от личных качеств того, кто

им пользуется, от его исключительной ловкости в охоте и храбрости, обнаруживаемой при защите охотничьего района группы». У ведда есть «временный предводитель, власть которого обыкновенно зависит от возраста, от его энергии и ловкости».

«У южных и юго-восточных племен (Австралии) руководительство принадлежит обыкновенно старшим по возрасту и между ними наиболее популярным, т. е. обеспечившим себе симпатии преимуществами ума, силы и хитрости. Первенствующее значение их выступает в том, что в их распоряжении оказывается большее число женщин. Ловкость на охоте, уменье говорить, храбрость и искусство в колдовстве являются обычными условиями, обеспечивающими тому или иному лицу руководительство всею группою», и т. д.*

Во всех народных песнях вождями бывают обычно те или иные выдающиеся личности. «Илиада» поет про «мужеубийцу Ахиллеса», «хитроумного и многоопытного мужа» Одиссея и других выдающихся героев, «Калевала» — про Вейнемейнена и Ильмаринена, наши былины — про Илью, Добрыню, Алешу и других богатырей; то же мы видим и в «Песне о Нибелунгах», в «Махабхарате» и т. д. Следовательно, привилегии всюду требуют подвига и экстраординарных качеств. Ни на чем ином, как на вере в чрезвычайную важность услуг и в сверхъестественную силу чародеев, основывается вся власть последних и все их привилегии. И здесь выступает та же пропорциональность приписываемых им услуг и соответственных наград.

По воззрениям отсталых народов, шаманы «могут, когда это оказывается необходимым, вступать в общение с богами, они сами являются одаренными теми способностями, которыми примитивная народность оделяет своих сверхъестественных существ: быстротой, силой, храбростью, ловкостью и способностью к превращениям. Способность души всякого человека при покидании тела принимать то ту, то другую внешнюю оболочку развита у них в высшей степени. Обладая ею, они могут узнать целый ряд средств, которые знают только сверхъестественные существа, и сравняться вполне с их могуществом... Они могут влиять на погоду, на приискание мест для удачной охоты, на успех битвы и пр., одним словом, совершать то же, что делают и сверхъестественные существа». «Весь мир чудес, непонятный обыкновенному человеку, оказы-

* *Ковалевский М.* Социология, т. II, с. 198, 199 и сл.

вается открытым шаману-колдуну»*. Отсюда чрезвычайный почет, уважение и власть шаманов-кудесников (жрецов).

Таковы основания привилегированности вождя и чародея. Там же, где силы и способности того и другого соединяются в одном лице, это лицо становится богоподобным, всесильным, всемогущим, оно совершает и в состоянии совершить громаднейшие услуги; от его воли зависит счастье всей группы и т. д.

Вот та основа, на почве которой вырос культ деспотизма и культ обоготворенных царьков и вождей. Так как услуги их, по воззрениям группы, бесконечны и безграничны, то тем самым безграничны и их привилегии (награды). Не будь этой основы — невозможен был бы и культ деспотов, и самый деспотизм.

У зулусов король пользуется неограниченной властью, потому что приписываемые ему силы и услуги неограниченны, что видно из следующего гимна: «О Pedsubu, царь царей, царь небес! Чтó сильные земли в присутствии нашего великого царя! Чтó становится с силой лесов пред великим слоном! Своим хоботом он отсекает ветви деревьев!», то же действие имеет шум щитов и т. д.** «В Луанге... туземцы, испытывая нужду в дожде, обращаются к своему властелину, и последнему достаточно выстрелить из лука в небо, чтобы предупрежденные таким путем о требовании тучи исполнили свою обязанность»***. В Египте фараонам приписывались те же свойства (например, управлять разливом воды Нила и т. д.).

То же мы встречаем и во всех крупных деспотиях (Ассиро-Вавилонии, Китае, Индии, Персии, Мексике, Перу и т. д.) и в деспотических группах азанагов, бенинцев, в Луанге, в Катунге, в Бонду, в Киаме, у гуанчей, у массы племен Полинезии, Меланезии, в Новой Зеландии, на Мадагаскаре и т. д.

Раз им приписываются такие силы и услуги, то вполне понятно, что неограниченными должны быть и их награды. И действительно, власть деспотов совершенно безгранична, что проявляется особенно резко в титулах и в церемониях: подражание собачьим движениям перед деспотом, целование земли, по которой он ходил, боязнь взглянуть на него, ползание перед ним на животе, безграничность жертв, приносимых ему, и т. д. — все это свиде-

---

* *Харузин Н.Н.* Этнография, т. IV, с. 396, 397 и сл.

** *Ковалевский М.М.* Социология, т. II, с. 194, 195.

*** *Летурно Ш.* Нравственность, с. 187. См. массу материала у *Летурно* в его «Нравственности» (с. 181-197, 229-270, 194-195); L'evolution juridique (p. 48-248); *Ковалевский М.М.* Социология, т. II, с. 193-197, 211-219 и др.

тельства безграничности их привилегий. Насколько они велики — видно из следующих картинок, которые я позволю привести. «Вся история (Мосселикатси, кафрского царька) состоит из длинного ряда преступлений. Вполне чуждый всякому чувству гуманности, он обрекал на смертную казнь воинов, потерпевших поражение в битве... Подданные принадлежали ему и телом, и всем своим имуществом. Его слово было законом. Один его жест повергал в трепет самых грозных вождей. Вокруг него постоянно толпились царедворцы: одетые в вычурные костюмы, они то танцевали в честь его, то поклонялись ему в религиозном безмолвии, то прославляли его величие в высокопарных выражениях: "Царь царей, одно твое дыхание сожигает твоих врагов, превращая их в высохшую траву, заставляет идти дождь, разрывая тучи молниями"» и т. д.* Следующая сцена из жизни зулусов еще ярче рисует неограниченность наград их деспота.

«Английский путешественник *M. Fynn* был свидетелем такого рода эпидемии у зулусов. Он сделал об этом подробный доклад, который потерял бы много, если бы мы вздумали передать его в сокращении.

Заметим, между прочим, что дело шло об оказании погребальных почестей не царьку, а только его матери. Собралось около шестидесяти тысяч человек, которые в течение одного дня и одной ночи оглашали воздух громкими жалобами. Послушаем, что говорит рассказчик: "После полудня они столпились вокруг царя Тшака и пропели воинственную песнь; то был некоторый перерыв. По окончании песни Тшака приказал казнить тут же на месте несколько человек; возгласы и шум в толпе значительно усилились. С этой минуты всякие приказания сделались излишними; желая как бы доказать повелителю свое крайнее огорчение, толпа начала между собою всеобщее избиение; множество лиц получили смертельные удары и нанесли таковые же другим, так как всякий старался воспользоваться этим случаем, чтобы отомстить за свои личные, действительные или вымышленные, обиды. Всех, кому не удавалось извлечь из глаз слезы или которых заставали у реки утоляющими жажду, убивали возбужденные до безумия соплеменники. К вечеру, по моему подсчету, в этой слепой резне погибло около семи тысяч человек. Ближайший ручей, к которому устремилось множество людей, чтобы освежить свои запекши-

* *Летурно Ш.* Нравственность, с. 189.

еся уста, оказался неприступным вследствие массы трупов, нагроможденных по обоим его берегам; на самой сцене действия — краале — кровь текла ручьем. На второй день по смерти Мнанди (имя покойной) ее тело было положено в широкую яму недалеко от того места, где она скончалась, и десять красивейших девушек крааля были заживо похоронены вместе с нею. Двенадцать тысяч вооруженных воинов присутствовали при этой ужасной церемонии и должны были охранять усыпальницу в течение целого года...

Как ни были чудовищны эти похороны, народ все-таки остался не вполне ими доволен и, с общего согласия, предводители предложили приступить к новым жертвоприношениям. Они решили казнить всех, кто не присутствовал на похоронах Мнанди, и этот отвратительный замысел был приведен в исполнение несколькими полками солдат, посланными с этой целью по всей стране... Последнее и самое изумительное решение состояло в том, что в течение года всякое рождение ребенка или даже только беременность влекли за собой смертную казнь как родителей, так и ребенка. Это было лишь распространение на всех меры, принятой Тшакой в собственном доме; вот почему он дал на нее свое согласие и невинная кровь лилась в течение целого года". По истечении назначенного срока Тшака решил, что еще одна искупительная жертва должна предшествовать обряду, знаменующему конец траура. Однако это жертвоприношение, по настоянию M. Fynn'a, было отменено; ему удалось убедить деспота в необходимости щадить жизнь своих подданных. Одной из причин, которая побудила Тшака уступить, было то, что ему казалось забавным видеть, как белый является в роли защитника людей, которые, по его мнению, были всего лишь псами»*.

Пережитками подобных верований, по вполне справедливым словам М.М. Ковалевского, является соединение в Древнем Риме жреческих функций с королевскими и верования средних веков вплоть до XVII-го столетия, что французский и английский короли путем простого возложения рук могут излечить от болезней (Людовик Благочестивый, Карл Стюарт, Анна и т. д.)**.

Сказанное объясняет и привилегии каст, а равным образом и возможность их существования. *Каста воинов* может существовать только там, где приходится вести постоянные войны, где

* Ibid., с. 194-195.

** См.: *Ковалевский М.М.* Op. cit., с. 196.

победа врага грозит группе неисчислимыми бедствиями. Вследствие этого деятельность воина приобретает особенно важное значение в глазах группы, естественным последствием чего и являются привилегии военной касты. Но раз появившись и существуя долгое время, эти привилегии в дальнейшем, когда войны падают, не исчезают сразу, а в силу вышеуказанного закона общественной инерции продолжают еще долгое время существовать, хотя их гибель и неизбежна... И здесь, следовательно, оправдывается принцип пропорциональности услуг и наград.

То же относится и к *касте жрецов.* Основанием к их кастовым привилегиям служат те воззрения древних обществ, которые выше привели мы насчет шаманов.

Всюду, где мы встречаем подобную касту, — всюду встречаем и подобные воззрения. Привилегированное положение жреческой касты в Иране обусловливалось тем, что жрецы «das Gesetz gut in Ordnung zu halten, nach seinen Vorschriften zu entscheiden und die Opfer zu verrichten, ferner aber den Menschen den Weg zum Himmel zu zeigen und von den Wegen, die in die Hölle führen, abzurathen»[68]; они же были, как и всюду, врачами («Alle Zeugnisse, sprechen somit dafür, dass das Priestergeschlecht in westlichen Erân zum wenigsten, ein medisches Geschlecht war»[69])*.

То же было и у евреев (левиты), в Риме (понтифики, авгуры, фециалы), в Индии (брамины) и т. д. Всюду жрецы выполняли ряд важнейших функций — а поэтому всюду они и пользовались рядом привилегий. И чем более важные услуги им приписывались — тем большие награды падали на их долю. Особенно важное значение имели жрецы в религии Вед, где чрезвычайная роль приписывалась молитвенным формулам, которые, по воззрению Вед, имели силу изменить само течение вещей природы, влиять на ее законы и волю богов**.

Раз такое значение приписывалось формулам, то вполне понятно, как велика была сила жреца, который знал их, и какие услуги он оказывал, пуская в ход эти формулы...

---

* Avesta. Vom Spiegel. Bd. 2, V, VII.

** См. об этом: *Овсянико-Куликовский Д.Н.* Собрание сочинений, т. VI: Основы ведаизма; *Барт А.* Религии Индии, с. 47-54.

В законах Ману достаточно резко сформулирована эта пропорциональность услуг и привилегий каждой касты. Чем более важной считается функция касты — тем больше ей наград. Функции браминов — самые важные, отсюда и привилегии их самые значительные.

Отсюда — и привилегии жрецов, и теория их превосходства, выразившаяся в известной космогонии, гласящей, что брамин создан из головы Брахмы, кшатрия — из рук, вайшья — из бедер, а шудра — из ног Брахмы[70]...

Недурное подтверждение того же принципа — пропорциональности услуг и наград — дает и *история католической церкви.*

Пока верили в то, что папа есть наместник Христа, что он имеет власть «решать и вязать грехи», освобождать от них и налагать проклятия на целые области, что он обладает чудодейственной силой и т. д., т. е. пока приписывался папе ряд важнейших услуг, — до тех пор власть и сила его были безграничны. Пало это верование, а соответственно и приписывание услуг — пали и привилегии папства.

То же можно проследить и на истории любого сословия, например, на истории *дворянства.* В «Происхождении общественного строя современной Франции» И. Тэн достаточно ярко показал эту пропорциональность услуг и наград «привилегированных».

«Каково бы ни было известное учреждение — светское или духовное — современники, наблюдающие за ним в течение сорока поколений, не могут считаться плохими судьями; если они уступают ему свою волю и свои имущества, то лишь пропорционально его услугам, и чрезмерность их преданности ему может свидетельствовать только о громадности оказанного им благодеяния».

«*Нельзя думать, чтобы человек мог быть признателен ни за что, так сказать, по ошибке, и чтобы он стал давать так много благ без достаточных побудительных причин,* он слишком себялюбив и завистлив для этого»*. Привилегированные, «будучи основателями этого общества и заслужив некогда имущества ценою оказанных ими услуг, сохраняли (в силу инерции, добавили бы мы. — *П.С.*) в нем свой высокий сан, перестав исполнять свою должность, так что их место и в местном управлении, и в центральном правительстве стало простою синекурою и их привилегии превратились в злоупотребления». Этим предрешено было их падение, что и совершилось окончательно в форме «Декларации прав человека и гражданина»**.

Та же пропорциональность услуг и привилегий обнаруживается и в истории «*третьего сословия*». Постепенный рост значе-

* См.: *Тэн И.* Происхождения общественного строя соврем. Франции (изд. Пирожкова), с. 8 и всю 1-ю главу.

** Ibid., с. 552-553.

ния городов в средние века означал собою и рост значения тех услуг, которые оказывали города как центры денежного капитала, а отсюда, естественно, «со времени возникновения для государства финансового вопроса двум господствующим сословиям феодального общества приходится делиться своим политическим влиянием с "третьим сословием", с буржуазией»*. Ее рост означал не что иное, как рост важности ее услуг и соответственно с этим рост наград. И действительно, смена натурального хозяйства денежным, феодального хозяйства — государственным, и в зависимости от этого феодального ополчения — наемной армией, вызвавшей, в свою очередь, необходимость займов, вместе с прогрессирующим усложнением государственного механизма и с ростом издержек на содержание двора и т. д. — все это «обесценивало господствующие феодальные сословия земельной аристократии как оплот государства против внешней безопасности» и выдвигало на первый план финансовый вопрос, а тем самым поднимало и значение в государстве того класса, в руках которого сосредоточивался денежный капитал. «И немудрено. Сила государства измерялась ведь главным образом количеством солдат, а это последнее зависело в прямой пропорции от количества ливров, дукатов, флоринов, которыми располагала в данную минуту королевская казна, количество же этих последних зависело в самой существенной степени от доброй воли крупных капиталистов, которых в те времена было еще мало; до устройства же правильных государственных займов при посредстве биржи тогда еще не додумались»**. Отсюда вполне понятно, что буржуазия вполне резонно заявляла свои права на привилегии, подкрепляя свои заявления такими аргументами: «К тому же известно и очевидно, что без моей помощи Ваше Императорское Величество не могли бы получить Римской короны» (слова Фуггера в письме к Карлу V).

В итоге такого положения дела мы и видим, как «третье сословие» в лице легистов и летрафов, или денежной аристократии, постепенно вытесняет дворянство и духовенство как из центрального правительства, так и из областной администрации. Французская революция поставила окончательную точку в процессе уравнения услуг и привилегий буржуазии.

---

* *Тэн И.* Op cit., с. 16-17.

** *Ардашев П.Н.* Абсолютная монархия на Западе. СПб., 1902, с. 17.

Из всех приведенных примеров видно, что:

1) В пределах одной и той же группы привилегии отдельных индивидов en masse приблизительно пропорциональны важности услуг, оказываемых ими всей группе, с точки зрения этой группы.

2) Привилегии отдельных сегментов группы (каст, сословий, классов и т. д.) приблизительно соответственны их услугам, опять-таки по оценке данной группы.

3) Рост привилегий какого-нибудь сегмента означает предварительный рост его услуг, падение услуг или их важности — влечет и падение привилегий.

4) Неограниченность услуг (по оценке группы в примерах с деспотами) влечет и неограниченность привилегий.

5) Ограниченность услуг — ограниченность награды.

Таково взаимоотношение услуг и привилегий, более или менее постоянное в течение истории.

Если эти положения верны, то из них следуют такие выводы, подтверждающие необходимость падения наград:

a) Так как в настоящее время мы убеждены, что ни один человек не обладает бесконечной суммой сил и способностей, а следовательно, не может оказывать и бесконечно большие услуги, — то не может быть и бесконечной награды, так как последняя потребует и бесконечности услуг. Отсюда следует, что деспотизм и абсолютная монархия — подобие восточных деспотий — навеки канули в Лету и возродиться не могут.

b) Так как солидарность человечества все более и более растет, так как все меньшей и меньшей случаются необходимость в войнах, так как сами войны случаются все реже и реже и не грозят побежденным теми бедствиями, которыми они грозили им раньше, — то понятным становится падение военных профессий и падение значения военных услуг, падение, которое в дальнейшем должно совершаться с еще большей быстротой.

c) В силу аналогичных же причин должно падать и значение «услуг» духовенства, так как существующее и растущее позитивное мировоззрение зачеркивает их услуги, объявляя их мнимыми. Падение папства, отделение церкви от государства, свобода совести и веротерпимость и тому подобные факты XIX-го столетия — внешние и неоспоримые показатели «декаданса» привилегий духовенства.

d) Так как теперь известно, что деньги только орудие обмена и что всякий капитал только символ труда — с одной стороны, и так как этот труд приходится всего более на долю низших народных масс — крестьян и рабочих, а следовательно, услуги их не менее важны, чем услуги других сословий — с другой, то вполне естественно, что социальные перегородки должны пасть и привилегии должны быть равномерно «разверстаны» между всеми социальными группами.

Мы стоим как раз в процессе этого «разверстания», известного под различными именами: «демократизма», «эгалитаризма» и «социализма», стремящихся к такому социальному уравнению, которое рано или поздно неизбежно должно наступить.

e) То же нужно сказать и об услугах и привилегиях по полу. Современное нам движение суфражисток и рост лиг «женского равноправия» — есть тот же процесс «разверстания» привилегий, вызываемого уравнением услуг женщины и мужчины.

f) Так как в наше время все более и более признается, что всякий гений есть продукт своей среды, а следовательно, его услуги — обусловлены его средой (перенесение услуги на плечи общества — коррелят ответственности общества за преступления), то понятно, что соответственно должны пасть и индивидуальные награды.

g) Так как значение знания — психической силы — все более и более растет — с одной стороны, и так как знание все более и более социализируется и расширяется — с другой (всеобщее обучение, народные университеты, пресса, театр, лекции и т. д. и т. д.) — то значит и награды за психические «услуги» все более и более социализируются и тем самым стремятся перестать быть наградами. А все это, вместе взятое, говорит о той же тенденции падения наград.

Из всего сказанного следует, что *награды* (как бы ни был *извилист исторический путь) все более и более падают вследствие тех же основных причин, вследствие которых падают и кары...*

E) Наконец, тот же процесс падения кар и наград подтверждается и постепенным *расширением идеи «ближнего»*, иначе говоря, — *историческим законом роста социально солидарных кругов.* В самом деле, что по существу означает это явление? С нашей точки зрения, оно означает не что иное, как расширение *области «должного» за счет области «свободных» отношений, регулируемых карательно-наград-*

ными санкциями, иначе говоря, — замену актов и поступков, совершаемых под влияниями кар и наград, актами и поступками, совершаемыми в силу чувства «долга», некоторого внутреннего импульса, заставляющего поступать по отношению к бывшему чужеземцу так же, как и по отношению к своему ближнему. Раньше убить своего «ближнего» не позволялось, но убийство иноплеменника не только позволялось, но и рекомендовалось. Если член группы А не убивал иноплеменника, то только потому, что тот за оставление жизни давал богатый выкуп-награду. Группа А при набегах считала вполне допустимым сжечь все жилища группы В, и если этого не делала, то опять-таки не без соответствующих наград за эту услугу.

Когда же совершилось расширение социального круга А путем того или иного слияния с группой В, потом с С и т. д., то бывший иноплеменник с течением времени делался «ближним», по отношению к которому необходимо уже было совершать ряд поступков или воздерживаться от ряда актов не в силу награды, а в силу долга, без всяких наградно-карательных давлений.

А так как история человечества дает несомненное подтверждение указанному закону расширения идеи «ближнего» (тотем, род, территориально-племенное общество, народ, государство, федерация государств и, наконец, все человечество) — то тем самым она говорит о том, что социально полезные поступки, повторяясь много раз, постепенно делают излишними кары и награды. Будучи в первое время выполняемыми лишь под давлением указанных санкций — эти поступки затем все менее и менее нуждаются в санкциях и начинают выполняться спонтанно, по внутреннему импульсу, как нечто нравственно-должное. Эволюция идеи «ближнего», в свою очередь, говорит о том, что эта область нравственно-должного с поступательным ходом истории все более и более расширяется и вытесняет и в *пространственном* отношении область карательно-наградных отношений. Это расширение области «ближнего» есть в то же время и падение междугрупповых наград, проявляющееся, в частности, в постепенном выветривании чувств эгоистического национализма, патриотизма, расы и в росте альтруистического космополитизма.

ГЛАВА IX
ЗАКОН КОЛЕБАНИЯ КАР И НАГРАД

В предыдущем мы сосредоточивали все наше внимание лишь на тех постоянных тенденциях кар и наград, которые обнаруживаются в их эволюционном процессе. Хотя мы и оговаривались не раз, что линия санкций зигзагообразна и извилиста, но мы сознательно игнорировали эти «капризные» зигзаги и искали лишь постоянных тенденций. Теперь мы должны частично восполнить этот пробел и остановить наше внимание на этих зигзагах кривой санкций, хотя в общем и стремящейся к нулю, но не прямо, а с неровностями, то поднимаясь, то опускаясь. Мы должны спросить себя: *чем объясняются эти временные колебания кар и наград, почему* (при своей постоянной тенденции падения) *они падают не прямолинейно, а зигзагообразно*?

Этот вопрос одинаково приложим и к преступлениям, ввиду того что карательная реакция есть реакция, вызванная преступлением и, как выше было указано, со сверхиндивидуальной точки зрения ничем не отличающаяся от кар, кроме временно причинного предварения. Следовательно, *определение причин, вызывающих эпизодический рост жестокости кар, есть в то же время и определение причин, вызывающих рост преступлений.*

Предыдущий анализ источника преступлений и наказаний (подвигов и наград), а равно и вышеприведенное понимание социальной роли санкций — позволяет нам дать общую теорему, объясняющую это эпизодическое колебание кривой санкций. Эту теорему можно сформулировать так:

Интенсивность кар (и наград) тем более велика в каждый исторический момент, чем более примитивно данное общество и чем больше антагонистической разнородности в психике и поведении его членов. И наоборот, чем более культурно данное общество и чем более однородна психика и поведение его членов — тем менее жестоки кары и менее интенсивны награды.

Из этой теоремы видно, что степень интенсивности санкций зависит от двух основных условий: a) культурности общества и b) наличия или отсутствия между его частями антагонистической полярности.

Первое условие имеет значение потому, что, как мы убедились, с ростом цивилизации кары падают. Поэтому меньшая культурность общества сама по себе уже благоприятствует жестокости кар. Но вышеуказанная социальная роль санкций указывает и на второе основное условие, а именно: *на степень антагонизма или морального разномыслия различных членов общества.*

Из сказанного само собой следует, что там, где даны и высокая культурность, и однородность морального сознания, — там и санкции (а равно и преступления с услугами) стоят *низко.* Где же дано примитивное общество и вдобавок еще моральное разномыслие — там и санкции интенсивны. Отсюда понятно — когда мы должны ждать повышения кривой и понижения ее.

Но эти два условия могут и парализовать друг друга. А именно может случиться, что нам будет дана высокая социальная группа, но с наличием глубокого морального антагонизма между ее частями. В этом случае кары могут в ней стоять, впредь до уничтожения антагонизма, довольно высоко. И наоборот, может быть дано примитивное общество, но без наличия конфликта в психике и в поведении его членов, в этом случае, впредь до появления конфликта, санкции могут в нем быть мало интенсивными. Коротко говоря — рост культурности и цивилизованности общества всегда стремится понизить кривую санкций, увеличение конфликтности и антагонизма (в каких бы то ни было формах) — повысить ее. Надлежащим сочетанием этих двух разнородных факторов и объясняется степень интенсивности санкций в каждый данный момент в любой социальной группе.

Первое было доказано выше, а второе прямо вытекает из вышеизложенного понимания социальной роли кар и наград. Раз они вызваны конфликтным ходом развития социальной жизни и раз

их задача заключалась в поддержании единства или солидарности группы, то само собой следует отсюда, что они должны сильнее давить, т. е. быть более интенсивно обильными в моменты, когда этому единству группы грозит опасность. А эта опасность бывает тогда, когда в группе происходит разложение или распадение ее членов на две или большее число подгрупп, моральные убеждения и поведение которых начинает не совпадать, а противоречить друг с другом.

Эта антагонистическая разнородность внутри группы может быть вызвана как чисто внутригрупповыми причинами, так и внегрупповыми... Внутригрупповые причины — это причины, вызываемые самим процессом социального взаимодействия и в конечном счете сводимые к неодновременному и к неодинаковому изменению психических убеждений должного, рекомендованного и запрещенного поведения и сообразно с этим соответственных шаблонов поведения. Внегрупповые же причины — это причины, вызванные, например, войной, включением в состав одного социального тела новых народов и новых социальных групп, поведение, нравы, обычаи которых отличны как друг от друга, так и от нравов, обычаев и поведения, требуемого включающей группой. Для того чтобы объединить эти гетерогенные части, чтобы подавить центробежные силы, чтобы «склеить» разнородные части в одно единство, привести их поведение к «одному знаменателю» — кары и награды и в том, и в другом случае начинают давить сильнее и сильнее, становятся более жесткими или интенсивными и начинают отпускаться в более обильном количестве.

Проверим теперь эту теорему в применении к карам посредством метода сопутствующих изменений и чисто эмпирического наблюдения над данными истории.

Первым буквальным подтверждением указанного закона служит хорошо всем известный факт повышения суровости кар и интенсивности наград (в пользу определенных лиц) при так называемых *«чрезвычайных положениях»* (усиленная охрана, чрезвычайная охрана и военное положение). Как известно, в эти моменты и теперь еще отменяются обычные законы, приостанавливаются Habeas corpus'ы[1], гражданский суд сменяется военным, несравненно более строгим и «скорым», почти всем выносящим смертные приговоры. Меч кар становится более острым и начинает срезывать большее число жертв.

Нужно ли доказывать, что эти факты — прямое подтверждение указанного закона. Чрезвычайные положения всегда устанавливаются именно тогда, когда в группе увеличивается антагонистическая гетерогенность, когда в ней появляется резкая дифференциация на две или большее число частей, убеждения и поведение которых начинают не совпадать друг с другом, иначе говоря — в периоды революции.

Чтобы предотвратить развитие борьбы между ними, чтобы не дать возможности распасться группе и чтобы склеить отталкивающиеся друг от друга части — карательно-наградной рычаг механически начинает давить сильнее и сильнее, стараясь подавить конфликтные импульсы и путем соединенного мотивационно-дрессирующе-рикошетного влияния на поведение человека снова установить необходимое единство. Отсюда и обилие наказаний, и повышение их жестокости, и большее число жертв.

Правительство вводит чрезвычайные положения, военные суды, карательные отряды. Виселицы и гильотины начинают работать вовсю. Люди расстреливаются поодиночке и группами, тюрьмы переполняются. Палачам приходится работать не покладая рук.

В ответ на это усиление кар и противная сторона действует по тому же типу. В ответ на казни — следуют террористические акты, в ответ на массовые убийства — восстания, в ответ на конфискации — усиленный грабеж, в ответ на чрезвычайные терроризирующие постановления — прокламации, угрожающие жестокой расправой «блюстителям и приверженцам» старого порядка. Одним словом, *линия кар и наград с той и другой стороны делает резкий скачок вверх.* В конце концов одна из сторон побеждает. После победы кривая санкций продолжает еще идти вверх или держится на достигнутой высоте.

Продолжается еще уничтожение «преступников» и устрашение других от «преступлений». Но с течением времени вновь установившийся шаблон поведения постепенно входит в жизнь, делается привычным, «страна успокаивается» и... *кривая санкций начинает мало-помалу спускаться вниз.*

Такова схема любой революции*, любого общественного сдвига, и любая из них сопровождается означенным скачком кривой

* См. более подробно о механике революции и переворотов: *Bauer A.* Essai sur les revolutions. Paris, 1908, ч. I и II.

санкций вверх. Из сказанного же, между прочим, ясно, что всякий общественный кризис должен сопровождаться и повышением «преступлений» с точки зрения обеих борющихся сторон. С точки зрения правительственной «преступления» будут расти потому, что разразившийся кризис означает рост противоправных деяний, нарушающих нормы, охраняемые уголовным законом. С точки же зрения другой борющейся стороны, преступления тоже повысятся, так как теперь с ее точки зрения поведение представителей власти и лиц, держащихся «старого порядка», начинает квалифицироваться в качестве поведения преступного. Отсюда взаимное усиление борьбы и санкций, отсюда же и повышение кривой санкций*...

---

* Из сказанного, между прочим, вытекает необходимость осторожного и отчасти скептического отношения к суждениям о моральном прогрессе или регрессе общества, основанном на данных уголовной статистики, каковые суждения сейчас в большом ходу. Однако эта статистика мало пригодна для этой цели. Стоя на точке зрения официально-уголовного кодекса, она каждое противоправное действие будет регистрировать как действие преступное. А так как согласно сказанному, в эпохи революций эти противоправные деяния увеличиваются и увеличиваются весьма быстро — то статистический подсчет даст громадный процент повышения «преступности». А отсюда уже без колебаний умозаключают: «Так как преступления растут и растут очень быстро, то ergo — в обществе происходит моральный регресс, нравственное вырождение». Между тем нетрудно видеть, что моральный регресс или прогресс и увеличение или уменьшение преступлений — две вещи разные. Из того факта, что «преступления» в эпохи революции увеличиваются, скорее следует делать обратный вывод, а именно — вывод о том, что общественная мораль сделала новый шаг вперед. Это массовое повышение «преступности» сплошь и рядом означает то, что старые нормы уже устарели, что многое, что они запрещали, уже не считается преступным, что общественная совесть требует от власти и членов общества более высокого поведения и т. д. Приведу пример. Если бы, например, уголовная статистика велась в эпоху борьбы христианства с язычеством в Риме, то наиболее острые периоды этой борьбы, т. е. периоды наиболее интенсивного распространения христианства и гонения на христиан, дали бы и наибольший процент религиозно-государственных преступлений. Отсюда статистика вывела бы, что процент преступности в эти периоды повысился, следовательно, произошло нравственное падение общества. Между тем нужно ли говорить, что дело обстояло как раз наоборот: именно в эти эпохи общество всего сильнее и быстрее прогрессировало и морально очищалось.

Почти всякий моральный подъем общественной группы, реализующийся в виде конфликтов, означает предъявление к индивиду новых требований. Эти требования в первое время не осуществляются многими — поэтому официальной властью они квалифицируются как преступления, а следовательно, при наличии статистического учета непременно дадут увеличение количества преступлений. Так, например, в Китае, как и в ряде других стран, детоубийство вначале было весьма распространено и не считалось за преступление. Но когда моральный уровень повысился — детоубийство было признано преступлением и зап-

Хотя указываемое мною обстоятельство ввиду своей всеобщности и не нуждается ни в каких доказательствах, все же я для примера приведу две-три иллюстрации, показывающие правильность сказанного.

Если мы возьмем, например, кривую смертных казней во Франции за последнее истекшее столетие, то она ясно показывает правильность указываемой закономерности. Предоставим слово М.Н. Гернету. «Проф. Garçon, — говорит он, — подметил интересный факт в движении числа смертных приговоров: *при каждом новом политическом режиме число смертных приговоров больше в первые годы, нежели позднее.* Так, Консульство дебютирует с 605 смертными приговорами (1803 год), а в 1813 году их 325, т. е. меньше вдвое; Реставрация начинает в 1816 году с 514 приговорами, а затем эта цифра падает до 91; Июльская монархия начинает в 1831 году с 108 приговорами и кончает в 1847 году с 65; в период империи число смертных приговоров было наивысшее в 1854 году — 79, а в последний год, 1870, всего 11. Уменьшение смертных приговоров с 1871 года очевидно»*.

Эта кривая не требует комментариев. Она буквально подтверждает проверяемую теорему; и притом не только в отношении самого колебания, но и постепенного уменьшения приговоров по мере приближения к нашему времени, т. е. с ростом культурности и сложности французского государства.

Я, конечно, далек от мысли видеть в этих цифрах подлинный учет всем смертным казням, имевшим место при переворотах. Эти колебания de facto должны быть гораздо значительнее, если мы примем во внимание те сотни расстрелянных на баррикадах и без суда во время и после любой революции, а в особенности после

рещено под страхом смертной казни. Очевидно, все акты детоубийства после издания соответствующего закона станут преступными актами и попадут под статистические данные, увеличив число преступных деяний против жизни. (См.: *Гернет М.Н.* Детоубийство. 1911, с. 8, 9.) Число преступлений в этом случае повысится, но из этого нисколько не следует, что моральный уровень общества понизился. То же приложимо, mutatis mutandis, и к большинству социальных конфликтов и связанного с ними роста преступности. Из сказанного видно, что абсолютное увеличение преступных актов само по себе еще не дает основания умозаключать об этическом декадансе, как это делают многие. Ввиду этого мы и здесь в термин «преступление» не вводим никакого абсолютно оценочного элемента.

* *Гернет М.Н.* Смертная казнь, с. 75-76.

неудачной коммуны 1871 года. Эти «смертные казни» обычно не попадают в статистические таблицы. Но мы, при нашем понимании кар, должны учесть и их. А этот учет может только подтвердить еще сильнее правильность проверяемой теоремы...

Второй пример. В России за конец XIX и начало XX в. статистические данные дают такие цифры казненных:

В пятилетие с	1875 по	1880 год	всего казнено	119
	1881	1885		71
	1886	1890		76
	1891	1895		47
	1896	1900		78
	1901	1905		93

А далее цифры делают сразу громадный прыжок вверх.

В течение одного	1906 года	казнено	547
	1907		1139
	1908		1340

А затем уже снова идет падение:	1909 год	дает цифру	717
	1910		129
	1911		73
	1912		126*

Эти данные, а равно и число смертных приговоров — опять-таки вполне определенно подтверждают сказанное.

Вообще указанная связь общественных потрясений, вызываемых усилением антагонистической полярности в психике, нравах, обычаях и вообще в поведении членов социальной группы, настолько самоочевидна, что ее можно проверить и испытать на любом историческом факте общественного перелома. Раньше эти переломы обходились обществу еще более дорого, жертвы борьбы были еще более многочисленны. Вспомним хотя бы антагонизмы и их разрешение в таких случаях, как знаменитая Варфоломеевская ночь, или восстание «жаков», или восстание крестьян в Англии под предводительством У. Тайлера, или

* *Гернет М.Н.* Ibid., с. 97-99.

восстание рабов в древности под предводительством Спартака, или же те многочисленные факты, которые дает нам история Ассирии, Вавилонии и Древнего Израиля (см. книги Царств) и т. д. Всюду здесь мы видим в такие моменты громадные скачки кривой кар вверх и беспощадную расправу одной из антагонистических групп с другой...

Исходя из той же теоремы, мы можем понять и вторую весьма распространенную категорию явлений, данных опять-таки во множестве случаев. Если сравнить интенсивность кар в каком-нибудь государстве по отношению к своим подданным-«старожилам» и по отношению к жителям только что присоединенной колонии, имевшим до сих пор иные нравы, обычаи, моральные воззрения, — то нельзя не видеть громадной разницы интенсивности кар в том и другом случае. *По отношению к жителям только что присоединенной колонии — кары обычно более жестоки.* Это было как в прошлом, так и в настоящем. Луазелер, автор «Преступлений и наказаний в древности и теперь», весьма рельефно подчеркнул это обстоятельство. Из законов, изданных для жителей колонии в XVII веке, ясно видна эта бóльшая жестокость. Примером могут служить de Code noire[2], изданный в 1685 году, и решения совета Мартиники в 1674 и 1677 годах*.

4-я статья решений совета Мартиники гласит: «Все негры, которые ударят белого, будут повешены или задушены; в случае, если белый умрет, они будут разорваны живыми»**. В сравнении с наказаниями, имевшими в это время место в метрополии за подобные преступления, как правильно отмечает Луазелер, здесь кары были несравненно более жестоки. И это понятно почему. Здесь население держалось иных обычаев и нравов, а потому, чтобы изменить и сделать однородным его поведение, — приходилось сильнее давить карами на его поведение... Эта бóльшая интенсивность колониальных кар красной нитью проходит через всю колониальную политику. Когда же моральные убеждения колонии с течением времени делаются более или менее однородными со средней моралью метрополий — кривая кар и здесь постепенно начинает спускаться до уровня ее в метрополии: жестокость и разнообразные ограничения мало-помалу падают.

---

* См.: *Loiseleur J.* Les crimes et les peines dans l'antiquité et dans les temps modernes. Paris, 1863, гл. о пенальности колоний.

** Ibid., p. 327.

Из сказанного становится понятным, почему *кривая кар должна делать подъем тогда, когда государство находится в периоде «собирания» и усиленного расширения границ, когда оно включает в свой состав множество «разнородных» племен и народов, с различной степенью культуры, с различными нравами и обычаями и вообще с гетерогенной психикой и поведением.* Для того чтобы удержать необходимое равновесие между этими центробежными частями, чтобы соединить и скрепить их в одно целое — рычаг кар начинает давить все сильнее и сильнее. Пока эта необходимая солидарность не установлена — до тех пор рычаг давит. По мере того как сплочение частей все более и более растет, по мере того как проходит «муть» перестройки и переверстания и более или менее однообразный моральный уровень водворяется всюду — кривая кар начинает опускаться. Именно этим фактом и объясняется ряд подъемов кар, иногда весьма и весьма продолжительно держащихся на большой высоте, которые нам дает история. Возьмем несколько случаев.

Кто сколько-нибудь вдумчиво изучал кривую интенсивности кар в истории Рима, тот не мог не заметить, что эта кривая вначале стояла высоко, затем постепенно опускалась, но, начиная приблизительно с эпохи принципата, и в особенности с эпохи империи, — она начинает быстро повышаться. Выше мы видели, как кары за воровство и адюльтер совершили именно такую траекторию. То же можно видеть и на истории наказаний за другие преступления, а равно и на эволюции самих кар. Возьмем, например, кривую смертной казни.

Вначале здесь единственным публичным наказанием за преступления была смертная казнь (а частное наказание покоилось на праве мести). Еще в XII таблицах, по словам Моммзена*, die einzige gesetzliche Strafe des öffentlichen Verfahrens bleibt der Tod[3]. Затем идет ее постепенное ограничение, во-первых, в виде установления права провокации к народу, необходимого для приведения в исполнение магистратского приговора, а затем в виде растущего стремления заменять ее денежным наказанием (Geldbüsse). Далее, «хотя римская республика формально и не уничтожила смертной казни... но в последнее столетие республики растет тен-

---

* *Mommsen Th.* Römische Strafrechts. Leipzig, 1899, S. 939 и сл. См.: *Его же.* Die Geschichte der Todesstrafe im Römischen Staat (Reden und Aufsätze. Berlin, 1905, S. 437-448).

денция уничтожения смертной казни, и законы на практике в действительности проводили эту тенденцию (замена казни ссылкой и т. д.)».

Цезарская диктатура и ранний принципат хотя и не восстановили законодательным путем на практике уничтоженную казнь, но «в судебной практике, во всяком случае при Августе, смертная казнь восстанавливается и смертные приговоры (Bluturteile) консуло-сенаторских судов наполняют анналы в особенности первого столетия»*.

В период же империи хотя смертные приговоры, направленные против римских граждан, для первых двух столетий и немногочисленны, однако «после Пия и до Александра, может быть, при Севере — смертная казнь становится обычным наказанием за тяжелые преступления, и эта тенденция в дальнейшем все более и более растет**. «Die Todesstrafe wird immer häufiger angedroht und auf immer geringere Verschuldigung erstreckt, die Execution immer weiter geschärft, für der Einzelfalle die Willkür stetig gesteigert»[4].

Аналогичное же поднятие жестокости проявляется и в других видах кар. Спрашивается, чем объяснить такое явление? Дюркгейм видит в этом частный случай сформулированного им общего закона колебания кар, который гласит: *интенсивность кар прямо пропорциональна степени абсолютности и неограниченности центральной власти. Чем неограниченнее последняя, тем более жестоки кары.* А так как и в Риме подъем жестокости кар совершается параллельно с ростом абсолютизма, то Дюркгейм видит в этом и иллюстрацию, и подтверждение своей теоремы***. Однако такое утверждение причинной зависимости между этими двумя явлениями малопонятно. Не более понятным становится оно и после объяснения Дюркгейма. Это объяснение сводится к следующему... Он различает двоякого рода преступления: a) направленные против коллективных благ (идеальных и материальных) и b) направленные против индивида (убийство, воровство, насилие). Первые преступления, как оскорбляющие всю коллективность, караются сильнее, ибо коллективные блага, в силу их коллективности, кажутся «святыми», вторые же оскорбляют только индивида, а потому и караются менее жестоко (criminalité religieuse et criminalité humaine).

---

* Römische Strafrechts, S. 942.

** Ibid., S. 943.

*** См.: *Durkheim E.* Deux lois de l'évolution pénale, p. 65-77.

С течением времени «религиозность» все более и более падает, поэтому должны ослабляться и кары, что мы и видим в действительности.

Усиливающаяся правительственная власть постепенно обоготворяет себя и становится богом, а в силу этого и нарушение ее повелений как «божеских постановлений» представляет criminalité religieuse и поэтому должно караться тем сильнее, чем абсолютнее власть, чем она богоподобнее*.

Нетрудно видеть всю искусственность и самопротиворечивость такого объяснения. Во-первых, допустим, что «религиозные преступления» как преступления, оскорбляющие всю коллективность, караются сильнее. Иначе говоря — здесь предполагается *единство и тождество морального сознания всего коллектива*, в силу чего и может тот или иной акт оскорблять психику всех членов коллектива. Допустим, что это так. Но спрашивается, какое отношение имеет к этому рост власти и ее абсолютизма? Власть может вообразить себя сверхбожеством, но это еще не значит, что моральное сознание носителей власти и всего общества тождественно. А ведь для наличия «религиозной преступности» это условие, по словам самого же Дюркгейма, необходимо... Как же можно подменять одно другим и белыми нитками сшивать два разнородных явления. Во-вторых, сам же Дюркгейм утверждает, что с развитием общества «религиозные преступления» стремятся к нулю, а возрастают за их счет «человеческие преступления». Раз так, то отсюда само собой следовало бы, что чем далее развивается общество, тем все менее и менее возможными становятся «религиозные» преступления. Поэтому и в Риме, согласно словам самого же Дюркгейма, он, при повышении кривой кар, должен был бы указать на наличие роста тождественности морального сознания коллектива. Но он сам же утверждает обратное. Поэтому становится совершенно непонятным, при чем здесь усиление власти. Одно из двух, или усиление власти есть и усиление морального единства общества — тогда понятным становится рост кар как реакции на «религиозные преступления», но тогда нельзя утверждать, что эта «религиозность» с развитием общества падает, а поэтому кары ослабляются. Или же, если с развитием общества «религиозность» морального сознания падает, тогда необъяснимо, при чем здесь усиление правительственной власти и почему

* *Durkheim E.* Op. cit., p. 86-94.

преступления против ее веления принимают «религиозный характер». Необъяснимым становится даже сам рост этой власти.

Помимо этих общих соображений и фактическая проверка этого «закона» на данных истории далеко не оправдывает его. Во-первых, есть ряд республик, где кары более жестоки, чем в абсолютных монархиях. Карательная система Древних Афин и Спарты была в общем гораздо жесточе, чем Рима в период империи. Подобно этому и кары ряда средневековых городов-республик (например, республики Св. Марка) едва ли можно отнести к числу менее жестоких, чем хотя бы кары ряда средневековых монархий. Нельзя сказать, чтобы степень центральной власти в Австрии при Иосифе II или в Пруссии при Фридрихе II была менее абсолютной, чем раньше, однако при них совершилось значительное падение кривой кар. Равным образом нельзя сказать также, что и в России с Петра I до конца царствования Александра III степень абсолютизма падала, однако кары — с очень незначительными отклонениями — все более и более падали. Одним словом, связь, указываемая Дюркгеймом, далеко не всеобща и вдобавок малопонятна, как малопонятным остается и сам факт роста абсолютизма центральной власти.

Попробуем подойти к объяснению кривой кар в Риме с точки зрения нашей теоремы. Согласно ей, мы, начиная с эпохи принципата, должны найти здесь рост антагонизма и разнородности морального сознания. И действительно, в эпоху принципата Рим включил в состав своей империи настолько разнородные элементы и такое множество различных по своим нравам, обычаям и поведению народов, что поддерживать их взаимное равновесие, подчинить их одним нормам можно было только путем «нечеловеческих» усилий. И вот с этой именно эпохи мы и видим, как Рим начинает напрягать все свои силы, чтобы удержать центробежные свои элементы в одном единстве, чтобы не допустить их разрыва друг с другом. Этим именно обстоятельством в значительной степени вызвано было и само усиление центральной власти и наряду с этим — повышение кривой кар. Чем далее, тем труднее и труднее становится задача поддерживания единства. Восстания отдельных народов происходят чаще и чаще. Указанная задача еще более становится невозможной, благодаря начавшемуся натиску германцев, парфян и других народов, надвигавшихся на Римскую империю. К этому обстоятельству присоединяется появление *хрис-*

тианства, его рост и вносимый им разлад в единство общества. Чем дальше, тем больше христианство ширится, антагонизм язычников и христиан все более и более растет и единство общества все более и более падает. Прибавьте к этому растущее недовольство колонов и рабов, прогрессирующую быстроту их восстаний, рост мятежных групп или «багаудов», в III веке разросшихся до огромных и многочисленных полчищ, вожди которых одно время даже провозгласили себя императорами (Элиан и Аманд), прибавьте вызываемое тем же недовольством массовое бегство к варварам, растущее число преступлений против личности, имущества и строя — и тогда вполне понятным становится, почему кары, начиная с I же века начинают все более и более ползти вверх*. Это, согласно теореме, должно было случиться неизбежно и случилось. И чем более распадалась империя, тем сильнее давили кары, безуспешно пытаясь подавить центробежные силы. И они оказались бессильными. В IV веке Римская империя разорвалась на две части, центробежные силы победили центростремительные. Из этих кратких штрихов видно, почему кары должны были повышаться.

Мало того, если взять в эту же эпоху историю христианства и репрессий против него — то и история гонений на христиан буквально подтверждает сказанное. Многие из историков христианства выражали свое изумление тому, что наиболее жестокими гонителями христиан были лучшие римские императоры (Траян, Марк Аврелий и Диоклетиан). Но, приняв во внимание сказанное, становится понятным, что начиная со II века, т. е. с эпохи все более и более быстрого распространения христианства, — борьба с ним должна была становиться все острее и острее, пока оно не будет подавлено или пока оно окончательно не восторжествует, что и случилось при Константине Великом.

Если теперь мы возьмем другие случаи колебания кривой кар, то увидим, что и они вполне согласуются с указанной теоремой. Переходя от древней истории к средней и следя за общей линией кар как в Восточной Римской империи, так и среди германцев и в Меровингско-Карловинских областях, мы принуждены констатировать, что кривая кар в общем не понижается, а повышается или стоит на достигнутом раньше уровне. Если опять-таки исходить

* Чрезвычайно яркую характеристику состояния Римской империи в эту эпоху дает *Сальвиан* в своем сочинении «De gubernatione Dei» (кн. V, 4-9), написанном в половине V века.

из теоремы, то вполне понятной становится эта линия наказаний. В самом деле — оба фактора жестокости в этот период налицо. Германские и франкские народы, выступившие в это время на «арену» истории, были примитивны и, как большинство примитивных народов, держались примитивной же карательной системы: смертной казни в области преступлений против общества, ордалий[5], композиций и частной мести. С другой стороны, все эти века, как известно, были эпохой «переселения народов», политические тела возникали и исчезали с удивительной быстротой. Образованные насильственным путем из самых разнородных единиц, между моральным уровнем которых мы напрасно бы стали искать consensus'а, они, естественно, не могли образовать хоть сколько-нибудь мирного сообщества и поэтому или очень быстро распадались сами, или разрушаемы были внешними причинами, или же, если и держались, как держалась сравнительно долго империя Карла Великого, то только при помощи беспощадных кар: в виде ли беспощадного избиения восстающих и беспрерывных войн или же в виде жесточайших наказаний, постигавших всех «диссидентов» и «преступников»*...

Здесь не место описывать все возникавшие и лопавшиеся, как пузыри, общественные союзы и государства этой эпохи, а равно и перечислять «кружившиеся в этом водовороте народы и племена германцев, галлов, гельветов, бойев, арависков, озов, треверов, нервиев, вангионов, трибоков, неметов, батавов, хаттов, маттиаков, узипов, тенктеров, бруктеров, хамавов, ангривариев, кимвров, свевов, семионов, лангобардов и т. д. и т. д.*, далее пиктов, ананов, готов, сарацин, гуннов, сарматов и т. д. и т. д. Можно только сказать вместе с Иорданом (VI в.), что в эту эпоху «все вооружились на взаимную гибель... Королевства распадаются на нации, из одного тела образуются отдельные члены, и один не чувствует боли другого, но по отсечении головы, наносят взаимно удары. Сильнейшие народы, не находившие прежде равных себе, теперь растерзывают сами себя, всасываясь в раны друг другу»**.

При таких условиях мудрено было бы ждать падения кар. И позже, когда образовалась Меровингско-Каролингская империя,

---

* Достаточно с этой целью напомнить количество войн, предпринятых Карлом, и степень их жестокости.

* См.: *Тацит.* De [origine] situ, moribus ac popul. German., XXVIII-XLVI.

** См.: *Иордан.* De Gothorum origine et rebus gestis, L-LII.

«сшитая» наскоро из ряда различных народов, — опять-таки антагонистическая полярность дана нам налицо, а поэтому и не приходится удивляться жестокости капитуляриев[6] Карла и его преемников*. Но и она скоро распадается, сделавшись жертвой тех же центробежных сил.

Дальше дело не становится лучше ни в Германии, ни во Франции: водворяется феодализм, а вместе с ним и «война всех против всех». Не только давления кар светской власти, но и двойного давления церкви и государства недостаточно, чтобы прекратить эти вечные антагонизмы, кулачное право и почти беспрерывную борьбу. Мудрено ли поэтому, что «мир» никак не мог установиться, и только под угрозой проклятий церкви после долгих усилий удается установить некоторое ограничение этого беспрерывного взаимного преступно-карательного потока феодальной борьбы**.

Мудрено ли поэтому, что и в «установлениях» Людовика Святого, в Германии в Саксонском и Швабском зерцале, а позднее в ряде отдельных постановлений и в Каролине — эта жестокость кар не только не падает, но даже, пожалуй, поднимается***. Было бы долго описывать здесь все антагонизмы — экономические, политические, моральные, религиозные и т. д., — непрерывно волновавшие Европу до XVII-XVIII веков. Но известный каждому историку наказаний факт высокого состояния кривой кар до XVII-XVIII веков объясняется именно этой разнородностью населявших Европу народностей. С самого перехода к средним векам перед жителями Западной Европы стояла задача уменьшения взаимной моральной гетерогенности и увеличения сходства, уменьшения агрессивности и увеличения социального альтруизма, установления большего единства между соприкасавшимися в силу необходимости народами, превращения в одно целое совершенно разнородных элементов и т. д.

Целые века понадобились, чтобы выполнить эту задачу; ряд столетий до XVII-XVIII веков может быть рассматриваем как вре-

---

* См. для характеристики карательных систем этого времени Codicis Theodosiani[7], законы бургундов, вестготов, капитулярии Карла и общую характеристику этой эпохи у Loiseleur'a (Les crimes et les peines, p. 99—124).

Совершенно правильно говорит о Феодосиане Луазелер, что «la pensée qui inspire la loi est excellente, mais la peine est excessive» (p. 100)[8].

** См. чрезвычайно характерные декреты о Божьем мире Тюлюжского (1041 г.) и Клермонского соборов (1096 г.).

*** См. общий очерк. *Loiseleur J.* Op. cit., гл. «Феод[альная] Франция и Германия в средние века».

мя, потраченное на созидание органически связанных широких общественных союзов (государство и церковь). Целые века были нужны, чтобы выдрессировать людей и заставить их жить более гармонично между собой, а равно и изменить радикально их психику. К XVIII веку эта задача была в значительной степени достигнута, и вот кривая кар начинает со значительной скоростью понижаться и все более и более падает.

Если теперь мы возьмем ряд отдельных эпизодов из этого процесса, то и здесь убедимся в правильности теоремы.

Возьмем для примера историю *инквизиции*. И здесь рычаг кар начинает давить сильнее тогда, когда в единой церкви появляются разнородные течения. Началом инквизиции можно считать конец XII века и начало XIII века (декрет Совета Вероны от 1184 года, поручение Иннокентия III об отыскании еретиков, данное Pierre de Castelnau et Raoul в 1203 году, а затем эдикт 1215 года), т. е. то время, когда антагонизм различных частей церкви уже укрепился, о чем и свидетельствует появление ереси альбигойцев и вальденсов[9].

И в нашей истории процесс «собирания русской земли», с одной стороны, и процесс поддержания единства уже собранной земли, с другой, — не обошелся даром. Действительно, ко времени Иоанна III этот процесс собирания в основном был закончен. Теперь задача государственной власти заключалась в том, чтобы не дать возможности рассыпаться вновь созданной государственной храмине, составленной из элементов далеко не однородных. Нужно было «склеить» в одно целое как народности, вошедшие в состав государства, так и различные сословия и социальные группы, образовавшиеся внутри Московской Руси. И мы, действительно, видим, как совершается эта «склейка». Покорение и неоднократное усмирение Новгорода и Пскова при Иоанне III и Иоанне IV, с одной стороны, опричнина и массовые казни Иоанна IV — с другой, и все более и более растущая жестокость «официальных» кар, как это видно по Судебникам, — с третьей — вот свидетельства этой «склейки». Не Иоанн IV виноват в опричнине, а исторический процесс, который свои законы диктует одинаково и пастухам, и царям... Антагонизм, однако, не прекращается: ряд новых причин поддерживает его существование, конечным пунктом которого является «разруха и смута».

Мудрено ли поэтому, что и Уложение Алексея Михайловича не понижает эту жестокость кар. Задача объединения еще далеко

не была выполнена, а потому и кривая кар не могла понижаться. Только в XVIII веке мы видим это понижение.

Вообще говоря, всякий социальный кризис, как развито было выше, есть следствие антагонистической разнородности морального сознания, поэтому всякий кризис есть борьба, а социальная борьба состоит именно из преступно-карательных актов, которые не могут не влечь увеличение преступлений и наказаний и с официально-правовой точки зрения. Ришар вполне прав, когда говорит, что «это социальная среда определяет формирование карательного права и преступности в различные времена. Само общество сознательно или спонтанно организует сопротивление преступным тенденциям, когда оно находится в нормальном состоянии, т. е. в состоянии медленного, гармонического и правильного развития; оно же обусловливает появление преступности, когда оно находится в состоянии кризиса»*.

Отмеченное уже многими криминалистами-статистиками повышение преступлений во время экономических кризисов — есть лишь частный случай указываемого нами общего закона временного колебания кар (и преступлений)**.

Тот же Richard не менее правильно указывает далее, что «коллективные и кровавые формы преступности соответствуют острым кризисам, а индивидуальные и коварно-хитрые — кризисам более мягким и идущим на убыль» (en voie d'attenuation)***.

У него же мы находим новый ряд подтверждений нашей теоремы и его собственного положения. Так, Германия конца XV века дает картину широкого развития разбойничества (brigandage) и соответственно суровых наказаний, частных ли (кулачное право) или публичных. Подобного рода явление при экономическом и культурном процветании Германии того времени может быть объяснено лишь столкновением двух миров: старокатолического и новопротестантского, родоначальниками которого были лолларды[10], Гус и др., действовавшие до этого и в это время. Не менее знаменательны и данные, приводимые им относительно кривой убийств в Италии, если мы их сопоставим с кривой смертной казни: кривая убийств в Италии дает такие цифры. Она постепенно

---

* См. превосходную статью *Richard'a* «Les crises sociales et les conditions de la criminalité» (L'année sociologique. 1900, p 17).

** См., например: *Meyer A.* Das Verbrechen in seinera Zusammenhang mit dem wirtschaftl. und sozialen Verhalten (1895).

*** *Richard G.* Ibid., p. 27.

спускается с 8000 убийств в год около 1860 года до 5418 в 1880 году, до 4288 в 1885 году, до 3628 в 1890 году и 3861 в 1895 году. Чем объяснить подобного рода падение этого рода преступлений?

Ришар вполне правильно указывает на то, что эпоха после 1860 г. есть эпоха новой жизни Италии, вышедшей из состояния кризиса, в каком она была до половины XIX-го столетия, и вновь возродившейся в виде национального государства, свободного от опеки церкви и других государств. Параллельно с этим уменьшением преступлений падают и наказания, и в 1890 году смертная казнь в Италии отменяется*. И этот факт — прямое подтверждение теоремы, ибо раз убийства падают, то, значит, consensus все более и более укрепляется, а потому нет уже надобности в давлении рычага кар.

Подобный же процесс падения убийств, по данным Ришара, происходил и во Франции, начиная с 1830 года — конца старого режима и до 1871 г. — нового кризиса, когда кривая убийств повышается и затем снова быстро падает. Если же взять период с 1788 по 1801 год — период кризисов, то здесь наблюдается громадное число убийств, необычайное развитие разбойничества, особенно на юге Франции. Как же идет кривая кар? Она идет параллельно. Развитие разбойничества и грабежа в эпоху с 1788 по 1801 год означает усиление антагонизма — поэтому, согласно теореме, должны усилиться и кары. Так оно и есть. Февральский закон Наполеона от 1801 года учреждает военные суды вместо обычной юрисдикции, в несколько месяцев расстреливаются сотни людей после суммарно-групповых процессов, и brigandage прекращает свое существование**.

Аналогичное же сопутствие и параллельный ход кризисов, роста преступлений и повышений жестокости кар наблюдается и в истории Индостана конца XVIII и начала XIX-го столетия, в момент борьбы ислама с индуизмом, и в Индокитае конца XVIII века***.

Из приведенных выше фактов и разъяснений видно, что так должно быть всюду. Всякий кризис есть симптом столкновения моральных норм, это столкновение есть уже социальная борьба, борьба же есть взаимный обмен преступлениями и наказаниями,

---

* См.: *Гернет М.Н.* Смертная казнь, с. 2. Здесь же на с. 135 приведены данные, показывающие, что и в годы с 1895 по 1906 убийства все более и более уменьшались.

** *Richard G.* Ibid., p. 27.

*** *Richard G.* Ibid., p. 27-29.

ее появление и рост есть рост и последних, поэтому нельзя не согласиться с Richard'ом в том, что за всяким социальным кризисом скрывается «кризис этико-религиозный, т. е. быстрое исчезновение старых верований и морали и появление новых верований, прав и обязанностей»*.

Таким образом, мы на ряде фактов убедились в том, что наша теорема о колебаниях санкций вполне может быть подтверждена множеством исторических фактов и при надлежащем анализе любое периодическое колебание подтвердит ее правильность.

Изучая закономерность подъема и понижения кар и наград за отдельные преступления и подвиги, следует иметь *в виду двоякого рода понижения, вызываемые различными причинами: одни кары за определенного рода преступления понижаются в силу того, что поведение людей поднимается на должную высоту и сами преступления становятся все более и более редкими. Другие же кары понижаются потому, что часто поступок, считавшийся ранее преступным, позднее перестает быть таковым. А раз он перестал быть преступлением, то, понятно, не вызывает и никакой кары.* В первом случае психика и поведение людей поднимаются на большую моральную высоту, они начинают совершать или не совершать акт, который раньше мог совершаться или не совершаться лишь благодаря давлению кар. Во втором случае этого подъема не совершается, но просто «вскрывается» заблуждение предшествующего времени; а это вскрытие своим последствием имеет упразднение кары. Так, например, исторически проявляющееся смягчение наказаний за убийство обусловливается тем, что историческая дрессировка вела людей ко все большему и большему вытравливанию из их психики злостных импульсов, ведших к убийству, и все более и более укрепляла отвращение к актам убийства. Иначе обстоит дело с другими преступлениями. Раньше, например, у некоторых народов карался акт прохождения по тени другого человека или же религиозное разномыслие в той или иной форме. В последующие эпохи кары за эти поступки исчезли, но исчезли не потому, что все стали одинаково верующими, — а потому, что сами эти акты были поняты как акты, не имеющие ничего преступного и объявленные преступлениями лишь «по недоразумению».

Все сказанное о карах приложимо в одинаковой степени и к услужно-наградным явлениям.

---

* *Richard G.* Op. cit., p. 34, 35.

Синтезируя исторические тенденции падения санкций с теоремой их временного колебания, принимая во внимание растущую быстроту социального приспособления, а равно и степень достигнутого согласования поведения людей, фактически выходящего далеко за пределы государства и обнимающего Европу и все культурные страны Америки, Азии и Африки, мы с чувством глубокого удовлетворения можем констатировать, что *человечество уже выполнило самую важную и трудную часть своей задачи — установления общечеловеческого consensus'а в поведении и установления гармонии в дальнейшей социальной эволюции.* Чем далее, тем скорее пойдет этот процесс, и пределом ему может быть только полное гармоническое шествие на новые моральные и культурные выси.

Правда, это стоило довольно дорого человечеству, и пришлось тысячам поколений «унавозить» собой и своими страданиями эту дорогу совершенствования, но... «судьба жертв искупительных просит», и было бы бесполезно предъявлять иск к мировой необходимости или, что то же, к «космической случайности».

ГЛАВА X
ПРОГРЕСС ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

Обзор конкретного исторического материала показал, что дедуктивно сделанные выводы не висят в воздухе, а подтверждаются действительностью. Раз это так, то отсюда вытекают весьма важные последствия, имеющие как чисто теоретическое, так и практическое значение. Нет надобности доказывать, что если предыдущие положения не вполне ложны — то они имеют известное значение и для разумно-практической деятельности, в частности, для целей разумного и плодотворного воспитания людей, — воспитания, сознательно направляющего поведение человека в желательную сторону.

С другой стороны, мы не можем не подчеркнуть того, что рассмотренные нами тенденции дают ответ на один из важнейших вопросов исторической науки, имеющих большое значение для каждого человека, пытливо спрашивающего себя о прошлых, настоящих и будущих судьбах человечества. Этот вопрос гласит: *улучшается или ухудшается природа человека с развитием социального процесса*, иначе говоря, есть ли исторический процесс в то же время и *прогресс*, т. е. движение от худшего к лучшему, от низин к вершинам, или же это есть *регресс*, постепенный переход от лучшего к худшему?

Ответы на этот вопрос, как известно, были весьма различны*. Одни рассматривали исторический процесс как «шаг на месте»,

* См. изложение и анализ понятия прогресса и эволюции в моей статье «К вопросу об эволюции и прогрессе» (Вестник психологии. 1911). См. также последний том Анналов Международного института социологии, посвященный прогрессу (Le progrès. 1913).

как вечное, бессмысленное, беспорядочное и монотонное круговращение (Экклезиаст, Вико, Ницше и др.). Другие говорили, что природа человека с развитием истории постепенно ухудшалась, что идеальный «золотой» век был на заре истории, в прошлом, а настоящее и будущее — есть только искание этого прошлого (Руссо, Ж. де Местр и др.).

Иные думали, что ответить на этот вопрос нельзя, ибо нет данных, которые позволяли бы определенно решить эту проблему положительно или отрицательно.

В наше время приходится постоянно слышать и читать о том, что мы переживаем нравственный кризис, что в обществе замечается падение моральных устоев, что безнравственность, пороки и разврат все быстрее и быстрее растут, что преступления увеличиваются и т. д. и т. д. Исходя из таких посылок, люди, так думающие, произносят горячие филиппики, клеймящие безнравственность общества, требуют суровых и строгих мер против роста безнравственных поступков, требуют смертной казни и запрещения преступникам производить детей и т. д.; в противном случае, добавляют они, делая выразительно великолепный жест, человечество попадет в бездну бесправия, насилия, аморальности и быстро выродится.

Мы не принадлежим к тем оптимистам, которые всякое более позднее по времени событие считают и лучшим, которые держатся принципа «что позже, то лучше» и отождествляют исторический процесс с прогрессом. Почва таких лиц чрезвычайно шатка, и достаточно небольшого знакомства с историей человечества, чтобы привести примеры, показывающие, что не всегда худшее вытеснялось лучшим, но бывало и обратное. Одним словом, нельзя утверждать, что прогресс постоянно идет по прямой линии, без зигзагов, поворотов и отклонений.

Но признание этих зигзагов нисколько не мешает нам в основных чертах согласиться с теми оптимистами, которые, как Кондорсе, Конт, Спенсер и др., далеки были от всякого пессимизма и принимали за основную линию исторического процесса — линию прогресса.

Я не буду здесь входить в изучение гносеологических предпосылок прогресса, не буду равным образом касаться и предпосылок общезначимости того или иного идеала или «мира должного». Вместо всего этого я ограничусь следующим: если *мы счита-*

ем социально полезное (альтруистическое) поведение лучшим, чем социально вредное (эгоистическое), если мы считаем солидарность и гармонию людей между собою лучшим, чем кровавую борьбу и вечные жестокие конфликты, если мы считаем более быстрый рост знания и более быстрый ход к миру солидарности лучшим, чем невежество и черепаший ход к взаимопомощи, если мы считаем поведение человека, руководствующегося только стимулом общественной пользы, лучшим, чем поведение человека, руководствующегося карами и наградами, если, наконец, мы считаем отсутствие кар и наград, не ведущее к росту социально вредных поступков, лучшим, чем беспощадные кары и грандиозные награды, если, иначе говоря, мы считаем поведение человека, бескорыстно из чувства общей пользы и добросовестно исполняющего социально полезные функции, лучшим, чем поведение человека, исполняющего те же функции только благодаря ударам кнута, розгам, пыткам и угрозам или благодаря обещанию различных «приманок» и выгод, если, наконец, мы считаем любовь людей друг к другу лучшим, чем вражду и ненависть, — если все это мы считаем лучшим (прогрессом) — то должны сказать, что исторический процесс, несмотря на зигзаги и отклонения, в своем целом виде есть и прогресс.

В предыдущем мы это старались показать не только путем дедуктивно выведенных посылок, но и путем обзора исторического материала. Этот обзор нам показал, что с поступательным ходом человечества происходит и постепенное улучшение его природы и его поведения: социально полезные шаблоны, благодаря повторению, все более и более закрепляются и становятся все более и более устойчивыми, социально вредные шаблоны все более и более расшатываются, благодаря ускоряющемуся процессу социальной эволюции. То и другое ведет к уничтожению конфликтов — с одной стороны, и к смягчению их — с другой. А это обстоятельство, в свою очередь, ведет ко все большему и большему исчезновению и смягчению кар и наград*.

То социально полезное поведение, которое раньше добивалось от индивида лишь под угрозой смерти (например, не оскорблять другого — иначе кровная месть), или кнута и истязания (рабство и работа рабов), или мучительных и членовредительных наказа-

---

* См. массу исторических фактов в статье *М.М. Ковалевского* «Прогресс» (Вестник Европы. 1912, Февраль.); Annales, т. XIV, с. 187-238, а также *Buisson F.* Ibid., p. 238-246.

ний (не убий, не воруй и т. д., иначе — отсечение руки, лишение глаза и т. д.), или же расточительных кар и наград, — постепенно начинает выполняться индивидом без всякого принуждения, без всяких кар и наград; оно становится ему «привычным», органически свойственным, оно превращается во внутренний «долг», в необходимый импульсивный акт.

А это явление уже грандиозный и великий шаг в сторону лучшего, более высокого и социально полезного поведения.

Достаточно его одного, чтобы признать, что человек все более и более приспособляется к социальной среде, т. е. к общежитию сочеловеков.

Но мало этого, оказывается, что человеческое поведение улучшается не только в этом смысле, а оно улучшается, так сказать, в квадрате. Действительно, если бы дан был определенный уровень социально полезного поведения, возможного вначале лишь при давлении кар и наград и постепенно становящегося внутренне необходимым поведением, делающим излишними кары и награды — то и это уже было бы прогрессом (1-я степень). Но оказывается, что уровень социально полезного поведения все повышается, к индивиду предъявляются все большие и большие требования, заставляющие его поступать все более и более социально полезно, и, однако, кары и награды не только не растут, но падают и при этом условии... Если бы кары и награды не падали, но социально полезное поведение повышалось — то это был бы прогресс первой степени. *Но история человечества показывает нам одновременно и повышение уровня социально полезного поведения, и понижение кар и наград, т. е. двойной прогресс, или прогресс в квадрате...* Проиллюстрируем сказанное... По вычислениям Сутерланда, общество низших дикарей состоит в среднем из 40 человек, средних — из 150, высших — из 360 человек. Несмотря на такую малочисленность и простоту, и тут дикарь не был приспособлен к социальной жизни. Не говоря уже о том, что он находился в беспощадной и кровавой борьбе со всеми остальными племенами, даже внутри своего племени сносное социально полезное поведение добивалось от него только при условии беспощадных кар и наград... Внутригрупповые раздоры — не редкость среди дикарей, а кары и награды, как мы старались показать выше, беспощадны, неумолимы и изобильны.

В дальнейшем человек живет уже в более многочисленных группах. Общества варваров в среднем насчитывают от 6 500 человек (низшие варвары) до 442 000 (высшие варвары).

Человеку, живущему в таких обществах, уже труднее координировать свое поведение, чем человеку, живущему в группе из 40 человек... В первом случае нужно согласовать свое поведение только с поведением 40 человек, во втором — с 442 000. Ясно, что в последнем случае возможностей для конфликтов гораздо больше. Однако что же мы видим? — А то, что внутригрупповые кары и награды в среднем не только не растут, но обнаруживают тенденцию к падению.

Вместе с этим уменьшается и возможность междугрупповых конфликтов.

Далее, общества цивилизованных народов в среднем насчитывают от 4 200 000 индивидов (низшие цивилизованные народы) до 24 000 000 и выше*. И однако, несмотря на этот рост общества, несмотря на возросшую возможность конфликтов, число конфликтов не только не становится многочисленнее и острее, внутриобщественные карательные и наградные реакции не только не растут, но падают, становятся мягче и гуманнее...

От дикаря, живущего в среде 40 человек, невозможно было без жестоких кар добиться необходимого социально полезного поведения по отношению к своим сочленам, не говоря уже об иноплеменниках. Теперь же от человека это социально полезное поведение (и гораздо более широкое и глубокое) с гораздо меньшими карами и наградами, а то и совершенно без них добивается по адресу не только 40 человек, но по адресу десятков, сотен миллионов людей и даже по адресу всего человечества...

Вместе с этим ростом обществ в обратной пропорции уменьшается и возможность междугрупповых войн, ибо само число групп уменьшается. Нужно ли говорить, что в наше время, когда всего насчитывается несколько десятков государств на всем земном шаре, — возможность для междугрупповых конфликтов гораздо меньшая, и они случаются гораздо реже, чем раньше, когда достаточно было любого пустяка для возникновения борьбы между первобытными группами, фактически почти постоянно находившимися в войне. Нужно ли также говорить, что для наиболее

---

* См.: *Сутерланд А.* Происхождение и развитие нравственного инстинкта. Изд. Павленкова, 1900, с. 382.

развитых и социально воспитанных людей нашего времени теперь «несть ни Еллин, ни Иудей, ни раб, ни свободь»[1], но всякий человек — собрат, по отношению к которому необходимо поступать так же, как и по отношению к «своему» человеку...

А разве все это не улучшение в квадрате? Уровень требуемого социально полезного альтруизма поднялся на громадную высоту, а кары и награды не только не поднялись, но, наоборот, пали.

Можно тот же прогресс социально полезного поведения показать и в глубину, а не только в ширину...

Возьмем для примера акт убийства. В первобытные времена подобный акт был обычным явлением и сплошь и рядом не представлял никакого «преступления», а был нормой. Убивали друг друга, убивали женщин, детей, стариков. Не только разрешалось убивать, но даже приказывалось... Убивали за каждый пустяк, подобно тому фиджийцу, который ни за что ни про что схватил своего ребенка за ноги и ударил головой о скалу... Убийство иноземцев было подвигом, убийство рабов — не преследовалось, а вполне допускалось; то же относится и к убийству членов низших каст...

Теперь же никто не может убивать другого... Даже убийство преступников и то, по справедливости, вызывает протесты, как, по справедливости, вызывают протесты и меры, рекомендовавшиеся Ломброзо, Гарофало, Ферри и в последнее время Геккелем, меры, от которых большинство этих авторов поспешило отказаться... Отмена смертной казни есть вопрос времени.

Мало того, в данный момент индивиду предъявляется требование не только воздерживаться от убийства кого бы то ни было, но воздерживаться и от какого бы то ни было оскорбления, насилия и вообще нанесения ущерба другому... Уровень требуемого от индивида социально полезного поведения возрос на громадную величину в сравнении с первобытными требованиями, и, однако, кары и награды не только не возросли, а пали.

Это значит, что требуемое социально полезное поведение, несмотря на его возросший уровень, выполняется индивидом гораздо легче, чем выполнял первобытный человек требуемые от него акты. Ахиллес, несмотря на богатейший выкуп, обещанный ему Ликаоном, не воздержался от убийства, теперь у наиболее культурных лиц, несмотря ни на какую награду, не поднимется рука на убийство...

А разве все это не прогресс в квадрате?

Не вдаваясь в дальнейшие подробности, мы можем сказать, что мы не являемся сторонниками «предустановленной гармонии» и не думаем нисколько отрицать, что бывают в истории регрессивные повороты, но это не мешает нам видеть основную восходящую линию повышающегося социально полезного поведения человека, улучшения и облагорожения этого поведения, т. е. линию прогресса*.

Если верны были установленные выше исторические тенденции, то спрашивается, каков же тот предел, к которому они ведут? Ответ на этот вопрос дают сами тенденции.

Таким пределом, очевидно, будет полное уничтожение кар и наград. Но ясно, что если таков конкретный итог всей социальной эволюции, то он может реализоваться лишь при том условии, если исчезнут те причины, которые вызвали появление кар и наград. Такими ближайшими причинами являются преступления и подвиги, в свою очередь вызванные конфликтным характером развития и роста социальной жизни. Следовательно, чтобы возможен был указанный результат, т. е. полное падение кар и наград, необходимо должна исчезнуть и вызвавшая их причина, т. е. конфликты шаблонов поведения. *Возможно ли это, и если возможно, то каким образом?* Два основных процесса, ведущие к этому, мы уже указали выше: один из них состоит в том, что социально полезные шаблоны поведения все более и более растут, растут одновременно и вглубь, и вширь, т. е. охватывают все большие и большие агрегаты людей. Уже и в настоящее время для наиболее передовой части человечества таким агрегатом является в принципе все человечество. Чем дальше будет идти история — тем эта часть людей будет все более и более расти.

Это рост вширь. С другой стороны, социально полезные акты растут и по своей интенсивности. С поступательным ходом истории они все большее и большее число раз повторяются, а это, согласно сказанному выше, ведет к тому, что они становятся все устойчивее и устойчивее; внутренний импульс, побуждающий к этим актам, становится все сильнее и сильнее, следовательно, опасность нарушения их все более и более падает. Таков один процесс.

---

* См. великолепные страницы у *Л.И. Петражицкого:* «Акции и бирж[евая] игра», гл. I, и превосходную брошюру *Е.В. Де-Роберти* «Qu'est ce que le progrès».

Другой процесс, параллельный первому и неразрывный с ним, заключается в том, что благодаря прогрессирующей быстроте смены шаблонов, шаблоны социально вредные не успевают застыть и кристаллизоваться. Чем быстрее идет их смена, тем меньшее число раз они могут повторяться, следовательно, тем меньше шансов на то, чтобы они могли образовать сильные импульсы к совершению таких поступков. Эти импульсы, побуждающие к совершению социально вредных актов, благодаря этому, становятся все слабее и слабее и в конце концов даже могут и совершенно не быть, т. е. быстрота социальной эволюции приведет к тому, что не будет возможности и для образования самих социально вредных импульсов.

А раз это так, то само собой понятно, что для уничтожения таких социально вредных актов вовсе не нужны будут современные, а тем более прошлые кары и награды. Чем сильнее импульс, побуждающий к социально вредному акту, тем труднее уничтожить его, а тем самым предотвратить социально вредный акт; следовательно, тем интенсивнее должны быть кары и награды. Чем слабее импульс, тем легче можно уничтожить его и тем меньшими должны быть кары и награды. Там же, где и импульса-то в собственном смысле нет, там, понятно, не будет никакой кары и награды или же будет только слабая тень их.

Таков предел, к которому стремятся указанные исторические тенденции, и таковы два основных условия, ведущие к этому пределу и тем самым уничтожающие конфликты как причины кар и наград. Подобно тому как было сказано: «Война нужна была для того, чтобы уничтожить войну», точно так же можно сказать: «*Кары и награды нужны были для того, чтобы уничтожить кары, и награды*». Таков вывод из всего предыдущего...

Но здесь нам могут сказать: если не будет больше конфликтов, то не равносильно ли это тому, что история остановится, что человечество, достигнув этого состояния, раз навсегда застынет в определенной социальной обстановке и социальная жизнь кристаллизуется навеки в однажды достигнутых формах?

Нет, совершенно неравносильно. Уничтожение конфликтов вовсе не означает уничтожения дальнейшего развития.

Рота солдат может идти стройно и может идти беспорядочно (конфликтно). Если она идет стройно (подвижное равновесие), то это вовсе не означает, что она стоит на одном месте. Это оз-

начает только то, что она движется, но движется гармонично. То же самое относится и к социальной эволюции. Уничтожение конфликтов вовсе еще не означает уничтожения самого процесса развития и поступательного хода, а означает оно только то, что социальный процесс, будучи раньше конфликтным, перестал быть таковым и стал гармоничным (подвижное и гармоничное равновесие).

То, что раньше было внешне декретируемым «долгом», за неисполнение которого грозили карой, и то, чего раньше можно было добиться от индивида лишь с помощью наград, то с течением времени становится «долгом», но долгом не извне навязываемым, а долгом свободным, самопроизвольным, органически присущим внутренним импульсом. Это долг в том смысле, в каком его понимал Гюйо. Это есть «некоторая форма импульса, сила, настойчиво требующая своего проявления»*, или «любовь» в том смысле, в каком ее понимали Будда, Христос и другие великие проповедники действенной любви, которая является основной нормой и в «политике права» проф. Петражицкого**. Иначе говоря — это свободное хотение индивида... Для того чтобы заставить голодного пообедать — не нужно кар и наград, он сам с удовольствием сядет за стол и будет есть. То же и тут, кары и награды нужно только тогда и для того, кто не приспособлен к социально полезному поведению; там же, где социально полезные шаблоны являются органической потребностью, там кары и награды излишни***.

Таким образом, роль кар и наград заключалась и заключается еще отчасти в создании, расширении и укреплении социальной солидарности. Но по мере роста последней — кары и награды пада-

---

* См.: *Гюйо М.* Очерк морали. Изд-во «Знание», СПб., 1898, с. 372-373.

** См. его статью «К вопросу о соц[иальном] идеале».

*** При таком положении дела, конечно, должно совершиться и падение трех указываемых категорий актов: должных, запрещенных и рекомендованных. Это различие тогда должно исчезнуть и замениться великой действенной, самопроизвольной любовью к другим, не знающей ни добра, ни зла, ни приказов, ни запретов. *Л.И. Петражицкий* прав, когда говорит: «Право существует из-за невоспитанности, дефектности человеческой психики, и его задача состоит в том, чтобы сделать себя лишним и быть упраздненным... С течением времени вся нравственность отойдет в область преданий, как воспоминание о былой некультурности людей и необходимости держать их психику в тисках нравственности... Идеал людей есть не только сверхправный, но и сверхнравственный идеал»... (Ibid., с. 48, 50, 51).

ют. Они, следовательно, создавая солидарность, сами роют себе могилу, в которой и будут похоронены на веки вечные...

Сверхчеловек, стоящий выше современного добра и зла, права и нравственности, не знающий извне навязываемого «долга» и полный действенной любви к сочеловекам, — вот предел, к которому ведет история человечества.

Таков итог данной работы, и таковы перспективы, открывающиеся перед нами с точки зрения выше развитых положений.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Н. ТОЦКИЙ

Питирим Сорокин. Преступление и кара, подвиг и награда. СПб., 1914. С предисл. проф. М.М. Ковалевского. С. 453 + L. Ц. 2 р. 75 к. Изд. Долбышева.

Автор во введении, сетуя на нормативный характер современных гуманитарных наук, пробует доказать, «что 1) если этика как наука возможна, то она может быть только теоретической и что 2) нормативных наук, как противоположных теоретическим наукам, нет и быть не может» (с. XVII). Для доказательства этого положения автор исходит из той мысли, что всякая наука есть «совокупность отдельных суждений» (с. XIX), «суждение же может быть только теоретическим», поскольку оно руководствуется началом истинности связи субъекта и предиката. Отвергая затем общеобязательность нормативных суждений, автор полагает, что теоретическое изучение морали и законов ее развития «практически» сделает «общезначимым и всеми приемлемым» (с. XLIX) идеал добра.

Переходя к теме, автор устанавливает предмет ее как социальное поведение людей, причем поведение есть не что иное, как реализация психических переживаний индивида (§ 2, гл. 1), понимая под социальным явлением «социальную связь, имеющую психическую природу и реализующуюся в сознании индивидов, выступающую в то же время по содержанию и продолжительности за его пределы», а «диагностическим признаком психичности» автор считает «прежде всего присутствие развитой нервной системы у взаимодействующих единиц». Материальные вещи, изучаемые социологией, являются ее объектом потому, что «они суть символы психических переживаний». Но социальная связь возможна лишь в том случае, если психические переживания и их внешнее выражение совпадают у членов социальной группы, иначе говоря, если на основе взаимодействия возникает организованность. Систематизируя поведение человека, автор находит, что они могут состоять в делании чего-либо (facere) или в неделании (non-facere). Последняя группа, в свою

очередь, распадается на воздержание и терпение. Далее, в каждой группе существуют акты: рекомендуемые, должные и запрещенные. Если же к этой схеме присоединить еще реакцию другого индивида на указанные акты, которая, принимая должное, так сказать, «к исполнению», стремится как бы наградить сверхдолжное или рекомендуемое и, наоборот, покарать или восстановить status quo при актах запрещенных, то мы получим следующие три пары акций и реакций, из которых состоит всякое взаимодействие: преступление — наказание, подвиг — награда, «дозволенный акт — должная реакция». Уже из изложенного очевидно, что автор должен определить преступление как «акт, противоречащий «дозволенно-должному» шаблону поведения, а подвиг как акт, не только не противоречащий шаблону, но к тому же добровольный и, так сказать, избыточный; награды же и наказания есть лишь «следствие причины», есть лишь реакция на указанное поведение и притом реакция, вызываемая при условии «вменения»» его. Останавливаясь на составе преступления или подвига, автор, как и в традиционной доктрине, различает субъектов их («представление лица»), объектов («представление актов» услуги или преступления) «модальности», дестинаторов и т. п., следуя советам психологической доктрины Л.И. Петражицкого. Заканчивает автор систематику своего учения тезисом шаблонизации кар и наград, устанавливающейся в каждой постоянной социальной группе.

Переходом к генетической части служит учение о функциях кар и наград. Теоремы мотивационного влияния тех и других автором сводятся к следующим: 1) одна и та же кара или награда влияет на одного и того же человека: a) смотря по временной близости ее, b) смотря по степени уверенности в ее неизбежности; 2) на различных людей или на человека в различные периоды его жизни: a) по степени нуждаемости в ней или по степени важности отнимаемого блага, b) по степени устойчивости миросозерцания индивида, c) по степени соответствия ее нравственным убеждениям индивида; 3) различные кары и награды на одного и того же индивида: a) по степени ее страдательности или желательности. Результат этой мотивации сказывается в трансформации наших нравов и обычаев и в укреплении социально-должного (полезного) поведения, социальная же роль их сводится к замирению внутригрупповых конфликтов. То же, в общем, приложимо и к внутригрупповым конфликтам.

В генетической связи автор пытается разрешить проблему возникновения и изменения социальной группы, психики и т. п. Опуская эту часть, как не имеющую прямого отношения к теме, хотя и весьма интересную, отметим, что автор, устанавливая динамическую природу социальной группы, выводит отсюда изменчивость шаблонов группового поведения. Что же касается эволюционных тенденций кар и наград, то относительно них автор устанавливает следующий закон: «кары и награды уменьшаются и по своей интенсивности, и по количеству караемых и награждаемых лиц».

Но автор делает здесь очень важную оговорку, именно ввиду указанной изменчивости шаблонов поведения под влиянием перегруппировок составных групп более обширных общественных соединений. Это обстоятельство принуждает автора внести дополнительный закон колебаний кар и наград, сущность которого состоит в увеличении кар и наград при условии примитивности общества или антагонистической разнородности его членов.

В заключение автор высказывает убежденность в совершающемся прогрессе и надежду на наступление такой солидарности, при которой и кары, и награды должны будут свестись к нулю.

Уже из этого краткого изложения видно, что книга в общем представляет собой развитие отдельных положений теории Л.И. Петражицкого, и действительно учение его наложило решающий отпечаток на нее. Однако автор чужд упрека в несамостоятельности и некритическом отношении к своему научному вдохновителю. Уже все введение представляет решительный шаг в сторону оригинальности и самобытности, что всецело приложимо и к учению о генезисе общества и психики, определению социологии с помощью диагностического признака психичности и др.

В этой части автор находится под решающим влиянием проф. Вагнера и новейших социологов Зиммеля, Де-Роберти и Дюркгейма. Но всюду сказывается лишь влияние, а не заимствование. Наоборот, вся книга блещет стремлением к самостоятельности, самобытности и желанием критически проникнуть в тайны социального бытия. Нельзя не отметить еще хорошего знакомства автора с памятниками древней религии и культуры.

Ее крупнейшим недостатком являются некоторые отчасти скрытые, отчасти явно выраженные методологические предпосылки старой рационалистической доктрины. И если автор порою с любовью вспоминает знаменитого Юсти, Зоннефелна и др., то в этом нет ничего удивительного, как и в его симпатиях к Бентаму. У разбираемого автора ясно выражена предпосылка: «В социальном явлении нет ничего, что бы уже не заключалось в индивидуальном сознании».

Автор этого не говорит, но косвенно уже выражает тем, что, часто говоря о явлениях индивидуальной психики, он кратко замечает: «Это, mutatis mutandis, относится и к социальной группе». Проблему возникновения социальной организации он, по существу, сводит к проблеме возникновения нравственного инстинкта. Из этого основного недостатка проистекает и ряд других, неразрывно связанных с ним: дедуктивность, демонстрация положений фактами и т. п. Впрочем, автор не везде выдерживает этот метод и прибегает изредка к индукции.

Отдельные недостатки в книге также встречаются. Будучи психологистом в строгом смысле, автор признаком психичности считает «развитую нервную систему», отдавая дань биологическим изысканиям проф. Вагнера; затем есть и крупные пробелы в знании литературы, что особенно резко сказывается, например, в главе о символическом значении

поведения, при обсуждении проблемы социологии даже не упоминается о нижней сфере сознания. Есть, наконец, и крупные исторические промахи (см., например, представительный мандат, ответственность монарха и др.). Однако от молодого автора трудно требовать огромной эрудиции и полного отсутствия дефектов. Нельзя не отдать ему должного в талантливости и строгости научного мышления, которые приближают его опыт, по объективности, к наукам физическим и биологическим. Вместе с тем искренне пожелаем ему вместе с проф. М. Ковалевским, давшим очень теплое предисловие, дальнейших успехов на стезе русской науки.

(*Право.* Еженедельная юридическая газета.
1913, № 44, 3 ноября, воскресенье, стб. 2553-2556)

А.Л. ПОГОДИН

Питирим Сорокин. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. С предисл. проф. М.М. Ковалевского. СПб., 1914. С. 456.

В газетной рецензии трудно передать богатое содержание чрезвычайно интересной книги нашего молодого социолога. Это обстоятельное и серьезное изложение одного из важнейших вопросов социологии о происхождении возмездия за то, что в данном обществе считается добром и злом. Автор анализирует понятие морального поступка на разных общественных уровнях, разъясняет относительность понятий подвига и проступка. В полном соответствии с современной этнологией, которая все больше выдвигает психологическое изучение первобытной жизни (назову труды Леви-Брюля, Фишера и др.), г. П. Сорокин подчеркивает, что «преступление может быть только психическим явлением» и что «определить признаки преступления — это значит отметить признаки специфического класса психических переживаний».

В дальнейшем изложении автор характеризует представления о преступлении и каре, подвиге и награде у первобытных народов. В этом отношении очень интересна глава VI о социальной роли кар и наград и отдел, посвященный роли психологических процессов, создавших первоначальную социальную организацию. По оригинальности суждений и богатству материала книга г. Сорокина, несомненно, составит одно из значительнейших явлений в нашей возникающей социологической литературе. Вместе с почтенным М.М. Ковалевским я позволю себе высказать надежду, что в этой области молодой автор даст нам еще немало ценного.

(*Речь.* 1913, № 303, ноябрь)

АЛЕКСАНДР ГИЗЕТТИ
НОВЫЙ ТРУД ПО СОЦИОЛОГИИ*

Социологии все еще приходится «доказывать» свое право на существование, и всякое самостоятельное исследование «социологического» характера является поэтому своего рода событием. Книга г. Сорокина без преувеличения может быть названа таким событием: в лице этого молодого, но вполне овладевшего научным материалом и несомненно одаренного творческими талантами исследователя социология и, в частности, русская социология, приобрела ревностного защитника и достойного представителя. Социально-философские воззрения г. Сорокина сложились, по-видимому, под двумя преобладающими влияниями: строгого методологического позитивизма (проф. М.М. Ковалевский и Е.В. де Роберти) и «психологической теории права» проф. Л.И. Петражицкого. Самостоятельное усвоение этих двух влияний позволило г. Сорокину занять очень широкую и оригинальную позицию при разрешении ряда спорных вопросов, связанных с темой его этюда. Этюд снабжен несколькими словами сердечного привета молодому исследователю от высоко ценящего его работу учителя, проф. М.М. Ковалевского, и обширным авторским «введением», в сущности самостоятельной статьей на тему: «нормативная ли наука этика и может ли она ею быть». Содержание самого этюда ясно из его заглавия: это логический и исторический анализ социальных явлений «преступления» («запрещенного акта») и «подвига» («рекомендованного акта») параллельно с социальными реакциями на эти акты: «наказанием» и «наградой». Рассматривая этот вопрос, автор связывает его с эволюцией социального строя вообще. Конечные выводы автора: наказания и награды социально полезны только на ранних ступенях общественного развития, рост сознания и солидарности делает их ненужными, личность начинает стремиться к «подви-

* *Питирим Сорокин.* Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. С предисл. проф. М.М. Ковалевского. Изд. Я.Г. Долбышева. СПб., 1914. Ц. 2 р. 75 к.

гам» и воздерживаться от «преступлений» под влиянием чисто внутренних свободных импульсов «долга» и «идеала».

Книга г. Сорокина обладает большими достоинствами и представляет собою ценный вклад в нашу социологическую литературу. Написана она очень обстоятельно и с эмоциональным подъемом, отдельные тезисы автора прекрасно аргументированы и подкреплены ссылками на литературу вопроса. Принципиальная позиция автора вызывает некоторые возражения. Начать хотя бы с «Введения». Автор — не специалист в вопросах философии, но самостоятельная манера мысли и чутье действительности во многом ему помогают. Автор правильно почувствовал фальшь в понятии «нормативной науки» и произвольность обычного построения абстрактных этических систем. Но вместо того, чтобы искать основы нормативной этики в общечеловеческих свойствах психики, в самой человеческой личности, он предполагает строить этический идеал на основании знакомства с историческими формами морали и не признает за этим идеалом никакой логической и теоретической обязательности. Однако сам г. Сорокин утверждает, что «практически» существуют всеми приемлемые моральные нормы, и видит такие нормы в общечеловеческой солидарности, альтруизме и т. п. Конечно, солидарность и альтруизм составляют часть морального идеала, но не менее законную сторону его должен образовать здоровый индивидуализм, развитие личности и ее охрана от опеки со стороны «общества». Г. Сорокин не считает, конечно, идеалом своим «солидарность» какой-нибудь восточной деспотии, которая держится «карами и наградами». Отличительной чертой примитивного общества он объявляет именно закостенелость морально-правовых шаблонов, сменяющуюся на высших ступенях развития их гибкостью, свободой, индивидуализацией морали. Но в изложении своем г. Сорокин все время выдвигает на первый план солидарность и окрашивает «эгоизм» сплошь в «черный» цвет. Остается не вполне ясно, как относится г. Сорокин к такому «деспотизму общественного мнения», который так усиливается в современном обществе и вызывает справедливые протесты мыслителей-индивидуалистов.

Воззрения г. Сорокина на нравственность, таким образом, грешат крайним историзмом и реализмом. Определения «преступления» и «подвига» даны им только формальные и самые эти понятия объявлены чисто относительными. По отношению к «преступлению» этот прием не очень опасен, так как конечный вывод г. Сорокина — преступление обусловлено общественными условиями и бороться с преступностью следует не карами, а мерами социально-правовой политики — получился бы несомненно и при иной точке зрения. Но определение «подвига» как «рекомендуемого», «услужного» акта возбуждает большие сомнения. Отрицательное отношение г. Сорокина ко всякому «эгоизму» побуждает его непомерно уменьшать общественное значение «подвига». Признание «гениев» и «героев» «порождениями среды» не может уменьшить высоту оценки их заслуг, а потому и падение «наград» никогда не дойдет до

нуля. Изменится грубо-внешний характер наград, изменится их социальная роль: из стимула полезной деятельности они превратятся в выражение признательности общества и общественную поддержку выдающихся людей, но исчезнуть окончательно они вряд ли могут.

Книга г. Сорокина страдает некоторым рационализмом. Он исключает из сферы ведения психологии не только рефлексы, но и все эмоциональные импульсы, из которых развилась более сложная психика. Социальное явление определяется как «социальная связь, реализующаяся в сознании индивидов, выступая в то же время по содержанию и продолжительности за его пределы». Несмотря на последнюю оговорку и резкую критику всех «договорных» и «целевых» теорий, объясняющих возникновение правовых норм сознательными установлениями людей, автор все же склонен раздроблять общество на отдельные «эгоистические» личности и затем искусственно скреплять их «карами и наградами». Первобытное общество представляется ему совершенно разрозненным, и весь исторический процесс сводится к принудительной солидаризации, между тем как рост «личности как культурно-исторического явления» остается в тени. Автор мало освещает роль принудительной государственной власти в усилении жестокости «кар» и пышности «наград», благодаря чему все «кары и награды» превращаются в порождение «общественного мнения» и совершенно стирается грань между мирной общиной дикарей и завоевательным государством каких-нибудь ассирийцев. В этом отношении автор следует за Дюркгеймом, книга которого «О разделении общественного труда» оказала на г. Сорокина сильное влияние. Но в основе всех схем Дюркгейма лежит его учение о прогрессирующем разделении труда. Между тем у г. Сорокина вопрос о разделении труда поднимается только в последних главах и мимоходом, причем автор резко отрицательно относится к социально закрепленному разделению труда (делению общества на классы и неподвижные профессии). Благодаря этому ценные стороны схемы Дюркгейма выступают у г. Сорокина ярче, освобождаясь от тенденции прославления общественной дифференциации. Но социально-экономическая сторона правового процесса осталась у г. Сорокина совсем не освещенной. Автор этих строк далеко не сторонник «экономического материализма», но, если пресловутый «экономический фактор» может быть сведен к известной стороне психики (потребности в материальных благах), остается еще нерешенным вопрос об относительном значении этой потребности. Вопреки мнению г. Сорокина, социальные конфликты далеко не всегда обусловливаются антагонизмом моральных убеждений, часто в их основе лежит борьба за экономические преимущества. Учение Маркса о «фетишизме товарного производства» имеет не только экономическое, но и социальное значение как попытка осветить «власть вещей» над психикой рядового члена общества. В области экономической психологии особенно ясна иррациональность общественного процесса, и, не осветив эту сторону, г. Сорокин погрешил даже против своих «социологичес-

ких» задач. Социология ищет законы, управляющие движением всех элементов, образующих «общественность», а не только элементы права и морали. Последняя формулировка задач социологии взята мною из знаменитой статьи Н.К. Михайловского «Что такое прогресс?». В книге г. Сорокина имя Михайловского употребляется только два раза в «Литературе вопроса». А между тем более углубленное изучение этого «недипломированного» социолога не только показало бы г. Сорокину, как мало в них устарелого, как много совпадающего с «последним словом науки» (в том числе и с главными выводами книги г. Сорокина), но, может быть, и уяснило бы г. Сорокину, что индивидуализм и общественность не столь противоположны, как он это, по-видимому, полагает. Учение Михайловского о «двуединой правде» очень близко к идеям этического «Введения» г. Сорокина, его воззрения на общественный процесс тоже совпадают со схемами «Преступления и подвига». Равным образом к теории г. Сорокина применимы и некоторые излюбленные идеи Лаврова, например, об ускорении общественного развития на высших ступенях, о традициях культуры и борьбе с ними личности, о животных обществах, о «цивилизации и диких племенах». Когда же мы научимся ценить своих крупных людей, основателей социологии в России?! Вообще, подбор литературы в книге г. Сорокина, несмотря на обширность, односторонен. Мало использованы философские, публицистические и литературные произведения, часто ярко освещающие «мораль и право» данного общества.

Однако в целом, повторяю, книга г. Сорокина — выдающееся научное явление.

(*День.* 1913, № 313 [приложения], 18 ноября)

Т. РАЙНОВ

Как видно из подзаголовка, книга г. Сорокина посвящена социологическому рассмотрению преступления и кары, подвига и награды. Под таким рассмотрением автор разумеет исследование состава, закономерности и внутреннего развития этих образований в условиях социальной действительности, одним из проявлений которой являются эти образования, если иметь в них в виду не только известные акты, но также и определенные переживания, символами которых оказываются акты. Такая постановка задачи, естественно, предполагает предварительный психологический анализ переживаний преступления и кары, подвига и награды. Автор предпринимает этот анализ, руководствуясь психологическим учением проф. Л.И. Петражицкого. Таким образом, книга г. Сорокина состоит из трех частей: первая посвящена психологической подготовке социологического исследования, две остальные — этому исследованию, причем одна из них отведена под рассмотрение «влияния кар и наград на поведение человека», другая же занята рассуждением о «генезисе и эволюции основных форм поведения». Социологический анализ и рассуждения г. Сорокина имеют двоякое значение: теоретическое и практическое. Первое сводится к установке природы изучаемых явлений. Второе состоит в возможности использовать этот теоретический результат для целей морали и политики права. Вопросу о возможности и условиях такого использования посвящено автором обстоятельное введение. Предисловие, написанное проф. М.М. Ковалевским, содержит весьма лестную для автора характеристику содержания и оценку социологического значения книги.

Принимая деление проф. Петражицкого актов поведения на разряды facere, abstinere и pati, автор показывает, что в состав каждого из этих

Питирим Сорокин. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. С предисл. проф. М.М. Ковалевского. СПб.: Изд. Я.Г. Долбышева, 1914. L + 456. Цена 2 руб. 75 коп.

трех разрядов входят, в свою очередь, троякого рода акты: рекомендуемые и запрещенные. В ответ на эти акты в переживании их субъектов, а также в сознании других сочленов общественной группы возникают реакции: на акты рекомендуемые — реакция благодарности, на акты должные — реакция с окраской «справедливо», «нормально» и т. д., на акты запрещенные — реакция отвращения, отталкивания. Автор затем дает следующий ряд определений: «Акты рекомендуемые назовем подвигом, или услугой, а реакцию на них со стороны другого, воспринимающего их именно как акты рекомендуемые, — наградой. Акты запрещенные назовем преступлением, реакцию на них, понимаемых другими именно как акты запрещенные, — наказанием. Акты "дозволенно-должные" и вызываемую ими реакцию будем называть просто дозволенно-должными». В дальнейшем автор занимается только двумя первыми из этих трех пар явлений. Находя, что правоведение несправедливо обращает исключительное внимание на одни лишь преступления и кары, г. Сорокин делает попытку научного рассмотрения явлений подвига и награды. Так, в параллель уголовному праву, он выдвигает и обосновывает понятие наградного или премиального права, а также стремится провести в области этого последнего аппарат понятий криминологии, соответственным образом исправленный, конечно. Кары и награды, обращаясь в обществе, постепенно «шаблонизируются» и кодифицируются. Здесь мы вступаем уже в область социологического исследования. Автор говорит сперва о двух влияниях кар и наград — мотивационном и дрессирующем — на личность и общественные группы, оценивая то и другое положительным образом, не на основании какой-либо предвзятой теории, а опираясь на данные индивидуальной и общественной жизни, свидетельствующие о воспитывающем влиянии на них кар и наград. Проследив далее связь кар и наград с динамикой и статикой общественных групп, г. Сорокин переходит к обстоятельному, документированному изучению исторических тенденций в развитии кар и наград, которые он усматривает в возрастающем смягчении интенсивности тех и других, сопровождаемом сужением объема караемых и награждаемых лиц и актов в основных проявлениях общественной деятельности. Колебания, испытываемые этими тенденциями, подчиняются, согласно г. Сорокину, следующему закону: «Интенсивность кар (и наград) тем более велика в каждый исторический момент, чем более примитивно данное общество и чем больше антагонистической разнородности в психике и поведении его членов. И наоборот, чем более культурно данное общество и чем более однородна психика и поведение его членов — тем менее жестоки кары и менее интенсивны награды». В заключение автор останавливается на вопросе о том, можно ли считать развитие человеческого поведения прогрессивным. Он отвечает на него в виде такого разделительного суждения: оно прогрессивно, если тенденции поведения, вскрываемые историей, мы хотим признать положительными, нормальными; оно не про-

грессивно, если мы стоим на противоположной точке зрения. Выбор какой-либо одной из этих оценок развития поведения не предрешается ни социологией, ни этикой, ибо они не дают оценок, являясь чисто теоретическими науками. Так, в заключении книги г. Сорокин воспроизводит в конкретной обстановке взгляд, развитый им во введении и гласящий, что наука не устанавливает норм должного, а ограничивается лишь теоретическим уяснением условий и последствий выбора тех или других норм.

Такова руководящая нить содержания книги г. Сорокина. По пути она обросла многочисленными узлами, перед которыми автор не останавливается, но, по верному замечанию проф. Ковалевского, — «можно сказать, ищет их». О некоторых из этих узлов следует сказать, что, не завязывая их, автор ничего не потерял бы и даже выиграл бы в ясности и убедительности, ибо иные вопросы у него не развязываются, а разрубаются не очень убедительно, бросая тень неубедительности на специальное и прямое содержание книги, по существу с ними, однако, иногда и не связанное. Это особенно следует сказать, например, о предпринятом г. Сорокиным исследовании возникновения сознания, каковое исследование и мало убедительно, и не нужно для целей его книги. То же относится и к нескольким десяткам страниц, отведенных автором рассмотрению происхождения явлений, связанных в дочеловеческом и человеческом мире с сознанием: относящиеся сюда факты не имеют прямого отношения к социологическому исследованию. Книга г. Сорокина, кажется нам, выиграла бы в ясности также и в том случае, если бы он значительно сократил главы, отведенные им психологическому анализу и юридической конструкции понятий «наградного права». Последняя задача, сама по себе ценная и интересная, не требуется, однако, задачей социологического исследования в том объеме, в каком установил ее автор, что подтверждается неиспользованностью юридического аппарата понятий наградного права в дальнейшем. Если исключить все подобные элементы книги, остается ценное и прекрасно освещенное ядро ее. Оно заключается в мысли, что *преступно-карательные и услужно-наградные акты представляют параллелизм как в своем составе, так и в своей общественной роли, что они совместно подчинены одним и тем же общественным условиям, в зависимости от колебаний которых стоит состав и объем преступно-карательных и услужно-наградных актов, и что, наконец, оба разряда актов поведения проникнуты одною и тою же основной тенденцией, идущей в направлении к смягчению их интенсивности и ограничению объема лиц и отношений, на которых падают кары и награды.* Всюду автор в проведении этой точки зрения обнаруживает большую эрудицию и умение обрабатывать в социологических целях громадный сырой материал, почерпаемый из этнографии, истории права и вообще истории, а также из различных рабов по психологии.

Однако, признавая ценность и значительность поставленной и решенной автором задачи, мы все же считали бы желательным несколько более углубленное *теоретическое* освещение целей его книги, чем то, какое нашло себе место в последней. Прежде всего автору, как нам кажется, следовало бы высказаться о том, как именно надлежит рассматривать установленную им зависимость между индивидуально-психологическим составом преступно-карательных и услужно-наградных актов, с одной стороны, и характером объемлющих их социальных условий — с другой. Обычно эту зависимость истолковывают либо так, что причиной ее является индивидуальная сторона, либо так, что роль причины играет социальная, либо так, наконец, что причиной оказывается взаимодействие обеих сторон. Автор, по-видимому, стоит на второй из точек зрения, разделяя взгляд французской социологической школы Дюркгейма, Де-Роберти и др. Однако это представляется едва ли обоснованным. Напротив, сам г. Сорокин в первой главе своей книги указал на необходимость выйти за пределы наивной трилеммы и стать на четвертую точку зрения, на которой между личным и общественным нет никакой ни односторонней, ни двусторонней *причинной* связи, а существует лишь определенная *координация функционального порядка.* Можно только пожалеть, что эту точку зрения автор не использовал для теоретического освещения своей книги. — В связи с этим стоит некоторая неясность во взгляде г. Сорокина на сущность преступления и кары и соответственно подвига и награды: *он не всегда одинаково изображает состав этих актов* и то связывает их с определенными социальными моментами, то совершенно отвлекается от таковых, считая возможным трактовать, например, преступление и наказание как акты, которые отделяет друг от друга только временной промежуток; опять-таки и эти колебания нуждаются в отчетливом освещении с помощью теоретического анализа. — Чрезвычайно интересное исследование тенденций, обнаруживаемых развитием кар и наград, точно так же следовало бы углубить теоретически в интересах точности. Автор стремится доказать, во-первых, что тенденции развития кар и наград параллельны и что они состоят в грядущем устранении кар и наград, во-вторых. Однако параллелизм кар и наград как-то мало прослежен автором по существу, и он во всяком случае *не доказал, что он не случаен.* Брошенное им вскользь замечание, что кары и награды при данном социальном уровне связаны коррелятивно, при всей своей ценности все же именно «брошено», а не разработано с надлежащей полнотой и основательностью, так что читатель, ожидающий такой разработки его на более видном месте, может легко просмотреть его. Вызывает большие сомнения мысль г. Сорокина, что тенденция развития кар стремится свести их к нулю: он, собственно, обосновывает *иное положение,* касающееся падения *интенсивности* и сужения *объема* кар и наград, а вовсе не сведения их к нулю. На это

важное в социологическом смысле обстоятельство, быть может, следовало бы обратить больше внимания: ведь здесь речь идет ни много ни мало — о том, осуществим ли «град Божий» в условиях общества, сколь угодно совершенного, но все же исторического, влачащего бремя социальной наследственности и условий земного существования. — Здесь можно не отмечать ряд мелких промахов, допущенных г. Сорокиным во введении к его книге: они не уменьшают ее значительности и интереса.

(*Юридический вестник.* 1913, кн. 4, с. 298-303)

И. МИХАЙЛОВ

Питирим Сорокин. Преступление и кара, подвиг и награда. С предисл. М.М. Ковалевского. СПб., 1914. Ц. 2 р. 75 к.

Книга г. Сорокина не может не увлечь читателя двумя своими особенностями: вдумчивой и интересной трактовкой темы, с одной стороны, молодым, искренним порывом — с другой.

«Преступление и кара» — первая большая работа автора. Но нельзя не отметить разнообразной и многоязычной начитанности молодого социолога, ясности мысли и мастерства изложения — столь же отчетливого, сколь и увлекательного.

Молодость автора сказывается во всем. Он много читал и думал и теперь не хочет пройти мимо вопросов, хотя бы едва соприкасающихся с темой. Относительно многого ему хочется сказать свое, или если чужое, то по-своему. Ученым специалистам это, быть может, и не понравится, но для широких кругов читателей обилие поднятых вопросов будет, вероятно, особенно привлекательно. Молодость автора проявляется и в том, что он более ищет врагов, чем друзей. Поэтому он не очень склонен соглашаться; если же ему и приходится, то он употребляет характерную формулу: «нельзя не согласиться», «не можем не согласиться».

Обосновав во введении свой взгляд о необходимости и возможности изучать моральные явления с объективной точки зрения и дав любопытный анализ понятия «социального явления» с двух его сторон — внутренней и внешней, — автор приступает к классификации актов человеческого поведения. Все эти разнообразные акты разбиваются им на три группы: дозволенно-должные, рекомендуемые и запрещенные. Автор указывает при этом, что акты рекомендуемые представляют именно то, что называют подвигом; акты запрещенные — это преступления. Тройной классификации поступков соответствует тройное же деление реакций на поступки: акты дозволенно-должные вызывают безразличное отношение, акты рекомендованные влекут награду, наконец, акты запрещенные — кару.

В дальнейшем изложении акты дозволенно-должные отодвигаются и объектом изучения становятся преступление и подвиг с реакциями на них. После точного определения этих понятий дается анализ их со стороны состава; при этом автор интересно обрисовывает историческую тенденцию к ограничению сферы субъектов и адресатов преступления и подвига. Дальнейшим важным шагом является установление внешней однозначности акта и реакции на него. Различием является, по мнению автора, лишь временная последовательность.

Вторая часть книги посвящена изучению влияния кар и наград на человеческое поведение. Автор показывает зависимость влияния кар и наград от их близости, неизбежности, отношения к потребностям человека, наконец, от его мировоззрения. Приходится, однако, пожалеть, что при раскрытии этой проблемы, весьма близкой к проблеме субъективной ценности, мало использован материал, данный экономической наукой. Зато образцовым является анализ социальной роли кар и наград — их связи с внутри- и внегрупповой социальной борьбой.

Третья часть — самая удачная в книге. Дав критику биологической и рационалистической теориям происхождения общественных организаций и норм, автор обращается к исследованию эволюционных тенденций кар и наград. При помощи громадного сырого материала г. Сорокин намечает широкие обобщения. По его мнению, богато подтвержденному историческими указаниями, прогрессу человечества сопутствует тенденция роста социально полезной деятельности и все более легкой искоренимости действий социально вредных. Это же влечет за собой общую тенденцию к смягчению и постепенному исчезновению кар и наград. Останавливается автор и на временных отклонениях от общей тенденции, показывая убедительно, что отклонения эти лишь подтверждают эту точку зрения. Кое в чем можно спорить и не соглашаться с автором, но схемы его так ярки, что забываешь о некоторой односторонности их и закрываешь книгу с чувством благодарности молодому ученому.

(*Вестник Европы.* 1914, кн. I, с. 413-415)

Н. КОНДРАТЬЕВ

Питирим Сорокин. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. С предисл. проф. М.М. Ковалевского. 456 + L стр. Ц. 2 р. 75 к.

Книга г. Сорокина не догматическое, а чисто социологическое исследование. Преступление и кара, подвиг и награда суть социальные явления. Социальным же явлением вообще называется психическое взаимодействие особей. Оно реализуется в актах поведения особей. Все акты поведения распадаются на должные, запрещенные и рекомендованные. Те акты, которые сознаются кем-либо как запрещенные, суть преступления. Акты, сознаваемые как рекомендованные, суть подвиги. Реакция (следствие) преступления есть кара, реакция на подвиг есть награда. Социально-историческая миссия кар и наград есть создание путем мотивационного и дрессирующего влияния на психику людей замиренных социальных кругов. Чем грубее людская психика, тем более сильные кары и награды необходимы для воздействия на нее. Историческая тенденция кар и наград такова: они падают как по своей интенсивности, так и по количеству караемых и награждаемых лиц. И нет никаких препятствий к тому, что в будущем они уничтожаются совершенно. Поэтому если считать, что гуманность лучше, чем жестокость, то исторический процесс в общем есть прогресс. Для обоснования своего положения об исторических тенденциях кар и наград автор привлекает богатый исторический материал: древние религиозные памятники, как, например, законы Ману, «Авеста», Библия, древние создания поэзии, как, например, «Илиада», «Песнь о Нибелунгах», данные этнографии и проч. Приходится удивляться широте познаний автора. Но все же мы думаем, что использованный материал говорит лишь о *падении* кар-наград, но отнюдь не дает логического права утверждать о полном *уничтожении* их. Мы думаем также, что в исторической части своей книги (а мы здесь говорим об этой части) автор совершенно напрасно упустил из виду сфе-

ру экономической жизни. Стачки и локауты как результат конфликта моральных убеждений рабочих и капиталистов вполне подойдут под данное автором определение преступления и кары. Однако если кары падают в сфере религиозно-правовой жизни, стачки и локауты, наоборот, становятся качественно и количественно более интенсивными. А это уже не то, что утверждает о карах автор. Вообще, на г. Сорокине, хотя он и социолог, видно сильное влияние юристов, правда, не догматиков, а таких, как Л.И. Петражицкий. Но, несмотря на все, книга г. Сорокина обладает большими достоинствами, чем недостатками. К достоинствам ее относится как то, что автор обратил внимание на мало изученную область жизни — на награды, так и социологический способ рассмотрения вопроса, соединенный со знанием богатых конкретных материалов.

(*Научно-исторический журнал.* 1914, т. 2,
вып. 1, № 3, январь с. 64-65)

В.М. ЧЕРНОВ

НАУЧНОЕ ПОСТРОЕНИЕ ИДЕАЛОВ И ЧИСТОЕ ПОЗНАНИЕ

Я рад отметить появление в нашей весьма скудной оригинальной социологической литературе нового интересного труда — и вместе с тем нового молодого исследователя. Я говорю о книжке П. Сорокина «Преступление и кара, подвиг и награда». Книжка эта — как гласит и ее подзаголовок — есть «социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали». Ее основной предмет — искусственные меры, назначение которых — играть в руках дирижирующих элементов общества общественно-организующую, сплачивающую роль. Это, прежде всего, — репрессии, кары, наказания, которыми стремятся отсечь, поразить насмерть запрещенные типы или шаблоны поведения, угрожающие распадом общественному союзу или данной форме этого союза. Затем — это всякого рода «поощрения» и «награды», которыми стремятся выделить из общего фона «дозволенных» типов и шаблонов поведения особенно желательные и «рекомендуемые». При этом автор хорошо показывает, что социальная функция поощрений и наград гораздо шире и значительнее, чем это обычно думают, и что совершенно напрасно им не уделяют хотя бы приблизительно такого же внимания, каким пользовались меры репрессивного характера. Обзор всех этих искусственных средств «замирения» раздираемых антагонизмами групп приводит автора к целому ряду весьма существенных и правильных выводов. Так, им верно подмечено, что сила функционирования механизма кар и наград прямо пропорциональна силе и остроте социальных антагонизмов. Всякий раз, когда внутри социальной группы происходит увеличение ее разнородности, линия кар и наград должна повышаться, чтобы воспрепятствовать распылению, распаду группы. Чем устойчивее шаблоны поведения антагонизирующих групп или частей групп, тем более жестокими должны быть кары и обильными награды, чтобы сломить сопро-

тивление антагонистической группы или части группы, связать ее с другими в одно целое и вообще привести ее поведение «к одному знаменателю» с поведением других частей. Все эти положения тесно связывают исторические судьбы права — ибо все законы и нормы юриспруденции поддерживаются определенными санкциями — с историей социальных антагонизмов. И когда автор считает возможным утверждать, что историческая тенденция кар и наград клонится к их ослаблению, когда он, совершенно основательно, не видит причин для остановки этого процесса и приходит к мысли о полном исчезновении кар и наград как о естественном и неизбежном пределе всей эволюции — то он только проводит в юридической сфере более широкую социальную идею о человеческом обществе, естественно гармонизированном, бесклассовом, чуждом антагонизмов и потому теряющем надобность поддерживать согласование интересов и способов поведения своих сочленов карами и наградами. Далее, автор поступает совершенно правильно, когда с историей *реальных* кар и наград сопоставляет историю кар и наград мнимых, воображаемых, исходящих от «потустороннего» существа и ожидающих человека за гробом. Это дает хорошую путеводную нить для того, чтобы с историей социальных антагонизмов связать историю религий. Наконец, автор делает дальнейший шаг и пытается сблизить с «карами» и «наградами», действующими внутри одного коллектива, дружественные и враждебные действия, употребляемые в отношениях между несколькими отдельными коллективами: предоставления льгот, концессий и привилегий, таможенные соглашения с предоставляемыми в них правами «наиболее благоприятствуемых держав» и т. п., с одной стороны, карательные экспедиции против диких племен, наложения контрибуций, оккупация территорий, блокада берегов, таможенные репрессии и, наконец, просто войны — с другой. И здесь та же основная историческая тенденция, которая должна привести к полному уничтожению войн, ставится автором в связь с более общим «историческим законом роста социально солидарных кругов», — историческим законом, намекающим в грядущем на величественную перспективу — охват всего человечества одной системой организованной социальной солидарности...

Но я коснулся лишь некоторых сторон книги П.А. Сорокина, у которого его основная тема переплетается с рядом экскурсий в области, смежные с нею. В ней поставлено и освещено много чрезвычайно больших и важных вопросов социальной философии, о которых можно и должно говорить много. Но я сейчас не собираюсь этого делать. Мне достаточно пока отметить, что в общем и главном автор стоит на правильном пути, а при его работоспособности и подготовке «все прочее приложится». Но есть один существенный пункт, в котором позиция автора лишена целостности и явно бьется в кругу серьезных методологических недоразумений, способных быть до известной степени путами для работы, сужи-

вать ее поле, закрывать для нее целые области, которых почти еще не коснулось систематическое научное исследование. А между тем именно такие области — лучшее поприще работы для молодых, начинающих исследователей, для которых нет лучшего средства «найти себя», как поработать над «открытыми вопросами» науки и едва поставленными проблемами. Именно в таких опытах лучше всего стряхивается остаток «ученичества», пробуются собственные силы, подвергается искусу способность самостоятельного творчества, — именно в них автору лучше всего возможно «найти себя»...

Я и перехожу к разбору этих недоразумений, которые относятся к вопросу, имеющему самый серьезный и крупный общий интерес. Это — вопрос о соотношении между нашим теоретическим знанием сущего и нашими построениями идеальных целей и норм в интересах преобразования этого сущего. Критикуя мнения, высказываемые П. Сорокиным, я, однако, далек от всяких полемических целей. Мои критические замечания диктуются одним намерением: побудить автора пересмотреть то готовое решение этого вопроса, которое он принял, и выработать новое, которое, думается мне, должно находиться в большей гармонии с общим характером его собственных работ и давать больше простора для их дальнейшего развития. Словом, в моем лице автор найдет не критика-врага, а критика-друга.

«На протяжении всей работы, — говорит автор в предисловии, — мы старались держаться объективной или теоретической точки зрения, изучающей сущее как оно есть. Не будем скрывать, что такое изучение имеет свою трагическую сторону: исследователь принуждает стать "по ту сторону добра и зла" и часто подводит под одну рубрику самые разнородные с обычной точки зрения акты: акты величайшей подлости и высочайшего подвига. Но, вполне сознавая это, мы, тем не менее, думаем, что научное исследование морали и чего угодно может быть только теоретическим. Иное исследование невозможно».

Что «теоретическая точка зрения» приводит к изучению «сущего как оно есть» — это общеизвестно, и никто ничего иного не мог ожидать от книги, посвященной исследованию «основных форм общественного поведения и морали». Что эта «теоретическая точка зрения» получает от автора название еще и «объективной» это дело терминологии. Многие психологи и социологи отказались бы признать вполне «объективным» методом мысли такой, который опирается все время, как на сырой материал, на чувства, стремления, намерения личностей и групп, ибо чужую психику мы никакими объективными способами непосредственно не видим, а лишь *истолковываем* ее по тем или иным высказываниям, причем «великим подразумеваемым» является положение, что по сходству и различию этих высказываний с нашими собственными можно заключать о сходстве и различии их психики с на-

шей. Непосредственно известна нам только наша собственная психика, в ряде чисто субъективных переживаний. Русская школа «объективной психологии» Бехтерева и Павлова, признавая ненадежность столь субъективного материала как одной из опор научного метода, попыталась обойтись в психологии совсем без всяких «чувств», «мыслей», «хотений», «волений» и т. д.: ничего, кроме рефлексов простых, сочетательных, сочетательных второго, третьего, четвертого и т. д. порядка. Другой вопрос, удалось ли ей это; во всяком случае, в своей попытке отделаться от всего «субъективного» она размахнулась чрезвычайно широко. Но ведь П. Сорокин в соответствующих вопросах идет не за ними, а за В. Вагнером, который в глазах наших «объективистов в психологии» является одним из самых необузданных субъективистов. Но, повторяем, можно и расширить понятие «объективного»: это тем более легко, поскольку, по существу дела, в познании нашем нет какой-то непроходимой пропасти между элементами «объективными» и «субъективными»; это — понятия, в достаточной степени относительные; иными словами, в сознании нашем имеется ряд ступеней возрастающего «субъективизма» или, что то же, убывающего «объективизма»; любая из этих ступеней может быть признана «объективной» сравнительно со следующей ступенью и «субъективной» сравнительно с предыдущей. Нельзя, однако, не удивиться, зачем исследование «того, что есть», г. Сорокин обозначает еще термином «объективное», когда он уже дал ему другое обозначение — «теоретическое». Или все «теоретическое» равно «объективно»? Эта двойная номенклатура является, думается мне, роскошью. Автор как будто вгоняет этим в одно и то же место второй гвоздь — «чтобы покрепче было»...

Вопрос о словоупотреблении сам по себе не важен, и мы не проронили бы о нем ни одного слова, если бы от «теоретической точки зрения» через промежуточный термин «объективный» не совершился незаметно переход к какой-то особой точке зрения — а именно стоящей «по ту сторону добра и зла»... Что это значит? Или в социологии «теоретизировать» значит действительно вдруг воспарить на какую-то такую высоту, что различение «добра и зла» станет излишним? И что это: возвращение ли в кожу нашего праотца Адама до грехопадения, пока он еще не вкушал от «древа познания добра и зла», или же «сверхчеловечество» в области познания? И то и другое нам всегда кажется немножко подозрительным. И нам ничего не поясняют дальнейшие слова П. Сорокина: «исследователь принужден... часто подводить под одну рубрику самые разнородные с обычной точки зрения акты: акты величайшей подлости и величайшего героизма». Это-то мы хорошо знаем, и это нас нимало не шокирует. Например: изучая явления стадности и рассматривая взаимные отношения между «вожаком» и «подражателями», такой субъективист, как Н.К. Михайловский, совершенно отвлекался от вопроса о том — на хорошее или дурное дело увлекает во-

жак «толпу»; «толпа» есть всегда «толпа», ее психика и в том, и другом случае имеет достаточно общего, чтобы это «общее» сделать предметом особого исследования. И когда Михайловский в «Героях и толпе» под фигуральным выражением «герой» одинаково разумел как величайших преступников, так и лучших людей — никто не был так наивен, чтобы обижаться за последних. В своих обобщениях наука то и дело отвлекается попеременно от целого ряда чрезвычайно существенных сторон предмета. Но отвлекаться от известных сторон еще не значит *забывать* о них совершенно или *отрицать* их существование или их значение. Вот когда бы различение добра и зла, пользы и вреда, целесообразности и нецелесообразности было бы социологом *абсолютно вычеркнуто* из своей области — тогда другое дело. Социолог стал бы «по ту сторону» этих различений. Но спешим успокоить читателя: П. Сорокин в своей книге так вовсе не поступает. И хорошо делает, что не поступает. Но зато практика его в этом отношении как будто противоречит его теории*. Присмотримся же поближе к этой теории, чтобы понять создавшееся недоразумение.

Первое и основное, на чем упорно настаивает П. Сорокин, — то отрицание всякой возможности практических или нормативных суждений и нормативных наук. Наука ничего не может запрещать и ничего не может приказывать. Она ничего не может объявить злом и ничего не может объявить добром. Она может, конечно, построить целую схему предписаний, исходя из готового признания чего-либо благом или целью, заслуживающей достижения. Таковы все «прикладные науки». Но действительно ли «благо» то, что взято за исходный пункт, ни эти науки, ни какие-либо другие сказать не могут. Признание чего-либо «благом» выходит из рамок науки, находится вне ее законных границ. Это — акт с научной точки зрения совершенно произвольный. А потому «истины» прикладных наук — условны, не обязательны, не общезначимы. Они основаны на исходном допущении, правильность которого никакому научному суду не подлежит. Различение «добра» и «зла» стоит по ту сто-

---

* Вот одна из иллюстраций. В своей книге П. Сорокин говорит: «Подобно тому как ряд внешних признаков часто служит симптомом внутренней болезни организма, так и конфликты поведения служат показателем тоже “болезненного” процесса внутри группы. Впрочем, термины “болезненный”, как и “патологический”, заключающие в себе известный оценочный элемент, не совсем удачны, и лучше их заменить термином “дисгармонический”». Прежде всего, что это за поправка — от дождя да в воду? Если термины «болезненный», «патологический» недостаточно «теоретичны» и «объективны», будучи заимствованы из патологии, то чем лучше термин «дисгармонический» и «гармонический», родина которого — область эстетики? А затем, чего, собственно, испугался П. Сорокин и зачем он так поспешно сам себя одергивает? Ведь если бы он захотел вытравить все подобные «утилитарно-оценочные» соозначения терминологии из своей книги, то для такой ненужной придирчивости нашлось бы поле куда более широкое, чем это случайное место...

рону науки и не может достигаться научными средствами; вот какая истина лежит в основе фигурального выражения: наука становится по ту сторону добра и зла.

Таково существо аргументации П. Сорокина. В последнем же счете она зиждется на одном основном положении: наука состоит из суждений, всякое суждение есть приписывание какому-либо объекту какого-нибудь предиката, а потому суждение может гласить лишь: то-то существует или имеет такие-то свойства, но никогда не может гласить: то-то *должно* или *не должно* существовать. Не может быть нормативных суждений, а потому не может быть и нормативных наук.

На первый взгляд это основное положение как совершенно бесспорное сразу и безапелляционно разрешает весь вопрос. Становится даже непонятным, как вопросу о возможности, характере, содержании, самом методе нормативных наук могут посвящаться многочисленные исследования, когда все разрешается одним, безупречно построенным по всем правилам формальной логики силлогизмом!

Беда только в том, что существо нормативных наук этим силлогизмом еще не затронуто. Затронута только обычная словесная форма выражения — то «повелительное наклонение», в котором выводы нормативных наук предстают перед действенной волей человека.

Отрешимся на минуту от этой действенной воли. Заменим повелительное наклонение изъявительным. И мы увидим, что в существе нормативных суждений ровно ничего не изменится. Ибо это существо — в признании за каким-либо явлением определенной положительной ценности. «Повелительное наклонение» — это голый волевой рефлекс от признания чего-либо за ценность или благо. Таким признанием вопрос о содержании повелительного наклонения *уже предрешен*. Но кто же может сказать, что приписывание чему-либо значения блага или ценности (хозяйственной, культурной, эстетической, познавательной, моральной — все равно) не есть суждение? Если же это есть суждение, то почему совокупность ряда таких суждений, приведенная в стройную систему, не будет научной дисциплиной или наукой?

Пусть она будет наукой, — быть может, возразит нам П. Сорокин — но такая наука не будет нормативной! Почему? Только потому, что *формально* она сплошь будет состоять из наклонений изъявительных? Но разве эта формальная черта так принципиально важна? Ведь для того, чтобы «суждения» превратить в «императив», — *по существу* не нужно будет прибавить *ровно ничего*, — нужно будет изменить лишь *грамматический оборот*, и мы вновь получим единожды изгнанную с позором из храма науки грешницу — норму! Но хорошо, назовем такую науку тоже «теоретической» (хоть горшком назови, только в печку не ставь, говорит народная пословица). Во всяком случае, она от целого ряда других научных дисциплин будет отличаться весьма существенным признаком. В самом деле, мы знаем целый ряд наук, в которых и речи не может

быть ни о каких «ценностях», положительных или отрицательных. В этой же науке основным содержанием будет установление стройной системы ценностей, как основных, так и производных, ценностей разных порядков, быть может, схватываемых какой-либо одной, высшей или обобщенной категорией. Не правда ли, разница эта достаточно существенна, чтобы для двух данных групп научных дисциплин найти и два имени? Пусть вместо слова «нормативный» нам предложат другое название — прекрасно! Ведь не о словах же мы спорим. Но пока другого, более подходящего слова не дано, — быть может, нам позволят обходиться старым словом — «нормативный»?

Что *душою* нормативного суждения является именно *оценка*, т. е. установление за чем-либо значения, смысла *ценности*, — прекрасно выяснено Гуссерлем, аргументацию которого П. Сорокин приводит в своей книге. По Гуссерлю, «каждое нормативное суждение предлагает известного рода оценку (одобрение, признание), из которого вытекают понятия хорошего (ценного) в известном смысле или же "дурного" (лишенного ценности) в отношении известного класса объектов».

Но П. Сорокин не удовольствуется этим, он «берет быка за рога», спрашивая: ценности могут быть производными, получая свое значение от какой-нибудь более основной; ну а в чем состоит самый акт установления основной ценности (или ценностей)? Каким путем идет наш интеллект в этом исходном акте: путем ли нормативным или путем теоретическим? Для него очевидно, что *не* нормативным. Принятие чего-либо как ценности логически предшествует норме и лежит в ее основе. Если «нормативность» есть «волюнтарный рефлекс» оценки, то сама-то оценка не есть рефлекс и создание какого-то «нормативного» процесса: иначе получился бы circulus vitiosus. Но раз исходная «оценка» достигается не нормативным путем, то, *значит*, она получена обыкновенным *теоретическим* путем. Что и требовалось доказать!

Но в том-то и дело, что *значит* здесь поставлено слишком поспешно. Оно было бы уместно лишь в том случае, если бы было доказано, что кроме обычного теоретического пути мышления и «нормативного» пути, т. е. системы волеизъявлений, tertium non datur*; если бы было доказано, что объективно «теоретическое» и «нормативное» — это два ящичка, в которых без остатка размещаются все интеллектуальные процессы. Но кто же это доказал?

Здесь именно нужно различать не двоякий, а *троякий* путь мысли. Один — устанавливает наличие тех или других явлений, как существующих, с известными их объективными свойствами. Другой — устанавливает отношение этих явлений и этих свойств к эмоциональной организации нашей, представляющей, в ее целом, совокупность определенных потребностей, удовлетворение которых обеспечивает здоровое и гармоническое развитие нашей индивидуальности. Третий — ищет наиболее

* Третьего не дано (*лат.*).

целесообразных — по принципу максимального результата на единицу затраченной силы — действий для усиления *положительных* условий и устранения отрицательных условий или препятствий для такого развития, дает для этого определенные правила и в этом смысле является более искусством, чем наукой.

Второй из указанных путей мысли основывается на первом, пользуется всеми его данными, но не сводится на него целиком и предполагает введение каких-то новых элементов, каких — об этом пойдет речь ниже. *Третий* точно так же *основывается* на первом и втором, прибавляя к их данным некоторые новые приемы, группируя эти данные по особым принципам. Что касается *первого* пути, то он может протекать независимо от второго и третьего, хотя в некоторых областях знания так естественно и органически переходит во второй, что разграничение их становится весьма трудным и условным — явление, впрочем, обычное во всех классификациях.

Только это, но ни в коем случае не более, говорит и Гуссерль, выставляя свои положения: «каждая нормативная, а тем более практическая дисциплина предполагает в качестве основ одну или несколько теоретических дисциплин»; «каждая нормативная дисциплина требует познания известных не нормативных истин, которые она заимствует у известных теоретических наук».

Но П. Сорокин вычитал из этих положений гораздо больше, чем они содержат. «Таков первый вывод Гуссерля, — говорит он. Итак, каждое нормативное суждение, всякое *должен* (а отсюда и долг) имеет в своей основе оценку, которая как таковая уже не есть достояние или содержание нормативного суждения, *а есть содержание теоретического (т. е. изучающего сущее как оно есть) суждения.* Сообразно с этим и всякая нормативная наука есть функция теоретических дисциплин и только как таковая может быть». Выделенная нами фраза есть уже произвольное добавление к Гуссерлю.

Да, всякая «норма», всякое «правило» поведения имеет в своей основе «оценку». Всякая оценка предполагает и теоретическое изучение оцениваемого. Оценить можно только изученное. Но из этого еще не следует, что теоретическое изучение уже и есть «оценка». «Оценка», установление «ценности» есть своеобразный интеллектуальный процесс, а не просто «содержание теоретического суждения», как чересчур распространительно понял Гуссерля П. Сорокин. Акт «оценки» в известном смысле, если угодно, существенно аналогичен обыкновенному теоретическому мышлению — но, как мы ниже увидим, он прибегает к помощи особых существенно новых строительных материалов.

Что же это за материалы? И какова их роль в построительной работе нашего, так сказать, «практического разума» — беря это слово не в смысле Канта, а просто в смысле оценивающей работы интеллекта?

На этот вопрос пытается дать ответ Б. Кроче в своей работе «О так называемых суждениях ценности». Б. Кроче, что называется, неоднократно задевает истину локтем и все-таки проходит мимо нее. П. Сорокин резко критикует его рассуждения. Их и следует критиковать, но, думается нам, П. Сорокин иногда критикует Кроче за то, в чем последний не повинен, и оставляет без критики как раз то, в чем ахиллесова пята рассуждений этого автора.

Кроче задевает истину локтем, когда говорит, что основная сущность суждений ценности заключается в том, что они «дополняют суждения выражением чувства», тут же, однако, прибавляя, что они обладают «теоретической формой, еще более простой, нежели логическая», причем «такая простейшая форма представляет собой чувственное или эстетическое познание».

Он еще раз задевает истину локтем, когда цитирует Дюринга, по определению которого оценка есть «чувство, отчетливо выраженное и поднятое до самой высокой формы сознания, до интеллектуального выражения, получившего отвлеченную форму противопоставления субъекта и предиката»; или, иными словами, оценка «есть размышление о факте эмоционального состояния, получившее форму суждения».

Все это еще не окончательно удовлетворительный ответ. Он оставляет много неясного и недоговоренного. Но все-таки здесь, думается нам, высказано достаточно, чтобы устранить возможность такого несправедливого упрека, как тот, который делает Сорокин. «Формулируя ясно мое возражение, — заявляет он, — я утверждаю, что Б. Кроче и другие сторонники этого течения перепутали два совершенно различных понятия: переживания и суждения. Разумеется, я могу переживать, как может переживать и амеба, те или иные эмоции: приятные и неприятные, ценные и неценные, но эти переживания — как, например, переживания болей в желудке, от этого не делаются суждениями; а поэтому же из этих переживаний нельзя образовать и науку. Все эти переживания как переживания относятся к эмоциональной или к какой угодно деятельности, но только не к логической».

Неужели же, однако, Кроче не знал, что «наука состоит не из переживаний, а из системы общеобязательных суждений»? Неужели он не понимал, что боль в желудке — не суждение? Неужели суждения он не мог отличить от эмоционального переживания?

На самом деле Кроче неоднократно — и самым ясным образом — разъяснял, что «так называемое суждение ценности не есть актуальная любовь или ненависть, актуальное желание или отвращение, актуальное хотение или нехотение, а *представление* (и, следовательно, выражение) того, что обыкновенно называется эмоциональным переживанием или практическим действием. Значит — только представление и выражения, предполагающие актуальность эмоционального переживания или практического действия, так же как и последние, со своей стороны, предпо-

лагают логические суждения или суждения реальности. Wertausdruk не следует смешивать с Wertschaffung. Такое смешение было бы серьезной ошибкой»*.

Зачем же навязывать автору смешение, против которого он предостерегает?

Кроче повинен не в этом, а в другом. Он не сделал нужных выводов из своего различения между актуальным переживанием и позднейшей рефлексией над ним. Он не ответил на вопрос: *в каком смысле* из позднейшего «представления» о разного рода эмоциональных переживаниях, из логического манипулирования этими представлениями и понятиями может создаться «чувственное или эстетическое познание»? А не ответив на этот вопрос, он и не мог критически отнестись к собственному — слишком поспешному — утверждению, будто бы это познание сравнительно с логическим (теоретическим?) представляет собой «простейшую форму». Он даже не заметил противоречия с самим собой: если оценки «*дополняют* суждения выражением чувств», то, значит, они привносят в них новый, осложняющий элемент и дают не простейшую, а более сложную форму интеллектуального процесса. Вот где настоящая ошибка Кроче, и ее П. Сорокин непременно заметил бы, если бы не увлекся мнимой, несуществующей ошибкой.

Направив свое внимание по ложному пути, П. Сорокин не заметил самой главной, самой существенной проблемы, лежащей в основе гносеологии нормативного или практического разума. Через эту проблему он перескочил поспешным умозаключением: я могу переживать то-то и то-то, как переживает и амеба; от этого мои переживания не превращаются в суждения; «а поэтому же из этих переживаний нельзя и составить науку». Да, конечно, никакой набор переживаний не составит науки, как не составит ее, однако, и набор внешних восприятий. «Белое», «гладкое», «громко звучащее», «твердое» — все это тоже своего рода «переживания». Наш мыслительный процесс состоит, однако, в выработке из этих «переживаний» целой сложной системы представлений и понятий, составляющих науку. В последнем счете на внешние восприятия этот первоначальный материал человеческого опыта, как на свой фундамент, опирается вся пирамида человеческого знания. Постепенно разлагая самые сложные философские идеи и понятия, мы через ряд понятий менее сложных спустимся, как по лестнице, все-таки к этим основным элементам опыта. Сами по себе эти элементы — не «истины» науки и даже не свидетели истины; они даже не имеют логической формы. Это не суждения; суждения из них только вырабатываются. Точно так же и наши понятия о «добром и злом», о положительной культурной ценности или отрицательной, об эстетически прекрасном и безобразном, о нравственном и безнравственном — в последнем счете опираются на элементарные эмоции приятного и неприятного,

---

* *Кроче Б.* О так называемых суждениях ценности (Логос, кн. II, с. 23-24).

эмоции, прибавляющиеся, как чувственно-волевые рефлексы, к потоку наших внешних впечатлений и как бы придающие этим последним добавочные характеристики — притягательного или отталкивающего значения для нас. Сами по себе эмоции эти тоже не имеют логической формы. Из механической суммы таких эмоций тоже не составить никакой даже самой «условной» нормативной дисциплины. Но разве отсюда следует, что в последнем счете они не способны составить фундамент того, что иные называют нормативным, а Кроче — «чувственным и эстетическим познанием»? Разве отсюда следует, что из них, как из элементов, нельзя построить целой системы рационально образованных понятий о ценностях, целой системы, если будет позволено так выразится, — «оценочных» истин, имеющих притязания на общеубедительность? Почему эмоции в отношении истин оценочных не могут сыграть той же роли, как и внешние восприятия — в отношении истин объективных?

И не надо забывать: по отношению к «суждениям ценности» дело обстоит проще, чем по отношению к теоретическим суждениям. Суждения ценности не должны как-то самодовлеюще вырасти исключительно из эмоций — это не замкнутое в себе государство, отделенное ревнивыми границами от государства теоретических представлений и идей. Нет, суждения ценности вьют себе гнездо среди этого последнего, они пользуются готовыми данными теоретического знания и лишь прибавляют к ним оценки, для чего опираются на свои собственные «элементы», на чувственные эмоции (аналогичные восприятиям теоретической области).

Но, скажет нам П. Сорокин, все эти оценки, нормы и прочая, и прочая, и прочая «не имеют никакого отношения к истине, а представляют просто волеизъявление или ту или иную реакцию на те или иные раздражения». Совершенно верно: переживания суть реакции нашей эмоциональной организации на внешние раздражения, как — со своей стороны — внешние восприятия суть реакции на те же раздражения нашей познавательной организации. Но, скажет опять нам П. Сорокин, «наука имеет дело только с истинностью, и поэтому эти выражения, как совершенно не относящиеся к истине и не имеющие ее в виду, составить науку не могут. Они могут быть объектами науки, но самой наукой, ее составными элементами они быть не могут. О них нельзя сказать, истинны они или ложны. А наука и суждения имеются лишь там, где можно поставить вопрос об истинности или ложности утверждения или отрицания». Прекрасно, ответим мы ему. Но ведь и о восприятиях внешнего мира нельзя сказать, истинны они или ложны. В этих восприятиях есть элементы изменчивости и субъективизма, отдельные восприятия — как хотя бы в случае с опущенной в воду палкой, которая кажется переломленной — могут на первый взгляд друг другу противоречить. Существуют «обманы чувств», и

древние даже задавались вопросом: да можно ли вообще доверять своим чувствам? Современная гносеология упразднила все подобные вопросы, объявив, что показания наших органов чувств, непосредственные восприятия — ни истинны, ни ложны; лишь сложный процесс координации опыта в чуждую противоречий «картину мира» может содержать в себе истину или ложь в зависимости от богатства или бедности охваченного материала опыта и от уменья или неуменья его координировать. Итак, верно, что реакции нашей эмоциональной организации на впечатления внешнего мира ни истинны, ни ложны — но это их общая судьба с такой же реакцией на эти впечатления наших органов чувств как орудий познания. Из этого вовсе не следует, что они могут быть лишь «объектом познания». Они могут также играть роль дополнительных «элементов» для построения нормативного или, по Кроче, «эстетического и чувственного знания» — подобно тому как внешние восприятия суть элементы всего нашего теоретического знания.

П. Сорокину очень нравятся — боюсь, что по недоразумению — рассуждения Зигварта по интересующему нас вопросу. Разбирая выражение «солнечный свет мне приятен», Зигварт говорит: «Это, конечно, оценка солнечного света в отношении к моему чувству. Но сама эта оценка, высказываемая суждением, не есть ни чувство, ни хотение, а простое признание факта, что солнечный свет пробуждает во мне это чувство. Реакция чувствующего человека есть то удовольствие, которое получается от теплоты. Суждение, в котором он выражает это, есть функция его мышления. На основании опыта противоположных чувств он образовал общие понятия приятного и неприятного, которые сами не суть чувства, и посредством этих понятий он выражает то фактическое отношение, какое существует между ним и известными вещами».

Да, фактическое отношение! Но это фактическое отношение не есть *чисто познавательное* отношение! Да, отношение между «ним» и «вещами» — но между «ним» — как центром известных чувств и потребностей — и между «вещами» — известными ценностями по отношению к этим чувствам и потребностям! Если нашего автора соблазнили у Зигварта слова: «оценка есть простое признание факта...» — то он слишком легко впадает в соблазн. Ибо речь идет о «факте» особого рода, — о факте зарождения в человеке чувств приятного и неприятного, и этот факт не просто является предметом любопытства и объективного изучения, а вместе с другими аналогичными фактами — фундаментом для выработки целого ряда «понятий-норм»: о *здоровье* человека, *гармоническом развитии* его способностей, *счастье, прогрессе* и тому подобных вещах...

«На основании опыта противоположных чувств человек образовал *общие понятия* приятного и неприятного», — говорит Зигварт. Совершенно верно, и на основании такого же опыта образовал он аналогич-

ные группы «окрашенных оценкою» понятий: полезного и вредного, хорошего и дурного, справедливого и несправедливого, нравственно высокого и низкого. Прежде чем он начал сознательно и методически думать, он уже частью перенял эти понятия от окружающих, частью выработал или переработал их сам, но стихийно, так сказать, «ощупью». Частью они возникали у него эмпирически, не связанные друг с другом гармоническою, исключающей противоречия связью; частью они слагались случайно, нерационально, переплетаясь с предрассудками и предубеждениями, которых никогда не проверяла критическая мысль. Спрашивается: может ли наука *перестроить* все эти донаучные понятия, сведя их путем критического анализа к их эмпирическим первоисточникам, затем расширив эти первоисточники и, наконец, методически воссоздав из них стройную, гармоническую, чуждую противоречий систему понятий о хорошем, добром, полезном, справедливом? Способна ли наука произвести такую операцию, произвести ее в том же самом смысле, в каком, скажем, естественные науки перерабатывают наши вульгарные, донаучным путем образованные понятия о природе? Говоря «способна ли наука», я, конечно, имею в виду ее *принципиальную* способность, а не данный уровень ее развития и не данную величину ее ресурсов. С точки зрения Зигварта, едва ли есть возможность ответить на этот вопрос иначе, как положительно. А с точки зрения П. Сорокина?

Корень вопроса именно здесь. И нам кажется странным, что П. Сорокин так много времени и сил тратит на то, чтобы кружиться вокруг чисто формального вопроса — о том, суть ли «оценки» суждения или нет. «Всякое суждение, т. е. утверждение или отрицание связи субъекта и предиката, относительно которого можно поставить вопрос о его истинности или ложности, есть и может быть только теоретическим. Нормативное суждение или, что то же, "суждение ценности" есть contradictio in andjecto*. Подобное суждение или вовсе не является суждением, или если является таковым, то представляет замаскированное теоретическое суждение». Такова позиция, на которой он утвердился.

Опираясь на нее, он победоносно изгнал из науки всякие «ты должен», всякие императивы, ибо они столь же мало имеют отношения к науке, как заявление «ндраву моему не препятствуй». Прекрасно. Но вот Гуссерль доказывает, что утверждение «воин должен быть храбрым» есть, так сказать, лишь «императивная тень», отбрасываемая от себя суждением — «храбрый воин есть хороший воин». И что же? П. Сорокин оказывается совершенно удовлетворенным! Теперь, видите ли, это суждение «принимает чисто теоретический характер»! «В этом случае можно поставить вопрос о его истинности и спросить: истинна ли связь, утверждаемая между субъектом и предикатом, т. е. действительно ли храбрый воин есть хороший воин. В последнем случае оно

---

* Противоречие в определении (*лат.*).

неизбежно относится к логической деятельности и неизбежно является теоретическим». Но неужели П. Сорокин не видит, сколь широко гостеприимным оказывается у него лоно «теоретического», а следовательно — для него ведь это синонимы — и объективного? Выгнанные с позором в дверь, все «оценки» и «нормы» с почетом принимаются — через окно. Стоит мне вместо «помогай ближним» сказать «долг каждого человека состоит в оказании помощи ближним» — и я могу смело везти свою контрабанду через таможню его научной цензуры. Маленькое переодевание — и все обстоит благополучно. Но ведь нет такого «волеизъявления», для которого подобное переодевание оказалось бы недоступным. Даже вульгарное императивное «ндраву моему не препятствуй» может, по методу Гуссерля, быть превращено в чинное логическое: «Хороший человек — тот, кто не препятствует моему ндраву». И довольно: П. Сорокин сможет оспаривать истинность данного суждения по существу, анализировать «ндрав» данного лица, спрашивать себя, действительно ли хорош тот человек, который не будет препятствовать проявлению подобного «ндрава», но области «теоретического» он перед этим положением не закроет. Но если дело обстоит так, то стоило ли все дело серьезного разговора? Не занимались ли мы простой формалистикой и схоластикой?

Мы боимся, что П. Сорокин поддался здесь педантизму своих школьных авторитетов и что это невыгодно отозвалось на его построениях, гораздо более интересных там, где он сохраняет свою самостоятельность. Вопрос ведь не в форме суждения. Не надо смешивать суждение как познавательной акт с суждением как готовым результатом этого акта, т. е. его логическим выражением. Форма суждения достаточно эластична, чтобы в нее искусственно втиснуть весьма разнообразное содержание. Нас здесь интересует и не формальное логическое определение суждения, а теоретико-познавательное. Кроче, может быть, чересчур перегнул палку, говоря о «нелепом виде» оценок, когда их выражают в форме суждения. Но ведь у него же есть и более умеренная формулировка: суждения ценности не суть «простые» или «обыкновенные» суждения. В «настоящем» или «простом» суждении, говорит он, «субъект есть представление, а предикат — понятие или универсалия». В так называемом суждении ценности субъектом является представление со всей совокупностью его «обычных» (объективных, сказал бы П. Сорокин) предикатов, а в роли предиката фигурирует «субъективная реакция, Zusatz des Gemüthes, чувство!» Здесь, конечно, положение Б. Кроче нуждается в поправке: научное суждение ценности имеет дело не с элементарным Zusatz'ом des Gemüthes, не с простейшей эмоцией, а с более сложным *понятием* о необходимой эмоциональной реакции человеческого организма на данное явление. «Чувство, функционирующее в качестве универсалии, есть contradictio in adjecto!» — восклицает Кроче и не может себе представить, что ведь речь-то может идти не о случайном и чисто

личном, а о необходимом, тесно связанном с природой человека, общечеловеческом чувстве — тоже некоторой «универсалии». Если бы П. Сорокин опровергал только это недоразумение, он был бы совершенно прав. Попытка Кроче определить особенность суждений ценности сравнительно с обычными или простыми суждениями не может считаться удавшейся: она требует серьезной поправки. Но здоровое ядро в его указании есть. Да, суть дела в той роли, какую играет чувство, эмоция. Только роль эта не прямо выступает в качестве предиката вещи, а лишь служит последним *основанием* для выработки такого предиката, и служит в том же самом смысле, в каком внешние восприятия служат последним основанием для выработки всех наших теоретических идей и понятий.

Иными словами, вопрос о тождественности или своеобразии суждений ценности сравнительно с объективно-теоретическими суждениями сводится к вопросу: могут ли суждения ценности опираться, в последней инстанции, исключительно на индифферентные в смысле чувственной окраски восприятия внешнего мира — или они нуждаются, как в дополнительном основании, в чувствах и эмоциях, как бы изнутри нашего существа окрашивающих в цвет желательности или нежелательности протекающий через наши органы чувств поток восприятий и впечатлений?

Этот вопрос достаточно поставить, чтобы на него ответить. Да, они нуждаются в таком дополнительном основании. Да, они благодаря этому являются суждениями особого рода. Да, составленные из них научные дисциплины законно должны быть выделены в особую, своеобразную группу среди остальных научных дисциплин.

Дополнительное основание! — может возразить нам П. Сорокин: но по отношению к нему еще приходится поставить question préalable*. Нужно знать степень крепости и прочности этого «основания». Нужно знать, не будет ли здание, построенное на таком «дополнительном основании», — просто воздушным замком или зданием, построенным на песке?

Вопрос законный. Тем более что на первый взгляд возможность строить что-либо «общезначимое» на чувствах и эмоциях — более чем сомнительна.

И прежде всего возникает вопрос: как выбраться из лабиринта разнообразных, пестрых, изменчивых, субъективных чувствований? Как найти для них какой-то «общий знаменатель»? «Почему, — спрашивает П. Сорокин, — такие разнородные явления, как, например, пьянство, симфония Бетховена, чтение Байрона, езда на велосипеде и т. д., подводятся под одну рубрику? — Потому, что все они обнаруживают элементы удовольствия, скажут нам. — Ничуть, каждое из этих явлений и для разных людей, и для одного и того же человека бывает то удовольстви-

* Вопрос о целесообразности рассмотрения внесенного предложения (*фр.*).

ем, то страданием. Само содержание явления есть ни удовольствие, ни страдание. — Но важно здесь, могут сказать, то, что испытывает переживающий данное явление субъект. Если ему данное явление кажется удовольствием, — значит, оно благо. — Но ясно, что подобное возражение сводит "на нет" и весь смысл посылок, и большей, и меньшей. Смысл установления посылок именно в том и заключается, чтобы не "формально", но "материально" установить, исходя из общей посылки, что данное явление удовольствие, а потому благо. Если же говорят, что данное явление может быть и тем и другим, как кому кажется, то мы остаемся при тавтологии: высшее благо есть удовольствие, а удовольствие — то, что кажется удовольствием». Кроме того, удовольствия *качественно разнородны* и не сводимы ни на что лежащее в их основе однородное, вследствие чего можно было бы их сравнивать и «общезначимым» образом ответить на вопрос — какое из них предпочтительнее и, следовательно, представляет собою высшее благо. Наконец, «скрытой предпосылкой всего этого пути является однородность человеческой природы и возможность применения к ней одного и того же шаблона, с одной стороны, и отсюда вытекающая предпосылка о какой-то вне- и сверхвременной ценности чего-нибудь — с другой; ценности, сохраняющей свое одинаковое значение для всех времен и народов. Ни та ни другая предпосылки не оправдываются фактическим изучением...»

Таковы возражения, с которыми приходится считаться. Они, правда, не новы, но среди них есть и очень веские.

Устраним сначала те возражения, которые бьют мимо цели или основаны на недоразумении.

Первое возражение: одни и те же удовольствия неодинаковы для разных людей и даже для одного и того же человека в разное время его жизни или при разных условиях. Совершенно верно. Ну а разве внешние восприятия разных людей совершенно однородны? Способность людей различать цвета и оттенки цветов варьируется чрезвычайно чувствительно. В явлениях дальтонизма эта разница достигает крайней степени. Даже восприятие пространства («глазомер») развито чрезвычайно неодинаково. Восприятие окружающей температуры различно не только у разных людей, но и у одного человека в зависимости от состояния его здоровья и особенно температуры организма. Восприятие длительности протекшего времени подвержено влиянию бесконечного ряда случайностей, условий внешних и внутренних. Ощущение тяжести варьируется в зависимости от физической силы лица, и у одного и того же лица — в зависимости от общего физического самочувствия. Недаром могучая социологическая потребность общения заставила людей придумать целую сложную искусственную систему измерений веса, пространства, длины, температуры и т. д. Этого не было бы нужно, если бы непосредственные восприятия были достаточно точны и одинаковы. Но в том-то и дело, что этого нет. И тем не менее

в последнем счете только эти восприятия — первоисточник нашего знания. Да, первоисточник. Но первоисточник знания не есть еще самое знание. Отдельные восприятия лежат просто в другой плоскости, чем «истина». Они только сырой материал для нее. Это, конечно, хорошо известно П. Сорокину. Но когда он переходит в область оценочных или нормативных истин, то он тотчас же начинает предъявлять к эмоциям и чувствам такие требования, которым в познавательной области не могут удовлетворить даже восприятия! Эмоции либо должны быть одинаковы у всех людей по отношению ко всем объектам наших впечатлений, либо они ничему путному служить не могут и с позором изгоняются из области научной дисциплины в область вульгарно жизненного обихода. Как будто всякий говорящий об эстетическом, чувственном, моральном познании должен оставаться грубым эмпириком, судьба которого — заблудиться, как пошехонцу в трех соснах, в разных отдельных ощущениях удовольствия и неудовольствия! Как будто он не может лишь пользоваться ими для высших идеальных построений, подобно тому как всякий исследователь пользуется восприятиями внешнего опыта для своих тоже в известном смысле «идеальных» построений!

П. Сорокин указывает на качественную разнородность удовольствий, на возможность столкновения их, на невозможность выбора на основании какого-либо общезначимого логического критерия. Да ведь этого вовсе и не нужно. Внешние восприятия тоже противоречивы. Вернемся к классическому примеру: опущенная в воду палка сломана для глаза, но не сломана для осязания. Разве наука «выбирает» между двумя этими показаниями? Нет, нимало. Ей нужен вовсе не выбор и не принесение одного в жертву другому. Если бы она совершенно игнорировала показание глаза как «неверное» и «предпочла» показание руки — она не была бы наукой и никогда не дошла бы до открытия законов преломления света. «Отметание», «выбор» и «предпочтение» она предоставляет жизненному обиходу. Тот будет прав, «поверив» руке и «не поверив» глазу. Науке же равно ценны оба показания. Она, основываясь на обоих, примиряет их в высшем синтезе — в идеальном построении, носящем имя гипотезы или научной теории. Так же точно поступают и нормативные науки. Они предоставляют жизненному обиходу различных людей выбор между сталкивающимися удовольствиями и предпочтение одних другим. Они ищут высшего синтеза всех этих удовольствий — построения, поднимающегося *над* ними и приводящего к примиряющей их идеальной комбинации. Она ставит вопросы о нормальном и патологическом развитии организма (или общества), вырабатывает понятия о его «здоровье», «гармонии отправлений», о «максимуме жизнесохранения» и т. п. Все эти понятия дают «нормы развития» и тем самым указывают уклонения или патологические направления в этом развитии.

В простейших случаях такие построения П. Сорокину известны. Он сам приводит, например, такую цитату из «Основ общей и экспериментальной патологии» Подвысоцкого: «Общая патология отыскивает и устанавливает законы, по которым совершаются в животном организме всевозможные уклонения от нормы; она создает, таким образом, ряд типов болезненных процессов». Нормой является здоровое состояние организма, а «здоровое состояние организма — это такое его приспособление, при котором сохраняется maximum гармонии между отдельными частями тела и достигается возможно большее обнаружение энергии во внешний мир». П. Сорокин, конечно, может сказать, что до сих пор никто еще не дал «общих основ моральной патологии» или «общих основ социальной патологии». Но разве это будет возражение? Этика и социология посложнее физиологии и гигиены — только и всего. Но разве уже теперь нет целых готовых глав для этих будущих наук? Разве не исследованы отдельные болезни нравственного чувства и целые массовые моральные эпидемии? Разве они не доходят иногда до таких размеров, когда с ними приходится иметь дело даже психиатру? И разве историку и социологу не известны примеры *вырождения* обществ, регрессивной эволюции в противоположность эволюции прогрессивной? И если в этой области пока сделано еще крайне мало, то что из этого следует иное, кроме того, что вот — сфера, куда должны устремиться свежие, молодые научные силы, желающие не только твердить зады, но и творить, не только идти по торным колеям, но и прокладывать новые пути, распахивать плугом знания девственную целину жизни?

Нам все говорят о том, будто чувства удовольствия и неудовольствия — случайны, изменчивы, индивидуальны. Но ведь не игра же субъективного каприза дала их, и, очевидно, есть в них что-то более глубокое и существенное. Ведь это же — продукт вековой эволюции, и на что-нибудь потребовались они в происхождении человека и человеческого общежития! За субъективными вариациями отдельных эмоций не видеть великого единства их — это все равно, что за деревьями не видеть леса или за гладкой поверхностью реки не видеть огромного, глубокого русла. Этими ощущениями, этими эмоциями природа предостерегает вид от грозящих ему опасностей. В общем и главном приятными впечатлениями для человека наделены предметы, наличие которых благоприятно для его существования, и наоборот. Иными словами, в силу борьбы за существование и естественного отбора эмоциональная организация человечества должна была сложиться так, чтобы выразить в чувствах удовольствия и неудовольствия притяжение к благоприятным и отталкивание от неблагоприятных условий существования (в отдельных случаях, конечно, нередки несовпадения — ведь и инстинкт животных, подсказывающий в общем и целом рациональное поведение, в частных и неожиданно сложных случаях способен те-

ряться и приводить к нецелесообразным действиям). А так как человек есть существо общественное, так как внеобщественный и дообщественный человек есть фикция, то это приспособление эмоциональной организации человека к условиям существования должно было в то же время быть приспособлением к социальности, т. е. тягой к увеличению элемента общности, единства, общезначимости в его эмоциях. Этот процесс продолжается и теперь, он будет происходить и дальше — великий процесс социализации человеческих чувств и вместе человеческих норм...

Но ведь это пахнет «скрытой предпосылкой однородности человеческой природы»! — скажет нам П. Сорокин. А мы спросим его: ну а существование *общечеловеческой логики* — не пахнет подобной же предпосылкой? Это ведь тоже *нормативная* наука, и притом со своими «должен» властно регулирующая все самое теоретическое и самое объективное мышление. Или общечеловеческая логика и общечеловеческая гносеология — единственное «однородное» в человеческой природе? Однако ведь и общечеловеческая логика, общечеловеческое, «общезначимое» познание не с неба слетело на землю. Они выработаны в той же эволюции, в той же борьбе за существование как орудия этой борьбы, как определенные *ценности* для жизнесохранения. «Общезначимость» человеческого познания — это тоже есть результат приспособления к общественным условиям бытия людей, результат социализации человеческого интеллекта. Чтобы наполнить эту формулу конкретным содержанием, достаточно вспомнить хотя бы историю выделения и роста «объективных», «общезначимых» элементов в рассмотрении мира. «Основная тенденция этого рассмотрения состоит в том, чтобы не просто брать чувственные данные, как они воспринимаются, а различать их по их *ценности*», — гласит один из серьезнейших гносеологических трудов последнего времени (*Кассирер Э.* Познание и действительность. 1912, с. 351 и сл.). «Однократное беглое наблюдение все более и более оттесняется на задний план; сохранить нужно лишь те "типичные" опыты, которые возвращаются всегда одинаковым образом и при условиях, которые можно формулировать и констатировать в общем виде. Стремясь выводить данное из определенных принципов, наука именно вследствие этого должна уничтожить первоначальное отношение координации между всеми данными опыта и заменить его иерархическим отношением... Но рассматриваемые с этой точки зрения многообразные эмпирические высказывания представляются высказываниями очень различной ценности»... Устанавливается «логическая градация» состояний сознания; доминирующая роль достается тем элементам познания, которые устойчивее, отчетливее, дифференцированнее; которые более способны послужить выработке связанного, во всех частях согласованного, *единого* воззрения на мир; которые, наконец, *сравнимее*, потому что *однороднее* у разных индивидуумов. Почему поня-

тия, взятые из области пространства и движения, стремятся сделаться фундаментом всего знания, лечь в основу всех других методов познания? Почему мы создаем механическую теорию света, механическую теорию звука, механическую теорию теплоты? Потому, что соответственные элементы восприятия и представления *общезначимы* у разных людей. Но ведь можно спросить: чем общезначимость лучше чисто индивидуальной, чисто субъективной значимости? Да только тем, что она дает возможность широкой духовной кооперации людей; что она делает *умственную работу* огромным, общественным делом, удесятеряющим силу каждой рабочей единицы; что она создает преемственность этой работы в ряду поколений. Это продолжение все того же великого процесса эволюции и приспособления человечества к условиям своего существования. То, чего не доделала стихийная эволюция, человек доделывает сам. Там, где элементы его познавательной природы недостаточно социализированы физиологией, он создает искусственные логические орудия такого социализирования. И вот почему «оказалось, что чем дальше расширяет свое владычество естественнонаучное мышление, тем интенсивнее в нем происходит творчество абстрактных концепций, не имеющих для себя аналога в области конкретных ощущений». Пусть атомы, эфир и т. п. более нежели гипотетичны; даже пусть их никто никогда не видел и не увидит; пусть это просто фикции. Их ценность — не в том, что они состоят в той или иной мере из материи непосредственного чувственного восприятия, а в том, что это — *рабочие гипотезы*, облегчающие «общезначимую» ориентировку в явлениях и дальнейшее погружение в их анализ общими силами. Цель — выработка при помощи взаимного контроля всей массы умственных работников человечества непротиворечивой, согласованной, упорядочивающей все данные опыта «картины мира» — что позволило бы практически двигаться и действовать среди этой картины, не боясь никаких опасных и гибельных сюрпризов. Каждая последовательная ступень фактического состояния человеческого знания относится к этой цели, как вписанный многоугольник со все увеличивающимся числом сторон к кругу, в который он вписан: постоянное приближение — всегда, полное совпадение — никогда.

Итак, здесь дело идет не о какой-то метафизической единой и всегда себе равной «природе человека». Неверность той «скрытой предпосылки однородности человеческой природы», о которой говорит П. Сорокин, заключается в *статичности* этой идеи. Нет такой раз навсегда данной, неизменной «природы». Природа человека существенно динамична, способна к изменению, к развитию. Но понятие динамичности вовсе не равносильно наличию любых мыслимых направлений изменчивости, не равносильно царству капризной случайности, исключающей всякое предвидение. Динамичность человеческой природы строго эволюционна. Она дает возможность уловить *тенденцию* этой эволюции. И,

оглядывая общим взглядом картину этой эволюции в прошлом, ее результаты в настоящем и тень, отбрасываемую этим настоящим в будущее, мы и говорим о великом процессе *социализации* человечества. Результатом этого процесса в чисто интеллектуальной области является выработка общезначимых логических и познавательных норм, в рамках которых движется вперед наша наука. В области жизни — жизни нашего чувства и нашей воли — результатом этого процесса должна быть прогрессирующая выработка все более и более «общезначимых» норм эстетических, моральных, культурно-социальных, в рамки которых все более и более будет вдвигаться прогресс человечества со всеми его великими возможностями.

Но, рассуждая таким образом, не впадем ли мы в прагматизм, в самый вульгарный прагматизм? П. Сорокин жалуется, что у прагматистов (а также и у «впадающих в половинчатый прагматизм» Риккерта и Виндельбанда) «сама истина делается чем-то производным, целиком основанным на оценке». А в таком случае все будет перевернуто вверх ногами. Мы до сих пор говорили, что нормативные науки должны опираться на теоретическое знание, зависеть от него, пользоваться его данными. А тут оказывается все наоборот: само теоретическое суждение насквозь пропитано элементами оценки, выбора ценностей, представляет лишь частный случай этой оценки!

Мы нимало не намерены защищать ни «вульгарного прагматизма», ни половинчатого грехопадения в его сторону. Зерно истины, взятое прагматизмом и скомпрометированное им, однако, сохраняет все свое значение. Достаточно отдать себе полный отчет в этом значении, чтобы совершенно устранить недоразумение по вопросу о том: теоретическое ли знание основывается на нормативном или нормативное — на теоретическом?

Все недоразумение происходит от смешения двух понятий: *генетического* и *логического* приоритета. Логический приоритет принадлежит теории: теоретическое знание является основой знания нормирующего. Генетический приоритет принадлежит практике: теоретическое знание развивалось под стимулами практического, чувственного, оценочного реагирования человека на впечатления внешнего мира. Не «в начале было Слово», как гласила Книга, но «в начале было дело», как показала Фаусту его Наука.

Мы так привыкли к идее законодательства разума над побуждениями, к его очищению от влияний чувства, к понятиям *чистого* опыта, *чистого* познания, что нам уже кажется святотатством свести самый разум с теоретических высот на грешную землю и рассматривать его как служебное орудие в борьбе за существование. Но как бы там ни было, а «разум» не есть какая-то универсальная, абсолютная сущность, неизвестными, загадочными путями внедренная в человека. От этой истины

нельзя отрешиться, не отворачиваясь вообще от научного миросозерцания. Да, познание человека есть лишь один из специальных видов его *деятельности*, производимой им *работы*. Да, эта работа играет определенную роль в общей экономии его бытия. Да, характер этой работы и структура того органа, которым она производится, определилась тем же «вульгарно-жизненным» путем, как и все другие органы, служащие человеку в борьбе за существование.

Первоначальные раздражения живой, организованной материи теми или иными действиями на нее извне непосредственно соединены с ответными двигательными реакциями. Эти реакции элементарны, однозначны, почти «механичны» В раздражении, идущем из окружающей среды, организму передается движение, на которое он отвечает движением же, — действие вызывает противодействие. С развитием нервной системы, и в особенности головного мозга, в этом соотношении действия—противодействия происходит перерыв. Организм, так сказать, с одной стороны, копит силу внешних впечатлений, с другой — особым порядком, методически расходует энергию своего активного воздействия на среду. Промежуток заполняется анализом получаемых раздражений и выбором способа реакции на них.

Таким образом, воспринимать вовсе не значит прежде всего «познавать», и нервная система первоначально складывалась вовсе не как специальный аппарат для выработки представлений, понятий и суждений. «Познавательные» элементы сводятся в это время к элементарнейшим актам примитивного, зародышевого *различения*. Восприятия сплошь окрашены смутными чувствованиями, стимулировавшими действия. Нервная система является проводником раздражений и передаточным пунктом между раздражением и действенной реакцией. Лишь впоследствии значение и роль этого «передаточного пункта» все растет и растет. Здесь образуется как бы складочное место впечатлений, сравниваемых между собой, группируемых, ассоциируемых. Начинается работа собственно мышления, разрастающаяся в конце концов в сложную работу исследования и познания.

Но если таким «биологическим утилитаризмом» запечатлено *происхождение* мышления, то, как только оно достаточно дифференцируется, — тотчас же вступают в силу собственно логические или теоретические критерии истины. Не в том ошибка прагматизма, что он рассматривает познание как вид деятельности, работы, а его продукты — как определенные ценности в борьбе за существование. Ошибка начинается только там и тогда, где и когда пытаются подменить критерии теоретического знания каким-нибудь более непосредственным принципом оценки или «полезности». — Non bis in idem!* Если познание как таковое есть уже огромная ценность, данная приспособлением человечества к условиям социального существования, то и критерии, свойственные позна-

* Не следует повторяться (*лат.*).

нию как таковому более чем достаточны для того, чтобы знание сыграло свою «утилитарную» роль. Снова и совершенно непосредственно вмешать пользу как критерий доброкачественности знания — значит перескакивать назад, через всю ту стадию эволюции, когда познание дифференцировалось в особое царство со своими своеобразными законами. Именно потому, что познание возникло *для* более успешного реагирования организма на среду, — это реагирование и лежащие в основе его *оценки* подпадают под полный контроль познания. Логический примат принадлежит теоретическому знанию. Только на нем, как на своем прочном фундаменте, могут воздвигаться всевозможные нормативные и оценочные «надстройки».

Истину нельзя просто приравнивать к полезности или сводить на полезность. Она, правда, как результат разума явилась вместе с ним на свет Божий под мощным влиянием потребностей и «пользы». Но какой пользы? Той стихийной «пользы», которая именуется приспособлением путем естественного отбора, и притом приспособлением к социальным условиям существования. Как результат и в то же время мощное орудие духовного общения, умственной кооперации людей, она разрослась в целое автономное царство мысли. Как же можно шагать через эту автономию к первоначальной непосредственной генетической связи восприятия — с оценкой, мышления — с элементарным выбором более «удобной» реакции на впечатления внешнего мира? Это значит возвращаться к смутному первобытному единству того, что дифференцировано всем прогрессивным ходом эволюции. Нет, царство мысли тем действеннее в смысле человеческих польз, чем более оно развивается как таковое в самостоятельное целое, с особыми, ему свойственными методами действия и критериями. И непосредственное вторжение «критерия пользы» для замены доселе принятых критериев истины является поэтому не только незаконным. Это — акт, равносильный перепиливанию того самого сучка дерева, на котором сидит перепиливающий. Само понятие «пользы» должно, напротив, получить свое содержание, воспользовавшись результатами теоретического знания. Ибо ведь мы говорим теперь о сознанной человеком «пользе», о человеческом понятии о пользе — а уже не о той великой стихийной «пользе», которая торжествует благодаря тому, что из бесконечного количества «опытов природы» происходит отмирание и гибель громадного большинства «бесполезных» результатов и выживает лишь ничтожное меньшинство «полезного». Понятие «полезности», целесообразно применяемое человеческим сознанием, должно еще прежде получить от теоретического знания свой конкретный характер и требовать от него же, чтобы в качестве непосредственного критерия истины оно руководило теоретическим знанием, — это значит впадать в заколдованный «порочный круг доказательства», circulus vitiosus.

И тот же Кассирер, которого меньше всего можно заподозрить в прагматистском грехопадении, приводя против прагматизма возраже-

ния, воспроизведенные и в книжке П. Сорокина, оговаривается, что «такого рода соображения не затрагивают, однако, более утонченной формы прагматизма, которые он получил в особенности в трудах Дьюи и его школы». Чем же довольствуется в интересующем нас вопросе этот реформированный прагматизм?

«Дело идет — как это теперь становится ясно — о характере отношения между объективно значимыми истинами науки и активностью мышления. Ведь само мышление, как оказывается при ближайшем рассмотрении, превратилось здесь в чистое и равнозначное выражение "действования". Практическим наше умозаключение, наше исследование называется не потому, что оно необходимо для достижения внешней цели, а исключительно в том смысле, что оно представляет собой единство всего того, что мыслится, постоянно носящееся перед нами, как конечная цель, и указующее нашему познанию направление, по которому оно должно двигаться. Истинность какого-нибудь отдельного положения можно измерить лишь сообразно тому, что оно дает для решения этой основной задачи знания, для все большего и большего объединения многообразного. Мы никогда не можем непосредственно сопоставить суждение с отдельным внешним предметом и сравнить его с последним, как с самой по себе данной вещью, а всегда можем спрашивать лишь о функции, которую оно исполняет в возведении и толковании целокупности опытов. "Истинным" называется положение не потому, что оно совпадает с реальностью, пребывающей по ту сторону всякого мышления и всего мыслимого, а потому, что оно в процессе мышления само себя доказало на деле и привело к новым плодотворным выводам. Настоящим его оправданием является его действие, направленное в сторону все более и более полного объединения. Всякая гипотеза науки обладает принадлежащим ей правом исключительно в отношении к этой основной задаче: она значима в той мере, в какой ей удается организовать в мыслях и единообразно формировать первоначально разрозненные чувственные данные»*.

Что может сказать Кассирер против этих положений? Ровно ничего. Он и заявляет, что их не только нельзя противопоставлять критицизму, но что в них даже «лишь получает дальнейшее развитие мысль, которая с самого начала признана и положена в основание критического понимания познания». Сам Кассирер неоднократно высказывался в духе этих положений, например: «Каждому частичному опыту задается поэтому вопрос, каким значением он обладает для всего целого, и это-то значение и определяет меру его объективности. Таким образом, здесь в последнем счете вопрос не в том, "что такое" этот определенный опыт, а в том, какова его "ценность", т. е. каково его значение при возведении всего этого здания». Ясно также, что в этих положениях не содержится implicité ни одного из выводов, соблазняющих вульгарный прагматизм.

---

* *Кассирер Э.* Op. cit., с. 412-413.

Да, познание оценивает элементы опыта, но понятие «ценности» у него особое, свое собственное, вытекающее из собственной цели познания и методов достижения этой цели.

Итак, нимало не впадая в вульгарный прагматизм, мы установили: 1) что наша познавательная способность со всеми ее методами и критериями сформировалась «под знаком полезности» в общем процессе борьбы за существование и приспособления человечества к социальным условиям его бытия; 2) что недостающая нашей психической организации «общезначимость» элементов нашего внешнего опыта восполняется их иерархической организацией, оценкой сообразно роли каждого в создании целостной, непротиворечивой «картины мира», а также всевозможными вспомогательными понятиями; 3) что основная тенденция эволюции человеческого познания сводится к социализации его и что в этом весь смысл логических и познавательных норм, стремящихся ввести всякое индивидуальное мышление, как приток, в это могучее общее русло.

Неужели же вне этого потока социализации останутся как раз те элементы нашего опыта, чувства, эмоции, которые играли и играют самую непосредственную роль в *практической* стороне нашего бытия? Как! Даже чистое мышление, обособившееся, дифференцировавшееся в независимую область, лишь генетически да по последним результатам связанную с практицизмом жизни, даже оно испытало на себе в достаточной мере влияние могучего процесса социализации! А то, в чем заключается «душа» практической жизни, настолько обособилось от этого влияния, что здесь никоим образом нельзя найти почвы общезначимого и остается лишь признать, что «у всякого барона может быть своя фантазия»?

Все это, конечно, чистейшее недоразумение. Да, в области вкусов и чувств господствует большое разнообразие. Но это разнообразие является капризным и случайным лишь в наименее существенных для жизненных судеб индивида вещах или же в нюансах, мелочах, деталях. Чем существеннее жизненная ценность, тем шире поле «общезначимого» в ее ощущении. Качественно потребности, а с ними и ощущения, конечно, различны. Но едва ли можно отрицать научную возможность построить такую классификацию потребностей, которая, исходя из более общих и элементарных, доходила бы до более сложных и производных, причем нормальное и здоровое удовлетворение всякой потребности низшего порядка являлось бы фундаментом для развития потребности и потребностей высшего порядка. Тем самым изучение потребностей дало бы не статическую, а динамическую картину, говорило бы о тенденции дальнейшего развития потребностей. Оно дало бы максиму индивидуального развития или идеал, заключающий в себе понятие о подвижной гармонии личного развития.

Душа нормативных наук — это построение *идеалов*, стоящих на высоте всего современного теоретического знания. Как в знании объек-

тивном научная теория, иногда с помощью вспомогательных «фикций» или предельных понятий атома, эфира и т. п., иерархически объединяла данные восприятий и поднималась над их противоречивостью, изменчивостью и субъективизмом, так из аналогичного хаоса противоречивых, сталкивающихся эмоций и чувств нормативная дисциплина выходит с помощью рационально построенных *идеалов.* Вопрос о возможности *научных идеалов* и есть вопрос о возможности *нормативных наук.*

Нет ни одного аргумента, который бы доказывал невозможность действительно истинно научного метода построения идеалов. Все аргументы, доселе приводимые, с одинаковой силой — или, лучше сказать, с одинаковым отсутствием силы — могли бы выдвигаться и против возможности теоретической науки. Этой аналогичности положения П. Сорокин, к сожалению, не заметил. Да он к тому же в своих предположениях о способах выхода из тупика эмоционального субъективизма пошел с самого начала не тем путем.

Ему вспомнилась «моральная арифметика» Бентама. Этот «гений буржуазной тупости», как окрестил его в свое время Карл Маркс, попытался для сравнения качественно разнородных «удовольствий» открыть «решающие признаки». Он придумал таких признаков целых семь: интенсивность удовольствия, его продолжительность, несомненность, близость, плодотворность, чистота и распространенность. Удовольствие было бы выше или ниже, смотря по тому, какое количество «решающих признаков» оно бы в себе заключало. Попытка нелепая уже потому, что она, вместо того чтобы упрощать вопрос, только усложняла и запутывала его. Представим два качественно разных удовольствия одинаковой чистоты, близости, распространенности и т. д.; зато одно из них интенсивно, но непродолжительно, другое — наоборот. Спрашивается, что же предпочтительнее? Вопрос, конечно, неразрешимый, ибо как безотносительно к *существу* двух удовольствий взвесить сравнительную цену их интенсивности и длительности? То же можно сказать и про любую другую пару бентамовских «основных признаков». Это хождение вокруг да около качественного существа удовольствий с помощью разных *побочных, внешних* лишь по словесной форме сравнимых характеристик говорит само за себя. Лавочническая арифметика там, где нужно научное интегрирование, вот что такое приемы Бентама. Хорош был бы «ученый», который, вместо того чтобы создавать теорию преломления света, пытался бы выбраться из противоречия между показаниями зрения и осязания в случае с палкой, погруженной в воду, выдумывая однородные побочные признаки для сравнения слухового, зрительного и осязательного ощущений!

П. Сорокин понимал, что можно попытаться найти какое-нибудь обобщенное выражение «блага». Но здесь поперек дороги у него стало странное недоразумение. Это обобщенное выражение он сначала пред-

ставил себе в виде какого-то самого общего родового понятия... Но ведь «из логики каждому известно, что чем шире понятие по объему, тем оно беднее по содержанию. Понятие удовольствия в основной норме должно быть самым широким по объему, как охватывающее все виды удовольствий, но зато оно должно быть и самым бедным по содержанию, и из него должны быть выкинуты все специфически видовые признаки удовольствия». Как создать «в основной норме» такое понятие о всеудовольствии, автор резонно не понимает. Что можно дальше сделать с этим бессодержательным понятием и как вывести из него или подвести под него какие бы то ни было частные случаи? И в самом деле, тут можно подвинуться вперед так же мало, как и в том случае, если бы для синтеза противоречивых внешних восприятий мы попробовали бы создать какое-то понятие о восприятии-универсалии, а затем при его помощи стали отличать «истинные» восприятия от ошибочных и ложных.

Обобщенное выражение блага нужно и можно искать, но не так и не там, и оно вовсе не фатально окажется бессодержательным. П. Сорокин, весьма враждебный Риккерту, здесь, однако, впадает в аналогичную с ним ошибку. Риккерт в свое время с большой силой обрушился на обобщающие тенденции естествознания: стремясь охватить мир в «понятиях», последнее, по его мнению, в силу неизбежного логического закона, поднимаясь на вершины обобщений, идет к обеднению реального содержания понятий, а следовательно, к упрощению интенсивного и экстенсивного разнообразия вещей. «Уже самое примитивное образование понятия уничтожает индивидуальное, в строгом смысле слова, и в конце концов естествознание приходит к тому выводу, что по существу вся действительность всегда и везде одна и та же, т. е. что в ней нет ничего индивидуального... Если же в содержание естественнонаучных понятий не входит ничего индивидуального и конкретного, то из этого следует, что в них нет ничего действительного». Точь-в-точь как в «основной норме» П. Сорокина, о которой неизвестно даже, как можно из нее вывести или под нее подвести конкретные «удовольствия», от которых она так радикально оторвалась. В чем же ошибка Риккерта? Да в том, что он пытается распространить на общие конструктивные понятия науки то, что верно лишь для обычных *родовых понятий.* Но «общие понятия» науки вовсе не объемлют просто группы явлений по сходству. Их значение и функция совсем не в том, чтобы просто отвлечься, абстрагироваться от частного, а в том, чтобы «сделать возможной и изобразить связь и координацию самого частного». «Мы не видим оснований, — говорит Кассирер, — почему какое-либо конкретное содержание должно потерять свой наглядный, частный характер, раз оно войдет с другими однородными содержаниями в различные связи рядов и, значит, будет взято и образовано как понятие». «Только общность расплывчатого *родового образа* угрожает

своеобразию частного, между тем как общность определенного закона отношения укрепляет и раскрывает со всех сторон это своеобразие». «Только о представлениях можно сказать, что чем они общее, тем более они теряют в конкретной ясности и резкости, пока они под конец не превратятся в какие-то голые схемы без всякого реального содержания. Суждения же, наоборот, определяют частное тем точнее, чем обширнее круг сравнения и координирования, в который они его вводят». Кассирер иллюстрирует это положение многочисленными примерами из наук теоретических. Но то же верно и по отношению к области истин нормативных. Так, например, идеал гармонического развития, основанный на классификации потребностей сообразно их иерархическому взаимоотношению, упорядочивает хаос «благ», «удовольствий» и «польз» не только не в ущерб конкретной ясности каждого из этих элементов, но даже наоборот: точнее определяя место каждого из них в ряду других, способ их взаимного обусловления, норму соотношения. Идеал и есть та обобщенная формула «блага», которая не отрывается от конкретного, но объединяет его в высшем синтезе.

Моралисты всех времен и народов фактически били всегда на одну и ту же струну души человеческой: на способность *сочувствия*. Эмоции сочувственного опыта не могут не играть огромного места и в построениях научной этики. Но функция этих эмоций в этике научной и в этике донаучной глубоко различна.

Этика донаучная, базируясь на сочувствии, *противопоставляет* его эгоистическим эмоциям, требует самоотречения, незаметно сливающегося с опустошающим жизнь аскетизмом. Этика донаучная, базируясь на сочувствии, тотчас строит на нем ряд безапелляционных повелительных наклонений. Это, прежде всего, «люби ближнего, как самого себя», «не делай другому того, чего себе не делаешь». Получается в высшей степени «монистическая» мораль, ибо в *одном только* чувстве, в его механическом применении всегда и всюду она находит универсальное средство, разрыв-траву, отпирающую все замки и все запоры. Логика этого «монизма» приходит неизбежно к святому пассивизму непротивления злому, подставлению правой щеки ударившему в левую, отдаче остальной одежды тому, кто сдирает с тебя рубашку.

Совершенно иная роль «сочувствия» в этике научной. Она не строит на фундаменте отдельных эмоций непосредственных абсолютных правил. Она знает, что таким путем ничего, кроме столкновения целого ряда равно законных, имеющих право на существование чувств, не получится. В научной этике группа чувств «альтруистических» даже вовсе не «противополагается» группе эгоистических. «Эгоистическое» стремление каждого к полноте, яркости, красочности жизни признается в ней вполне законным. В построении, имеющем целью иерархически организовать, гармонизировать совокупность нашего чувствен-

ного, эмоционального опыта, сочувствие играет именно чрезвычайно важную *организующую* роль. Оно *универсализирует* «законный эгоизм» каждого, превращая его в безусловное «взаимопризнание» такого «эгоизма всех». Научная этика находит единственно возможный выход из безнадежного противоречия эгоистических и альтруистических чувств, создавая *идеал* гармонизированного, солидаризированного человеческого общежития. Моральной основой этого общежития является равное право всех людей на гармоническое всестороннее развитие. Как воплотить это моральное право в *юридические* формы? На этот вопрос может дать ответ лишь специальная *наука о праве*, данные которой должны быть использованы для построения новой положительной идеальной правовой системы (некоторое подобие которой попытался дать Менгер в своем «Новом учении о государстве»). Как мыслить себе экономическую структуру такого общества? Ответ на этот вопрос можно получить, соответственно комбинируя данные *политической экономии* и *технологии* (примеры чего можно найти в работах Атлантикуса и др.). Какими средствами возможно осуществление в жизни такого общества? На этот вопрос должно искать ответ в опыте *истории* (теория и принцип классовой борьбы — есть один из таких ответов). Наконец, что разумеют под «всесторонним гармоническим развитием личности», — на этот вопрос должны ответить еще ниже стоящие в классификации наук дисциплины — *физиология*, *патология*, *психология*, *педагогика* (из этой области черпал материалы для своей теории гармонического развития личности Н.К. Михайловский).

Так абстрактный моральный идеал облекается в плоть и кровь живой социальной действительности. Из него рефлективно вытекает обязанность отдельной личности проникнуться им, осуществлять его, проповедовать его, бороться против его врагов — орудием убеждения против тех, кто принимает условия равной и честной идейной борьбы, и оружием силы против тех, кто идею хочет задавить насилием. Вопреки правилу «не делай другому того, чего себе не желаешь», эта действенная этика будет учить не только покорно терпеть удары, но и наносить их тому, кто этого заслуживает. Она войдет во всю сложную сеть жизненных коллизий, чтобы, исходя из своей «высшей нормы», развить последовательно целый ряд частных норм для различных основных типов жизненных ситуаций, ставящих острые моральные проблемы. Но это уже дальнейшая работа, о которой сейчас говорить не место...

Методология нормативных наук, как мы видели, есть прежде всего методология построения культурных, моральных и тому подобных *идеалов*. П. Сорокин, вероятно, согласится, что идеал не есть одно и то же с любой мечтой, утопией и фантазией. Идеалы не просто причудливые и капризные «сны сердца». Идеал может быть построен более или менее рационально. Если он с этим согласится, то он одной ногой стоит

уже в области «нормативизма». Он должен искать максимума «рациональности» или, что в конце концов одно и то же, *научности* в способе выработки идеалов. Ибо ведь научное познание не есть что-то принципиально иное, чем обыкновенный разум, ratio. Это разум, доведенный до высшей степени последовательности и методичности в работе.

Но где же тот камень преткновения, за который запнулся П. Сорокин и который помешал ему твердо стать обеими ногами на эту дорогу мысли?

Мне кажется, что я понял где. П. Сорокин — как мы видели — понимает, что научное выведение нормы индивидуального благоденствия и здоровья еще возможно. Но как отсюда перейти к социальному идеалу? Общество не есть индивид с особым личным сознанием, об интересе которого можно было бы говорить, совершенно отвлекаясь от интересов составляющих его единиц. Непосредственно реальны, как живые индивидуальности, люди. Если бы рассуждало, как живая индивидуальность, само общество, ясно было бы, чей интерес положило бы оно в основу социального идеала. Но так как рассуждает о социальном и моральном идеале каждый отдельный человек, то прежде всего является дилемма: он может положить в основу своего идеала как мотив альтруизма, так и мотив эгоизма. Две возможности. Но какие же *логические* доказательства можно привести для предпочтения одной из них?

И вот П. Сорокин приходит к своему конечному выводу. «Теоретически никакой идеал недоказуем в качестве общезначимого идеала. Теоретически одинаково обоснован или необоснован и идеал действенной любви, и идеал действенной ненависти. Нет никаких *логических* оснований, которые заставляли бы принять первый и отвергнуть последний или наоборот. Их обоснованность или необоснованность одинаковы. Это значит, что исходное положение необходимо *постулировать*... А благодаря всему этому любая "практическая" наука становится условной и необщезначимой. Это следует открыто и честно признать. С логической точки зрения одинаковое право имеют и "политика права", утилизирующая знание причинных связей для реализации идеала действенной любви, и утилизирующая их для реализации "идеала действенной ненависти"».

Что это, однако, за птица — «идеал действенной ненависти»?

Когда нам говорят, что в жизни, в том или ином конкретном случае, эгоизм легко побеждает альтруистические чувства и ненависть легко торжествует над естественной любовью к собратьям-людям, — это совершенно понятно. Но как «ненависть» человека к человеку может лечь в основу целого «идеала»? Мы все помним, конечно, Тимона Афинского:

О, пусть во мне растет все выше и сильней
С годами ненависть к породе всех людей!
Ты, девственность цветущая, ступай
Немедленно в пристанища разврата!

Дитя, забудь родителей своих!
Рабы, шуты, низвергните на землю
Властителей! Матроны, развратитесь!
Служители, воруйте у господ,
Как господа воруют по закону!
Вы, семена нарывов, чирьев злых
Во всех грудях богато распуститесь
И сделайте их жатвою — чуму
Всеобщую! Пускай одно дыханье
Вливает яд в другое, чтоб их жизнь,
Как дружба их, была одна отрава!
Семейственность, приличие, и страх,
И истина, и мир, и справедливость,
Ночной покой, соседей добрый лад,
Промышленность, обычаи, законы —
Низвергнитесь в то, что противно вам,
И пусть живет на свете дикий хаос!*

О да, конечно, никакими логическими доказательствами Тимона Афинского не переубедить. Но ведь это потому, что им владеют острые припадки мизантропии, а душевных заболеваний логикой не лечат. Дальтониста ведь тоже не заставишь видеть по-иному путем доказательств, но разве это колеблет хоть в малой степени способность наших зрительных восприятий быть фундаментом научных теорий?

Но и сам П. Сорокин, видимо, чувствует, что слишком далеко зашел, и спешит оговориться: «Одно дело — возможность такой теории (идеала, построенного на принципе действенной ненависти), другое дело — фактическое ее выполнение и реализация... Едва ли найдется такой человек, который бы и в самом деле попытался сделать так... А отсюда следует, что если идеал действенной любви теоретически и равноправен идеалу ненависти (оба условны), то практически он является почти общезначимым и всеми приемлемым и потому может служить отправным пунктом для создания практической (т. е. теоретической в указанном смысле слова) науки, в которой так нуждается наше время и мы сами».

Это называется — начать за упокой, а кончить за здравие. Впрочем, так поступать — лучше, чем наоборот. А еще лучше бы выдержать всю обедню в каком-нибудь одном тоне.

«*Почти* общезначимый»... Но ведь это значит, что ему не хватает только еще чего-то немного, чтобы стать *совершенно* общезначимым. Это значит, что он уже приобрел много признаков общезначимости. И это во всяком случае значит, что он никоим образом не лежит в другой плоскости, чем «общезначимые» положения. Это значит, что *принципиально* его притязания на общезначимость законны и что он, совершенствуясь дальше, должен продолжать борьбу за «право на общезначимость» до победоносного конца.

* Собрание сочинений Шекспира. Изд. С.А. Венгерова.

Общезначим ли гигиенический идеал? Общезначимо ли понятие физиологической нормы «здорового» развития организма?

Вероятно, тоже «*почти* общезначимы», ибо П. Сорокин в виде иллюстрации условности нормативных наук упоминает о «гигиене, которая говорит, что при неправильном образе жизни наступает расстройство и истощение организма, а дело каждого уже решать, хочет ли он расстраивать организм или нет». «Решать» тут, кажется, довольно просто, ибо «никто же плоть свою возненавиде, но всяк питает и греет ее». Может быть, и здесь «мыслима» попытка перевернуть патологию и гигиену вверх ногами, объявить нормой — вырождение и составить правила «гигиены вырождения». Может быть, «чисто логически» такую попытку даже нельзя опровергнуть. Но так как, вероятно, тоже едва ли найдется хотя один такой «революционер в гигиене», то, быть может, не стоит из-за такого воображаемого персонажа колебать «общезначимость» норм гигиены? Быть может, гораздо лучше отправить такого человека — буде он нашелся бы — к хорошему психиатру?

«Однако же фактически все и очень нередко поступают вопреки гигиене!» Да, поступают — по неряшливости, легкомыслию, упрямству, непредусмотрительности, предпочтению мгновенного удовольствия — будущей расплате. Но разве это свидетельствует против «общезначимости» нормы, против научной безупречности гигиенических идеалов? Мало ли чего! Люди и рассуждают часто вопреки всякой логике — одни по упрямству, другие по умственной неряшливости или лени, третьи по мыслебоязни или из «привычки» к каким-нибудь традиционным понятиям. Не уменьшать же из-за этого авторитета логики!

Да, наконец, разве не мыслим и прямой бунт против самодержавия логико-познавательных норм? Ведь что такое выработка этих норм? Отбор общезначимого и подчинение субъективного! Но ведь может же явиться человек, который скажет: а чем субъективное хуже общезначимого? Хочу сделать революцию в гносеологии, хочу на основе субъективных, единичных, неповторимых опытов создать картину мира, принципиально противоположную вашей общезначимой картине мира! П. Сорокин может быть уверен, что и этого чудака разубедить будет невозможно. Если он только задумает последовательно и до конца провести свою позицию, то никакая логика не будет иметь против него силы, ибо у нас с ним не найдется даже общего языка для разговора. Contra principia negantem disputari non potest*.

И — знаете ли, читатель! Бунтарь против наших «общезначимых» норм теоретического познания — гораздо большая реальность, чем социолог, который строит культурный идеал, вдохновляясь мотивами Тимона Афинского, чем профессор по кафедре патологии или гигиены, созидающий теорию отрицания здоровья. Мы, в России, знаем сильно

* Против человека, отрицающего основные положения, спорить невозможно (*лат.*).

нашумевшую в свое время группку «мистических анархистов», которая в сборниках «Факелы» проповедовала идеал «личности, которая находит в себе непримиримого бунтовщика, поднимающего знамя восстания *против внешней для нее закономерности жизни*». Им мало было отрицать законы гражданского устройства; сама закономерность внешнего мира, эта теоретико-познавательная норма, составляющая душу всякой науки, им казалась невыносимым ярмом; они проповедовали «настоящее», абсолютно свободное творчество, умеющее не только «комбинировать данные и выбирать среди возможностей», но и «творить заново». Как девиз мистического анархизма была провозглашена «непрерывная революция», цель которой — уничтожить самый факт какой бы то ни было нормировки, и притом не только в обществе, но и в природе... Так неужели же из-за этих экстравагантностей «бунтарей», желающих изумить мир дерзостью своего отрицания, мы можем и должны смиренно капитулировать и признать теоретико-познавательные нормы наши — условными и необязательными, в лучшем случае только «почти обязательными?»

Наука вправе не обращать ровно никакого внимания на отрицателей этого рода и спокойно идти своей дорогой. И напрасно образ их так смущает П. Сорокина и заставлял его все время дискредитировать идею «нормативной науки», в которой — по его словам — «так нуждается наше время и мы сами»...

О, я знаю, что некоторые «школьные авторитеты» П. Сорокина, к которым он все еще проникнут чересчур ученическим почтением, весьма охлаждают тяготения волевых натур к «нормативным понятиям», к «идеалам». Один г. Е. Де-Роберти чего стоит! А П. Сорокин цитирует его так прилежно, как никого из мыслителей старого и нового времени. Сильнее кошки ведь зверя нет! Для питомцев университетской науки фигуры их катедер-учителей очень часто подолгу заслоняют собой многое в научном мире. «Вполне прав был Е.В. Де-Роберти, — пишет П. Сорокин, — когда нормативные науки, каковы этика, естественное право и т. д., называл детскими науками, сделавшимися, может быть, под конец и порочно скороспелыми. Вместо того чтобы говорить, как все зрелые науки, "так есть", они предписывают нам в приподнятом тоне наши обязанности и говорят "так должно". Их нормы, заменяющие научно установленные законы, представляют лишь произвольно установленные положения, называемые неотложною потребностью и требованиями практической жизни».

Олимпийское великолепие этого ученого мужа не выносит навязчивого «так должно», а его ледяное научное спокойствие не мирится с «приподнятым тоном» житейских порывов к рациональному нормированию всего своего общественного бытия. Ученые еще не удосужились разобрать все эти вопросы, предпочитая твердую почву теоретического знания «условности» и «необщезначимости» всех этих идеалов и норм, —

им некогда, а жизнь знать ничего не хочет и пристает со своими «неотложными потребностями и требованиями». Подождать, что ли, она не может? «Точно пролетарий какой, все выше своей сферы лезет!» — как говорил один из героев Гл. Успенского.

Впрочем — не отчаивайтесь! И боги спускались иногда с Олимпа для блага смертных. Сойдут с него и ученые мужи. Сойдут и разберут все, что мы тут на земле напутали.

«Унаследованное нами в значительной степени социологическое невежество наших предков, — глубокомысленно вещает все тот же Е.В. Де-Роберти, — должно считаться теперь в качестве *единственного и подлинного источника* наших интеллектуальных страданий, наших моральных падений, наших ошибок, наших преступлений и социальных бедствий, столь ужасных и разнообразных».

Бедный катедер-социолог! Свести все эти «столь ужасные и разнообразные» наши «социальные бедствия», как к *единственному* источнику, к *незнанию*, и притом незнанию социологии, — да ведь подобная дикая наивность не слыхана со времен девственного рационализма эпохи французских просветителей! Но ведь те имели по крайней мере за собой здоровый юношеский энтузиазм только что пробудившегося духа критической мысли, готовой объявить единственной богиней-миродержательницей — ту богиню, которой вскоре потом, под гром событий революции, Робеспьер дерзнул даже организовать целый культ — Богиню Разума! Но ведь тот «Разум» не был худосочным кабинетным «разумом» современного неопозитивизма. Та «Богиня Разума», во фригийском колпаке, мечтала нанести такой же смертельный удар старому религиозному миросозерцанию, какой нанесла старому порядку революция, готовилась перевернуть и перестроить весь мир... Да, конечно, то было «на заре туманной юности» человеческой мысли, и прозелиты тогдашнего рационализма могли бы сказать про себя словами поэта: «Мы были дерзки, были дети»... А какое же «дитя» — почтенный Е.В. Де-Роберти? И самый этот наивный рационализм его... не фригийским колпаком увенчивается он — а разве традиционным ночным колпаком педанта-профессора!

Но так велика ученическая робость П. Сорокина, что он и такие грехи профессорского пера тщательно выписывает, комментирует, вторит им туманными речами о необходимости для нас каких-то «социальных докторов» из «людей, более знающих свое дело» и вооруженных более рациональными рецептами...

Социальные доктора... Еще новый вариант на старую тему: вот приедет барин, барин нас рассудит. Запоздалый вариант! И современная «забытая деревня», и соседняя с ней фабрика давно порешили помнить сами о себе и забыть обо всяких опекунах-баринах. Пусть спускаются с профессорского Олимпа разбуженные и привлеченные земным шумом социал-доктора и социал-педагоги от кафедры. Но пока они не покинули своего олимпийского великолепия и не утратили своей олимпийской

наивности, грешной земле будут глубоко безразличны их хлопоты, глубоко безразличны — а порою только смешны — «и барский гнев, и барская любовь»...

А поэтому и П. Сорокину мы можем пожелать одного: окончательно ликвидировать последние остатки своего «ученического» отношения к общественным вопросам, отодвинуть школьные авторитеты на их настоящее место и «найти самого себя». Он уже на дороге к этому, но... le mort saisit le vif*. Ближе к живой жизни от мертвечины и холода школьного псевдообъективизма!

(*Заветы.* 1913, № 12, с. 142-183)

* Мертвый хватает живого (*фр.*).

СТЕПАН ЛУНИН

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И КАРА, ПОДВИГ И НАГРАДА ПИТИРИМА СОРОКИНА

Бывают хорошие книги, у которых душу, однако, можно раскрыть и в газете. Но бывают книги, о которых необходимо писать большие журнальные статьи, чтобы высказаться с должной полнотой. К последним принадлежит, по моему мнению, и недавно вышедший труд г. Питирима Сорокина «Преступление и кара, подвиг и награда».

Вполне познакомить с этой замечательной работой — в 453 страницы убористой мелкой печати, не считая введения автора, — в газете невозможно. Между тем, и умолчать о такой книге было бы грехом пред нашими читателями.

В виду этого мы заставим самого автора произнести пред читателями «Откликов Кавказа», хотя [бы] в обрывках некоторые его оригинальные мысли. Да, впрочем, подлинные слова писателя — дороже любой рецензии.

Вот они.

1. Попытки определения социального явления не достигли еще полного согласия.

2. Под социальным взаимодействием следует понимать лишь такие виды взаимодействия, которые не имеются нигде, кроме человеческого общежития или общежития организмов.

3. Социальное явление есть социальная связь, имеющая психическую природу и реализующаяся в сознании индивидов, выступая в то же время по содержанию и продолжительности за его пределы. Это то, что многие называют «социальной душой», цивилизацией и культурой.

4. Есть настоятельная потребность найти такие внешние критерии, которые могли бы показывать, где мы имеем дело с сознательным, а где с бессознательным актом и взаимодействием. Но где есть развитая нервная система, [там] есть и сознание.

5. Формы взаимодействия людей между собою, а равно и животных, которые не имеют никакого отношения к психическим формам, в сферу социальных явлений не входят.

6. Один кодекс считает определенный акт преступлением, другой не считает его таковым. Утверждать, что законодатель всегда причислял к уголовным правонарушениям акты наиболее вредные и опасные для жизни и благосостояния группы — дело безнадежное, и чем руководствовался правоучредитель к сути дела совсем не относится.

7. Чтобы определить класс преступных актов, необходимо охарактеризовать те признаки специальных психических переживаний, наличность которых в «душе» индивида и обуславливает собою квалификацию им тех или иных актов как актов преступных.

8. А проблему: почему преступление вызывает наказание, а наказание носит страдательный характер — мы считаем лже-проблемой.

У всякого индивида, коль скоро он квалифицирует тот или иной акт того или иного субъекта — в силу психической необходимости — неизбежно или карательное, или наградное реагирование в той или другой форме.

10. Убийство считалось за преступление, убийство же было и наказанием... Различные акты насилия были в рубрике преступлений, такая же строка имеется и в рубрике наказаний... Истязание составляет преступление, истязания фигурируют и в качестве наказаний... По материальному своему содержанию наказания и преступления тождественны. То же следует сказать и о взаимоотношении наградных актов.

11. Всякое преступление есть наказание того, против кого направлено преступление и обратно, всякое наказание есть преступление по отношению к преступнику. В чем же различие наказания и награды? Преступление есть причина, а наказание следствие.

Разве преступление всегда нарушает социальные интересы? Или оно всегда оскорбляет сознание общества? Недоразумение! Шаблоны поведения преступника также продукт социальных отношений. Преступник также часть данного общества! Наказание же преступника в сознании последнего иногда суть преступление. Нельзя представлять дело так, что на одной стороне преступник, а на другой — все общество, оскорбленное преступником. Преступление — зло, такое же зло и наказание.

12. Нет ни одного акта, действия, которое не могло бы по своему материальному содержанию быть наградой (услугой).

13. Победитель, взяв город, мог отнять сына от отца, жену от мужа, но он не сделал этого. Уже услуга-награда. Отказ от убийства, истязания, изнасилования женщины, когда это не считается преступным, уже услуга.

14. Кары и награды влияют на поведение человека... На поведение человека влияют представления выгод или невыгод от последствий поступков.

Много людей честных не вследствие убеждения, а из страха наказания. Награды — это второй рычаг. Невозможно перечислить все акты,

обязанные своим существованием наградам. Повышение по службе, дипломы, ученая степень, слава и т. п. — суть пар, толкающий на терпение или воздержание.

15. Причем награда, которую можно получить сейчас, действует гораздо сильнее, чем награда в неопределенном будущем.

16. Почему один за чечевичную похлебку продает право своего первородства, другой за полмира не изменяет ни на йоту своего поведения?

Одним из существенных условий, делающих те или иные моральные и правовые убеждения устойчивыми, является факт повторения и привычки.

17. Из карательных актов та кара имеет большее влияние, которая кажется индивиду более жестокой. И та награда имеет большее мотивационное влияние, которая является более желательной. Кары и награды трансформируют нашу жизнь.

18. Различное понимание должного, рекомендованного и запрещенного поведения ведет к борьбе, одинаковое — к миру. Если в социальной группе наблюдаются конфликты взаимного поведения ее членов — значит понимание должных, рекомендованных и запрещенных шаблонов поведения различными членами группы далеко от единства.

19. Каждая социальная группа всегда имеет в своей среде инакомыслящих преступников. Без кар и наград внутригрупповая борьба была бы постоянным явлением.

20. Мирное взаимоотношение возможно лишь благодаря соединенному действию мотивационного и дрессирующего влияния кар и наград.

Кары и награды в любой социальной группе неизбежны, потому что существуют антагонистические элементы.

Кары и награды дорого обошлись человечеству, унесли в могилу несметное число жертв и причинили бесконечные страдания — но все же их основная роль внутри группы заключалась в установлении солидарности группы.

21. Кары и награды — слепые силы, человечество ощупью, бесконечно ошибаясь, оставляя позади себя трупы и моря крови, все же стало на путь прогресса... Нужно было выстроить из черепов одних пирамиды, чтобы другие могли жить и двигаться вперед. Нужны были жестокости, чтобы воспитать в себе любовь. Нужны было беспощадные кары и награды, чтобы сделать их ненужными.

Необходимая оговорка: тот, кто умудрится подумать, что г. Сорокин, пожалуй, является защитником современных и русских кар, должен обратиться к самой книге названного автора, чтобы не сказать глупости: вот, мол, смотрите, из стана либералов говорят: «кары и награды в любой социальной группе неизбежны!»

22. Нельзя думать (вопреки механистам и финалистам), чтобы та или иная структура социальной группы была создана целепонимательно, преднамеренно, с определенным расчетом. Даже полезные обычаи в большинстве случаев установились случайно.

Ряд актов, как чисто индивидуальных, так и ряд актов взаимодействия между членами группы принимают шаблонную форму не благодаря сознательному установлению шаблонов в целях общей пользы, а обязаны своим возникновением бессознательному действию естественного подбора... Мы совершаем большинство наших шаблонных (установленных) актов без всяких вопросов об их основаниях и пользе. В социальной среде и в ее механике мы находим постоянные дрожжи, делающие необходимым постоянное изменение и рост сознания.

23. Помимо рациональных причин, шаблоны социально полезные остаются и все больше и больше повторяются, отчего более и более становятся органически присущими человеку. Следовательно, кары и награды, принуждавшие к социально-полезным шаблонам поведения, должны падать. С естественным ростом социально-полезного поведения уменьшается надобность давления кар и наград.

24. Изменения, происшедшие в XIX столетии в социальной жизни культурных государств, начиная с экономического уклада и кончая высшими видами творческой деятельности, были столь крупны и столь велики, что раньше для этого нужны были бы тысячелетия.

25. Не будет ошибки в утверждении, что в древности между человеком и верховным существом отношения были сплошь дисгармоничны. Все было основано на давлении кар и наград. Духи карают без принципа и пределов. На границе новых отношений к Богу стоит новый завет.

26. Санкции постепенно тают. Падают кары за религиозные преступления. А в настоящее время религиозные преступления уже не составляют преступления. Сама религия, достигая высот, не прибегает к карам и наградам.

27. То же и в истории права: кары падают качественно и количественно

Смертная казнь постепенно заменяется более легкой карой. Словом — от неограниченной мести к прощению.

28. Жернов борьбы и вражды молол вовсю. Кровь лилась. Только после долгой и кровавой дрессировки расшатались злостные импульсы. Жестокие нравы сменились социальными чувствами и более совершенным поведением.

29. В древности за преступление человека карались даже неодушевленные предметы! Позднее же караются только действительные преступники. Словом, от коллективной кары к индивидуальной. От неограниченной вменяемости к неограниченной невменяемости. Тенденция падения кар — на лицо.

30. Целью наказания становится уже исправление преступника, а не устрашение. Карательная власть уже обращается к совести преступника. И теперь апелляция к чувству собственного достоинства часто более действительна, чем древняя угроза.

Психика и поведение людей социального союза становятся более и более приспособленными друг к другу. Нужное поведение от индивида уже добывается без всяких санкций.

31. При желании, каждый и в любой сфере социальной жизни может уловить тенденцию падения кар.

32. Вначале все право репрессивно. Оно жестоко. Затем растет реституитивное. Все виды мучительных членовредительных и увечащих кар исчезли из обихода карательной практики: от безгранично жестоких убийств — к бесстрадательному изолированию от общества и лишения возможности делать преступления.

33. Но исчезнут ли кары совершенно? Я скажу: очевидно! Пределом эволюции, к которому стремится перемена кар, может быть лишь нуль, исчезновение кар. Для значительного числа лиц в каждом цивилизованном обществе уже и в наше время уголовный кодекс не нужен. Социально-вредные акты для этих лиц невозможны органически. А история неизбежно ведет к увеличению таких лиц, а значит и к большему падению кар.

34. Но если есть награда, то тем самым дана и кара. Всякий ценный предмет может быть наградой. В древности награды были неограниченны. С развитием социального процесса область наград ограничивается. Ряд предметов и, прежде всего, человек перестают фигурировать в качестве предметного дополнения наградного акта. Демократизм быстро растет, а, следовательно, наследственные награды и привилегии быстро падают. То, что раньше совершалось под условием наград, теперь делается добровольно. В этом признак нравственного совершенства. Падают привилегии военной среды, духовенства; падают социальные перегородки и преимущества одной части человечества пред другой.

Наконец, процесс падения кар и наград подтверждается безусловным расширением идеи ближнего.

Чем культурнее общество и чем однороднее психика и поведение его членов — тем менее жестоки кары и менее интенсивны награды. «Сильное» правительство обоготворяет себя. Нарушения повелений его караются. Целые века были нужны, чтобы выдрессировать людей и заставить их жить более гармонично между собой, а равно и изменить радикально их психику.

Ах, да не подумает читатель, что г. Сорокин, пожалуй, то же скажет и... о русской власти!

Человечество уже выполнило самую важную и трудную часть своей задачи — установление consensus'а в поведении и установлении гармонии в дальнейшей социальной эволюции.

35. Но улучшается или ухудшается природа человека с развитием социального процесса?

Приходится слышать, что мы переживаем нравственный кризис, что в обществе замечается падение моральных устоев. Не совсем так.

Мы считаем лучшим социально-полезное поведение, чем социально-вредное. Солидарность и гармонию людей между собою, чем кровавую борьбу. Лучше быстрый рост знания, чем невежество. Стимул общественной пользы, чем поведение, продиктованное карами и наградами. Лучше бескорыстность и добросовестность по убеждению, чем под

кнутом или обещанием выгод, наград. Лучше любовь людей друг к другу, чем ненависть.

Разве современный человек не видит этого около себя?

Значит, исторический процесс в целом виде есть прогресс.

36. Социально-полезные шаблоны, благодаря повторению, закрепляются. А социально-вредные расшатываются, благодаря социальной эволюции.

То и другое ведет к уничтожению конфликтов. Следовательно, и кар, и наград становится меньше. Кары и награды нужны для того, кто не приспособлен к социально-полезному поведению. Сверхчеловек, не знающий цены навязываемого долга и полный действенной любви к сочеловекам — вот предел, к которому ведет история человечества.

Повторяю, это обрывки некоторых суждений г. Питирима Сорокина, переданные его словами. По цене его книга, к сожалению, для широких кругов недоступна. Но в сравнении с огромным внутренним достоинством цена в 2 руб. 75 коп. — пустяк, и мы убеждены, что «Преступление и кара, подвиг и награда» скоро получат самое широкое распространение.

Профессор Максим Ковалевский в предисловии к названной книге говорит, что она «из специальной монографии переходит в общий трактат по психологии, столько же индивидуальной, сколько и коллективной, и по самой теории эволюции и прогресса, скажу более, в книге ставится и самый вопрос теории происхождения сознания и освещается с точки зрения коллективной психологии... Книга эта несомненно послужит той высшей задаче, с которой издаются серьезные сочинения: она возбудит мысль самого читающего и заставит его, в свою очередь, сделать усилие в направлении к установлению необходимых отношений между явлениями».

Присоединяюсь к уверенности знаменитого профессора Максима Ковалевского, [что] в будущей «социологической библиотеке не один том будет принадлежать перу автора «Преступления и кары, подвига и награды». «Отклики Кавказа» с особой радостью приветствуют столь блестящее выступление на научную дорогу г-на Питирима Сорокина, ввиду его молодости. Он — студент 1-го курса СПБ. университета*; только начал писать в 1910 году, когда и помещал свои статьи в нашей газете.

Теперь он отдался глубоко работе в любимой области — социологии...

(*Отклики Кавказа.* Армавир, 1914, № 3, 4 января, суббота, с. 3)

---

* На самом деле — пятого курса *(В.С.)*

КОММЕНТАРИИ

Печатается по тексту издания, титульный лист которого воспроизведен на с. 40.

Эпиграфом ко всей книге автор избрал евангельское изречение, которое в современном синодальном переводе звучит так: «Царство Небесное силою берется».

ПРЕДИСЛОВИЕ

[1] Своего рода (*лат.*).

[2] [Мы хотим], чтобы люди считали его не мнением, а делом (*лат.*) — цитата из Предисловия к «Великому восстановлению наук». См.: *Бэкон Ф.* Сочинения в 2-х тт. М., 1977, т. 1, с. 68.

ВВЕДЕНИЕ

[1] В виде самостоятельной статьи это «Введение» под названием «Нормативная ли наука этика и может ли она ею быть» было опубликовано П.А. Сорокиным в «Вестнике психологии, криминальной антропологии и гипнотизма» (1913, вып. 4, с. 1-28); статья напечатана также в сборнике «Этическая мысль. Научно-публицистические чтения» (М., 1990, [вып. 2], с. 327-348).

[2] Неточная цитата из «Политического трактата» Б. Спинозы: «...Я постоянно старался не осмеивать человеческих поступков, не огорчаться ими и не клясть их, а понимать» (*Спиноза Б.* Избранные произведения в 2-х тт. М., 1957, т. II, с. 288).

[3] Этика — это прежде всего нормативная наука (*нем.*).

[4] Наука о целях (*нем.*).

[5] Ощущение и воля (*нем.*).

[6] Становление и причина (*нем.*).

[7] Науки о природе и науки о целях (*нем.*).

[8] Этот принцип впервые сформулировал И. Бентам в работе «Отрывок о правительстве» (1776). См.: *Bentham J.* Works. Edinburg, 1883, vol. I, p. 227.

[9] Обязательное условие; букв: условие, без которого нет (*лат.*).

[10] Противоречие в определении (*лат.*).

[11] Выражение из рассказа И.Ф. Горбунова (1831-1896) «Смотрины и сговор».

[12] С известными оговорками (*лат.*).

ГЛАВА I
СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

[1] Общность и общество (*нем.*, *фр.*).

[2] Обзор (*фр.*).

[3] Тем самым (*лат.*).

[4] «Идолами», или «призраками», Ф. Бэкон называет «глубочайшие заблуждения человеческого ума», которые являются «результатом неправильного и искаженного предрасположения ума». «Идолы воздействуют на интеллект или в силу самих особенностей общей природы человеческого рода, или в силу индивидуальной природы каждого человека, или как результат слов, т. е. в силу особенностей самой природы общения. Первый вид мы обычно называем идолами рода, второй — идолами пещеры и третий — идолами площади. Существует еще и четвертая группа идолов, которых мы называем идолами театра, являющихся результатом неверных теорий или философских учений и ложных законов доказательства» (*Бэкон Ф.* Сочинения в 2-х тт. М., 1977, т. 1, с. 307).

[5] Тропизмы — определенные движения организмов, происходящие под влиянием различных раздражителей. Тропизмы называются положительными, если движение направлено в сторону раздражителя, и отрицательными, если от раздражителя. В зависимости от раздражителя различают несколько родов тропизмов: хемотропизмы (под влиянием химических веществ), гелиотропизмы (под влиянием света), геотропизмы (под влиянием силы тяжести), электротропизмы и т. д.

Таксисы — двигательные реакции свободно передвигающихся микроорганизмов и простейших растений. Различают фототаксисы, термотаксисы, гальванотаксисы, хемотаксисы и т. п.

[6] В скрытом виде, неявно (*фр.*).

[7] Понятие философии Г. Лейбница: «Монада... есть не что иное, как простая субстанция, которая входит в состав сложных; простая, значит, не имеющая частей... Монады вовсе не имеют окон, через которые что-либо могло бы войти туда или оттуда выйти» (*Лейбниц Г.В.* Сочинения в 4-х тт. М., 1982, т. 1, с. 413-414: Монадология. § 1, 7).

[8] Волей-неволей (*лат.*)

[9] Парамеция — инфузория-туфелька, простейший организм.

[10] Этот эпизод рассказан в кн. 8, гл. VII: «Жизненные бури страшнее океанских».

[11] Букв.: «неизвестная земля» (*лат.*); незнакомая область.

[12] Кн. XII, гл. VI-XIII.

ГЛАВА II
КЛАССИФИКАЦИЯ АКТОВ ПОВЕДЕНИЯ

[1] Неточная цитата из Евангелия от Матфея (5, 39).

[2] По желанию, сколько угодно (*лат.*).

[3] Награда есть некая доля блага, даруемая за реальную или предполагаемую услугу. Таким образом, понятие награды непременно подразумевает некое деяние, которое считается благом (*фр.*) — цитата из «Теории наград» И. Бентама.

ГЛАВА III
ПРЕСТУПЛЕНИЕ И ПОДВИГ

[1] Отличительный признак, характерная особенность (*лат.*).

[2] В целом (*фр.*).

[3] Перевод П.А. Сорокина см. ниже, на с. 141.

[4] Порочный круг (*лат.*) — т. е. положение, при котором то, что надо доказать, неявно принимается доказанным и кладется в основу рассуждения.

[5] Определение (*лат.*).

[6] Преступлением... является любой сознательный акт, нарушающий или грозящий нарушить ранее установленный закон и влекущий за собой применение уголовной санкции, посредством которой через позитивное право реализуется право естественное, соответствующее нравственному чувству и потребности общества сохранить себя приблизительно в том состоянии, в каком оно в данное время находится (*фр.*).

[7] Приблизительный перевод:

Здесь — мои друзья и братья,
Деньги есть и харч хороший,
И живу в свое я пузо.
А снаружи — все враги,
Там подохнешь с голодухи,
Если вкалывать не будешь (*итал.*).

[8] Следует изменить метод, отказаться от анализа действий и заняться анализом чувств (*фр.*)

[9] Две последние строчки (после слов «par une communauté») не переведены П.А. Сорокиным: «и которые необходимы для адаптации индивида в обществе. Именно такой поступок мы называем злодеянием или естественным преступлением» (*фр.*).

[10] Критику концепции Гарофало см. также у Э. Дюркгейма (О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991, с. 72 и сл.).

[11] Средний уровень («размер»), установившийся в обществе (*фр.*).

[12] Отцовское право распоряжения жизнью и смертью (*лат.*).

[13] Смысл, разумное основание (*фр.*).

[14] Естественное преступление (*фр.*).

[15] К вящей славе Господней (*лат.*) — девиз ордена иезуитов.

[16] Наконец, я хочу со всей ответственностью заявить, что понятие преступления должно относиться исключительно к уголовной социологии, и не следует поэтому повторять за антропологами, что тот или иной человек рождается преступником; если некто совершил преступление, антропологу следует ограничиться исключительно констатацией, что этот некто душевно или психически больной; если же он болен, то болезнь или умственное расстройство и следует считать причиной преступления; наконец, на любого человека надо смотреть, как и на себя самого, и судить о его социально-юридической ценности не по намерениям его, а по поступкам (*итал.*).

[17] [Царей они выбирают из наиболее знатных], вождей — из наиболее доблестных» (*Тацит К.* Сочинения. М., 1969, т. 1, с. 356: О происхождении германцев и местоположении Германии).

ГЛАВА IV
НАКАЗАНИЕ И НАГРАДА

[1] В дополнение (*лат.*).

[2] Зло страдания, налагаемое за злодеяние (*лат.*).

[3] Т. е. «уважительную» (от *лат.* caritas — любовь, уважение) форму.

[4] Однородность (от греч. homogenes).

[5] Но существует бесчисленное множество отношений, которым не свойственно юридическое оформление, в сфере которых ни о каком эквиваленте за оказанную услугу (Hingabe) не может быть и речи. Вместо этого здесь вступает в силу благодарность... сплетающая узы взаимодействия и взаимообразного обмена услугами даже там, где этого не гарантирует никакое внешнее принуждение (*нем.*).

[6] Имеются в виду люди (в основном представители первобытных народов), которым свойственно представление о наличии души (*лат.* anima — душа) у каждой вещи, у каждого явления природы.

[7] Автономная этика Канта не признает никаких мотивов поведения, кроме следования моральному императиву. Парадокс кантовской этики

состоит в том, что моральным следует признать действие, соответствующее категорическому императиву, но выполняемое, например, с чувством отвращения к тому, на кого это действие направлено.

Это дало повод Ф. Шиллеру написать эпиграмму «Сомнение совести»:

Ближним охотно служу, но увы! Имею к ним склонность.
Вот и гложет вопрос, вправду ли нравственен я?
Нет тут другого пути: стараясь питать к ним презренье
И с отвращеньем в душе, делай, что требует долг.

(Цит. по: *Нарский И.С.* Кант. М., 1976, с. 138.)

[8] Этот эпизод рассказывается в книге Числа (17, 11).

[9] Творец телесного мира, истинный, пастырь... сеятель... сама чистота, все доброе от Мазды исходит, из чистого источника, — разум и разумом одаренное, мудрость и мудростью наделенное...

Славь меня, Заратустра, день и ночь, дары принося и молитвы. Я хочу быть тебе защитой и другом, — я, Ахурамазда (*нем.*).

[10] Следовательно (*лат.*).

[11] Брошюра П.А. Сорокина «Символы в общественной жизни», изданная в Риге в 1913 году.

[12] Лары — божества домашнего очага у римлян; маны — означают у полинезийцев невидимую сверхъестественную силу, носителями которой могут быть люди, животные, вещи и духи; пенаты — боги-защитники домашней или гражданской общины у римлян.

[13] Рассказ Л.Н. Андреева.

[14] Как он сделал повреждение на теле человека, так и ему должно сделать (*лат.*) — классическая формулировка закона талиона, т. е. наказания-возмездия «равным за равное», возникшего в родовом обществе с целью ограничить родовую месть (Лев. 24, 19). Ср. также Втор. 19, 21: «Душа за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу» (то же: Исх. 21, 23-25).

[15] Даю, чтоб ты дал (*лат.*) — формула римского права, устанавливающая одно из отношений между двумя лицами: «Я даю тебе при условии, что и ты мне дашь». См.: *Гроций Г.* О праве войны и мира. II, 12, 3, 1 (со ссылкой на «Дигесты». XIX, 5, 5).

[16] Деньги (*нем.*).

[17] Цель уголовных норм заключается не в том, чтобы защищать общество, т. е. всех его членов, но только тех, чьи интересы и убеждения совпадают с постановлениями политической власти. Уголовные нормы призваны сохранять и защищать установившийся политический строй (*итал.*).

[18] Основание (*лат.*).

[19] 1) *Услуги регулярные.* Те, которые оказывают государственные служащие во всех административных учреждениях по долгу службы.

2) *Услуги случайные.* Те, которые правительство возлагает на отдельных лиц, не являющихся государственными служащими, главным об-

разом, когда дело касается правосудия и охраны общественного порядка, например, разоблачения и судебного преследования преступления (и т. д.). Сюда же можно отнести и помощь, оказываемую при пожарах, наводнениях и кораблекрушениях. Эти услуги действительно оказывают государству, поскольку на нем лежит забота о всеобщей безопасности.

3) *Услуги чрезвычайные.* Те, которые оказывает индивид, наделенный выдающимися талантами или редкими добродетелями, при определенных обстоятельствах, особенно же когда ему выпадет случай (*фр.*) — *Бентам И.* Теория наград, кн. I, гл. 1.

[20] Основание разделения (*лат.*).

[21] (И здесь в качестве) поклонения, подношения и хвалы (преподносятся Ахура-Мазде и его свите): 1) Благие мысли, слова и дела [основная триада зороастрийской этики. — *В.С.*]. 2) Хаома [сок священного растения. — *В.С.*] мирдас... лаотрас, барсман во время собственной священной трапезы, хаурват, амеретат, жертвенная корова, жертвенное мясо, хаома, парахаома [заотра — священный сок. — *В.С.*], дерево и благоухание. 3) Послушание, чистота, истина, молитва за подлинный мир, чтение Гат [гимнов Заратустры. — *В.С.*] и боговдохновенных мантр [молитв. — *В.С.*], дарованных и сообщенных нам (*нем.*).

[22] Деньги (*лат.*); первоначально слово означало «скот».

[23] Мф. 5, 11: «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня».

[24] Мф. 5, 12.

ГЛАВА V
ВЛИЯНИЕ КАР И НАГРАД НА ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

[1] Исх. 23, 8.

[2] Парафраз заключительных строк стихотворения одного из персонажей романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» — Михалевича:

Новым чувствам всем сердцем отдался,
Как ребенок, душою я стал:
И я сжег все, чему поклонялся,
Поклонился всему, что сжигал.

(*Тургенев И.С.* Собрание сочинений. М., 1968, т. 2, с. 75).

[3] Я считаю несомненным, что кары, — (говорит он, закончив параграф об «Эффективности кар»), — даже не совсем правильно применяемые, служат на пользу обществу хотя бы тем, что они существуют (*фр.*).

[4] При прочих равных условиях (*лат.*).

[5] Жертвоприношение из ста быков у древних греков, которое устраивалось по особо важным поводам и преимущественно крупны-

ми политическими деятелями или правительством от имени всего народа.

[6] Усыновление (*лат.*).

[7] Валгалла — жилище Одина, главного божества скандинавской мифологии, бога бури, дарователя победы, бога мертвых, создателя вселенной и людей и т. д.

[8] Классическую формулировку этой теории дал У. Джемс: «Мы опечалены, потому что плачем; приведены в ярость, потому что бьем другого; боимся, потому что дрожим...» (*Джемс У.* Психология. М., 1991, с. 9).

[9] Вендетта — кровавая родовая месть на Корсике и в Сицилии.

[10] Тот факт, что множество отношений по своей социологической структуре сохраняются неизменными даже после того, как исчезает чувство или практическая потребность, из которых они возникли, — [этот факт] имеет величайшее социологическое значение. Истина, несомненная в других случаях — ломать легче, чем строить, — в известных человеческих отношениях значима не безоговорочно. Верность [есть] собственное состояние души, направленное на само содержание отношения и независимое от специфических чувств или волевых носителей [этого] содержания... (*нем*).

Понятие «die Treue» буквально означает «верность», «преданность». Как термин социологии его, может быть, правильнее было перевести как «постоянство», но при этом исчезает особый «немецкий» смысл понятия. Как раз накануне и во время Первой мировой войны понятие «die Treue», «deutsche Treue» (выражение принадлежит Шиллеру) наполнилось особым националистическим содержанием, которое совершенно ускользает, если перевести его как «постоянство». Недаром С.Н. Булгаков в своих диалогах «На пиру богов» (1918) писал: «Не есть ли эта "deutsche Treue" скорее извращение естества?» (Из глубины. Сб. статей о русской революции. М., 1990, с. 100).

ГЛАВА VI
СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ КАР И НАГРАД

[1] «Борьба» — это чисто внутренний опыт. Извне можно наблюдать определенные поступки существ, каждое из которых, так сказать, нельзя вытеснить из его пространства, [но] в строгом смысле слова — в силу непроницаемости материи — невозможно вторгнуться вовнутрь другого. Что своеобразные движения любых двух таких существ есть «борьба» — это психологическая интерпретация, а то взаимопереплетение, то единство, которое образуется из противоположно направленных дви-

жений и которое мы называем «борьбой», — совершенно неопределимо и в сущности отнюдь не наблюдаемо извне, а может быть только пережито внутренне (*нем*).

[2] Классическое определение Аристотеля «человек — по природе существо общественное», сформулированное им в «Никомаховой этике», (*Аристотель*. Сочинения в 4-х тт. М., 1984, т. 4, с. 63).

[3] Война всех против всех (*лат.*) — дообщественное состояние, по Т. Гоббсу (Левиафан, XIV).

[4] Неоднородность, разнородность — противоположность «гомогенности» (см. прим. 4 на с. 562).

[5] В главе VIII П.А. (см. с. 377) Сорокин переводит Friedlosigkeit как «отдачу на поток и разграбление»; букв., это слово переводится как «лишение мира», «объявление вне закона», соответствующее римскому «aquae et ignis interdictio» (запрет предоставлять воду и огонь, налагавшийся при изгнании и лишении гражданских прав); см. также прим. 15 и 16 на с. 568.

[6] Закон войны ради победы позволяет все (*лат.*).

[7] Букв.: я предал [их] мечу; перерезал (*фр.*).

[8] По свидетельству Плутарха, «за те неполные десять лет, в течение которых он [Юлий Цезарь] вел войну в Галлии, он взял штурмом более восьмисот городов, покорил триста народностей, сражался с тремя миллионами людей, из которых один миллион уничтожил во время битв и столько же взял в плен» (*Плутарх*. Цезарь, XVI). См. также: *Юлий Цезарь*. Записки о Галльской войне. II, 33; III, 16; VII, 28.

[9] И прочие, и прочие (*итал.*).

[10] См. выше, прим. 6.

[11] Щадить тех, кто покорился, и усмирять надменных (*лат.*) — цитата из «Энеиды» Вергилия (VI, 851). Ср. перевод С. Ошерова:

> Римлянин! Ты научись народами править державно —
> В этом искусство твое — налагать условия мира,
> Милость покорным являть и смирять войною надменных!
>
> (*Вергилий*. Буколики. Георгики. Энеида.
> М., 1971, с. 240).

[12] Сдавшиеся чужеземцы... на милость, суд и во власть римского народа (*лат.*).

[13] Вира — в Древней Руси денежный штраф в пользу князя за убийство свободного человека; когда убийца не был известен, община, на территории которой находили убитого, платила «дикую виру».

[14] См. прим. 15 на с. 562.

[15] Чья власть (страна), того и вера (*лат.*).

ГЛАВА VII
КАК ВОЗНИКАЕТ И ИЗМЕНЯЕТСЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ГРУППЫ

[1] Социальная группа существует там, где два или несколько индивидов стремятся к достижению общей цели. В основе любой социальной нормы... лежит общественная польза (*нем.*).

[2] Девиз (motto): цель — творец всех законов (*нем.*).

[3] Здесь: одноклеточные животные — простейшие организмы.

[4] То, что вредно для данной социальной группы, то неизбежно становится для нее плохим (дурным), а то, что полезно, — хорошим (S. 45). Добродетель есть та направленность воли, та психическая сила, которая проявляет себя в общественно полезных действиях (*нем.*).

[5] Однажды наши внуки сочтут многие наши обычаи и законы безрассудными, варварскими и приводящими в отчаяние (*итал.*).

[6] К человеку (*лат.*) — довод, предназначенный повлиять на чувства и впечатления человека, но не имеющий объективного значения; в данном случае этот термин означает, что «авторы-монисты» очеловечивают животный мир.

[7] Т. е. «индивидов». П.А. Сорокин употребляет здесь русскую кальку с латинского «individuum» (букв.: неделимое), по-видимому, с целью избежать невольной и неизбежной антропоморфизации животного мира (в случае употребления термина «индивидуум») или биологизации мира социального (в случае употребления термина «организм»).

[8] Здесь: вечное движение (*лат.*).

[9] Образ жизни (*лат.*).

[10] Вообще, можно выдвинуть принцип, согласно которому в конкретном этническом кругу наказуемо то, что угрожает существованию его организации (*нем.*).

[11] В ногу (*итал.*).

ГЛАВА VIII
ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КАР И НАГРАД

[1] Боги суть отражение человека (*нем.*).

[2] Мы находим [у них] страх перед мертвыми в два раза чаще, чем любовь к предкам, и первое из этих чувств в полтора раза отчетливее выраженным, чем второе; во всяком случае, страх перед мертвыми внешне проявляется сильнее, чем любовь к предкам (*нем.*).

[3] Казнь возникала из человеческого жертвоприношения; община искупала себя тем, что приносила преступника в жертву богу (*нем.*).

[4] Задолго до В. Вундта эту мысль сформулировал в «Слове о Законе и Благодати» митрополит Иларион (1050).

[5] Обвинение в нечестивости (*греч.*).

[6] Священное место, религиозное место (*лат.*).

[7] Брак per confarreationem (конфарреация) — самый торжественный и священный из трех видов бракосочетания, существовавших в Древнем Риме; к нему допускались только патриции. Конфарреация совершалась в присутствии верховного понтифика и десяти свидетелей.

[8] Неискупаемое преступление (*лат.*). О четырех видах такого рода преступлений см.: *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991, с. 156.

[9] Об этом событии рассказывается в «Повести временных лет» (1071). См.: Изборник. М., 1969, с. 83.

[10] Вначале месть не была ограничена никакими правилами. Все зависело от оценки [нанесенного ущерба], а также от силы ответной реакции... Случалось так, что два враждующих семейства бились до тех пор, пока не истребляли друг друга (*нем.*).

[11] Общественная месть, как и любая другая, не знает никаких ограничений; ее цель, ее идеал — уничтожение обидчиков; в какой форме [...] это происходит — ей безразлично (*нем*).

[12] Вендетта [...] не кладет конец конфликту даже в том случае, когда с точки зрения юридической правило талиона выполнено, поскольку всякая месть влечет за собой ответную месть, и так — до бесконечности (*фр.*).

[13] До бесконечности (*лат.*).

[14] Austossung (*нем.*) — изгнание; относительно Friedlosigkeit см. прим. 5* на с. 566.

[15] Der Friedlos [объявленный вне закона] означает не только лишение мира и исключение из правового общества; [объявленный вне закона] как враг народа может и должен быть безнаказанно убит каждым (*нем.*).

[16] Публичное уголовное право (у римлян) первоначально знает в качестве наказания лишь смертную казнь (46). Другие наказания устанавливаются в качестве разновидностей или ответвлений объявления вне закона (der Friedlosigkeit) (*нем.*).

[17] Закон Моисея ограничивает и регулирует этот глубоко укоренившийся и широко распространенный обычай (*нем.*).

[18] Безграничная месть должна со временем найти ограничение, и она находит это ограничение в виде закона талиона (*нем.*).

О законе талиона см. прим. 14 на с. 563.

[19] Закон талиона (*лат.*).

[20] П.А. Сорокин объединяет две библейские цитаты (причем вторую перефразирует): Втор. 19, 21 и Лев. 24, 19. См. также прим. 14 на с. 563.

[21] Следующая подобная фаза, которую vindicta publica (публичная месть — *лат.*) должна пройти аналогично частной мести, — это своеобразная форма умиротворения: просьба о прощении (*нем.*).

[22] Двумя основными причинами, которые ведут к переходу от кровной мести к композиции [денежному выкупу], являются, с одной стороны, потребность в мире, а с другой — необходимость найти ей (кровной мести) замену (*нем.*).

[23] Этот эпизод рассказывается в «Истории» Геродота (VII, 35). Собираясь идти в поход на Грецию, Ксеркс приказал построить мост через Геллеспонт (Дарданеллы), но «разразившаяся сильная буря снесла и уничтожила всю эту постройку. Узнав об этом, Ксеркс распалился страшным гневом и повелел бичевать Геллеспонт, наказав 300 ударов бича, и затем погрузить в открытое море пару оков» (*Геродот.* История. Л., 1972, с. 325).

[24] Имеется в виду один из законов Моисея: «Если вол забодает мужчину или женщину до смерти, то вола побить камнями и мяса его не есть; а хозяин вола не виноват» (Исх. 21, 28 и сл.).

[25] Боги считаются только с фактами, а не с умыслами (*нем.*).

[26] Глава (отец) семейства (*лат.*).

[27] Право продажи (*лат.*), точнее — отдачи в кабалу.

[28] Право распоряжения жизнью и смертью (*лат.*).

[29] Отцовская (родительская) власть (*лат.*).

[30] Lex regia (*лат.*) — в Древнем Риме «царский закон», издававшийся царем или императором.

[31] Убийство (*лат.*), т. е. убийство римского гражданина, или уголовно наказуемое убийство.

[32] Букв.: «военная добыча» (*лат.*) — имущество, которое сын получил от родителей и родных, находясь на военной службе, а также то, что он сам приобрел, благодаря тому, что поступил на службу.

[33] «Как бы» военная добыча (*лат.*). «Peculia castrense, — по объяснению М.М. Ковалевского, — была первым имуществом, которое могло присвоить себе отдельное лицо, не делясь им с другими членами своей семьи. Мало-помалу такая привилегия распространилась на все то, что приобретено на службе государству и церкви, и на вещи, принадлежащие к приданому жены. Таким образом, рядом с peculiura castreuse возникла peculium quasi castreuse, т. е. "как бы военная добыча"» (*Ковалевский М.М.* Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М., 1939, с. 116-117).

[34] Имущество матери (*лат.*).

[35] Имущество зятя (*лат.*).

[36] Имущество, оставшееся детям после матери и составляющее их собственность; отец имел только право пользования этим имуществом — узуфрукт (ususfructus).

[37] «Суфражистское течение» (от англ. suffrage — избирательное право) — женское движение в Европе и Америке за предоставление женщинам избирательных прав, возникшее во 2-й половине XIX в.

[38] Диффамация (от *лат.* diffamare — порочить) — опубликование в печати сведений (действительных или мнимых), позорящих кого-либо.

[39] В целом, исключительно (*фр.*).

[40] Репрессивная (от *лат.* repressio — наказание) кара ставит своей целью наказание преступника, реституитивная (от *лат.* restitutio — восстановление) — возмещение ущерба пострадавшему.

[41] Если человек отдает человеку на хранение серебро, золото или что бы то ни было перед свидетелями и тот отопрется перед ним, то этого человека должно изобличить и он должен вернуть все, от чего отпирался, вдвойне (*фр.*) (Вестник древней истории. 1952, № 3, с. 240-241).

[42] Полигамия (от греч. poly — много и gamos — брак) — многобрачие, здесь не совсем правильно употреблено в смысле «многоженства»; «полиандрия» (от греч. poly и andros — муж, мужчина) — многомужество.

[43] Поскольку воровство часто служило причиной возникновения кровной мести, были созданы многочисленные законы против разоблаченного вора (*нем.*).

[44] Воровство, обнаруженное во время совершения преступления (*лат.*). Вор, пойманный на месте преступления, отдавался в рабство, а в случае сопротивления мог быть убит.

[45] Воровство, раскрытое «с чашей весов и перевязью» (т. е. с соблюдением установленных символических форм в процессе судебного разбирательства) (*лат.*).

[46] Воровство, виновник которого схвачен не на месте преступления, а впоследствии (*лат.*). Вор, пойманный впоследствии, присуждался к уплате штрафа вдвое против цены похищенного.

[47] Штраф в четвертном размере (*лат.*).

[48] «На Самоа и в Новой Гвинее убийство и прелюбодеяние караются очень жестоко, у мишминов прелюбодеяние, совершенное без разрешения мужа, наказывается смертью, у туземцев Конго только очень серьезные преступления караются так же строго, как растление и прелюбодеяние (*англ.*).

[49] Когнаты [в римском праве лица, состоящие в юридически признанном родстве по женской линии, а также кровные родственники вообще. — *В.С.*] могут убить, когда захотят (*лат.*).

[50] На месте (преступления) (*фр.*).

[51] Закон Юлия об адюльтере (*лат.*).

[52] Святотатственное сожительство следует наказывать мечом (т. е. смертью) (*лат.*).

[53] Надпись на вратах Ада. См.: *Данте.* Божественная комедия (Ад. III, 9).

[54] Об этом В.С. Соловьев (хотя и не в дословной передаче П.А. Сорокина) писал в гл. 18: «Смысл войны» (*Соловьев В.С.* Сочинения в 2-х тт. М., 1988, т. 1, с. 467, 470, 484).

[55] Мы констатировали, что дикие, вероятно, на самой первой ступени своего развития были кровожадны и вели свои войны самым жестоким образом, с огромными потерями в людях (*Штейнмец Р.* Философия войны. Пг., 1915, с. 63).

[56] См. прим. 6 на с. 566.

[57] См. прим. 11 на с. 566.

[58] Они грабили города, сожигали церкви, убивали мужчин. В самых мрачных красках описывается состояние Франции в IX столетии, вся страна за чертой городских стен была оставлена, потому что только в укрепленных городах люди осмеливались еще оставаться (*Штейнмец Р.* Философия войны, с. 69).

[59] Глупой мечтой (*нем.*).

[60] Местничество — система феодальной иерархии в русском государстве в XV-XVII вв., берущая исток от обычая считаться «местами» на службе и за государевым столом. Тот, кто был более знатен и чьи заслуги оценивались выше, садился ближе к царю и соответственно занимал более высокий пост в государстве.

[61] См. прим. 15 на с. 563.

[62] Вещь (*лат.*).

[63] Личность (*лат.*). Впрочем, здесь следует учитывать, что «латинские термины "persona" и "res" не только сами отнюдь не совпадали по охвату с современными "лицо" и "вещь", но и соотношение между соответствующими понятиями в римском правосознании было иным, чем в современном» (*Смирин В.М.* Патриархальные представления и их роль в общественном сознании римлян // Культура Древнего Рима. М., 1985, т. II, с. 64).

[64] Закон Петрония (61 г. н.э.), запретивший употреблять рабов на публичные бои с животными.

[65] По указу Клавдия (*лат.*). До этого указа римские рабовладельцы выводили безнадежно больных рабов на остров Эскулапа (на реке Тибре) и там бросали на произвол судьбы, но, если такой раб случайно выздоравливал, он возвращался к прежнему господину. По закону Клавдия, такие «выброшенные» рабы в случае их выздоровления получали свободу.

[66] Добросовестно (*лат.*).

[67] См. прим. 17 на с. 562.

[68] Соблюдают закон, по своему положению решают и приносят жертву и, кроме того, направляют людей на путь, ведущий к Небу, и отвращают от путей, ведущих в преисподнюю (*нем.*).

[69] По всем признакам, сословие жрецов, по крайней мере в Западном Иране, скорее всего было и сословием врачей (*нем.*).

[70] Об этом говорится в «Пурушасукте»:

Когда разделили пурушу, на сколько частей он был разделен?
Чем стали уста его, чем руки, чем бедра, ноги?

Брахманом стали его уста, руки — кшатрием,
Его бедра стали вайшьей, из ног возник шудра.

(Древнеиндийская философия. Начальный период.
М., 1972, с. 31: Ригведа, X, 90, 11-12).

ГЛАВА IX
ЗАКОН КОЛЕБАНИЯ КАР И НАГРАД

[1] Habeas Corpus Act — один из основных законодательных актов Англии, обеспечивающий личную свободу британских подданных. Название акта восходит к словесному обороту из королевского указа: «Повелеваем Вам, чтобы тело С.С.W. ...представили (habeas... corpus) в суд перед лицом нашим в Уэстминстере...» (Цит. по: *Дайси А.В.* Основы государственного права Англии. М., 1907, с. 243).

В 1679 г. английский парламент принял закон о Habeas Corpus, согласно которому арестованный (считающий свой арест необоснованным) может обратиться в суд, а судья обязан в установленные сроки издать приказ о его доставке в суд для единоличной проверки правомерности ареста. Судья вправе освободить арестованного (безоговорочно или под залог) или направить обратно в тюрьму, установив, что он арестован правомерно. Об условиях приостановки действия Habeas Corpus Act'а см.: *Дайси А.В.* Указ. соч., с. 260-264.

[2] Букв.: «черный кодекс» (*фр.*), т. е. свод законов о неграх.

[3] Единственным законным наказанием за общественные преступления была смертная казнь (*нем.*).

[4] Смертная казнь все чаще начинает угрожать за любую незначительную провинность, число казней растет, произвол из единичного случая превращается в систему (*нем.*).

[5] Ордалии (от англосакс. ordal — приговор, суд) — то же, что «божий суд»: испытание водой, огнем и раскаленным железом.

[6] Капитулярии — законы и распоряжения франкских королей из династии Каролингов; разделялись на небольшие главы — capitula (отсюда и название); в них регламентировались практически все виды деятельности человека того времени.

[7] Кодекс Феодосия — первый свод ранневизантийского права, составленный в 438 г. при императоре Феодосии II.

[8] Мысль, вдохновившая этот закон, превосходна, но наказание — чрезмерно (*фр.*).

[9] Альбигойцы — последователи ереси, распространившейся в XII-XIII вв. во Франции, Италии и Германии и носившей антицерковную направленность. Война против альбигойцев продолжалась до 1229 г.

Вальденсы — приверженцы ереси, возникшей в XII в. в Южной Франции и впоследствии распространившейся среди крестьян Северной Италии, Испании, Швейцарии, а позднее Германии и Чехии. Война католической церкви с вальденсами продолжалась до начала XVII в.

[10] Лолларды — сторонники одной из крестьянских ересей, возникшей в Англии; предшественники таборитов, швейцарских анабаптистов и английских квакеров; требовали секуляризации церковных земель и отмены церковной десятины; многие участники движения были казнены за участие в восстании Уота Тайлера в 1381 г.

ГЛАВА X
ПРОГРЕСС ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

[1] Цитата из Послания ап. Павла к Колоссянам (3, 11).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АВГУСТ Гай Юлий Цезарь (63 до н. э. - 14 н. э.), римский император (с 27 г. до н. э.), основатель принципата — формы правления, по существу монархической, но при которой сохранялись республиканские институты — 373, 473

АВЕСТА [Avesta. Leipzig, 1863, перевод Spiegel'a], священная книга зороастризма, состоящая их двух сборников: I) Вендидад Саде, который употребляется при богослужении и состоит из трех книг (Ясна, Вендидад, Висперед); II) Хорда Авеста (малая Авеста) — 42, 193, 194, 201, 217, 218, 249, 370, 432, 433, 458

Uaçna — 217

Vendidad — 193, 194

Vispered — 217

Khorda-Avesta — 193, 202, 217

АВРААМ, Абрам (*библ.*), мифический родоначальник евреев, отец Исаака — 221, 247, 284, 287, 434, 438, 439

АГАМЕМНОН, мифический царь Микен, возглавивший поход греков против Трои — 166, 216

АДАМ (*библ.*), первый человек, созданный Богом и вместе с Евой изгнанный из Рая — 371

АДАМИ (Adami) Хуан Хорхе (1862-1926), англо-канадский врач, проф. медицинской патологии в Кембридже; автор теории наследуемости определенных метаболических расстройств — 332

АДРИАН (Hadrian) Публий Элий (76-138), римский император (117-138) из династии Антонинов; по его приказу была произведена кодификация римского права и издан так называемый «Постоянный эдикт», после чего законодательная инициатива стала целиком компетенцией императора — 441

АЛЕКСАНДР III («Миротворец») (1845-1894), российский император с 1881 г. — 475

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ (1629-1676), русский царь с 1645 г. — 409, 479

АЛЕША ПОПОВИЧ, один из главных героев-богатырей русского былинного эпоса — 454

АЛЬФРЕД ВЕЛИКИЙ (849-901), король Англии с 871 г., по приказанию которого были собраны древние законы, составившие, с прибавлением новых законов, один кодекс — 424

АМАНД и ЭЛИАН (III в.), предводители багаудов (участников антиримского движения в Галлии и Северной Испании), провозгласившие себя императорами и создавшие армию, включавшую пехоту, комплектуемую из земледельцев, и конницу — из пастухов — 476

АММОН (Ammon) Отто (1842-1916), немецкий социолог, представитель социал-дарвинизма — 94

АМОН-РА — см. Ра

АНАЗТ, по-видимому, неправильное отождествление сокращенного названия папируса Anastasi (Anast.) с именем собственным; papyrus Anast. содержит наставления молодежи (будущим писцам), влагаемые в уста мудреца Дауфа — 391

[АНДРЕЕВ Леонид Николаевич (1871-1919), русский писатель]:

Проклятие зверя (1908) — 204

АННА ИОАННОВНА (1693-1740), российская императрица с 1730 г., вторая дочь царя Иоанна Алексеевича и царицы Прасковьи Федоровны (рожд. Салтыковой) — 233, 399

АННА СТЮАРТ (1665-1714), королева Великобритании и Ирландии с 1702 г., последняя из династии Стюартов; в годы ее правления начал складываться порядок, согласно которому правительство должно было формироваться из деятелей партии (вигов или тори), преобладающей в парламенте — 457

АНТИГОНА (*миф.*), дочь фиванского царя Эдипа и Иокасты, оказавшейся неведомо для него родной его матерью; сестра Этеокла, Полиника и Исмены; сопровождала отца в его добровольном изгнании в Колон, город Аттики, а по смерти его вернулась в Фивы. Здесь она предала земле тело Полиника, погибшего в походе семи против Фив и оставшегося не похороненным вследствие запрещения Креона, нового властителя Фив; за это нарушение его запрета Креон осудил Антигону на погребение заживо; героиня трагедий Софокла «Эдип в Колоне» и «Антигона» — 253

АНТОНИН ПИЙ (86-161), римский император с 138 г., в период правления которого Римская империя сохраняла свои владения и упрочила границы; усыновил Марка Аврелия, женил его на своей дочери Фаустине, провозгласил императором и основал династию Антонинов, просуществовавшую до 192 г. — 412, 441, 473

АНХРА-МАЙНЬЮ (греч.: Ариман — букв.: «враждебный дух»), олицетворение зла, злой бог в зороастризме, находящийся в непрерывной борьбе с добрым богом Ахурамаздой (Ормуздом) — 194, 201

АПОЛЛОН (*миф.*), бог солнечного света, бог-прорицатель и бог-врачеватель, покровитель музыки и поэзии («Мусагет», т. е. «водитель Муз»), сын Зевса и Латоны — 188, 201, 215

АРДАШЕВ Павел Николаевич (1865 - после 1923), русский историк, специалист по истории Западной Европы — 460

Абсолютная монархия на Западе. СПб., 1902 — 460

АРИСТОТЕЛЬ (384-322 до н.э.), древнегреческий философ — 65

АРКАДИЙ (конец IV в.), византийский император, сын Феодосия I — 396

АРХИМЕД (ок. 287-212 до н. э.), древнегреческий ученый, математик и механик; убит римским солдатом при взятии Сиракуз — 332

АССУР, Ашшур, в ассирийской мифологии верховный бог, покровительствующий царской власти, бог войны, побуждающий царей к завоевательным походам и свирепо расправляющийся с врагами своей страны — 293, 294

АССУРНАЗИРАПАЛ, Ашшурнасирпал II, царь Ассирии в 883-859 гг. до н. э., покоритель Северной Месопотамии, Северной Сирии и Финикии — 294, 422, 425

АФИНА, в греческой мифологии вечно девственная богиня, дочь Зевса, появившаяся на свет из его головы в полном боевом снаряжении — 188, 219

АФРОДИТА (*миф.*), древнегреческая богиня любви и красоты; по одной версии мифа — дочь Зевса и Дионы, по другой — вышла из морской пены — 188

АХИЛЛЕС, Ахилл (*миф.*), главный герой Троянской войны, сын морской богини Фетиды и царя Фтии и Фессалии Пелея, убитый стрелой Париса в пятку, самое уязвимое место на его теле («ахиллесова пята») — 152, 166, 188, 216, 217, 219, 220, 222, 446, 454

АХУРАМАЗДА, Мазда (*перс.* — премудрый владыка), верховный бог в зороастризме, персонифицировавший доброе начало, ведущий постоянную борьбу со злым богом Анхра-Майнью; у древних греков был известен под именем Ормузд — 192-194, 201

АШЕРА, древнесемитская богиня, соответствующая финикийской Астарте, богиня земного плодородия, любви, а также Луны — 370

БАЙРОН (Byron) Джордж Ноэл Гордон (1788-1824), английский поэт — 68-70

БАРТ Август (1834-1916), французский историк-востоковед и индолог — 249, 370, 432, 458

Религии Индии. М., 1897 — 249, 370, 432, 458

БЕЛЛ (Bell) Чарльз (1774-1842), английский хирург и анатом, один из основателей нейрохирургии — 88

БЕЛОХ (Beloch) Карл Юлиус (1854-1929), немецкий историк античности, впервые применивший статистический метод при исследовании экономики древности, представитель теории цикличности — 422

БЕНТАМ (Bentham) Иеремия (1748-1832), английский философ, основоположник утилитаризма — 41, 70, 127, 141, 161, 162, 213, 214, 220, 268

Oeuvres de J. Bentham. Bruxelle, 1840, vol. II — 70, 127, 214, 220

Deontologie [Деонтология] // Oeuvres, vol. III — 268

Теории наград (Theorie des recompenses // Oeuvres, vol. II) — 161

БЕРГСОН (Bergson) Анри (1859-1941), французский философ, лауреат Нобелевской премии по литературе (1928) — 354

БЕРНДТ (Berndt) Отто, немецкий статистик, автор книги «Die Zahl im Kriege. Statistische Daten aus der neueren Kriegsgeschichte» [Потери на войне. Статистические данные о войнах нового времени]. Wien, 1897 — 421

БЕРНЕР (Berner) Альберт Фридрих (1818-1907), немецкий криминалист, профессор Берлинского университета — 132, 173, 190, 382

Учебник германского уголовного права. СПб., 1867 (перевод Н.А. Неклюдова с обширными дополнениями) — 132, 190, 382

БЕТХОВЕН (Beethoven) Людвиг ван (1770-1827), немецкий композитор — 69, 70

БЕХТЕРЕВ Владимир Михайлович (1857-1927), русский психиатр и психолог, с 1903 г. директор организованного им Психоневрологического института (где учился П.А. Сорокин), с 1918 г. возглавлял Институт по изучению мозга — 315, 339, 340

О развитии нервно-психической деятельности ребенка // Вестник психологии. 1912, вып. III — 340

О воспитании в младенческом возрасте // Вестник психологии. 1913, вып. III — 315

Внушение и его роль в общественной жизни. 2-е изд. СПб., 1903 — 339

Гипнотизм — 339

БИБЛИЯ. Книги Священного Писания — 161, 193, 202, 206, 217, 218, 233, 245, 267, 284, 382, 387, 392, 411, 424, 434, 436, 438, 439

Ветхий Завет — 371

[Пятикнижие Моисеево] — 247, 371, 374, 407

Первая книга Моисеева. Бытие — 217, 284, 438

Вторая книга Моисеева. Исход — 161, 217, 292, 407, 424, 439

Третья книга Моисеева. Левит — 202, 217, 371, 411, 434

Четвертая книга Моисеева. Числа — 437

Пятая книга Моисеева. Второзаконие — 247, 292, 371, 378, 379, 387, 393, 424, 437, 439

Вторая книга Царств — 267

Четвертая книга Царств — 424
Книга Премудрости Иисуса сына Сирахова — 161
Книга пророка Исаии — 434
Новый Завет — 218, 247, 252, 372
[Евангелие] — 311, 373
Евангелие от Матфея — 121, 247, 434
Первое послание апостола Павла к Коринфянам — 121
БИНДИНГ (Binding) Карл Людвиг Лоренц (1841-1920), теоретик уголовного права, возглавлявший школу «теории возмездия» и выступавший против социологического подхода в уголовном праве — 212
Die Normen und ihre Ubertretung [Нормы и их нарушение]. Leipzig, 1872 — 212
БЛЕДЕЛЬ, персонаж «Песни о Нибелунгах», брат Этцеля, короля гуннов, убитый Данквартом — 383
БОЛЬШИЕ ГОРОДА, ИХ ОБЩЕСТВЕННОЕ, ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ. Сборник статей проф. К. Бюхера, Г. Майра, Г. Зиммеля, Г. Бентига, Т. Петермана и Д. Шефера. СПб., 1905 - 365
БОНВИК (Bonwick) Джеймс (1817-1906), английский историк, педагог и журналист, автор книг об Австралии и Тасмании («Daily Life and Origin of the Tasmanians» [«Повседневная жизнь и происхождение тасманийцев»], 1870 и др.) — 453
БОНЕ-МАРИ (Bonet-Maury) Гастон (1842-1919), французский протестантский теолог, профессор протестантского факультета в Париже, автор сочинений по истории Реформации — 42, 43
БОН (Bohn) Жорж, французский зоолог и зоопсихолог, автор ряда работ по тропизмам — 88, 307
БРИЗЕЙ, Брисей (*миф.*), отец любимой племянницы Ахилла, которую Агамемнон отнял у него взамен на свою наложницу Хрисеиду, которую он вынужден был вернуть; тем самым Агамемнон и навлек «гнев Ахиллеса», с которого начинается «Илиада» — 216
БРИНТОН (Brinton) Дэниэл Гаррисон (1837-1899), американский этнограф — 194
Religion of Primitive Peoples [Религия первобытных народов]. New York - London, 1899 — 194
БРУННЕР (Brunner) Генрих (1840-1915), немецкий историк права, иностранный член-корреспондент Петербургской АН — 372, 377, 407
Gründzuge der deutschen Rechtsgeschichte [Основные особенности истории германского права] — 372, 377, 407
БРУНО (Bruno) Джордано (1548-1600), итальянский философ и поэт — 178
БУБ, правитель Нистумы, покоренной Ассурназирапалом — 294

БУГЛЕ (Bouglé) Селестен (1870-1940), французский социолог, представитель школы Э. Дюркгейма, профессор Парижского и Тулузского университетов — 78, 244, 444, 445
Эгалитаризм. СПб., 1904 — 444
La démocratie devant la science [Демократия с точки зрения науки]. Paris, 1904 — 444, 445
Essais sur le régime des castes [Этюды о кастовом режиме]. Paris, 1908 — 244, 444
Qu'est ce que la sociologie [Что такое социология]. Paris: Alcan — 78
БУДДА (Buddha; санскр. букв. «просветленный») Сиддхартха Гаутама (623-544 до н. э.), царевич из рода Готамы, по индийской традиции основатель буддизма — 73, 492
БУЗЕСКУЛ Владислав Петрович (1858-1931), русский и украинский историк античности — 398
Женский вопрос в Древней Греции // К свету. Юбилейный сборник Санкт-Петербургских Высших женских курсов. СПб., 1904, вып. VII. — 398
БЭКОН (Bacon) Френсис (1561-1626), английский философ, основатель эмпиризма — 86
БЭН Александр (1818-1903), английский философ, психолог и педагог, один из крупнейших представителей ассоцианизма в психологии — 346
БЮИССОН (Buisson) Фердинанд, французский социолог, вице-председатель VIII конгресса Международного института социологи в Риме в 1913 г. — 486
[Статья] // Annales de l'Institut internationale de sociologie. 1913, vol. XIV — 486
БЮФФОН (Buffon) Жорж-Луи Леклерк (1707-1788), французский естествоиспытатель, отстаивавший, в противоположность К. Линнею, идею об изменяемости видов под влиянием условий среды — 312
БЮХЕР (Bücher) Карл (1847-1930), немецкий экономист — 365

ВААЛ (*семит.* — господин, владыка), западно-семитский бог или демон, олицетворявший плодородие, а также выполнявший государственно-культовые функции (право, война) — 370
ВАГНЕР Владимир Александрович (1849-1934), русский биолог и психолог, основоположник сравнительной психологии в России — 80, 88-93, 158, 311, 312, 314, 316, 319, 333, 334, 340, 350
Социология в ботанике // Природа. 1912, сентябрь — 80
Биологические основания сравнительной психологии (Биопсихология). СПб., 1910-1913, т. I-II — 88, 90-92, 158, 311, 312, 314, 316, 333, 334, 350
Психология животных. М., 1902 — 88, 93, 334, 340

Биологи и юристы в вопросах сравнительной психологии // Вестник психологии. 1913, вып. III — 319

ВАЙЦ (Waitz) Георг (1813-1886), немецкий историк, специалист в области германского средневековья — 402

ВАККАРО (Vaccaro) Микеланджело (1854-1937), итальянский социолог и юрист, представитель социал-дарвинизма — 78, 94, 132, 146, 147, 152, 153, 210-212, 292-294, 325, 326, 328, 329, 333, 420, 422-426

Genesi e funzione delle leggi penali [Генезис и функции уголовного права]. Torino, 1908 — 132, 146, 147, 153, 210, 212, 325, 326

Les Bases sociologiques du Droit et de l'État [Социологические основы права и государства]. Paris, 1898 — 78, 292-294, 328, 329, 333, 420, 422, 423, 426

ВАКСВЕЙЛЕР (Waxweiler) Эмиль (1867-1916), бельгийский социолог, профессор института Сольвэ в Брюсселе — 307

ВАНДЕРВЕЛЬДЕ (Vandervelde) Эмиль (1866-1938), бельгийский социалист, реформист — 262

Регрессивная эволюция в биологии и социологии (в соавторстве с Ж. Демоором и Ж. Массаром). СПб., 1898 — 262

ВЕДЫ, древнейшие литературно-религиозные памятники Северной Индии, состоящие из четырех сборников (самхит): Ригведы, Яджурведы, Самаведы и Атхарваведы — 192, 217, 306, 370, 432, 437, 458

ВЕЙНЕМЕЙНЕН (Вяйнямейнен), персонаж финского эпоса «Калевала», мудрый старый песнопевец — 454

ВЕЙСМАН (Weismann) Август (1834-1914), немецкий зоолог и теоретик эволюционного учения — 151, 332, 333

Опыт о наследственности [Üeber die Vererbung. Iena, 1883] — 333

ВЕНЕРА (*миф.*), римская богиня любви и плодородия, отождествлявшаяся с греческой Афродитой — 96, 97

[ВЕРГИЛИЙ МАРОН (Virgil) Публий (70-19 до н.э.), римский поэт]: Энеида — 215

ВЕРОН (Véron) Эжен (1825-1889), французский писатель и журналист — 210

La morale [Мораль]. 1884 — 210

ВЕСТЕРМАРК (Westermarck) Эдвар (1862-1939), финский этнограф и социолог, проф. Лондонского университета (1907-1930) и в шведском университете г. Турку (Финляндия; 1918-1932) — 377, 411

The origin and development of the moral ideas [Происхождение и развитие нравственных идей]. London, 1906-1908, vol. I-II — 377, 411

ВИКО (Vico) Джамбатиста (1668-1774), итальянский философ, основоположник философии истории Нового времени — 485

ВИЛЬГЕЛЬМ ЗАВОЕВАТЕЛЬ (1027-1087), король Англии с 1066 г., побочный сын нормандского герцога Роберта II Дьявола; в 1051 г. посетил своего родственника, английского короля Эдуарда Исповед-

ника и впоследствии стал утверждать, что бездетный Эдуард во время этого свидания назначил его своим наследником; поэтому, когда в 1066 г. умер Эдуард и английский престол перешел к его шурину Гарольду, Вильгельм, заручившись поддержкой папы Александр II, в конце сентября 1066 г. пристал к берегам Англии, близ города Гастингса, около которого вскоре и произошла битва, в которой Вильгельм одержал победу и провозгласил себя королем Англии — 427

ВИНДЕЛЬБАНД (Windelband) Вильгельм (1848-1915), немецкий философ, глава баденской школы неокантианства — 50, 51, 55, 56, 60, 61

Прелюдии. Философские статьи и речи. СПб., 1904 — 56

ВОЛЬТМАН (Woltmann) Людвиг (1871-1907), немецкий философ, антрополог и социолог — 151, 333

Теория Дарвина и социализм. СПб., 1900 — 333

ВОЛЬФ (Wolf) Христиан (1679-1754) немецкий философ, вице-канцлер университета в Галле и профессором естественного и международного права — 161, 298

ВОРМС (Worms) Рене (1869-1926), французский социолог, основатель журнала «Revue Internationale de sociologie» (1893) — 82

ВОРОНОВ Николай Григорьевич (1857-1915), русский социолог — 113

Основания социологии. М., 1912 — 113

ВУНДТ (Wundt) Вильгельм (1832-1920), немецкий психолог, философ, физиолог, языковед — 50-52, 66, 87, 100, 308, 354, 372, 373

Ethik. Stuttgart, 1903, Bd. I — 50, 51, 308

Этика. СПб., 1887 — 354, 373

Введение в психологию. СПб., 1908 — 87

ГАГЕН (Хаген), персонаж «Песни о Нибелунгах», вассал Гунтера, убийца Зигфрида — 383

ГАЛЬТОН (Galton) Фрэнсис (1822-1911), английский психолог и антрополог — 332

ГАМСУН (Hamsun) (наст. фам. Педерсен, Pedersen) Кнут (1859-1952), норвежский писатель, лауреат Нобелевской премии — 234, 255

У врат царства (1895) — 234

Драма жизни (1896) — 234

Закат (1898) — 234, 255

ГАРОФАЛО (Garofalo) Рафаэль (1852-1934), итальянский криминалист, позитивист, предшественник социологической школы уголовного права — 145-147, 150, 155, 489

La criminologie [Криминология]. Paris, 1890 — 145

ГАРСОН (Garçon) Эмиль (1851-1922), французский юрист, проф. университетов в Лилле и Париже, автор работ по уголовному праву — 469

ГАРТЕВЕЛЬД Вильгельм Наполеонович (1859-1927), композитор и дирижер, швед по происхождению, в 1882-1918 гг., жил в России, в 1906 г.

несколько раз приезжал в Сибирь, где собирал каторжный фольклор, в 1908 г. издал «Песни сибирских каторжан, бродяг и инородцев» — 144

ГЕККЕЛЬ (Haeckel) Эрнст (1834-1919), немецкий биолог, популяризатор основ естественнонаучного материализма — 86, 489

Мировые загадки. М., 1911 — 86

Die Perigenesis der Plastidule (1876-1877) — 86

ГЕКТОР, сын троянского царя Приама, предводитель троянцев в Троянской войне, погибший в единоборстве с Ахиллом — 215-217, 219, 222

ГЕРА (*миф.*), верховная греческая богиня, царица богов, супруга Зевса — 188

ГЕРКУЛЕС (*миф.*), герой греческой мифологии (Геракл), сын Зевса и Алкмены, прославившийся двенадцатью подвигами — 167

ГЕРБАРТ (Herbart) Иоанн Фридрих (1776-1841), немецкий философ, педагог и психолог — 346

ГЕРМЕС (*миф.*), у древних греков бог скотоводства, торговли и рынков — 201

ГЕРНЕТ Михаил Николаевич (1874-1953), русский ученый криминалист — 152, 415, 468, 469, 481

Социальные факторы преступности. М., 1905 — 152

Смертная казнь. М., 1913 — 415, 469, 481

Детоубийство. Социологическое и сравнительно-юридическое исследование. М., 1911 — 468

ГЕРОСТРАТ, жаждавший славы житель Эфеса, который в 356 г. до н. э. в ночь рождения Александра Македонского поджег храм Артемиды Эфесской — 151, 224

ГЕТЕ (Goethe) Иоганн Вольфганг (1749-1832), немецкий поэт и мыслитель — 373, 431, 432

Западно-Восточный диван: Рендж-Наме (Книга недовольства) — 431

ГЕФЕСТ (*миф.*), греческий бог огня и кузнечного ремесла — 188

ГЕФФДИНГ, Хёфдинг (Höffding) Харальд (1843-1931), датский философ и психолог — 50, 66, 87, 320, 339, 346

Этика. СПб., 1898 — 50

Очерки психологии. СПб., 1908 — 87, 320, 339

ГИДДИНГС (Giddings) Франклин Генри (1855-1931), американский социолог, президент Американского социологического общества (1908) — 78, 81

Основания социологии. Анализ явлений ассоциации и социальной организации. М., 1898 — 78, 81

ГИЛЛЕН (GILLEN) Фредерик, исследователь (совместно с Б. Спенсером) племен Центральной и Южной Австралии — 195, 279, 322, 356, 453

ГОББС (Hobbes) Томас (1588-1679), английский философ и социальный мыслитель, заложивший основы органической социологии и теории общественного договора — 290, 308

ГОБИНО (Gobineau) Жозеф Артур (1816-1882), французский дипломат и ориенталист, посол в Тегеране, Афинах, Рио-де-Жанейро, автор «Опыта о неравенстве человеческих рас» и других сочинений — 151

ГОВЕЛАК (Hovelacque) Александр Абель (1843-1896), французский антрополог и лингвист — 132

L'Avesta, Zoroastre et le mazdensme [Авеста, Зороастр и маздеизм]. Paris, 1880 — 132

[ГОМЕР, легендарный древнегреческий поэт]:

Илиада — 166, 183, 184, 188, 200, 201, 203, 215, 216, 219, 236, 292, 424, 437, 437, 446

Одиссея — 200, 203, 215, 216

ГОНОРИЙ Флавий (384-423), император Западной Римской империи с 395 г., младший сын Феодосия I — 396

ГОР, древнеегипетское божество, сын Изиды, рожденный ею, по большинству сказаний, без участия Осириса, после его смерти, и усыновленный им — 192

ГОТЬЕ (Gautier) Арман (1837-1920), французский биохимик, профессор органической и медицинской химии парижского медицинского факультета — 311

О состоянии жизни // Новые идеи в биологии. 1913, № 1 — 311

ГРАССЕРИ (Grasserie) Рауль де ла (1839-1914), французский социолог, правовед и лингвист, участник Международных социологических конгрессов — 78, 87, 127, 142, 162, 278, 429, 430, 432

De la psycho-sociologie [О психо-социологии] // Revue internationale de sociologie. 1912, № 3-4 — 78, 278

Des principes sociologiques de la criminologie [О социологических принципах криминологии]. Paris, 1901 — 142, 162, 430

ГРЕДЕСКУЛ Николай Андреевич (1864- ?), юрист и публицист, член ЦК партии кадетов, после революции преподавал в вузах Ленинграда — 162

К учению об осуществлении права. Харьков, 1901 — 162

ГРОЦИЙ (Grotius, de Groot) Гуго (1583-1645), голландский правовед, государственный деятель и писатель, автор трактата «О праве войны и мира» — 170, 308

ГУМПЛОВИЧ (Gumplowicz) Людвиг (1838-1909), польско-австрийский социолог и правовед, представитель социал-дарвинизма — 78, 81, 82, 94, 285, 308, 309

Основы социологии. СПб., 1899 — 78, 82, 309

ГУС (Hus) Ян (1371-1415), национальный герой чешского народа, проповедник, мыслитель, идеолог чешской Реформации; на церковном

соборе в Констанце был осужден как еретик и сожжен на костре — 149, 178, 480
ГУССЕРЛЬ (Husserl) Эдмунд (1859-1938), немецкий философ, родоначальник феноменологической школы — 52-54, 59
Логические исследования. СПб., 1909 — 53
ГЮГО (Hugo) Виктор Мари (1802-1885), французский поэт и писатель — 109
Человек, который смеется. СПб., 1890 — 109
ГЮЙО (Guyau) Жан Мари (1854-1888), французский философ-позитивист, поэт и драматург — 66, 70, 245, 252, 263, 267, 268, 367, 368, 373, 435, 492
История и критика современных английских учений о нравственности. СПб., 1898 — 70, 268
Иррелигиозность будущего. М., 1909 — 245, 367, 368, 435
Воспитание и наследственность. Социологическое исследование. СПб., 1899 — 263
Очерк морали. СПб., 1898 — 267, 492

ДАМАЯНТИ, идеал верной жены, созданный древними индийцами и прославленный в поэме, входящей в состав Махабхараты — 217
ДАНКВАРТ, персонаж «Песни о Нибелунгах», брат Гагена — 383
ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ (Dante) (1265-1321), итальянский поэт, философ, политический деятель — 249, 416
Божественная комедия — 249
ДАРВИН (Darwin) Чарлз Роберт (1809-1882), английский естествоиспытатель, основоположник эволюционного учения — 312
ДЕ-ГРАССЕРИ — см. Грассери
ДЕ ГРЕЕФ (De Greef) Гильом (1842-1924), бельгийский социолог — 82
Précis de sociologie [Краткий курс социологии]. Bruxelles-Paris, 1909 — 82
ДЕКАРТ (Descartes) Рене (1596-1650), французский философ и математик — 373
ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА (Déclaration des droits de l'homme et du citoyen), принята Национальным собранием Франции 26 августа 1789 г.; состоит из краткого введения, в котором заявляется, что единственными причинами общественных бедствий и порчи правительств являются незнание, забвение или презрение естественных, священных и неотчуждаемых прав человека, и из 17 статей, заключающих в себе главным образом две основные идеи политической философии естественного права — идею индивидуальной свободы и идею народовластия; все люди свободны и равны в правах, цель общества — сохранение прав личности (свободы, соб-

ственности, безопасности и сопротивления угнетению); верховная власть принадлежит нации, закон есть выражение общей воли; участвовать в издании законов имеют право все граждане, лично или через представителей, все граждане равны перед законом — 445, 459

ДЕ-КУЛАНЖ — см. Фюстель де Куланж

ДЕЛАЖ (Delage) Ив (1854-1920), французский зоолог, проф. Сорбонны — 332

ДЕМООР (Demoor) Жан (1867-1941), бельгийский врач и педагог, специалист в области умственной отсталости у детей — 262

Регрессивная эволюция в биологии и социологии (в соавторстве с Э. Вандервельде и Ж. Массаром). СПб., 1898 — 262

ДЕ-РОБЕРТИ, Де Роберти де Кастро де ла Серда (De Roberty) Евгений Валентинович (1843-1915), русский социолог и философ-позитивист, в 1908-1915 гг. проф. социологии в Психоневрологическом институте в Петербурге — 42, 48, 62, 71, 74, 77, 81, 86, 89, 90, 211, 245, 272, 345, 348, 366, 400, 444, 490

Constitution de l'ethique [Основание этики]. Paris, 1911 — 62

Le Bien et le Mal [Добро и зло]. Paris, 1896 — 74

Sociologie de l'action [Социология действия]. Paris, 1908 — 77, 90, 345, 444

Qu'est ce que la crime [Что такое преступление]. Paris, 1899 — 211, 400

Qu'est ce que le progrès [Что такое прогресс] — 490

Новая постановка основных вопросов социологии. М., 1909 — 490

ДЖЕВОНС (Jevons) Уильям Стэнли (1835-1882), английский экономист, статистик и философ; основоположник математической школы в политэкономии, один из основоположников теории предельной полезности, автор сочинения «Теория политической экономии» (1871) — 219

ДЖЕМС (James) Уильям (1842-1910), американский философ и психолог, один из основателей прагматизма — 61, 258, 259, 339

Прагматизм. СПб., 1910 — 61

Психология. СПб., 1896 — 259, 339

ДИОКЛЕТИАН Гай Аврелий Валерий (245-316), римский император с 284 по 305 г.; ввел административное и территориальное разделение власти («тетрархию»); в 305 г. отрекся от престола — 476

ДИОМЕД (*миф.*), сын Тидея, один из величайших ахейских героев; до Троянской войны участвовал в «походе эпигонов» против Фив — 183, 188, 236

ДОБРЫНЯ, воевода князя Владимира, брат матери его Малуши, насильственно крестивший новгородцев, о чем свидетельствует старинная поговорка: «Путята крестил мечем, а Добрыня огнем» — 296

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ (*был.*), богатырь, один из главных героев русского былинного эпоса — 454

ДОЛБЫШЕВ Я.Г., московский миллионер, меценат, уроженец Вологодской губернии — 48

ДОЛОН (*миф.*), сын троянца Эвмеда, «соглядатай троянский», попавшийся ахейцам и убитый Диомедом — 183, 188, 236

ДОМОСТРОЙ, литературное произведение середины XVI в., содержащее свод правил поведения горожанина, которыми он должен руководствоваться в отношении к светским властям и церкви, семье и слугам (издания: М., 1882; М., 1908-1910) — 398

ДОНДУКОВ-КОРСАКОВ («Дундуков») Александр Михайлович (1820-1893), князь, генерал-адъютант (1869), генерал от кавалерии (1878), участник войны с Шамилем (1845-1851), Крымской войны (1853-1856) и русско-турецкой войны (1877-1878); в 1882-1890 гг. командующий войсками Кавказского военного округа — 295

ДОСТОЕВСКИЙ Федор Михайлович (1821-1881), русский писатель и мыслитель — 109, 115, 143, 144, 171, 237, 243, 249, 250

Записки из Мертвого дома (1861-1862) — 143, 144, 237, 243

Преступление и наказание (1866) — 143

Бесы (1871-1872) — 249

Братья Карамазовы (1879-1880) — 109, 116, 171,317

ДРАГИЧЕСКО, Драгическу (Draghicesco, Drăghicescu) Думитру (1875-1945), румынский социолог, философ и дипломат — 78, 333, 345, 348, 349

Du rôle de l'individu dans le déterminisme sociale. Paris, 1904 (частичный рус. перевод П.А. Сорокина: Роль индивида в социальном детерминизме // Новые идеи в социологии. СПб., 1913, № 2) — 78, 333, 345, 348

ДРАКОН[Т], афинский архонт, составивший в 621 г. до н. э. свод законов, отличавшихся крайней жестокостью — 409

ДРИЛЬ Дмитрий Андреевич (1846-1910), русский криминалист, декан юридического факультета Психоневрологического института — 144, 152

Учение о преступности и мерах борьбы с нею. СПб., 1912 — 144, 152

ДЬЮИ (Dewey) Джон (1859-1952), американский философ, один из ведущих представителей прагматизма — 61

ДЮБУА (Du Boys) Альберт (1804-1889), французский ученый, юрисконсульт — 267, 375, 407, 409, 412

L'Histoire du droit criminel des peoples anciennes depuis la formation des societes jusqu'a l'etablissement du christianisme [История уголовного права древних народов со времен формирования общества до возникновения христианства]. Paris, 1845 — 375, 407, 409, 412

ДЮРКГЕЙМ (Durkheim) Эмиль (1858-1917), французский философ и социолог, основатель французской социологической школы — 42, 71, 78, 82, 104, 132, 142-144, 147, 165, 195, 217, 223, 245, 297, 323-325, 333, 345, 348, 349, 366, 367, 375, 401-404, 413, 418, 419, 473-475

О разделении общественного труда. Одесса, 1901 (новый рус. перевод: М., 1991) — 78, 132, 142, 324, 345, 349, 375, 402-404
Les règles de la méthode sociologique. Paris, 1907 (рус. перевод: Метод социологии. Киев; Харьков, 1899; новый перевод: М., 1991) — 78, 82
Les formes élémentaire de la vie religieuse [Элементарные формы религиозной жизни]. Paris, 1912 (частичный рус. перевод: Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. М., 1998) — 104, 165, 195, 217, 223, 245, 325, 333, 345, 348, 367
Самоубийство. Социологический этюд. СПб., 1912 (сокращенное переиздание: М., 1994) — 297
Deux lois de l'evolution pénale [Две закономерности эволюции преступности] // L'année sociologique. 1900 (4 année), vol. 4 — 413, 419, 473, 474

ЕВДОКИЯ, христианская преподобномученица; в молодости вела порочный образ жизни, но под влиянием инока Германа отказалась от прежней жизни, приняла христианство; отличалась впоследствии строгой постнической жизнью и получила дар чудотворения; умерла мученической смертью в 152 г.; православная церковь чтит ее память 1 марта — 245

ЕВРЕИНОВ Николай Николаевич (1879-1953), русский драматург, режиссер, сценарист, теоретик и историк театра, по образованию юрист; с 1925 г. в эмиграции — 414
История телесных наказаний в России. СПб., 1913 — 414

ЕКАТЕРИНА II Алексеевна (1729-1796), российская императрица с 1762 г. — 443

ЕЛЕНА, в древнегреческой мифологии дочь Зевса и Леды, славившаяся необыкновенной красотой; похищение ее троянским царевичем Приамом послужило причиной Троянской войны — 216

ЕЛИЗАВЕТА (Амалия-Евгения; 1837-1898), императрица австрийская, дочь баварского короля Максимилиана Иосифа; в 1854 г. вышла замуж за австрийского императора Франца-Иосифа; убита в Женеве итальянским анархистом Луккени — 144

ЕЛЛИНЕК (Jellinek) Георг (1851-1911), немецкий юрист-государствовед — 163, 308
Социально-этическое значение права, неправды, наказания. М., 1910 — 163
Право современного государства. СПб., 1903 — 308

ЗАКОНЫ XII ТАБЛИЦ, свод законов Древнего Рима, созданный коллегиями децимвиров в 451-450 гг. до н. э.; представлял собой запись обычного римского права, сделанную на двенадцати досках, выставленных на городской площади; нормы семейного права основыва-

лись на безусловном господстве главы семьи (pater familias) — 402, 403, 408, 410, 412, 472

ЗАРАТУСТРА (по разным датировкам, между XIII-VI в. до н. э.), пророк и реформатор древнеиранской религии, получившей название зороастризма; ему принадлежит составление «Гат», древнейшей части «Авесты» — 193

ЗИГВАРТ (Sigwart) Христоф (1830-1904), немецкий логик, близкий по своим философским воззрениям к баденской школе неокантианства — 58, 60, 61

Логика. СПб., 1908, т. I-II — 58, 61

ЗИГФРИД, главный герой «Песни о Нибелунгах», муж Кримхильды, убитый Гагеном — 383

ЗИММЕЛЬ (Simmel) Георг (1858-1918), немецкий социолог — 70, 78, 80, 104, 180, 272, 274, 349, 365-367, 439

Soziologie [Социология]. Leipzig, 1908 — 78, 180, 272, 274

Социологический этюд. СПб., 1903 — 78, 80

Понятие и трагедия культуры // Логос. 1911-1912, кн. 2-3 — 104

О социальной дифференциации. Социологические и психологические исследования. Киев-Харьков, 1898 — 349, 439

Религия. М., 1909 — 367

ИАКОВ (*библ.*), младший из сыновей Исаака, купивший у своего брата Исава право первородства за чечевичную похлебку, один из родоначальников еврейского народа — 242, 247, 379, 438, 439

ИЕГОВА (*библ.*), одно из имен Бога в Ветхом Завете — 192, 193, 221, 371, 382, 392, 437-439

ИЕРИНГ (Ihering) Рудольф (1818-1892), немецкий юрист, основатель социологической школы в юриспруденции — 127, 131, 161, 162, 207, 208, 224, 308, 317, 319, 322

Цель в праве. СПб., 1881, т. I — 131, 161, 162, 208, 224, 308, 319, 322

ИИСУС ХРИСТОС — 73, 115, 121, 149, 151, 152, 178, 222, 235, 373, 434, 450, 492

ИИУЙ (Йеху), израильский царь, истребивший противников единобожия, поклонявшихся Ваалу (4 Цар. 10, 17-28) — 424

ИЛЬМАРИНЕН, эпический богатырь «Калевалы», кузнец — 454

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ, один из главных героев-богатырей русского былинного эпоса — 454

ИНДРА (*миф.*), бог ведического пантеона, которому посвящено около четверти гимнов Ригведы; первоначально считался богом грозы, дождя и грома, позднее — верховным богом, покровителем царской власти — 192

ИННОКЕНТИЙ III (Innocentius III), в миру Лотарио Сеньи (1160/1161-1216), Папа Римский с 1198 г., на IV Латеранском соборе в 1215 г. провозгласивший создание инквизиции — 479

ИОАНН БОГОСЛОВ, один из апостолов, ученик Иисуса Христа, сын галилейского рыбака Зеведея, автор четвертого Евангелия, трех посланий и Апокалипсиса — 434

ИОАНН ПРЕДТЕЧА (или Креститель), евангельский пророк, предсказавший близкое пришествие Иисуса Христа и крестивший многих евреев и самого Иисуса в Иордане — 268

ИОАНН III Васильевич (1440-1505), великий князь Московский с 1462 г., при котором завершилось образование ядра Русского централизованного государства — 479

ИОАНН IV Васильевич, Иван Грозный (1530-1584), великий князь с 1533 г., первый русский царь (с 1547 г.), при котором был составлен общегосударственный кодекс — Судебник — 384, 394, 396, 398, 479

ИОРДАН (Jordanis), готский историк VI в. — 477

De Gothorum origine et rebus gestis (рус. перевод: О происхождении и деяниях гетов. М., 1960) — 477

ИОСИФ II (Joseph) (1741-1790), австрийский император с 1765 г., до 1780 г. соправитель своей матери Марии Терезии, представитель просвещенного абсолютизма — 475

ИОХ (Joch) Иоганн Георг (1677-1731), немецкий протестантский теолог — 161

ИСААК (*библ.*), еврейский патриарх, сын Авраама и Сарры — 434, 439

ИСАВ (*библ.*), сын Исаака и Ревекки, продавший своему брату Иакову право первородства за чечевичную похлебку — 242, 379

ИСАЕВ Михаил Михайлович (1880-1950), русский и советский юрист — 48

ИСАЙЯ (*библ.*, VIII в. до н. э.), первый из «больших пророков» Ветхого Завета, автор гл. 1-33 и 36-39 книги Ветхого Завета, носящей его имя — 434

ИУДА ИСКАРИОТ (*библ.*), апостол-предатель — 151

КАЛЕВАЛА, финский народный эпос, опубликованный Элиасом Леннротом в 1849 г.; название Калевала означает эпическое имя страны, в которой живут и действуют финские народные герои; первый полный русский перевод Л.П. Бельского вышел под названием «Калевала — финская народная эпопея» (СПб., 1889) — 454

КАЛЯЕВ Иван Платонович (1877-1905), русский террорист, эсер, участник покушения на министра внутренних дел В.К. Плеве (1904); 4 февраля 1905 г. в Кремле убил бомбой московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича; на суде 5 апреля 1905 г. произнес речь против царского правительства; казнен в Шлиссельбургской крепости — 144

КАНТ (Kant) Иммануил (1724-1804), немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии — 54, 66, 69, 373, 450

Основоположения метафизики нравов (1785) — 450

КАПАРТ, Капар (Capart) Жан Франсуа Дезире (1877-1920), бельгийский египтолог — 383, 391, 393
Esquisse d'une histore du droit pénal égyptien ancien [Очерк истории древнеегипетского уголовного права]. Bruxelles, 1900 — 383, 391, 393
КАРЕНО Иван, персонаж драматической трилогии К. Гамсуна «У врат царства», «Игра жизни», «Вечерняя заря» («Закат») (1895-1898) — 255
КАРЛ ВЕЛИКИЙ (742-814), король франков с 768 г., император с 800 г., значительно расширивший территорию Франкского государства — 477, 478
КАРЛ I Стюарт (1600-1649), английский король с 1625 г., свергнутый с престола в результате Английской буржуазной революции и казненный по приговору Долгого парламента — 457
КАРЛ V (1500-1558), император «Священной Римской империи» в 1519-1556 гг., добившийся избрания при финансовой поддержке Я. Фуггера — 460
КАРЛЕЙЛЬ (Carlyle) Томас (1795-1881), английский философ и историк — 451
КАРОЛИНА, уголовное уложение императора Карла V (Constitutio Criminalis Carolina), один из самых полных кодексов уголовного законодательства XVI столетия, который был издан в 1532 г. — 478
КАСТЕЛЬНО ПЕТР де (Pierre de Castelnau), цистерцианский монах, с 1203 г. папский легат в Лангедоке, подвергавший еретиков жестоким преследованиям; его убийство послужило поводом к началу крестовых походов против альбигойцев — 479
КИДД (Kidd) Бенджамин (1858—1916), английский социолог, социал-дарвинист — 245
Социальная эволюция. СПб., 1899 — 245
КИСТЯКОВСКИЙ Александр Федорович (1839-1885), русский криминалист, проф. Киевского университета — 129, 131, 134, 137, 173, 190
Элементарный учебник общего уголовного права. Киев, 1877 (2-е изд. 1882, 3-е изд., 1891) — 129, 131, 137, 190
КЛАВДИЙ (Тиберий Клавдий Нерон Германик; 10 до н. э. - 54 н. э.), римский император в 41-54 гг. из династии Юлиев-Клавдиев — 441
КНИГА МЕРТВЫХ, памятник древнеегипетской священной литературы, представляющий собой 186 текстов («глав»), не связанных друг с другом, различной длины, начиная от длинных поэтических гимнов и кончая однострочными магическими формулами, имевшими целью вооружить путешествующего по загробным мытарствам покойника против чудовищ-демонов — 161
КНИПОВИЧ Николай Михайлович (1862-1939), русский зоолог, приват-доцент Петербургского университета (1893), в 1911-1930 гг. проф. кафедры зоологии и общей биологии Женского (1-го Ленин-

градского) медицинского института, почетный член АН СССР (1935) — 332
Курс общей зоологии. СПб., 1909 (2-е изд.: 1915) — 332
КОВАЛЕВСКИЙ Максим Максимович (1851-1916), русский социолог, историк, юрист и этнограф, академик Петербургской АН (1914) — 41, 44, 48, 86, 94, 165, 167, 194-197, 267, 279, 309, 357, 369, 376-380, 384, 385, 387, 401, 405, 407, 411, 442, 444, 445, 454, 455, 457, 486
Социология. СПб., 1910, т. I-II — 86, 165, 167, 194-197, 279, 369, 442, 454, 455, 457
Les origens de devoir [Происхождение долга] // Revue internationale de sociol. 1892, № 2 — 165
Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. М., 1886, т. II — 267, 357, 376-380, 385, 387, 407, 411
Очерк происхождения и развития семьи и собственности. СПб., 1895 — 279
Современные социологи. СПб., 1905 — 309, 401, 405, 445
Происхождение современной демократии. М., 1895-1897, т. 1-4 — 444
Прогресс // Вестник Европы. 1912, февраль — 444, 486
КОДЕКС ФЕОДОСИЯ, «Феодосиана» (Codicis Theodosiani fragmenta Taurinensia), составленный при Феодосии II сборник императорских конституций, древнейшая из которых относится к 313 г. н. э.; кодекс был обнародован и вступил в силу в Восточной Римской империи в 438, в Западной — в 439 г. — 478
КОЗЕНТИНИ (Cosentini) Франческо (1870-1932), итальянский философ и социолог, профессор университета в Катанье — 279, 435
Sociologia. Genezi ed evoluzione dei fenomeni sociali [Социология. Генезис и эволюция социальных феноменов]. Bari, 1912 — 279, 435
КОЛАЙАНИ, Колаянни (Colajanni) Наполеоне (1847-1921), итальянский социолог, представитель «левого крыла» социологической школы уголовного права, близкого к марксизму — 146, 152
La sociologia criminale [Уголовная социология]. Catania, 1889, т. 1 — 146, 152
КОЛЕР (Kohler) Иосиф (1849-1919), немецкий юрист, представитель школы этнологического правоведения — 377, 380, 381, 384
Zur Lehre von der Blutrache [К учению о кровной мести]. Würzburg, 1885 — 377, 380, 381
КОЛУМБ (Columbus) Христофор (1451-1506), первооткрыватель Америки (12 октября 1492 г.) — 186
КОНДОРСЕ (Condorcet) Мари Жан Антуан Никола (1743-1794), французский философ-просветитель, математик, социолог, политический деятель, сотрудник «Энциклопедии» — 366, 485

КОННОР (Connor) Ральф (настоящее имя и фамилия: Чарльз Уильям Гордон; 1860-1937), канадский психолог и педагог, пресвитерианский священник, автор многочисленных популярных романов — 315

КОНСТАНТИН I Великий Флавий Валерий (ок. 285-337), римский император (с 306 г.), поддерживавший христианскую церковь при сохранении языческих культов — 396, 412, 476

КОНТ (Comte) Огюст (1798-1857), французский философ и социолог, основоположник позитивизма — 41, 366, 485

КОНФУЦИЙ, Кун-цзы (ок. 551-479 до н. э.), древнекитайский философ — 450

КОРАН, священная книга мусульман, сборник рассказов, поучений, правил, законов и т. п., сообщенных Мухаммеду Аллахом через архангела Гавриила, состоит из 114 сур, расположенных в порядке убывания их объема — 193, 218, 245, 248, 292, 387, 411, 424, 432, 437

[Сура II]. Корова — 193

[Сура IV]. Женщины — 193

[Сура] XLVII. [Мухаммад] — 292, 424

[Сура] LV. [Милосердный] — 218

[Сура] LXIX. [Неизбежное] — 218

[Сура LXXVI]. Человек — 218, 248

[Сура LXXVII]. Посланные (Посылаемые) — 249

[Сура] LXXX. [Нахмурился] — 218

КОРОЛЕНКО Владимир Галактионович (1853-1921), русский писатель, публицист и общественный деятель; активно выступал против смертной казни; письма смертников опубликованы им в статьях «Бытовое явление» (1910; перепечатано: *Короленко В. Г.* Война пером. М., 1988) — 236

КОСТ (Coste) Адольф (1842-1901), французский философ-позитивист, президент Парижского статистического общества — 94

КОТИК Наум Генрихович (р. 1875), русский зоопсихолог, врач-психиатр и парапсихолог, ученик В.М. Бехтерева — 98

Непосредственная передача мыслей (Экспериментальное исследование). М., 1912 — 98

КРИМХИЛЬДА, героиня «Песни о Нибелунгах», жена Зигфрида, поклявшаяся отомстить за смерть мужа; в конце концов она убила Гагена, но и сама была убита — 383, 384

КРОЧЕ (Croce) Бенедетто (1866-1952), итальянский философ, историк и литературовед, представитель неогегельянства — 51, 55-57, 60

О так называемых суждениях ценности // Логос. М., 1910, кн. 2 — 55

КРЫЛОВ Иван Андреевич (1769-1844), русский писатель, баснописец и журналист — 177, 178

Пустынник и медведь — 178

КСЕРКС (ум. 465 до н.э.), древнеперсидский царь в 486-465 до н.э. из династии Ахеменидов — 385

КУНОВ (Cunow) Генрих (1862-1936), немецкий историк, социолог, публицист, один из теоретиков германской социал-демократии — 433
Ursprung der Religion und des Gottes Glaubens. 1913 (рус. перевод: Возникновение религии и веры в бога. М. - Л., 1925) — 433

КУПРИН Александр Иванович (1870-1938), русский писатель — 185
Поединок (1905) — 185

ЛАЗАРЕВСКИЙ Иван Матвеевич (1836-1887), земский деятель, член присутствия по крестьянским делам губерний Царства Польского (при земском отделе); вместе с Я.И. Утиным напечатал «Собрание важнейших памятников по истории древнего русского права» (СПб. 1859), в состав которого входит и «Дополнительный указ к судебнику Ивана IV» (у П.А. Сорокина — доп. указ) — 394

ЛАЛАНД (Laland) Андре (1867-1963), французский философ, проф. Сорбонны (с 1904), член Академии моральных и политических наук (с 1922), противопоставивший идее эволюции идею диссолюции (движения от разнородности к однородности и однообразию) — 444
La dissolution opposée à l'évolution dans les sciences physiques et morales [Диссолюции в противоположность эволюции в науках физических и нравственных]. Paris, 1899 — 444

ЛАМАРК (Lamarque) Жан-Батист Пьер Антуан де Моне (1744-1829), французский естествоиспытатель — 312, 330, 331, 338
Философия зоологии. М., 1911 — 331

ЛАМЕЕР. Esquisse de la zoologie — 262

ЛАНГЕ Николай Николаевич (1858-1921), русский психолог, проф. философии Одесского университета (с 1888), где организовал одну из первых в России экспериментальных психологических лабораторий — 258

ЛАНЕССАН (Lanessan) Жан Мари Антуан (1843-1919), французский ученый, последователь Ч. Дарвина — 307
La morale naturelle [Естественная нравственность]. Paris, 1908 — 307

ЛАНЬО (Lagneau) Жюль (1851-1894), французский философ-спиритуалист, автор статьи «Les consequences des Guerres» [Последствия войн] (Seances et Travaux de l'Academie des Sciences Morales et Politiques. 1892) — 421

ЛАПУЖ (Lapouge) Жорж Ваше (1854-1936), французский социолог, последователь теории социального дарвинизма и один из идеологов расизма — 94

ЛАТКИН Василий Николаевич (1858-1927), доктор прав и ординарный профессор Петербургского университета по кафедре русского права и истории русского права — 410

Учебник истории русского права. СПб., 1909 — 410
ЛАФИТО (Lafitau) Жозеф Франсуа (1670-1740), французский иезуит, миссионер — 416
ЛЁБ (Loeb) Жак (1859-1924), американский биолог, проф. Чикагского (с 1892) и Калифорнийского (с 1902) университетов, создатель теории тропизмов — 88, 307, 310, 311
Жизнь // Новые идеи в биологии. Сб. 1: Что такое жизнь. СПб., 1913 — 310
ЛЕБОН (Le Bon) Гюстав (1841-1931), французский социолог, социальный психолог и публицист — 278
Психологические законы эволюции народов. СПб., 1906 — 278
ЛЕВАССЕР (Levasseur) Пьер Эмиль (1828-1911), французский экономист и историк — 421
ЛЕВИ-БРЮЛЬ (Lévy-Bruhl) Люсьен (1857-1939), французский философ-позитивист, социолог и этнограф — 70, 71, 321, 349
La moral et la science des moeurs [Мораль и наука о нравственности]. Paris, 1903 — 70
Les fonctions mentales dans les sociétés inférieurs [Мыслительные функции в первобытных обществах]. Paris, 1912 (рус. перевод: Первобытное мышление. М., 1930) — 321, 349
ЛЕВИТАН Исаак Ильич (1860-1900), русский живописец-пейзажист — 101
Над вечным покоем (1893-1894) — 101
ЛЕГРАН, Легран-дю-Соль (Legrain, Legrand du Saulle) Анри (1830-1886), французский психиатр, один из основателей Общества судебной медицины в Париже (1868) — 148
ЛЕ-ДАНТЕК (Le Dantec) Феликс Александр (1869-1917), французский философ и биолог — 87, 274, 332, 339
Познание и сознание. СПб., 1911 — 87, 274, 332, 339
Lamarkiens (рус. перевод: Ламаркизм и дарвинизм. Обзор некоторых теорий образования видов. СПб., 1900) — 274
[ЛЕОНКАВАЛЛО (Leoncavallo) Руджеро (1857-1919), итальянский композитор]:
Паяцы (1892) — 109
ЛЕРМОНТОВ Михаил Юрьевич (1814-1841), русский поэт и писатель — 99
И скучно, и грустно... (1840) — 99
ЛЕССИНГ (Lessing) Готхольд Эфраим (1729-1781), немецкий философ и эстетик, один из вождей немецкого Просвещения — 373
ЛЕТУРНО (Letourneau) Шарль (1831-1902), французский социолог-эволюционист, автор работ, основанных на этнографическом материале, по истории брака и семьи, собственности, права, торговли и пр. — 81, 82, 87, 165, 249, 267, 271, 272, 307, 334, 377, 379, 407, 408, 411-413, 423, 424, 433, 442, 455, 456

Социология, основанная на этнографии. СПб., 1895-1898, вып. 1-3 — 249
L'évolution juridique des diverses races humaines [Правовая эволюция различий между человеческими расами]. Paris, 1891 — 307, 377, 379, 407, 408, 411-413, 455
Эволюция рабства. М., 1897 — 442
Нравственность (точнее: Прогресс нравственности). СПб., 1910 — 272, 407, 455-457
L'évolution de la morale. Paris, 1887 (рус. перевод: Эволюция морали. М., 1889; у П.А. Сорокина — Эволюция нравственности) — 165, 307, 377

ЛИ (Lee) Генри Чарльз (1825-1909), американский историк, автор работ по истории папства и католической церкви — 297
История инквизиции в средние века. СПб., 1911, т. I-II — 297

ЛИКАОН (*миф.*), сын Приама, которого Ахиллес взял в плен и продал, а затем, когда тот вернулся в Трою, убил — 446

ЛИСТ (Liszt) Франц фон (1851-1919), австрийский юрист, специалист в области международного и уголовного права, представитель социологической школы уголовного права — 129, 131, 136, 170
Учебник уголовного права. М., 1903, т. 1 — 129, 131, 136

ЛОКК (Lock) Джон (1632-1704), английский философ-просветитель — 308, 373

ЛОМБРОЗО (Lombroso) Чезаре (1835-1909), итальянский судебный психиатр и антрополог, родоначальник антропологического направления в криминологии и уголовном праве — 143, 197, 258, 263, 489
Новейшие успехи науки о преступнике. СПб., 1902 — 143

ЛОТ (*библ.*), племянник Авраама, пощаженный вместе с семьей Богом при наказании грешного города Содома — 284, 287

ЛОТЦЕ (Lotze) Рудольф Герман (1817-1881), немецкий философ, врач, естествоиспытатель — 54

ЛУАЗЕЛЕР (Loiseler) Жан Огюст Жюльен (1816-1884), французский историк и литератор — 471, 478
Les crimes et les peines dans l'antiquité et dans les temps modernes [Преступления и наказания в древности и современности]. Paris, 1863 — 471, 478

ЛУККЕНИ, итальянский террорист, убивший в 1898 г. австрийскую императрицу Елизавету; убийство это не было ни актом личной мести, ни актом политической мести Елизавете; убийца говорил, что ему было безразлично, кого убить из числа коронованных особ; он бы предпочел убить короля итальянского Гумберта, но у него не было денег для поездки в Рим, и потому жертвой он избрал императрицу австрийскую — 144

ЛУКРЕЦИЯ (у П.А. Сорокина ошибочно — Виргиния), в римской истории добродетельная супруга Л. Тарквиния Коллатина, которую опозо-

рил старший сын последнего римского царя Тарквиния Гордого Секст, после чего она покончила с собой; ее самоубийство послужило поводом к ликвидации царской власти в Риме — 265

ЛЮБЛИНСКИЙ Павел Исаевич (1883-1938), проф. Петербургского, а затем Ленинградского университета, специалист в области уголовного права — 48, 416

Современная тюрьма и ее влияние. Открытое письмо обществу заключенного № 1776 (перевод с англ. под ред. П.И. Люблинского). СПб., 1913 — 416

ЛЮДОВИК I Благочестивый (778-840), сын Карла Великого, король франков и римский император, коронованный в 813 г.; в 817 г. разделил империю между своими сыновьями — 457

ЛЮДОВИК IX Святой (1214-1270), французский король с 1226 г. из династии Капетингов; провел ряд реформ по централизации государственной власти, в Париже создал особую судебную палату, названную впоследствии парламентом; участник двух последних крестовых походов, во время второго умер от чумы — 478

ЛЮДОВИК XIII (1601-1643), французский король с 1610 г.; с 1624 по 1642 г. фактически правил Францией кардинал Ришелье — 253

ЛЮЦЦАТИ (Luzzatti) Луиджи (1841-1927), итальянский экономист, публицист и политический деятель — 375

La liberta di conscienza e di scienza [Свобода совести и мысли]. Milano, 1909 — 375

МАГОМЕТ, Мухаммед (ок. 570-632), арабский религиозный и государственный деятель, основатель Ислама — 193, 218

МАЗДА — см. Ахурамазда

МАЙЕР (Mayer) Самуэль (1807-1875), немецкий историк права — 377, 378, 382, 387

Geschichte der Strafrechte [История уголовного права]. Trier, 1876 — 377, 378, 382, 387

МАКАРЕВИЧ (Makarewicz) Юлиуш (1872-1955), польский философ, правовед и общественный деятель, профессор ряда польских университетов — 81, 82, 132, 141, 142, 267, 308, 317, 321, 374, 376-378, 380, 384, 385, 411

Einführung die Philosophie des Strafrechts [Введение в философию уголовного права]. Stuttgart, 1906 — 82, 132, 141, 308, 321, 374, 376-378, 380,385, 411

МАНТЧУ (Mantschu Jin), китайский генерал, руководивший в 1864 г. осадой Нанкина, с падением которого было разгромлено крупнейшее в Китае крестьянское восстание тайпинов (1850-1864) — 424

МАНУ, в индийской традиции мифический прародитель людей — 132, 166, 192, 283, 325, 383, 391, 392, 402, 409, 411, 416, 458

Законы Ману (рус. перевод: СПб., 1913; М., 1960), сборник предписаний, определяющих поведение индийца в частной и общественной жизни; содержат 2650 двустиший (шлок), разбитых на 12 глав — 132, 161, 162, 192, 193, 245, 247, 248, 283, 325, 369, 370, 371, 383, 387, 391, 392, 402, 409, 411, 416, 458

МАРК АВРЕЛИЙ (121-180), римский император с 161 г. из династии Антонинов, философ-стоик — 476

МАРКО ПОЛО — см. Поло Марко

МАРКС (Marx) Карл Генрих (1818-1883), немецкий философ, экономист, основоположник коммунистического мировоззрения, названного его именем — 94

МАССАР (Massart) Жан (1865-1925), бельгийский врач, социолог и публицист — 262

Регрессивная эволюция в биологии и социологии (в соавторстве с Э. Вандервельде и Ж. Демоором). СПб., 1898 — 262

МАТФЕЙ (библ.), апостол, автор первого Евангелия — 121, 247, 434

МАХАБХАРАТА («Сказание о великих Бхарата»), индийский эпос, состоящий из 18 книг, нескольких вводных эпических сказаний, философской поэмы «Бхагаватгита», а также многих сказаний и легенд, в числе которых входит и «Сказание о Нале», которое под названием «Наль и Дамаянти» перевел на русский язык В.А. Жуковский (М., 1958) — 217, 454

МЕЙЕР (Meyer) Эдуард (1855-1930), немецкий историк древности — 441

Рабство в древности. СПб., 1899 — 441

МЕНГЕР (Menger) Карл (1840-1921), австрийский экономист — 243, 244, 266, 268

Основания политической экономии. Одесса, 1903 — 244, 266

МЕНЗИС (Menzies) Аллан (1845-1916), английский историк, проф. Университета Святого Андрея в Шотландии — 192, 249, 369, 373, 374, 432

История религии. Очерк первобытных верований и характер великих религиозных систем. СПб., 1905 — 192, 249, 369, 374, 432

МЕСТР (Maistre) Жозеф де (1753-1821), французский философ, писатель и дипломат, идеолог монархизма — 485

МЕТЕРЛИНК (Maeterlinck) Морис (1862-1949), бельгийский писатель — 222

Монна Ванна (1902) — 222

МИЛЛЬ (Mille) Джон Стюарт (1806-1873), английский философ-позитивист и экономист — 42, 141

МИХАЙЛОВСКИЙ Николай Константинович (1842-1904), русский социолог, философ и публицист, один из создателей «субъективной социологии» — 339, 444

Патологическая магия (1887) // Михайловский Н.К. Полное собрание сочинений. СПб., 1906, т. 1 — 339

Герои и толпа (1882) // Там же, т. 2 (переиздано: *Михайловский Н.К.* Избранные труды по социологии. СПб., 1998, т. II) — 339
Борьба за индивидуальность (1875) // Там же, т. 1 (переиздано: Там же, т. II) — 339
МНАНДИ (Нанди), мать зулусского царя Тшаки (Чаки) — 457
МОИСЕЙ (*библ.*), предводитель израильских племен, который вывел их из египетского плена, пророк и законодатель — 132, 189
МОЛОХ (*миф.*), в финикийской религии (особенно в Карфагене) свирепый бог, которому приносились ежегодно человеческие жертвоприношения (дети) — 370
МОММЗЕН (Mommsen) Теодор (1817-1903), немецкий юрист и историк античности — 422, 472
Римская история. 1858, ч. II (переиздано: История Рима. СПб., 1994, т. II) — 422
Römische Strafrechts [Римское уголовное право]. Leipzig, 1899 — 472, 473
Die Geschihte der Todesstrafe im Römischen Staat // Reden und Aufsätze [История смертной казни в Римском государстве // Речи и статьи]. Berlin, 1905 — 472
МОНТЕСКЬЕ (Montesquieu) Шарль де (1689-1755), французский философ и социолог, историк, правовед и писатель; участник «Энциклопедии» — 44
МОРГАН (Morgan) Льюис Генри (1818-1881), американский этнограф и археолог, заложивший основы научной истории первобытного общества — 279
Первобытное общество. 1871 — 279
МОССЕЛИКАТСИ, Мзиликази (Meselekatse), племенной вождь кафров (народ коса — на территории ЮАР), отличавшийся патологической жестокостью; сначала был подданным и союзником Тшаки (Чаки), затем основал собственное государство на территории нынешней Южной Родезии (см.: *Moffat H.* Visit to Meselekatse, King of Matabele // Journal of the Royal Geographical Society. 1856, vol. XXVI) — 152, 438, 456

НАПОЛЕОН I Бонапарт (1769-1821), французский полководец и государственный деятель, император (1804-1814) — 295, 481
НАТОРП (Natorp) Пауль (1854-1924), немецкий философ, глава марбургской школы неокантианства — 50, 52, 54, 55, 66, 78
Философская пропедевтика. М., 1911 — 50
Социальная педагогика. СПб., 1911 — 50, 78
НЕКЛЮДОВ Николай Адрианович (1840-1896), русский криминалист, перевел учебник уголовного права Бернера (с обширными дополнениями) — 173

НИЦШЕ (Nietzsche) Фридрих (1844-1900), немецкий философ и поэт — 66, 485

НОВИКОВ (Novikov) Яков Александрович (Jacques) (1849-1912), русско-французский социолог и публицист; фабрикант, владелец крупнейшего в России второй половины XIX в. канатного завода — 78, 82, 180
L'échange phénomène foundamental de l'association humaine [Обмен — фундаметальное явление человеческого общества] // Revue internationale de Sociologie. 1911, № 11 — 78
Mécanisme et limites de l'association humaine [Механизм и границы человеческого общества]. Paris, 1912 — 82, 180

НОВЫЕ ИДЕИ В ФИЛОСОФИИ. СПб., 1913, сб. IV — 87

НОЙ (*библ.*), десятый и последний из допотопных патриархов, спасенный Богом за праведную жизнь — 438

НЬЮТОН (Newton) Исаак (1643-1727), английский физик и математик — 94

ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИЙ Дмитрий Николаевич (1853-1920), русский литературовед и языковед, один из первых в России исследователей санскрита, ведийской мифологии и философии — 458
Основы ведаизма // Собрание сочинений. СПб., 1911, т. VI — 458

ОДИССЕЙ (*миф.*), царь Итаки, участник Троянской войны, главный герой поэмы Гомера «Одиссея» — 188, 217, 219, 236, 454

ОЛЬГА (ок. 890-969), великая княгиня киевская, жена князя Игоря; после убийства мужа древлянами (945) жестоко подавила их восстание — 383

ОРЖЕНЦКИЙ Роман Михайлович (1863-1923), русский экономист и статистик — 244, 266

ОСТВАЛЬД (Ostwald) Вильгельм Фридрих (1853-1932), немецкий химик и философ, лауреат Нобелевской премии по химии (1909) — 82, 86, 113
Die energetischen Grundlagen der Kulturwissenschaft [Энергетические основания науки о культуре]. Leipzig, 1909 — 82, 86, 113
Философия природы. СПб., 1903 — 113

ПАВЕЛ (*библ.*), апостол, автор 14 посланий, вошедших в канонический текст Нового Завета — 123

ПАЛАНТ (Palante) Жорж (1862-1925), французский социолог, представитель индивидуалистического направления — 82
Очерк социологии. М., 1910 — 82

ПАТРОКЛ (*миф.*), ближайший друг Ахиллеса, павший под Троей от руки Гектора — 216, 446

ПАТТЕН (Patten) Саймон Нильсон (1852-1922), американский экономист и социальный философ — 329

ПАУЛИЧКА, Пауличке (Paulitschke) Филипп-Виктор (1854-1899), австрийский этнограф чешского происхождения, географ, антрополог и путешественник, доцент Венского университета, автор книги «Etnographie Nord-Ost-Afrikas» [«Этнография Северо-Восточной Африки»] (1893-1896) — 165

ПЕРТИ (Perty) Иосиф Максимилиан (1804-1884), немецкий естествоиспытатель и философ, в 1833 г. был приглашен профессором в академию в Берне, вскоре переименованную в университет — 87

ПЕСНЬ О НИБЕЛУНГАХ (Перевод М.И. Кудряшева. СПб., 1896), немецкий средневековый эпос, состоящий из 39 глав (авентюр) — 383, 384, 454

ПЕТР I Великий (1672-1725), русский царь с 1688 г., первый российский император (с 1721 г.) — 233, 396, 399, 409, 443, 475

ПЕТРАЖИЦКИЙ Лев Иосифович (1867-1931), польско-русский социолог и правовед — 48, 71, 73, 81, 85, 86, 88, 89, 104, 115, 118, 147, 162, 190, 194, 199, 222, 257, 259, 316-319, 330, 334, 336, 351, 364, 388, 390, 397, 398, 429, 444, 446-448, 490, 492

Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1907, т. I-II — 71, 89, 104, 115, 118, 190, 194, 199, 222, 257, 316, 318, 319, 334, 336, 351, 444

Die Lehre vom Einkommen [Учение о доходе]. Berlin, 1893-1895, Bd. 1-2 — 71

К вопросу о социальном идеале // Юридический вестник. 1913, кн. II — 71, 388, 429, 446, 492

Акции, биржевая игра и теория экономических кризисов. СПб., 1911 — 71, 388, 390, 397, 447, 490

Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. СПб., 1907 — 85, 86, 89, 147, 336

ПИЙ — см. Антонин Пий

ПИЛАТ — см. Понтий Пилат

ПИРС (Peirs) Чарлз Сандерс (1839-1914), американский философ-прагматист, логик, математик, естествоиспытатель — 61

ПЛУТАРХ (ок. 45 - ок. 127), древнегреческий писатель, историк и философ-моралист — 442

ПОГОДИН Александр Львович (1872-1947), проф. Харьковского университета, историк литературы, филолог-славист и археолог; позитивист, с 1919 г. в эмиграции — 315

Язык как творчество. (Психологические и социальные основы творчества речи). Происхождение языка // Вопросы теории и психологии творчества. Харьков, 1913, т. IV — 315

ПОДВЫСОЦКИЙ Владимир Валерианович (1857-1913), русский патолог и бактериолог, член-корреспондент анатомического общества в

Париже, с 1886 г. редактор ежемесячного журнала, на русском и французском языках, «Русский архив патологии, клинической медицины и бактериологии» — 64
Основы общей и экспериментальной патологии. СПб., 1905 — 64
ПОЛО (Polo) Марко (ок. 1254-1324), итальянский путешественник и писатель — 397
ПОНТИЙ ПИЛАТ, римский прокуратор Иудеи в 26-36 гг., который, согласно Иосифу Флавию и новозаветной традиции, приговорил к распятию Иисуса Христа — 152
ПОСТ (Post) Альберт Герман (1839-1895), немецкий антрополог и историк, исследователь первобытной культуры — 355, 374, 377, 378, 382, 384, 393, 398, 407, 411
Bausteine für eine allgemeine Rechtswissenschaft [Материалы к общей науке о праве]. Oldenbourg, 1880, Bd. I — 355, 374, 377, 378, 407, 411
Зачатки государственных и правовых отношений. М., 1901 — 382, 393, 398
ПРИАМ (*миф.*), царь Трои, отец пятидесяти сыновей и пятнадцати дочерей, в том числе Париса, Гектора, Кассандры — 201, 216, 222
ПРИНС (Prins) Адольф (1845-1919), бельгийский криминалист, публицист, проф. уголовного права Брюссельского университета — 152
Преступность и репрессии. Уголовно-юридический очерк. М., 1898 — 152
ПРУДОН (Proudhon) Пьер Жозеф (1809-1865), французский философ, социалист, теоретик анархизма — 143
ПСКОВСКАЯ СУДНАЯ ГРАМОТА, исторический памятник древнерусского права, составленный в XIII-XV вв.; вместе добавлениями грамота была утверждена на вече в 1467 г.; грамота определяет: судебные права князя, посадника, наместника новгородского, владыки, княжеских и вечевых чиновников, судопроизводство; трактует об уголовных преступлениях, имущественных правах и их нарушениях, различного рода обязательствах и правах наследства — 410
ПУЛЬА (Puglia) М., итальянский социолог, последователь Э. Ферри — 80, 82
[Статья] // Annales de l'Institut Internationale de Sociologie. 1895, т. II — 80, 82
ПУСТОРОСЛЕВ Петр Павлович (1854-1919), русский правовед, проф. уголовного права и декан юридического факультета Юрьевского (Тартуского) университета — 129, 133, 134, 135
Понятие о преступности. М., 1891 — 123, 134
ПУФФЕНДОРФ, Пуфендорф (Puffendorf) Самуэль (1632-1694), немецкий историк и правовед, последователь естественноправовой концепции Т. Гоббса и Г. Гроция — 308, 373

ПУШКИН Александр Сергеевич (1799-1837), русский поэт — 285

РА (*миф.*), в древнеегипетской религии бог солнца; впоследствии представление о нем слилось с представлением о боге Фив Амоне (см. Амон-Ра) — 192

РАЙНОВ Тимофей Иванович (1882-1958), университетский товарищ П.А. Сорокина, одновременно с ним готовившийся к профессорскому званию; после революции работал в Конъюнктурном институте вместе с Н.Д. Кондратьевым; круг его научных интересов необычайно широк — от эстетики Канта и проблем экономики до поэзии Тютчева и истории науки; последняя его книга — «Великие ученые Узбекистана» — вышла в Ташкенте в 1943 г. — 48

РАУЛЬ (Raoul), цистерцианский монах из той же епархии, что и Петр де Кастельно, имел степень доктора; папский легат в Лангедоке и Провансе с 1203 г. — 479

РАФАЭЛЬ Санти (1483-1520), итальянский живописец и архитектор — 95, 97

РЕЙМЕР (Reimer) Йозеф Людвиг, австрийский идеолог пангерманизма, автор книги «Ein Pangermanisches Deutschland» (1905) — 151

РЕЙСНЕР Михаил Андреевич (1868-1928), русский социолог, историк и правовед, проф. Томского и Петроградского университетов и Психоневрологического института; после 1917 г. примкнул к большевикам, был одним из учредителей Комакадемии — 48, 102

Государство. М., 1911-1912, ч. 1-3 (в двух выпусках) — 102

РИБО (Ribot) Теодюль Арман (1839-1916), французский психолог — 258, 259, 262, 332, 333, 336, 340

Психология чувств. СПб., 1898 — 259, 336, 340

L'Hérédité psychologique. Paris, 1897 [рус. перевод: Наследственность душевных свойств. (Психологическая наследственность). СПб., 1884] — 333

РИГВЕДА — см. Веды

РИККЕРТ (Rickert) Генрих (1863-1936), немецкий философ, один из основателей баденской школы неокантианства — 50-52, 54-56, 60, 61

Введение в трансцендентальную философию. Киев, 1904 — 50

Границы естественнонаучного образования понятий. Логическое введение в исторические науки. СПб., 1904 (переиздание: СПб., 1997) — 50

Zwei Wege der Erkenntnistheorie [Два направления теории познания] // Kantstudien. Berlin, 1909, Bd. XIV — 56, 60

РИШАР (Richard) Гастон, видный французский социолог, редактор «Revue internationale de sociologie», постоянный автор и рецензент этого журнала, с 1928 г. редактор «Annales de l'Institut internationale de Sociologie» — 480-482

Les crises sociales et les conditions de la criminalité [Социальные кризисы и причины преступности] // L'année sociologique. 1900, vol. III — 480-482

РОБИНЗОН И ПЯТНИЦА, персонажи романа Д. Дефо «Робинзон Крузо» — 314, 315

РОМЭНС, Романес (Romanes) Джордж (1848-1894) английский биолог, один из основателей зоопсихологии, последователь этической концепции Ч. Дарвина, автор книги «О разуме животных» («Animal Intellegence», 1881; переведена на русский язык) — 87, 334

РОССИ (Rossi) Пеллегрино (1878-1948), итальянский социолог и психолог — 278

Psicologia collettiva [Общественная психология]. Milano, 1900 — 278

Sociologia e psicologia collettiva [Социология и общественная психология], 2-е изд. — 278

РУССКАЯ ПРАВДА, памятник древнего русского права, открытый В.Н. Татищевым в 1738 г. в списке Новгородской летописи, написанном в конце XV в. — 379, 410

РУССО (Rousseau) Жан-Жак (1712-1778), французский философ, писатель и композитор — 290, 308, 485

РУФФИНИ (Ruffini) Франческо (1863-1934), итальянский юрист, историк и государственный деятель — 297, 375

La liberta religiosa [Религиозная свобода]. Torino, 1901, т. 1-2 — 297, 375

САВОНАРОЛА (Savonarola) Джироламо (1452-1498), итальянский религиозно-политический деятель, поэт; с 1491 г. приор монастыря Сан-Марко во Флоренции, в 1494 г. способствовал установлению во Флоренции республиканского строя, одновременно с этим выступив с резкой критикой папской политики; в 1497 г. был отлучен от церкви, в ответ на это призвал созвать церковный собор и низложить папу; был арестован флорентийской синьорией и по ее приговору повешен, а труп его сожжен — 143

САКСОНСКОЕ ЗЕРЦАЛО (Sachsenspiegel), наиболее влиятельный средневековый германский судебник, составленный на нижнегерманском наречии в XIII в. — 478

САЛИЧЕСКИЙ ЗАКОН, Салическая Правда (Lex Salica), одна из древнейших и наиболее важная из варварских правд, которая возникла среди северных франков и дошла до нас в многочисленных рукописях — 402

САЛОМЕЯ, по церковному преданию, дочь Иродиады, потребовавшая во время пира от Ирода голову Иоанна Крестителя; персонаж одноименной трагедии О. Уайльда (1883) — 286

САЛЬВИАН (ок. 400 - ок. 480), христианский писатель, епископ и проповедник в Марселе — 476

De gubernatione Dei [Об управлении Божием] — 476
САМНЕР МЕН, Самнер Мэйн (Sumner Main) Генри (1822-1888), английский юрист, историк права, представитель «патриархальной теории» — 402
СЕВЕР Александр Марк Аврелий (208-235), римский император с 222 г.; убит в результате солдатского заговора — 473
СЕНИОР (Senior) Нассау Уильям (1790-1864), английский экономист — 238
СЕРГЕЕВИЧ Василий Иванович (1832-1910), историк русского права, представитель государственной юридической школы, проф. Петербургского университета (с 1872 г.), в 1889 г. — ректор — 267, 376, 380, 385, 396, 407, 410, 413
Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883 — 267, 376, 380, 385, 396, 407, 410, 413
СЕРГЕЕВСКИЙ Николай Дмитриевич (1849-1906), проф. уголовного права Ярославского Демидовского лицея, затем Петербургского университета, сторонник жестких наказаний — 129, 136, 170, 173, 190, 212
Русское уголовное право. Часть общая. СПб., 1908 — 129, 136, 190, 212
СИГЕЛЕ (Sighele) Сципион (1868-1913), итальянский социолог, ученик и последователь Э. Ферри — 278, 339
Преступная толпа. Опыт коллективной психологии. СПб., 1896 (переиздано в сб.: Преступная толпа. М., 1998) — 278, 339
СОКРАТ (ок. 470-399 до н. э.), древнегреческий философ — 56, 97, 98, 149, 151, 178
СОЛОВЬЕВ Владимир Сергеевич (1853-1900), русский философ, поэт и публицист — 419
Оправдание добра (1897) — 419
СОЛОН (ок. 640-560 до н. э.), афинский законодатель и поэт — 409
СОРОКИН Питирим Александрович:
К вопросу об эволюции и прогрессе // Вестник психологии, криминологической антропологии и гипнотизма. 1911, вып. 3 — 484
Символы в общественной жизни. Рига, 1913 — 103, 180, 196
Рец. на кн.: *Вагнер В.* Биопсихология, т. II // Вестник психологии, криминологической антропологии и гипнотизма. 1913, вып. 2 — 319
СПАРТАК, вождь крупнейшего в Риме восстания рабов (74-71 до н. э.), погибший в Апулии — 295, 470
СПЕНСЕР (Spenser) Балдуин (1860-1929), английский этнограф, совместно с Ф. Гилленом изучавший племена Центральной и Южной Австралии — 195, 279, 322, 356, 453
The native tribes of Central Australia [Туземные племена Центральной Австралии]. London, 1899 — 279

The native tribes of South Australia [Туземные племена Южной Австралии]. London, 1902 — 279

СПЕНСЕР (Spencer) Герберт (1820-1903), английский философ, социолог, один из основоположников позитивизма — 77, 82, 141, 148, 165, 239, 323, 325, 326, 328, 332, 339, 349, 366, 369, 370, 393, 427, 485

Основания социологии. СПб., 1898, т. I-II — 77, 168, 239, 325, 349, 369, 370, 393, 427

Научные основания нравственности. СПб., 1896 — 148, 165

Основания биологии, т. I // Собрание сочинений в 7-ми тт. СПб., 1867-1869, т. 6, вып. 9-10— 327

Основания психологии. СПб., 1876, т. 1-4 — 339

Индукции этики. «Мщение» — 370

СПИНОЗА (Spinoza) Бенедикт (1632-1677), нидерландский философ — 49, 373

СТРЕЛОВ, Штрелов (Strehlov) Карл-Фридрих (1871-1922), немецкий этнограф, специалист по изучению мифов, легенд, материальной культуры и обычаев австралийских аборигенов — 195, 279, 322

Die Aranda- und Loritja-Stämme in Zentral-Australien [Племена Аранда и Лоритья Центральной Австралии], 5 vols. Frankfurt/Main, 1907 — 195, 322

СУВОРОВ Николай Семенович (1848-1909), русский юрист, специалист в области церковного (канонического) права, проф. Московского университета — 202, 384

Учебник церковного права. М., 1912 — 202, 384

СУДЕБНИК 1497 (Первый судебник), первый опыт московского законодательства, содержание которого почти исключительно процессуальное; состоит из 68 статей — 409, 410, 479

СУДЕБНИК 1550 г. (Второй судебник, Судебник Ивана IV), содержит 100 статей — 396, 398, 409, 410, 479

СУРЬЯ, одно из главных божеств Вед, источник света и тепла, солнце и божество солнца — 370

СУТЕРЛАНД, Сазерленд (Sutherland) Александр (1852-1902), австралийский натуралист, историк, журналист и литературовед — 289, 307, 487, 488

Происхождение и развитие нравственного инстинкта. СПб., 1900 — 289, 307, 488

СФОРЦА (Sforza) Франческо (1401-1466), кондотьер на службе у Милана, Флоренции и Венеции, в 1450 г. завладел Миланом и, став герцогом, присоединил к Милану большую часть Ломбардии, Бари, Геную; в ноябре 1447 г. после длительной осады, взял штурмом Пьяченцу и предал город разграблению — 425

ТАГАНЦЕВ Николай Степанович (1843-1923), русский криминалист, представитель классического направления в науке уголовного пра-

ва, проф. Петербургского университета, сенатор, академик, член Комиссии по составлению Уголовного уложения 1903 г. — 129, 132, 136, 137, 152, 169, 170, 173, 184, 190

Русское уголовное право. СПб., 1902 — 129, 132, 136, 137, 169, 184, 190

ТАЙЛЕР (Tyler) Уот, руководитель крестьянского восстания в Англии в 1381 году — 470

ТАЛМУД (евр.: «учение»), сборник документов иудейского гражданского и церковного права, богослужебных уставов, этических норм, афоризмов, притч и легенд (рус. перевод: СПб., 1899-1904, т. 1-6) — 193

ТАМЕРЛАН, Тимурленг (1336-1405), средневековый полководец-завоеватель, эмир — 295, 423

ТАРД (Tarde) Габриэль (1843-1904), французский социолог, один из основоположников социальной психологии и главных представителей психологического направления в социологии — 78, 81, 86, 152, 235, 243, 253, 270, 271, 296-298, 339, 364, 366, 419, 420, 444

Etudes de psychologie sociale [Очерки социальной психологии]. Paris, 1908 — 78, 81, 86

La philosophie pénale [Философия наказания]. Paris, 1891 — 235, 243, 253, 271

Законы подражания. СПб., 1892 — 81, 420

La criminalite comparée [Сравнительная преступность]. Paris, 1886 — 152

Преступник и преступление. М., 1906 — 152, 298

Социальные законы. СПб., 1906 — 420

La psychologie et le sociologie // Annales des sociologie, vol. X — 81

ТАХТАРЕВ Константин Михайлович (1871-1925), историк первобытной культуры и социолог, в 1890-1900 гг. участник революционного движения, с 1897 г. в эмиграции; ученик и последователь М.М. Ковалевского; с 1917 г. преподавал в Петроградском университете, с 1924 г. сотрудник института К. Маркса и Ф. Энгельса — 195, 279

Очерки по истории первобытной культуры. СПб., 1907 — 195, 279

ТАЦИТ Публий Корнелий (ок. 58 - ок. 117), римский историк — 167, 453, 477

De origine, situ, moribus ac populis Germanorum [О происхождении и обычаях германцев] — 477

ТЕВКР (*миф.*), участник Троянской войны, единокровный брат Аякса Теламонида, считавшийся лучшим лучником; после войны был изгнан отцом за то, что не отомстил грекам за смерь брата; после долгих скитаний основал на о. Крит город Саламин — 216

ТЕГУТИ-ПТА, Птах (*миф.*), в древнеегипетской религии в эпоху Древнего Царства (III тыс. до н. э.) верховный бог, создатель всего сущего и владыка богов — 192

ТЕЙЛОР, Тайлор (Tylor) Эдуард Бернет (1832-1917), английский этнограф, исследователь первобытной культуры — 191, 192, 196, 200-203, 245, 249, 272, 324, 367, 368, 433

Антропология (1881) (в рус. переводе: Введение в изучение человека и цивилизации. 4-е изд., 1924) — 191
Первобытная культура (1871) (рус. перевод: СПб., 1896; М., 1939; М., 1989) — 192, 196, 201-203, 245, 249, 272
История культуры. СПб., 1896, т. I-II — 342, 368, 433
ТЕНИССЕН (Thönissen) Жан Жозеф (1817-1891), бельгийский правовед, историк права и политический деятель, проф. университета в Лувене, автор исследования «Le droit pénal de la republica Athenien» [Уголовное право афинской республики]. Paris, 1875 — 267
ТЕННИС (Tönnies) Фердинанд (1855-1936), немецкий социолог и историк философии, один из основоположников социологии в Германии — 81, 82
Gemeinschaft und Gesellschaft. Jena, 1887 [рус. перевод: Община и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб., 2002] — 82
Sociologie et psychologie [Социология и психология] // Annales de l'Institut Internationale de Sociologie. 1908, т. X — 82
Notions fondamentales de sociologie pure [Основные понятия чистой социологии // Annales de l'Institut Internationale de Sociologie. 1899, т. VI — 82
ТИТ Флавий Веспасиан (39-81), римский император (с 79 г.) из династии Флавиев, в 73-79 гг. соправитель своего отца Веспасиана; во время Иудейской войны командовал римскими войсками, которые разрушили Иерусалим — 422
ТОКВИЛЬ (Tocqueville) Алексис де (1805-1859), французский социолог, историк и политический деятель — 444
ТОЛСТОЙ Лев Николаевич (1828-1910), русский писатель и мыслитель — 115, 220, 373, 450
ТОМАЗИЙ (Thomasius) Кристиан (1655-1728), немецкий юрист, философ-просветитель, сторонник школы естественного права — 373
ТОРКВЕМАДА (Torquemada) Томас (1420-1498), глава испанской инквизиции, по приговорам которого было сожжено или казнено другими способами несколько тысяч человек — 152, 296, 374
ТРАЯН Марк Ульпий (53-117), римский император (с 98 г.) из династии Антонинов — 476
ТРУБЕЦКОЙ Евгений Николаевич (1863-1920), князь, русский философ, правовед и общественный деятель — 50, 69
Энциклопедия права. М., 1908 (2-е изд. 1913) — 69
ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ Михаил Иванович (1865-1919), русский экономист, историк — 48, 219, 238
Основы политической экономии. СПб., 1909 — 219, 238
ТУКЛА-ПАЛАССАР, Тиглатпаласар I, царь Ассирии в 1151-1079 гг. до н. э. — 293, 422

ТУЛЬП Николаи, исследователь, занимавшийся изучением детей, выросших вне человеческого общества — 315

ТШАКА, Чака (ок. 1787-1828), зулусский правитель, во время правления которого были заложены основы государственности у зулусов; в последние годы жизни, добившись неограниченной власти, превратился в деспота и был убит заговорщиками — 456, 457

ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ, арабские народные сказки (СПб., 1903, т. IV: «Калмар и сведущая Халима») — 394

ТЭН (Taine) Ипполит (1828-1893), французский философ, эстетик, историк, литературовед, социальный мыслитель — 459, 460

Происхождение общественного строя современной Франции». 1907, т. 1-5 — 459, 460

УГОЛОВНОЕ УЛОЖЕНИЕ 1903 г., уголовный кодекс дореволюционной России — 408, 413

УЛОЖЕНИЕ ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА, свод законов, утвержденный земским Собором 1649 года — 396, 409, 410, 479

УОРД (Ward) Лестер Фрэнк (1841-1913), американский социолог, основоположник психологического эволюционизма в США, первый президент Американского социологического общества — 78,81, 82, 86, 329, 337

Sociologie pure [Чистая социология]. Paris, 1906, т. 1 — 78, 82, 86

Очерки социологии. М., 1901 — 329

Психические факторы цивилизации. М., 1897 — 329, 337

Динамическая социология [Dynamic sociology or applied social science as based upon statistical sociology and the less complex sciences. New York, 1883] — 329

УТИН Яков Исаакович (1839-1916) предприниматель, по образованию юрист, вместе с И.М. Лазаревским напечатал «Собрание важнейших памятников по истории древнего русского права» (СПб. 1859), в состав которого входит «Дополнительный указ к судебнику Ивана IV» (у П.А. Сорокина — доп. указ) — 394

ФАЙСОН (Fison) Лоример (1832-1907), английский миссионер и этнограф, работавший на островах Фиджи и в Австралии, ученик Л.Г. Моргана, соавтор (вместе с А.В. Хауиттом) книги «Kumilaroi and Kurnai» (Melbourne, 1880) — 279

ФЕРРИ (Ferri) Энрико (1856-1929), итальянский криминалист, последователь Ч. Ломброзо — 144, 148-150, 197, 229, 240, 253, 258, 489

Уголовная социология. СПб., 1910, т. I-II — 144, 145, 147-150, 155, 229, 240

ФЕТИДА (*миф.*), дочь морского старца Нерея, жена Пелея, мать Ахиллеса; на ее свадьбе произошел спор трех богинь из-за «яблока раздора» — 166

ФИЛИПП IV Красивый (1268-1314), французский король с 1285 г. — 413

ФИНН (Fynn) Гетри Фрэнсис (1803-1861), английский путешественник, исследователь Южной Африки, в начале 20-х гг. посетил зулусского царя Тшаку (Чаку), о чем оставил ценное свидетельство: «The Diary of H.F. Fynn» (в кн.: *Bird J.* The Annals of Natal. 1495-1845. Pietermaritzburg, 1888) — 456, 457

ФИНО (Finot) Жан (1856-1922), французский антрополог и публицист — 151

Le préjugé des Rases [Расовые предрассудки]. Paris, 1905 — 151

Агония и смерть человеческих рас. М., 1913 — 151

ФИХТЕ (Fichte) Иоганн Готлиб (1762-1814), немецкий философ — 373

ФИШЕР (Fisher) Ирвинг (1867-1947), американский экономист и статистик — 421

ФОЙГТ (Voigt) Мориц (1826-1905), немецкий юрист, профессор в Лейпциге, автор сочинений по истории римского права, в частности «Die XII Tafeln» [XII таблиц] (1883-1884) — 402

ФОЙНИЦКИЙ Иван Яковлевич (1847-1913), проф. Петербургского университета, специалист в области уголовного права, уголовного процесса и тюрьмоведения — 132, 136, 137, 152, 170, 173, 414, 416

Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. СПб., 1889 — 136, 137, 152, 170, 173, 414,416

ФРИДРИХ II Великий (1712-1786), прусский король с 1740 г., полководец и реформатор — 475

ФРИЧЕ Владимир Максимович (1870-1929), философ, искусствовед и литературовед, впоследствии академик АН СССР — 368

ФРЭЗЕР, Фразер (Frazer) Джеймс Джордж (1854-1941), английский этнолог и историк религии — 195, 279, 322, 367, 433

Totemism and Exogamy [Тотемизм и экзогамия]. London 1910, vol. 1-4 — 195, 322

ФУГГЕР Якоб II (1459-1525), по прозвищу Богатый, представитель знаменитого во всей Европе XV-XVI вв. семейства финансистов, с которого и начинается его восхождение; он успешно торговал с Левантом (странами восточного Средиземноморья), занимался горным делом, контролировал рынок меди в Венеции, основал ряд филантропических учреждений; был финансистом императоров Максимилиана и Карла V, причем последний обязан Фуггеру своим избранием на императорский престол, что спровоцировало громкий европейский скандал, а также рядом военных побед, в том числе при Павии в 1525 г. — 460

ФУЛЬЕ (Fouillée) Альфред (1838-1912), французский философ, социолог и психолог, представитель органической школы в социологии — 50, 78

Les élémentes sociologiques de la morale [Социологические элементы морали]. Paris, 1905 — 50, 78

ФЮСТЕЛЬ ДЕ КУЛАНЖ (Fustel de Coulanges) Нума Дени (1830-1889), французский историк античности и феодализма — 244
Гражданская община древнего мира (рус. перевод: 1867) — 244

ХАМ (*библ.*), сын Ноя, потомство которого было проклято Ноем за его недостойное поведение (см.: Быт. 9, 22-25) — 193, 371
ХАММУРАПИ, царь Вавилонии в 1792-1750 гг. до н. э., во время царствования которого был создан свод законов Вавилонии (стела с записью законов была обнаружена в 1901-1902 гг. на месте древнего города Сузы) — 161, 255, 391, 401, 402, 407, 411, 449
La loi de Hammourabi [Законы Хаммурапи] (Paris, 1904), состоят из пролога, 282 статей и эпилога (рус. перевод: Вестник древней истории. 1952. № 3; Хрестоматия по истории Древнего Востока. 1963, с. 196-219) — 161, 255, 391, 401, 402, 407, 411, 449
ХАРОН (*миф.*), сын Эреба и Ночи, старик, который перевозит тени умерших через Стикс (или Ахеронт), получая за это один обол, который клали в рот умершему — 203
ХАРУЗИН Николай Николаевич (1865-1900), русский этнограф и историк, первым в России начавший читать курс этнографии в Московском университете и Лазаревском институте восточных языков — 195, 196, 249, 279, 368, 433, 455
Этнография. М., 1905, т. IV — 195, 196, 249, 279, 369, 433, 455
ХАУИТТ (Howitt) Альфред Уильям (1830-1908), австралийский этнограф, автор книг «Kamilaroi and Kurnai» [Камиларои и курнаи] (в соавторстве с Л. Файсоном; Melbourn, 1880) и «The native tribes of south-east Australia» [Туземные племена юго-восточной Австралии] (London, 1904) — 279, 453
ХИТЦИГ (Hitzig) Эдуард (1838-1907), немецкий психолог, проф. университетов в Цюрихе и Галле — 372
Zum ältesten Strafrecht der Kulturvolker [О древнем уголовном праве культурных народов]. Leipzig, 1905 — 372
ХРИЗ (*миф.*), троянский жрец, который пришел в лагерь ахейцев с предложением принять выкуп за пленную дочь — 201
ХРИСТОС — см. Иисус Христос
ХУАРРОС, Хуаррос-и-Монтуфар (Juarroz y Montúfar) Доминго (1753-1821), испанский этнограф, исследовавший нравы и обычаи индейцев племени «киче», населяющих крайние западные районы Гватемалы — 393

ЦЕЗАРЬ Гай Юлий (102/100-44 до н. э.), римский политический деятель, полководец и писатель — 295, 396, 422
ЦЕРБЕР (*миф.*), трехглавый пес, охраняющий вход в Аид — 203
ЦИГЕН (Ziehen) Теодор (1862-1950), немецкий философ и психолог — 339

ЧАЙКОВСКИЙ Петр Ильич (1840—1893), русский композитор — 99
Осенняя песня (из цикла «Времена года», 1875) — 99
ЧЕРРИ (Cherry) Ричард Роберт (1859-1923), английский историк права, профессор — 267, 377, 379, 380
Развитие карательной власти в древних обществах. СПб., 1907 (перевод, предисловие и примечания П.И. Люблинского) — 377, 379, 380
ЧЕТЬИ-МИНЕИ, произведения русской церковно-исторической и духовно-учительной литературы, в которых, по порядку месяцев (отсюда их название — минеи, от греческого слова ì Þ í) и дней каждого месяца, излагаются повествования о жизни святых православной церкви — 245
ЧЕХОВ Антон Павлович (1860-1904), русский писатель — 101
ЧИНГИСХАН (ок. 1155-1227), основатель единого Монгольского государства, полководец-завоеватель — 295, 423, 425
ЧУБИНСКИЙ Михаил Павлович (1871-1943), русский юрист, сын этнографа П.П. Чубинского, профессор ряда российских университетов — 173, 387
Курс уголовной политики. Ярославль, 1909, ч. II и ч. III — 173, 387

ШАЛЯПИН Федор Иванович (1873-1938), русский певец — 266
ШАХОВ Николай Александрович, брат историка литературы А.А. Шахова (1850-1877), домовладелец и меценат, почетный член совета Общества для пособия нуждающимся студентам Московского университета; неизменный и щедрый жертвователь на нужды образования неимущих — 125
ШВАБСКОЕ ЗЕРЦАЛО (Schwäbenspiegel), немецкий законодательный памятник последней трети XIII в., содержащий постановления исключительно общеземского (Landrecht) и ленного (Lehnrecht) права и отбрасывающий нормы министериального, сеньорального и городского права — 478
ШЕКСПИР (Shakespeare) Уильям (1564-1616), английский драматург и поэт — 253, 254
Макбет (1606) — 254
ШЕЛЛИНГ (Schelling) Фридрих Вильгельм Йезеф (1775-1854), немецкий философ, представитель немецкой классической философии — 373
ШЕФТСБЕРИ (Shaftesbury) Энтони Эшли Купер (1671-1713), английский философ-моралист, эстетик — 373
ШИЛЛЕР (Schiller) Фердинанд Каннинг Скотт (1864-1937), английский философ-прагматист — 61
Studies in humanism [Исследования о гуманизме]. London, 1907 — 61
ШИЛЛЕР (Schiller) Фридрих (1759-1805), немецкий поэт, философ и историк — 367, 373

ШЛЕЙЕРМАХЕР (Schleiermacher) Фридрих (1768-1834), немецкий философ и теолог — 373

ШМОЛЛЕР (Schmoller) Густав (1838-1917), немецкий экономист, один из основоположников исторической школы политэкономии — 219

ШОПЕНГАУЭР (Schopenhauer) Артур (1788-1860), немецкий философ — 240

Aphorismen zur Lebensweisheit (рус. перевод: Афоризмы житейской мудрости. СПб., 1914; переиздание: М., 1990) — 240

ШПИГЕЛЬ (Spiegel) Фридрих (1820-1905), немецкий иранист, переводчик «Авесты» на немецкий язык — 193, 249, 370, 458

ШПИЛЬМАН (Spielman) Христиан (1861-1917) немецкий синолог, автор исследования «Die Taiping Revolution in Chine. 1850-1864» [Тайпинская революция в Китае]. Halle, 1900 — 423

ШТАММЛЕР (Stammler) Рудольф (1856-1938), немецкий теоретик права, неокантианец, близкий к катедер-социалистам — 50, 51, 55, 78, 82, 83

Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. СПб., 1907, т. I-II — 50, 78

Theorie der Rechtswissenschaft [Теория науки о праве]. Halle, 1911 — 50, 51, 83

ШТЕЙНМЕЦ (Steinmetz) Рудольф (1862-1940), голландский историк права, этнолог и социолог, проф. антропологии и социологии в Утрехте — 173, 290, 292, 295, 367, 369, 376, 377, 380-382, 384, 420-428

Die Etnologische Studien zum Ersten Entwicklung der Strafe [Этнологические очерки о первоначальном развитии наказания]. 1894, т. I, ч. 1-4 — 173, 367, 376, 380, 382

Die Philosophie des Krieges. Leipzig, 1907 (рус. перевод: Философия войны. Пг., 1915) — 290, 292, 295, 369, 420-426, 428

ЭДИП, в греческой мифологии сын фиванского царя Лая и Иокасты; дельфийский оракул предсказал, что в будущем Эдип станет убийцей своего отца и супругом матери, поэтому отец приказал бросить его на съедения зверям, но Эдип, найденный пастухами, был отдан на воспитание бездетному коринфскому царю Полибу, который воспитал его как сына; в Фокиде Эдип встретил на перекрестке дорог своего отца Лая и убил его, не зная, что убил отца; он освободил Фивы от Сфинкса, решив его загадку, стал там царем и женился на Иокасте; узнав истину, он ослепил себя. В античной литературе миф об Эдипе разрабатывал Софокл, написавший трагедии «Эдип-царь» и «Эдип в Колоне» — 383

ЭККЛЕЗИАСТ, Екклесиаст (*библ.*), предполагаемый автор одноименной книги, вошедшей в канонический текст Ветхого Завета — 485

ЭКХАРТ (Eckhart) Иоганн (Майстер Экхарт) (ок. 1260-1327/1328), немецкий философ-мистик — 373
ЭЛИАН — см. Аманд и Элиан
ЭЛЬМАНОВИЧ С.Д., русский ориенталист, переводчик «Законов Ману» — 132
ЭНГЕЛЬ (Engels) Эрнст (1821-1896), немецкий статистик — 421
ЭНГЕЛЬС (Engels) Фридрих (1820-1895), немецкий философ, историк, публицист, соратник К. Маркса — 94
ЭСПИНАС (Espinas) Виктор Альфред (1844-1922), французский философ и социолог, сторонник эволюционной теории — 78, 81, 87, 334
Социальная жизнь животных. Опыт сравнительной психологии с прибавлением краткой истории социологии. СПб., 1898 — 78, 81
Être ou ne pas être [Быть или не быть] //Revue philosophique. 1901, vol. LI, — 81
ЭТЦЕЛЬ, персонаж «Песни о Нибелунгах», король гуннов — 383

ЮКА, семейство преступников, которое за неполные сто лет произвело 200 воров и убийц, 90 проституток и около 300 человек, страдавших от умственных и физических расстройств (история семьи описана М. Гюйо в книге «Воспитание и наследственность») — 262
ЮСТИ (Justi) Иоганн Генрих Готлиб (ум. 1771), немецкий экономист, проф. Геттингенского университета — 161, 298
ЮСТИНИАН I (483-565), византийский император, которому приписывается составление кодекса римского права, известного под названием «Институций Юстиниана» — 396

ЯН ВЫШАТИЧ, киевский тысяцкий, сын Вышаты, воеводы великого князя Ярослава Владимировича; в 1070 г., собирая в Ростовской области дань для Святослава Ярославича, на Белоозере казнил двух кудесников, обманывавших народ — 376

ANNALES DE L'INSTITUT INTERNATIONALE DE SOCIOLOGIE. 1913, vol. XIV: Le progrus — 72, 484, 486
BAUER A. Essai sur la logique de l'education morale // Revue... de sociologie. 1912, № 2 — 257
BAUER A. Essai sur les revolutions. Paris, 1906 — 288, 467
BOHN — см. Бон
BELL — см. Белл
BUISSON — см. Бюиссон
CAPART — см. Капар[т]
CODICIS THEODOSIANI — см. Кодекс Феодосия
HEGER Paul — 262

HELBING F. Die Tortur. Geschichte der Folter im Kriminalverfahren aller Volke [Пытка. История пытки в судопроизводстве разных народов]. Berlin, Bd. I-II — 414, 415

HITZIG — см. Хитциг

HOVELACQUE — см. Говелак

JOCH — см. Иох

LAGNEAU — см. Ланьо

MAYER O. — см. Майер О.

MAYER-HOMBERG E. Die fränkischen Volksrechte im Mittelater [Франконское народное право в Средние века]. 1912, Bd. I — 408

MEYER A. Das Verbrechen in seinera Zusammenhang mit dem wirtschaftlichen und sozialen Verhalten [Преступление в его связи с экономическими и социальными отношениями]. 1895 — 480

PIERRE DE CASTELNAU et RAOUL — см. Кастельно и Рауль

REIN W. Das Kriminalrecht der Römer von Romulus bis auf Justinian [Уголовное право римлян от Ромула до Юстиниана]. Leipzig, 1844 — 408

SPIEGEL — см. Шпигель

SPIELMAN — см. Шпильман

THÖNISSEN — см. Тениссен

Составители — В.В. Сапов, Б.Л. Рубанов

СОДЕРЖАНИЕ

В.В. Сапов. В НАЧАЛЕ «ДЛИННОГО ПУТИ»
(Первая книга Питирима Сорокина) 5

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И КАРА, ПОДВИГ И НАГРАДА

ПРЕДИСЛОВИЕ ПРОФ. М.М. КОВАЛЕВСКОГО 41

ПРЕДИСЛОВИЕ 45

ВВЕДЕНИЕ 49

Книга первая. СИСТЕМАТИКА АКТОВ ПОВЕДЕНИЯ

Глава I. СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ 77
§ 1. Природа социального явления 77
§ 2. Две стороны социального явления:
внутренне-психическая и внешне-символическая 96
§ 3. Условия возможности правильного психического
взаимодействия 105

Глава II. КЛАССИФИКАЦИЯ АКТОВ ПОВЕДЕНИЯ 112
§ 1. Три основные формы актов поведения 112
§ 2. Три основные формы реагирования
на чужие поступки 123

Глава III. ПРЕСТУПЛЕНИЕ И ПОДВИГ 128
§ 1. Преступление 128
§ 2. «Подвиг» 160

Глава IV. НАКАЗАНИЕ И НАГРАДА 168
§ 1. Наказание и награда и их связь с преступлением и подвигом 168
§ 2. Условия «вменения» преступления и подвига 176
§ 3. Об элементах преступного и услужного акта 189
§ 4. Внешняя однозначность преступления и наказания, подвига и награды 205
§ 5. Классификация подвигов и наград (преступлений и наказаний) 213
§ 6. Шаблонизация кар и наград 224

Книга вторая. ФУНКЦИИ КАР И НАГРАД

Глава V. ВЛИЯНИЕ КАР И НАГРАД НА ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА 229
§ 1. Мотивационное действие наград и наказаний 229
§ 2. Основные теоремы мотивационного влияния наказаний и наград на поведение людей 235
§ 3. Дрессирующее влияние кар и наград 269

Глава VI. СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ КАР И НАГРАД 273
§ 1. Социальная борьба как следствие и симптом антагонизма моральных убеждений 273
§ 2. Внутригрупповая роль санкций 277
§ 3. Внегрупповая роль кар и наград 289

Книга третья. ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ОСНОВНЫХ ФОРМ ПОВЕДЕНИЯ

Глава VII. КАК ВОЗНИКАЕТ И ИЗМЕНЯЕТСЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ГРУППЫ 305
§ 1. Теории «механистов и финалистов» 305
§ 2. Бессознательное возникновение социальной организации 326
§ 3. Почему бессознательные взаимоотношения становятся сознательными? 338
§ 4. Схема общественной эволюции 350

Глава VIII. ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КАР И НАГРАД 361

§ 1. Исторические тенденции, вытекающие из предыдущего 361
§ 2. Тенденция прогрессирующей быстроты социальной эволюции 364
§ 3. Историческая тенденция падения кар 366
§ 4. Историческая тенденция падения наград 429

Глава IX. ЗАКОН КОЛЕБАНИЯ КАР И НАГРАД 464

Глава X. ПРОГРЕСС ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ 484

ПРИЛОЖЕНИЯ 495

Н. Тоцкий 497
А.Л. Погодин 501
Александр Гизетти. НОВЫЙ ТРУД ПО СОЦИОЛОГИИ 502
Т. Райнов 506
И. Михайлов 511
Н. Кондратьев 513
В.М. Чернов. НАУЧНОЕ ПОСТРОЕНИЕ ИДЕАЛОВ И ЧИСТОЕ ПОЗНАНИЕ 515
Степан Лунин. ПРЕСТУПЛЕНИЕ И КАРА, ПОДВИГ И НАГРАДА *ПИТИРИМА СОРОКИНА* 515

КОММЕНТАРИИ 551

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 574

Социологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова и Издательская группа «АСТ» представляет новую книжную серию «Социальная мысль России»

Сейчас, когда Россия мучительно ищет свой путь в неведомое будущее, нам всем, как никогда прежде, необходимо осмысление собственного прошлого, необходима общезначимая и приемлемая для всех точка зрения на социальную историю нашей страны, а ее невозможно выработать без основательного знакомства с социальной мыслью России.

Одна из главных задач, которую ставит перед собой **новая книжная серия «Социальная мысль России»,** именно в этом и состоит. Опасная тенденция, обозначившаяся в этой области за последнее десятилетие, заключается в том, что у нас, как всегда, «возрождение» одних сопровождается «забвением» других. Если в прошлом, при Советской власти, из научного оборота практически были выведены (если не запрещены) такие имена, как В.С. Соловьев, братья Трубецкие, авторы «Вех» и многие другие, то теперь процесс их возвращения в контекст истории российской социальной мысли сопровождается довольно интенсивным процессом оттеснения в Лету таких мыслителей, как Герцен, Чернышевский, Плеханов и т. д.

Кого мы собираемся издавать? В серии будут представлены, по возможности, все направления, течения и школы, существовавшие в России: западники и славянофилы, либералы и консерваторы, народники либерального и революционного толка, позитивисты, марксисты и неокантианцы, анархисты и государственники. Особой строкой нужно выделить такие направления, как «веховство», «сменовеховство», «евразийство», социальная мысль русской эмиграции (интеллектуальные центры которой в разные периоды находились в Чехословакии, Германии, Франции, США, Аргентине и даже сохранившемся в Китае «осколке» Российской империи русском Харбине). Все перечисленное относится к периоду с начала XIX до середины XX вв.

Как мы собираемся издавать? С формальной стороны мы будем стремиться к тому, чтобы книги, изданные в серии **«Социальная мысль России»**, максимально приближались к изданиям академического типа. Каждый том будет снабжен справочным аппаратом: вступительной статьей, комментариями и указателем имен. В приложениях будут помещены критические отзывы на первые издания книг, материалы полемики, а также библиография (по возможности полная) данного автора.

По всем вопросам, связанным с приобретением и заказом книг серии «Социальная мысль России», вы можете обращаться в отдел реализации учебной литературы издательства «Астрель» Издательской группы «АСТ».

Телефон/факс: (495) 232-1704, 615-5310
E-mail: educ@astgroup.ru
Интернет-сайт: www.ast.ru

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ISBN 5-271-13279-X

9 785271 132797

Научно-популярное издание

Сорокин Питирим Александрович

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И КАРА, ПОДВИГ И НАГРАДА

Составление,
научное комментирование и редактирование
В.В. Сапов

Художественный редактор
О.Н. Адаскина

Компьютерный дизайн
С.В. Шумилин

Компьютерная верстка
Р.В. Рыдалин

Подписано в печать 10.03.06. Формат 60x90 $^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 39,0.
С.: Социальная мысль России. Тираж 1 500 экз. Заказ 2538.

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 — научная и производственная литература

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.2005 г.

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, проезд Ольминского, 3а

Издание осуществлено при техническом содействии
ООО «Издательство АСТ»

Издано при участии ООО «Харвест».
Лицензия № 02330/0056935 от 30.04.2004.
РБ, 220013, Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Республиканское унитарное предприятие
«Минская фабрика цветной печати»
220024, г. Минск, ул. Корженевского, 20.